

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1863.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)

ЧАСТЬ CXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

ПРАВИЛА

ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ СТАТЕЙ ВЪ ЖУРНАЛѢ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. Въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, кромѣ правительственныхъ распоряженій по сему министерству и другихъ оффиціальныхъ извѣстій, помѣщаются еще статьи слѣдующаго содержанія:

а) Теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по разнымъ вопросамъ изъ области педагогики и дидактики.

б) Статьи съ изложеніемъ и оцѣнкою методовъ преподаванія по предметамъ, входящимъ въ курсъ среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

в) Описанія, особенно критическія, разнаго рода воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи.

г) Біографіи и автобіографіи, въ которыхъ выражается вліяніе воспитанія на характеръ и жизнь человѣка.

ж) Критическіе разборы педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

з) Критическіе разборы русскихъ и иностранныхъ ученыхъ сочиненій, если они по своему содержанію могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность.

и) Статьи и монографіи по всѣмъ наукамъ, могущія служить матеріаломъ для преподаванія уроковъ, преимущественно въ среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

2. По всѣмъ этимъ отдѣламъ въ журналѣ министерства могутъ быть печатаемы, кромѣ статей оригинальныхъ, и переводы особенно замѣчательныхъ статей иностранныхъ, а также извлеченія и компиляціи изъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій.

3. Статьи, сообщаемыя для помѣщенія въ журналѣ министерства, разсматриваются и одобряются къ печатанію редакціею жур-

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

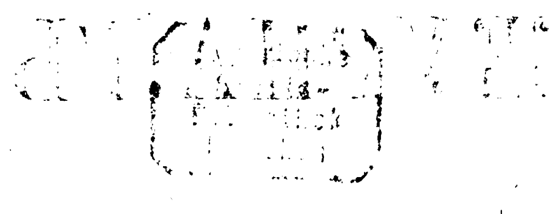
ЧАСТЬ CXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ началѣ Февраля мѣсяца сего года, выйдетъ и разошлется подписчикамъ, какъ приложеніе къ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія:

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ;

Первый періодъ: отъ паденія з. р. и. до Карла Великаго (VI, VII и VIII столѣтія).

М. Стасюлевича.

Полное изданіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ; въ составъ слѣдующихъ двухъ войдутъ два послѣдніе періода, отъ Карла Великаго до конца XV вѣка.

Выходящій нынѣ изъ печати *первый томъ* (объемомъ около 40 листовъ) состоитъ изъ двухъ главныхъ частей:

I. Введеніе, въ трехъ отдѣлахъ: а) *въ первомъ отдѣлѣ* представлены «Общія понятія о наукѣ вообще и объ исторической наукѣ въ особенности», какъ они были выражены лучшими представителями и двигателями европейской мысли въ послѣднія три столѣтія, начиная отъ Ж. Б. Вико, отца фи-

лософіи исторіи, до современнаго намъ Бокля; — d) *во второмъ отдѣлѣ* помѣщена подробная картина «Древняго міра въ эпоху паденія з. р. имперіи», составленная изъ показаній такихъ современниковъ-очевидцевъ, какъ Сальвіанъ, Сидоній-Аполлинарій и др., и изъ изслѣдованій новѣйшихъ ученыхъ, основывавшихъ свои взгляды на критической разработкѣ древнихъ памятниковъ; и с) *въ третьемъ отдѣлѣ* — картина «Новаго міра въ эпоху паденія з. р. и.», въ двухъ его представителяхъ, первоначальной христіанской общинѣ и германской дружинѣ, какъ онѣ были изображены современниками и изучены новѣйшими писателями.

II. История перваго періода отъ паденія з. р. и. до Карла В. (VI, VII и VIII ст). въ пяти отдѣлахъ, по пяти главнымъ національностямъ западной Европы:

A. **Германія.**
B. **Италія.**
C. **Испанія.**
D. **Британія,** — и
E. **Галлія.**

Въ самомъ началѣ періода помѣщенъ «Историческій очеркъ» всей эпохи, точно также и каждому отдѣлу предшествуетъ подобный же спеціальный очеркъ страны. Въ этихъ очеркахъ заключается общій взглядъ на значеніе эпохи или страны, съ краткимъ изложеніемъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшихъ событій, исторіографіею народа и указаніемъ источниковъ и лучшихъ пособій. Самая же исторія той или другой страны изображается въ главныхъ своихъ моментахъ такъ, какъ она была понята и изображена современниками или лицами, ближайшими къ описываемому событію, и разработана лучшими историческими дѣятелями нашего времени. Юлій-Цезарь, Страбонъ, Тацитъ, Амміанъ-Марцеллинъ, Григорій-Турскій, Іорданъ, Кассіодоръ, Бэда-Преподобный, Павелъ-Дьяконъ

Варнефридъ и др., по очереди разсказываютъ видѣнное и слышанное, или прочтенное ими въ древнихъ сказаніяхъ, отражая въ своемъ повѣствованіи и притязанія партій, волновавшихъ тогдашнее общество, и его наивный способъ воззрѣнія на окружавшіе предметы. Рядомъ съ такими писателями помѣщены новѣйшія изслѣдованія, относившіяся критически къ показаніямъ тѣхъ современниковъ. При каждомъ писателѣ находится біографическій очеркъ его жизни, которымъ объясняется причина того или другаго воззрѣнія автора на описываемый имъ предметъ, и библіографическій указатель лучшихъ изданій и монографій для тѣхъ, кто желалъ бы ближе познакомиться съ авторомъ и его произведеніями.

Вотъ для примѣра подробное оглавленіе одного изъ отдѣловъ второй части:

D. **Британія.**

Историческій очеркъ страны.

62. О характерѣ древней цивилизаціи Англіи. *Маколей.*
63. О кельтической образованности. *Ренанъ.*
64. Кельтическія легенды:
    - I. Тристанъ и Артуръ. *Изъ Мабиногіона.*
    - II. Овенъ и Артуръ. *Изъ Мивиріана.*
65. Переселеніе Саксовъ въ Британнію. *Витикиндъ.*
66. Утвержденіе католичества въ Англіи. *Бэда.*
67. О характерѣ католичества въ Англіи. *Ав. Тьерри.*
68. Распространеніе христіанства въ Нортумберландѣ. *Ав. Тьерри*, и т. д.

Это изданіе, какъ показываетъ самое содержаніе перваго тома, имѣетъ своею цѣлью служить учебнымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи и книгою для историческаго чтенія, при которомъ преподаватель можетъ найти средство содѣйство-

вать развитію учащихся, знакомя ихъ не съ однимъ условнымъ формулированіемъ данныхъ исторической науки въ томъ или другомъ учебникѣ, но, такъ сказать, съ самою ея жизнью и пріемами научной критики.

Къ первому тому прилагаются: 1) Общій очеркъ исторіографіи среднихъ вѣковъ; 2) Указаніе важнѣйшихъ сборниковъ средневѣковой исторической литературы, и 3) Карта западной Европы, предъ завоеваніемъ Испаніи Маврами, 711 года.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (5-го ноября 1862 года). *О врачахъ при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить министерству народнаго просвѣщенія опредѣлять при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ особыхъ врачей безъ жалованья, но съ правами службы, присвоенными медицинскимъ чиновникамъ.

2. (28-го ноября 1862 года). *О раздѣленіи Витебской дирекціи училищъ на Витебскую и Динабургскую.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ о подраздѣленіи Витебской дирекціи училищъ на двѣ дирекціи: Витебскую и Динабургскую, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Витебскую дирекцію училищъ составить изъ уѣздовъ: Витебскаго, Лепельскаго, Полоцкаго, Себежскаго, Невельскаго, Городецкаго, Суражскаго и Велижскаго.

2) Динабургскую дирекцію училищъ составить изъ уѣздовъ: Динабургскаго, Рѣжицкаго, Люцинскаго и Дриссенскаго.

3) Дриссенскія училища и Освейскую учебно-воспитательную школу Гильзено-Шадурскихъ подчинить прямому надзору директора Динабургской дирекціи, такъ какъ Дрисса и мѣстечко Освеи ближе къ Динабургу, нежели къ Рѣжицѣ.

4) Директору училищъ Динабургской дирекціи назначить на разъѣзды для осмотра училищъ 250 руб.

5) На жалованье канцелярскому служителю при канцеляріи Динабургской дирекціи, по существующимъ штатамъ, назначить 180 руб.

6) На канцелярскіе припасы прибавочныхъ 70 руб.

7) Исчисленные выше 500 руб., впредь до утвержденія новыхъ штатовъ, отнести на экономическую сумму всей настоящей Витебской дирекціи училищъ.

Означенныя предположенія, согласно заключенію главнаго правленія училищъ, Высочайше разрѣшено привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1863 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

(19-го ноября 1862 года). Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать кавалерами орденовъ: Бѣлаго Орла — тайныхъ совѣтниковъ: попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа *Делянова* и ректора Императорскаго Московскаго университета *Альфонскаго;* Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: попечителя Дерптскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, графа *Кейзерлинга*, члена главнаго правленія училищъ *Воронова*, помощника попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа *Корнилова*, ординарныхъ академиковъ

Императорской академіи наукъ *Броссе* и *Миддендорфа*, экстраординарнаго академика той же академіи *Перевощикова*, окружнаго инспектора учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа *Максимовича* и ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета *Калениченко;* Св. Владиміра 3-й степени: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: ординарнаго академика Императорской академіи наукъ *Фрицше*, старшаго цензора комитета цензуры иностранной *Роде*, заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета *Фишера-фонъ-Вальдгейма*, ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — декана *Анке*, С.-Петербургскаго — *Савича*, Казанскаго — *Вагнера*, статскихъ совѣтниковъ: инспектора казенныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа *Сахарова;* ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — *Варвинскаго*, Казанскаго — *Котельникова* и почетнаго попечителя Виленскаго дворянскаго института и Виленской гимназіи, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскаго ассесора графа *Плятера*.

(6-го декабря). Попечитель Московскаго учебнаго округа, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ *Исаковъ* Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-й степени съ мечами надъ орденомъ.

(6-го декабря 1862 года). По засвидѣтельствованію управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отлично-усердной службѣ нижепоименованныхъ чиновниковъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами Императорскаго ордена Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною—инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Петръ *Шестаковъ;* того же ордена той же степени безъ короны: статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго московскаго университета Алек-

сандръ *Поповъ* и инспекторъ студентовъ того же университета Михаилъ *Малиновскій*.

(6-го декабря 1862 года). По засвидѣтельствованію управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отлично-усердной службѣ доцента Императорскаго московскаго университета, коллежскаго секретаря Карла *Герца*, Герцъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ Императорскаго и царскаго ордена Св. Станислава 2-й степени.

(6-го декабря 1862 года). По засвидѣтельствованію управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о значительномъ пожертвованіи, сдѣланномъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, временнымъ московскимъ 1-й гильдіи купцомъ Константиномъ *Поповымъ* въ пользу учрежденнаго на собственный его счетъ въ посадѣ Большихъ Соляхъ (Костромской губерніи) приходскаго училища для дѣтей обоего пола, Поповъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ Императорскаго ордена Св. Анны 3-й степени, съ тѣми по оному правами, какія, на основаніи 204 статьи свода законовъ учрежденія орденовъ (изд. 1857 г.), принадлежатъ лицамъ купеческаго званія.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

19-го ноября 1862 года, (№ 65). *Производятся за отличіе: въ тайные совѣтники:* членъ главнаго правленія училищъ и управляющій департаментомъ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь, дѣйствительный статскій совѣтникъ Борисъ *Мансуровъ* — съ оставленіемъ при занимаемыхъ должностяхъ и въ званіи статсъ-секретаря; *въ дѣйствительные статскіе совѣтники:* исправляющій должность помощника попечителя

Московскаго учебнаго округа, церемоніймейстеръ Василій *Дашковъ*—съ утвержденіемъ въ настоящей должности и съ оставленіемъ въ званіи церемоніймейстера и членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ; *утверждается:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Бутлеровъ*—ректоромъ того же университета на наступившее четырехлѣтіе; *командируется за границу съ ученою цѣлію на два года:* адъюнктъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій асессоръ *Соколовъ; увольняется въ отпускъ за границу:* почетный смотритель С.-Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Мясниковъ*—на три съ половиною мѣсяца.

— (№ 66). *Увольняется въ отпускъ за границу:* профессоръ Ришельевскаго лицея, статскій совѣтникъ *Байковъ* — на двадцать восемь дней.

29-го ноября, (№ 67). *Производятся за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники:* статскіе совѣтники: деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Соловьевъ* и директоръ Московской 2-й гимназіи Владиміръ *Авиловъ*; *въ титулярные совѣтники:* домашній учитель, ректоръ училища, находящагося при Московской евангелическо-реформатской церкви, Вильгельмъ-Робертъ *Циммерманъ; въ коллежскіе секретари:* причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и исправляющій должность библіотекаря департамента народнаго просвѣщенія, провинціальный секретарь Аполлонъ *Кривошеинъ* — со старшинствомъ съ 30-го сентября 1862 года.

21-го декабря, (№ 68). *Увольняется въ отпускъ за границу:* учитель С.-Петербургской Ларинской гимназіи, состоящій въ IX классѣ *Воскресенскій* — на четырнадцать дней.

23-го декабря, (№ 69). *Производятся за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники:* статскіе совѣтники: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Карлъ *Петерсъ*, начальникъ отдѣленія того же департамента Феликсъ *Оношковичъ-Яцына*, старшій цензоръ комитета цензуры иностранной Николай *Берте* и ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—деканъ факультета восточныхъ языковъ Антонъ *Мухлинскій*, Николай *Благовѣщенскій*, Казанскаго—Никаноръ *Скандовскій* и Харьковскаго — Григорій *Рындовскій*. *Въ статскіе совѣтники:* инспекторъ казенныхъ училищъ дерптскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Александръ *Серно-Соловьевичъ*, со старшинствомъ съ 17-го января 1862 года. *Въ титулярные совѣтники:* почетный смотритель Кологривскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Алексѣй *Пановъ*, со старшинствомъ съ 14-го іюля 1862 года. *Въ коллежскіе секретари:* чиновникъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической коммиссіи, губернскій секретарь Викторъ *Калачевъ*—со старшинствомъ съ 31-го марта 1861 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го декабря 1862 года). *О производствѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1863 года окончательныхъ испытаній по бывшимъ историко-филологическому и юридическому факультетамъ С.-Петербургскаго университета.*

По донесенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ распоряженіе его о производствѣ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1863 года окон-

чательныхъ испытаній по бывшимъ историко-филологическому и юридическому факультетамъ С.-Петербургскаго университета, независимо отъ экзаменовъ, назначенныхъ въ декабрѣ 1862 года.

2. (8-го декабря 1862 года). *Объ освобожденіи нѣкоторыхъ студентовъ и слушателей С.-Петербургскаго университета отъ платы за слушаніе лекцій.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіяхъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и согласно ходатайству временной коммисіи, учрежденной для управленія С.-Петербургскимъ университетомъ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ освободить, по бѣдности, отъ платы за слушаніе лекцій 32 своекоштныхъ студентовъ сего университета и 19-ть постороннихъ лицъ, желающихъ слушать въономъ лекціи.

3. (15-го декабря 1862 года). *О разрѣшеніи пріема кандидатовъ-педагоговъ въ педагогическіе курсы сверхъ положеннаго по С.-Петербургскому учебному округу комплекта.*

Вслѣдствіе представленія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и на основаніи 2-го примѣчанія къ Высочайше разсмотрѣнному 20-го марта 1860 года примѣрному распредѣленію суммы на содержаніе педагогическихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, сверхъ положеннаго по С.-Петербургскому учебному округу комплекта кандидатовъ-педагоговъ, принять въ педагогическіе курсы еще нѣкоторое число молодыхъ людей, съ производствомъ имъ въ $18^{62}/_{63}$ учебномъ году стипендій изъ остатка отъ суммы, отпущенной на педагогическіе курсы, и съ помѣщеніемъ ихъ въ будущемъ $18^{63}/_{64}$ учебномъ году на вакансіи, которыя откроются въ положенномъ комплектѣ съ выбытіемъ тѣхъ, которые окончатъ курсъ.

4. (15-го декабря 1862 года). *О платѣ преподавателю гимнастики въ 7-й С.-Петербургской гимназіи.*

Вслѣдствіе представленія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ на наемъ преподавателя гимнастики въ 7-й С.-Петербургской гимназіи употреблять по *триста* руб. въ годъ изъ суммы, собираемой за ученіе.

5. (15-го декабря 1862 года). *О раздѣленіи первыхъ трехъ классовъ 7-й С.-Петербургской гимназіи на параллельныя отдѣленія.*

По донесенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ распоряженіе его о раздѣленіи каждаго изъ первыхъ трехъ классовъ седьмой С.-Петербургской гимназіи, по многочисленности учащихся, на два параллельныхъ отдѣленія.

6. (15-го декабря 1862 года). *О закрытіи въ низшихъ классахъ 2-й С.-Петербургской гимназіи третьихъ отдѣленій по новѣйшимъ языкамъ.*

Вслѣдствіе представленія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа объ излишествѣ третьихъ отдѣленій по новѣйшимъ языкамъ въ низшихъ классахъ 2-й С.-Петербургской гимназіи, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ въ $18^{62}/_{63}$ учебномъ году закрыть таковыя отдѣленія въ первыхъ двухъ классахъ, а въ послѣдствіи и въ третьемъ классѣ, когда число учащихся въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій онаго будетъ близко къ 40.

7. (15-го декабря 1862 года). *О разрѣшеніи имѣть при Введенской прогимназіи сверхштатнаго учителя ариѳметики и геометріи.*

Согласно представленію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и на основаніи св. зак. (изд. 1857 г.) т. III.

уст. о сл. по опред. отъ прав. ст. 783 министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ имѣть при Введенской прогимназіи сверхштатнаго учителя ариѳметики и геометріи, безъ жалованья, но съ правами, должности сей присвоенными Высочайше утвержденнымъ 6-го сентября 1862 года положеніемъ и штатомъ Введенской прогимназіи.

8. (15-го декабря 1862 года). *Объ установленіи платы за содержаніе своекоштныхъ пансіонеровъ въ пансіонъ 7-й С.-Петербургской гимназіи.*

Министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, согласно назначенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, установить за содержаніе своекоштныхъ пансіонеровъ въ пансіонѣ 7-й С.-Петербургской гимназіи плату по *триста* руб. сер. въ годъ и единовременно, на первоначальное обзаведеніе при поступленіи, по *пятидесяти* руб.

Г. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

16-го ноября 1862 года (№ 41). *Перемѣщается:* профессоръ Самарской духовной семинаріи, магистръ *Орловъ* — исправляющимъ должность секретаря Одесскаго цензурнаго комитета (съ 24-го августа 1862 года). *Увольняется:* директоръ Фатежскаго тюремнаго отдѣленія, надворный совѣтникъ *Воиновъ* — согласно прошенію, отъ должности врача при Фатежскихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ. *Исключается изъ списковъ министерства народнаго просвѣщенія:* съ 4-го іюля 1862 года: причисленный къ сему министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чашниковъ* — по случаю пе-

ремѣщенія его начальникомъ Гродненскаго училища для приходящихъ дѣвицъ. Правительствующимъ сенатомъ *утверждены:* а) въ службѣ по учебной части: 25-го октября 1862 года: допущенный къ исправленію должности смотрителя и учителя Газенпотскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда, бывшій воспитанникъ Дерптской начальной учительской семинаріи Иванъ *Огше*— съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада, съ 17-го февраля 1861 года. Допущенный къ исправленію должности учителя Орловскаго 2-го приходскаго училища, сынъ дьячка, Павелъ *Соколовъ*—съ освобожденіемъ отъ избранія рода жизни, съ 7-го августа 1862 года. — 31-го октября 1862 года: удостоенный званія домашняго учителя, изъ крестьянъ, Макарій *Савицкій* (онъ же Саулякъ)—съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада; б) произведены, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: 16-го августа 1862 года: *въ статскіе совѣтники:* коллежскіе совѣтники: директоръ Динабургской гимназіи Василій *Невзоровъ* — съ 12-го мая 1861 года; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Никита *Зуевъ*— съ 4-го апрѣля 1862 года; исправляющіе должность ординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго— Василій *Васильевъ*—съ 27-го, Московскаго—Павелъ *Леонтьевъ* — съ 13-го декабря, и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ Михаилъ *Стасюлевичъ* — съ 18-го іюля 1861 года; *въ коллежскіе совѣтники:* надворные совѣтники: директоръ училищъ Курляндской губерніи графъ Вильгельмъ *Наленчь-Рачинскій*—съ 19-го іюля 1861, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Августъ *Бульмеринкъ* — съ 14-го января 1862, профессоры Ришельевскаго лицея Александръ *Богдановскій* и Николай *Максимовъ*, оба—съ 20-го декабря 1861; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Павелъ

Пѣховскій — съ 13-го января, цензоръ Московскаго цензурнаго комитета Яковъ *Прибиль*—съ 12-го марта 1862 и адъюнктъ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ *Зедерштедтъ* — съ 21-го ноября 1861 года. *Въ надворные совѣтники:* коллежскіе ассесоры: прозекторъ и экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Карлъ *Купферъ* — съ 22-го января 1862; почетные смотрители: училищъ Игуменскаго уѣзда — Рафаилъ *Слизень* — съ 15-го іюня 1860 и Вышневолочскаго уѣзднаго училища — Геннадій *Карцевъ*—съ 1-го ноября; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Даніилъ *Хвольсонъ* — съ 14-го сентября 1861 и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Иванъ *Галовъ*—съ 25-го апрѣля 1862 года; *въ коллежскіе ассесоры:* титулярные совѣтники: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Новгородскаго—Купріанъ *Комодзинскій*—съ 23-го сентября 1861, Фатежскаго—Николай *Шетохинъ*—съ 21, Славяносербскаго—Иванъ *Карповъ*—съ 11-го января 1862, Бѣлевскаго—Алексѣй *Плечко*—съ 14-го февраля 1861 и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія—Владиміръ *Ламанскій*—съ 18-го февраля 1862 года. *Въ титулярные совѣтники:* коллежскіе секретари: бывшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія, а нынѣ причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, Александръ *Яковлевъ* — съ 20-го февраля, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Бирскаго — Викторъ *Пальчиковъ* — съ 12-го января 1862, Бобровскаго — Михаилъ *Нечаевъ* — съ 27-го октября 1860 и Дмитріевосвапскаго—Александръ *Булацель*—съ 17-го декабря 1861 года. *Въ коллежскіе секретари:* губернскіе секретари: почетные смотрители: училищъ Свенцянскаго уѣзда—графъ Адамъ *Плятеръ* — съ 17-го ноября 1861 года, уѣздныхъ училищъ: Боровичскаго — Алексѣй *Казинъ* — съ 14-го августа 1858, Крапивенскаго — Владиміръ *Шлиппе* — съ 6-го

сентября, Подольскаго—Иванъ *Хомяковъ*—съ 19-го и Серпуховскаго — Степанъ *Хомяковъ* — съ 27-го ноября 1861 года. *Въ губернскіе секретари:* почетный смотритель Дорогобужскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ Александръ *Кузьминъ*—съ 5-го февраля 1839 года.— 23-го августа 1862 года: *Въ коллежскіе секретари:* канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь Николай *Смирновъ*—съ 7-го іюня 1862 года.— в) утверждены въ чинахъ: 26-го іюля 1862 года: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Августъ *Наукъ* и старшіе астрономы Николаевской главной обсерваторіи Вильгельмъ *Делленъ*, Августъ *Вагнеръ* и Фридрихъ *Виннеке*, по ихъ настоящимъ должностямъ, въ чинахъ: первый—коллежскаго совѣтника со старшинствомъ съ 2-го іюня 1861, а остальные трое — надворнаго совѣтника, со старшинствомъ: Делленъ и Вагнеръ съ 17-го декабря 1857, а Виннеке съ 16-го марта 1860 года; почетный смотритель Гдовскаго, а нынѣ С.-Петербургскаго Рождественнаго уѣзднаго училища Михаилъ *Воронинъ* — по степени магистра Императорскаго С.-Петербургскаго университета, въ чинѣ титулярнаго совѣтника со старшинствомъ съ 5-го іюля 1861 года.— 18-го октября 1862 года: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Вильгельмъ *Душанъ-Лямбль* — по настоящей должности, въ чинѣ надворнаго совѣтника со старшинствомъ съ 27-го февраля 1861 года.

30-го ноября 1862 года (№ 42). *Опредѣляется:* Шацкій городовой врачъ, лекарь *Фирсовъ* — врачемъ при Шацкихъ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ, сверхъ настоящей должности: *Назначается:* Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, надворный совѣтникъ *Бекетовъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета по каѳедрѣ

химіи. *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Соколовскій* — деканомъ медицинскаго факультета сего университета на наступившее четырехлѣтіе; деканами факультетовъ Императорскаго Дерптскаго университета, на предстоящее съ 1-го января 1863 года четырехлѣтіе, ординарные профессоры: статскіе совѣтники *Куртцъ*, *фонъ-Руммель*, *Бухгеймъ* и *Шмидтъ* и надворный совѣтникъ *Ширренъ*, первый—богословскаго, второй—юридическаго, третій—медицинскаго, четвертый—физико-математическаго и послѣдній историко-филологическаго; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассесоръ *Бетхеръ*—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи въ томъ же университетѣ. *Перемѣщаются:* директоръ училищъ Кубанской области, статскій совѣтникъ *Рындовскій*—инспекторомъ казенныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа; почетный смотритель Чердынскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Костаревъ*—на такую же должность въ Пермское уѣздное училище. *Продолжается срокъ командировки:* ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета *Больцани*, возвратввшемуся уже изъ заграничной командировки въ предѣлы Россіи—по 12-е ноября 1862 года. *Увольняется:* почетный смотритель Орловскаго (Вятской губерніи) уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Матвѣевъ*—отъ настоящей должности, согласно прошенію, по случаю опредѣленія его мировымъ посредникомъ; адъюнктъ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій ассесоръ *Абашевъ*—отъ службы, по прошенію; почетный смотритель Бобринецкаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь *Пулевичъ* — отъ службы, за неисполненіе принятаго имъ на себя обязательства ежегоднаго пожертвованія въ пользу училища. *Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія:* почетному попечителю Екатеринославской гим-

назіи, камеръ-юнкеру, титулярному совѣтнику *Котляревскому*—за пожертвованіе 1,000 руб. въ пользу помянутой гимназіи и пансіона оной. Правительствующимъ сенатомъ *утверждены въ службѣ по учебной части:* 29-го октября 1862 года: допущенные къ исправленію учительскихъ должностей въ Новоусольскомъ приходскомъ училищѣ, изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, Иванъ *Пастуховъ* и Иванъ *Шумковъ* — съ освобожденіемъ отъ избранія рода жизни, первый — съ 18-го апрѣля, а второй — съ 1-го іюня 1862 года; 31-го октября 1862 года: допущенный къ исправленію должности младшаго учителя нѣмецкаго языка въ Екатеринбургской гимназіи, изъ гражданъ г. Ревеля, Юлій *Кумбергъ* — съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада; допущенный къ исправленію должности младшаго учителя Тверской гимназіи, изъ купцовъ, Иванъ *Кронбергъ*—съ исключеніемъ изъ купеческаго званія, съ 28-го марта 1862 года; 15-го ноября 1862 года: исправляющій должность учителя нѣмецкаго языка въ Ровенской гимназіи, сардинскій подданный Августъ *Ламбери* — съ 21-го августа 1862 года; допущенный къ исправленію должности учителя въ Якобштадтскомъ уѣздномъ училищѣ, Рейнгольдъ Адольфъ *Фрейманъ*—съ 1-го марта 1862 года.

15-го декабря 1862 года (№ 43). *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія:* старшій учитель Немировской гимназіи, состоящій въ IX классѣ *Копыловъ*—согласно желанію его, съ увольненіемъ отъ настоящей должности. *Утверждаются:* коллежскіе ассесоры, экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго—*Флоръ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета по каѳедрѣ зоологіи и Казанскаго—*Чугуновъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ технологіи. *Оставляется на службѣ по выслугѣ 25-ти лѣтняго срока:* профессоръ Ришельевскаго лицея, статскій совѣтникъ *Гассгагенъ*—

впредь до преобразованія Ришельевскаго лицея въ университетъ. *Увольняется:* почетный смотритель Енисейскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Кіяновскій*—отъ службы, по прошенію. Правительствующимъ сенатомъ *утверждены:* а) въ службѣ по учебной части: 15-го ноября 1862 года: удостоенный званія домашняго учителя Гуго Константинъ *Макеръ* — со времени вступленія въ дѣйствительное отправленіе обязанностей домашняго учителя, съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада; допущенный къ исправленію должности учителя Карачевскаго уѣзднаго училища, сынъ дьячка, Михаилъ *Покровскій* — съ освобожденіемъ отъ избранія рода жизни, съ 7-го сентября 1862 года; допущенный къ исправленію должности учителя въ Симбирскомъ приходскомъ училищѣ, изъ мѣщанъ, Егоръ *Александровъ* — съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада, съ 13-го августа 1862 года; 26-го ноября 1862 года: состоящій въ должности учителя Дуниковскаго приходскаго училища, изъ Польскихъ дворянъ, неутвержденныхъ бывшею Кіевскою центральною коммиссіею для ревизіи дворянскихъ депутатскихъ собраній Кіевской, Волынской и Подольской губерній, Эразмъ *Шаровольскій*—съ 24-го апрѣля 1842 года, съ освобожденіемъ отъ записки въ податное состояніе; б) въ чинѣ коллежскаго секретаря: 25-го октября 1862 года: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, отставной поручикъ кавалеріи Николай *Головкинскій*— по степени кандидата Императорскаго Казанскаго университета, со старшинствомъ съ 16-го августа 1862 года; 20-го ноября 1862 года: исправляющій должность профессора въ лицеѣ князя Безбородко, а нынѣ причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, Левъ *Ждановичъ* — по степени кандидата университета св. Владиміра, со старшинствомъ съ 18-го апрѣля 1858 года. Правительствующимъ сенатомъ *произведенъ въ коллежскіе совѣтники, въ отставку:* 20-го ноября 1862 года: бывшій почетный смотритель

училищъ Тельшевскаго уѣзда, надворный совѣтникъ Францъ *Карпъ.*

20-го декабря 1862 года (№ 44). *Увольняется отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія:* цензоръ С.-Петербургскаго ценсурнаго комитета, надворный совѣтникъ *Де-Роберти*—по прошенію.

22-го декабря 1862 года (№ 45). *Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія:* учитель Кіево-Подольскаго дворянскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Стефановичъ* — съ увольненіемъ отъ настоящей должности. *Назначается:* инспекторъ Воронежской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Сцепура*—директоромъ училищъ Воронежской губерніи. *Утверждаются:* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ греческой словесности и древностей, статскій совѣтникъ *Тихоновичъ* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора по той же каѳедрѣ; адъюнкты Императорскаго университета св. Владиміра *Ренненкампфъ* и *Романовичъ-Славатинскій* — исправляющими должность экстраординарныхъ профессоровъ по занимаемымъ ими каѳедрамъ, первый—энциклопедіи законовѣденія, а послѣдній—государственныхъ законовъ; магистръ *Кауфманъ* — доцентомъ Императорскаго Московскаго университета, по каѳедрѣ ботаники. *Оставляется на службѣ:* прозекторъ Харьковскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ *Доброгурскій*—на одинъ годъ, по 3-е декабря 1863 года. *Увольняются отъ службы по прошеніямъ:* директоръ училищъ Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ *Карпинскій* — за выслугою срока, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ; губернскіе секретари, почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Подольскаго — Иванъ *Хомяковъ*, Серпуховскаго — Степанъ *Хомяковъ* и Касимовскаго *Таптыковъ*. *Исключаются изъ списковъ, умершіе:* заслуженный профессоръ

Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Николай *Зерновъ*; цензоръ Одесскаго цензурнаго комитета, статскій совѣтникъ *Палеологъ*. Правительствующимъ сенатомъ а) *утверждены въ службѣ по учебной части:* 30-го ноября 1862 года: учитель Миргородскаго уѣзднаго училища, изъ мѣщанъ, Моисей *Островерхій* — съ 22-го августа 1862 года, съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада; допущенный къ исправленію должности учителя Кромскаго приходскаго училища, изъ мѣщанъ, Дмитрій *Кренъевъ* — съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада, съ 5-го сентября 1862 года; допущенный къ исправленію должности учителя Ростовскаго (на Дону) уѣзднаго училища, изъ иностранцевъ, принявшій присягу на подданство Россіи, Андрей *Вондигиано* — съ освобожденіемъ отъ избранія рода жизни. б) *Произведенъ въ титулярные совѣтники, въ отставку:* 22-го ноября 1862 года: бывшій почетный смотритель Александровскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Петръ *Степановъ*.

27-го декабря 1862 года (№ 46). *Опредѣляется:* изъ отставныхъ, прапорщикъ *Карауловъ* — почетнымъ смотрителемъ Арзамасскаго уѣзднаго училища. *Назначается:* исправляющій должность старшаго учителя естественной исторіи въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, лекарь *Дмитріевскій*—врачемъ при Пензенской гимназіи, съ оставленіемъ на службѣ и при институтѣ. *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрѣ терапевтической клиники, статскій совѣтникъ *Скандовскій* — въ званіи заслуженнаго профессора, съ 1-го августа 1862 года, съ оставленіемъ съ того же времени въ настоящей должности впредь до замѣщенія оной особымъ лицемъ, согласно объявленному конкурсу; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ обще-народнаго правовѣденія, коллежскій

совѣтникъ *Капустинъ* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета по той же каѳедрѣ. *Перемещается:* чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Каминиста* — ценсоромъ въ С.-Петербургскій ценсурный комитетъ. *Исключаются изъ списковъ, умершій:* почетный смотритель Путивльскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Самойловъ*. Правительствующимъ Сенатомъ *утверждены въ службѣ по учебной части:* 30-го ноября 1862 года: допущенный къ исправленію должности учителя при Чембарскомъ приходскомъ училищѣ, изъ мѣщанъ, Александръ *Макаровъ* — съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада, съ 15-го февраля 1862 года; 17-го декабря 1862 года: допущенный къ должности учителя Дмитровскаго приходскаго училища, изъ мѣщанъ, Петръ *Козыревъ* — съ 27-го января 1862 года, съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ УЧИЛИЩЪ.

Главное правленіе училищъ, по выслушаніи мнѣнія ученаго комитета, опредѣлило:

Составленный коллежскимъ ассесоромъ Фрейманомъ курсъ нѣмецкаго языка, по методѣ Робертсона, допустить къ употребленію, въ видѣ руководства, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, въ числѣ прочихъ употребляемыхъ нынѣ по этому языку руководствъ.

II.

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ СТАТЬИ и ИЗВѢСТІЯ.

ЗАПИСКА О БЕЛЬГІЙСКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Въ запискѣ, представленой въ началѣ сего года, *) я старался изложить различные взгляды педагоговъ и учебныхъ вѣдомствъ на реальное образованіе. Въ проектѣ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній статья о реальныхъ гимназіяхъ основана преимущественно на воззрѣніи германскихъ педагоговъ; общій принципъ, выразившійся въ учрежденіи реальныхъ училищъ въ различныхъ странахъ Германіи, состоитъ въ удержаніи одного древняго языка, латинскаго, въ курсѣ преподаванія, и въ совершенномъ отдѣленіи реальныхъ училищъ отъ прежнихъ гуманистическихъ гимназій.

Противоположное тому начало выражается въ учрежденіи бельгійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ нихъ древній языкъ совершенно исключенъ изъ плана преподаванія реальныхъ отдѣленій атенеевъ. Потому задачею моею во время путешествія было удостовѣриться на мѣстѣ: въ какой степени учебный курсъ безъ латинскаго языка удовлетворяетъ требованіямъ современной образованности, и въ какой мѣрѣ бельгійскія училища соотвѣтствуютъ тѣмъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ они были устроены.

При сочиненіи проекта устава, въ главѣ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ часто встрѣчался вопросъ: нельзя ли для сокращенія

---

*) См. Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія 1862 года. Май. Часть оффиціальная. О заграничныхъ реальныхъ училищахъ.

расходовъ и для достиженія единства въ управленіи соединить реальныя гимназіи съ гуманистическими, какъ это осуществляется въ организаціи среднихъ учебныхъ заведеній Франціи, въ которыхъ по уставу министра Форту введена система бифюркаціи какъ общая норма. Для разрѣшенія этого вопроса слѣдовало на дѣлѣ удостовѣриться въ достоинствѣ системы бифюркаціи и въ степени успѣховъ, достигнутыхъ реальными отдѣленіями французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Бельгія — страна опыта во всемъ, а также въ дѣлѣ народнаго образованія. Съ 1830 года до сего времени ни бельгійское правительство, ни бельгійскія сословія не пришли еще къ окончательному результату обученія юношества и его интеллектуальнаго направленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только теперь, съ прошедшаго года, эта часть народнаго образованія по видимому получаетъ устройство болѣе органическое, и только потому, что правительство, подкрѣпляемое людьми свѣдущими, здравомыслящими и желающими истиннаго блага, выступаетъ болѣе энергически и сокращаетъ произволъ, вредный во всемъ и тѣмъ болѣе въ дѣлѣ образованія.

Въ существованіи среднихъ учебныхъ заведеній Бельгіи явственно отличаются *три* эпохи.

Первая начинается декретомъ временнаго правленія (12-го октября 1830 года), объявляющимъ свободу обученія. Уничтожая препятствія, какія прежняя администрація полагала этой свободѣ, декретъ 12-го октября утверждаетъ за тремя степенями общественнаго обученія сохраненіе тѣхъ средствъ поощренія, коими они прежде пользовались, но предоставляетъ дальнѣйшимъ распоряженіямъ обозначить долю участія правительства въ воспитаніи юношества.

Характеристическимъ фактомъ первыхъ шести лѣтъ послѣ этого декрета, была реакція противъ монополіи въ рукахъ правительства.

Хотя нидерландская администрація безразлично управляла всѣми общинными училищами (collèges), но не всѣмъ даровала денежныя пособія. Общины, которымъ съ значительными пожертвованіями приходилось содержать эти заведенія, безъ всякаго участія въ ихъ управленіи, толковали слова декрета въ томъ смыслѣ, что отнынѣ прекращается всякое подчиненіе ихъ правительству относительно преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Напротивъ того, общины получавшія денежныя пособія отъ нидерландскаго прави-

тельства, находили въ декретѣ 12-го октября свое право на продолженіе этой милости.

Частное преподаваніе (то есть преподаваніе со стороны духовныхъ корпорацій или бѣлаго духовенства) воспользовалось этимъ положеніемъ дѣлъ. Во многихъ викаріатствахъ, въ слѣдствіе рѣшенія общиннаго совѣта, училищныя начальства (régences) уступали духовенству право содержать учебное заведеніе, которое дорого стоило общинѣ. Епархіальный епископъ обыкновенно принималъ въ свое вѣденіе строенія и все имущество училища, и нерѣдко случалось, что община еще прибавляла отъ себя денежное пособіе къ прочимъ преимуществамъ, уже уступленнымъ епископу.

Между тѣмъ, значительное число общинъ, въ ожиданіи обѣщаннаго закона о преобразованіи второстепеннаго обученія, не прекращало расточать самыя великодушныя пожертвованія и благородныя усилія для сохраненія своего вліянія на обученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большая часть этихъ общинъ обратилась къ правительству, отъ коего онѣ требовали помощи.

Но между тѣмъ, какъ общины, уступившія свои учебныя заведенія духовенству, вмѣстѣ съ тѣмъ передали ему и всѣ сопряженныя съ этою уступкою общинныя права, общины, получавшія совершенно безкорыстное пособіе отъ правительства, наконецъ дошли до того, что стали опровергать право государства наблюдать за училищами (collèges), которыя оно поддерживало своими пособіями. Разумѣется, что правительство, изданіемъ проекта общаго законоположенія объ общественномъ обученіи (въ 1831 году), протестовало противъ злоупотребленія свободы обученія со стороны общинъ, и между тѣмъ, постоянно отлагая разсмотрѣніе органическаго закона о преподаваніи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по видимому не замѣчало, что двѣ могущественныя силы оспариваютъ владѣніе и дѣлятъ между собою обломки старинной организаціи.

Вторая эпоха отличается борьбою двухъ партій въ дѣлѣ общественнаго образованія: съ одной стороны, община предъявляетъ свои права; съ другой стороны духовенство предлагаетъ ввести въ училища свой орденскій принципъ и неоспоримость своей власти.

Во все это время община и духовенство суть единственные элементы на поприщѣ второстепеннаго и первоначальнаго образованія. Ихъ встрѣчаютъ вездѣ или соединенными для того, чтобы избавиться отъ всякаго вмѣшательства центральной власти, или разъединенными въ слѣдствіе соперничества. Въ послѣднемъ слу-

чаѣ, вспоминаютъ о правительствѣ только для того, чтобы испросить себѣ матеріальное вспомоществованіе.

Но сами общины наконецъ замѣтили, что при устраненіи нравственнаго дѣйствія со стороны правительства, онѣ находились какъ бы безоружными предъ состязателемъ, вполнѣ готовымъ подавить ихъ своимъ авторитетомъ. Съ этого времени потребность болѣе прямаго и дѣйствительнаго вмѣшательства центральной власти въ дѣлѣ общественнаго образованія оказывается очевидною и для споспѣшествованія этой потребности надлежало измѣнить духъ и образъ дѣйствія со стороны правительства.

Составъ кабинета 1840 года обозначаетъ начало *третьей* эпохи въ дѣлѣ общественнаго образованія.

Программою 22-го апрѣля было объявлено, что настало время *ускорить разсмотрѣніе закона о первоначальномъ и второстепенномъ обученіи, что этотъ законъ вполнѣ сагласуется съ духомъ нашихъ учрежденій.*

То было первое опровержение мнѣнія, будто вмѣшательство правительства въ дѣлѣ общественнаго образованія безполезно. Кромѣ того:

1) *Циркуляръ 26-го мая 1840 года*, объясняющій положеніе атенеевъ и collèges въ отношеніи ихъ администраціи и финансоваго состоянія, доказываетъ, какъ небрежно производилось обученіе въ этихъ заведеніяхъ, и заявляетъ формальное намѣреніе овладѣть законнымъ вліяніемъ на общественное образованіе.

2) *Циркуляръ 4-го іюля того же года*, съ одной стороны доказываетъ необходимость надзора за преподаваніемъ, съ другой представляетъ способъ посредствомъ конкурсныхъ результатовъ узнать дѣйствительный уровень, до коего волненія предшествовавшихъ лѣтъ довели обученіе въ среднихъ заведеніяхъ,—и

3) *Циркуляръ 31-го марта 1841 года*, впредь до изданія настоящаго законоположенія, установляетъ извѣстныя условія для полученія вспомоществованія изъ государственной казны. Поспѣшность, съ какою общинные совѣты вполнѣ и совершенно рѣшились подчиниться условіямъ этого циркуляра, доказываетъ всю необходимость этой мѣры.

Не взирая на перемѣну кабинета, эти три документа продолжали свое благотворное вліяніе: инспекція (надзоръ), конкурсы и финансовый контроль не только не прекращались до 1850 года, но еще получили большее развитіе. *Конкурсъ* возстановилъ правиль-

ность и единство въ программахъ различныхъ заведеній, а *инспекція* (еще не принявшая характера учрежденія постояннаго) поддерживала дѣятельность и усердіе между преподавателями.

Желая, на основаніи циркуляра 31-го марта, въ замѣнъ вспомоществованій получить отъ общинъ нѣкоторыя изъ уступленныхъ ими духовенству льготъ, правительство не преминуло встрѣтиться съ состязателемъ, который уже съ 1830 года монопольно пользовался этими общинными льготами.

Министерство 1845 года установило постоянную инспекцію атенеевъ и collèges, назначивъ дѣльнаго инспектора.

Въ 1849 году была установлена степень университетскаго воспитанника *) и экзаменомъ, посредствомъ коего можно было достигнуть этой степени, обозначился предѣлъ между высшимъ и среднимъ образованіемъ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1849 года правительство пригласило всѣхъ преподавателей атенеевъ и collèges избрать изъ среды ихъ достойнѣйшихъ для состава совѣщательнаго собранія, подъ названіемъ «Совѣтъ объ усовершенствованіи преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» **) и своею опытностью способствовать правительству въ разрѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ.

Проектъ закона, подвергнутый разсмотрѣнію этого совѣта, касался съ одной стороны администраціи училищъ, а съ другой — самаго преподаванія.

Относительно администраціи было постановлено, что смотря по тому, какой власти были обязаны эти учебныя заведенія своимъ существованіемъ — центральной, или общинной, или провинціальной, то и находиться должны они были подъ извѣстными условіями.

Если правительство учреждаетъ и поддерживаетъ училища, то и ему должна принадлежать главная надъ ними власть; если община беретъ на себя бо́льшую часть расходовъ и если правительство только помогаетъ ей, дѣйствіе центральной власти должно менѣе преобладать и общинныя льготы должны быть обширнѣе; если наконецъ, правительство отнюдь не участвуетъ въ расходахъ по учрежденію и содержанію училища, то власть его ограничивается только извѣстнаго рода попечительствомъ для соблюденія общественнаго интереса.

---

*) Élève universitaire.

**) Conseil de perfectionnement.

Правительство предоставило себѣ въ отношеніи всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, за исключеніемъ частныхъ, т. е. подвѣдомственныхъ духовенству, 1) инспекцію посредствомъ лицъ, назначаемыхъ отъ правительства и 2) контроль учебныхъ руководствъ.

Еще тогда предполагалось учредить 10 атенеевъ и до 50 различныхъ училищъ, подъ различными наименованіями какъ то: *высшая элементарная школа*, *промышленное и коммерческое училище* *) *collège* и *école moyenne*.

Что же касается числа лѣтъ ученія, то предполагалось учредить шестилѣтній курсъ для *гуманистическихъ* отдѣленій и четырехлѣтній или пятилѣтній курсъ для *реальныхъ* отдѣленій.

О выборѣ личнаго состава преподавателей въ обсужденіи проекта закона было сказано: «Свобода обученія позволяетъ каждому учить безъ предъявленія на то диплома; она предоставляетъ отцу семейства попеченіе избирать воспитателей для своихъ дѣтей; развѣ это значитъ, что первый встрѣчный, каково бы ни было его предшествовавшее образованіе, можетъ быть допущенъ къ занятію каѳедры, содержимой на общественный счетъ? Когда частное лицо открываетъ училище, то предстаетъ предъ публикою съ обезпеченіемъ своей личности; когда община, провинція или правительство учреждаетъ школу, то послѣдняя обезпечивается предписаніями законовъ страны подчиненіемъ общины властямъ провинціальной и центральной, попечительствомъ правительства о благѣ провинціи и контролемъ законодательнаго учрежденія надъ самымъ правительствомъ. Называя заведеніе *королевскимъ*, *провинціальнымъ* или *общиннымъ*, власть рекомендуетъ его публикѣ и ручается, что надъ ученіемъ будетъ наблюдать начальство просвѣщенное и нравственное. Такимъ образомъ положенія не тождественны, если частный человѣкъ можетъ опредѣлить преподавателя, у котораго нѣтъ никакого диплома, для каѳедры, которую онъ содержитъ на свой счетъ, то общественныя власти обязаны, ради своей собственной отвѣтственности предъ ихъ подчиненными, требовать законное доказательство способности занимать учительскую должность.

Такимъ образомъ борьба партій и сословій на каждомъ шагу видна въ Бельгіи относительно ея общественнаго образованія; но

*) По отчету 1854 года атенеевъ было 10-ть, а по отчету 1850 года считалось 22-е высшія элементарныя школы и 12-ть училищъ промышленныхъ и коммерческихъ.

при всей этой борьбѣ, при веей кажущіейся разногласицѣ мнѣній объ администраціи учебныхъ заведеній, объ устройствѣ курсовъ, объ объемѣ преподаванія различныхъ предметовъ ученія, не исключая даже закона божія и т. п. нельзя не замѣтить ярко выдающихся элементовъ: солидности и здравомыслія.

При обзорѣ бельгійскихъ училищъ подъ разными наименованіями, въ разговорахъ съ ихъ директорами, я хотя и замѣчалъ страженія борьбы партій, но въ то же время меня всегда поражало отремленіе къ одной цѣли: споспѣшествованіе общественной пользѣ.

Въ Бельгіи думалъ я встрѣтить особенное пристрастіе къ направленію чисто реальному, полагалъ, что гуманистическія занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поставлены на второмъ планѣ, въ опроверженіе тѣхъ выводовъ, какіе относительно реальныхъ училищъ представляетъ намъ Германія. Въ самомъ дѣлѣ, страна промышленной дѣятельности, съ народомъ, который болѣе способенъ «къ практическимъ знаніямъ, нежели къ чистой теоріи», (слова профессора Ле-Руа) должна была явить чужестранцу полное развитіе системы реальнаго обученія, съ вѣрнымъ ручательствомъ за успѣхи ея въ будущемъ. Но въ Бельгіи, реальныя отдѣленія среднихъ учебныхъ заведеній только до извѣстной степени пользуются общественнымъ довѣріемъ; и я рѣшительно могу сказать, что напротивъ того, именно гуманистическія отдѣленія постоянно все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе просвѣщеннаго большинства.

Охлажденіе общественнаго мнѣнія къ реальному направленію среднихъ учебныхъ заведеній, по видимому, было слѣдствіемъ вопроса о возобновленіи пріемнаго экзамена въ университетъ.

Всеобщая жалоба на чрезмѣрныя требованія при вступительномъ въ университетъ экзаменѣ побудили бельгійское правительство совсѣмъ отмѣнить это испытаніе *). Въ послѣднее время возникъ вопросъ о возобновленіи экзамена для вступленія въ университетъ, но только въ болѣе упрощенномъ противъ прежняго видѣ.

Вотъ что въ засѣданіи 2-й палаты (депутатовъ) представителей, 23-го января 1861 года, г. Дево между прочимъ говоритъ по сему случаю въ своей рѣчи:

«Мм. Гг. позвольте мнѣ сперва заняться возобновленіемъ этого экзамена. Я уже сказалъ, что опытъ его отмѣненія вполнѣ оправ-

*) Въ 1855 году.

дался; и дѣйствительно, результаты этого опыта доказаны и неопровержимы. Не желаю утомлять ваше вниманіе множествомъ цыфръ, но почитаю необходимымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ.

«До отмѣненія пріемнаго экзамена, въ послѣдніе три предшествовавшіе тому года, ежегодно вступало въ университетъ среднимъ числомъ отъ 240 до 250 воспитанниковъ.

«По отмѣненіи экзамена, это число возросло до 400—цифра, собственно не требующая дальнѣйшихъ поясненій.

«Когда существовалъ пріемный экзаменъ, то въ университетъ вступало не болѣе 250 воспитанниковъ въ годъ, а когда экзаменъ отмѣнили, то эта цифра возросла до 400 — откуда же взялись эти 150 воспитанниковъ болѣе? Кто они таковы? Неопровержимо, что эти воспитанники, которыхъ экзаменъ останавливалъ при университетскомъ порогѣ и которые вторгаются въ университетъ, едва только уничтожено это препятствіе, принадлежатъ къ числу юношей менѣе просвѣщенныхъ или менѣе способныхъ въ сравненіи съ тѣми воспитанниками, которые прежде вступали въ университетъ, подчиняясь условіямъ менѣе благопріятнымъ къ продолженію высшаго курса ученія.

«Такимъ образомъ, мм. гг., уже самая цыфра доказываетъ, что тутъ вѣроятно есть вліяніе, которое стремится ослабить научныя занятія.

«Всѣ эти менѣе готовые къ продолженію ученія воспитанники неравномѣрно распредѣляются по различнымъ факультетамъ. Нѣкоторымъ изъ факультетовъ выпала незавидная доля привлечь къ себѣ этой молодежи гораздо болѣе другихъ.

«Въ медицинскій факультетъ поступило этой молодежи гораздо болѣе, нежели въ юридическій.

«Понятно, что эти воспитанники, которыхъ пугалъ экзаменъ и которые теперь цѣлою массою вступаютъ въ университетъ, выходятъ не изъ лучшихъ учебныхъ заведеній, ни изъ большихъ заведеній правительственныхъ, ни изъ большихъ заведеній содержимыхъ духовенствомъ. Они всего скорѣе происходятъ изъ среднихъ заведеній (collèges) малыхъ городовъ или селеній.

«Въ малыхъ же городахъ и селеніяхъ, какъ извѣстно, не юридическій факультетъ привлекаетъ молодежь. Тамъ мало адвокатовъ или служащихъ чиновниковъ, но есть довольно врачей, и вотъ тамошняя молодежь преимущественно устремляется къ медицинѣ.

«Вамъ извѣстно мм. гг., что для достиженія медицинскаго факультета, надобно пройдти факультетъ наукъ и тамъ выдержать экзаменъ кандидата естествовѣдѣнія.

«До отмѣненія вступительнаго въ университетъ экзамена, къ испытанію на кандидата наукъ ежегодно являлось среднимъ числомъ не болѣе 88 человѣкъ. Теперь, это среднее число въ послѣдніе три года, съ 1858 по 1860 включительно достигло до 188, т. е. увеличилось болѣе, нежели на сто процентовъ. Очевидно, мм. гг., что это умноженіе воспитанниковъ невольно повлекло за собою ослабленіе въ изученіи медицины. Иначе не могло и быть. Если бы какимъ либо способомъ можно было привлечь еще сотню воспитанниковъ болѣе, то еще болѣе понизится уровень наукъ.

«Замѣтьте, мм. гг., такъ какъ степень университетскаго воспитанника (élève universitaire) отмѣнена, то нѣтъ болѣе никакого рода требованія. Въ университетъ можно поступить, не кончивъ курса наукъ ни въ какой коллегіи, безъ всякаго изученія того, что требуется въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, словомъ, не умѣя, ни читать, ни писать.

«Мнѣ хорошо извѣстно, что неумѣющіе ни читать, ни писать не выдержали бы своихъ экзаменовъ; но это-то именно и бываетъ, какъ вы сейчасъ увидите, съ воспитанниками, которые поступаютъ въ университетъ только по милости отмѣненія всякаго предварительнаго экзамена.

«Что же въ самомъ дѣлѣ бываетъ теперь ежегодно съ этими 188 воспитанниками, поступившими въ факультетъ наукъ, большею частью предназначая себя медицинѣ?

«Когда на слѣдующій годъ они являются на экзаменъ кандидата медицины, ихъ уже только 137, а когда еще годъ спустя они записываются на первый экзаменъ на званіе врача то число ихъ уменьшается до 101, а изъ этого числа сколько выдерживаетъ этотъ экзаменъ? Только 66.

«И что же? Какою нибудь единицею менѣе, это именно число тѣхъ, которые успѣшно выдерживали тотъ же экзаменъ, когда въ факультетъ наукъ поступало только 88 воспитанниковъ, въ послѣдніе годы предъ тѣмъ какъ въ факультетъ вписались воспитанники, поступившіе по новому правилу. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ началѣ съ одной стороны въ факультетъ наукъ вступаетъ 88, съ другой — 188 воспитанниковъ, и при наступленіи перваго экзамена на степень врача съ одной стороны только 66, а съ

другой — только 67-ми удается преодолѣть его, то есть послѣ этого перваго докторскаго экзамена оказывается, что избытокъ 100 воспитанниковъ какъ бы и не вступалъ въ университетъ, — онъ исчезъ. Такимъ образомъ, сотня молодыхъ людей ежегодно теряетъ свое время, просиживаетъ на скамьѣ годъ, два или три года, и ни до чего не достигаетъ.

«Отмѣненіе пріемнаго экзамена равномѣрно должно было необходимо отразиться и на преподаваніи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что въ числѣ значительнаго количества новыхъ воспитанниковъ, поступающихъ теперь въ университеты, безъ сомнѣнія нашлась бы частица такихъ, которые съ бо́льшимъ рвеніемъ трудились бы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что при выходѣ ихъ изъ заведенія, имъ предстоялъ бы экзаменъ для дальнѣйшаго образованія, а сами среднія учебныя заведенія, которыя особенно по слабѣе, соображая непосредственныя неудачи своихъ воспитанниковъ, употребили бы усилія для собственнаго улучшенія».

По всему вѣроятію и самый вопросъ о возобновленіи вступительнаго въ университетъ экзамена возникъ въ Бельгіи въ слѣдствіе глубокаго и всесторонняго убѣжденія, что образованіе, получаемое юношествомъ въ реальныхъ училищахъ или въ реальныхъ отдѣленіяхъ среднихъ учебныхъ заведеній, — не взирая на свою утилитарную сторону, — далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ истинной науки, которыя болѣе или менѣе достигаются въ гуманистическихъ отдѣленіяхъ тѣхъ же заведеній.

На общемъ конкурсѣ для раздачи премій, сентября 24-го дня 1859 года, министръ внутреннихъ дѣлъ Рожье, ясно выразилъ, что *преподаваніе гуманистическихъ наукъ* не мало способствуетъ процвѣтанію художествъ въ Бельгіи, потому что именно это преподаваніе сообщаетъ художникамъ матеріялъ для ихъ вдохновенія. Не въ этихъ ли наукахъ заключается всякая школа возвышенныхъ дѣяній, характеровъ и общественныхъ добродѣтелей; всѣхъ преданій чести, самопожертвованія, генія, патріотизма?... На томъ же самомъ торжествѣ литтихскій профессоръ Ле-Руа, произнесъ рѣчь, въ которой обнаруживается истинный взглядъ на вещи.

Заимствуемъ нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ изъ этой рѣчи:

«Мм. гг., націи сильны довѣріемъ въ самихъ себя. Такое довѣріе зиждется ни на числѣ гражданъ, ни на пространствѣ территоріаль-

номъ. Исторія государствъ древней Греціи есть продолжительное доказательство этой истины. Довѣріе, о которомъ говорю я, существуетъ, когда во всѣхъ общественныхъ сферахъ, среди самыхъ разнородныхъ политическихъ бѣдствій, каждый понимаетъ побудительную причину быть гражданиномъ своей стороны. Надобно, чтобы дѣти наши прониклись бельгійскою идеею; надобно, чтобы каждый изъ нихъ носилъ неизгладимый характеръ своей національности. Но этотъ драгоцѣнный результатъ я требую въ особенности отъ преподавателей, и этотъ вопросъ, какъ вы увидите, неразлученъ съ вопросомъ о классическомъ ученіи.

«Во всѣхъ странахъ свѣта общественное воспитаніе отличается свойственнымъ ему характеромъ и во всѣхъ отношеніяхъ нѣтъ ничего бѣдственнѣе рабскаго слѣпка педагогическихъ учрежденій чужой страны, хотя бы то была классическая страна науки. Объяснимся. Я не хочу сказать, что на свѣтѣ есть гуманистическія науки бельгійскія, которыя въ основаніи отличались бы отъ гуманистическихъ наукъ французскихъ, англійскихъ, или германскихъ: подъ этимъ прекраснымъ названіемъ напротивъ того подразумѣвается ихъ универсальность; все, что заключаетъ въ себѣ образованіе просвѣщеннаго человѣка, въ смыслѣ настоящаго человѣка, составляетъ существенное достояніе всего міра. Но воспитаніе еще менѣе должно облекаться харатеромъ политическимъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: воспитаніе есть дѣло человѣческое въ самомъ обширномъ значеніи этого выраженія и современныя пренія отнюдь не должны откликаться въ его чистой сферѣ.

«Среднія учебныя заведенія, въ такомъ обществѣ, каково наше, постоянно обязаны предупреждать вторженіе внѣшнихъ идей (идей извнѣ). Для этихъ учебныхъ заведеній равнымъ образомъ выгодно не оставлять свѣта подъ спудомъ и не допускать, чтобы онъ превратился во всепожирающее пламя. Просвѣщайте юношество относительно его гражданскихъ обязанностей; все болѣе и болѣе напитывайте его тою мудрою умѣренностью, которая составляетъ истинную силу и достоинство человѣка. Тогда юношество съумѣетъ устоять противъ страшилищъ и соблазновъ; оно будетъ соотвѣтствовать предусмотрительнымъ распоряженіямъ учредителей нашей независимости, и будучи въ одно и тоже время отважнымъ и скромнымъ, оно увеличитъ талантъ, который вы ему поручите на сохраненіе».

Развивая свою мысль Ле-Руа продолжаетъ:

«Преподаванie въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ должно покоиться на основанiи существенно литературномъ, подобно тому, какъ университетское преподаванiе должно быть проникнуто духомъ здравой философiи. Не распространяюсь о послѣднемъ, потому что умственное образованiе особенно зависитъ отъ основнаго обученiя, или отъ гуманистическихъ занятiй. Чтобы соотвѣтствовать потребностямъ времени, надобно было раздвоить науки; но вмѣстѣ съ курсами, которые съ одной и съ другой стороны уже отличаются характеромъ специальности, есть курсы чрезвычайной важности, цѣль которыхъ не столько сообщить воспитанникамъ положительныя свѣденiя, сколько дать имъ въ руки орудiе, которое они могли бы употребить въ дѣло, и особенно развивать ихъ способности и наклонности. Преимущественно при этихъ урокахъ преобладающей необходимости слѣдуетъ толковать не о томъ, что измѣнчиво и непрочно, но о томъ, что нѣкоторымъ образомъ составляетъ нашу индивидуальность, и о всеобщихъ потребностяхъ, которыя происходятъ изъ той среды, гдѣ мы живемъ. Я разумѣю здѣсь курсы языковъ и литературы. Въ этихъ предметахъ, болѣе, нежели въ другихъ, преподаванiе должно быть осязательно и увлекательно; въ немъ должна быть цѣль непосредственная и цѣль въ будущемъ».

Не придавая латинскому языку той важности, какою пользовался онъ въ гимназiяхъ до появленiя реальнаго направленiя, Ле-Руа однакоже говоритъ: «Латинскiй языкъ представляетъ для насъ троякую цѣнность: онъ даетъ намъ средство понимать сокровенный смыслъ выраженiй, которыя мы ежедневно употребляемъ, и тѣмъ самымъ научаетъ насъ думать; онъ обладаетъ высшими красотами и свойственною ему силою выраженiя; наконецъ, своею литературою и своими великими юридическими памятниками онъ составляетъ для новѣйшей Европы обильный источникъ самаго благороднаго обученiя. И такъ, станемъ обработывать его; съ любовью примемся за его изученiе, и пусть нетерпѣливость наша не нарушитъ союза съ его великими преданiями; но не станемъ принимать за цѣль то, что можетъ быть только средствомъ».

Приписывая причины упадка обученiя древнихъ языковъ только слишкомъ схоластическому образу ихъ преподаванiя, Ле-Руа говоритъ въ заключенiе:

«До обнародованiя нашихъ законовъ, въ коихъ такъ счастливо соображено возстановленiе равновѣсiя, обученiе гуманистическимъ

предметамъ занятій, относительно безплодное въ сравненіи съ громаднымъ развитіемъ наукъ, приложимыхъ къ матерьяльнымъ потребностямъ жизни, возбудило почти всеобщее недовѣріе. Не только древніе языки, но и все, что сопряжено съ этимъ существеннымъ воспитаніемъ, которое я называю по преимуществу національнымъ, все, что прямо способствуетъ обработкѣ ума и различныхъ способностей, все это осталось въ пренебреженіи и презрѣніи. Можно было бы сказать: «Будемъ современны. Не допуская сковать себя формами угасшаго просвѣщенія, воспользуемся прошедшимъ для подкрѣпленія себя его опытностью, прежде, нежели въ свою очередь приступимъ къ борьбѣ». Но такъ не говорили: при одномъ имени—*древность*, что говорю я? при одномъ имени—*литература* пожимали плечами. «Къ чему это?» кричали со всѣхъ сторонъ, и люди, почитаемые *степенными*, воспитывали своихъ дѣтей какъ бы во времена Горація, по возможности скорѣе занимая ихъ разсчетами процентовъ, лишая ихъ беззаботности, свойственной возрасту, побуждая ихъ думать только о самихъ себѣ и отталкивать своихъ ближнихъ, наконецъ бросая ихъ безъ компаса среди водъ, усѣянныхъ подводными камнями....

«Вотъ эту болѣзнь предстоитъ намъ вылечить. Законы тысячу разъ были въ правѣ установлять изученіе занятій профессіонныхъ и споспѣшествовать современнымъ требованіямъ. Пусть эти занятія будутъ всесторонни, будутъ щедро организованы, пусть онѣ окрѣпнутъ и будутъ достойны нашей промышленной и коммерческой славы. Но все таки не забудемъ: *заслужитъ названіе національнаго воспитанія*,—даже въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя съ перваго взгляда кажутся національными по своей спеціальности,—можетъ только составъ *гуманистическихъ курсовъ*, если угодно, то пожалуй, новѣйшихъ гуманистическихъ занятій. Я говорю о томъ практическомъ, но еще не приложимомъ обученіи, которое предполагаетъ образавать характеръ и способствовать наклонностямъ тѣхъ юношей, которымъ приходится указать путь жизненнаго поприща. Матерьялизмъ, эгоизмъ, не иначе овладѣютъ обществомъ, какъ останавливая всякій прогрессъ: это надобно спозаранку внушить тѣмъ, коимъ впослѣдствіи придется обращаться только съ матерьяльнымъ міромъ; этимъ людямъ особенно необходимо жертвовать собою на пользу ближняго, на пользу отечества....

«Въ этой жизни надобно идти, а не бѣжать. Всѣ великія движенія природы медленны и періодически постепенны. Нѣтъ ничего

плачевнѣе обученія, которое не довершено, или преждевременно направлено къ цѣли слишкомъ спеціальной. Чтобы дѣйствительно принести плоды, чтобы соотвѣтствовать національной мысли, наше общественное обученіе нуждается въ единствѣ и въ постепенности. То, что я особенно говорю о слишкомъ поспѣшномъ ученіи промышленномъ, то я съ тою же искренностью сказалъ бы объ ученіи университетскомъ, къ коему, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ рѣдко приступаютъ съ искреннимъ желаніемъ истиннаго знанія».

Въ слѣдующемъ 1860 году, на томъ же самомъ торжествѣ общаго конкурса, почти тоже самое высказалъ другой дѣятель на поприщѣ бельгійскаго воспитанія, г. Кунъ, префектъ наукъ въ королевскомъ антверпенскомъ атенеѣ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его рѣчи:

«Милостивые государи, изъ всѣхъ обязанностей, какія взаимно «соединяютъ людей между собою на этой землѣ, нѣтъ древнѣе и «священнѣе обязанности отцовской. Богъ безпрерывно твердитъ «отцамъ краснорѣчивымъ голосомъ крови: «Вы возлюбите чадъ «своихъ, вы заботливо воспитаете ихъ, вы украсите ихъ сердца «добродѣтелями, ихъ умъ полезными свѣдѣніями; вы научите ихъ «со дня на день, съ часу на часъ, трудомъ и наукой, копить проч«ныя сокровища счастія; вы образуете изъ нихъ граждапъ, предан«ныхъ отечеству, въ послѣдствіи достойныхъ лучшаго міра и бла«женства безпредѣльнаго и безоблачнаго».

«Предполагали, будто конституція говоритъ инымъ языкомъ, будто она признаетъ за отцомъ право оставлять его собственныхъ дѣтей погруженными въ унизительномъ невѣжествѣ; будто она запрещаетъ обществу замѣнять собою отца, когда нравственная испорченность или нищета заглушаетъ въ немъ голосъ природы. Къ счастію, все это отнюдь не такъ: и наши законы обязываютъ родителей доставлять дѣтямъ образованіе».

Далѣе говоритъ онъ:

«Но у насъ, мм. гг., обученіе общественное было подведено подъ одно и тоже начало абсолютной свободы, какъ и частное воспитаніе.

«Неужели это такъ? Неужели знаніе и невѣжество, честь и безчестность, просвѣщенное рвеніе и слѣпой фанатизмъ, самая чистая любовь къ отечеству и самыя ниспровергающія мнѣнія, домогательства самыя противорѣчащія общественному порядку, все это

будетъ поставлено въ одинъ рядъ, все это будетъ смѣшано, все это, утвержденное общественностью, предъявитъ притязаніе на право довѣрія семействъ?...

«Милостивые государи, возраженіе было во всей его силѣ обнаружено конституціонной власти, и она не остановила своего рѣшенія. Она предоставила отцамъ безграничное право избирать учителей ихъ дѣтямъ, какъ слѣдствіе отцовской власти, предоставила абсолютное право обучать всякому, какъ слѣдствіе высшаго принципа — свободнаго обнаруженія мысли. Всякая предупредительная мѣра была воспрещена.

«Повторимъ съ самымъ краснорѣчивымъ мужемъ, котораго когда либо слышали съ высоты этой каѳедры и однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ въ дѣлѣ обученія людей:

«Вотъ неизмѣримая уступка государства въ пользу личности. «Изо всѣхъ народовъ материка только бельгійскій народъ допус«тилъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ *полную* свободу обу«ченія».

«Но однако же, мм. гг., если свободное обученіе предоставлено самому себѣ, то отъ этого можетъ пострадать множество интересовъ, можетъ вкрасться много злоупотребленій, которыя я здѣсь по крайней мѣрѣ обозначу.

«Поприще открыто, борьба началась, борьба, неразлучная съ свободою. Каковы будутъ средства для успѣха? Кто таковы соперники?

«Въ первомъ ряду вижу я, — потому что корысть есть могущественный рычагъ, — цѣлую шайку спекуляторовъ, людей неспособныхъ, которые во зло употребляютъ самое священное: довѣріе семействъ».

Изъявивъ пламенное желаніе о возобновленіи экзаменовъ, Кунъ говоритъ:

«Если рѣчь идетъ о профессіяхъ, называемыхъ вольными, то вопросъ является подъ другимъ видомъ. Согласенъ, что государство не подумаетъ покровительствовать такимъ профессіонистамъ. Но неужели останутся безъ защиты тѣ, на счетъ коихъ развиваются эти профессіи? И гдѣ же благотворное вліяніе ассоціаціи? или самые драгоцѣнные для насъ интересы и даже наша жизнь безпрестанно будутъ подвергаться опасности со стороны тѣхъ, которымъ мы ихъ довѣряемъ? Не стану говорить о томъ вредѣ, какой можетъ причинить плохой врачъ во время своей дѣятельности, — только

хорошій врачь могъ бы это исчислить. Что же касается плохихъ авдокатовъ, то они причиняютъ еще болѣе вреда, извращая здравыя понятія права и обязанности. Ужь по мнѣ лучше дикая жизнь, нежели просвѣщеніе, которое предаетъ насъ подобнымъ людямъ.

«Тутъ предупредительныя мѣры необходимы. Есть науки, которыя просвѣщаютъ искусства, промышленность и вольныя профессіи, возвышаютъ уровень интеллектуальныхъ способностей, очищаютъ нравы, облагороживаютъ домогательства толпы. Я разумѣю здѣсь блаженныя и спокойныя области философіи и словесности. Эти науки, по видимому не производящія никакой жатвы, нѣкоторымъ образомъ разработываютъ понятливость и приготовляютъ ее къ воздѣлыванію всякаго рода; эти благородныя науки представляютъ могущественную прелесть, но только для тѣхъ, которые пламенно занимаются ими. Но такое ли зрѣлище представляетъ намъ беззаботное и легкомысленное юношество? Сознáемся,—самые благоразумные изучаютъ гуманистическіе предметы знанія отчасти только по прилежанію, но особенно въ слѣдствіе поощренія; большая часть занимаются ими по (необходимости) принужденію, весьма немногіе изъ любви къ предмету ученія. Многіе ли юноши, по окончаніи курса наукъ въ гуманистическомъ разрядѣ, могутъ съ толкомъ читать Цицерона, Ѳукидида, Гомера и Виргилія? Если искренно желать этого результата, если таковое первое и существенное условіе благаго ученія, то надобно просить его у закона, у одного только закона. Пусть онъ выскажется ясно, и ему станутъ повиноваться, наше юношество въ послѣдствіи будетъ за то благодарно.

«Эти соображенія заимствуютъ новую силу отъ обстоятельствъ, среди коихъ мы живемъ. Изо всѣхъ призваній самое обыкновенное въ наше время есть обогащеніе; это всеобщій вкусъ, это общая страсть. Только прикладныя науки теперь въ почетѣ. Со дня вступленія въ collège, юноша учится съ отцомъ своимъ исчислять все, что принесетъ каждая изъ наукъ, которымъ заставляютъ его учиться; но бóльшая часть наукъ не оправдываетъ этихъ расчетовъ, и вотъ юноша ими пренебрегаетъ, и всего чаще не достигаетъ цѣли по нетерпѣнію достигнуть ея скорѣе. Допускать такой образъ дѣйствія, какъ того желаютъ нѣкоторые умники, значило бы оправдать пагубное заблужденіе, повергнуть въ неуваженіе самыя благородныя профессіи, ослабить всѣ общественныя пружины.

«И такъ, не станемъ внимать этимъ утопистамъ, которые отправляются отыскивать для насъ обманчивую свободу у новыхъ наро-

довъ, отдѣленныхъ отъ насъ океаномъ; лучше послѣдуемъ совѣтамъ старушки Европы, или еще лучше, останемся вѣрны нашимъ собственнымъ преданіямъ и отвергнемъ всѣ эти исполненныя приключеній пути, въ концѣ которыхъ сказалось бы разрушеніе наукъ.

«Не станемъ слушать и тѣхъ, которые отъ избытка довѣрія или по нескромной любви къ свободѣ, желали бы сохранить только профессіонные экзамены; эти экзамены вскорѣ оказались бы невозможными и изчезли вмѣстѣ съ прочимъ. Зданіе не будетъ держаться, если вы разрушите подпирающіе его столбы.

«Законъ несовершенъ со времени уничтоженія экзамена университетскаго воспитанника. Этотъ экзаменъ необходимѣе всѣхъ прочихъ: *это не мое отдѣльное мнѣніе, но такъ думаютъ всѣ университеты, всѣ среднія учебныя заведенія* (за исключеніемъ только заведеній одного могущественнаго общества), *присяжные и всѣ авторитеты по учебной части.* Но я не настаиваю, въ надеждѣ, что этотъ экзаменъ скоро возобновятъ; ручательствомъ служатъ мнѣ превосходныя намѣренія правительства и въ особенности просвѣщеннаго министра, котораго, еще до меня, другіе провозгласили возстановителемъ наукъ».

Такія сужденія встрѣтилъ я въ разговорахъ съ людьми, спеціальными въ дѣлѣ воспитанія; тоже самое услышалъ я и отъ четырехъ директоровъ посѣщенныхъ мною атенеевъ: Брюссельскаго, Гентскаго, Антверпенскаго и Литтихскаго. Всѣ они единогласно объяснили мнѣ, что никто изъ нихъ не питаетъ никакого довѣрія къ будущему преуспѣянію реальныхъ отдѣленій и училищъ, что рано или поздно гуманизмъ одержитъ верхъ, не взирая на противоборство партіи, останавливающей ходъ просвѣщенія и что нѣтъ ни малѣйшей надежды, будто въ университеты будутъ принимать, по экзамену, кончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ. Послѣднему отнюдь никогда не бывать, особенно теперь, когда вступительный въ университеты экзаменъ возобновленъ.

Но, однакоже, до какой степени уничтоженіе университетскаго экзамена отозвалось на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, можно судить изъ того, что при первомъ посѣщеніи моемъ брюссельскаго королевскаго атенея въ старшемъ классѣ гуманистическаго отдѣленія было всего 11 учениковъ, а въ старшій классъ реальнаго отдѣленія изъ 4 учениковъ явился только одинъ, въ слѣдствіе чего урока не было.

Былъ я и въ другихъ классахъ этого заведенія и относительно методы преподаванія могъ замѣтить, что въ гуманистическомъ отдѣленіи до 1-го класса преобладаетъ система классныхъ учителей, а въ реальномъ отдѣленіи болѣе видна система предметныхъ учителей. По древнимъ языкамъ очень много читаютъ бѣгло (курсорически) и кромѣ того въ большомъ употребленіи подстрочные переводы. Въ III классѣ, гдѣ былъ 41 ученикъ, при мнѣ, въ теченіи одного урока читали изъ Юлія Цезаря de Bello gallico 5 главъ и безъ приготовленія, на каждую главу назначался одинъ ученикъ; остальныхъ учениковъ въ это время не спрашиваютъ. Въ 1-мъ классѣ гуманистическаго отдѣленія, первое получасіе преподаватель посвятилъ объясненію отрывка отъ Цинны Корнеля, а въ продолженіе втораго получасія разбиралъ письменныя упражненія воспитанниковъ, т. е. нѣкоторыя очень подробно, а другія пропускалъ безъ всякаго вниманія. Ученики между тѣмъ не говорили ни единаго слова, какъ бы то было на университетской лекціи. Одинъ изъ преподавателей этого атенея въ послѣдствіи говорилъ мнѣ, что здѣсь господствуетъ обыкновеніе заучивать много наизусть и что большая часть учителей не имѣютъ понятія о педагогикѣ: каждый идетъ своимъ путемъ и не заботится о дѣйствіяхъ своихъ сотоварищей, чему способствуетъ болѣе всего отсутствіе педагогическихъ совѣтовъ и разсужденій въ нихъ о частныхъ вопросахъ педагогіи или отдѣльныхъ случаяхъ, встрѣчающихся въ училищѣ.

Относительно внѣшняго школьнаго порядка упомяну, что отдохновенія между уроками нѣтъ; только послѣ втораго урока *) 5 минутъ отдыха. Въ годъ бываютъ всего двѣ конференціи, не болѣе — одна для установленія программъ, другая — при перемѣщеніи учениковъ изъ класса въ классъ.

Особенное вниманіе училищнаго начальства обращено на школьныя тетради и книги: въ первыхъ соблюдаются порядокъ, чистота и даже изящество; вторые переплетены просто, но весьма хорошо.

Въ заключеніе моихъ выводовъ изъ наблюденій надъ ходомъ образованія въ Бельгіи, мнѣ оставалось посѣтить Антверпенъ. Тамъ есть атеней съ двумя отдѣленіями — гуманистическимъ и реальнымъ;

*) Уроки всѣ часовые, продолжаются въ гуманистическомъ отдѣленіи съ $8\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ и съ 2 до 4 (кромѣ вторника и четверга, когда послѣ-полуденныхъ уроковъ нѣтъ) — слѣдовательно 5 часовъ въ день; въ реальномъ отдѣленіи — ежедневно по 6 часовъ: съ 8 до 12 и съ 2 до 4 часовъ.

тамъ существуетъ также коммерческій институтъ (Institut de commerce), или высшее коммерческое училище. Въ самомъ дѣлѣ, древній торговый и портовый городъ, гордый преданіями о своей промышленности и несомнѣнною дѣятельностью купеческаго сословія, могъ представить иностранцу разительную противоположность въ той приверженности къ реальному направленію, какой нигдѣ особенно не замѣтно, ни въ Брюселѣ, ни въ Гентѣ, ни въ Литтихѣ. Но именно Антверпенъ окончательно уничтожилъ мои сомнѣнія относительно взгляда просвѣщеннаго большинства на образованіе болѣе или менѣе національное.

При посѣщеніи мною антверпенскаго атенея прежде всего поразила меня значительная разница въ числѣ учениковъ обоихъ отдѣленій: въ гуманистическомъ было всего 70, а въ реальномъ 220 воспитанниковъ; но при болѣе точномъ вниманіи къ дѣлу оказалось, что старшаго класса въ реальномъ отдѣлѣ совершенно не существуетъ за недостаткомъ учениковъ, а въ предпослѣднемъ классѣ было всего 4 воспитанника. Это происходитъ отъ того, что масса купеческаго и вообще промышленнаго сословія отнюдь не убѣждена въ основательности тѣхъ свѣденій, какія могутъ быть сообщены юношамъ, сыновьямъ купцовъ, техниковъ и разнаго рода профессіонистовъ. Всѣ эти люди берутъ дѣтей своихъ гораздо ранѣе перехода послѣднихъ въ высшіе классы реальнаго отдѣленія и, доставляя этимъ юношамъ мѣста и должности въ 600 или 500 франковъ, уже довольны тѣмъ, что дѣти превзошли ихъ, потому что сами они въ томъ возрастѣ не получали такого содержанія. Но еще болѣе разительный фактъ, подтверждающій наши заключенія, представляетъ антверпенскій коммерческій институтъ.

Это высшее учебное заведеніе было учреждено почтенными мужами съ спеціальною цѣлью сообщать юнымъ негоціантамъ точныя и положительныхъ свѣденія о кредитѣ, политической экономіи и т. п. Что же вышло на дѣлѣ? Сначала белгійская молодежъ ринулась въ этотъ институтъ; но не обладая положительностью предварительныхъ свѣденій, мало по малу отставала отъ установленнаго курса, что съ другой стороны имѣло опять слѣдствіемъ пониженіе требованій на вступительномъ испытаніи.

Въ настоящее время антверпенскій коммерческій институтъ болѣе наполненъ иностранцами, нежели бельгійцами.

Такимъ образомъ Бельгія относительно народнаго образованія

отчасти въ слѣдствіе чрезмѣрнаго развитія личнаго произвола въ дѣлѣ воспитанія, отчасти же въ слѣдствіе постоянной и повсемѣстной борьбы двухъ непримиримыхъ партій, — находится въ состояніи полумѣръ и шаткихъ опытовъ, изъ котораго выйдетъ только при извѣстной твердости со стороны правительства. Просвѣщенное большинство,— подпора правительственныхъ распоряженій,— убѣждено въ томъ, что жизнь каждаго народа представляетъ моменты, когда человѣкъ самый дѣятельный, нѣкогда самый образованный, видитъ, до какой степени новыя идеи превышаютъ его: онъ еще хорошо понимаетъ ихъ, но слѣдовать за ними не въ состояніи. И тогда-то прежній дѣятель долженъ находить подпору въ молодыхъ силахъ своего сына, юность котораго онъ хорошо подготовилъ къ предстоящей дѣятельности, и если послѣдній, лучше и правильнѣе понимая потребности своего времени, смѣло идетъ впередъ, отецъ удовольствуется руководить его своею прежнею опытностью. Но партія, противодѣйствующая благотворнымъ въ отношеніи народнаго образованія дѣйствіямъ бельгійскаго правительства, многочисленна, сильна своею настойчивостью и крѣпка своими закоснѣлыми принципами; она проникаетъ всюду, гдѣ ей предстоитъ работа — своимъ вліяніемъ подрыть заведеніе правительственное; она основываетъ свои атенеи, свои коллежи, свои пансіоны, свои экстернаты и такимъ способомъ воспитываетъ молодежь, которая отнюдь не соотвѣтствуетъ ни видамъ правительства, ни требованіямъ просвѣщеннаго большинства.

Совершенно иное зрѣлище представила мнѣ Франція. Тутъ дѣло народнаго образованія подлежитъ болѣе или менѣе систематическому единству, что видно изо всѣхъ распоряженій министерства просвѣщенія. Напримѣръ, февраля 25-го дня 1860 года вышло императорское постановленіе, въ коемъ значится, что названіе лицей принадлежитъ только среднимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя содержатся на счетъ правительства и находятся въ его вѣденіи и только учебнымъ заведеніямъ подобнаго же рода, основаннымъ и содержимымъ общинами, *подъ надзоромъ и вѣденіемъ правительства*, принадлежитъ наименованіе *коллежей*. Прочимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, вольнымъ и частнымъ училищамъ (за исключеніемъ такихъ заведеній, которыя до закона 15-го мая 1850 года назывались коллежами), воспрещается наименованіе коллежей. Но система единства въ управленіи народнаго образованія и надзора за всѣми учебными заведеніями особенно видна въ инструкціи

для императорскихъ лицеевъ *), изданной (15-го ноября 1854 года) бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Форту. Въ этой инструкціи обозначены всѣ малѣйшія подробности плана ученія, исполненія его на практикѣ, обязанности всѣхъ лицъ, которыя завѣдуютъ учебною частію въ лицеяхъ и наблюдаютъ за воспитанниками внѣ учебнаго времени. Чтобы дать понятіе, до какой степени подробно изложено въ ней многое, привожу то, что сказано тамъ объ элементарномъ обученіи воспитанниковъ лицеевъ.

«Не входя въ дальнѣйшія подробности завѣдыванія различными частями элементарнаго обученія, достаточно указать, въ немногихъ общихъ правилахъ, духъ методы, которая можетъ ручаться за успѣхъ и соблюденіе которой можно легко соединить съ разнообразіемъ пріемовъ преподаванія, какіе можетъ усвоить себѣ каждый учитель:

«1) Никогда не заставлять ничего учить наизусть, что предварительно не было хорошо объяснено и хорошо понято, и для каждаго класса не задавать болѣе двухъ изустныхъ уроковъ.

«2) Частыми вопросами удостовѣряться, что свѣденія, сообщенныя уму дѣтей, оставили въ немъ какое либо впечатлѣніе и дѣйствительно озарили его.

«3) Какъ можно чаще употреблять въ дѣло *черную доску* при различныхъ упражненіяхъ.

«4) Всегда задавать такіе уроки, которые всѣмъ воспитанникамъ было бы легко выполнить, и никогда не задавать такой письменной работы, которая въ послѣдствіи не была бы провѣрена и исправлена.

«5) Никогда не откладывать исправленія задачъ, изготовленныхъ для каждаго класса, и отъ каждаго воспитанника требовать разборчиваго почерка, орфографіи и правильной разстановки знаковъ препинанія.

«6) Требовать, чтобы всякая исправленная задача была переписана въ особенную тетрадь.

«7) Заставлять заучивать формулы грамматическихъ правилъ не иначе, какъ по ихъ изложеніи и объясненіи и послѣ предварительнаго упражненія въ нихъ воспитанниковъ.

*) Instruction générale sur l'exécution du plan d'études des lycées imperiaux. Paris (impr. de J. Delalain 1854. 12°).

«8) При чтеніи и объясненіи французскихъ текстовъ тщательно стараться заставлять дѣтей понять точный смыслъ словъ, значеніе выраженій, оттѣнки самыхъ употребительныхъ синонимовъ и связь, какую корнесловіе установляетъ между словами одной и той же семьи».

И такъ далѣе.

Я нарочно выписалъ это для показанія, въ какія мелочныя подробности, извѣстныя самому плохому преподавателю, входитъ инструкція министра Форту. Но это еще болѣе видно изъ нижеслѣдующаго:

«Такъ какъ элементарное образованіе касается очень юныхъ дѣтей, то необходимо распредѣлить классное время съ тою цѣлью, чтобы поддерживать вниманіе, отнюдь не утомляя его.

По сему необходимо пригласить преподавателей сообразовываться съ слѣдующими указаніями.

Восьмой классъ.

Утренніе часы.

Молитва и пересказываніе урока наизустъ (французская грамматика и французскіе авторы)	15	мин.
Объясненіе уроковъ для слѣдующаго дня	15	»
Чтеніе	15	»
Упражненіе (на доскѣ) въ приложеніяхъ французской грамматики	15	»
Исправленіе орфографической задачи и диктовка новой задачи	30	»
Исправленіе отвѣтовъ на грамматическіе вопросы и диктовка новыхъ вопросовъ	20	»
Упражненія (на доскѣ) въ грамматическомъ разборѣ .	10	»

Вечерніе часы.

Молитва и пересказываніе уроковъ наизустъ (исторія и географія) . , ...	15	мин.
Объсненіе уроковъ для слѣдующаго дня	15	»
Вопросы по предмету исторіи и географіи	15	»
Чтеніе	15	»
Пересмотръ исправленной орфографической задачи утренняго класса	15	»

Исправленіе отвѣтовъ на историческіе и географическіе вопросы и диктовка новыхъ вопросовъ на завтрешній день . . . . 25 мин.

Практическій урокъ счета, на доскѣ. . . . . 20 »

(Такое же разпредѣленіе времени существуетъ и для слѣдующихъ классовъ по разнымъ учебнымъ предметамъ).

«Почти излишне (продолжаетъ инструкція) замѣчать здѣсь, до какой степени личность преподавателя и благоразумное распредѣленіе совѣтовъ, поощреній и наградъ производятъ вліяніе на способности и успѣхи дѣтей. Въ такой возрастѣ, когда можно дѣйствовать болѣе на чувство, нежели на разумъ, необходимо, чтобы воспитанники душевно привязались къ учителю, если послѣдній хочетъ пріучить ихъ къ труду. Эти юныя сердца, исполненныя откровенности, быстро угадываютъ заботу о нихъ преподавателя, и рѣдко, если не спѣшатъ ей соотвѣтствовать. Порядокъ, дисциплина, прилежаніе достигаются безъ усилія, когда учителъ умѣлъ привлечь себѣ сочувствіе класса. Этимъ облегчается самый трудъ преподаванія, а воспитанники исполняютъ для учителя то, что они можетъ-быть не всегда исполнили бы ради устава (règlement)».

Приводя все это въ доказательство, до какой степени господствуетъ во Франціи система регламентаціи, или лучше сказать, страсть составлять уставы, я предоставляю судить объ удобоисполнимости инструкціи относительно распредѣленія занятій по минутамъ. Правила дидактики не согласуются съ подобнымъ распредѣленіемъ, причиною котораго былъ чрезмѣрный произволъ учителей, далеко преступавшихъ границы, предписывавшіяся программами.

Относительно личнаго состава *) преподавателей и ихъ жалованья, лицеи (за исключеніемъ парижскихъ и версальскаго) раздѣлены на четыре разряда.

Въ лицеяхъ,. гдѣ вполнѣ устроены оба отдѣла въ высшихъ классахъ, преподаваніе чистой и прикладной математики распредѣлено между двумя штатными учителями (professeurs titulaires) и двумя учителями-репетиторами (prof. répétiteurs); преподаваніе наукъ физическихъ, химическихъ и естественныхъ — между однимъ штатнымъ учителемъ и двумя учителями-репетиторами. Кромѣ того при каждомъ лицеѣ есть учитель черченія, а въ лицеяхъ, гдѣ су-

*) Декреты 10-го сентября 1852 года и 16-го апрѣля 1853 года.

ществуетъ преподаваніе специальной математики, есть еще одинъ штатный учитель для сего предмета. Если по причинѣ числа воспитанниковъ встрѣчается необходимость образовать паралельные классы то подраздѣленіе поручается одному преподавателю, такъ называемому учителю-адъюнкту (professeur adjoint).

Изъ слѣдующей таблицы можно видѣть сколько уроковъ обязанъ дать учитель каждаго предмета и сколько онъ получаетъ за то вознагражденія.

НАЗВАНІЯ УЧИТЕЛЕЙ ПО ПРЕДМЕТАМЪ.	СКОЛЬКО 2 ЧАСОВЫХЪ УРОКОВЪ ОБЯЗАНЪ ДАТЬ ВЪ НЕДѢЛЮ.	СКОЛЬКО ЧАСОВЪ ВЪ НЕДѢЛЮ ОБЯЗАНЪ ПОСВЯТИТЬ РКПЕТИЦІЯМЪ И ЭКЗАМЕНАМЪ.	СКОЛЬКО ЖАЛОВАНЬЯ ПОЛУЧАЕТЪ КАЖДЫЙ УЧИТЕЛЬ. ВЪ ПАРИЖСКИХЪ ЛИЦЕЯХЪ. 1	2	3	ВЪ ДЕПАРТАМЕНТСКИХЪ ЛИЦЕЯХЪ. 1	2	3	4
			Р А З Р Я Д А.						
А. *Штатный учитель.*									
Специальной математики .	5	4							
Чистой и прикладной математики	6	4							
Физики	6	2							
Химіи	6	2							
Естествовѣденія . . .	6	2							*)
Логики	7	4	3000	2500	2000	2000	1800	1700	1600
			франковъ.						
Реторики	7	4							
Исторіи.	7	4							

*) Кромѣ того между штатными учителями распредѣляется доходъ, получаемый отъ вычета $^{9}/_{100}$ пансіонерной платы съ каждаго воспитанника и $^{5}/_{10}$ платы экстерновъ съ разными прибавками за допущеніе ихъ къ репетиціямъ и экзаменамъ, но за то штатнымъ учителямъ воспрещается принимать участіе въ репетиціяхъ и урокахъ по частнымъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства министерства просвѣщенія.

НАЗВАНІЯ УЧИТЕЛЕЙ ПО ПРЕДМЕТАМЪ.	СКОЛЬКО 2 ЧАСОВЫХЪ УРОКОВЪ ОБЯЗАНЪ ДАТЬ ВЪ НЕДѢЛЮ.	СКОЛЬКО ЧАСОВЪ ВЪ НЕДѢЛЮ ОБЯЗАНЪ ПОСВЯТИТЬ РЕПЕТИЦІЯМЪ И ЭКЗАМЕНАМЪ.	СКОЛЬКО ЖАЛОВАНЬЯ ПОЛУЧАЕТЪ КАЖДЫЙ УЧИТЕЛЬ.						
			ВЪ ПАРИЖСКИХЪ ЛИЦЕЯХЪ.			ВЪ ДЕПАРТАМЕНТСКИХЪ ЛИЦЕЯХЪ.			
			1	2	3	1	2	3	4
			р а з р я д а.						
Всѣхъ предметовъ во 2 и 3 классахъ	8	4							
Грамматики	10	—							
Элементарнаго обученія .	10	—							
Б. *Учители-репититоры (professeurs répétiteurs).* по тѣмъ же предметамъ и за то же самое число уроковъ и часовъ				2400		1800	1600	1500	
В. *Учители черченія*				1500		1200	1100	1000	
Г. *Учители-адъюнкты (professeurs adjoints)* .				2500		1800	1600	1400	1200
			ф р а н к о в ъ.						

По инструкціи министра Форту, которой лицеи слѣдуютъ понынѣ, въ каждомъ классѣ ежедневно бываетъ двѣ двухъ-часовыхъ лекціи, а именно одна съ 8 до 10 часовъ утра, а другая съ $2^1/_2$ до $4^1/_2$ часовъ пополудни. Кромѣ того каждый учитель (professeur) имѣетъ право давать воспитанникамъ частные уроки, какъ дополненіе лекцій своихъ или чужихъ, но не болѣе какъ 10 воспитанникамъ заразъ. Эти частные уроки можно давать только въ извѣстное, уставомъ положенное время, а именно съ 10 до 11 или $11^1/_2$ часовъ утра, что сверхъ жалованья составляетъ для каждаго преподавателя доходъ въ 4,000 фран. считая по 400 фр. съ каждаго берущаго уроки воспитанника, каковая плата установлена за эти частныя занятія. Прочее время воспитанники обязаны посвящать домашнимъ занятіямъ, которыя совершаются или дома или въ стѣнахъ самаго лицея, подъ надзоромъ репетиторовъ (maitres d'études или maitres ré-

pétiteurs). На нихъ лежитъ вся отвѣтственность за внѣшній порядокъ и дисциплину между воспитанниками, вся тяжесть приготовленія уроковъ и исправленія письменныхъ задачъ внѣ класса. Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что главный характръ образованія въ лицеяхъ составляетъ *интернатъ*, т. е. остатки прежняго монастырскаго воспитанія — замкнутость въ стѣнахъ заведенія. Изъ пяти находящихся въ Парижѣ лицеевъ: 1) Louis le Grand, 2) Napoléon, 3) Saint-Louis, 4) Charlemagne и 5) Bonaparte — только въ два послѣдніе принимаютъ воспитанниковъ — экстерновъ, а именно: экстерновъ — вольноприходящихъ (externes libres) и экстерновъ надзираемыхъ (exsternes surveillés). Установленіе сего послѣдняго разряда воспитанниковъ снова представляетъ доказательство преобладанія системы интерната, распространенной и на экстерновъ: послѣ вечернихъ уроковъ эти воспитанники должны принимать участіе въ общемъ приготовленіи уроковъ (études en commun), которое подъ надзоромъ же репетиторовъ совершается вечеромъ съ 5 до 8 часовъ. Даже многіе вольноприходящіе (externes libres) въ сущности могутъ считаться такими только въ отношеніи самаго лицея, въ который они приходятъ только на время преподаванія; впрочемъ же воспитываются въ весьма многочисленныхъ частныхъ пансіонахъ. Изъ сказаннаго явствуетъ, что весь успѣхъ преподаванія основывается на домашнемъ или внѣклассномъ повтореніи уроковъ, потому что учители въ классахъ привыкли болѣе читать лекцію, нежели заставлять работать самыхъ воспитанниковъ. Какъ слѣдствіе такой методы, я замѣтилъ, что воспитанники очень хорошо пишутъ, то есть правильно и отчетливо излагаютъ свои мысли на бумагѣ, но въ изустномъ изложеніи мало отличаются отъ нашихъ учениковъ: таже вялость въ словесныхъ отвѣтахъ уроковъ, когда кромѣ памяти приходится работать умомъ, тоже неумѣнье объяснять свои мысли и излагать собственныя впечатлѣнія словами — видны въ воспитанникахъ и парижскихъ лицеевъ. Вѣроятно пестрота общественной жизни въ Парижѣ и яркость впечатлѣній, и всего скорѣе солидная тщательность въ письменныхъ упражненіяхъ образуютъ молодаго парижанина и въ ловкости разговора и въ энциклопедизмѣ свѣденій.

Къ чести учителей впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что они не упускаютъ случая сообщать своимъ ученикамъ различныя свѣденія, хотя не прямо относящіяся къ предмету преподаваемаго урока.

Не могу умолчать о внѣшней обстановкѣ парижскихъ лицеевъ.

Зданія отличаются обширностью помѣщенія и удобствомъ расположенія. Одно изъ заведеній—Petit Collège à Vanvres—въ окрестностяхъ Парижа, можетъ служить образцовымъ училищнымъ зданіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, изящностью постройки и различными удобствами такъ и опрятностью и всѣми устройствами для гигіены. Классныя комнаты обширны, свѣтлы и воспитанники помѣщаются на удобно устроенныхъ амфитеатрахъ.

Теперь мнѣ остается изложить свои наблюденія надъ системою *бифюркаціи* (bifurcation) въ лицеяхъ, или раздвоеніи ихъ высшихъ классовъ на отдѣленіе (словесное, филологическое) *гуманистическое* (section des lettres) и профессіонное, *реальное* (section des sciences). Мысль этой бифюркаціи приписываютъ бывшему министру народнаго просвѣщенія Форту *) (Fortoul) который осуществилъ ее въ законѣ преподаванія 1852 года. Но всего вѣроятнѣе Форту былъ только выполнителемъ болѣе высшаго и зрѣлаго соображенія, коему при возобновленіи государственнаго порядка, подъ вліяніемъ событій 1852 года, необходимо было занять дѣятельность молодежи блестящею новизною, весьма ловко расчитанною на воспріимчивость и увлекательность французскаго характера. Умы заняты и цѣль достигнута; какое дѣло, если подобная мѣра остановитъ ходъ естественнаго и раціональнаго образованія?... И дѣйствительно, молодежъ старшаго возраста пылко бросилась на вновь открывшееся поприще дѣятельности: изъ сравнительной, прилагаемой при семъ таблицы видно, какъ въ первые годы по введеніи бифюркаціи число учениковъ реальнаго отдѣленія класса Logique большею частью $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, а въ иныхъ лицеяхъ (S. Louis) въ 6, 7, 12 и 16 разъ превышаетъ число учениковъ гуманистическаго отдѣленія того же класса. Въ 1856 году съ началомъ новаго министерства, въ лицѣ г. Рулана, приливъ воспитанниковъ въ реальныя отдѣленія высшихъ классовъ видимо уменьшается. Гуманистическое отдѣленіе предпослѣдняго класса — Rhétorique — превышаетъ реальное отдѣленіе числомъ воспитанниковъ почти во всѣхъ лицеяхъ. Впрочемъ, реальныя отдѣленія французскихъ лицеевъ не такъ рѣзко отличаются отъ гуманистическихъ; и въ тѣхъ, и въ другихъ латинскій языкъ составляетъ обязательный предметъ ученія.

---

*) Министерство котораго продолжалось съ 3-го декабря 1851 года до 1-го іюля 1856 года. Его временно заступилъ маршалъ Вальянъ до 13-го августа 1856 года; съ этого времени вступилъ нынѣшній министръ Руланъ (Rouland).

Во Франціи всѣ теперь единодушно того мнѣнія, что основаніе къ умственному образованію и солидному просвѣщенію составляютъ и всегда будутъ составлять гуманистическія науки, и что если уже начинать бифюркацію, то не ранѣе, какъ со II, но отнюдь не съ III класса, какъ это совершается теперь. Директоры всѣхъ парижскихъ лицеевъ (а трое изъ нихъ математики) подтверждали мнѣ это мнѣніе слѣдующимъ неопровержимымъ фактомъ. Всѣ молодые люди, кончавшіе свой курсъ въ Rhétorique, гуманистическаго отдѣленія, если переходили въ Logique реальнаго отдѣленія, для окончанія своего ученія по реальному отдѣленію, сначала шли какъ будто вяло относительно математическихъ наукъ, рѣшенія задачъ и быстроты пріемовъ, но по прошествіи перваго семестра далеко оставляли за собою лучшихъ учениковъ реальнаго отдѣленія и вполнѣ затемняли ихъ своими успѣхами.

Директоры приписываютъ причину этого явленія несомнѣнно бо̀льшей умственной развитости, которая замѣчается въ воспитанникахъ гуманистическаго отдѣленія.

Section des lettres всѣхъ лицеевъ остается единственнымъ приготовительнымъ заведеніемъ для будущихъ студентовъ богословія, медицины, филологіи, права и камеральныхъ наукъ; но и кромѣ того требуется или переводъ съ латинскаго, или степень бакалавра словесныхъ наукъ (bachelier ès lettres) при вступленіи въ реальное отдѣленіе высшаго нормальнаго училища, въ императорское училище хартій (назначаемое для образованія архиваріусовъ и палеографовъ), фармацевтическое училище, медицинскія и юридическія училища и въ императорское лѣсное училище. Все это доказываетъ, какъ велико довѣріе просвѣщеннаго сословія къ гуманистическимъ наукамъ. Правда, въ послѣдніе годы духовенство исходатайствовало для возвышенія своихъ среднихъ учебныхъ заведеній право вступленія молодыхъ людей въ университетъ съ степенью бакалавра словесныхъ наукъ, и отъ этого поступленія высшіе классы пустѣютъ — Logiques — всѣхъ лицеевъ: юноши выступаютъ изъ Rhétorique и держатъ экзаменъ на степень бакалавра; но долго ли это продолжится, не извѣстно.

Еще въ бытность мою въ Бельгіи, я читалъ въ National слѣдующее извѣстіе изъ Франціи отъ 7-го іюля:

«Утверждаютъ, что въ высшихъ слояхъ народнаго просвѣщенія предпринимаются значительные труды съ цѣлью совершеннаго преобразованія въ высшемъ обученіи. Поговариваютъ даже, что эта

реформа не только касается измѣненій въ уставахъ, но что всѣ эти перемѣны, по своей важности, должны быть представлены на утвержденіе палатъ. Дѣло идетъ о совершенномъ переиначеніи системы бифюркаціи, которая введена г. Форту и однимъ изъ ярыхъ приверженцевъ который остается г. Дюма (сенаторъ). Г. Форту особенно заботился расширить спеціальныя науки, согласно особеннымъ наклонностямъ молодыхъ людей.

«Къ системѣ бифюркаціи довела его недостаточность реальныхъ наукъ. Что же изъ этого вышло? Можетъ быть, число приверженцевъ реальныхъ наукъ и увеличилось, но за то значительно понизился уровень словесныхъ наукъ, особенно въ провинціяхъ. И вотъ этому результату желаютъ противодѣйствовать. Дѣло не легкое. Говорятъ, что г. Руланъ горячо принялся за трудъ представитъ новые планы, которые помогли бы горю».

И дѣйствительно, когда по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, по осмотрѣ всѣхъ лицеевъ я узналъ мнѣніе большинства относительно гуманистическаго и реальнаго направленія въ дѣлѣ образованія юношества,—то мнѣ особенно любопытно было присутствовать при торжественной раздачѣ премій общаго конкурса, происходившей въ сорбонской академіи $^{10}/_{22}$ августа. По видимому передовые люди въ дѣлѣ образованія, какъ въ Бельгіи, такъ и во Франціи, избираютъ именно это торжество или для высказыванія мнѣній просвѣщенной массы, или для объясненія программы собственныхъ дѣйствій. Такъ и министръ Руланъ при этомъ торжествѣ высказалъ много задушевнаго.

Объясняя обязанность воспитывать молодое поколѣніе, обращаясь къ чувствамъ отца-воспитателя и француза-патріота, онъ говорилъ:

«Народное просвѣщеніе слѣдуетъ всегда поддерживать на уровнѣ интеллектуальныхъ потребностей каждой эпохи. Такимъ образомъ, мм. гг., въ настоящее время мы были бы счастливы, если бы намъ удалось усовершенствовать литературное образованіе и организовать второстепенное образованіе профессіонное».

Упоминая о необходимости спеціальнаго образованія для извѣстныхъ сословій, о невозможности дать всѣмъ образованіе гуманистическое, Руланъ говоритъ:

«И такъ, мм. гг., пойдемъ впередъ, и да помогутъ намъ своимъ содѣйствіемъ и императоръ, и вся имперія, потому что мы хотимъ блага, а благія намѣренія всегда оправдываются.

«Станемъ надѣяться, что проектъ — продолжать ревизію программы словесныхъ наукъ и освободить ее отъ всякаго излишества — будетъ принятъ благосклонно. Не выгоднѣе ли было бы предоставить болѣе досуга воспитанникамъ, которые можетъ быть слишкомъ исключительно преданы упражненіямъ, предписаннымъ уставами, чтобы они могли достигнуть большей самобытности? Какъ съ пользою читать лучшія произведенія; какъ испытывать себя въ сочиненіяхъ, къ которымъ чувствуешь призваніе; какимъ путемъ должны рождающіеся инстинкты воображенія дѣйствовать на самое основаніе наукъ, если постоянный трудъ надъ уроками и задачами парализируетъ всякое проявленіе личности? Не тоже ли самое должно сказать объ учителяхъ и профессорахъ, которымъ при всемъ ихъ усердіи и при всей ихъ неутомимости, было бы лучше не до такой степени обременяться работою? Наконецъ, неужели нельзя пожелать, чтобы бакалаврство словесныхъ наукъ превратилась въ испытаніе болѣе разумное и болѣе вѣрное, тогда какъ до сихъ поръ оно еще частенько составляетъ только гимнастику памяти и такимъ образомъ побуждаетъ молодежъ дезертировать отъ ученія солиднаго и правильнаго, благопріятствуя поспѣшнымъ и обманчивымъ подготовкамъ? Всѣ эти вопросы, освѣщенные опытностью, достойны заботливости университета, который принимаетъ на себя обязанность изслѣдовать ихъ и разрѣшить».

Громкія рукоплесканія были отвѣтомъ на эти слова, которыя безъ сомнѣнія найдутъ отголосокъ въ умахъ истинныхъ ревнителей просвѣщенія и явно выражаютъ начало реакціи въ пользу гуманистическаго образованія и во Франціи.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ЧИСЛА ВОСПИТАННИКОВЪ ВЪ ГУМАНИСТИЧЕСКОМЪ И РЕАЛЬНОМЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ ПАРИЖСКИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ЛИЦЕЕВЪ.

	1852.	1853.	1854.	1855.	1856.	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	Средній выводъ.
Императорскій лицей Карлъ Великій (Charlemagne).												
Общее число воспитанниковъ:												
въ отдѣленіи гиманистическомъ												
» » реальномъ												
» III кл. отдѣл. гуманистическаго	87	44	40	39	49	39	36	40	52	44	42	42,5
» » » » реальнаго		36	52	50	49	50	48	34	51	50	38	45,8
» II » » гуманистическаго	63	53	41	36	35	43	42	37	41	49	52	42,9
» » » » реальнаго		19	19	32	41	34	40	30	32	48	31	32,7
» Rhétorique отдѣл. гуманистическаго	75	61	65	61	50	49	63	59	50	65	71	59,4
» » » реальнаго . . .		21	21	6	20	23	21	18	18	25	22	19,5
» Logique отдѣл. гуманистическаго	37	32	22	17	14	17	13	11	18	14	11	16,9
» » » реальнаго		98	89	78	40	45	42	69	62	88	125	73,6

	1852.	1853.	1854.	1855.	1856.	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	Средній выводъ.
Императорскій лицей **Бонопарте**.												
Общее число воспитанниковъ . .	1013	1020	940	968	998	1081	1091	1097	1099	1147	1157	1059,8
Экстерновъ пансіона	613	639	532	508	501	541	530	540	571	568	578	
» вольныхъ	400	381	408	460	497	540	561	557	528	579	579	
» отдѣл. гуманистическаго		246	204	197	259	234	268	290	328	343	309	267,8
» » реальнаго . . .		210	183	223	223	253	227	205	191	194	204	211,3
въ III кл. отдѣл. гуманистическаго .		81	75	62	89	79	90	111	131	112	109	93,9
» » » » реальнаго		60	66	93	91	113	70	64	72	81	84	79,4
во II » » гуманистическаго .		63	53	64	78	71	78	84	94	103	96	78,4
» » » » реальнаго			25	50	78	84	80	58	53	51	64	60,3
въ Rhétorique отдѣл. гуманистичесааго		77	60	51	70	62	76	82	85	105	82	75,0
» » » реальнаго . . .		50	13	19	26	36	33	40	31	23	23	29,4
» Logique отдѣл. гуманистическаго .		25	16	20	22	22	24	13	18	23	22	20,5
» » » реальнаго		100	79	61	28	20	44	43	34	39	33	48,1
Императорскій лицей **Наполеонъ**.												
Общее число воспитанниковъ:												
въ отдѣленіи гуманистеческомъ . .		115	100	105	109	124	117	142	142	149	146	
» реальномъ		164	137	155	145	145	148	112	119	135	119	
въ III кл. отдѣл. гуманистическаго .		27	32	28	31	34	40	53	38	42	43	
» » » » реальнаго		42	48	49	49	46	53	39	48	56	46	

	1852.	1853.	1854.	1855.	1856.	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	Средній выводъ.
во II кл. отдѣл. гуманистическаго .		29	28	26	31	34	33	37	37	47	36	
» » » » реальнаго		32	27	43	36	34	25	33	43	27	40	
въ Rhétorique отдѣл. гуманистическаго		39	30	36	30	39	31	40	44	49	48	
» » » реальнаго . . .		25	17	16	39	23	23	16	26	16	16	
» Logique отдѣл. гуманистическаго .		20	10	15	17	17	13	12	17	21	19	
» » » реальнаго		65	51	47	21	42	47	24	18	20	17	
Императорскій лицей Св. Людовикъ.												
Общее число воспитанниковъ:												
въ отдѣленіи гуманистическомъ . .	93	95	103	98	96	90	107	104	105	119	112	
» реальномъ	433	449	379	337	327	502	318	321	306	314	335	
въ III кл. отдѣл. гуманистическаго .	28	26	30	31	29	33	45	38	39	38	31	
» » » » реальнаго . . .	66	71	67	67	74	44	55	51	48	49	50	
во II » » гуманистическаго .	18	22	28	25	24	25	26	29	27	35	34	
» » » » реальнаго . . .	28	39	52	56	57	59	44	47	38	39	44	
въ Rhétorique отдѣл. гуманистическаго	31	33	32	31	33	23	29	31	31	39	41	
» » » реальнаго . . .	12	14	42	31	32	47	53	34	37	33	29	
» Logique отдѣл. гуманистическаго .	16	14	13	11	10	9	8	6	8	7	6	
» » » реальнаго	229	237	109	85	58	64	77	93	85	82	99	

Если, при сильно преобладающемъ реальномъ направленіи умовъ въ Бельгіи и Франціи, если при всемъ развитіи техническихъ искуствъ и промышленности въ этихъ странахъ мы видимъ, что не только форма и организація реальныхъ училищъ успѣла установиться и принять характеръ опредѣленный и законченный, но и самый принципъ реальнаго образованія возбудилъ довольно сильныя сомнѣнія въ отношеніи дѣйствительности своей въ воспитаніи, и примѣненія въ училищной практикѣ, то конечно еще болѣе страннымъ должно намъ показаться то явленіе, что въ одной Германіи, странѣ строго философской науки и рѣшительно гуманистическаго направленія, реальныя училища пользуются сравнительно хорошею репутаціею и достаточнымъ довѣріемъ въ извѣстномъ кругу населенія, что доказывается на фактѣ постепеннымъ ихъ распространеніемъ, расширеніемъ ихъ курсовъ и опредѣленностію ихъ цѣли и назначенія.

Причины этого на первый взглядъ страннаго и противорѣчащаго германскому характеру явленія заключаются, по моему мнѣнію, въ самыхъ условіяхъ учрежденія реальныхъ училищъ. Въ Бельгіи и Франціи, реальныя отдѣленія среднихъ учебныхъ заведеній учреждены были законодательною властію по настоятельному требованію партій во времена коренныхъ переворотовъ политическихъ; организація ихъ и учебный ихъ планъ созданы были однимъ разомъ и поставлены въ параллель прежнихъ училищъ, основанныхъ на началахъ гуманистическихъ. Въ Германіи напротивъ того реальныя училища образовались постепенно изъ отдѣльныхъ реальныхъ классовъ, которые по желанію и на иждивеніе городскихъ обществъ примыкались къ существовавшимъ среднимъ заведеніемъ съ гуманистическимъ курсомъ. Такимъ образомъ учрежденіе такихъ реальныхъ классовъ и развившихся изъ нихъ реальныхъ училищъ было слѣдствіемъ дѣйствительно ощущаемой потребности извѣстнаго класса городскихъ обществъ, а не искусственнымъ произведеніемъ правительственныхъ распоряженій или результатомъ борьбы политическихъ партій. Въ Германіи уже издревле существовало въ дѣлѣ воспитанія и обученія коренное различіе между народными училищами и монастырскими или латинскими школами; съ теченіемъ времени народныя школы, расширяя постепенно курсъ ученія тамъ, гдѣ потребность возвышенія образованія была наиболѣе ощутительна, именно въ городахъ, перешли мало по малу къ организаціи такъ называемыхъ городскихъ училищъ (Bürgerschulen) которыя въ большей части

германскихъ владѣній еще по сію пору раздѣляются на низшія и высшія, смотря по большему расширенію или сокращенію ихъ курса. Когда и высшія городскія училища не стали удовлетворять требованіямъ образованнаго класса городскихъ обывателей, когда именно элементарное преподаваніе, въ виду ежедневнаго успѣха естественныхъ наукъ, въ глазахъ производительнаго класса народа ясно высказалось недостаточнымъ, когда научная система, и вообще раціональные пріемы сдѣлались необходимыми нетолько въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, но даже въ частномъ производствѣ ремёсленномъ, тогда заявлено было общее желаніе учрежденія учебныхъ заведеній, въ которыхъ съ научнымъ направленіемъ должны были преподаваться предметы, принадлежащіе къ сферѣ естественныхъ наукъ, тогда образовались изъ городскихъ училищъ или, гдѣ были на то средства, помимо ихъ, реальныя училища, или, гдѣ нельзя было ихъ учредить въ полномъ объемѣ, реальные классы при гуманистическихъ гимназіяхъ. Да и самыя гимназіи съ своей стороны подобнымъ же образомъ въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій чрезъ постепенные переходы и расширенія развились изъ прежнихъ латинскихъ школъ. Такимъ образомъ германскія училища представляютъ и въ настоящее время поучительный примѣръ развитія реальнаго образованія, потому что и нынѣ въ различныхъ заведеніяхъ находятся реальныя отдѣленія на всѣхъ ступеняхъ развитія. Записка «о заграничныхъ реальныхъ училищахъ», отпечатанная въ майской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія, представляетъ многіе примѣры постепеннаго возрастанія реальныхъ училищъ въ отношеніи Пруссіи. И въ другихъ странахъ Германіи встрѣчается тоже самое явленіе: Такъ въ Баваріи и понынѣ нѣтъ реальныхъ гимназій, въ Ганноверскомъ королевствѣ есть реальные классы при гимназіяхъ, въ Саксоніи и Виртембергіи есть отдѣльныя реальныя училища, реальные классы при гимназіяхъ, и даже реальныя отдѣленія при немногихъ изъ нихъ. Хотя споръ реалистовъ и гуманистовъ въ педагогіи продолжается довольно долгое время, и начался въ Германіи почти въ половинѣ 17-го столѣтія, однако ни въ одномъ государствѣ реальнымъ училищамъ не предоставлено права выпускать своихъ учениковъ по окончаніи полнаго курса прямо въ университеты, не смотря на то, что латинскій языкъ принадлежитъ къ числу обязательныхъ предметовъ и въ реальныхъ училищахъ; нигдѣ также въ Германіи реальныя училища непоставлены въ параллель гимназіямъ, и во всѣхъ училищныхъ законо-положеніяхъ обозначено прямою

цѣлью для гимназій: приготовленіе къ ученымъ занятіямъ, къ университетскому курсу; для реальныхъ училищъ: приготовленіе либо къ практической жизни по различнымъ отраслямъ торговой и промышленной дѣятельности, либо къ слушанію курсовъ чисто техническихъ.

И. Штейнманъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА ПО УПРАВЛЕНІЮ ОДЕССКИМЪ УЧЕБНЫМЪ ОКРУГОМЪ ЗА 1861 ГОДЪ.

А. Перемѣны въ составѣ управленія.

1. **Уволенъ**: статскій совѣтникъ *Граховъ* — отъ должности директора училищъ Екатеринославской губерніи, по прошенію.

2. **Умеръ**: почетный попечитель Таганрогской гимназіи, гвардіи штабсъ-капитанъ *Сомовъ*.

3. **Перемѣщенъ**: инспекторъ Херсонской гимназіи, надворный совѣтникъ *Даль* — директоромъ училищъ Екатеринославской губерніи.

При увольненіи отъ службы назначена пенсія бывшему директору училищъ Екатеринославской губерніи статскому совѣтнику *Грахову* по 1,120 рублей.

Б. Осмотры учебныхъ заведеній.

Изъ учебныхъ заведеній округа въ 1861 году осмотрѣны: а) попечителемъ: Лицейская гимназія съ пансіономъ, 2-я Одесская гимназія, уѣздное и казенныя еврейскія училища, а также и частныя учебныя заведенія въ Одессѣ, неоднократно; б) инспекторомъ казенныхъ училищъ: 2-я Одесская гимназія (въ іюнѣ), Одесское уѣздное училище (въ апрѣлѣ) и казенныя еврейскія училища и частныя учебныя заведенія въ Одессѣ — неоднократно; всѣ казенныя и частныя учебныя заведенія въ Кишиневѣ (въ январѣ, февралѣ и мартѣ); уѣздное и приходское училища въ Бендерахъ (въ январѣ); казенныя и частныя учебныя заведенія въ гг. Оргѣевѣ, Бѣльцахъ, Сорокахъ, Хотинѣ, Тирасполѣ и мѣстечкахъ Атакахъ и Бричанахъ (въ февралѣ и мартѣ); всѣ казенныя и частныя учебныя заведенія въ Херсонѣ (въ маѣ); уѣздное и приходское училища въ Евпаторіи (въ августѣ); всѣ казенныя и частныя учебныя

заведенія въ гг. Севастополѣ, Симферополѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи и Керчи (въ сентябрѣ), всѣ учебныя заведенія въ гг. Таганрогѣ, Ростовѣ, Нахичевани, Славяносербскѣ, Павлоградѣ, Бахмутѣ и Новомосковскѣ (въ октябрѣ), въ Екатеринославѣ, Александровскѣ, Орѣховѣ и Перекопѣ (въ ноябрѣ). в) Состоящимъ при управленіи учебнаго округа ученымъ евреемъ: казенныя и частныя еврейскія училища въ гг. Симферополѣ, Карасубазарѣ, Ѳеодосіи, Керчи, Бердянскѣ и Таганрогѣ.

Въ осмотрѣнныхъ гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ и казенныхъ еврейскихъ училищахъ обученіе вообще идетъ удовлетворительно. По успѣхамъ преподаванія между гимназіями первое мѣсто занимаютъ Кишиневская и Таганрогская, за ними Симферопольская и Херсонская, а изъ уѣздныхъ училищъ первенство принадлежитъ Екатеринославскому, Керчинскому, Бѣльцкому, Хотинскому, Елисаветградскому и Кишиневскому 2-му; прочія уѣздныя училища, равно и казенныя еврейскія училища, стоятъ на одной степени.

Изъ гимназическихъ предметовъ вообще въ округѣ успѣхи слабѣе въ новѣйшихъ языкахъ. Причина того заключается въ недостаткѣ практики, необходимой для успѣшнаго изученія ихъ; а также въ томъ, что учители иностранцы большею частію не приготовлены какъ слѣдуетъ къ этому званію и не обладаютъ достаточно русскимъ языкомъ, — условіе весьма важное для успѣшнаго преподаванія иностраннаго языка въ многолюдныхъ классахъ дѣтямъ, не понимающимъ его. За тѣмъ по греческому языку — по причинѣ необязательности обученія этому языку для учащихся.

Изъ предметовъ, назначенныхъ для уѣздныхъ училищъ, исторія и географія хотя идетъ успѣшнѣе вслѣдствіе распоряженій, о которыхъ было объяснено въ отчетѣ за 1860 годъ, но недостатокъ руководствъ, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ преподаванія, все таки имѣетъ вліяніе на успѣхи. А какъ помянутые предметы, по утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 29-го января 1837 года правиламъ для испытанія учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ, считались второстепенными (§ 15), и ученикъ, получившій на экзаменѣ единицу, могъ переводиться въ высшій классъ, если въ общемъ выводѣ имѣетъ три, то находя такое раздѣленіе предметовъ на главные и не главные вреднымъ для успѣха учениковъ по исторіи и географіи, — начальствомъ округа предложено циркулярно директорамъ училищъ (5-го апрѣля 1861 года) требовать отъ учениковъ уѣздныхъ училищъ по этимъ

предметамъ, для перевода въ высшій классъ, тѣже отмѣтки, какія установлены для удостоенія къ переводамъ по другимъ предметамъ, именно: по закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ.

Въ Нахичеванскомъ уѣздномъ училищѣ успѣхи учениковъ не такъ удовлетворительны какъ въ другихъ подобныхъ училищахъ, что происходитъ отъ недостатка въ учащихся свѣденій въ русскомъ языкѣ. Это могло бы быть устранено только замѣною настоящихъ учителей русскаго происхожденія, — встрѣчающихъ неодолимыя препятствія къ вразумительному объясненію на русскомъ языкѣ предметовъ ученія армянскимъ мальчикамъ, — лицами изъ армянъ, окончившими курсъ ученія въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, если бы лица эти охотно шли въ учители въ помянутое училище; но опытъ показываетъ противное, такъ какъ учительскія мѣста въ уѣздныхъ училищахъ не представляютъ имъ довольно выгодъ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о недостаткѣ надлежащихъ успѣховъ, и преимущественно по предмету русскаго языка, и въ уѣздныхъ училищахъ Бессарабской дирекціи, въ которыхъ большинство учащихся принадлежитъ къ туземному молдавскому населенію, совершенно незнакомому съ русскимъ языкомъ.

Къ замѣнѣ неспособныхъ преподавателей въ уѣздныхъ училищахъ другими встрѣчается не малое затрудненіе. Это затрудненіе, какъ объяснено уже въ отчетѣ за 1860 годъ, можетъ быть устранено только учрежденіемъ при гимназіи Ришельевскаго лицея учительскаго института, проектъ котораго представленъ въ министерство.

По годичнымъ испытаніямъ переведено учениковъ въ высшіе классы: по гимназіямъ: Одесской 1-й 60, Одесской 2-й 193, Херсонской 94, Екатеринославской 145, Симферопольской 165, Таганрогской 136, Кишиневской 262. По уѣзднымъ училищамъ: Одесскому 29, Херсонскому 22, Александрійскому 17, Бобринецкому 21, Елисаветградскому 32, Николаевскому 19, Тираспольскому 23, Екатеринославскому 17, Александровскому 13, Новомосковскому 15, Бахмутовскому 15, Павлоградскому 13, Славяносербскому 11, Симферопольскому 12, Севастопольскому 13, Евпаторійскому 6, Перекопскому 20, Алешковскому 13, Орѣховскому 13, Ѳеодосійскому 10, Керчинскому 33, Тагангоргскому 32, Ростовскому 27, Нахичеванскому 8, Кишиневскому 1-му, Кишиневскому 2-му, Бѣльцкому, Сорокскому, Хотинскому, Аккерманскому, Бендерскому и Оргѣев-

скому 194. По казеннымъ еврейскимъ училищамъ 2-го разряда: Одесскому 53, Кишиневскому 5.

Въ пансіонахъ при гимназіяхъ соблюдается должный порядокъ; воспитанники содержатся хорошо и получаютъ всегда здоровую и достаточную пищу. Комнатные надзиратели въ пансіонахъ при гимназіяхъ, тамъ, гдѣ эти должности согласились на себя принять учители, удовлетворяютъ болѣе или менѣе своему назначенію. Въ другихъ же пансіонахъ, гдѣ надзиратели по необходимости взяты изъ лицъ постороннихъ и въ особенности въ пансіонѣ при Екатеринославской гимназіи, они не соотвѣтствуютъ своему назначенію ни по образованію, ни по педагогическимъ способностямъ, а другихъ, лучшихъ, нельзя найти за то вознагражденіе, какое могутъ давать пансіоны вообще и этотъ въ особенности. Денежныя средства сего послѣдняго заведенія, доставляемыя казною и частными лицами, при существующей въ настоящее время дороговизнѣ на всѣ потребности, недостаточны, и еще болѣе стѣсняются отъ того, что казенные воспитанники, а также содержимые на благотворительную сумму, вмѣсто 225 руб., вносимыхъ частными пансіонерами, платятъ только по 142 руб. 85 коп., такъ что въ общей сложности пансіонъ получаетъ на содержаніе пансіонера по 187 руб. 70 к., сумма, совершенно недостаточная. Для увеличенія средствъ пансіона необходимо возвысить до 225 руб. плату за воспитанниковъ казенныхъ и содержимыхъ на счетъ пожертвованныхъ благотворителями суммъ и тѣмъ уравнять ее съ платою, вносимою частными пансіонерами. Но въ отношеніи къ пожертвованнымъ суммамъ это могло бы быть достигнуто только чрезъ уменьшеніе числа воспитывающихся, что представляетъ весьма важныя затрудненія.

Во всѣхъ осмотрѣнныхъ учебныхъ заведеніяхъ непосредственное начальство имѣетъ неупустительный надзоръ и принимаетъ надлежащія мѣры относительно содержанія зданій въ порядкѣ и исправности; но зданія гимназій вообще не представляютъ необходимыхъ удобствъ, именно: зданіе Екатеринославской гимназіи, оконченное постройкою въ 1861 году, оказывается тѣснымъ для помѣщенія пансіона и гимназіи, при томъ по положенію вдали отъ наиболѣе населенныхъ частей города представляетъ большія неудобства для приходящихъ учениковъ, составляющихъ значительное большинство, наконецъ не имѣетъ квартиры для директора и надзирателей. Зданіе Таганрогской гимназіи съ помѣщеніемъ въономъ пансіона сдѣлалось тѣсно; не смотря на то, что для болѣе про-

сторнаго помѣщенія обоихъ заведеній директоръ уступилъ свою квартиру, пансіонъ все таки не имѣетъ самыхъ необходимыхъ удобствъ; классныя же комнаты, по обширности и несоразмѣрной высотѣ своей, такъ холодны въ зимнее время, что ихъ невозможно натопить, отчего много терпятъ и учители и ученики. Это зданіе, построенное въ 1843 году и давшее въ 1859 году въ одной изъ наружныхъ стѣнъ значительныя трещины, хотя и было тогда исправлено, требуетъ въ текущемъ году значительныхъ внутреннихъ передѣлокъ и ремонтнаго исправленія снаружи, на счетъ строительныхъ суммъ министерства, такъ какъ гимназія не имѣетъ собственныхъ для этого средствъ.

Зданія Херсонской и Кишиневской гимназій (для послѣдней наемное) вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію; впрочемъ для первой уже строится домъ на счетъ пожертвованной дворянствомъ суммы, а для второй пріобрѣтенъ покупкою домъ на счетъ 10% бессарабскаго капитала, изъ котораго ассигновано на разныя передѣлки въономъ 36,424 руб. сер.

Симферопольская гимназія помѣщается довольно удобно въ собственномъ домѣ, недавно перестроенномъ послѣ пожара; пансіонъ же временно помѣщается въ домѣ уѣзднаго училища, которое, въ свою очередь, помѣщается въ домѣ наемномъ.

Зданія уѣздныхъ училищъ: въ Херсонской дирекціи — Тираспольскаго, въ Екатеринославской — Павлоградскаго, Александровскаго, Славяносербскаго и Новомосковскаго также не представляютъ необходимыхъ удобствъ по тѣснотѣ и ветхости ихъ. Въ Симферопольской дирекціи требуется для исправнаго содержанія зданій училищъ усиленіе ремонтной суммы.

Архивы и дѣлопроизводство въ учебныхъ заведеніяхъ найдены въ удовлетворительномъ состояніи, кромѣ архивовъ Симферопольской гимназіи и уѣздныхъ училищъ: Севастопольскаго, Евпаторійскаго и Керчинскаго, пострадавшихъ отъ бывшей войны и кромѣ того въ гимназіи отъ случившагося въ оной въ 1859 году пожара.

Изъ учебныхъ заведеній, не осмотрѣнныхъ въ 1861 году начальствомъ Одесскаго учебнаго округа и инспекторомъ казенныхъ училищъ, были осмотрѣны таковыя директорами училищъ и найдены во всѣхъ отношеніяхъ въ удовлетворительномъ состояніи, кромѣ Овидіопольскаго приходскаго училища, приходящаго въ упадокъ отъ невниманія тамошняго городскаго общества, въ рукахъ коего находятся средства на его содержаніе, ассигнуемыя въ такомъ огра-

ниченномъ размѣрѣ (142 руб. 88 коп. сер. въ годъ), что училищному вѣдомству не представляется возможности имѣть тамъ на учительскомъ мѣстѣ достойнаго наставника.

В. Общія замѣчанія.

Вслѣдствіе особаго наблюденія начальства округа дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ уѣздныхъ училищъ, остававшаяся долго номинальною, будучи значительно оживлена въ послѣднее время, не мало содѣйствуетъ лучшему состоянію училищъ. Педагогическимъ совѣтамъ поручено, съ условіемъ постоянной отчетности передъ окружнымъ управленіемъ, разсмотрѣніе и обсужденіе всѣхъ мѣръ, способствующихъ возвышенію какъ учебной, такъ и правонаблюдательной сторонъ училищъ.

Г. Статистическія свѣдѣнія.

Гимназій 7

Въ нихъ: почетныхъ попечителей 4, директоровъ 7, инспекторовъ 7 *), законоучителей 9, учителей старшихъ 48, младшихъ 34, искусствъ 9, надзирателей за приходящими учениками 6, врачей 6, письмоводителей 5, бухгалтеровъ 4, канцелярскихъ служителей 4, нижнихъ служителей 28.

Учащихся 1693

Пансіоновъ при гимназіяхъ 6

Въ нихъ: учителей искусствъ 5, комнатныхъ надзирателей 16, врачь 1, экономовъ 5, нижнихъ служителей 113.

Воспитанниковъ. 351

Уѣздныхъ училищъ 33

Въ нихъ: почетныхъ смотрителей 30, штатныхъ 32, законоучителей 32, учителей наукъ 102, искусствъ 27, врачей 16, нижнихъ служителей 34.

Учащихся 1683

*) Директоръ и инспекторъ лицейской гимназіи состояли въ тоже время: первый — директоромъ Ришельевскаго лицея, второй — преподавателемъ въ немъ.

Женскихъ училищъ 2 разряда . . . . 3 *)
(Числа учащихся не показано).
Приходскихъ классовъ при уѣздныхъ училищахъ **). 12
Въ нихъ: законоучителей 2, учителей 10, нижнихъ служителей 3.
Учащихся 597

Приходскихъ училищъ, содержимыхъ:

А) На счетъ правительства 10
Въ нихъ: почетныхъ блюстителей 5, надзиратель 1, законоучителей 6, учителей 9, нижнихъ служителей 10.
Учащихся 461

Б) На счетъ городскихъ обществъ:

а) Мужскихъ 24
Въ нихъ: почетныхъ блюстителей 6, надзирателей 10, законоучителей 21, учителей 34, нижнихъ служителей 24.
Учащихся 1198

б) Мужскихъ съ отдѣленіями для дѣвочекъ 3
Въ нихъ: законоучителей 3, учителей 3, нижнихъ служителей 3.
Учащихся мальчиковъ. 212
» дѣвочекъ 80

в) Для дѣтей обоего пола 7
Въ нихъ: надзиратель 1, законоучителей 7, учителей 7, нижнихъ служителей 7.
Учащихся мальчиковъ. 256
» дѣвочекъ 56

г) Женскихъ 1
Въ немъ: почетный блюститель 1, законоучитель 1, нижній служитель 1.
Учащихся 123

В) На счетъ сельскихъ обществъ (мужскихъ) 8

---

*) Число служащихъ въ нихъ показано въ отчетѣ по одному только Елисаветградскому училищу, а именно: попечит. 1, началь. 1, законоучитель 1, учителей 3, нижній служитель 1.

**) Изъ нихъ 4 содержатся на счетъ правительства.

Въ нихъ: почетный блюститель 1, надзирателей 2, законоучителей 5, учителей 6, нижнихъ служителей 8.

Учащихся мальчиковъ 310

» дѣвочекъ 11

Г) На счетъ частныхъ лицъ:

а) Мужскихъ 2

Въ нихъ: надзиратель 1, законоучитель 1. учителей 2, нижнихъ служителей 2.

Учащихся 56

б) Для дѣтей обоего пола 5

Въ нихъ: законоучителей 2, учителей 2, нижнихъ служителей 5.

Учащихся мальчиковъ. 126

» дѣвочекъ 57

Училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:

А) На степени уѣздныхъ училищъ 3

Въ нихъ: законоучителей 8, учителей наукъ 6, языковъ 10, искусствъ 6.

Учащихся мальчиковъ. 368

» дѣвочекъ 134

Б) На степени приходскихъ училищъ . . . 14

Въ нихъ: законоучителей 8, учитель наукъ 1, учителей языковъ 15.

Учащихся мальчиковъ. 400

» дѣвочекъ 29

Училищъ, содержимыхъ на счетъ разныхъ учрежденій или городскихъ и другихъ обществъ 7

Въ нихъ: законоучителей 8, учителей наукъ 16, языковъ 12, искусствъ 6, обучающихъ по свидѣтельству на право первоначальнаго обученія 4.

Учащихся (мальчиковъ) 619

Училищъ, содержимыхъ на счетъ частныхъ лицъ:

А) Пансіоновъ мужскихъ на степени гимназій. 2

Въ нихъ: законоучителей 2, учителей наукъ 12, языковъ 4, искусствъ 4, обучающій по свидѣтельству на право первоначальнаго обученія 1.

Учащихся	92
Б) Пансіоновъ мужскихъ на степени уѣздныхъ училищъ	9
Въ нихъ: законоучителей 9, учителей наукъ 16, языковъ 18, искусствъ 13, домашній учитель 1, обучающихъ по свидѣтельству на право первоначальнаго обученія 3.	
Учащихся	381
В) Пансіоновъ мужскихъ на степени приходскихъ училищъ	2
Въ нихъ: учителей наукъ 3.	
Учащихся	6
Г) Пансіоновъ женскихъ на степени уѣздныхъ училищъ	28
Въ нихъ: законоучителей 28, учителей наукъ 83, языковъ 53, искусствъ 70, домашнихъ учительницъ 3, обучающихъ по свидѣтельству на право первоначальнаго обученія 3.	
Учащихся	1198.
Д) Пансіоновъ женскихъ на степени приходскихъ училищъ	4
Въ нихъ: законоучителей 4, учителей наукъ 6, языковъ 2, искусствъ 4, домашняя учительница 1.	
Учащихся	84
Е) Школъ мужскихъ	9
Въ нихъ учащихъ	30
» учащихся.	208
Ж) Школъ женскихъ	29
Въ нихъ учащихъ	101
» учащихся.	896
З) Школъ для дѣтей обоего пола.	6
Въ нихъ учащихъ	17
» учащихся мальчиковъ	29
» » дѣвочекъ	45
Еврейскихъ школъ мужскихъ	31
Въ нихъ учащихъ	41
» учащихся	585

Еврейскихъ школъ женскихъ	2
Въ нихъ учащихъ	2
» учащихся	20
Казенныхъ еврейскихъ училищъ:	
А) 2-го разряда	2
Въ нихъ: почетный блюститель 1, смотрителей 2, учителей 3.	
Учащихся	122
Б) 1-го разряда	17
Въ нихъ: почетныхъ блюстителей 14, смотрителей 16, учителей 48.	
Учащихся мальчиковъ.	580
» дѣвочекъ.	245
Занимающихся обученіемъ въ частныхъ домахъ:	
Домашнихъ наставниковъ.	1
» учителей	18
Имѣющихъ свидѣтельства на право первоначальнаго обученія *):	
мужчинъ.	8
женщинъ	11

*) Всѣ они русскіе подданные.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія Модестова.

Мои занятія въ продолженіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ состояли въ слѣдующемъ:

1. Намѣреваясь между прочимъ заниматься въ Боннѣ у профессора Отто Яна археологіей, я счелъ нужнымъ познакомиться съ мюнхенской глиптотекой, чтобы наглядно прослѣдить исторію древней скульптуры. Поэтому, отправляясь изъ Берлина въ Гейдельбергъ для свиданія съ Н. И. Пироговымъ, я побывалъ предварительно въ Мюнхенѣ и изучалъ сокровища тамошней глиптотеки.

2. Со дня полученія программы курсовъ зимняго семестра въ Боннѣ я сталъ готовиться къ занятіямъ въ филологической семинаріи Ричля и Отто Яна, изучая по всѣмъ изданіямъ, какія только могъ достать, 20-ю книгу Carminum Горація.

3. Въ то же время, т. е. до открытія курсовъ въ Боннѣ, я прочиталъ вышедшіе два тома Амперовой Histoire Romaine à Rome,— сочиненія замѣчательнаго по новому методу изслѣдованія римской исторіи, который слѣдуетъ назвать археологико-топографическимъ. Методъ этотъ приводитъ Ампера къ совершенно другимъ результатамъ относительно многихъ вопросовъ, касающихся древнѣйшей исторіи Рима, чѣмъ тѣ, какіе достигнуты Нибуромъ, а особенно Швеглеромъ и Моммзеномъ. Напр. авторъ не только признаетъ Пелазговъ и вліяніе ихъ на первобытную Италію, но даже приписываетъ имъ первоначальное построеніе Рима, такъ называемаго Roma quadrata; Этрускамъ приписывается у него такое значеніе въ образованіи общественнаго устройства и нравовъ въ Римѣ, какого по

Моммзену и Швеглеру они никогда не имѣли. Разбирая время первыхъ царей, Амперъ, не обращая вниманія на критику Нибура и послѣдующихъ ученыхъ, соглашается больше съ древними писателями. Эти и многіе другіе результаты изслѣдованій Ампера также сомнительны, какъ не доказаны надлежащимъ образомъ выводы нѣмецкихъ ученыхъ. Однако съ книгой Ампера наука пріобрѣла нѣсколько новыхъ данныхъ, обладаніе которыми не позволяетъ еще согласиться съ Льюисомъ, что первыми столѣтіями римской исторіи, по недостатку вѣрныхъ источниковъ, заниматься не стоитъ.

4. Съ открытіемъ академическихъ курсовъ въ Боннѣ, знакомясь съ чтеніями профессоровъ по древней филологіи, я обратилъ особенное вниманіе на лекціи Ричля, читающаго *историческую* латинскую грамматику. Тутъ все важно, многое ново, потому я посѣщаю эти лекціи и буду посѣщать не опустительно. Занимаясь 40 лѣтъ древней филологіей, Ричль убѣжденъ, что къ настоящему времени еще не созрѣла *догматическая* латинская грамматика, вслѣдствіе неразработки исторіи латинскаго языка, которою онъ и приглашаетъ заниматься. Однимъ изъ главныхъ источниковъ для этого считаетъ онъ эпиграфику, въ которой сохранился языкъ такъ, какъ онъ былъ до греческаго вліянія. Далѣе, говоритъ онъ, надобно искать древняго римскаго языка въ варварской латыни времени образованія романскихъ языковъ, ибо языкъ, перешедшій въ романскіе языки, былъ sermo plebejus, съ которымъ памятники древнѣйшей письменности обнаруживаютъ поразительное сходство. Эту близость sermo plebejus напр. къ итальянскому языку Ричль представлялъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ bonus, итал. bono, въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ или въ sermo plebejus bonou — форма существовавшая не только для именит., но для дат. и вин. падежей. Въ настоящій семестръ Ричль намѣренъ прочитать только «Einleitung in lateinische Grammatik und zur lateinischen Grammatik», предоставляя себѣ послѣ этого право строить въ слѣдующій семестръ уже самую грамматику. Охарактеризовавъ періоды лат. языка, онъ приступилъ къ теоріи метровъ — сатурническаго, драматическаго и дактилическаго, показывая, какое вліяніе поэзія внѣшней своей стороной имѣла на преобразованіе (Umgestaltung) языка. Этотъ отдѣлъ у него особенно интересенъ, но онъ еще не кончилъ его. Лекціи Шмидта о греческой грамматикѣ не представляютъ ничего новаго. Отто Янъ превосходно читаетъ Ювенала и исторію греческой литературы, но, къ сожалѣнію, я долженъ буду отказаться отъ этихъ

лекцій или, по крайней мѣрѣ, отъ исправнаго ихъ посѣщенія, потому что онѣ лишаютъ меня времени заниматься самостоятельно. Недавно Ричль и Отто Янъ открыли свои занятія въ филологической семинаріи, которой на этотъ семестръ посвящу и я свои спеціальныя занятія.

5. Приготовилъ и на дняхъ представлю профессору Шмидту экзегетически-критическое изслѣдованіе на латинскомъ языкѣ о нѣкоторыхъ мѣстахъ тацитовыхъ анналовъ для диспута въ филологическомъ обществѣ.

6. Со времени открытія академическихъ курсовъ я очень мало имѣлъ времени для занятій независимыхъ отъ университетскихъ. Экономію же свободнаго времени употребляю теперь на чтеніе Эсхила, новыхъ книгъ и филологическихъ журналовъ.

15-го ноября 1862 года.

2) Адъюнкта Харьковскаго университета Потебни.

Зимній семестръ (до $^{9}/_{21}$ марта 1863 года) я, съ вѣдома Н. И Пирогова, намѣренъ пробыть въ Берлинѣ.

Имѣя въ виду заняться здѣсь преимущественно санскритскимъ языкомъ, я употребилъ время до начала лекцій (до $^{15}/_{27}$ отнября) на чтеніе санскритской грамматики Боппа и изданнаго г. Коссовичемъ эпизода изъ Магабгараты, книжки весьма удобной для начинающихъ.

Въ настоящее время я слушаю санскритскую грамматику у профессора Вебера и занимался подъ его руководствомъ (privatim et privatissime) переводами съ санскрита. Слушаніе другихъ лекцій (напр. древнегерм. нарѣчій у Мюлленгофа, сравнительной грамматики у Штейнталя) я принужденъ оставить, такъ какъ приготовленіе къ вышеупомянутымъ урокамъ отнимаетъ у меня почти все время.

Ограничиваясь однимъ санскритомъ, я руковожусь убѣжденіемъ, что сравнительное языкознаніе, входящее въ планъ моихъ занятій, безплодно безъ болѣе-менѣе основательнаго знанія главнѣйшихъ изъ сравниваемыхъ языковъ и что сначала полезнѣе сосредоточить вниманіе на возможно меньшемъ количествѣ сравниваемыхъ, напр. только на славянскомъ — санскритскомъ, и потомъ уже, если возможно, исподоволь расширять кругъ наблюденій.

Подробности хода моихъ занятій могутъ теперь состоять только въ перечисленіи усвоенныхъ формъ и словъ, въ мелкихъ сближеніяхъ, не имѣющихъ особенно интереса.

Поэтому я опускаю эти подробности.

Берлинъ, 26-го октября 1862 г.

3) Причисленнаго къ министерству Импенецкаго.

Прибывъ въ Парижъ $^{10}/_{22}$ сентября я счелъ долгомъ представиться г. Ханыкову; отъ него я имѣлъ возможность предварительно узнать характеръ математическихъ курсовъ въ Сорбоннѣ, Collège de France и политехнической школѣ и пришелъ къ убѣжденію, что для моей цѣли было бы въ особенности полезно слушать лекціи анализа, механики и физики въ послѣдней. Но такъ какъ доступъ въ политехническую школу для иностранцевъ возможенъ только съ разрѣшенія французскаго военнаго министра, то я рѣшился безпокоить русскаго посланника при французскомъ дворѣ просьбою о содѣйствіи мнѣ къ полученію этого разрѣшенія. Въ ожиданіи полученія отвѣта на мою просьбу и открытія курсовъ въ Сорбоннѣ я работалъ дома и занимался до сихъ поръ преимущественно теоріею дифференціальныхъ уравненій и опредѣленными интегралами. Получивъ дозволеніе военнаго министра и явившись начальству политехнической школы, я имѣю возможность съ $^{5}/_{17}$ ноября начать посѣщеніе лекціи, которыя уже начались двумя недѣлями ранѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предполагаю слушать нѣкоторые курсы въ Сорбоннѣ, которые откроются съ $^{12}/_{24}$ ноября.

Расчитывая на скорое открытіе курсовъ и дорожа свободнымъ временемъ для своихъ предварительныхъ занятій, я рѣшился отложить поѣздку къ Н. И. Пирогову до закрытія курсовъ между 1-мъ и 2-мъ семестрами.

Парижъ, $^{4}/_{16}$ ноября 1862 г.

4) Кандидата Бесселя.

По окончаніи лѣтняго семестра я посѣтилъ тайнаго совѣтника Пирогова въ Гейдельбергѣ, съ цѣлью посовѣтоваться съ нимъ о продолженіи моихъ занятій. Съ его согласія я возвратился въ Берлинъ для слушанія лекцій профессора Вейерстраса и академика Кронекера.

Гг. Куммеръ и Вейерстрасъ, кромѣ лекцій, занимаются съ желающими въ такъ называемой математической семинаріи. Эти за-

нятія имѣютъ цѣлью упражненіе въ приложеніи анализа къ рѣшенію различныхъ вопросовъ геометріи, физики и механики. Желая участвовать въ этихъ упражненіяхъ, я обратился къ г. Куммеру, который предложилъ мнѣ, для испытанія моихъ силъ, нѣсколько задачъ. Рѣшивши ихъ удовлетворительно, я былъ признанъ достойнымъ считаться членомъ семинаріи. Остальное время осеннихъ каникулъ посвящено было мною внимательному изученію лекцій Христофеля и Вейерстраса, читанныхъ ими въ 1860 году.

$^{15}/_{27}$ октября открылись лекціи. Имѣя въ виду заниматься въ теченіи этого семестра преимущественно эллиптическими функціями, я посѣщаю теперь лекціи объ этомъ предметѣ Вейерстраса, которыя и составляютъ главнѣйшую причину моего пребыванія въ Берлинѣ. Вейерстрасъ читаетъ по 6-ти часовъ въ недѣлю. Онъ разсматриваетъ эллиптическія функціи съ совершенно новой, оригинальной точки зрѣнія, и излагаетъ теорію ихъ въ томъ изящномъ видѣ, въ который онъ привелъ ее своими собственными изысканіями. Хотя число прочтенныхъ имъ лекцій еще не значительно, но онъ сообщилъ уже въ нихъ много совершенно новыхъ статей, выработанныхъ имъ передъ самымъ открытіемъ семестра, такъ что лекціи его весьма драгоцѣнны по своему содержанію. Къ сожалѣнію Вейерстрасъ не имѣетъ на столько дара слова, чтобы сдѣлать свои лекціи столь же интересными со стороны самого изложенія, сколь онѣ интересны по содержанію. Этотъ недостатокъ Вейерстраса служитъ причиною того, что понимать его и слѣдить за его мыслями, какъ скоро онъ оставляетъ мѣлъ, становится столь затруднительно, что на лекціяхъ приходится ограничиваться только весьма краткими замѣтками, и составленіе полнаго курса стоитъ не малаго труда.

Кромѣ Вейерстраса, я слушаю Кронекера, Куммера и Квинке. Кронекеръ читаетъ объ уравненіи дѣленія круга и о модулярномъ уравненіи эллиптическихъ функцій. Въ лекціяхъ своихъ онъ излагаетъ всѣ свои изысканія, которыми онъ пріобрѣлъ свою извѣстность. Предметъ чтенія Куммера составляетъ теорія чиселъ. Хотя этотъ предметъ въ настоящее время не имѣетъ для меня особеннаго интересса, я пользуюсь случаемъ познакомиться съ прекраснымъ изложеніемъ знаменитаго специалиста по этому предмету. Лекціи Квинке объ электричествѣ для меня важны, какъ приложеніе анализа.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть и о томъ, что въ настоящее время я занимаюсь и рѣшеніемъ задачъ изъ діоптрики,

4*

предложенныхъ Куммеромъ въ семинаріи и касающихся новѣйшихъ изысканій Гельмгольца.

Берлинъ, 7/20 ноября 1862 г.

5) Старшаго учителя гимназіи Новоселова.

Настоящій семестръ я предположилъ себѣ пробыть въ Гейдельбергѣ, чтобы познакомиться съ здѣшнимъ университетомъ и съ чтеніями здѣшнихъ профессоровъ-филологовъ. Впрочемъ такъ какъ цѣль моего отправленія за границу—приготовленіе къ каѳедрѣ по древней филологогіи, то, не считая себя въ правѣ выходить изъ круга задачи, исполненіе которой я на себя принялъ, я и въ настоящемъ отчетѣ обращаю свое вниманіе только на то, что касается этого предмета.

Лучшіе между гейдельбергскими профессорами филологическаго факультета Беръ и Штаркъ. У перваго я слушаю «энциклопедію филологіи». Эта наука, какъ наука, еще новая, и въ самой Германіи еще не давно получила право гражданства. Въ нашихъ же университетахъ пока и помину нѣтъ о ней. Поэтому понятно, почему я обратилъ на нее вниманіе предпочтительно передъ другими филологическими курсами. Я не знаю, какъ и въ какой мѣрѣ обстоятельно профессоръ Беръ будетъ излагать свой курсъ; потому что не больше мѣсяца, какъ онъ началъ его чтеніе. Впрочемъ судя по тому, что онъ отдѣлилъ для этого курса только два недѣльныхъ часа, въ которые сверхъ этого предполагаетъ заняться объясненіемъ одной изъ эсхиловыхъ трагедій «Персы», я не думаю, чтобы онъ успѣлъ обозрѣть этотъ предметъ на столько глубоко и подробно, на сколько это желательно по объему и свойству самаго предмета. Онъ началъ съ опредѣленія задачи «энциклопедіи филологіи» и вывелъ отсюда ея части: грамматику, діалектику, риторику, критику, и т. п. За тѣмъ перешелъ къ обозрѣнію грамматики, показалъ ея зарожденіе, исходъ развитія у древнихъ и новыхъ народовъ, упомянулъ о современномъ состояніи этой науки и ея раздѣленіи на эмпирическую и философскую, которое вытекаетъ изъ двухъ точекъ зрѣнія на изученіе языка. При изложеніи состоянія этой науки у древнихъ онъ коснулся аттицизма и эллинизма, сообщилъ понятіе о времени и мѣстѣ развитія того и другого. За тѣмъ перешолъ онъ ко второй отрасли филологіи—критикѣ: онъ раздѣлилъ ее на двѣ части, лингвистическую и эстетическую, и кратко показалъ задачу той и другой, а равно исторію развитія ихъ, ука-

залъ связь этой науки съ палеографіей и распространился о значеніи этой послѣдней. Вотъ все, что обозрѣно имъ до настоящаго времени. Что касается до изложенія, то профессоръ Беръ отличается въ этомъ отношеніи особенною ясностію и послѣдовательностію — качествами, которыхъ я не встрѣтилъ въ такой степени въ другомъ проф. Штаркѣ. Сверхъ упомянутаго курса проф. Беръ объясняетъ «De republica» Цицерона и предлагаетъ при этомъ слушателямъ еженедѣльныя письменныя упражненія въ латинскомъ языкѣ (2 часа въ недѣлю).

Проф. Штаркъ одинъ изъ неутомимѣйшихъ профессоровъ Гейдельбергскаго университета. Въ настоящій семестръ предметами его чтеній служатъ: 1) римскія древности общественнаго, частнаго и религіознаго быта (4 часа), 2) исторія гомеровской поэзіи съ объясненіемъ гомерическихъ гимновъ (4 раза въ недѣлю), 3) Бѣглое чтеніе Гомера (2 ч.) и 4) объясненіе «Historiarum Taciti» (2 ч.) въ филологической семинаріи. Я посѣщаю только первый и послѣдній изъ его курсовъ. Если только по началу можно судить о продолженіи и концѣ дѣла, то курсъ «древностей» Штарка обѣщаетъ много интереснаго для того, кто хочетъ ближе познакомиться съ общественной, домашней и религіозной стороной римскаго быта. Доселѣ онъ только успѣлъ кончить введеніе и перейти къ первому періоду римской жизни. Въ введеніи онъ обратилъ особенное вниманіе на географію древней Италіи и съ большою подробностью развилъ этотъ предметъ. Цѣлію его было показать, какъ и подъ какими физическими вліяніями сложился характеръ римскаго народа, какія мѣстныя условія и какимъ образомъ помогли Риму сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Для большой наглядности Штаркъ очень нерѣдко и удачно прибѣгалъ къ сравненію мѣстности Италіи съ географическими положеніями Греціи, показывая, какъ одинакія условія мѣстности давали одинакіе результаты для развитія народовъ и наоборотъ, — почему, напр., на востокѣ Греціи и на западѣ Италіи цивилизація развилась гораздо быстрѣе, чѣмъ на западной сторонѣ Эллады и на восточной итальянскаго полуострова, — жители которыхъ, не смотря на свою близость къ Риму и Аѳинамъ, никогда не имѣли такого образованія и никогда не могли достигнуть такого высокаго историческаго значенія, какое пріобрѣли народы противоположнаго берега тѣхъ полуострововъ. Тѣми же причинами объяснялъ онъ раннее развитіе этрусской народности. Затѣмъ онъ перешелъ къ обозрѣнію древняго народонаселенія Ита-

ліи и остановился, по преимуществу, на сабинахъ, этрускахъ и латинахъ, какъ главныхъ элементахъ, изъ которыхъ образовалось римское государство, показалъ ихъ государственное устройство и культуру и — отсюда прямой переходъ къ Риму, къ его первоначальному составу и устройству. Изложеніе всего этого заняло г. Штарка въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Смотря строго съ точки предмета самой науки, профессору можно бы даже сдѣлать упрекъ за излишнюю подробность, съ которою онъ распространился о предметѣ, принадлежащемъ болѣе всеобщей исторіи, чѣмъ «Древностямъ», но интересъ этого предмета самъ въ себѣ и живость изложенія извиняютъ этотъ недостатокъ соразмѣрности въ частяхъ цѣлаго, особенно если упомянутая подробность не будетъ въ ущербъ чтеніямъ профессора о существенныхъ частяхъ его науки. Другой недостатокъ его лекцій тотъ, что онъ не всегда строго послѣдователенъ и иногда вдается въ повторенія.

Что касается до занятій его въ филологической семинаріи, которыя онъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ Беромъ, объясняющимъ здѣсь платонова «Критона», то они гораздо цѣлесообразнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Берлинскомъ университетѣ. Здѣсь нѣтъ той односторонности и исключительности узкаго лингвистическаго направленія, которое преобладаетъ у Гаупта. Вообще филологическія семинаріи, если только ими заправляетъ опытный руководитель, весьма полезное учрежденіе для доставленія молодымъ людямъ отчетливаго знанія въ древнихъ языкахъ и для пріобрѣтенія ими критическаго навыка. Очень желательно, чтобы это учрежденіе привилось къ русскимъ университетамъ. Оно хорошо знакомо многимъ изъ нашихъ русскихъ профессоровъ филологіи, бывшихъ за границей и даже занимавшихся во многихъ изъ этихъ семинарій...

Кромѣ Бера и Штарка здѣсь читаютъ 1) Кайзеръ — а) метрику греческихъ и римскихъ поэтовъ — 4 часа, б) рѣчи Ѳукидида 3 часа, в) De natura deorum 2 ч. 2) Онкенъ — а) «Политику» Аристотеля 4 ч., б) возрожденіе классической древности въ Италіи и Германіи (гуманизмъ и гуманисты) 1 ч. 3) Ле-Бо — а) платонова «Федона» съ введеніемъ въ платонову философію 2 ч. б) теоретическое и практическое руководство къ изученію латинскаго стиля 2 ч. и в) privatissime нѣкоторые отдѣлы изъ греческой и римской литературы 2 ч. Итакъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ пять профессоровъ только по одной древней филологіи; число ихъ недѣльныхъ лекцій простирается до 38. Замѣтимъ при этомъ, что здѣшній универ-

ситетъ еще не принадлежитъ къ числу первыхъ по составу и количеству профессоровъ филологическаго факультета. Такъ, напр., въ Берлинскомъ университетѣ этотъ факультетъ имѣетъ восемь профессоровъ съ 48 недѣльными лекціями.

Эти статистическія данныя я привелъ для того, чтобы показать, чего недостаетъ нашимъ университетамъ и въ чемъ заключается одна изъ причинъ, — почему филологическая наука и классическое образованіе вообще доселѣ стоятъ у насъ на такой низкой степени, почти не подвигаясь впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Германіи, въ которой у каждаго, желающаго заниматься этой наукой, такъ много средствъ подъ руками, въ которой всѣ классики переведены и объяснены по нѣскольку разъ, издана масса превосходныхъ руководствъ и ученыхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ филологіи, если въ Германіи, говорю я, при всемъ обиліи подручныхъ средствъ, считаются необходимыми 40—47 часовыя занятія въ университетахъ, то какъ же можно русскимъ университетамъ ограничиваться двумя профессорами съ 8—10 недѣльными лекціями? У насъ нѣтъ ни одного порядочнаго перевода ни греческихъ, ни римскихъ писателей, даже нѣтъ ни одного ихъ изданія, нѣтъ ни одного сколько нибудь сноснаго руководства для изученія ихъ языка и совершенно никакого ни для греческой, ни для римской литературы, не говоря уже о древностяхъ, археологіи, миѳологіи и др. Да, это поле у насъ еще чисто, гладко, почти не тронуто! Что касается до преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, то одинъ изъ нихъ изгнанъ почти изъ всѣхъ гимназій, а другой, хотя и читается, но въ большинствѣ случаевъ самымъ печальнымъ образомъ. И послѣ этого можно ли ожидать, чтобы филологія получила въ нашихъ университетахъ должное развитіе, а не была простымъ сколкомъ съ цѣлаго, обширнаго зданія, можно ли надѣяться на распространеніе классическаго образованія въ нашемъ обществѣ? Можно ли, повторяю я, когда сверхъ вышеупомянутыхъ не благопріятныхъ условій къ осуществленію этой надежды, въ нашихъ университетахъ только двѣ каѳедры для всей древней филологіи? Отвѣтъ понятный: нѣтъ! И что долженъ подумать профессоръ греческой или римской словесности, при такихъ условіяхъ одиноко вступающій на свою каѳедру? При всей любви къ своей наукѣ, при всемъ своемъ усердіи, можетъ ли онъ познакомить слушателей съ нею во всемъ ея объемѣ? При настоящемъ развѣтвленіи и расширеніи филологіи — разумѣется нѣтъ: для этого у него

не достанетъ ни времени ни силъ. А между тѣмъ всѣ науки входящія въ область филологіи, суть части одного цѣлаго; слѣдовательно для полнаго пониманія послѣдняго необходимо знакомство со всѣми первыми. Съ другой стороны можетъ ли русскій профессоръ филологіи надѣяться, что и тѣ знанія, которыя онъ имѣетъ возможность сообщить своимъ слушателямъ, вполнѣ и отчетливо будутъ всѣми ими усвоены? Едвали! Какъ для яснаго пониманія каждаго университетскаго курса нужна извѣстная подготовка со стороны слушателя, такъ для пониманія филологіи ея необходимость становится еще настоятельнѣе. Не говоря о другихъ предуготовительныхъ свѣденіяхъ, которыми обусловливается пониманіе филологическихъ предметовъ, я упомяну только объ одномъ необходимомъ знаніи—знаніи древнихъ языковъ. Чтобы слушать университетское чтеніе классиковъ, чтобы понимать курсъ древнихъ литературъ, древностей и т. п., необходимо быть по крайней мѣрѣ отчетливо знакомымъ съ грамматикою древнихъ языковъ и умѣть по возможности легко переводить древнихъ писателей на отечественный языкъ. Въ германскихъ университетахъ такое знаніе со стороны слушателей всегда предполагается и дѣйствительно въ нихъ существуетъ. Гимназія въ достаточной степени даетъ имъ это знаніе. Вслѣдствіе отчетливаго преподаванія въ ней *обоихъ* древнихъ языковъ, молодой человѣкъ, желающій поступить на филологическій факультетъ, не тревожится препятствіемъ недостаточной подготовки; онъ увѣренъ, что университетскія лекціи не будутъ выше его пониманія и требуемыя занятія свыше его силъ. У насъ же неудовлетворительное преподаваніе въ гимназіяхъ латинскаго языка и отсутствіе въ большой части изъ нихъ греческаго — представляютъ величайшее затрудненіе для того, кто захотѣлъ поступить на филологическій факультетъ. Вотъ одна изъ причинъ и едва ли не самая главная, почему на этомъ факультетѣ у насъ такъ ограниченно число слушателей. Но и изъ этого ограниченнаго числа большинство молодыхъ людей поступаетъ на упомянутый факультетъ для того, чтобы по преимуществу заниматься исторіей, а не филологіей, которую они считаютъ чѣмъ то въ родѣ суффикса къ исторіи и занимаются ею больше ex officio, чѣмъ ex amore. Въ случаѣ же осуществленія предполагающагося и совершенно резоннаго раздѣленія историко-филогическаго факультета на историческій и филологическій, послѣднему, при настоящихъ условіяхъ, грозитъ полное запустѣніе. Еще недавно въ С.-Петербургскомъ университетѣ

было время, когда на цѣломъ курсѣ историко-филологическаго факультета былъ одинъ только слушатель. Сколько же можно ожидать ихъ для филологіи напр. въ Казанскомъ университетѣ, когда состоится предполагаемое раздѣленіе? Съ другой стороны крайняя неудовлетворительность подготовки многихъ изъ этихъ слушателей въ латинскомъ и особенно въ греческомъ языкѣ, знакомство съ которымъ у нѣкоторыхъ, при вступленіи въ университетъ, едва ли простирается далѣе плохаго знанія склоненій и спряженій, ставитъ профессора или въ необходимость принаравливаться въ своихъ занятіяхъ къ этимъ недостаткамъ аудиторіи и слѣдовательно спускать науку ниже должнаго уровня, или подвергаетъ его опасности быть не понятымъ или, по крайней мѣрѣ, неудовлетворительно понятымъ. И во всякомъ случаѣ, при такихъ условіяхъ, онъ далеко не въ силахъ сообщить столько свѣденій и принести столько пользы, сколько онъ могъ бы, имѣя предъ собою достаточно приготовленную аудиторію. Но и слушателей винить въ этомъ едва ли можно: въ 20 лѣтъ зубрить греческія склоненія, спряженія и слова не у всякаго достанетъ и охоты и силъ, особенно если принять во вниманіе разнообразіе и сложность предметовъ историко-филологическаго факультета. Всему свое время: а это золотое время упущено. Когда онъ былъ въ силахъ, у него недоставало средствъ, благодаря печальному состоянію древнихъ языковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Итакъ нужно позаботиться о томъ, чтобы недостаточность подготовки не служила для молодаго человѣка препятствіемъ къ занятію филологіей въ университетѣ, не стѣсняла профессора въ его чтеніяхъ и не вынуждала его заниматься передачею элементарныхъ филологическихъ знаній. Нужно позаботиться, чтобы филологія читалась во всемъ своемъ объемѣ и развитіи, чтобы для всего цикла входящихъ въ нее наукъ существовали въ университетѣ каѳедры; потому что только при такомъ условіи филологическое образованіе можетъ имѣть характеръ цѣлостности и законченности, и только подъ такимъ условіемъ слушатель можетъ пріобрѣсти не поверхностное, а основательное знакомство съ древнимъ міромъ и со всей его культурой; только подъ такимъ условіемъ филологія можетъ пробудить любовь къ себѣ и развиться въ нашемъ обществѣ! Чтобы достигнуть этого, необходимо на первой порѣ 1) ввести въ гимназіяхъ греческій языкъ и усилить преподаваніе латинскаго и 2) увеличить число филологическихъ каѳедръ въ университетахъ. Пока же этого не будетъ, напрасны бу-

дутъ старанія о поднятіи уровня филологической науки въ нашихъ университетахъ и заботы о распространеніи классическаго образованія въ обществѣ! Всѣ эти благородныя желанія и стремленія останутся одними желаніями, всѣ скорби о нашемъ невѣжествѣ — одними безплодными скорбями! А почему доселѣ этого не сдѣлано, кто въ этомъ виноватъ, — судить не намъ!

Гейдельбергъ, 18-го ноября 1862 г.

6) Адъюнкта А. Коркина.

Въ предыдущемъ отчетѣ *) я писалъ, что занимаюсь интегрированіемъ дифференціальныхъ уравненій съ частными производными, встрѣчающихся въ различныхъ отрасляхъ математической физики. Продолжая заниматься тѣмъ же предметомъ, я выбиралъ вопросъ о равновѣсіи температуръ въ эллипсоидѣ и вообще тѣлахъ, ограниченныхъ поверхностями втораго порядка. Рѣшеніе этого вопроса относительно эллипсоида съ тремя неравными осями было предложено французскимъ математикомъ Ламе и напечатано въ журналѣ Ліувилля за 1839 г. Къ сожалѣнію самая главная и труднѣйшая часть рѣшенія оставлена безъ доказательства. Я ищу дополнить доказательство рѣшенія Ламе на столько, на сколько буду въ состояніи.

При занятіяхъ моихъ я руководствуюсь почти всѣми сочиненіями по математической физикѣ, гдѣ встрѣчаются примѣры интегрированія дифференціальныхъ уравненій съ частными производными, преимущественно же сочиненіями Ламе. Такъ какъ вопросъ о равновѣсіи температуръ въ эллипсоидѣ имѣетъ связь съ теоріею эллиптическихъ функцій, то я долженъ былъ также руководствоваться сочиненіями Абеля, Якоби и недавно вышедшимъ сочиненіемъ Бріо и Буке по этому послѣднему предмету.

Въ послѣднее время было объявлено о начатіи курсовъ въ Сорбоннѣ по факультету математическихъ и натуральныхъ наукъ. Слѣдующіе профессоры на дняхъ откроютъ свои чтенія: Шаль будетъ читать высшую геометрію; Дюгамель высшую алгебру и начала исчисленія безконечно малыхъ; Ліувилль раціональную механику; Лефебюръ де Фурси дифференціальное и интегральное исчисленіе; Ламе теорію вѣроятностей. Курсы эти соотвѣтствуютъ курсамъ нашихъ университетовъ, и поэтому слушаніе ихъ можетъ принести пользу только въ отношеніи педагогическомъ, то есть, въ отношеніи способа чтенія предмета. Такъ какъ въ научномъ отношеніи

*) Журн. минист. народ. просв. ч. CXVI, отд. офф. стр. 44.

эти курсы не представляютъ ничего новаго, то я ограничусь посѣщеніемъ нѣсколькихъ лекцій каждаго изъ профессоровъ, приведенныхъ выше; слушаніе же полныхъ курсовъ отняло бы много времени, не принося существенной пользы.

Лекціи въ Collège de France начнутся въ декабрѣ мѣсяцѣ.

$^{18}/_{6}$ Ноября 1862 года.

7) Кандидата А. Ильина.

Присоединяя къ настоящему моему отчету также и свѣденія о моихъ занятіяхъ за часть іюля и августъ, не доставленныя мною въ прошломъ отчетѣ, я могу раздѣлить свои занятія на два главные отдѣла, 1) на занятія геометріею, и 2) чистымъ анализомъ. При занятіяхъ геометріею главнымъ пособіемъ мнѣ служило сочиненіе Монжа: «application de l'analyse à la Géometrie» въ новомъ изданіи сдѣланномъ подъ редакціею г. академика Ліувилля и дополненномъ имъ многими прибавленіями. При этомъ я въ особенности обратилъ вниманіе на изслѣдованія о кривизнѣ поверхностей, причемъ, кромѣ упомянутаго сочиненія Монжа, я обратился къ мемуару Гаусса: «общія изслѣдованія о кривыхъ поверхностяхъ», помѣщенному въ «Commentationes Societatis Regiae Scientiarum Gettingensis» и къ сочиненію Dupin: «Devellopements de géométrie». Послѣднее сочиненіе важно въ отношеніи предлагаемой авторомъ весьма легкой теоріи указательныхъ кривыхъ (индикатрисъ) чрезвычайно облегчающей изслѣдованіе кривизны поверхностей. Наконецъ при изученіи теоріи линій кривизны я пользовался мемуарами гг. Серре и Бертрана, помѣщенными въ 9-мъ, 12-мъ и 16-мъ томахъ Journal des Mathématiques pures et appliquées и въ 41-мъ и 42-мъ томахъ Comptes Rendues Парижской академіи наукъ.

Предметъ моихъ занятій по чистому анализу составляютъ изслѣдованія Эйлера, Пуассона, Коши и Леженя — Дуниле объ опредѣленныхъ простыхъ и кратныхъ интегралахъ. Различные методы преобразованія кратныхъ интеграловъ, въ видѣ задачъ съ краткимъ изложеніемъ теоріи, находятся въ сочиненіи профессора Люттихскаго университета Мейера: «Exposé de la Théorie des intégrales définies», сочиненіи малоизвѣстномъ, но замѣчательномъ какъ сводъ почти всего, что было сдѣлано по этой части анализа и потому весьма полезномъ какъ справочная книга. Пользуясь указаніями, сдѣланными въ этомъ сочиненіи въ видѣ прибавленій къ задачамъ, я обратился къ мемуарамъ Коши, находящимся въ Exercices de Mathéma-

tiques 1826 года, въ 19-й и 28-й тетрадяхъ журнала политехнической школы и въ особенности къ его мемуару, имѣющему предметомъ опредѣленіе общей формулы для нахожденія очень большаго числа опредѣленныхъ интеграловъ и помѣщенному въ Annales de Mathématiques etc par Gergakke. Равнымъ образомъ я пользовался мемуарами Пуассона въ 16 и 18-й тетрадяхъ журнала политехнической школы и мемуаромъ Клаузена въ математическомъ журналѣ Крелля.

Наконецъ, желая пріобрѣсти болѣе обширныя свѣденія по теоріи и свойствамъ эйлеровыхъ интеграловъ, теоріи весьма обогащенной изслѣдованіями Коши, Бине, Мальметена, Ліувилля и Гаусса, а равнымъ образомъ съ ея приложеніями, я воспользовался преимущественно мемуаромъ г. Серре, имъ представленнымъ въ 1860 г. Парижской академіи наукъ.

Изъ сообщаемыхъ мною свѣденій ясно, что главная трудность занятій состояла въ собраніи матерьяловъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, что, впрочемъ, значительно облегчалось скоростью выдачи требуемыхъ книгъ въ здѣшней публичной библіотекѣ и только что изданными извѣстнымъ книгопродавцемъ Mallet—Bachelier указателемъ статей въ изданіяхъ какъ его такъ и академіи наукъ.

Начиная съ 24-го числа настоящаго мѣсяца открываются курсы въ Сорбоннѣ. Составъ лекцій слѣдующій: Дюгамель — высшая алгебра, теорія рядовъ и разложенія функцій въ тригонометрическіе ряды, Лефебюръ-де-Фурси—дифференціальное счислніе, Ліувилль—аналитическая механика, Ламе — теорія вѣроятностей и математическая физика, Шаль — аналитическая геометрія съ изслѣдованіями кривыхъ третьей и четвертой степени.

Затѣмъ въ непродолжительномъ времени откроются лекціи въ Collège de France. Изъ упомянутыхъ мною профессоровъ я избралъ для слушанія лекцій профессоровъ — Ліувилля по аналитической механикѣ и Ламе — по теоріи вѣроятностей и математической физикѣ, основывая свой выборъ какъ на интересѣ предметовъ ихъ лекцій, такъ и на отзывахъ, дѣлаемыхъ о ихъ лекціяхъ многими изъ преподавателей математики, съ которыми мнѣ случилось здѣсь познакомиться.

Въ слѣдствіе предписанія министерства я былъ въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ у Н. И. Пирогова въ Гейдельбергѣ и сообщилъ ему какъ планъ моихъ занятій, такъ и мѣсто жительства. Въ бытность мою въ Гейдельбергѣ я имѣлъ случай познакомиться съ составомъ

математическаго факультета Гейдельбергскаго университета. Лекціи всего факультета распредѣлены между двумя только профессорами— Гессе и Канторомъ и потому уровень преподаванія математическихъ наукъ въ этомъ университетѣ стоитъ весьма низко, что можно было видѣть и изъ программы лекцій на нынѣшній годъ, вышедшей при мнѣ и пріобрѣтенной мною. Не могу не упомянуть при этомъ о новомъ сочиненіи г. профессора Гессе, пріобрѣтенномъ мною въ Гейдельбергѣ, «Analytische Geometrie des Raumes»: сочиненіи весьма замѣчательномъ, какъ по богатству собранныхъ въ немъ свѣденій, такъ и по способу изложенія, совершенно отличному отъ способовъ, принимаемыхъ обыкновенно въ сочиненіяхъ другихъ писателей по тому же предмету.

Это сочиненіе, сколько мнѣ извѣстно, есть первый опытъ изложенія аналитической геометріи въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому названію, съ помощью дифференціальнаго и интегральнаго счисленія.

Парижъ, $^{10}/_{22}$ ноября 1882 года.

8) Кандидата Хорошевскаго.

Въ предыдущемъ отчетѣ *) я остановился на томъ, что занимаюсь обозрѣніемъ источниковъ чешской исторіи при помощи сочиненія Палацкаго «Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber» и ознакомленіемъ съ изданіями этихъ источниковъ. Окончилъ я эти занятія вскорѣ послѣ отсылки отчета. Затѣмъ въ дополненіе къ моимъ книжнымъ работамъ я счелъ необходимымъ познакомиться съ жизнью чешскихъ крестьянъ, которые менѣе подверглись нѣмецкому вліянію, нежели жители городовъ, и слѣдовательно представляютъ болѣе чистый источникъ для изученія чешской народности. Съ этою цѣлью я отправился изъ Праги въ деревню Гудлицы, гдѣ провелъ двѣ недѣли, стараясь присмотрѣться, на сколько позволяла кратковременность моего пребыванія, къ быту, нравамъ и обычаямъ чешскаго села. $^{20}/_{8}$ сентября я отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ представился Н. И. Пирогову, а оттуда въ Парижъ, въ которомъ нахожусь съ $^{26}/_{14}$ сентября. Въ избраніи мѣста моихъ студіевъ на этотъ учебный годъ я колебался между Парижемъ, куда меня привлекла «École des Chartes», и Бонномъ, гдѣ я хотѣлъ заняться въ исторической семинаріи профессора Зибеля, но наконецъ я оста-

*) Журн. минист. народ. просв. ч. CXVI, отд. офф. стр. 45.

новился на Парижѣ по слѣдующему соображенію. Во время моего пребыванія въ Парижѣ, рядомъ со слушаніемъ лекцій въ «École des Chartes, я пополню пробѣлы въ моемъ знаніи всеобщей исторіи, т. е. прочту важнѣйшія сочиненія, относящіяся къ тѣмъ періодамъ и сторонамъ всеобщей исторіи, съ которыми я не успѣлъ еще ознакомиться съ достаточною полнотою и отчетливостью. Кромѣ того займусь политической экономіей, а если достанетъ времени въ этомъ учебномъ году, то и другими вспомогательными науками исторіи (статистикой, юридическими науками). При такой подготовкѣ изученіе въ исторической семинаріи пріемовъ самостоятельной критической разработки источниковъ будетъ несравненно успѣшнѣе. Вотъ почему я отложилъ мои занятія въ Германіи до будущаго учебнаго года, предпославъ имъ студіи въ Парижѣ. Къ несчастію черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Парижъ, едва только я успѣлъ въ немъ оріентироваться, меня постигла болѣзнь. Оправившись немного, но не выздоровѣвъ еще совершенно, я сталъ выходить изъ дому, въ слѣдствіе чего опять слегъ въ постель и только въ первыхъ числахъ текущаго мѣсяца оправился на столько, что могъ приняться за занятія. Въ дополненіе къ прочтеннымъ мною прежде сочиненіямъ, относящимся къ средневѣковой исторіи Франціи, я счелъ нужнымъ ознакомиться съ «Histoire de France» Мишлѐ. По прочтеніи этого сочиненія я думаю перейти къ болѣе спеціальнымъ занятіямъ, изучить подробно нѣкоторыя особенно меня интересующія части средневѣковой исторіи Франціи. Имѣя это въ виду, я познакомился съ Анри Мартеномъ (Henri Martin), авторомъ извѣстной многотомной «Исторіи Франціи», и съ Кишра̀, профессоромъ «École des Chartes», однимъ изъ лучшихъ французскихъ археологовъ. Ихъ указанія и совѣты доставятъ мнѣ, надѣюсь, облегченіе въ моихъ занятіяхъ. Рядомъ съ чтеніемъ упомянутаго мною сочиненія Мишлѐ, я изучаю «Основанія политической экономіи» Милля. Кромѣ этихъ занятій на дому, посѣщаю лекціи профессора Гарньѐ, читающаго два раза въ недѣлю общій курсъ политической экономіи въ «École des Ponts et Chaussées». Началъ я также посѣщать открывшіяся сегодня лекціи въ «École des Chartes», отъ которыхъ ожидаю для себя много пользы. Въ слѣдующемъ отчетѣ, когда уже достаточно ознакомлюсь съ этой школой, сообщу самыя подробныя свѣденія о ней. Лекціи въ здѣшнемъ «Faculté des lettres», равно какъ и въ «Collège de France», еще не начались.

18/6 ноября, 1862 года.

9) Старшаго учителя Аѳанасія Миротворцева.

Уже въ первомъ отчетѣ своемъ, посланномъ изъ Берлина *), я имѣлъ случай отчасти сообщить планъ своихъ занятій за границей, куда, между прочимъ, входило и намѣреніе мое посѣщать, по мѣрѣ возможности, нѣкоторые университеты. Оставаясь довольно вѣрнымъ этому плану, я долженъ однако замѣтить, что далеко не считаю для себя важнымъ и существенно необходимымъ постоянное слушаніе лекцій въ полномъ ихъ составѣ, и кромѣ желанія ознакомиться съ разными методами и пріемами изложенія, направленіемъ исторической науки, даю вообще университетскимъ лекціямъ значенія на столько, насколько онѣ могутъ относиться къ моимъ собственнымъ занятіямъ. Руководясь этимъ соображеніемъ, я оставилъ на время берлинскій университетъ, такъ какъ распредѣленіе курсовъ его на зимній семестръ, при всемъ ихъ разнообразіи и предполагавшемся интересѣ, не совпадало съ избранными мною отдѣлами для занятій, между тѣмъ слушаніе лекцій тогда только и можетъ доставить нѣкоторую пользу, когда оно сопровождается самостоятельными занятіями — и предпочелъ на этотъ разъ гейдельбергскій университетъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующій моимъ цѣлямъ. Этотъ университетъ, по личному составу профессоровъ и богатству ученыхъ средствъ, далеко не можетъ сравниться съ берлинскимъ, хотя немногимъ меньше имѣетъ студентовъ, и въ числѣ ихъ едва ли не больше, чѣмъ въ Берлинѣ, находится иностранцевъ, въ настоящее время по преимуществу русскихъ. Причина такого вниманія конечно можетъ объясняться присутствіемъ здѣсь нѣкоторыхъ ученыхъ знаменитостей, по преимуществу на факультетахъ юридическомъ (Миттермайеръ, Вангеровъ) естественномъ (Бунзенъ, Гельмгольцъ), а можетъ быть лежитъ отчасти и внѣ университета. Не говоря уже о выгодахъ мѣстности Гейдельберга и другихъ его преимуществахъ, какъ напр. существующемъ при здѣшнемъ музеѣ кабинетѣ для чтенія, съ огромнымъ количествомъ всевозможныхъ политическихъ, литературныхъ и ученыхъ журналовъ, вновь выходящихъ брошюръ и замѣчательныхъ статей, для многихъ важно самое географическое положеніе Гейдельберга — почти въ центрѣ Европы, обстоятельство, имѣющее и для меня нѣкоторое значеніе. Отсюда гораздо легче и удобнѣе дѣлать по време-

*) Журн. минист. народ. просв. Ч. CXV отд. офф. стр. 150.

намъ экскурсіи въ нѣкоторые изъ ближайшихъ университетовъ, что занимаетъ одно изъ важныхъ мѣстъ въ числѣ моихъ плановъ, и прежде всего имѣется въ виду тюбингенскій университетъ, знаменитый своею критическою т. н. тюбингенскою школою, обогатившею исторію важными результатами, особенно въ отношеніи религіознаго вопроса, насколько онъ относится къ исторіи. Что же касается до гейдельбергскаго университета, то онъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи историческаго отдѣла, представляетъ явленіе, едва ли не общее большинству университетовъ, гдѣ на ряду съ свѣтилами науки первой величины группируются меньшія и часто довольно посредственныя единицы. Представлять подобную градацію конечно было бы неумѣстно, и я указываю на это обстоятельство только потому, что оно служитъ отчасти новымъ для меня оправданіемъ, почему я избавляю себя отъ необходимости ближайшаго ознакомленія со многими историческими университетскими курсами, и слѣдовательно лишаю себя возможности давать о нихъ подробный и обстоятельный отчетъ. Къ такому разряду, если не ошибаюсь, принадлежитъ, напр., курсъ древней исторіи, читаемый въ здѣшнемъ университетѣ ординарнымъ профессоромъ Ваттенбахомъ. Г. Ваттенбахъ, въ ученомъ нѣмецкомъ мірѣ, не пользуется особенно громкою извѣстностію; что же касается до его лекцій, то сколько могу судить по двумъ-тремъ, слышаннымъ мною, онѣ представляютъ не болѣе, какъ подробное, довольно систематическое изложеніе фактовъ, и притомъ такое, какое можно найти въ любомъ изъ лучшихъ руководствъ, такъ что подобное преподаваніе, при богатствѣ нѣмецкой исторической литературы, далеко недостаточно, и для слушателей, предполагая ихъ подготовку въ хваленыхъ нѣмецкихъ гимназіяхъ, казалось бы очень неудовлетворительно. Главнѣйшее вниманіе я обращалъ на лекціи профессора Гейссера. Гейссеръ извѣстенъ своею нѣмецкою исторіей Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes, и кромѣ того принадлежитъ къ числу сотрудниковъ историческаго журнала Зибеля, гдѣ помѣщались нѣкоторыя его историческія монографіи и критическія статьи. Но не только какъ ученый, въ такой же мѣрѣ, если не болѣе какъ и профессоръ-преподаватель Гейссеръ пользуется совершенно справедливою извѣстностію. Немногіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ историковъ имѣютъ такую многочисленную аудиторію, хотя многіе стоятъ выше его въ ученомъ отношеніи. Въ настоящій зимній семестръ профессоръ чи-

таетъ нѣмецкую исторію privatim, т. е. съ платою за право слушанія, каждодневно, исключая субботы и праздниковъ. Сдѣлать правильное и точное сужденіе объ этомъ курсѣ теперь конечно довольно трудно, потому что изложеніе доведено только до габсбургскаго дома, и притомъ въ довольно краткомъ очеркѣ; наиболѣе подробное и слѣдовательно болѣе оживленное изложеніе, какъ можно заключать по печатной программѣ, предполагается только съ вестфальскаго мира, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что Гейссеръ по преимуществу занимался новымъ временемъ въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. На этотъ разъ по необходимости я долженъ ограничиться только общими и можетъ быть довольно легкими замѣчаніями. Какъ извѣстно, профессоръ Гейссеръ занимаетъ каѳедру покойнаго Шлоссера и отчасти принадлежитъ къ его школѣ, но по своимъ пріемамъ изслѣдованія и методу изложенія держится нѣсколько иного направленія. Лекціи его, если не могутъ назваться сухими, то кажется совершенно справедливо по тону и характеру изложенія заслуживаютъ названія серьезныхъ, какъ серьезенъ самъ профессоръ, хотя разсказываются всегда съ полнымъ и одинаковымъ одушевленіемъ. Гейссеръ почти совсѣмъ обходитъ исторію внутренняго быта, слегка касается народныхъ нравовъ, явленій культурной и умственной жизни, ограничиваясь только крупными фактами государственной политической исторіи, но за то съ тонкимъ знаніемъ дѣла раскрываетъ часто сложныя и запутанныя отношенія политики: къ тому же онъ видимо проникнутъ современною національною идеею нѣмецкаго единства, отъ чего лекціи его получали особенно оживленный характеръ, когда дѣло шло объ эпохахъ нѣмецкаго могущества. Въ такомъ духѣ изложено было время саксонской династіи, время Гогенштауфеновъ, при чемъ рѣзко выдвинуто и раскрыто было значеніе этихъ императоровъ, даже нѣсколько въ ущербъ неоспоримому могуществу тогдашнихъ папъ. Для меня важнѣе впрочемъ былъ курсъ новой исторіи, который читается также Гейссеромъ по вечерамъ отъ 6—7 часовъ, пять разъ въ недѣлю, и тоже privatim. Курсъ предполагается въ обширныхъ размѣрахъ, захватывающихъ исторію всѣхъ европейскихъ государствъ до настоящаго времени. Изложеніе событій новаго времени доведено пока до вормскаго сейма, но въ началѣ предпослано было пространное введеніе, имѣвшее цѣлію разъяснить средневѣковой порядокъ въ отношеніи его къ реформаціи, (что казалось и потому не лишнимъ, что курсъ средней исторіи въ настоящій зим-

ній семестръ, почему то, не читается въ здѣшнемъ университетѣ). Въ числѣ общихъ вопросовъ, неизбѣжныхъ въ этомъ случаѣ, особенное вниманіе обращено было на нѣкоторыя характеристическія явленія средневѣковаго времени — политическую разрозненность, слабое сознаніе національныхъ правъ, поглощенныхъ идеею церковной — папской и свѣтской — императорской власти. Въ противоположность этому направленію, выразившемуся всего яснѣе въ крестовыхъ походахъ, къ концу среднихъ вѣковъ обнаруживаются новыя тенденціи — стремленіе національностей къ политической самостоятельности, на ряду съ возвышеніемъ королевской власти, городскихъ общинъ и проч. Подобное же направленіе указано и въ Германіи и имъ болѣе или менѣе объяснено реформатское движеніе 16-го вѣка. Но при этомъ недостаточно была объяснена экономическая сторона вопроса, система напр. церковныхъ и папскихъ налоговъ, давившая въ средніе вѣка людъ Божій и имѣвшая ближайшее, сколько мнѣ кажется, соотношеніе къ реформаціи, недостаточно развитъ церковный вопросъ, самъ въ себѣ, взятый внѣ политическихъ отношеній, значеніе соборовъ, ученій прежнихъ сектаторовъ и слѣдовавшихъ за ними реформаторовъ и проч. Конечно все это могло и не входить въ програму Гейссера и я указываю на эти пробѣлы больше потому, что ими отчасти обусловливались мои собственныя занятія. Дальнѣйшія лекціи обѣщаютъ для меня тѣмъ большій интересъ, что ихъ можно будетъ сличить съ курсомъ Дройзена, слышаннымъ мною отчасти въ лѣтній семестръ. Сравнительно съ нимъ я могу указать теперь одинъ хотя и внѣшній, но, по моему мнѣнію, очень важный недостатокъ въ университетскомъ преподаваніи Гейссера; именно онъ совершенно не дѣлаетъ никакого отзыва объ источникахъ и пособіяхъ, выставленныхъ въ такомъ множествѣ во главѣ каждаго отдѣла его програмы. Этотъ недостатокъ могъ бы быть пополненъ т. н. историческими упражненіями, Historische Uebungen. Но у Гейссера онѣ носятъ нѣсколько другой характеръ, чѣмъ у другихъ. Занятія эти происходятъ у него на дому однажды въ недѣлю и начались очень недавно, такъ что я имѣлъ случай быть на нихъ не больше одного раза. Въ сущности это таже лекція и отличается отъ университетской развѣ только тѣмъ, что здѣсь разсказывается о какомъ нибудь предметѣ прямо по источникамъ. Въ тотъ разъ, когда я былъ, рѣчь шла о Фридрихѣ II великомъ, объ отношеніи его, какъ кронъ-принца, къ отцу, объ извѣстной катастрофѣ между отцемъ

и сыномъ, имѣвшей слѣдствіемъ бѣгство послѣдняго. Гейссеръ вычитывалъ мѣста изъ сочиненій Фридриха II, мемуаровъ его сестры и нѣкоторыхъ другихъ, стараясь ими выяснить значеніе этихъ фактовъ и главнымъ образомъ направляя свою критику противъ извѣстной статьи Маколея о Фридрихѣ II, въ которой Гейссеръ видитъ не больше, какъ каррикатуру. Въ этомъ смыслѣ помѣщена была Гейссеромъ критическая статья еще въ 1859 году въ историческомъ журналѣ Зибеля, гдѣ онъ старается отнять у Маколея всякое историческое достоинство, видитъ въ немъ не больше, какъ поэта, журналиста или парламентскаго оратора — es klingt in ihm der Poet seiner Jugendtage durch, man hört den parlamentarischen Redner, den Mann der politischen Debatte, den Kunstfreund uud Aesthetiker so gut heraus, wie den Journalisten. Въ опытѣ же Маколея о Фридрихѣ онъ видитъ не болѣе, какъ историческій романъ или бурлеску — burleske Schilderung. На сколько все это справедливо, здѣсь не мѣсто рѣшать. Во всякомъ случаѣ по этой статьѣ нельзя опредѣлять еще значеніе Маколея. Что же касается до самыхъ историческихъ упражненій, то кажется безошибочно можно ожидать отъ нихъ не малой пользы и я по преимуществу намѣренъ обратить вниманіе на эти занятія. Важный недостатокъ въ этихъ упражненіяхъ, кажется мнѣ, тотъ, что они происходятъ безъ участія самихъ слушателей, которыхъ собирается человѣкъ шесть, семь. Впрочемъ дальше, быть можетъ, и измѣнится этотъ порядокъ. Кромѣ лекцій профессора Гейссера я посѣщалъ еще чтенія приватъ-доцента Онкена о гуманизмѣ и гуманистахъ въ Италіи и Германіи. До самаго гуманизма еще дѣло не дошло и по обыкновенію отыскивались начатки этого направленія еще въ среднихъ вѣкахъ, то есть представленъ былъ довольно сухой перечень школъ, библіотекъ, рукописей классиковъ въ разное время, между тѣмъ, сколько мнѣ кажется, тутъ умѣстнѣе было бы познакомить съ противоположнымъ направленіемъ схоластическимъ, вызвавшимъ прямо гуманизмъ. Во всякомъ случаѣ курсъ этотъ принадлежитъ къ одному изъ добросовѣстныхъ, хотя и не отличается особенною живостію изложенія.

Имѣлъ намѣреніе послушать лекцій по философіи исторіи. Курсъ этотъ долженъ былъ читаться приватъ-доцентомъ Рабусомъ, но до сихъ поръ еще не открылся, вѣроятно, по неимѣнію слушателей, что очень возможно при довольно значительномъ гонораріѣ за право слушанія лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ, при чемъ, разумѣется, каждымъ берется въ расчетъ польза и достоинство лекцій.

Что касается, наконецъ, до моихъ собственныхъ занятій, то они болѣе или менѣе совпадали съ слушанными мною курсами. Вѣрный заданному себѣ плану я продолжалъ изученіе реформаціи по указаннымъ еще въ первомъ отчетѣ сочиненіямъ и нѣкоторымъ другимъ. Такой способъ изученія я нахожу довольно удобнымъ и намѣренъ вести его дальше, въ томъ же порядкѣ, параллельно съ избранными мною университетскими курсами. Но, само собою разумѣется, я не могъ ограничиться этимъ однимъ и на нѣкоторыхъ вопросахъ долженъ былъ остановиться съ большимъ вниманіемъ, и особенно на такихъ, которые большею частію обходятся въ общихъ сочиненіяхъ о реформаціи. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежитъ вопросъ о состояніи церкви въ средніе вѣка, положеніи папства, по преимуществу предъ реформаціею, съ общею стороною котораго я могъ ознакомиться отчасти по сочиненіямъ Гизо, Галлема, Юлія Вебера (Das Papstthum), Баура (Die Christliche Kirche des Mittelalters). Не могъ также опустить изъ виду вопросовъ, касающихся эпохи возрожденія, исторіи гуманизма, счелъ нужнымъ остановиться на личности Ульриха фонъ Гуттена, одного изъ главныхъ представителей послѣдняго направленія, на его сочиненіяхъ, на письмахъ темныхъ людей (obscurorum virorum), на вышедшемъ недавно вторымъ изданіемъ сочиненіи Satiren und Pasquille aus der Reformationszeit, которые служатъ болѣе или менѣе выраженіемъ общественнаго мнѣнія въ вѣкъ реформаціи и отчасти показываютъ даже, какъ относился народъ къ важнымъ вопросамъ того времени.

Гейдельбергъ, 24/12 ноября 1862 года.

10) Магистра Тихоновича 2-го.

Выѣхалъ я изъ С.-Петербурга 22-го августа, имѣя въ виду непосредственно остановиться въ Берлинѣ для разузнанія, какіе профессоры читаютъ тамъ физику и химію. Просматривая «Verzeichniss der Vorlesungen», я встрѣтилъ въ отдѣлахъ естествовѣдѣнія и медицины много именъ, заявившихъ себя блистательно въ наукѣ *), но лабораторіи ихъ лишены средствъ, необходимыхъ для спеціальныхъ работъ по органической химіи. Лабораторія Байэра весьма годна для всякой органической работы, но не имѣетъ ниже упомянутыхъ снарядовъ и снарядовъ для спектральнаго анализа и ана-

*) По физикѣ: Magnus, Ermann, Quincke, Poggendorff. По химіи: Mitscherlich, Rose, Rammelsberg. По нервной системѣ — Du Bois Reymond.

лиза газовъ, которыми, по недостатку средствъ въ Харьковѣ, я не былъ въ состояніи заниматься. Убѣжденный вполнѣ, что желаемое могу получить только въ Гейдельбергѣ и узнавши, что по дорогѣ, именно въ Карлсбадѣ, назначенъ ученый съѣздъ, я немедленно же отправился въ упомянутый городъ. Карлсбадъ лежитъ по пути въ Гейдельбергъ, а потому въ денежномъ отношеніи я немогъ потерять много. Если же и представлялись какія потери, то они, по моему предположенію, съ лихвою могли окупиться ученымъ интересомъ. Тутъ представлялся случай увидѣться и поговорить, какъ мнѣ тогда казалось, съ лучшими мыслителями, узнать средства, которыми располагаютъ ихъ лабораторіи, познакомиться съ ихъ взглядами, словомъ, въ одномъ мѣстѣ соединялось все интересующее меня. Итакъ, руководимый подобными мыслями, я отправился въ Карлсбадъ, гдѣ и былъ принятъ Mietglied'омъ. Это былъ 37-й съѣздъ естествоиспытателей и медиковъ. Главная цѣль собранія, какъ говорится, по крайней мѣрѣ, въ «Statuten der Gesellschaft deutscher Naturforscher und Aerzte», состоитъ въ томъ, чтобы доставить случай медикамъ и натуралистамъ обмѣняться мыслями *). Цѣль собранія, какъ видно, превосходная, но я не знаю, выполнялась ли она когда нибудь прежде, теперь же, т. е. въ настоящемъ собраніи, она ни малѣйше не выполнена, или, по крайней мѣрѣ, очень дурно. Собраніе началось общимъ засѣданіемъ 18-го сентября, въ 9-ть часовъ утра.

Президентъ (Geschäftsführer), профессоръ Löschner, открылъ собраніе длинною рѣчью, которая вѣроятно уже напечатана въ нѣмецкихъ газетахъ, а потому считаю излишнимъ здѣсь ее сообщать. Потомъ Baron Wucherer, Kreishauptmann in Eger, привѣтствовалъ отъ имени правительства всѣхъ натуралистовъ и медиковъ, изъявляя радость, что онъ можетъ принять ихъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Въ заключеніе всего высказалъ такую мысль: такъ какъ натуралисты и медики собираются уже третій разъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, то это можетъ служить, до нѣкоторой степени, доказательствомъ, что австрійское правительство принимаетъ живѣйшее участіе въ научныхъ стремленіяхъ, стараясь поддерживать ихъ всѣми силами. Далѣе, карлсбадскій Bürgermeister, господинъ Knoll, произнесъ рѣчь въ такомъ смыслѣ: Карлсбадъ сознаетъ себя вы-

*) Der Hauptzweck der Gesellschaft ist, den Naturforschern und Aerzten Deutschlands Gelegenheit zu verschaffen, sich persönlich kennen zu lernen.

сокопочтеннымъ присутствіемъ такого блистательнаго ученаго собранія, а онъ, Knoll чувствуетъ необыкновенное счастіе привѣтствовать отъ имени гражданъ такое достославное общество. Потомъ второй президентъ, г. Hochberger, прочелъ постановленія общества, переименовалъ присланныя сочиненія и проч. Наконецъ на каѳедрѣ появился профессоръ Schultz-Schultzenstein изъ Берлина и, принявши важную позу оратора, возвѣстилъ публикѣ, что онъ угоститъ ее рѣчью такого содержанія: «о значеніи жизни и смерти въ наукѣ». Выслушавши подобное любопытное заглавіе, я устремилъ все свое вниманіе на то, чтобы не проронить ни одного слова изъ рѣчи почтеннаго профессора; но увы, всѣ усилія мои понять что нибудь, были тщетны. Кругомъ господствовалъ какой то шумъ, мѣшавшій впрочемъ слышать слова достойнаго профессора. Прислушиваясь къ этому шуму, я могъ разобрать, что г. Шульцъ чуть ли не десятый уже разъ произноситъ одну и туже рѣчь и что его «жизнь и смерть» принадлежитъ къ числу ископаемыхъ произведеній, отъ времени до времени отрываемыхъ для услады публики. До какой степени вѣроятно это мнѣніе, я положительно не могу сказать; самой же рѣчи, впрочемъ очень длинной, не могъ разслушать въ слѣдствіе шума въ собраніи. Вслѣдъ за Шульцомъ явился профессоръ Seegen съ своею рѣчью: о значеніи минеральныхъ источниковъ въ естествовѣденіи, а особенно для геологіи. Онъ развилъ вкратцѣ: процессъ образованія источниковъ, указалъ на связь, существующую между солями послѣднихъ и минеральными веществами, находящимися въ растеніяхъ, развивающихся вблизи тѣхъ же минеральныхъ источниковъ; при этомъ онъ выразилъ мысль, что соли источниковъ и зола растеній представляютъ въ маломъ размѣрѣ химическій составъ тѣхъ породъ, сквозь которыя воды проходили, или на которыхъ растенія развивались. Источники доставляютъ, по его мнѣнію, матеріалъ, подновляющій земную поверхность. Развивая это мнѣніе, профессоръ Seegen привелъ въ примѣръ дѣйствіе Шпруделя на поверхность земли, осаждающаго постоянно огромныя количества различныхъ минеральныхъ веществъ, растворенныхъ послѣднимъ въ нѣдрахъ земли. Это послѣднее обстоятельство подтверждаетъ мнѣніе о важномъ значеніи минеральныхъ источниковъ въ измѣненіяхъ и подновленіяхъ нашей планеты. Въ заключеніе своей рѣчи авторъ привелъ наблюденія Daubrée, въ источникахъ Plombières, надъ преобразованіями и возобновленіями, производимыми состав-

ными минеральными частями источниковъ, и развилъ мысль, тѣсно связанную съ этими явленіями, о непрерывномъ обмѣнномъ разложеніи веществъ, производимомъ въ нѣдрахъ земли подъ вліяніемъ упомянутыхъ дѣятелей.

Далѣе онъ сообщилъ наблюденія Daubrée надъ дѣйствіемъ нагрѣтой воды подъ высокимъ давленіемъ на соединенія и разложенія минеральныхъ веществъ и, какъ результатъ послѣднихъ опытовъ, представилъ свои выводы объ образованіи метаморфическихъ породъ. Напослѣдокъ, расхваливши всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, будто-бы наиболѣе сдѣлавшихъ въ этомъ отношеніи и съ особеннымъ благоговѣніемъ выразившись о Bischoff'ѣ какъ основателѣ современной химической геологіи, авторъ привелъ еще такую мысль: «Въ правильной оцѣнкѣ явленій, происходящихъ въ источникахъ, мы находимъ сильнѣйшую опору для отчетливаго пониманія вѣчно продолжающихся переворотовъ въ нѣдрахъ земли». Рѣчь эта, произнесенная съ большимъ увлеченіемъ и жаромъ, произвела дѣйствительно большое вліяніе на слушателей и вообще на публику. Въ залѣ, кромѣ собранія ученыхъ, были еще посторонніе лица, между послѣдними много дамъ. Но въ сущности въ этой рѣчи не было положительно ничего новаго. Все, что было высказано г. Seegen'омъ, сдѣлалось давно уже достояніемъ учебниковъ и знакомо не только спеціалистамъ, но даже гимназистамъ тѣхъ гимназій, гдѣ читается естествовѣденіе. Конечно это рѣчь публичная, но вѣдь публика то и состояла по преимуществу изъ ученыхъ, да притомъ и для каждаго было бы интересно услышать что нибудь новое, а не «дѣла давно минувшихъ дней, преданіе старины глубокой». Потомъ второй президентъ, перечисливъ лица, занявшія должности секретарей и президентовъ въ частныхъ засѣданіяхъ (Sectiones), завершилъ первое общее собраніе. Въ частныхъ засѣданіяхъ я обратилъ особенное вниманіе на химію и физику, какъ на главную цѣль моей посылки. Первое засѣданіе, бывшее 18-го сентября, занято было слѣдующимъ: выборомъ президента, которымъ на этотъ разъ, по предложенію профессора Böttger'a, былъ провозглашенъ издатель «Journal für practisch. Chem. Otto Lenné Erdmann; опредѣлены часы для частныхъ засѣданій; назначена большая экскурсія въ Joachimsthal, предпринятая по просьбѣ минералогическаго отдѣленія, а преимущественно по желанію Walter'a, президента секціи. Второе засѣданіе—19-го. Въ этомъ засѣданіи профессоръ Böttger, изъ Франк-

фурта, читалъ: «нахожденіе талія въ илѣ *), или, точнѣе выражаясь, въ подонкахъ, остающихся при полученіи сѣрной кислоты въ свинцовыхъ камерахъ». Наиболѣе рѣзкое доказательство существованія талія въ упомянутомъ случаѣ, по мнѣнію Böttger'a, заключается въ замѣчательномъ отношеніи новаго тѣла къ спектральному аппарату проф. Кирхгофа и Бунзена. Именно: талій, по наблюденіямъ проф. Böttger'a, выражается въ аппаратѣ изумрудно-зеленою полосою **). Дѣйствительно, при нагрѣваніи упомянутыхъ подонковъ въ неочищенномъ горящемъ водородѣ, замѣчается въ аппаратѣ Бунзена подобная полоса, быстро исчезающая; но принадлежитъ ли это свойство одному талію, находящемуся, по мнѣнію Böttger'a, въ илѣ, или подобная изумрудная полоса можетъ происходить и отъ другихъ тѣлъ, случайно примѣшанныхъ, и наконецъ занимаетъ ли полоса постоянно опредѣленное мѣсто? Съ моей стороны этотъ вопросъ не есть придирка. Вотъ что говоритъ Lamy въ своемъ сочиненіи о Thallium'ѣ: Auf der mikrometrischen Theilung meines Spectroscops, wo die Natrumlinie beim Theilstrich 100 steht, steht diese Thalliumlinie beim Theilstrich 129,5. Вотъ это дѣло иное! Еще точнѣе работы въ этомъ направленіи Crookes'a при одной и той же установкѣ снаряда; эти всѣ вопросы Böttger оставляетъ, повидимому, безъ вниманія, а потому изслѣдованіе его не признаю рѣшающимъ окончательно вопросъ: дѣйствительно ли талій находится въ веществѣ, употребленномъ имъ при опытѣ? Спектральный аппаратъ въ рукахъ Кирхгофа и Бунзена оказалъ громадную пользу наукѣ, какъ новое, между прочимъ, самое чувствительное средство. Пятидесяти-милліонная часть грамма соединеній талія обнаруживается этимъ средствомъ открывать тѣла, до сихъ поръ ускользавшія отъ нашего вниманія. Въ рукахъ же Böttger'a, по крайней мѣрѣ какъ онъ производилъ опытъ, снарядъ Бунзена и Кирхгофа былъ инструментомъ, въ которомъ можно было, и то не всякій разъ, видѣть, впрочемъ довольно неясно, изумрудно-зеленую полосу. Вещество, находившееся въ рукахъ Böttger'a, показалось мнѣ крайне подозрительнымъ относительно своей чистоты; водородъ, употребляемый имъ, былъ совер-

*) Перевожу нѣмецкое слово Schlamm — иломъ, подонками. Такъ, по крайней мѣрѣ, москвичи-заводчики называютъ то, что разумѣлъ Böttger подъ словомъ «Schlamm».

**) Изумрудно-зеленою линіею. Вмѣсто полосы правильнѣе употреблять слово линія.

шенно неочищенъ; проволочка, помощію которой вносилось вещество въ пламя водорода, была небрежно бросаема на нечистый столъ; въ слѣдствіе этого въ аппаратѣ иногда ничего небыло видно; а иногда вмѣстѣ съ зеленою полосою появлялись всевозможныя цвѣтныя полосы, свойственныя различнымъ другимъ тѣламъ. Отъ неакуратности при опытахъ происходило между прочимъ и то, что нѣкоторые изъ присутствующихъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ что нибудь увидѣть, ровно ничего не могли замѣтить; обстоятельство, приводившее въ крайнее недоумѣніе самого экспериментатора. Итакъ, вотъ почему я думаю, что опыты Böttger'а положителвно не ведутъ ни къ чему и ничего не доказываютъ. Достаточно ли одной изумрудно-зеленой полосы и то не всегда видимой, при упомянутыхъ обстоятельствахъ, для того чтобы и себя и другихъ убѣдить въ несомнѣнности нахожденія талія въ испытуемомъ веществѣ, предоставляю право судить каждому. Я же думаю, что такъ можно было доказать въ испытуемомъ веществѣ не только присутствіе талія, но и множества другихъ элементовъ *). Далѣе профессоръ Böttger показывалъ особенное вещество, образующееся въ доменныхъ печахъ, при плавленіи бобовой руды, содержащей канадинъ; вещество это онъ называлъ Gichtschwamm. По его розыскамъ оказа-

*) Я вполнѣ знаю, что существуетъ особенное тѣло, называемое таліемъ, которое, впрочемъ, по мнѣнію гейдельбергскихъ химиковъ принадлежитъ не къ металламъ, какъ думалъ Böttger, а къ отдѣлу сѣры; но сомнѣваюсь въ точности изслѣдованія Böttger'а. Все было сдѣлано грязно, да и притомъ работы надъ таліемъ гораздо прежде были уже доведены до совершенства. Въ засѣданіи парижской академіи, 23-го іюня 1862 года, Lamy представилъ слѣдующее: Als ich vor einigen Monaten mittelst Kirchhoff und Bunsen's spectral analytischen Apparats eine Probe untersuchte, welches mein Schwager, Herr F. Kuhlmann, aus dem Schlamme der Bleikammern, in welchen man durch Verbrennung von Schwefelkiesen Schwefelsäure bereitet, dargestellt hatte, bemerkte ich eine scharfe grüne Linie, welche mir bei keiner den vor mir untersuchten zahlreichen unorganischen Substanzen von einfacher oder zusammengesetzter Natur vorgekommen sind. Далѣе авторъ говоритъ, что ему окончательно неизвѣстно было въ то время объ работахъ, въ томъ же направленіи, Crookes, начавшаго свои изслѣдованія раньше гораздо Lamy. Crookes получилъ таліумъ еще въ январѣ, слѣдовательно въ началѣ этого года. (Chemical News, v. 349 и 350). Crookes прежде думалъ, что таліумъ принадлежитъ къ отдѣлу сѣры, или, правильнѣе выражаясь, къ группѣ кислорода; но теперь положительно нельзя сомнѣваться въ томъ, что это есть одноатомный щелочной металлъ, соотвѣтствующій свинцу. Два куска талія были на лондонской выставкѣ. Кусокъ, принадлежащій Lamy, получилъ премію. Это весьма несправедливо, и кажется, произошло отъ того, что оцѣнщикомъ былъ Кульманъ, родственникъ Lamy.

лось тамъ вмѣстѣ съ окисью цинка немного желѣзной окиси и сѣры, при этомъ же онъ представилъ много экземпляровъ ванадино—бобовыхъ рудъ, отчетливо имъ изслѣдованныхъ.

Профессоръ Hlasewetz читалъ статью о берберинѣ. Сначала авторъ описалъ вкратцѣ добываніе берберина, потомъ дѣйствія водорода на него in statu nascenti; въ слѣдствіе чего получается вещество, названное Hlasewetz'омъ Berberidin'омъ. — Эта работа, интересная въ синтетическомъ отношеніи, не представляетъ ничего интереснаго, новаго и полезнаго въ научномъ отношеніи. — Несравненно интереснѣе въ этомъ направленіи работы Эрленмейэра надъ коричневою кислотою, а равно работы Strecker'а надъ нитробензойною кислотою; о послѣдней я сообщаю ниже.—Работа же Hlasewetz'а, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя увеличиваютъ число фактовъ, не принося существенной пользы въ теоретическомъ отношеніи.

Такъ какъ этотъ трудъ скоро появится въ печати, то считаю неумѣстнымъ здѣсь распространяться подробно о немъ. — Сентября 20-го, рано утромъ, всѣ члены химическаго отдѣленія и большинство минералогическаго отправились въ Joachimsthal. Цѣль этой экскурсіи заключалась въ томъ, чтобы ознакомиться съ обработкою серебряной и урановой рудъ.—Извлеченіе серебра изъ упомянутой руды производится такъ: толченую руду, послѣ обжиганія съ хлористымъ натріемъ и желѣзнымъ купоросомъ въ струѣ водяного пара, выщелачиваютъ растворомъ подъ-сѣрнисто-кислаго натра, при чемъ хлористое и подъ-сѣрнисто-кислое серебро переходятъ въ растворъ.—Изъ этого раствора серебро осаждается пяти-сѣрнистымъ натріемъ въ видѣ сѣрнистаго серебра, осадокъ накаливается, сплавляется и общимъ, извѣстнымъ методомъ превращается въ металлическое серебро. Употребляющійся при этомъ подъ-сѣрнисто-кислый натрій возобновляется самъ собою, такъ что, даже по истеченіи пяти-лѣтія, ненужно прибавлять свѣжаго подъ-сѣрнисто-кислаго натра. — Впрочемъ подобнымъ образомъ перерабатываются только руды богатыя серебромъ, бѣдныя же, а равно и остатки сначала обогащаются, а потомъ уже выдѣляется изъ нихъ серебро упомянутымъ методомъ. — Урановыя руды, добываемыя вмѣстѣ съ серебряными, употребляются преимущественно для приготовленія урановыхъ препаратовъ и ванадиновой кислоты.—Считаю излишнимъ подробно говорить о методѣ, употребляемомъ здѣсь для отдѣленія веществъ, заключающихся въ упомянутой рудѣ, по-

тому что онъ подробно описанъ въ каждомъ пространномъ аналитическомъ учебникѣ химіи. Впрочемъ всѣ присутствовавшіе химики отзывались вообще о заводѣ съ необыкновенною похвалою, *а нѣкоторые отзывались такъ:* dass der chemischen Fabrik in Ioachimsthal, was die wissenschaftlichen Einrichtungen und die exacte Leitung derselben anbetrifft, schwerlich dürfte eine Rivalin zur Seite gestellt werden können. Дѣйствительно все хорошо.—21-го сентября, по случаю праздника, засѣданій не было. 22-го сентября. — Въ этомъ засѣданіи Профессоръ Böttger, онъ же и президентъ, показывалъ опыты съ спектральнымъ аппаратомъ, о которыхъ я уже упомянулъ прежде. Опыты не возбудили особеннаго сочувствія химиковъ. Сколько я замѣтилъ, наиболѣе интересовался ими самъ Böttger, указывая на изумрудную линію, появляющуюся въ спектрѣ. — Batka изъ Праги прочелъ статейку о добываніи Hyoscyamin'а, не представляющую интереса ни въ химическомъ ни въ фармацевтическомъ отношеніи. Содержаніе ея: въ водномъ экстрактѣ растеній, развивающихся на песчаной почвѣ, Batka нашелъ: жиръ, сахаръ, гумми, бѣлокъ, особенное вещество, осаждающееся дубильною кислотою и тѣмъ удобно кристаллизующееся, названное имъ Hyoscyamin'омъ. Если самое чтеніе не представляло ничего особенно-любопытнаго, то за то опыты, произведенные упомянутымъ химикомъ надъ Hyoscyamin'омъ, заинтересовали большинство своимъ неудачнымъ исходомъ. Batka утверждалъ, что, полученный имъ Hyoscyamin долженъ улетучиваться безъ разложенія *). Начали нагрѣвать, но увы, вся масса почернѣла, а изъ трубки улетали какія-то пригорѣлыя вещества, обыкновенные продукты, происходящіе всегда при дѣйствіи высокой температуры на организмъ тѣла. За этимъ опытомъ послѣдовалъ другой, ничего ровно не приносящій наукѣ. Виновникомъ его былъ Scheibler. Берется спектральный аппаратъ Бунзена, передъ нимъ зажигается водородъ, на эту струю горящаго водорода пропускается изъ узенькой трубочки табачный дымъ, который, будучи наблюдаемъ при помощи аппарата, въ минуту прохожденія сквозь пламя водорода, показываетъ содержаніе литія. Всѣ эти штуки имѣютъ одну цѣль: доказать летучесть соединеній щелочныхъ металловъ; для этого-то и употребляется спектральный аппаратъ,

*) Не знаю откуда взялъ *Batka*, что *Hyoscyamin* долженъ употребляться безъ разложенія. *Hyoscyamin* при нагрѣваніи улетучивается дѣйствительно, но только частію, остальная часть разлагается.

при помощи котораго можно замѣтить, что табачный дымъ, если онъ проходитъ чрезъ длинныя трубочки или если даже фильтруется черезъ хлопчатую бумагу, все таки удерживаетъ соединенія литія. Я не понимаю, къ чему серіозному можетъ привести подобный опытъ не доказывающій даже и того, что хотѣлъ доказать Scheibler. Господину Scheibler'у хотѣлось показать летучесть щелочей при нагрѣваніи. Для этого онъ втягиваетъ сигарный дымъ въ полость рта, а потомъ уже выпускаетъ его на горящій водородъ, при чемъ, смотря въ спектральный аппаратъ, можно замѣтить цвѣтъ свойственный литію *). Не увлекаются-ли щелочныя соединенія, образующіяся при гореніи табаку, механически-сильною струею воздуха, втягиваемою и выпускаемою во время куренія. Въ самомъ дѣлѣ, когда сигара курится, органическія вещества сгараютъ; неорганическія же доставляютъ мелкую, легкую золу, которая, увлекаясь вдыхаемымъ и выдыхаемъ воздухомъ, и открывается спектральнымъ аппаратомъ. Слѣдовательно это не летучесть вслѣдствіе теплоты, а просто механическое увлеченіе мельчайшихъ частицъ, какъ бываетъ напр. механическое увлеченіе пыли вѣтромъ. Этотъ опытъ, или по крайней мѣрѣ въ подобномъ духѣ, былъ давно уже производимъ пр. Бунзеномъ, въ доказательство: 1) чувствительности придуманнаго имъ и Кирхгофомъ снаряда, 2) общаго распространенія въ атмосферѣ и пыли щелочныхъ металловъ. Далѣе: Geiseler читалъ о правильномъ писаніи сѣры и пресеріозно доказывалъ, что слово Sulfur взято изъ санскритскаго языка.— 23-го сентября. Пр. Böttger, съ выдумками котораго мы уже знакомы, и на этотъ разъ остался вѣренъ своему призванію: выдумалъ сильнѣйшее окисляющее вещество. Это новое, по мнѣнію Böttger'а, окисляющее средство, въ сущности уже давно извѣстное, состоитъ изъ двухъ частей надъ-марганцовокислаго кали **) и трехъ частей концентрированной сѣрной кислоты, смѣшанныхъ въ холодѣ. Освобождающійся при этомъ кислородъ до такой степени озонированъ (какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ показали намъ опыты Шенбейна, о которыхъ, вѣроятно, пр. Böttger не зналъ, а

*) Я замѣтилъ при этомъ и другіе цвѣтные оттѣнки, свойственные калію, натрію. Мнѣ кажется правильнѣе употреблять прямо слово цвѣта, вмѣсто цвѣтныхъ оттѣнковъ.

**) Теперь уже доказано, что никакой надъ-марганцовой кислоты не существуетъ, а есть только кислыя и среднія марганцовокислыя соли.

иначе совѣстно присвоить себѣ чужое), что ничтожное количество смѣси въ состояніи наполнить цѣлую комнату запахомъ озона. Онъ показывалъ дѣйствіе этого пепла на сѣру, которая, окисляясь быстро, производитъ сѣрную кислоту. Достаточно привести въ прикосновеніе весьма малое количество упомянутаго окисляющаго съ сѣрою, чтобы произвести ужасный, часто опасный взрывъ. То же происходитъ съ эѳирными маслами. Я видѣлъ, какъ самъ Böttger боялся производить опыты съ упомянутымъ препаратомъ, а присутствующіе почти всѣ отступали на почтенную дистанцію, боясь пострадать отъ милой находки Böttger'а. Къ чему же это окисляющее въ томъ направленіи, какъ предлагаетъ его Böttger; какую пользу можетъ оно принести наукѣ? Нужно только вспомнить, сколько каждое органическое вещество, хотя не слишкомъ сложное, можетъ доставить продуктовъ распаденія при дѣйствіи на него окисляющихъ средствъ, чтобы при настоящемъ раціональномъ состояніи науки по возможности избѣгать употребленія большей части сильно окисляющихъ реактивовъ. Что же будетъ съ сложными тѣлами? Schlieper и Guckelberger, дѣйствуя разведенною сѣрною кислотою и перекисью марганца или сѣрною кислотою и хромокислымъ кали на бѣлокъ, получили: муравейную, уксусную, пропіоновую, бутириновую, валеріановую, капроновую, бензойную кислоты. Но это еще не все; при этомъ еще получаются: синильная кислота, ацетонитриль, пропіонитриль, valeronitril и множество другихъ веществъ твердыхъ. Слѣдовательно изъ бѣлка получили почти всю органическую химію. Обратимся къ тѣламъ болѣе простѣйшимъ; стеариновая кислота, обработываемая кислотою азотною концентрированною, доставляетъ: пробковую, пимелиновую, адипиновую и янтарную кислоты, а равно каприновую, энантиловую, капроиновую и пр. пр. Не могу также умолчать объ извѣстномъ случаѣ, бывшемъ въ лабораторіи Вилля, гдѣ одинъ изъ занимавшихся закрылъ, по невѣденію, плотно реторту, въ которой помѣщалась смѣсь азотной кислоты съ скипидаромъ; когда знаменитый профессоръ объяснилъ, что можетъ произойти изъ этого, въ этотъ же самый моментъ, какъ бы въ доказательство правоты его словъ, произошелъ взрывъ и горящій скипидаръ обдалъ и учителя и ученика. Вѣроятно г. Böttger'у неизвѣстно, какой скандалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, произошелъ въ ученомъ, химическомъ мірѣ въ слѣдствіе употребленія марганцововкислаго кали, иначе онъ не предлагалъ бы своего окисляющаго. Я разумѣю при этомъ извѣстную

исторію съ бѣлкомъ и упомянутымъ реагентомъ, когда, при соприкосновеніи обоихъ тѣлъ, думали получить мочевину, а оказалась бензойная кислота. Это случилось съ Béchamp'омъ. Быстрота дѣйствія Böttger'овскаго окисляющаго неимовѣрна; эѳирныя масла воспламеняются, спиртъ тоже; сѣра, превращаясь въ сѣрную кислоту, производитъ взрывъ. Спрашивается, что же дѣлать съ подобнымъ энергическимъ тѣломъ, въ томъ смыслѣ, какъ предложилъ его Böttger? Обжечь брови и лице, если кому нибудь это нравится; воспроизвести на театрѣ волшебный огонь и прочія въ этомъ родѣ дѣйствія. Но какъ азотная кислота въ рукахъ опытнаго химика служитъ превосходнымъ средствомъ для полученія нитросоединеній (Nitroverbindungen), такъ равно и смѣсь изъ марганцово-кислаго кали и сѣрной кислоты въ рукахъ Шенбейна доставила превосходнѣйшій матеріалъ для добыванія озона *). Въ настоящее время, когда химикъ старается вывести **) химическіе законы на основаніи отчетливыхъ физическихъ изслѣдованій и, опираясь на синтезъ, найти сношеніе между тѣлами и дѣйствіемъ ихъ другъ на друга, изобрѣтеніе эффектныхъ тѣлъ, (schöne Körper) а равно горящихъ, вспыхивающихъ, не можетъ интересовать людей, истинно преданныхъ наукѣ. Стоитъ только раскрыть любой учебникъ минеральной химіи, чтобы убѣдиться, что мы положительно не нуждаемся въ новыхъ окисляющихъ. Съ этой стороны вполнѣ можно выразиться такъ: лишь бы было что окислять, а чѣмъ—объ этомъ нечего думать. А вотъ еще лучше (совершенно какъ на театрѣ): берется гусиное перо обыкновенное, показывается зрителямъ, что оно находится въ цѣлости, потомъ ломается во всевозможныхъ направленіяхъ и опускается сначала въ кипящую, а потомъ въ холодную воду. Затѣмъ вынимаютъ его изъ послѣдней жидкости и показываютъ, что оно совершенно цѣло, какъ будтобы и не было поломано. Этотъ послѣдній опытъ, повторяющійся, какъ мнѣ говорили, четвертый уже разъ, принадлежитъ тому же господину Böttger'у, о которомъ только сейчасъ рѣчь была. Каждому понятно, какую пользу можетъ принести наукѣ подобное от-

---

*) Озонъ существуетъ, какъ особенное физическое состояніе тѣла. Но реактивы для его открытія, употребляемые Шенбейномъ, должны быть переизслѣдованы. Азотисто-кислый амміакъ дѣйствуетъ на нихъ также какъ озонъ.

**) Я думаю, что въ настоящее время болѣе нежели когда нибудь, химія нуждается въ работахъ чисто физическихъ: — въ самомъ строжайшемъ изслѣдованіи молекулярныхъ притяженій.

крытіе! Профессоръ Иллингъ читалъ о броженіи. Весьма немного знаемъ мы отдѣловъ въ химіи, на которые лучшіе ученые обратили бы также усердное вниманіе, какъ на отдѣлъ броженія. — Работы Гэ-Люссака, Каньяръ-Латура, Тенара, Швана, Соссюра, Траубе, Пастера *) болѣе или менѣе совершенно объяснили природу дрождей и ихъ функціи при распаденіи тѣлъ. Наконецъ труды Пастера, весьма цѣнные, довели вопросъ до такой степени совершенства, что послѣ этого мнѣ кажется маловажнымъ: 1) разсуждать относительно несостоятельности теоріи Либиха; 2) согласиться въ своемъ разсужденіи съ мнѣніемъ Швана о важности участія зародышей (Sporen) при броженіи, а равно доказывать важность аммоніакальныхъ солей при броженіи; 3) находить неточность границъ верховаго и низоваго броженія и др. **). О послѣднихъ докладахъ этого засѣданія я упомяну вкратцѣ. Scheibler прочелъ небольшую статью о вліяніи свѣта на кристаллизацію винограднаго сахара. Сохраняя нѣсколько порцій винограднаго сахара, онъ замѣтилъ, что только тѣ растворы его кристаллизовались, которые подвергались дѣйствію свѣта. Вотъ почему пчелы, по замѣчанію Шейблера, желая предохранить виноградный сахаръ, находящійся въ меду, отъ кристаллизаціи, не допускаютъ свѣта въ улья. Показаны соединенія рубидія и цезія, полученныя изъ Карлсбадскаго Шпруделя; а Erdmann говорилъ объ образованіи осадковъ въ Шпруделѣ, имѣющихъ форму чашечекъ. Самое интересное для меня засѣданіе было 23-го сентября, послѣ обѣда. — Въ этомъ засѣданіи пр. Штрекеръ читалъ одну изъ своихъ блистательныхъ и совершенно современныхъ работъ. На этотъ разъ мнѣ пришлось услышать о дѣйствіи водорода in statu nascenti на нитробензойную кислоту, а равно и на другія нитро-соединенія (Nitroverbindungen). Для выдѣленія водорода in statu nascenti, сколько мнѣ помнится, была употреблена амальгама калія или натрія. Первое дѣйствіе, оказываемое возстановляющимъ средствомъ, по наблюденіямъ знаменитаго ученаго, на нитро-бензойную кислоту, чрезвычайно сильно; при этомъ получается кристалическое тѣло, трудно растворимое въ водѣ и алкоголѣ. Емкость насыщенія этого тѣла таже какъ и бензойной кислоты. Штрекеръ называетъ это тѣло Azobensoesaure. Водородъ этого тѣла легко замѣщается какъ органическими такъ

---

*) Считаю неумѣстнымъ распространяться болѣе о броженіи.

**) Объ упомянутыхъ 3-хъ пунктахъ разсуждалъ профессоръ Иллингъ.

и неорганическими радикалами. Дальнѣйшіе дериваты, происходящіе отъ дѣйствія водорода на упомянутое тѣло, отличаются большимъ (или меньшимъ) количествомъ водорода, такъ: Hydrazobenzoesaure = $C_{14}\ H_6\ NO_4$, а Benzaminsaure = $C_{14}\ H_7\ NO_4$. Реакцію приблизит. можно выразить такъ: $C_{14}\ H_6\ O_4$ = бензойной кислотѣ, нитробензойная = $C_{14}\ H_5\ (NO_4)\ O_4$. Отсюда дѣйствуя на $C_{14}\ H_5\ O_4 + 4H =$ NO_4 $C_{14}\ H_5\ NO_4 + 4HO$, т. е. Azobensoesaure и вода. — Потомъ Штрекеръ говорилъ о двухъ тѣлахъ, о щелочахъ креатина и креатинина, которыя онъ получилъ синтезомъ.

Сначала знаменитый синтетистъ получилъ гликоціаминъ, который можно рассматривить какъ гликоколъ + ціанъ-амидъ. — Это тѣло играетъ роль органическаго основанія: соединяетъ съ соляною кислотою и даетъ кристаллическія соли. Нагрѣвая гликоціаминъ съ соляною кислотою до 150°, теряется вода и получается гликоціамидинъ.

Первое тѣло есть омологъ креатина; а второе — креатинина.

Ціанъ-амидъ.

Въ самомъ дѣлѣ: $C_2\ N_2\ H_2 = \left.\begin{array}{c|c} C_2\ N & N \\ H & \\ H & \end{array}\right.$

гликоколъ + $C_4\ H_5\ N\ O_4 = \left.\begin{array}{c|c} H & N \\ H & \end{array}\right.$

гликоціаминъ $C_6\ H_7\ N_3\ O_4$ $\left.\begin{array}{c|c} C_4 H_2 O_2 & O_2 \\ H & \end{array}\right.$

Далѣе: $C_6\ H_7\ N_7\ O_4$ — глиціаминъ
— $H_2\ O_2$

= $C_6\ H_5\ N_3\ O_2$ = гликоціамидинъ; новое основаніе.

Креатинъ = $C_8\ H_9\ N_3\ O_4$
Гликоціаминъ = $C_6\ H_7\ N_3\ O_4$ } отличаются между собою только органическимъ приращеніемъ $C_2\ H_2$, слѣд. омологи.

Креатининъ = $C_8\ H_7\ N_3\ O_2$
Гликоціамидинъ = $C_6\ H_5\ N_3\ O_2$ } отличаются между собою только органическимъ приращеніемъ $C_2\ H_2$, слѣд. омологи.

Я прежде не видѣлъ Штрекера, но только читалъ его работы; увидѣвши же эту личность, я окончательно привязался къ великому химику и думаю посѣтить его лабораторію въ слѣдующемъ семестрѣ. Я бы и теперь это сдѣлалъ, но у него нѣтъ снаряда для

анализа газовъ и спектральнаго аппарата, да и притомъ Бунзенъ въ послѣднемъ дѣлѣ специалистъ. Grudnowitsch, изъ Кенигсберга, занимался окисленіемъ ванадина. Не развиваю работы, потому что нѣтъ ничего интереснаго. Patera говорилъ о выдѣленіи кислорода при плавленіи серебра, содержащаго висмутъ. Что касается до отдѣла физики, то я не могъ посѣщать отчетливо всѣхъ засѣданій, потому что химическія засѣданія, наиболѣе меня интересовавшія, поздно оканчиваясь, не позволяли вовремя приходить въ засѣданія физиковъ и математиковъ. На чтеніи нѣкоторыхъ статей я успѣлъ побывать. Прежде всего замѣчу, что отдѣлъ физики, по предложенію пр. Jelinek'a, соединенъ съ отдѣломъ математики и астрономіи, а потому въ одно и тоже засѣданіе читались статьи самыя разнородныя. Въ 1-мъ и 2-мъ засѣданіяхъ, бывшихъ 18-го и 19-го сентября, читалось все, относящееся къ чистой математикѣ и астрономіи, но не къ физикѣ. Интересно засѣданіе 20-го сентября, въ которомъ пр. Pierre вкратцѣ сообщилъ методъ и результаты своихъ изслѣдованій надъ флуорисценціею. Работа эта еще некончена, но мысли, высказанныя при этомъ молодымъ физикомъ, блистательны и могутъ привести его къ такимъ же великимъ открытіямъ по органической химіи, какъ мысли Кирхгофа по минеральной Работы относительно флуорисценціи я считаю до такой степени важными и интересными для химика, а особенно въ томъ направленіи, какое имъ даетъ Pierre, что они составляютъ въ настоящее время предметъ моихъ спеціальныхъ занятій. Вслѣдъ за Pierre, котораго чтеніе доставило мнѣ истинное наслажденіе, появилась личность подъ пару Böttger'y. Это былъ Marstadt, который показалъ давно уже придуманный имъ снарядъ, Hypsometer и усиливался доказать простоту и точность его. Такъ какъ аппаратъ его кромѣ запутанности ничего болѣе не представляетъ, то по этому и былъ жестоко пораженъ пр. Lucas и Pierre. Другія статьи, читанныя въ этомъ засѣданіи, принадлежали къ отдѣламъ наукъ, не интересовавшихъ меня особенно. Въ экстренномъ засѣданіи, происходившемъ 22-го сентября, въ 4 часа послѣ обѣда, профессоръ Böttger сообщилъ описаніе Telephon'a, аппарата, придуманнаго пр. Мербазомъ, новый способъ воспроизведенія извѣстныхъ колецъ Нобили и проч.

23-го сентября.

Въ этомъ засѣданіи очень много говорилъ и спорилъ съ Pierre'омъ пр. Restel. Но все, высказанное имъ, хотя весьма интересное, относится болѣе къ области метеорологіи, нежели физики, а потому не сооб-

шаю здѣсь этого дебата. Самое интересное, что я видѣлъ въ этомъ засѣданіи, это модели г-на Wolff'а. Модели эти, приготовленныя изъ папки, представляютъ большой интересъ въ педагогическомъ отношеніи, при преподаваніи кристаллографіи въ гимназіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ его моделей, принимая за основу кубъ, можно показать наглядно образованіе всѣхъ кристаллическихъ формъ. Комбинируя кубы разнороднымъ способомъ, Wolff получаетъ: октаэдры, додекаэдры, гексакасъ октаэдры, призмы, ромбоэдры; словомъ почти всѣ кристаллическія формы, существующія въ природѣ. Я думаю, что введеніе подобныхъ моделей при преподаваніи гимназическаго курса минералогіи, могло бы сильно облегчать гимназистамъ изученіе кристаллографіи а равно и уяснить имъ способы образованія кристалловъ въ природѣ.

Передъ открытіемъ частныхъ засѣданій были розданы для просмотра нѣкоторыя сочиненія. По отдѣлу физики: Die Franzens-quelle in Eger-Franzensbad und der atmosphaerische Luftdruck. Von Cartellieri. Кромѣ того я еще получилъ: 1) Geschichte der Teplitzer Thermen, von Kratzmann; 2) Karlsbad, seine Quellen und deren Versendung. Von Mannl. Замѣчу мимоходомъ, что 1-й и 2-й № представляютъ весьма мало интереснаго въ научномъ отношеніи. Несравненно полнѣе и лучше слѣдующее: Carlsbad, Marienbad, Franzensbad und ihre Umgebung vom naturhistorischen und medicinisch-geschichtlichen Standpuncte. Полный сборъ всего, что касается до упомянутыхъ мѣстностей.— Превосходнѣйшій трудъ, составленный Friese, былъ представленъ въ отдѣлѣ минералогіи: Kaiserthum Oesterreich Vertheilung der Bergbaufelder. 1861 года, von Friese. Это огромнѣйшая карта, занимающая ½ стѣны, великолѣпно отдѣланная. Подобнаго, великолѣпнаго произведенія я никогда не видѣлъ. Замѣтилъ великолѣпную коллекцію минераловъ, составленную Glückselig'омъ, которую было бы весьма полезно пріобрѣсти для гимназій. Каталогъ этихъ вещей я имѣю и оцѣнку имъ могу назначить.

На слѣдующій годъ засѣданіе будетъ въ Штетинѣ.— Президентами избраны Director Dohrn и Medicinalrath Behm.

Вотъ краткое извлеченіе изъ того, что я успѣлъ видѣть и слышать, что происходило въ химическомъ и физическомъ отдѣлахъ, изъ которыхъ послѣдній, по недостатку времени, не могъ быть мною такъ усердно посѣщаемъ, какъ первый.

Простившись съ Карлсбадомъ, я прежде всего задалъ себѣ окончательный вопросъ: чѣмъ я долженъ заниматься и что производить?

рѣшилъ такъ: 1) изучить практическія методы, оказавшія уже существенную пользу наукѣ, но съ которыми я незнакомъ былъ по неимѣнію средствъ; 2) обработать спеціальный вопросъ, занимающій уже давно меня, но неконченый по недостатку времени; 3) выслушать тотъ курсъ науки, въ которомъ я наиболѣе слабъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ на первое время удовлетворяетъ Гейдельбергъ: лабораторія Эрленмейэра была отрекомендована мнѣ, какъ удобная для спеціальныхъ работъ по органической химіи; лабораторія профессора Бунзена представляетъ спеціальность для анализа газовъ и спектральнаго анализа; лекціи профессора Кирхгофа полезны для физики. Итакъ я рѣшился остаться въ Гейдельбергѣ на первый семестръ. Съ одной стороны я намѣренъ упражняться въ лабораторіи Бунзена, подъ его руководствомъ, въ анализѣ газовъ и изучать спектральный анализъ, а съ другой обработывать свой спеціальный вопросъ въ лабораторіи Эрленмейэра; далѣе, по физикѣ, посѣщать лекціи Кирхгофа, а по совѣту тайнаго совѣтника Пирогова даже лекціи Helmholtz'а. Объ этихъ всѣхъ дѣйствіяхъ сообщу подробно въ слѣдующемъ отчетѣ. Жизнь въ Гейдельбергѣ составитъ совершенно другую статью, служащую продолженіемъ теперь представляемой.

4-го ноября 1862 г.

11) Кандидата Н. Головинскаго.

Первыя двѣ недѣли пребыванія за границею провелъ я въ Берлинѣ, гдѣ остановился для первоначальнаго оріэнтированія. По предмету моихъ занятій я не нашолъ здѣсь ничего замѣчательнаго: открытая часть минералогическаго музея университета представляетъ только красивую коллекцію блестящихъ и цвѣтныхъ кристалловъ, заключающую мало поучительнаго; минералогическое собраніе ремесленнаго института (Gewerbe-Institut) было совершенно закрыто по случаю передѣлокъ въ зданіи. Вообще, время ферій представляло неблагопріятныя условія для полученія доступа къ научнымъ пособіямъ. Изъ Берлина я переѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ явился тайному совѣтнику Н. Н. Пирогову, который сообщилъ мнѣ росписаніе преподаваній въ предстоявшій семестръ большаго числа нѣмецкихъ университетовъ. Разсматриваніе этихъ росписаній подкрѣпило мое намѣреніе остаться на зиму въ Гейдельбергѣ. Я поступилъ въ число студентовъ и записался на курсы: Geognosie und Geologie, Prof. Leonhard; Oryktognosie, Prof. Blum; Allgemeine

Chemie, Prof. Bunsen, Entwieckelungsgeschichte der Theorie der Chemie, Prof. Erlenmeyer. Находя весьма полезными лекціи профессоровъ Леонгарда и Эрленмейера по ихъ критическому, чисто — научному направленію и признавая большой интересъ въ лекціяхъ проф. Бунзена, богатыхъ разнообразными и важными практическими замѣчаніями, не извлекая, наконецъ, ничего изъ исключительно описательнаго чтенія проф. Блума, я воздержусь отъ болѣе пространныхъ и опредѣленныхъ замѣчаній, которыя были бы преждевременны, потому что со времени открытія курсовъ прошло только полтора мѣсяца. При этомъ я позволяю себѣ замѣтить, что, имѣя общія свѣденія въ наукахъ, составляющихъ предметъ моего спеціальнаго изученія, я не могу ставить на первомъ планѣ слушаніе лекцій и отдаю преимущество самостоятельнымъ занятіямъ. Я имѣю намѣреніе употребить бо̀льшую часть времени двухлѣтняго пребыванія за границею преимущественно на изученіе геологическихъ формацій, на практическія занятія въ нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстностей Европы, не забывая при томъ и обозрѣнія научныхъ коллекцій, чтобы имѣть возможность непосредственно узнать и обсудить важнѣйшія изъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ сложилась современная наука. Имѣя въ виду эту цѣль, я располагаю употребить предстоящую зиму на приготовленіе себя къ этимъ экскурсіямъ, какъ знакомствомъ съ новѣйшею литературою науки, такъ, частію, и слушаніемъ лекцій профессора Леонгарда.

Гейдельбергъ, $^{11}/_{23}$ ноября 1862 года.

12) Кандидата Беркевича.

Въ продолженіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ я произвелъ слѣдующія работы.

Во 1-хъ, По элементамъ Оверса я вычислилъ ежесуточную эфемериду планеты Ніобе съ 27-го августа 1861 года по 21-е февраля с. г. и, сравнилъ ее съ непосредственными наблюденіями произведенными въ Берлинѣ, Боннѣ, Билькѣ, Кенигсбергѣ, Мюнхенѣ. Такъ какъ изъ моего сравненія оказалось, что элементы Оверса довольно хорошо согласуются съ наблюденіями въ первоначальныхъ мѣсяцахъ, но постепенно отъ нихъ болѣе и болѣе уклоняются, то я вывелъ изъ полученныхъ результатовъ такъ называемыя нормальныя положенія, и избравъ изъ нихъ три почти равно удаленныя, вычислилъ по нимъ новые элементы по методѣ Гаусса, упрощенной профессоромъ Энке. Дабы удостовѣриться въ точности получен-

ныхъ результатовъ, я вычислилъ по своимъ элементамъ ежесуточную эфемериду той же планеты для нынѣшней оппозиціи съ 27-го октября по 30-е декабря с. г. и сравнилъ съ непосредственными наблюденіями, произведенными въ Берлинѣ.

Такъ какъ изъ моего сравненія оказалось, что уклоненія вычисленной мною эфемериды отъ наблюденій простираются только до пяти секундъ въ прямомъ восхожденіи и до трехъ секундъ въ склоненіи, чего я никакъ не могъ ожидать при приближенномъ опредѣленіи элементовъ, то я полученные мною результаты сообщилъ помощнику директора обсерваторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доценту астрономіи, доктору Ферстеру, съ просьбою переслать полученные мною результаты въ Альтону для обнародованія ихъ въ астрономическомъ журналѣ: Astronomische Nachrichten, на что онъ охотно согласился.

Кромѣ того по своимъ же элементамъ я вычислилъ годичную эфемериду той же планеты на 1863 годъ и она уже напечатана въ берлинскомъ астрономическомъ мѣсяцесловѣ (Berliner Astronomisches Jahrbuch für 1863).

Такъ какъ мое намѣреніе—вполнѣ изслѣдовать движеніе упомянутой планеты, то я нынѣ предпринялъ вычисленіе пертурбацій ея, происходящія отъ дѣйствія на нее планетъ Марса, Юпитера, Сатурна, Урана, по формуламъ, предложеннымъ профессоромъ Энке, съ которыми теперь я ознакомился.

Съ $^{15}/_{27}$ октября с. г. начались лекціи въ здѣшнемъ университетѣ; изъ нихъ я посѣщаю слѣдующія:

1) Четыре раза въ недѣлю лекціи профессора Энке: объ измѣненіи произвольныхъ постоянныхъ съ приложеніемъ этой теоріи къ опредѣленію пертурбаціи телескопическихъ планетъ (астероидовъ).

2) Три раза въ недѣлю лекціи доцента астрономіи доктора Ферстера: о вращеніи тѣлъ около оси съ примѣненіемъ этой теоріи къ объясненію предваренія равноденствія (прецессіи) и колебанія земной оси (нутаціи).

3) Два раза въ недѣлю лекціи того же доктора Ферстера, на которыхъ онъ читаетъ: о преломленіи лучей свѣта въ срединахъ (Діоптрику).

4) Два раза въ недѣлю лекція профессора Кроннекера, на которыхъ онъ объясняетъ: объ алгебраическихъ уравненіяхъ, встрѣчающихся въ анализѣ.

Профессоръ Энке на своихъ лекціяхъ, сдѣлавъ краткій историческій обзоръ трудовъ, предпринятыхъ для изслѣдованія пертурбаціи планетъ, сперва ввелъ по своей методѣ паралеллограмъ силъ и какъ приложеніе его: притяженіе линіи на данную точку. Сдѣлавъ это малое уклоненіе отъ излагаемаго предмета, вслѣдъ за тѣмъ онъ показалъ зависимость элементовъ орбиты планетъ отъ первоначальнаго ихъ положенія, величины и направленія скорости. Тутъ онъ показалъ, какая должна быть зависимость между притягательною силою солнца и скоростью, для того, чтобы планета могла описывать одно изъ коническихъ сѣченій; причемъ замѣтилъ, что движеніе по параболѣ чрезвычайно мало вѣроятно, ибо еслибъ даже планета въ данный моментъ имѣла скорость, требуемую условіемъ параболическаго движенія, эта скорость въ слѣдствіе притяженія другихъ планетъ измѣнится и параболическое движеніе перейдетъ въ элиптическое или гиперболическое. Нынѣ профессоръ Энке сдѣлалъ опять уклоненіе отъ своего предмета и выводитъ зависимость между различными величинами элиптическаго движенія помѣщенную въ знаменитомъ сочиненіи Гаусса: Theoria motus corporum coelestium.

Вообще говоря, лекціи профессора Энке занимательны только по обширности взгляда на излагаемый предметъ, но самое преподаваніе ихъ чрезвычайно вяло; профессоръ по причинѣ старости часто забываетъ объ уже имъ изложенномъ, въ слѣдствіе чего встрѣчаются часто повторенія одного и того же.

Докторъ Ферстеръ на своихъ лекціяхъ: теорія вращательнаго движенія около оси съ примѣненіемъ ея къ объясненію прецессіи и нутаціи,—придерживается мемуара Poinsot, помѣщеннаго въ астрономическомъ журналѣ: Connaissance des temps. На нихъ онъ показалъ какъ вращательное движеніе тѣла около нѣсколькихъ осей, соединить въ вращательное движеніе около одной оси и тутъ показалъ общность паралеллограма силъ. Вслѣдъ за тѣмъ предполагая, что на тѣло дѣйствуютъ какія угодно силы, вывелъ дифференціальныя уравненія какъ поступательнаго, такъ и вращательнаго движенія тѣла. Замѣтивъ, что интегрированіе подобныхъ уравненій значительно упрощается, если главныя оси инерціи будутъ приняты за оси координатъ, профессоръ сдѣлалъ уклоненіе отъ излагаемаго имъ предмета и перешелъ къ задачамъ, касающимся моментовъ инерціи. Нынѣ профессоръ прямо перешелъ къ излагаемому предмету и предполагая, что данное тѣло есть земной сфероидъ, ко-

тораго оси вращенія почти совпадаетъ съ одною изъ осей инерціи, сталъ интегрировать уравненія движенія.

Вообще лекціи профессора Ферстера отличаются ясностью и добросовѣстностью въ изложеніи, но далеко уступаютъ лекціямъ другихъ профессоровъ въ обширности взгляда на излагаемый предметъ.

На лекціяхъ о преломленіи свѣта въ срединахъ, докторъ Ферстеръ вывелъ связь между отряженными фокусами въ одной и въ нѣсколькихъ срединахъ, принимая за начало счета разстояній различныя точки, какъ поверхность средины, центръ кривизны срединъ, главные фокусы, такъ называемыя главныя точки (сопряженные фокусы, въ которыхъ изображеніе предмета равно, по величинѣ и направленію самому предмету); далъ понятіе объ узлахъ, имѣющихъ то свойство, что линіи, соединяющія ихъ съ соотвѣтствующими точками предмета и изображенія составляютъ равные углы съ оптическою осью системы, показалъ способы отъисканія этихъ точекъ. Нынѣ профессоръ перешелъ къ приложенію изложеннаго къ тремъ срединамъ, предполагая, что первая и третья тождественны. Лекціи эти однакожъ чрезвычайно популярны въ изложеніи и можетъ быть въ послѣдствіи профессоръ перейдетъ къ болѣе строгому изложенію своего предмета.

Кромѣ того два раза въ недѣлю я занимаюсь съ докторомъ Ферстеромъ отдѣльно (privatissime) на астрономической обсерваторіи. На этихъ лекціяхъ мы до сихъ поръ занимались изслѣдованіемъ ошибокъ меридіональнаго круга, хода хронометра и ихъ измѣняемости съ теченіемъ времени; при чемъ докторъ Ферстеръ указалъ на рядъ своихъ наблюденій, касающійся изслѣдованія хода хронометра, изъ котораго ясно обнаруживается суточная измѣняемость хода хронометра, слѣдующая за суточнымъ измѣненіемъ температуры. На лекціяхъ этихъ я чрезвычайно много пріобрѣтаю въ практическомъ отношеніи; докторъ Ферстеръ работалъ самъ въ этой части астрономіи чрезвычайно много, и нѣтъ предмета практической астрономіи, къ которому мы бы не коснулись.

Нынѣ мы перешли къ опредѣленію абсолютнаго прямаго восхожденія и склоненія.

Профессоръ Кроннекеръ на лекціяхъ: объ алгебраическихъ уравненіяхъ, встрѣчающихся въ анализѣ, давши понятіе о такъ называемой irréductibilité цѣлой раціональной функціи, содержащей нѣсколько параметровъ (свойство функціи не разлагаться на произведеніе двухъ функцій низшей степени, которыхъ коефиціенты

были бы цѣлыми раціональными функціями тѣхъ же параметровъ), перешелъ къ отъискиванію свойствъ какой угодно цѣлой раціональной функціи корней даннаго алгебраическаго уравненія. При семъ замѣтилъ, что если существуетъ линейная функція нѣсколькихъ корней даннаго уравненія, то подобныя уравненія играютъ чрезвычайною важную роль въ анализѣ. Для поясненія изложеннаго профессоръ взялъ алгебраическое уравненіе n порядка, связывающее синусъ кратной дуги съ синусомъ простой дуги. Отъискавъ корни этого уравненія, и показавъ что между тремя изъ нихъ существуетъ линейная зависимость, профессоръ показалъ, что подобныя уравненія могутъ быть разсматриваемы за происходящія отъ общаго интеграла линейнаго дифференціальнаго уравненія втораго порядка, интеграла, который самъ по себѣ изображается трансцендентною функціею. Нынѣ профессоръ перешелъ къ изслѣдованію irréductibilité функціи.

Вообще говоря, лекціи профессора Кроннекера отличаются обширностью взгляда, изящностью и ясностью въ изложеніи. По моему мнѣнію этотъ профессоръ есть свѣтило первой величины сіяющее въ здѣшнемъ университетѣ.

Нынѣ профессоръ объявилъ, что для того, чтобы съ возможною ясностью передать важность излагаемаго имъ предмета, будетъ читать три раза въ недѣлю.

Берлинъ, $^{18}/_{30}$ ноября 1862 года.

13) Кандидата М. Авенаріуса.

Въ прошломъ отчетѣ *) я говорилъ о своемъ намѣреніи пробыть зимній семестръ нынѣшняго года въ Гейдельбергѣ, но узнавъ на мѣстѣ, что практическихъ занятій у профессора Кирхгофа въ эту зиму не будетъ, я принужденъ былъ выбрать другой университетъ. Сличивъ росписаніе лекцій по философскому факультету различныхъ университетовъ, я долженъ былъ отдать предпочтеніе Берлину, почему, посовѣтовавшись предварительно съ Николаемъ Ивановичемъ Пироговомъ, я отправился сюда.

Мои занятія здѣсь трояκаго рода: 1) слушаніе лекцій въ здѣшнемъ университетѣ, 2) участіе въ физическихъ собраніяхъ Магнуса и 3) собственныя работы.

*) Журн. минист. народн. просвѣщенія Ч. CXVI Отд. оффиц. стр. 63.

1) Лекціи я посѣщаю слѣдующія: a) Поггендорфа — исторіи физики, b) Дове — метеорологію, c) Магнуса — экспериментальную физику, d) Квинке — теорію электричества и e) Пальцова — теорію теплоты.

Громкая слава, пріобрѣтенная этими именами въ физическихъ наукахъ, требуетъ большой осмотрительности въ отзывахъ о нихъ, въ особенности здѣсь, гдѣ напр. Дове читаетъ предметъ, обязанный своимъ развитіемъ преимущественно ему самому, а потому я думаю, что дать этотъ отзывъ я вправѣ не ранѣе окончанія семестра. Замѣчу только, что при средствахъ, представляемыхъ королевскою и университетскою библіотеками, при постоянной повѣркѣ теоретическихъ изслѣдованій опытами, какъ это дѣлается здѣшними физиками, польза въ посѣщенія этихъ лекцій несомнѣнна.

2) Физическія собранія у Магнуса, такъ называемыя colloquia physica, происходятъ подъ его предсѣдательствомъ, разъ въ недѣлю, вечеромъ, у него на дому. Собирается человѣкъ 15 — 20, лекторы физики при университетѣ, нѣсколько докторовъ и студентовъ. Одинъ изъ присутствующихъ излагаетъ какую нибудь изъ новѣйшихъ физическихъ работъ разбирая, какъ абсолютное ее значеніе — по выполненію ученыхъ требованій и мѣсту, занимаемому ею въ наукѣ, такъ и относительно — по сравненію съ другими трудами по тому же предмету. Каждый вправѣ дѣлать возраженія, и такъ какъ участвуютъ въ собраніи все люди знающіе, посвятившіе себя изученію физики и предсѣдатель — Магнусъ превосходно здѣсь руководитъ спорами, то критическій разборъ статей вполнѣ удается. Особенно полная разработка происходитъ преимущественно отъ того, что референту предоставляются значительныя средства: Магнусъ снабжаетъ въ этихъ случаяхъ не только сочиненіями изъ собственной библіотеки и всѣми новѣйшими физическими журналами, но часто и рукописями (присылаемыми къ нему авторами), которыя вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ не появились въ печати.

Въ послѣднее изъ этихъ собраній разбиралась работа Мейснера (проф. въ Гёттингенѣ) о гальваническихъ токахъ въ мускулахъ животныхъ. Въ $2^1/_2$ часа, которые продолжалось собраніе, референтъ успѣлъ дать историческій обзоръ всѣхъ работъ по этому предмету сообщить всѣ здѣсь выведенные законы и наконецъ сравнить трудъ Мейснера, по результатамъ и употребленнымъ пріемамъ, съ подобными же работами Дюбуа-Реймонда и Матючи. Вникнуть въ *каждый* физическій трудъ такъ глубоко и разсмотрѣть его въ то же

время такъ всесторонне — для одного человѣка рѣшительно невозможно, а потому собранія не замѣнимы ничѣмъ.

3) Собственныя работы мои пока заключались въ теоретическомъ изученіи всѣхъ вопросовъ, соприкосновенныхъ съ опытами, которые я думаю производить эту зиму. Въ чемъ заключается цѣль этихъ опытовъ и какимъ путемъ я думаю достигнуть ея,—я сообщу не ранѣе первыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Эти съ своей стороны непосредственно зависятъ отъ точности употребляемыхъ приборовъ, почему явилась необходимость въ пріобрѣтеніи послѣднихъ. Но какъ удовлетворительными по этой части оказались пока только приборы Марбургскаго механика Шубарта, то я принужденъ былъ обратиться къ нему. На дняхъ надѣюсь получить отъ него отвѣтъ, и тогда, соображаясь съ цѣною приборовъ, распоряжусь заказами.

Берлинъ, 17-го ноября 1862 г.

14) Кандидата Арнольда Думашевскаго.

Я живу теперь въ Берлинѣ, гдѣ намѣренъ остаться до конца текущаго семестра. Едва ли нужно мотивировать мое пребываніе здѣсь. Берлинъ, кромѣ своего университета, представляетъ для юриста еще другой интересъ. Какъ столица королевства, онъ даетъ возможность ближе и полнѣе ознакомиться съ судебными учрежденіями Пруссіи, а знакомство съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ запада должно быть, конечно, одною изъ главныхъ задачъ для готовящагося теперь къ юридической дѣятельности въ Россіи.

Въ университетѣ я записался на лекціи гг. Момзена (рим. государ. права privatim и Privatreden Цицерона publicae), Гейдемана (Preussisches Landrecht) и нѣкоторыя другія.

Юристу, особенно цивилисту, необходимо близкое знакомство съ римскимъ міромъ, а претендующему на такое знакомство невозможно обойти классическую «Римскую исторію» г. Момзена, — лекціи же автора служатъ лучшимъ и, прибавлю, необходимымъ комментаріемъ къ сей книгѣ—и я счелъ необходимымъ прослушать его курсъ.

Я бы слишкомъ много рисковалъ, еслибъ вздумалъ взять на себя теперь роль критика лекцій этого ученаго профессора; ограничусь по этому нѣкоторыми замѣтками объ ихъ внѣшней сторонѣ.

Отличительною чертою чтеній г. Момзена есть то, что они ни на минуту не выходятъ изъ круга своей спеціальности. Г. Мом-

зенъ чуждъ той манеры чтенія, гдѣ профессоръ, какъ бы боясь наскучить своимъ слушателямъ строгою специальностью, старается оживлять ихъ внесеніемъ въ свои лекціи постороннихъ элементовъ. Напротивъ, въ чтеніяхъ г. Момзена постоянно какъ бы просвѣчиваетъ та мысль, что лекціи должны привлекать своихъ слушателей только и исключительно своею специальностью. Оттого его лекціи отличаются какою то римскою строгостью и пуританскою чистотою; но за то онѣ имѣютъ то неоцѣненное для слушателей достоинство, что онѣ предлагаютъ имъ дѣло — и только дѣло.

Послѣ сказаннаго я ничего не могу прибавить специально о его курсѣ римскаго государственнаго права: заглавіе опредѣляетъ ихъ содержаніе, — а мысль разбирать это послѣднее я напередъ отстранилъ отъ себя.

Скажу нѣсколько словъ о его publicae. Въ основѣ ихъ лежитъ слѣдующая мысль. Г. Момзенъ смотритъ на избранныя имъ для комментированія рѣчи Цицерона, какъ на обломки римской исторіи, какъ на сохранившіеся до насъ живые моменты нѣкогда дѣйствительной, повседневной жизни, и на нихъ старается реставрировать и показать юридическій бытъ и государственный строй Рима. За выполненіе ручаются талантъ и колосальная ученость профессора.

Я долженъ замѣтить, что я не необдуманно употребилъ эпитетъ «колосальная»: не нахожу болѣе приличнаго. Г. Момзенъ давно пріобрѣлъ громкую извѣстность своими классическими изслѣдованіями о «Римской хронологіи», «Монетахъ», «Трибахъ» и пр.; но слушая его лекціи нельзя не сказать, что въ знаніи римскаго міра человѣкъ этотъ дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ.

Г. Момзенъ читаетъ privatim 3 часа, а publicae 2 часа въ недѣлю.

Не меньшій интересъ, хотя совершенно другой характеръ, представляетъ аудиторія Гейдемана. Онъ читаетъ прусское гражданское право, но озаглавливаетъ свои чтенія, какъ я уже сказалъ, «Preussisches Landrecht», — и вполнѣ справедливо. Курсъ его вовсе не походитъ на наши лекціи гражданскаго права. У насъ курсъ гражданскаго права дѣлится на двѣ части: «общую», гдѣ уясняются предметъ и элементы гражданскаго права, и «особенную», гдѣ излагается, если можно такъ выразиться, матерія (der Stoff) гражданскаго права, группируя ее въ особенные отдѣлы, или частныя права — семейное, вещное, по обязательствамъ и пр.

Совершенно другому плану слѣдуетъ г. Гейдеманъ. Онъ читаетъ «Pr. Landrecht» — и только. Его лекціи составляютъ не болѣе, какъ въ обширномъ смыслѣ понимаемую интерпретацію Landrecht'а. Съ этимъ послѣднимъ въ рукѣ онъ при объясненіи патента, которымъ было обнародовано прусское земское право, излагаетъ исторію кодификаціи этого послѣдняго, а за тѣмъ онъ, начиная съ введенія, продолжаетъ статью-за-статьею, параграфъ-за-параграфомъ объяснять смыслъ Landrecht'а, опуская конечно менѣе важные параграфы и отсылая въ частностяхъ къ своему прекрасному сочиненію: Einleitung in das System 'des Preussischen Civilrechts». (2-е изд. Лейпцигъ 1861 г.)

Такой характеръ чтеній объясняется и обусловливается двумя обстоятельствами: во 1-хъ характеромъ самого Landrecht'а и во 2-хъ степенью юридической подготовки, съ какою приступаютъ здѣсь къ слушанію курса прусскаго гражданскаго права.

Прусскій кодексъ не есть, подобно нашему своду законовъ, сводѣ накопившихся и отчасти вновь написанныхъ полу-административныхъ, полу-законодательныхъ постановленій. Это есть *твореніе;* его *создали*, и создали притомъ люди, вполнѣ располагавшіе всѣмъ умственнымъ достояніемъ современной имъ Европы. Прусское земское право есть законный плодъ тогдашней умственной жизни Пруссіи. Такъ и видно, что этотъ кодексъ есть ровесникъ второй половины XVIII вѣка. Еслибъ я не боялся упрека въ пародоксальности, то я сказалъ бы, что «Прусское земское право» есть не кодексъ, а философская книга. Ни въ его внѣшности, ни въ его системѣ и особенно въ его образѣ выраженія не встрѣчаешь той приказной бѣдной содержаніемъ сухости, которая составляетъ характеръ нашего свода. Напротивъ, отъ него такъ и вѣетъ тою умягчающею, добродушною, специфически-нѣмецкою Gemüthlichkeit, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность всего нѣмецкаго.

Прусское земское право, такъ философская книга, начинается введеніемъ; за тѣмъ слѣдуетъ общая часть, гдѣ уясняются общіе элементы и термины гражданскаго права, и гдѣ оно доходитъ даже до опредѣленій, что такое въ юридическомъ смыслѣ «дорогіе камни», «золото», «серебро», «мебель» и пр. Слѣдовательно интерпретація Landrecht'а заключаетъ уже въ себѣ и «общую часть».

Съ другой же стороны слушатели приступаютъ здѣсь къ курсу Landrecht'а послѣ курсовъ римскаго и общегерманскаго права и уже знакомы съ тѣми элементарными положеніями и терминами граж-

данскаго права, уясненіе которыхъ достается у насъ на долю профессора гражданскаго права.

Что касается самихъ лекцій г. Гейдемана, то онѣ отличаются тѣмъ интересомъ, который получаетъ всякая наука при сравнительномъ методѣ изученія, и этой методы и придерживается г. Гейдеманъ, параллелируя прусское земское право съ правами — римскимъ, общегерманскимъ и французскимъ.

Если прибавлю къ этому, что г. Гейдеманъ вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ, который онъ читаетъ уже болѣе 20 лѣтъ, точно также, какъ артистическимъ умѣньемъ излагать и изящнымъ Vortrag'омъ, то само собою сдѣлается понятнымъ, что, живя въ Берлинѣ и стараясь ознакомиться съ юридическимъ бытомъ Пруссіи, я не могъ не воспользоваться такимъ курсомъ.

Г. Гейдеманъ читаетъ 4 часа въ недѣлю privatim; въ своихъ publicae онъ уясняетъ болѣе трудные вопросы прусскаго гражданскаго права, что имѣетъ особенный интересъ преимущественно для здѣшнихъ будущихъ практикантовъ.

Кромѣ этихъ лекцій я стараюсь по возможности посѣщать другія аудиторіи: исторіи и философіи, слѣдуя въ этомъ совѣту, высказанному студентамъ при имматрикуляціи ректоромъ здѣшняго университета, г. Безслеромъ — «не замаривать своего ума какою бы то ни было исключительною и ничего-знать-нехотящею спеціальностью».

Я долженъ замѣтить, что, согласно плану моихъ занятій, мнѣ нужно было бы прослушать здѣсь курсъ Пандектъ; но къ сожалѣнію чтеніе ихъ происходитъ здѣсь въ дообѣденное время, которое нерѣдко отнимается у меня посѣщеніемъ здѣшнихъ судовъ, и я долженъ былъ отложить пандекты до другого семестра.

Я уже сказалъ, что ознакомленіе съ судебными учрежденіями Пруссіи составляетъ для меня одну изъ главныхъ задачъ, но послѣ нѣсколькихъ посѣщеній я убѣдился, что то знакомство, которое возможно пріобрѣсть при помощи одной публичности здѣшнихъ судовъ, можетъ быть только поверхностное. Это же самое сказалъ мнѣ г. вице-президентъ здѣшняго Stadtgericht'a. По этому то я черезъ посредство здѣшняго посольства нашего просилъ г. министра юстиціи предоставить мнѣ возможность поближе ознакомиться съ учрежденіями его вѣдомства, что̀ мнѣ обѣщано, но чего по непонятной для меня медлительности я по сіе время еще не получилъ.

Что касается моихъ занятій на-дому, то они ограничиваются чтеніемъ по тѣмъ предметамъ, на которые указываютъ другія занятія мои.

Берлинъ, $\frac{\text{6-го декабря}}{\text{24-го ноября}}$ 1862 года.

15) Магистра Ѳ. Паульсона.

Лекціи въ Гиссенѣ начались $\frac{\text{22-го октября}}{\text{3-го ноября.}}$ Занятія мои состоятъ:

1) Въ постоянномъ посѣщеніи курсовъ сравнительной анатоміи и спеціальной зоологіи профессора Р. Леукарта.

Онъ началъ сравнительную анатомію изложеніемъ разницы между простыми и сложнымъ животными, при чемъ доказалъ на основаніи весьма простаго геометрическаго закона, что появленіе органовъ въ животномъ зависитъ единственно отъ увеличенія его массы, потому что объемъ увеличивается въ кубъ, между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, поверхность возрастаетъ только въ квадратъ; оттого не удивительно, что иногда самое простое животное, напр. Gregarina, относительно вегетативныхъ процессовъ, построено выгоднѣе (я не говорю совершеннѣе), чѣмъ какое нибудь сложное животное, напр. змѣя.

Всего важнѣе были, до сихъ поръ, его лекціи о ростѣ костей вообще и особенно посредствомъ такъ называемыхъ швовъ. Если измѣрять кости и брать во вниманіе раннее или позднее изчезновеніе швовъ, ихъ постоянство или совершенный недостатокъ, то весьма легко себѣ объяснить не только разнообразное устройство череповъ животныхъ и человѣческихъ племенъ, но и самаго скелета, которымъ обусловливается форма тѣла.

Изслѣдованія по этому предмету весьма немногочисленны и потому не получили еще должнаго приложенія въ сравнительной анатоміи. Земмерингъ первый обратилъ вниманіе на важность швовъ, и только что въ 1857 г. Вирховъ разработалъ эту идею, хотя нѣсколько односторонно въ своихъ Untersuchungen über das Wachsthum des Schädelgrundes etc. Этому единственному труду послѣдовала въ августѣ нынѣшняго года работа профессора Велкера, подъ заглавіемъ: «Untersuchungen über Wachsthum und Bau des menschlichen Schädels».

Курсъ спеціальной зоологіи начался пресмыкающимися. Образъ чтенія былъ уже сообщенъ мною въ прошломъ отчетѣ.

2) Въ спеціальной разработкѣ класса Reptilia.

3) Въ постоянномъ посѣщеніи курса анатоміи профессора Экгарда. Анатомія читается 18 часовъ въ недѣлю и потому, къ сожалѣнію моему, не могу, въ нынѣшнемъ семестрѣ, по недостатку времени, ею заняться практически.

$^{12}/_{24}$ ноября 1862 года.

16) К. Нейлисова.

Пріѣхавъ въ Гейдельбергъ за двѣ почти недѣли до закрытія университетскихъ чтеній, я тотчасъ имѣлъ честь представиться тайному совѣтнику Пирогову, который совѣтовалъ мнѣ составить планъ будущихъ занятій и сообщить ему, въ какомъ университетѣ я намѣренъ слушать лекціи въ теченіе слѣдующаго полугодія. Посѣтивъ съ сею цѣлію лекціи всѣхъ профессоровъ по части древней филологіи, и вслѣдъ за тѣмъ сличивъ Vorlesungen-Anzeiger двухъ университетовъ, геттингенскаго и здѣшняго, я рѣшился остаться на слѣдующее полугодіе въ Гейдельбергѣ, такъ какъ въ Геттингенѣ изложеніе слишкомъ спеціальное, преимущественно критическое, предполагающее большую уже со стороны слушателей зрѣлость, и могущее быть полезнымъ только впослѣдствіи; въ здѣшнемъ же университетѣ преподаваніе чисто догматическое, соединенное съ чтеніемъ и объясненіемъ древнихъ писателей, съ письменными латинскими и греческими упражненіями, и такимъ образомъ обогащающее слушателей необходимыми предварительными матеріалами и хорошо приготовляющее ихъ къ трудамъ болѣе самостоятельнымъ.

По совѣту одного изъ здѣшнихъ профессоровъ, г. Штарка, съ которымъ я имѣлъ случай сблизиться, въ теченіе наступающаго полугодія я буду слушать слѣдующія лекціи:

1) У профессора Бера: энциклопедію филологіи, вмѣстѣ съ объясненіемъ Персовъ Эсхила и сочиненіемъ Цицерона de re publica, въ соединеніи съ еженедѣльными письменными латинскими упражненіями (4 лекціи въ недѣлю);

2) У профессора Штарка: исторію гомеровской поэзіи, вмѣстѣ съ объясненіемъ гомеровскихъ гимновъ, и римскія древности, въ особенности частной и религіозной жизни (9 лекцій въ недѣлю);

3) У профессора Кайзера: метрику греческихъ и римскихъ поэтовъ, вмѣстѣ съ объясненіемъ рѣчей у Θукидида (7 лекцій въ недѣлю).

Кромѣ того въ филологической семинаріи:

1) У профессора Бера: критическій разборъ греческаго писателя, въ соединеніи съ письменными греческими упражненіями (2 лекціи въ недѣлю);

2) У профессора Штарка: объясненіе исторіи Тацита (2 лекціи въ недѣлю);

3) У профессора Кайзера: объясненіе сочиненія Цицерона de natura deorum (2 лекціи въ недѣлю).

Въ настоящее время, до начала новаго адемическаго полугодія, я занимаюсь повтореніемъ греческой грамматики, по руководству Курціуса, который результатъ сравнительной лингвистики примѣнилъ къ греческому языку; римскими древностями, по руководству Ланге, и чтеніемъ Ювенала, по изданію Зибольда. Сочиненія эти указаны мнѣ профессоромъ Штаркомъ, который позволилъ мнѣ и впредь обращаться къ нему за совѣтами и указаніями.

Съ началомъ лекцій я запишусь въ число студентовъ здѣшняго университета, чтобы имѣть право пользоваться университетскою библіотекою.

Гейдельбергъ, 1/16 сентября 1862 года.

17) Кандидата Н. Михайлова.

Отправившись изъ С.-Петербурга 12-го сентября (нов. ст.), я прибылъ въ Берлинъ 16-го сентября. Въ теченіе двухъ недѣль я успѣлъ здѣсь предварительно ознакомиться съ музеями, внимательно осмотрѣлъ выставку художественныхъ произведеній при академіи искусствъ, осмотрѣлъ нѣкоторыя частныя собранія произведеній искусства. Съ 2-го по 8-е октября сдѣлалъ поѣздку въ Гейдельбергъ, гдѣ имѣлъ честь явиться Н. И. Пирогову. Возвратившись къ началу лекцій въ Берлинъ, я посѣщалъ университетъ, 8-го ноября имматрикулировался, записался на курсы «общей исторіи искусства» проф. Ваагена и «исторіи средневѣковой литературы» проф. Гоше, которые и посѣщаю. Говорить о чтеніяхъ Ваагена и Гоше было бы преждевременно. Мои домашнія занятія состояли преимущественно въ чтеніи сочиненій Фёрстера, Куглера и Любке. Я началъ также мои занятія въ музеѣ.

Берлинъ, 1-го декабря 1862 года.

III.

ПЕДАГОГИКА и ДИДАКТИКА.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОѢЗДКА ПО ШВЕЙЦАРІИ.

Письмо третье.

Бернъ: Einwohner-Mädchenschule.

Einwohner-Mädchenschule, подъ дирекціей извѣстнаго педагога Фрёлиха, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ педагогическимъ явленіямъ Берна, и съ нея я началъ осмотръ бернскихъ училищъ. Но позвольте объяснить вамъ прежде длинное и довольно нескладное названіе этого женскаго училища.

Женское образованіе долго считалось въ Бернѣ излишнею роскошью и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія многіе пасторы и старые учители говорили громко, что учить дѣвочекъ читать еще можно, но писать положительно вредно. Этотъ глупый предразсудокъ, вмѣстѣ съ другими, палъ въ 1830 году, и уже въ 1834 бернскій государственный совѣтъ положилъ открыть высшую женскую школу для дочерей бернскаго *гражданства*, въ которую, *если позволитъ мѣсто*, по выраженію закона, можно допустить дочерей и другихъ *жителей* (Einwohner), не пользующихся правами бернскихъ граждан. Но мѣста, какъ и надо было ожидать, оказалось очень мало, не потому, чтобы его дѣйствительно было мало, а потому что бернскія *гражданки* того времени любили сидѣть широко и тѣснили бѣдныхъ *жительницъ*. Произошли неизбѣжныя столкновенія, которыя происходятъ всегда, когда имѣютъ неблагоразуміе, соединяя дѣтей различныхъ классовъ для воспитанія, въ тоже время весьма не педагогически напоминать имъ, что однѣ изъ нихъ имѣютъ

право подымать носъ къ верху, а другіе должны опускать его къ низу. Такое не воспитывающее, а развращающее дѣтей начало, высказанное въ самомъ уставѣ новаго училища, возмутило *жителей* Берна, и они, собравшись вмѣстѣ, положили основать свое особое женское училище. Составилось акціонерное общество, выбрана дирекція и *директриса*, назначена плата съ ученицъ, нанято помѣщеніе, пріискано шесть учителей и пять учительницъ, записано 137 ученицъ, и въ 1856 году, безъ всякой помощи со стороны правительства, которое въ ней отказало, вышла на педагогическое поприще Einwohner-Mädchenschule *).

Высшее женское училище въ то время было дѣломъ новымъ не только въ Швейцаріи, но и въ Германіи, и бернская школа шла сначала плохо. Слѣдовало создать идею женскаго воспитанія, выработать ее до тонкостей, привести въ дѣйствительность, найти людей, способныхъ одушевиться ею, одушевить ихъ, бороться съ общественными предразсудками, мужественно отстаивать свои убѣжденія, а все это, конечно, не легко и для умнаго и энергическаго мужчины: школою же завѣдывала женщина. Образцовъ для устройства высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній тогда еще не было. Конечно, можно было позаимствоваться отъ французскихъ женскихъ институтовъ, прекрасно выработавшихъ систему приготовленія очаровательнѣйшихъ куколокъ, которыя при выходѣ въ свѣтъ, изъ наивнѣйшихъ куколокъ, едва смѣющихъ шевелиться въ присутствіи мужчинъ, весьма естественно и быстро превращались въ самыхъ легкокрылыхъ свѣтскихъ бабочекъ. Но здоровый смыслъ бернцовъ и ихъ протестантскія понятія о женской нравственности спасли ихъ отъ этой чумы: изобрѣтенія нравственнаго французскаго общества временъ великихъ Людовиковъ, когда ханжество и развратъ такъ граціозно подавали руку другъ другу, не перешли, къ счастію, на суровую бернскую почву. Не знаю, потеряли ли отъ того бернскія женщины въ искусствѣ нравиться; но несомнѣнно то, что отъ этого много выиграло ихъ нравственное и умственное развитіе.

Ссоры, интриги, безпорядокъ, внѣшность на верху, существенное подъ ногами, словомъ всѣ обыкновенныя послѣдствія женскаго управленія, заставили *жителей* Берна, — такъ какъ они сами продолжали завѣдывать воспитаніемъ своихъ дочерей, не сваливая его

*) Die Einwohner-Mädchenschule in Bern. Denkschrift auf die Feier ihres Jubiläums 1861. Bern.

на чужія руки, — перемѣнить управленіе и вручить главное завѣдываніе школою тогда еще молодому, энергическому педагогу, г. Фрёлиху. Въ нѣсколько лѣтъ изъ маленькаго заведенія сдѣлался цѣлый, огромный институтъ различныхъ, органически связанныхъ заведеній; начиная отъ школъ малолѣтнихъ, куда приходятъ играть и, играя, учиться дѣти трехъ, четырехъ и пяти лѣтъ, до высшихъ классовъ (Fortbildungsschule), гдѣ сидятъ дѣвицы лѣтъ по 20-ти и старше.

Въ настоящее время Einwohner-Mädchenschule (рѣшительно недоумѣваю, какъ перевести это мудреное названіе) составляютъ: 1) Два класса *малолѣтней школы*, въ которыхъ учится 40 дѣвочекъ, отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ включительно. 2) *Элементарная школа* съ четырьмя классами, гдѣ учатся дѣвочки отъ 6-ти до 10-ти лѣтъ включительно; всѣхъ ученицъ 121. 3) *Секундарная школа* съ *шестью* классами, въ которыхъ 119 ученицъ, отъ 10 до 16-ти лѣтъ включительно. 4) *Высшая школа* (Fortbildungsschule) съ 123-я ученицами, отъ 16-ти лѣтъ и старше; однѣ изъ этихъ дѣвицъ только получаютъ высшее образованіе, другія приготовляются спеціально къ должности учительницъ.

Высшее завѣдываніе школою принадлежитъ обществу, состоящему изъ 252 членовъ, *по большей части родителей ученицъ* *). Общество это избираетъ *школьную коммиссію*, состоящую изъ президента, вице-президента и пяти членовъ. Ближайшее завѣдываніе принадлежитъ директору (Vorsteher). Учителей всего шесть, считая въ томъ числѣ и директора, *г. Фрёлиха*, который преподаетъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкую поэзію, педагогику *и хоровое пѣніе*. Онъ же читаетъ дѣвицамъ и уроки нравственности.

Сдѣлайте одолженіе, обратите только вниманіе на это соединеніе педагогики съ хоровымъ пѣніемъ. Оно какъ нельзя болѣе характеризуетъ тотъ воспитательный элементъ ученья, о которомъ у насъ пока и говорить странно.

Учительницъ въ заведеніи 15, въ томъ числѣ супруга г. Фрёлиха, которая учитъ рукодѣльямъ въ старшихъ классахъ; кромѣ того есть еще пять помощницъ при работахъ (Arbeitsgehülfinnen). Какихъ нибудь особенныхъ воспитательницъ, инспектрисъ, классныхъ дамъ не существуетъ. Азбучное правило всякой здравой педа-

*) Всякій родитель или опекунъ дѣвицы, обучающейся въ школѣ — есть членъ высшаго управленія.

гогики, что воспитаніе и ученье должны быть соединены въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, слишкомъ хорошо здѣсь извѣстно.

Денежныя средства заведенія теперь хороши: оно купило себѣ домъ, думаетъ купить другой и пріобрѣло всѣ акціи, часть которыхъ была ему подарена владѣльцами; такъ что Einwohner-Mädchenschule въ настоящее время уже самостоятельною жизнью живетъ, развивается, идетъ впередъ, прибавляетъ число классовъ безпрестанно съ увеличеніемъ числа учениць. Все это показываетъ, что заведеніе пользуется полнымъ довѣріемъ общества, а такъ какъ сами же родители и завѣдываютъ заведеніемъ, то видно они убѣдились, что могутъ смѣло довѣрить своихъ дочерей мужчинѣ-воспитателю, не приставляя къ нимъ никакихъ аргусовъ.

Я уже сказалъ выше, что при устройствѣ Einwohner-Mädchenschule правительство, въ которомъ тогда на время преобладалъ олигархическій элементъ, отказало ей во всякой поддержкѣ; но она воспользовалась закономъ 1839 года о *секундарныхъ* школахъ и, войдя въ число признанныхъ правительствомъ секундарныхъ школъ, получила поддержку, ровняющуюся половинѣ жалованья всѣхъ учителей. Далѣе мы будемъ имѣть еще случай разобрать этотъ важный законъ, вызвавшій къ жизни столько частныхъ секундарныхъ школъ, а здѣсь приведемъ только ту статью, которою воспользовалась Einwohner-Mädchenschule. Въ параграфѣ 7-мъ этого закона, передѣланнаго и пополненнаго потомъ въ 1856 году, сказано:

«Вспомоществованіе отъ правительства можетъ быть дано и секундарнымъ женскимъ школамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ученицы и учители не могутъ посѣщать одной и той же школы. Эти женскія школы не могутъ однако же объявлять претензій на помощь государства, если въ нихъ не будетъ высшаго класса (classe de perfectionement) для образованія учительницъ первоначальныхъ школъ и школъ рабочихъ». Въ § 8 того же закона сказано: «по общему правилу государство принимаетъ на себя половину жалованья учителей на все то время, на которое обезпечено существованіе школы ея учредителями». *)

Мнѣ кажется, что подобный законъ принесъ бы и у насъ чрезвычайную пользу. Прежде всего и болѣе всего намъ необходимы

*) Loi sur les écoles secondaires du canton de Berne. 1856. Я не могъ достать нѣмецкаго экземпляра этого закона; но это все равно.

хорошие учители и учительницы, такіе, которые были бы спеціально подготовлены къ своему дѣлу, такіе, которые могли бы быть *классными* учителями и учительницами въ первоначальныхъ школахъ и въ младшихъ классахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. *Недостатокъ классныхъ учителей и учительницъ есть величайшій, существеннѣйшій недостатокъ всей нашей системы общественнаго воспитанія и лишаетъ наше ученье вообще той умственно-развивающей и нравственно воспитывающей силы, безъ которой все оно никуда не годится.* У насъ передъ глазами ребенка учители разныхъ предметовъ мелькаютъ, какъ фигуры въ калейдоскопѣ, также пестро и также безслѣдно. Каждый изъ преподавателей заботится только о томъ, чтобъ дѣти знали его предметъ, и никто не считаетъ себя обязаннымъ подумать вообще объ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей. Развѣ это дѣло учителя грамматики? Развѣ это дѣло учителя географіи? Или учителя ариѳметики? Или займется этимъ учитель французскаго языка, чистописанія и т. д. Если мы никому не поручили заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи нашихъ дѣтей, то чему же удивляемся, если это развитіе идетъ плохо? А директора, а инспектора, скажете вы. Но развѣ чудомъ какимъ могутъ они имѣть вліяніе на душевное развѣтіе дѣтей, обходя классы и посматривая на скамьи, гдѣ стройными рядами расположена цѣлая масса. А законоучители? т. е. учители катихизиса, и начатковъ св. исторіи? Столько же сильны что и другіе учители, если еще не менѣе. Остается классный надзиратель и классная дама; но вѣдь это полиція школы, а отдавъ въ руки полицейскихъ чиновниковъ душевное развитіе вашего дитяти, можете ли вы ожидать чего нибудь добраго?

Предметная система ученія — это *ракъ* русскаго общественнаго воспитанія и пока вы не излечите этой болѣзни, то какъ ни перестроивайте ваши училища — ничего не выйдетъ хорошаго. Многіе уже обратили вниманіе на этотъ недостатокъ, но не показана еще вся его существенная важность; тогда какъ ее можно выразить въ двухъ словахъ: *существеннѣйшій недостатокъ нашего общественнаго ученья есть почти совершенное отсутствіе въ немъ умственно и нравственно развивающей силы; главная же причина этого недостатка въ предметной системѣ ученья.* Такимъ образомъ прежде всего дайте намъ хорошихъ *классныхъ* учителей-воспитателей; а такихъ учителей *невозможно* имѣть безъ учительскихъ институтовъ: вотъ чего, вѣроятно, не видятъ противники этихъ учрежденій.

Устроить у насъ хорошіе учительскіе институты дѣло необыкновенно трудное: много нужно и людей, и педагогическихъ знаній, и денегъ, и опытовъ. Вотъ почему правительство должно призвать къ себѣ на помощь всю частную дѣятельность, возможную у насъ въ настоящее время въ этомъ отношеніи. Правительственные учительскіе институты, кромѣ того, будутъ устроены безъ сомнѣнія по одному плану; а кто же поручится, что этотъ планъ непремѣнно будетъ удаченъ во всѣхъ отношеніяхъ? Опыты въ правительственныхъ учрежденіяхъ почти невозможны; въ нихъ остается только слѣдовать предписаннымъ правиламъ; всякія перемѣны чрезвычайно затруднительны въ цѣлой системѣ правительственныхъ институтовъ. Вотъ почему, повторяю еще разъ, правительство должно употребить всѣ усилія, чтобы вызвать *частную дѣятельность* въ этомъ отношеніи; а вызвать ее, какъ мнѣ кажется, возможно бы было изданіемъ закона, подобнаго бернскому, а именно, что всякое частное учебное заведеніе, приготовляющее у себя ежегодно опредѣленное число классныхъ учителей и учительницъ, выдерживающихъ экзаменъ въ установленной для этого коммиссіи, какъ въ знаніи предметовъ первоначальнаго преподаванія и теоріи воспитанія, такъ и въ практическомъ умѣньи учить и вести классъ, имѣетъ право на *такую-то* денежную поддержку со стороны правительства, которая можетъ быть расчитана, или по числу учителей заведенія, или по числу выдерживающихъ экзаменъ учителей и учительницъ. Но во всякомъ случаѣ должно точно и ясно опредѣлить какъ условія поддержки, такъ и величину ея, чтобы здѣсь не было мѣста проискамъ съ одной стороны и чиновничьему произволу и покровительству съ другой. Лучше всего будетъ, если сама экзаменаціонная коммиссія будетъ признавать за училищемъ право не на хлопоты и просьбы, а на полученіе правительственной поддержки.

При надеждѣ на правительственную поддержку, которая должна быть значительна, многіе рѣшатся истратить небольшой капиталъ на основаніе такого заведенія, издержки котораго будутъ покрываться отчасти платою съ учениковъ и ученицъ, расчитывающихъ посвятить себя учительской дѣятельности, а отчасти правительственною поддержкою. Нельзя ожидать, чтобъ такихъ заведеній появилось много съ перваго раза; но успѣхъ однихъ поощритъ другихъ. Издержки такого заведенія очень не велики: удобное помѣщеніе для двухъ, много трехъ классовъ, три-четыре хорошіе учителя, — небольшая школа для практики — вотъ и все! Въ учени-

какъ и ученицахъ недостатка не будетъ; особенно, если министерство народнаго просвѣщенія будетъ дорожить учителями и учительницами, приготовленными спеціально къ своему дѣлу, непремѣнно будетъ давать имъ мѣста и назначитъ отъ себя какую-нибудь постоянную прибавку къ ихъ жалованью. Сначала такіе учители и учительницы найдутъ себѣ мѣсто въ младшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій и въ институтахъ; а потомъ пойдутъ въ прогимназіи, уѣздныя училища, или что тамъ установится на ихъ мѣсто. Но, главное, положено будетъ начало: преимущества классныхъ учителей и учительницъ, спеціально подготовленныхъ къ своему дѣлу, скоро убѣдятъ самихъ невѣрующихъ въ пользу учительскихъ институтовъ и классной системы преподаванія. Ученики, кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, дѣвицы, кончившія курсъ въ гимназіяхъ и институтахъ, позанимавшись спеціально два, три года, безъ сомнѣнія могутъ сдѣлаться хорошими учителями и учительницами первоначальныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній; а теперь, именно вслѣдствіе крестьянской реформы, очень много такихъ молодыхъ людей обоего пола, которые рады будутъ обезпечить себѣ учительскую карьеру.

Но пора мнѣ, наконецъ, и въ гости къ г. Фрёлиху: пробило уже 8 часовъ и классы начались.

Отыскивая Einwohner-Mädchenschule, прошелъ я по одной изъ тѣхъ крытыхъ галлерей, о которыхъ упоминалъ въ прошедшемъ письмѣ, на Korn-Platz, посреди которой стоитъ какой-то старинный уродъ, пожирающій маленькихъ дѣтей; уродъ, впрочемъ, очень не страшный, одѣтый прилично, и дѣти безъ страха цѣпляются за его платье и съ охотой лѣзутъ къ нему въ ротъ. Напротивъ, высокій, узкій, довольно грязный домъ поглощаетъ также толпы веселыхъ, смѣющихся, здоровыхъ дѣвочекъ. Вотъ то, вѣрно, и Einwohner-Mädchenschule. Не великолѣпное же помѣщеніе для знаменитой школы! Невольно вспомнилъ я наши педагогическіе дворцы, съ которыми не можетъ стать рядомъ и бернскій Bundes-Palast, хоть имъ и гордятся швейцарцы. Звоню, хотя двери открыты: выходитъ чистенькій, чрезвычайно приличный старичекъ въ колпакѣ и въ вязаныхъ шерстяныхъ туфляхъ; такой почтенный нѣмецкій папахенъ, что я невольно улыбнулся. Это герръ *абвартъ*. Вотъ и опять недоумѣваю, какъ вамъ перевести это слово! Это совершенно особенное существо, созданное нѣмецкою педагогическою жизнью, выработанное ею именно для того, чтобы смотрѣть за

школьнымъ домомъ, погонять дитя, если оно опоздало, или погладить по головкѣ другое, спросить о здоровье муттерхенъ, спрятать завтракъ ребенка, разнять подравшихся мальчугановъ, внушать дѣтямъ чрезвычайно высокое понятіе о школѣ, наукѣ, учителѣ и особенно геррѣ директорѣ, и, въ тоже время, обдавать дѣтей такою мирною семейною атмосферою, что для нихъ дѣлается нечувствителенъ переходъ изъ роднаго дома въ школу. Абвартъ непремѣнно человѣкъ семейный и помѣщается со всѣмъ своимъ семействомъ при входѣ, въ нижнемъ этажѣ школы, и располагается часто самъ, съ женою и дѣтьми, работать въ пріемной, чрезъ которую дѣти проходятъ. Если вы застанете его за работой или за завтракомъ, онъ не встанетъ для васъ, да и ни для кого; пошевелитъ только колпакъ на своей головѣ, по большей части лысой, пошаркаетъ подъ столомъ своими туфлями въ знакъ своего къ вамъ уваженія; но разскажетъ вамъ все очень обстоятельно: онъ, кажется, знаетъ даже, что̀ въ каждый часъ читается въ каждомъ классѣ. Жена его — воспитанница того же института, гдѣ онъ теперь абвартомъ; дочери его учатся тамъ же; онъ самъ воспитывался въ подобномъ же заведеніи. Дѣти его любятъ и уважаютъ; отцы и матери жмутъ ему руку; учители и учительницы друзья; герръ форштегеръ — пріятель.

Но, скажетъ быть можетъ иной читатель, какъ не стыдно мнѣ остановиться у самаго входа въ учебное заведеніе и болтать о какомъ нибудь абвартѣ? Но, сказавъ это, читатель покажетъ только, что школьная жизнь ему незнакома или позабыта имъ; а я могъ бы указать ему не на одно заведеніе, стоющее сотни тысячъ, и въ испорченности котораго огромную роль играетъ дурно выбранная и скаредно вознаграждаемая прислуга. Первое внечатлѣніе школы необыкновенно важно въ дѣтской жизни — а швейцаръ-то и есть именно самое внечатлѣніе. Но перейдемъ къ абварту, который стоитъ передо мною:

— Что вамъ угодно?

— Я желалъ бы видѣть г. Фрёлиха.

— Онъ живетъ за городомъ; но сейчасъ будетъ въ школу... Черезъ двадцать двѣ минуты, добавляетъ абвартъ, посматривая на свою серебряную луковицу, которая вѣрна, какъ хронометръ.

— Но онъ будетъ сегодня непремѣнно?

— O doch! doch! у него сегодня урокъ педагогики во второмъ высшемъ классѣ.

— Въ такомъ случаѣ я обожду его здѣсь.

— Лизхенъ! говоритъ абвартъ своей дочери: — проводи господина въ комнату господина форштегера! Тамъ есть книги, вы почитаете, прибавляетъ онъ наставительно.

— Но не могу ли я просидѣть это время въ какомъ нибудь классѣ?

— О, doch! doch! Въ какомъ вамъ угодно; у герра форштегера виситъ въ комнатѣ росписаніе уроковъ. Выберите тамъ, какой хотите и идите. Лизхенъ васъ проводитъ.

Ну, скажите на милость! Ну, какой же это порядокъ?! То ли дѣло у насъ, гдѣ мышь не проскользнетъ въ заведеніе, особенно въ женское учебное заведеніе, безъ того, чтобы ее не осмотрѣли и сзади и спереди, и безъ разрѣшенія высшей власти. Вотъ это порядокъ! и я вздохнулъ по милой родинѣ. И вотъ такъ то принимаютъ меня во всѣхъ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, не диво бы въ мужскихъ, а то и въ женскихъ. Не спрашиваютъ: ни кто я, ни что я, ни какой у меня паспортъ, ни какого я чина, ни какія у меня намѣренія; пришолъ, значитъ нужно. Иди, куда хочешь, сиди гдѣ хочешь, смотри и случай, что хочешь. Учитель или учительница только кивнетъ головой, покажетъ на стулъ, да спроситъ иногда, не хочу ли я слышать какого нибудь особеннаго педагогическаго пріема; ученицы взглянутъ и опять за свое дѣло; точно муха влетѣла въ классъ; даже обидно, — право!

Однакоже, на первый разъ, я все таки посовѣстился, въ классы не пошелъ, а остался въ форштегерской комнатѣ дожидаться прихода г. Фрёлиха.

Комнатка небольшая; на стѣнахъ полки съ книгами, росписаніе уроковъ, картины для нагляднаго обученія; въ углу старенькое бюро, заваленное бумагами, а на подсвѣчникахъ висятъ два вѣнка изъ альпійскихъ мховъ. Эти вѣнки, безъ сомнѣнія, принесены дѣвицами изъ ихъ далекихъ прогулокъ въ горы. Г. Фрёлихъ первый, кажется, ввелъ эти прогулки въ женскія учебныя заведенія: въ мужскихъ онѣ существуютъ уже давно въ Швейцаріи. Недурно, еслибы и нашихъ институтокъ водили хоть раза два въ годъ куда нибудь за городъ, а то иная въ десять лѣтъ лучшей поры, когда именно развивается въ человѣкѣ любовь къ природѣ, имѣющая такое благодѣтельное вліяніе на развитіе человѣческой души, не увидитъ даже полеваго цвѣтка, а не то что колоса ржи. Природа

есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ въ воспитаніи человѣка и самое тщательное воспитаніе безъ участія этого агента всегда будетъ отзываться сухостью, односторонностію, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полевого цвѣтка, не помявши на волѣ земной травы! Никогда оно не разовьется съ тою полнотою и свѣжестью, къ которымъ способна душа человѣческая, развитіе его всегда будетъ отзываться душною атмосферою запертыхъ зданій.

Но взглянуть на полки. Вотъ Дистервегъ, вотъ Шварцъ, вотъ Шмидтъ, вотъ Нимейеръ, Грубе, Кёрнеръ, все педагогическія книги и журналы. Вотъ это тоже заграничная особенность. У насъ педагогическія сочиненія вообще встрѣчаются рѣдко; но всего рѣже въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, на полкахъ которыхъ красуются номера старыхъ журналовъ. Помню я, какъ поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и разсматривая его библіотеку довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ учебномъ заведеніи никогда не учили медицинѣ. Ихъ пожертвовалъ какой то купецъ, которому онѣ достались за долги или по наслѣдству, право ужъ не знаю. Наконецъ, смотрю стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ двадцать не отпирали. Прошу открыть, и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни своей очень многимъ, и, Боже мой! отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами, прежде, чѣмъ выступилъ на педагогическое поприще!

Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьозно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства перемѣнились — и бѣднякъ мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школою, педагогическими идеями. Недаромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ все одною и тою же уже мертвою рукою, я думалъ лучше было бы, еслибъ онъ жилъ въ

настоящее время, когда ужъ научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи.

Но однакоже надобно изъ этого грустнаго воспоминанія вывести какую нибудь полезную мысль.

Я думаю, что если бы министерство народнаго просвѣщенія поручило людямъ, знакомымъ съ педагогическою литературою, составить списокъ главнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій и разослало копіи съ такого списка по всѣмъ гимназіямъ, выразивъ желаніе, чтобы гимназіи мало по малу составили себѣ педагогическій отдѣлъ библіотеки, и время отъ времени требовало бы отчета, что пріобрѣтено, — то это могло бы имѣть весьма хорошія послѣдствія. Для составленія такого списка, я бы совѣтовалъ воспользоваться извѣстною книгою Дистервега Wegweiser für die Deutschen Lehrer; а для книгъ, вышедшихъ потомъ, его же ежегодными педагогическими отчетами. Слѣдовало бы также заглянуть въ германскіе педагогическіе журналы, которыхъ не мало. Для швейцарской же педагогики, въ которой есть много замѣчательнаго, я могу рекомендовать Pädagogische Monatsschrift für die Schweiz. Это прекрасный журналъ, выходившій въ продолженіи шести лѣтъ. Не могу понять, почему онъ въ этомъ году прекратился. Не мѣшало бы также поручить перевести на русскій языкъ нѣсколько капитальныхъ и наиболѣе популярныхъ педагогическихъ сочиненій съ тѣмъ, чтобы, издавъ ихъ при журналѣ министерства, разослать потомъ по уѣзднымъ училищамъ. Распространеніе здравыхъ педагогическихъ идей между учителями есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ улучшить наше общественное воспитаніе. Трудно себѣ представить, какой переворотъ въ идеяхъ и въ душѣ человѣка, заключеннаго гдѣ нибудь въ глуши уѣзднаго города, можетъ сдѣлать попавшаяся въ его руки хорошая книга. Въ педагогикѣ учить много нечего, а главное состоитъ въ томъ, чтобы направить мысль человѣка на дѣло воспитанія и помочь ему сдѣлать первые шаги въ этой области: если душа человѣка восприимчива и голова его работаетъ, а опыты у него тутъ же, подъ руками, то дѣло пойдетъ само собою.

Но вотъ и Фрёлихъ: видно сейчасъ хозяина, входящаго въ свою мастерскую. Сильный, энергическій мужчина, лѣтъ сорока пяти по виду, одѣтъ очень небрежно, — видно, что онъ здѣсь дома, въ своей семьѣ, — голова умная, львиная, большіе волосы въ безпорядкѣ, что то поэтическое во всей фигурѣ; рѣчь звучная, громкая, отчетливая и ясная, выработанная на лекціяхъ; пріятная добродушная улыбка

невольно одобряетъ и привлекаетъ; въ глазахъ видна постоянная мысль; говоря съ вами часто думаетъ еще о чемъ то другомъ. Фрёлихъ понравился мнѣ съ перваго взгляда.

Знакомятся здѣсь очень быстро. «Я русскій; желаю посмотрѣть вашу школу» — вотъ и вся рекомендація; ничего болѣе не требуется, и вась не только допустятъ смотрѣть школу, но постараются показать вамъ ее, сообщитъ все, что нужно, дадутъ росписанія, отчетъ; пріемъ самый дружескій, самый откровенный, самый радушный. Я очень плохо говорю по нѣмецки, Фрёлихъ не говоритъ по французски и не любитъ, когда говорятъ на этомъ языкѣ; но онъ отлично угадываетъ смыслъ моей исковерканой рѣчи; его же невозможно не понять — такъ говоритъ онъ ясно и выразительно.

Черезъ минуту же Фрёлихъ съ жаромъ сталъ мнѣ объяснять устройство своего заведенія и познакомилъ меня съ раздѣленіемъ классовъ и распредѣленіемъ уроковъ, и вотъ началось мое странствованіе по заведенію. Я думалъ посвятить ему два, три дня, а посвятилъ болѣе недѣли, приходя каждое утро, а часто и послѣ обѣда, и переходя съ урока на урокъ. Посѣщалъ я классы, не наблюдая порядка, смотря по тому, какой урокъ представлялъ мнѣ болѣе интереса въ тотъ или другой день; но вамъ опишу школу, начиная съ фундамента, т. е. съ малолѣтней школы, и оканчивая верхушкой, тѣмъ, что у насъ называется спеціальными классами.

Въ малолѣтней школѣ царствуетъ нераздѣльно въ обоихъ его классахъ м-ль Роза. Фрёлихъ обладаетъ въ совершенствѣ самымъ главнымъ искусствомъ распорядителя школы: онъ отлично выбираетъ своихъ учительницъ и мѣтко назначаетъ имъ тѣ мѣста, на которыхъ онѣ могутъ принести наиболѣе пользы. М-ль Роза создана быть учительницей малолѣтней школы, гдѣ сидятъ, или лучше сказать, вертятся, прыгаютъ, вмѣзаютъ на скамьи, ложатся на нихъ дѣти отъ трехъ до шести лѣтъ включительно. Конечно у м-ль Розы нѣтъ той пунктуальности и методичности, которую замѣчалъ я у другихъ учительницъ дѣтскихъ садовъ и малолѣтнихъ школъ, но, кажется, самъ Фрёлихъ не хотѣлъ этого. Онъ желалъ прежде всего дать малюткамъ такую учительницу, которую бы они полюбили, которая бы сама походила на ребенка, и выбралъ для этого очень удачно м-ль Розу. Кроткая, дѣтская улыбка не сходитъ съ ея добраго лица, и я рѣшительно не допускаю, чтобы она сердилась когда нибудь въ свою жизнь. Разсердить ее, мнѣ кажется, не возможно; огорченная она не разсердится, а заплачетъ. И дѣти дви-

ствительно любятъ м-ль Розу и не боятся ея нисколько. Надобно имѣть ангельское терпѣніе этой дѣвушки, чтобы справляться съ этими маленькими существами, которыя минуты не могутъ просидѣть спокойно на мѣстѣ, дать каждой дѣвочкѣ занятіе, помочь ей когда она недоумѣваетъ напримѣръ какъ можно вдѣть одну бумажку въ другую или закончить башеньку, которую она строитъ изъ деревянныхъ кубиковъ, надобно отвѣчать на безпрестанные вопросы, удовлетворять безпрестаннымъ просьбамъ, а онѣ такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ. Дѣти тормошатъ м-ль Розу немилосердно и она отдохнетъ только тогда, когда заставитъ дѣтей пропѣть что нибудь хоромъ, что они исполняютъ очень мило.

Въ малолѣтней школѣ, какъ я уже сказалъ, не учатся, а играютъ; но, играя, развиваются, выучиваются проводить прямую линейку, немножко рисовать, немножко читать и писать; но главное, пріучаются говорить, что весьма не легко, не только потому, что дѣти въ этомъ возрастѣ вообще говорятъ безсвязно и неясно, но еще болѣе потому, что бернскія дѣти говорятъ на томъ бернско-нѣмецкомъ нарѣчіи, котораго и природные нѣмцы не понимаютъ. М-ль Роза предупредила меня, что я мало пойму изъ ея разговора съ дѣтьми, и дѣйствительно я не понялъ почти ни слова.

Что съ дѣтьми начинаютъ заниматься на томъ самомъ нарѣчіи, на которомъ они говорятъ дома, это безъ сомнѣнія не только весьма разумно, но и неменѣе гуманно. Должно заботиться всѣми силами, чтобы школа самымъ естественнымъ путемъ вошла въ жизнь ребенка и чтобы, не замѣтно для него, приняла въ свое распоряженіе часть его умственной и сердечной дѣятельности. Мало успѣха будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дому, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слыхавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаютъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который выработывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и весьма неласково, напомнитъ ребенку, что онъ

не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, вопервыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіи тысячелѣтія; вовторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ — на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ туже чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою, и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчіи написать какую нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ. Уже лучше была та школа, гдѣ учили прямо по часослову и псалтырю, потому что небольшія познанія въ церковнославянскомъ языкѣ и связанныя съ ними понятія могла поддержать и развить далѣе церковь своими службами и своими книгами, доступными для крестьянина; великорусская же грамота непремѣнно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малороссійскомъ селѣ. Но объ этомъ я буду еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ и указать на средства, которыми, по моему мнѣнію, можно избѣжать этого зла, когда буду говорить о швейцарскихъ народныхъ школахъ, которымъ также много вредитъ разноязычіе школъ и народа, хотя далеко не въ той степени, какъ у насъ.

У Фрёлиха говорятъ съ дѣтьми на бернскомъ нарѣчіи не только въ малолѣтней школѣ, но и выше, въ элементарныхъ и даже секундарныхъ классахъ; кромѣ того особенно изучаютъ народныя пѣсни и разсказы на бернскомъ нарѣчіи, хотя въ совершенствѣ усвоиваютъ и общій нѣмецкій языкъ.

Теперь позвольте вамъ передать вообще занятія малолѣтней школы, изъ которыхъ большую часть я видѣлъ и слышалъ самъ.

Въ младшемъ классѣ малолѣтней школы находятся дѣти отъ *трехъ* до *пяти* дѣтъ включительно и остаются въ классѣ *четыре* часа: два поутру и два послѣ обѣда; старшій классъ малолѣтней школы, дѣти по *шестому* году, занимаются *три* часа утромъ и два послѣ обѣда. Пятилѣтнія дѣти остаются въ классахъ до пяти часовъ въ день; а у насъ, какъ я слышалъ, находятъ тяжелымъ пятичасовое классное занятіе для дѣвицъ 16-ти и 17-ли лѣтъ. Но, конечно, классъ классу рознь: если классная дама требуетъ, чтобы маленькія дѣти сидѣли неподвижно, какъ куклы, если они не смѣютъ открыть рта, чтобы заговорить съ учителемъ, и если голосъ учителя бубнитъ одиноко, какъ дождь въ стекло, то и одного того часа достаточно, чтобы измучить дитя и измучить притомъ совершенно безполезно. Но если дѣти шевелятся непринужденно, если они безпрестанно спрашиваютъ учительницу и отвѣчаютъ на ея вопросы, если они живо участвуютъ въ урокѣ, словомъ, если дѣтей не учатъ, а они сами учатся въ классѣ съ помощію наставницы, то и пяти-шести часовъ такого занятія въ классѣ не много, и дѣти нисколько не утомляются.

Уроки въ малолѣтней школѣ, если только можно назвать урокомъ эту развивающую болтовню, *получасовые*. Здѣсь мы опять тоже не можемъ не остановиться, хотя и чувствуемъ уже заранѣе досаду читателя. Но что же дѣлать, почтеннѣйшій читатель, если на каждомъ шагу я встрѣчаю въ моемъ педагогическомъ путешествіи весьма полезные уроки и весьма печальное напоминаніе. Основной законъ дѣтской природы можно выразить такъ: дитя требуетъ дѣятельности безпрестанно и утомляется не дѣятельностію, а ея однообразіемъ и односторонностію. Заставьте ребенка сидѣть — онъ очень скоро устанетъ, лежать — тоже самое; идти онъ долго не можетъ, не можетъ долго ни говорить, ни пѣть, ни читать, и менѣе всего долго думать; но онъ рѣзвится и движется цѣлый день, перемѣняетъ и перемѣшиваетъ всѣ эти дѣятельности и не устаетъ ни на минуту; а крѣпкаго дѣтскаго сна достаточно, чтобъ возобновить дѣтскія силы на будущій день. Педагогъ долженъ прежде всего учиться у природы и изъ замѣченнаго явленія дѣтской жизни выводить правила для школы; замѣтивъ же, что чѣмъ моложе возрастъ, тѣмъ болѣе требуетъ онъ разнообразія дѣятельности, должно и въ школахъ назначать въ разныхъ классахъ неодинаковое время

на урокъ; да и самый урокъ слѣдуетъ разбивать на двѣ половины. Для мальчика тринадцати лѣтъ урокъ можетъ быть и часовой; для молодаго человѣка въ пятнадцать - шестнадцать лѣтъ урокъ можетъ продолжаться и полтора часа, но и то въ томъ только случаѣ, если ученикъ дѣйствительно работаетъ въ классѣ, а не сидитъ неподвижно, устремивъ глаза на учителя: провести подобнымъ образомъ полтора часа въ классѣ я считаю возможнымъ только для мальчика, уже совершенно отупѣвшаго.

Дѣтское вниманіе надобно воспитывать понемногу, и нѣтъ ничего хуже, какъ надорвать его. Дитя, которое по физической невозможности внимательно слѣдить долгое время за однимъ и тѣмъ же предметомъ, пріучится, мало по малу, уже вовсе не слѣдить за урокомъ и дѣлать только внимательную мину; такое дѣтя учить уже очень трудно. Если же урокъ весь состоитъ изъ толкованія учителя, не призывающаго дѣтей къ участію, — а у насъ именно такіе уроки и встрѣчаются всего чаще, — то я считаю часъ времени nec plus ultra вниманія не дитяти, а взрослаго человѣка. Попробуйте сами господа наставники прослушать кого нибудь цѣлый часъ, и потомъ передать, что вы слышали. Но если наставника не слушаютъ, то зачѣмъ же онъ говоритъ? Для препровожденія времени, для собственнаго удовольствія; а урокъ все же будетъ выученъ по книгѣ или по тетрадкѣ.

Занятія малолѣтней школы Фрёлиха слѣдующія:

1) *Религія;* но не думайте, что здѣсь зубрятъ что нибудь. Нѣтъ, Боже упаси! Уроки религіи въ малолѣтней школѣ заключаются въ разсказахъ изъ дѣтской жизни, имѣющихъ какой нибудь нравственный смыслъ. Разсказы эти ведутся такъ, что дѣти принимаютъ въ нихъ самое живое участіе, спрашиваютъ, добавляютъ, угадываютъ окончаніе, разсказываютъ, что съ ними самими случилось; но спросятъ нѣкоторые, быть можетъ, гдѣ же здѣсь уроки религіи? Но развѣ религія только въ катихизисѣ и въ священной исторіи, развѣ ея нѣтъ въ жизни человѣка; для маленькихъ же дѣтей этого возраста гораздо болѣе религіи въ дѣтскомъ разсказѣ изъ ихъ жизни, чѣмъ въ цѣлой страницѣ катихизиса, вызубренной наизусть, но не оставившей никакого слѣда въ сердцѣ. Разсказываетъ учительница нѣсколько происшествій изъ священной исторіи, которыя, по содержанію своему и по формѣ, удобны для совершенно дѣтскаго разсказа: таково напримѣръ происшествіе съ Іосифомъ, которому отецъ сшилъ пестрое платье и т. п.

2) *Упражненіе чувствъ;* здѣсь упражняется зрѣніе въ различеніи цвѣтовъ, въ измѣреніяхъ, и пр., упражняется слухъ въ различеніи звуковъ и тоновъ, упражняется осязаніе и обоняніе. Въ старшемъ классѣ малолѣтней школы дѣти достигаютъ того, что, взявъ въ руки предметъ, довольно отчетливо и ясно открываютъ его признаки и высказываютъ ихъ. Иногда учительница раздаетъ дѣтямъ предметы одного и того же рода, напримѣръ одинаковые цвѣты, листья, камни, и требуетъ, чтобы дѣти сами отыскивали различіе въ розданныхъ имъ экземплярахъ; иногда требуетъ, чтобы они нашли сходство въ различныхъ предметахъ, и тому подобное.

Г. Фрёлихъ придаетъ, и весьма справедливо, важное значеніе этимъ упражненіямъ чувствъ и продолжаетъ ихъ въ элементарныхъ и даже въ среднихъ классахъ. О необходимости въ нихъ упражненій выслушалъ я у него цѣлую лекцію, о которой скажу впослѣдствіи.

3) *Разсказы по картинамъ.* Эта часть не приведена еще въ порядокъ въ школѣ Фрёлиха, да и въ другихъ швейцарскихъ школахъ, которыя я видѣлъ, изъ разсказовъ по картинамъ не извлекаютъ всей той пользы, какую можно извлечь, чему главная причина недостатокъ хорошихъ картинъ, на что жалуются даже и въ Германіи. Впрочемъ, я видѣлъ у Фрёлиха только-что полученныя имъ изъ Берлина четыре большія картины временъ года. Отлично! Еслибы издать у насъ подобныя четыре картины, взятыя, конечно, изъ русской годовой жизни, да прибавить къ нимъ подробное описаніе и наставленіе, *собственно для учителя*, то это было бы превосходнымъ пособіемъ при начальномъ обученіи въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и первыхъ классахъ гимназій. Мы все думаемъ, какъ бы приготовить новыхъ учителей: это хорошо; но пока они будутъ — а это очень не скоро, слѣдуетъ позаботиться и о томъ, чтобы, по возможности, направить на педагогическую дорогу существующихъ уже учителей, покрайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые еще молоды и которымъ только слѣдуетъ помочь улучшить способъ ихъ преподаванія. Издавъ такія картины четырехъ временъ года (это самый лучшій предметъ для первыхъ бесѣдъ: знакомый учителю, знакомый и интересный для дѣтей и необыкновенно обильный по содержанію) и объясненія къ нимъ, можно бы выразить желаніе, чтобы ученики, вмѣстѣ съ усвоеніемъ грамоты, усвоили себѣ содержаніе картинъ и разсказывали его связно, ясно, непринужденно. Это, мнѣ кажется, лучшій первый шагъ для того, чтобы

вывести наше преподаваніе на путь живой бесѣды съ дѣтьми, развивающей и ихъ мысль и ихъ слово, которыя отъ простаго изученія грамотѣ не подвигаются ни на волосъ впередъ. Знаю, что можно начать бесѣды и безъ картинъ, и что это, можетъ быть, и лучше: школа, домъ, вся природа передъ глазами, предметовъ для бесѣдъ довольно, каждое обыкновенное происшествіе, каждый азбучный разсказъ можетъ повести къ бесѣдѣ съ дѣтьми; но все это не для начинающихъ педагоговъ; для нихъ нужна опредѣленная дорога, которой они создать сами себѣ еще не въ силахъ; картины же дадутъ рамку и порядокъ ихъ бесѣдамъ и у нихъ будетъ опредѣленная задача, которую они должны разрѣшить съ дѣтьми къ экзамену. Но чтобы не вытвержено было описаніе, надобно его составить такъ, чтобы оно годилось только для учителя.

4) *Практическія упражненія, приготовляющія къ чтенію и письму.* Упражненія эти состоятъ въ томъ, что дѣти пріучаются выговаривать ясно звуки, составляющіе слова, разлагать слова на слоги и звуки, и складывать слова изъ звуковъ. Приготовленіе къ письму состоитъ въ томъ, что дѣти пріучаются проводить и комбинировать линіи, служащія элементами нѣмецкой азбуки. Во всѣхъ швейцарскихъ школахъ, которыя я до сихъ поръ видѣлъ, исключая французскихъ, придерживаются методы Шера, хотя и не вездѣ отдаютъ должную дань уваженія почтенному старику.

5) *Счетъ* отъ одного до десяти по методѣ Эггера, которая употребляется и въ высшихъ классахъ. Надъ десяткомъ дѣлаются здѣсь всѣ четыре правила, что, конечно, слѣдуетъ давно уже ввести вездѣ.

6) *Уроки рисованія* очень хороши и занимательны для дѣтей. На стѣнѣ виситъ черная доска, раздѣленная на квадратики красными линейками. Каждый квадратикъ въ вершокъ; такая же сѣтка, только съ квадратиками гораздо меньшими, нарисована и на доскахъ учениць. Рисуютъ иногда, проводя линіи въ тактъ. Сѣтка очень облегчаетъ рисованье. Учительница рисуетъ на классной доскѣ и очень хорошо объясняетъ, что рисуетъ. Подробное же изложеніе всѣхъ замѣченныхъ мною методъ придется оставить мнѣ до другаго времени; они отняли бы здѣсь очень много мѣста.

7) *Пѣніе* также идетъ очень хорошо. Дѣти въ особенности его любятъ и послѣ маленькой пѣсни классъ оживаетъ, какъ цвѣты послѣ дождика. Г. Фрёлихъ большой знатокъ въ дѣлѣ пѣнія; я же къ несчастію ничего въ немъ не смыслю; а потому и не могу раз-

сказать вамъ, какъ это дѣлается; но только выходитъ что то очень милое, стройное, трогающее чувство и воспитывающее его. Когда запоютъ въ нашихъ школахъ, тогда можно будетъ сказать, что онѣ пошли впередъ.

8) *Рукодѣліе* или лучше сказать игра, пріучающая дѣтей владѣть своими руками. Дѣти выкладываютъ различныя фигурки изъ картонныхъ треугольниковъ по рисунку, начерченному учительницей на доскѣ; складываютъ домики, башни, ворота изъ деревянныхъ кубиковъ и призмъ, нанизываютъ бусы, иногда въ тактъ; продѣваютъ цвѣтныя длинныя бумажки сквозь решетку, вырѣзанную въ бѣлой бумагѣ, и надо посмотрѣть, какъ серьезно иная крошка трудится надъ этимъ дѣломъ; выкалываютъ булавкою рисунокъ и т. п. Все это воспитываетъ руки будущихъ рукодѣльницъ, а рукодѣліемъ въ Швейцаріи занимаются очень много; и рукодѣльныхъ школъ, о которыхъ я уже говорилъ выше, множество вездѣ. А онѣ особенно необходимы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣвочки посѣщаютъ общую школу вмѣстѣ съ мальчиками, и гдѣ учители конечно не могутъ ихъ учить рукодѣлью. Въ нашемъ проектѣ тоже упоминается о рукодѣліи для дѣвочекъ, но слѣдовало бы указать на средства. Во многихъ швейцарскихъ городахъ составились женскія общества, которыя и заводятъ рабочія школы для дѣвочекъ. Это скорѣе всего дамское дѣло. Учрежденіе такихъ школъ не трудно; обходятся онѣ чрезвычайно дешево, а приносятъ пользы много. Швейцарія въ особенности любитъ эти школы и лучшее доказательство то, что ихъ посѣщаютъ болѣе 20-ти тысячъ дѣвочекъ въ одномъ бернскомъ кантонѣ. Директоръ Веттингенской семинаріи Кеттигеръ написалъ цѣлую книгу для руководства занятій въ рабочихъ школахъ: какъ ужъ его угораздило знать и женскія рукодѣлія, я право не понимаю; но книга говорятъ отличная; я пріобрѣлъ ее и въ своемъ мѣстѣ познакомлю съ ней нашу женскую публику, если «*Гувернантка*» этого еще не сдѣлала.

9) *Гимнастика и гимнастическія игры*. Лѣтомъ они дѣлаются въ саду, зимою въ особой залѣ, и каждый день немножко въ классахъ. Я видѣлъ гимнастическія упражненія секундарной школы и, говоря объ этой школѣ, опишу ихъ подробно. Не трудно кажется заставить дѣтей въ тактъ встать и сѣсть, обернуться туда и назадъ, поднять руки и опустить ихъ, выйти изъ за скамей въ порядкѣ и опять усѣсться на нихъ стройно, ловко и безъ шуму и толкотни; но если бы хотя эти простые пріемы принялись въ нашихъ шко-

лахъ, то помогли бы разрушить ту тяжелую, усыпляющую атмосферу, которая, по большей части, царствуетъ въ нихъ и много способствовали бы не только къ сохраненію здоровья дѣтей, но свѣжести и живости ихъ ученія. Дайте ребенку не много подвигаться, и онъ подаритъ васъ опять десятью минутами вниманія, а десять минутъ живаго вниманія, если вы съумѣли ими воспользоваться, дадутъ вамъ въ результатѣ больше цѣлой недѣли полусонныхъ занятій. До правильной, ученой гимнастики намъ еще далеко, и здѣсь она только-что начинаетъ распространяться; но начать съ маленькаго слѣдовало бы теперь же.

Изъ малолѣтней школы дѣти переходятъ въ элементарные классы и приносятъ съ собою нетолько уже привычку къ классному порядку, но весьма значительное развитіе, умѣнье правильно сказать не большое предложеніе, выговоръ ясный и отчетливый, сколько это возможно для ребенка этого возраста, умѣнье разобрать и написать слова два-три, а главное, приносятъ уже рождающуюся любовь къ ученію, которое не запутало ихъ, не наскучило имъ, а, напротивъ, привлекло ихъ къ себѣ своею игривостію и своимъ разнообразіемъ. Это не бука, отъ которой бѣгутъ наши дѣти, но добрая, улыбающаяся мать, протягивающая ребенку свою ласковую руку.

У насъ нѣтъ малолѣтнихъ школъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, и дѣти семи лѣтъ поступаютъ попросту прямо въ народную школу, въ которую потому и можетъ войти многое, что здѣсь сказано о малолѣтней; вотъ почему мы позволяемъ себѣ распространяться о ней, тѣмъ болѣе, что именно прекрасное заведеніе Фрёлиха, болѣе чѣмъ какая либо другая школа, вызываетъ педагогическую мысль.

Элементарная школа..... но, Боже мой, сколько мнѣ еще приходится сказать объ элементарной школѣ! Нѣтъ, уже, до слѣдующаго письма. Не сѣтуйте на меня, почтенный читатель, что я задерживаю васъ такъ долго на школѣ Фрёлиха; но это самое отрадное, самое выработанное явленіе швейцарской педагогической жизни. Васъ, можетъ быть, въ настоящее время мало занимаютъ женскія учебныя заведенія, и вы хотѣли бы лучше слушать о народныхъ школахъ, учительскихъ семинаріяхъ и т. п. Дойдетъ дѣло и до нихъ, а почти все то, что я говорю здѣсь о школѣ Фрёлиха имѣетъ приложеніе и къ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ; но я хотѣлъ показать вамъ сначала ту ступень развитія педагогической идеи, до которой она выработалась въ швейцарской жизни. Школа

же Фрёлиха потому въ особенности удобна для описанія, что представляетъ въ одномъ стройномъ организмѣ всю систему швейцарскихъ школъ, такъ что мнѣ впослѣдствіи останется только говорить объ особенностяхъ той или другой школы.

Письмо четвертое.

Бернъ. Элементарные, секундарные и высшіе классы Einwohner-Mädchenschule.

Элементарные классы школы Фрёлиха помѣщаются въ другомъ зданіи, черезъ двѣ улицы, что конечно составляетъ значительное неудобство. Всѣхъ элементарныхъ классовъ четыре и назначаются они для дѣтей отъ *шести* до *десяти* лѣтъ включительно. Курсъ элементарныхъ классовъ имѣетъ много общаго съ курсомъ первоначальной школы и еще болѣе съ тѣмъ курсомъ, который проектированъ у насъ для народныхъ училищъ: вотъ почему я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности. Особенное вниманіе обращалъ я на распредѣленіе курса, на методы и пріемы преподаванія и надѣюсь, что за это не посѣтуютъ на меня наши преподаватели: на иной пріемъ, въ сущности очень простой, не скоро набредешь собственнымъ опытомъ; а между тѣмъ, примѣнивъ его, можно значительно облегчить преподаваніе и сдѣлать его успѣшнѣе.

Само собою разумѣется, что система преподаванія въ элементарной школѣ—*классная;* каждый классъ по всѣмъ предметамъ порученъ одной наставницѣ. Всѣхъ учебныхъ часовъ въ недѣлю, въ двухъ старшихъ классахъ, *тридцать два;* въ двухъ младшихъ—*двадцать девять;* одинъ часъ ежедневно отдѣляется на гимнастическія упражненія. Конечно—это много для дѣтей отъ 6-ти до 10-ти лѣтъ; но за то имъ *никакихъ уроковъ или письменныхъ упражненій на домъ не дается* *). Позвольте остановить ваше вниманіе на этомъ послѣднемъ, очень важномъ условіи.

Школа Фрёлиха—очень замѣчательная школа по тремъ обстоятельствамъ: 1) Въ ней не задается на домъ уроковъ вовсе, не только въ элементарныхъ классахъ, но и въ секундарныхъ, назначаемыхъ для ученицъ отъ 10-ти до 16-ти лѣтъ; даже въ высшихъ

*) Die Einwohner-Mädchenschule in Bern. 1861. S. 27.

классахъ (свыше 16-ти лѣтъ) домашнихъ уроковъ очень мало. 2) Въ школѣ Фрёлиха нѣтъ почти вовсе учебниковъ, и 3) почти вовсе нѣтъ учебныхъ тетрадокъ. Каждый изъ этихъ трехъ *недостатковъ* заслуживаетъ того, чтобъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Задача уроковъ на домъ и, вслѣдствіе того, возложеніе почти всего труда ученья на однихъ учащихся есть одно изъ наибольшихъ золъ, одолѣвающихъ наши русскія училища. Послушайте только, какъ иной ученикъ твердитъ свой урокъ, и вы убѣдитесь, что изъ этого задаванія уроковъ на домъ не выходитъ ничего хорошаго, а очень много дурного: «Мойсей .. Мойсей... Мойсей... жилъ... жилъ... жилъ у тестя... тестя... тестя своего... тестя своего Іофора.. Іофора... Іофора... тестя своего» и т. д. или: «кругъ есть... кругъ есть... кругъ есть кривая... кривая» и т. д. Какой же толкъ можетъ выйти изъ такого ученья? У дѣтей память воспріимчива и усвоиваетъ быстро и прочно, но подъ условіемъ *сосредоточенности вниманія:* вниманіе же у дѣтей слабо, непостоянно и его то именно долженъ воспитывать наставникъ. Одна изъ главнѣйшихъ задачь первоначальнаго ученья — пріучить дитя по возможности долго и сильно сосредоточивать свое вниманіе на изучаемомъ предметѣ: достичь же этого возможно только, заставляя дитя учиться при себѣ или, лучше сказать, уча его уроку. Напечатлѣть (einprägen) урокъ въ душѣ дитяти одна изъ главнѣйшихъ и труднѣйшихъ обязанностей здѣшней наставницы. Для этой цѣли урокъ ведется бесѣдою, а бесѣда эта ведется такъ, что въ ней принимаютъ самое живое участіе всѣ ученицы класса. Искусство преподавательницы состоитъ въ томъ, что она рельефно выставляетъ главную мысль или главный фактъ урока, безпрестанно ихъ повторяетъ и заставляетъ повторять дѣтей, сначала способнѣйшихъ, потомъ слабѣйшихъ, и потомъ мало по малу логически привязываетъ новыя мысли и новые факты къ основнымъ, уже прочно укоренившимся въ самыхъ разсѣянныхъ головкахъ. Вотъ почему въ классахъ фрёлиховской школы почти нѣтъ отсталыхъ. Конечно такое преподаваніе гораздо труднѣе для наставника, чѣмъ задать урокъ, даже объяснивъ его, а потомъ, на другой день, спросить; но за то посмотрите же и на разницу въ результатахъ! Не знаю, какъ теперь, но еще недавно у насъ едва десятый процентъ числа учениковъ, поступившихъ въ младшій классъ гимназіи, достигалъ одновременно высшаго класса; изъ этого десятаго процента едвали третья часть при слабыхъ экзаменахъ поступала въ университетъ,

а при строгихъ гораздо менѣе — и все же университеты жаловались на слабое приготовленіе молодыхъ людей къ университетскому курсу. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ такого неуспѣха я считаю задаваніе уроковъ на домъ и, вслѣдствіе того, неумѣнье нашихъ учениковъ учиться. Кромѣ того, здѣшняя наставница при передачѣ дѣтьми урока въ тотъ же классъ безпрестанно направляетъ ихъ мысль на должную дорогу и исправляетъ ихъ слово, такъ что съ каждымъ урокомъ дитя дѣлаетъ шагъ впередъ въ развитіи мысли и обладаніи словомъ; ничего безсознательнаго или ошибочнаго не допускается, а у насъ часто приходится съ усиліемъ вырывать то, что́ дитя ошибочно и безсознательно зазубрило дома. Я знаю, что многіе и хорошіе преподаватели вооружатся у насъ противъ предложенія вовсе уничтожить домашніе уроки и задачи, покрайней мѣрѣ, въ народныхъ училищахъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и скажутъ на это, можетъ быть, что классными бесѣдами можно, пожалуй, развить дѣтей; но не передать имъ значительнаго числа свѣденій, которыя должны быть усвоены памятью, и что безъ домашнихъ уроковъ ученье можетъ подвигаться впередъ лишь очень медленно. Въ этомъ возраженіи будетъ значительная доля правды. И дѣйствительно, ежедневные уроки въ школѣ Фрёлиха очень не велики, а годовыя задачи классовъ расчитаны по силамъ самыхъ слабыхъ учевицъ; повтореніе идетъ безпрестанное; въ каждый урокъ повторяется то, что выучено въ прежній; въ каждомъ классѣ снова перебирается то, что пріобрѣтено въ прежнихъ, а въ результатѣ выходитъ не только сильное развитіе мысли и слова, но и замѣчательное обиліе фактическихъ свѣденій. Вы слышите, напримѣръ, одинъ и тотъ же библейскій разсказъ и въ малолѣтней школѣ, отъ ребенка пяти лѣтъ, и въ выпускномъ классѣ, отъ дѣвицы лѣтъ 18-ти; но какая разница въ изложеніи, въ подробностяхъ, въ глубинѣ взгляда: тамъ это былъ наивный дѣтскій разсказъ, здѣсь — критически разобранная, глубоко прочувствованная страница библіи. Вся эта, безпрестанно повторяющая метода, безпрестанно возвращающаяся къ старому и прибавляющая къ нему новое, основана на слѣдующемъ важномъ психологическомъ фактѣ: всякое усвоенное душою знаніе, возвращаясь снова къ сознанію, не только само становится тверже и яснѣе, но пріобрѣтаетъ способность, такъ сказать, притягивать къ себѣ новыя знанія и сообщать имъ свою собственную прочность. Пять, шесть собственныхъ именъ, напримѣръ, замѣтить въ первый

разъ очень не легко; но при повтореніи этихъ именъ прибавьте къ нимъ еще два, три новыхъ, находящихся съ ними въ связи общаго разсказа или описанія, и эти новыя будутъ усвоены уже гораздо легче прежнихъ, быстро отыщутъ себѣ мѣсто въ душѣ и улягутся въ ней очень прочно. Такимъ образомъ, повторяя безпрестанно старое и, при каждомъ повтореніи, прибавляя немного новаго, дитя прочно усвоиваетъ громадное количество фактовъ, котораго бы ему никогда не одолѣть, еслибъ оно усвоивало одинъ фактъ за другимъ, не строя новаго на прочномъ фундаментѣ стараго. Тотъ же самый методъ употребляется здѣсь и при усвоеніи идей. Главныхъ основныхъ идей въ курсѣ немного (да много ли ихъ и вообще?); къ нимъ безпрестанно возвращаются и связываютъ съ ними вновь усвоенныя, при чемъ дитя пріучается само къ плодотворному развитію главной идеи.

При такомъ преподаваніи голова учащагося не набивается, какъ мѣшокъ, фактами, плохо усвоенными, и идеями, плохо переваренными; но тѣ и другія, какъ бы выростаютъ органически изъ немногихъ зеренъ, глубоко посаженныхъ въ душу. Правда, этотъ органическій ростъ души идетъ сначала *очень медленно*; но чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе, и чѣмъ прочнѣе заложенъ фундаментъ знаній и идей въ душѣ ученика, тѣмъ большее и прочнѣйшее зданіе можно потомъ возвести на этомъ фундаментѣ. Но если такое ученье можно сравнить съ ростомъ сильнаго дерева, которое, съ каждымъ годомъ пріобрѣтая новыя вѣтви, вмѣстѣ съ тѣмъ утолщаетъ и укрѣпляетъ свой корень, то ученье, которое прошли мы въ нашихъ гимназіяхъ, можно уподобить пьяному возницѣ съ дурно увязанною кладью: онъ все гонитъ впередъ, да впередъ, не оглядываясь назадъ, и привозитъ домой пустую телѣгу, хвастаясь только тѣмъ, что сдѣлалъ большую дорогу.

Итакъ позвольте свести въ нѣсколько положеній необходимыя условія хорошаго преподаванія: а) все ученье должно совершаться въ классѣ не только при учителѣ, но вмѣстѣ съ учителемъ, безъ всякихъ домашнихъ уроковъ и задачъ. б) Безпрестанно должно повторяться старое съ прибавленіемъ новаго при каждомъ повтореніи, такъ чтобы новое непремѣнно строилось на старомъ. в) Какъ можно меньшій ежедневный урокъ. г) Возможно меньшія годовыя задачи въ младшихъ классахъ и постепенное увеличиваніе ихъ въ старшихъ. д) При каждомъ годовомъ экзаменѣ спрашивать слѣдуетъ все пройденное въ прежнихъ классахъ.

Знаю, что такое *органическое* преподаваніе не можетъ быть введено разомъ въ наши училища: много препятствій встрѣтитъ оно и въ устройствѣ ихъ, и въ предметной системѣ ученья, и въ недостаткѣ спеціальнаго, педагогическаго подготовленія въ нашихъ преподавателяхъ; но его *должно* ввести, потому что оно единственно разумное, основано на общихъ законахъ развитія души человѣческой и есть необходимое условіе хорошей, плодотворной школы.

Теперь слѣдуетъ сказать о второмъ *недостаткѣ* школы Фрёлиха — недостаткѣ учебниковъ, который тѣмъ замѣчательнѣе, что въ другихъ швейцарскихъ заведеніяхъ, которыя удалось мнѣ видѣть, строго держатся предписанныхъ учебниковъ. Признаюсь откровенно, что это отсутствіе учебниковъ очень мнѣ понравилось; но я понимаю также, что оно возможно только въ такомъ заведеніи, какова школа Фрёлиха, въ которой всѣ наставницы воспитывались въ томъ же заведеніи и всѣ проникнуты идеями директора: здѣсь каждая наставница — живой учебникъ. Но у насъ учебники вполнѣ необходимы и покуда — учебники обширные; со временемъ можно будетъ ихъ нѣсколько сжать, издавая въ тоже время особенныя руководства для однихъ наставниковъ; но пройдетъ еще много времени, пока у насъ станутъ возможными тѣ сжатые, полные мыслей и фактовъ учебники, какіе издаются въ настоящее время въ Германіи. Если такой учебникъ ввести теперь у насъ, то онъ будетъ заучиваться наизусть, и принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Что касается до классныхъ записокъ, то и о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Учебники наши плохи, а потому лучшіе преподаватели или выдаютъ свои записки, или диктуютъ ихъ. И то и другое положительно вредно. Вредъ переписки объясняется психологически: переписывающій и пишущій подъ диктовку почти никогда не думаетъ о томъ, что̀ пишетъ; а между тѣмъ голова пишущаго настолько занята, что онъ не можетъ думать ни о чемъ другомъ; такимъ образомъ умъ его не только остается въ бездѣйствіи, но и привыкаетъ къ нему. Вотъ почему люди, переписывающіе отлично, по большей части бываютъ очень тупы. Въ департаментахъ бываютъ такіе образцовые писари, что если подложить имъ ихъ собственный смертный приговоръ, то они перепишутъ его отлично и не поморщатся. Понятно, что такимъ дѣломъ нельзя занимать дѣтей, объ умственномъ развитіи которыхъ мы хлопочемъ. Все, что̀ можно допустить, и то въ высшихъ классахъ — это

составленіе конспекта уже прослушанной лекціи. Но къ такому составленію конспектовъ должно пріучать дѣтей малу по малу, и именно запиской содержанія разсказовъ, бывшихъ предметомъ классной бесѣды: разсказы эти, естественно, должны быть въ началѣ самые коротенькіе. Дитя надо бы пріучить открывать въ разсказѣ логическую связь мыслей и выражать ее коротко и ясно. Это и дѣлается въ школѣ Фрёлиха, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ: за то конспекты лекцій въ старшихъ классахъ дѣйствительно хороши и цѣлый обширный курсъ умѣщается на маленькой тетрадкѣ, превосходно напоминающей все, что было существеннаго въ лекціи.

Но пора перейти мнѣ къ самому преподаванію и къ преподавательницамъ.

Я прослушалъ довольно много уроковъ въ элементарной школѣ, слышалъ отличныхъ преподавательницъ, слышалъ посредственныхъ; но плохихъ не слыхалъ. У самыхъ слабыхъ видна метода и спеціальное приготовленіе къ преподаванію, которыя дѣлаютъ ихъ уроки полезнѣе для класса, чѣмъ урокъ иного нашего истинно талантливаго преподавателя. Урокъ счисленія въ маленькомъ классѣ мнѣ не совсѣмъ понравился; можно быть гораздо живѣе и занимательнѣе; урокъ французскаго языка тоже; но все же дѣло замѣтно подвигается впередъ, весь классъ работаетъ, вопросъ наставницы обращенъ къ цѣлому классу, такъ что всѣ ученицы готовятъ отвѣтъ и потомъ уже отвѣчаетъ на него та, которую спросятъ. Польза этого простого пріема очевидна; но у насъ весьма немногіе преподаватели его употребляютъ и большею частію, спрашивая одного ученика, предоставляютъ другимъ право ничего не дѣлать; тогда какъ здѣсь вопросъ, покрайней мѣрѣ, слушаетъ уже каждая ученица. Пріемъ этотъ такъ простъ, что понять его пользу ничего нестоитъ; но для постояннаго выполненія его со стороны учителя необходима привычка. Къ этому пріему присоединяется еще здѣсь подниманіе рукъ ученицами. Всякая ученица, которая можетъ отвѣчать на вопросъ учителя, подымаетъ руку. Къ этому тоже должно пріучить дѣтей, и эта привычка здѣсь такъ вкоренилась, что непокидается даже и въ старшихъ классахъ. Если хотите, это не граціозно — иногда цѣлый классъ похожъ на стадо гусей, вытянувшихъ къ верху свои тоненькія шеи — но очень полезно. По числу поднятыхъ рукъ, которыя подымаются и тогда, когда наставница объясняетъ, въ знакъ того что объясненіе понято и можетъ быть

повторено — она судитъ о томъ, насколько ее понялъ классъ. Когда руки неподымаются, наставница спрашиваетъ о причинѣ и замѣчаетъ, что сдѣлала ошибку въ преподаваніи.

Въ третьемъ элементарномъ классѣ я попросилъ наставницу, молодую дѣвушку лѣтъ двадцати, въ живописномъ бернскомъ костюмѣ, показать мнѣ, какъ дѣти расказываютъ прочитанное. Выбранъ былъ разсказъ изъ «книги для чтенія» Чуди, которая, по словамъ Фрёлиха, употребляется за неимѣніемъ лучшей. Разсказъ читаютъ дѣти попеременно, по назначенію наставницы. Ученица, незнающая, гдѣ остановилась ея предшественница, теряетъ право на чтеніе. Прочитали статейку два раза и потомъ началась бесѣда о прочитанномъ (Besehprächungen). Вотъ въ этихъ то бесѣдахъ о прочитанномъ и высказывается все искусство преподаванія. Молодая бернуавка ведетъ дѣло уже очень не дурно; видно, что со временемъ изъ нея выроботается отличная преподавательница, а теперь она еще не совсѣмъ терпѣлива, и дѣти плохо ея слушаются. Однакоже бесѣда была ведена хорошо, толково, не вдавалась въ мелочи, не уходила въ сторону отъ главной мысли разсказа и выясняла ее понемногу въ цѣломъ классѣ. Даръ слова уже замѣчательно развитъ у дѣтей: говорятъ они громко, ясно, опредѣленно:

Хорошо; но я все ждалъ еще чего нибудь лучшаго — и нашелъ его въ первомъ, старшемъ элементарномъ классѣ (дѣти отъ девяти до десяти лѣтъ), въ которомъ я былъ два дня сряду. Этотъ классъ весь такъ и ходитъ по мановенію длинныхъ пальцевъ высокой, сухой особы пожилыхъ лѣтъ. Это великая мастерица своего дѣла она играетъ на своемъ классѣ, своими длинными истинно-педагогическими перстами, какъ на послушномъ, и хорошо настроенномъ инструментѣ. Я не знаю, любятъ ли или боятся ее больше дѣти: притопнетъ она ногой и классъ притихнетъ; но стоитъ только ей позабыть гдѣ нибудь на скамьѣ свою костлявую руку, какъ дѣти поймаютъ эту руку и жмутъ ее крѣпко и долго. Величайшее достоинство этой наставницы состоитъ именно въ томъ, что она позволяетъ своему классу свободно бурлить и волноваться; но удерживаетъ его всякій разъ, именно въ тѣхъ предѣлахъ, которые нужны для успѣха ученья. Найти середину между распущенностію класса и его мертвою неподвижностію очень не легко; но для того, чтобы удерживать постоянно классъ въ этой спасительной серединѣ, нуженъ врожденный педагогическій талантъ и много навыка.

Когда я вошелъ въ классъ, дѣти занимались отечествовѣде-

ніемъ (Heimaths-Kunde): разсказывали по чертежу окрестности Берна. Ниже я буду имѣть случай поговорить о самомъ предметѣ; теперь же занимаетъ меня болѣе самый способъ преподаванія. Дѣти занимались уже давно и при той напряженности вниманія, которой требуетъ этотъ предметъ, видимо устали. Замѣтивъ это, наставница предложила хоровое пѣніе. Надобно было видѣть, какъ оживились дѣти: однѣ предлагали одну пѣсню, другія другую; но большинство голосовъ было за какую то *кукушку*. Наставница однакоже не одобрила этого выбора и предложила другія пѣсни. Какое это могучее педагогическое средство — хоровое пѣніе! Какъ оно оживляетъ утомленныя силы дѣтей, какъ оно быстро организируетъ классъ! Уже изъ того одного, что въ нашихъ училищахъ не введено хоровое пѣніе и что даже наши поэты и наши артисты не сдѣлали ровно ничего въ этомъ отношеніи для дѣтей, можно судить, какъ вообще наше общество до сихъ поръ мало занималось воспитаніемъ своихъ молодыхъ поколѣній. Попробуйте выбрать изъ нашей поэзіи что нибудь годное для пѣнія дѣтей, и вы найдете очень не многое. По неволѣ придется затянуть что нибудь въ родѣ:

Зубы, десны крѣпче три,
И снаружи и снутри;

а пора бы давно разбудить и нашу школу звонкою дружною пѣснію. Въ пѣснѣ, а особенно хоровой, есть вообще не только нѣчто оживляющее и освѣжающее человѣка, но что то организирующее трудъ, располагающее дружныхъ пѣвцовъ къ дружному дѣлу. Вотъ почему наши крестьяне поютъ хоровую пѣсню при всякой работѣ, требующей соединенія силъ; вотъ почему и въ школу слѣдуетъ ввести пѣсню: она нѣсколько отдѣльныхъ чувствъ сливаетъ въ одно сильное чувство и нѣсколько сердецъ въ одно сильно чувствующее сердце; а это очень важно въ школѣ, гдѣ общими усиліями должно побѣждать трудности ученья. Въ пѣснѣ есть, кромѣ того, нѣчто воспитывающее душу и въ особенности чувство и при томъ чувство чисто человѣческое: одинъ человѣкъ только поетъ; даже соловей и тотъ не поетъ, а кричитъ.

Дѣти учатся пѣть по нотамъ, которыя находятся въ самихъ книжкахъ со школьными пѣснями; но въ этотъ разъ они пѣли не по нотамъ, а по тѣмъ же педагогическимъ перстамъ своей наставницы: какъ это дѣлалось я уже не могу вамъ объяснить. Когда пропѣто было нѣсколько пѣсенъ, изъ которыхъ иныя дышали всею

свѣжестію горной природы, наставница позволила пропѣть дѣтямъ и *кукушку*, и съ какимъ одушевленіемъ запѣли дѣти:

Kukuk, kukuk, kukuk, kukuk!
Was schallt aus grünen Hecken,
Aus Busch und Baum hervor?
Es will uns spöttisch necken
Versteckter Vögel Chor!
Kukuk, kukuk, kukuk!
Jhr seid gewiss recht hässlich;
Drum lasst ihr euch nicht seh'n!
Schreit endlos, unermesslich:
Guck — guck, wir sind ja schön!

Въ пѣснѣ, какъ видите, смысла очень немного; но напѣвъ и особенно припѣвъ сильно нравятся дѣтямъ, и они выкрикивали весело, точно молодыя кукушечки въ зеленой рощѣ. Наставница поступила очень хорошо, позволивъ дѣтямъ пропѣть ихъ любимую пѣсню; но поступила также очень педагогически, заставивъ ихъ прежде спѣть нѣсколько такихъ пѣсенъ, въ которыхъ было болѣе смысла и изящнаго чувства. Дѣтскимъ чувствомъ, точно также, какъ и дѣтскою мыслью, должно руководить, не насилуя его. Дѣтямъ естественно нравятся иногда очень уродливыя вещи; но одно дѣло забава, отъ которой можно требовать только, чтобы она не была вредна, а другое дѣло — воспитаніе чувства.

Освѣженныя пѣніемъ, дѣти дружно и съ энергіею принялись снова за занятіе. Изъ книги Чуди прочтенъ былъ разсказъ «Теодотусъ», въ которомъ говорится какъ пришло къ пустыннику трое молодыхъ людей просить совѣта, какъ бы имъ отдѣлаться отъ своихъ пороковъ. Пустынникъ просилъ ихъ вырвать съ корнемъ молодыя деревца, что юноши исполнили безъ труда; надъ деревцомъ потолще потрудились они больше; а толстаго стараго дерева и совсѣмъ не одолѣли.

Я подумалъ, что напрасно наставница выбрала такой не дѣтскій разсказъ. Но надобно было послушать, какъ бесѣда цѣлаго класса мало по мало спустила этотъ разсказъ до дѣтскаго пониманія, и какъ дѣти, приводя примѣры, выразили ясно убѣжденіе, что пороки должно искоренять въ дѣтствѣ. Мораль, вызванная наставницею изъ самихъ дѣтей, была такъ свѣжа, что одна дѣвочка громко заплакала: вѣроятно это напомнило ей какой нибудь случай

изъ ея дѣтской жизни. Такое нравственное примѣненіе ученья встрѣчалъ я здѣсь повсюду и слышалъ, какъ мастерски дѣлаетъ это самъ Фрёлихъ въ старшихъ классахъ. Такая мораль имѣетъ смыслъ и такое ученіе имѣетъ жизнь.

По моей просьбѣ наставница показала мнѣ, какъ дѣлаются у нихъ въ классѣ письменныя упражненія. Она прочла дѣтямъ коротенькій, но очень граціозный разсказъ изъ лучшей дѣтской книжки, какую я только когда нибудь видѣлъ *); поговорила о немъ съ дѣтьми, а потомъ уже дѣти принялись писать. Упражненіе было кончено очень скоро, а въ слѣдствіе бесѣды вышло такъ, что каждая дѣвочка по своему передала одинъ и тотъ же разсказъ. Пересматривая тетрадки, я особенно былъ удивленъ точностію и опредѣленностью выраженій; орфографическихъ ошибокъ мало, почеркъ очень хорошъ. Вообще въ школѣ Фрёлиха задачи не велики; но исполняются отлично, и дѣти привыкаютъ все, что они дѣлаютъ, дѣлать хорошо.

Въ элементарной школѣ преподаются слѣдующіе предметы: религія, отечественный языкъ, отечествовѣденіе; въ двухъ старшихъ классахъ начала французскаго языка, счетъ, письмо, гимнастика, рукодѣліе; наглядное обученіе соединено съ отечествовѣденіемъ. Скажу подробнѣе о нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ.

1. *Религія.* Во всѣхъ четырехъ классахъ элементарной школы идутъ непрерывно разсказы изъ священной исторіи вѣтхаго и новаго завѣта; въ каждомъ классѣ прибавляются новые разсказы и старые безпрерывно повторяются, расширяются, уясняются, связываются съ новыми, если къ тому представляется удобный случай; но вообще каждый разсказъ передается отдѣльно, какъ картинка въ своей особой рамкѣ. Уже въ секундарныхъ классахъ проводится по всѣмъ этимъ разсказамъ, сильно отпечатлѣвшимся въ душѣ дѣтей, одна связывающая мысль откровенной религіи. Разсказы передаются наставницей словесно съ примѣненіемъ къ жизни и по возможности наглядно, для чего употребляются чертежи, картины и объясненія тѣхъ явленій природы, которыя попадаются въ библейскихъ разсказахъ. Наизусть въ каждомъ классѣ изучается нѣсколько молитвъ, изрѣченій священнаго писанія, нѣсколько протестантскихъ гимновъ и духовныхъ стихотвореній. Все это сначала уясняется до такой степени, что самое изученіе не представляетъ уже никакого

*) Kinderbüchlein, von Staub.

труда. Въ разсказѣ учительница обязана придерживаться библіи; но только въ самыхъ существенныхъ выраженіяхъ, на которыхъ строится весь разсказъ; эти выраженія иногда заучиваются наизусть; въ остальномъ же наставницѣ предоставлена свобода, такъ что она можетъ приблизиться къ дѣтскому пониманію. Искусство разсказа дѣтямъ есть совершенно особенное искусство, и къ нему то должно пріучать въ учительскихъ институтахъ. Мастерски веденный разсказъ, гдѣ главная идея выдается далеко впередъ, а побочныя естественно къ ней привязываются, гдѣ есть моменты отдыха для ребенка, — такой разсказъ врѣзывается легко въ душу дитяти и также легко ею воспроизводится. При повтореніи идутъ уже добавленія, подробности. Присутствуя при экзаменахъ на должности секундарныхъ учителей въ Бернѣ, я слышалъ, какое сильное вниманіе обращаютъ экзаменаторы на педагогическую отдѣлку разсказовъ. Часто вспоминалъ я здѣсь и нашихъ преподавателей закона Божія. Впрочемъ, должно замѣтить, что хорошіе преподаватели образуются легко только изъ тѣхъ людей, которыхъ учили также хорошо въ дѣтствѣ; проложить же самому себѣ дорогу неимовѣрно трудно, и по большей части та школа, которую прошелъ самъ преподаватель, сильно отзывается въ его преподаваніи. Вотъ еще одна изъ причинъ необходимости учредить у насъ теперь же учительскіе институты; впослѣдствіи, когда улучшатся наши школы, учительскіе институты будутъ менѣе необходимы, чѣмъ въ настоящее время: это единственное средство исправить нашу школу, а изъ хорошей школы уже гораздо легче выходятъ хорошіе преподаватели.

3. *Отечественный языкъ*. Само собою разумѣется, что собственно грамматики въ элементарныхъ классахъ нѣтъ; а есть только практическія упражненія въ словесномъ и письменномъ употребленіи языка. Я уже выше отчасти познакомилъ съ этими упражненіями; но вотъ еще одно, которое я видѣлъ: учительница пишетъ на доскѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ — «что такое домъ? Что у него сверху, что снизу и что съ боковъ? Что видно на крышѣ? Что видно въ стѣнахъ? Къ чему служатъ окна, двери и печи? Кто строитъ дома? для чего они служатъ?» Ученицы пишутъ отвѣты на эти вопросы и изъ отвѣтовъ возникаетъ довольно стройное описаніе дома. Описаніе это снова пишется на доскѣ; отдѣльныя предложенія связываются, дополняются, исправляются самими ученицами съ помощью наставницы; при чѣмъ объясняются и доступныя для

дѣтей правила. Матеріялъ для такихъ упражненій берется изъ *отечествовѣдѣнія*. Для пріобрѣтенія навыка въ хорошемъ чтеніи читаютъ нѣсколько разъ одну и туже статейку, на томъ основаніи что дитя, которое прочтетъ хорошо десять страницъ, будетъ читать лучше того, которое прочтетъ дурно двѣсти. Ничего хорошаго не выходитъ изъ такого чтенія, которое у насъ еще не рѣдко употребляется, когда ученики читаютъ одинъ за другимъ все далѣе и далѣе, а учитель только покрикиваетъ: «слѣдующій!» Что читаютъ дѣти, то конечно прежде уяснено. Вообще отечественнымъ языкомъ занимаются очень много; онъ составляетъ центральный предметъ во всемъ заведеніи; на него полагается *двѣнадцать* получасовыхъ уроковъ въ недѣлю и, кромѣ того, каждый другой урокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ урокъ отечественнаго языка, потому что ни одно неточное или неправильное выраженіе въ отвѣтѣ ученицы не останется неисправленнымъ. Здѣсь очень хорошо понимаютъ, что родное слово есть основа всякаго умственнаго развитія и сокровищница всѣхъ знаній: съ него начинается всякое пониманіе, черезъ него проходитъ и къ нему возвращается. Слово есть плоть духа и пока духъ не выработается въ слово, не овладѣетъ имъ совершенно, не проглянетъ сквозь него ясно для самаго себя и для другихъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ двигаться и развиваться свободно: ему трудно, какъ птицѣ въ клѣткѣ, какъ невольнику въ колодкахъ; онъ бьется, рвется и вянетъ отъ недостатка свободы, движенія; не развивается, а вымокаетъ какъ зерно подъ водою, отъ недостатка атмосферы. Если я сравню наши классныя занятія роднымъ словомъ съ тѣмъ, что вижу здѣсь, то и этого уже достаточно, чтобы показать мнѣ всю отсталость нашего общественнаго образованія. Новыя училища наши должны бы быть проникнуты убѣжденіемъ, что слово есть единственная сфера развитія духа и что на обладаніи этою сферою должно строится всякое ученіе и развитіе.

3. *Французскій языкъ* преподается только въ двухъ высшихъ классахъ элементарной школы, и я нашелъ бы это слишкомъ раннимъ, еслибы дѣти не были уже достаточно развиты вообще и достаточно подготовлены въ отечественномъ языкѣ, что рѣдко встрѣчается у насъ въ десятилѣтнихъ дѣтяхъ, которыхъ, въ прежнее время, разомъ начинали учить по латыни, по французски и по нѣмецки, хотя они еще плохо читали и по русски. Не значило ли это убивать развитіе и охоту къ ученью въ самомъ началѣ? Во второмъ элементарномъ классѣ назначено у Фрёлиха по 3 часа въ не-

дѣлю на французскій языкъ; въ первомъ (старшемъ) — по 4 часа; а въ секундарныхъ, во всѣхъ — по 6-ти. И это дѣльно. Если ужъ изучать языкъ, то изучать его не за тѣмъ, чтобы остановиться на безплодномъ знаніи сотни словъ, склоненій и спряженій. Въ мое гимназическое время въ каждомъ классѣ назначалось по два часа на французскій и по два на нѣмецкій языкъ — видно не желали обидить ни того, ни другаго; за то же и забывали мы въ старшемъ классѣ, что выучивали въ младшемъ и выходили многіе, не зная читать ни по французски, ни по нѣмецки. При изученіи иностранныхъ языковъ слѣдовало бы, какъ мнѣ кажется, держаться слѣдующихъ правилъ: 1) не приступать къ изученію иностраннаго языка, прежде чѣмъ будутъ положены прочныя основанія къ обладанію языкомъ отечественнымъ; 2) устроить дѣло такъ, чтобы грамматика роднаго языка всегда предшествовала грамматикѣ чуждаго. 3) Выбравъ тотъ или другой языкъ для изученія, назначать на него возможно большое количество времени и никакъ не менѣе шести часовъ въ недѣлю, на каждый день по уроку, потому что трудности иностраннаго языка могутъ быть побѣждены только безпрестаннымъ повтореніемъ, предупреждающимъ забвеніе. 4) Никогда не начинать изученія двухъ иностранныхъ языковъ разомъ. 5) Приступать къ изученію втораго иностраннаго языка не иначе, какъ давъ прочное основаніе въ первомъ.

Въ преподаваніи французскаго языка употребляется въ школѣ Фрёлиха книга Міевиля, которая сильно напомнила мнѣ нашу книгу Марго.

4. *Отечествовѣдѣніе.* (Heimaths-Kunde). Подъ этимъ названіемъ выработанъ нѣмецкими педагогами, на прочномъ основаніи, положенномъ Песталлоци, особенный предметъ, не существующій въ прежнихъ учебныхъ курсахъ и не введенный еще въ наши училища. Но такъ какъ въ «проектѣ» сдѣлана попытка на введеніе подобнаго курса, то я считаю небезполезнымъ показать подробнѣе, что такое это Heimaths Kunde въ школѣ Фрёлиха. Вотъ программа занятій по этому предмету въ младшемъ классѣ элементарной школы:

«Heimaths-Kunde» (3 часа въ недѣлю). *Школьный домъ и его окрестности. Наглядное изученіе опредѣленнаго числа предметовъ и явленій.*

«Что касается до усвоенія дѣтьми пространственныхъ отношеній, то матерьялъ этого класса слѣдующій: *школьная комната* и ея части, по положенію, величинѣ, матерьялу, цвѣту и проч. Пред-

меты, находящіеся въ школьной комнатѣ, разсмотрѣнные и распредѣленные въ точности по ихъ положенію, назначенію, свойствамъ и проч. Планъ школьной комнаты со всѣми ея особенностями; планъ этотъ появляется мало по малу передъ глазами дѣтей; перерисовывается ими сначала съ классной доски на грифельныя, а потомъ чертится на память. Чтеніе плана (т. е. разсказъ по плану), нарисованнаго на картонѣ (каждый классъ имѣетъ свой планъ). Сравненіе классной комнаты, съ обыкновенною жилою комнатою. Дѣятельность учительницы и учениц. Школьное общество, обязанности учащихся въ отношеніи посѣщенія классовъ, школьныхъ вещей, платья, подругъ, постороннихъ посѣтителей. *Семья.* Жизнь въ семьѣ съ родителями; отношеніе къ братьямъ, прислугѣ, роднымъ, знакомымъ и незнакомымъ. Изученіе этажа, въ которомъ находится школьная комната, потомъ прочихъ этажей — погребъ, чердакъ, кровля. Постройка дома; рисовка отдѣльныхъ частей дома, планъ цѣлаго дома и чтеніе этого плана. Ближайшія окрестности школы, сосѣдніе дома, площадь передъ школою и фонтанъ на ней съ относящеюся къ нему легендою. Хлѣбный магазинъ (Kornhaus, почему и сама площадь называется Kornplatz); его назначеніе; погреба (винные) подъ нимъ; валъ и видъ съ этого вала (школа стоитъ не вдалекѣ отъ крутаго, обдѣланнаго спуска въ нижнюю часть города; на этомъ валу садикъ, гдѣ играютъ дѣти между классами; видъ съ вала прекрасный). Описаніе садика въ различное время дня и года; площадь въ различное время. Улицы, выходящія на площадь; какой видъ имѣла эта площадь въ прежнее время. Рисовка плана окрестностей школы и чтеніе его.

«Воспитаніе смысла мѣстностей и формъ (des Orts- und Formensinnes) составляетъ главную задачу этого курса. Черченіе дѣтьми плана на память должно обращать на себя сильное вниманіе наставницы; конечно нельзя требовать отъ дѣтей совершенно точнаго чертежа, но форма и положеніе вещей должны отразиться ясно въ дѣтскомъ созерцаніи, и дѣти должны знать, что значитъ каждая черта и каждая точка на планѣ. Это пріучаетъ дѣтей видѣть собственными глазами и вѣрно удерживать въ памяти то, что они видѣли. Такимъ образомъ будетъ положено прочное основаніе черченію географическихъ картъ и ихъ чтенію. Всѣ пространственныя отношенія должны быть опредѣлены по странамъ свѣта, начиная со стѣнъ школьной комнаты. Очень важно, чтобы каждое представленіе сопровождалось разсказомъ, объясненіемъ и изученіемъ сти-

сотворенія, если есть такое, которое можетъ быть поставлено съ нимъ въ связи.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій природы въ младшемъ классѣ разсматриваются слѣдующіе: *человѣкъ*. Общее различіе тѣла и души; главныя части тѣла — голова, туловище, члены. *Животныя*: мышь, кошка, коза, курица, ласточка, орелъ, лягушка, щука, пчела, саранча, дождевой червякъ. Въ заключеніе общій сравнительный обзоръ изученныхъ животныхъ и раздѣленіе ихъ (въ каждомъ классѣ школы есть свой маленькій кабинетъ естественныхъ предметовъ, принаровленный къ курсу). *Растенія:* груша, сосна, и т. д. Наблюденіе надъ развитіемъ растеній въ саду (у каждой ученицы есть въ школьномъ саду своя грядочка), на прогулкахъ и въ цвѣточныхъ горшкахъ, отъ проростанія сѣмени до увяданія растенія. Обзоръ изученныхъ растеній, раздѣленіе ихъ. *Минералы:* мѣдь, кремень, мѣлъ. *Вода*; свойства, мѣстонахожденіе, примѣсь постороннихъ веществъ; перемѣны отъ тепла и холода, польза. *Воздухъ*: назначеніе, перемѣны и проч. Обращеніе дѣтскаго вниманія на обыкновенныя явленія природы: облака, дождь, градъ, роса, иней, снѣгъ, радуга, гроза. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Времена года. На все это учительница обязана обратить дѣтское вниманіе и возбудить въ дѣтяхъ охоту къ вопросамъ» *).

Безпрестанно повторяясь и, при повтореніи, расширяясь, уясняясь и добавляясь, курсъ этотъ черезъ четыре года достигаетъ въ первомъ (высшемъ) элементарномъ классѣ слѣдующаго вида:

Heimaths Kunde (3 часа въ недѣлю). *Изученіе Бернскаго округа до предѣловъ бернскаго горизонта* (горизонтъ Берна очень общиренъ: ясно видны снѣжныя вершины верстъ за сорокъ и далѣе). *Наглядное изученіе опредѣленнаго числа естественныхъ предметовъ и явленій.*

Что касается до усвоенія дѣтьми пространственныхъ отношеній, то матерьялъ этого класса слѣдующій. Самый городъ и окрѣстности его до горизонта (самый городъ, со множествомъ своихъ историческихъ памятниковъ и легендъ, изученъ уже въ прежнихъ двухъ классахъ) и на сѣверъ: Брикерельдъ, Энги и т. д. бумажная фабрика, мѣльница и т. д. (Мы избавляемъ читателя отъ перечисленія незнакомыхъ ему окрѣстностей Берна, представляющихъ богатый и разнообразный матеріалъ для изученія). Оріентирующій об-

*) Die Einwohner-Mädchenschule in Bern. 1861. § 72 и 73.

зоръ до горизонта. Сравненіе города и деревни: зданія и дороги въ деревнѣ, число и расположеніе домовъ, улицы, площади, особенности зданій, жители деревни, ихъ занятія и т. д. Ученицы со своею наставницею должны посѣтить сколь-возможно болѣе изъ упоминаемыхъ мѣстностей. Что замѣчено дорогою, должно быть въ школѣ начерчено; ученицы должны поставить на планъ всѣ посѣщенныя ими мѣстности. Иногда должно начертить планъ прежде, чѣмъ идти на прогулку, для того чтобы дѣти могли удобнѣе оріентироваться. Планъ и карту бернскаго округа должны дѣти читать въ совершенствѣ.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій природы разсматриваются слѣдующія: 1) *человѣкъ:* повтореніе и пополняющее изложеніе наружныхъ и внутреннихъ частей тѣла; чувства; тѣлесныя потребности человѣка; о пищѣ и питьѣ, сонъ; четыре человѣческіе возраста, важнѣйшія гигіеническія правила; о духѣ и его способностяхъ. *Животныя:* лошадь, собака и т. д. (однѣ животныя повторяются съ добавленіями, уже возможными въ этомъ классѣ; другія проходятся вновь; тоже дѣлается съ растеніями и минералами, въ коихъ общіе обзоры и классификаціи. *Страна:* равнина, возвышенность, холмы, горы и ихъ части; горный хребетъ; горная страна; снѣжныя горы, лавины, глетчеры. *Вода* (вода, равно какъ и воздухъ, проходится во всѣхъ четырехъ классахъ); источники, минеральные и горячіе ключи и т. д. кругооборотъ воды. *Воздухъ* и т. д.» *).

Приведеннаго я считаю достаточнымъ, чтобы дать понятіе о томъ, что такое разумѣется здѣсь подъ именемъ Heimaths Kunde. Легко себѣ представить сколько яркихъ, вѣрныхъ дѣйствительности образовъ, совершенно конкретныхъ, накопится въ душѣ дѣтей отъ такого живаго, нагляднаго, осязательнаго курса. Что такой курсъ совершенно на мѣстѣ въ народномъ училищѣ — это неоспоримо; но конечно его должно примѣнить и къ горизонту каждой мѣстности и къ потребностямъ того класса, дѣти котораго учатся въ школѣ. Въ школѣ сельской главное мѣсто должны занять обработка полей, огородовъ, уборъ сѣна, удобреніе земли, и т. п., причемъ, конечно, должно расчитывать и на то, что народная школа даетъ окончательное образованіе крестьянину, тогда какъ здѣсь расчитывается на дальнѣйшій курсъ. Но какъ свѣтло, какъ созна-

*) Ibid. 5, 81.

тельно и разумно можетъ взглянуть дитя послѣ такого курса на окружающій міръ! Въ приготовительной школѣ, какова школа Фрёлика этотъ курсъ вводитъ дѣтей въ науку; но не какъ въ мертвую груду книгъ, а какъ въ живое изъясненіе міра, исполненнаго жизни. Кромѣ того подобный курсъ даетъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ при изученіи роднаго языка. Изъ него черпается содержаніе для всѣхъ упражненій дѣтей въ выраженіи своихъ мыслей и содержаніе живое, изученное наглядно, осязательно, а не тѣ тѣни изъ міра мечты, которыми занимаются иногда наши ученики. Но отдайте преподаваніе отечественнаго языка одному преподавателю, а преподаваніе *отечествовѣденія* другому, и выходитъ уже совершенно не то: слово будетъ безъ содержанія, а богатый матеріялъ не оживится словомъ, и не будетъ того результата, который я нахожу здѣсь въ ученицахъ старшихъ классовъ: богатство мыслей, точность и опредѣленность языка, легкость выраженій, яркая конкретность образовъ, вѣрность дѣйствительности.

Руководство къ такому курсу *для учащихъ* можно и должно составить. Здѣшніе преподаватели и преподавательницы пользуются при своихъ объясненіяхъ превосходною книгою Гардера (Handbuch für die Anschauungsunterricht von Harder. Altona 1858), съ которою я хорошо познакомился еще въ С.-Петербургѣ, и книгой Зандмейера, (Sandmeyer), которой я еще не знаю. Для того, кто пожелалъ бы приготовить такой курсъ, я могу указать еще, кромѣ извѣстной книги Денцеля, на слѣдующія два англійскія сочиненія: Lesson's in General Knoledge, by James Mann. London 1856, и Readings Lesson by Edwaro Hughes, London 1855. Кромѣ того можно много заимствовать прекрасныхъ описаній изъ книги Вюлье: Esquisse d'une nouvelle Geographie Physique, par. A. Vulliet. Paris 1857. Но русскій отдѣлъ въ такой книгѣ придется создать совершенно за ново, и такъ какъ хорошія педагогическія статьи не легко составляются, то и нельзя ожидать совершенно удачнаго выполненія этого отдѣла съ перваго же раза.

Такая книга *для учащихъ* необходима; но *для учениковъ* она невозможна. Каждая школа имѣетъ свой особенный горизонтъ и къ этому горизонту должно быть принаровлено преподаваніе самимъ наставникомъ. Въ Швейцаріи стараются внести, сколько возможно, подобный курсъ въ обыкновенную «книгу для класснаго чтенія» (Schul-Lesebuch), на которой основывается все ученіе въ народныхъ школахъ, и потому почти каждый кантонъ (изъ прогрессивныхъ)

имѣетъ свою особенную классную книгу; но конечно это удается только до извѣстной степени, и все же на обязанности наставника остается примѣненіе книги, написанной для цѣлаго кантона, къ горизонту школы. Полнаго достиженія подобной цѣли, конечно, можно ожидать у насъ только отъ учителей, получившихъ спеціальное подготовленіе къ своему дѣлу въ учительскихъ институтахъ; но «пока травка подраститъ, воды много утечетъ», и слѣдовало бы сдѣлать что нибудь въ томъ отношеніи и для теперешнихъ школъ.

Я полагаю, что недурно бы было, еслибъ министерство просвѣщенія, составивъ подробную, точную и ясную програму такого курса и распубликовавъ ее, назначило преміи за лучшіе, составленные курсы съ точки зрѣнія той школы, въ которой преподаетъ полагающій. Лучшіе изъ этихъ курсовъ можно бы было напечатать и, такимъ образомъ, положить начало введенія отечествовѣденія и въ наши школы.

Объ остальныхъ предметахъ элементарной школы я говорить не буду. Замѣчу только мимоходомъ, что ариѳметика въ школѣ Фрёлиха преподается и расположена по классамъ хуже другихъ предметовъ. Фрёлихъ по натурѣ своей поэтъ и уже слишкомъ недружелюбно смотритъ на разсудочный элементъ въ женскомъ воспитаніи. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «учености и строгой логики не только не должно требовать отъ женщины, но держать ихъ отъ нея подальше» *). Учености — пожалуй; но логики почему же? Строгая т. е. вѣрная логика, или, другими словами, зоркій и вѣрный разсудокъ необходимы какъ для мужчины, такъ и для женщины.

Перейду теперь къ секундарной школѣ.

Секундарная школа раздѣляется на шесть годовыхъ классовъ. Въ низшихъ классахъ всѣ предметы преподаетъ одна наставница, въ высшихъ входитъ мало по малу предметное преподаваніе; но, тѣмъ не менѣе, каждый классъ порученъ одной воспитательницѣ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподаетъ нѣсколько главныхъ предметовъ. Предметы въ секундарныхъ классахъ слѣдующіе: религія, отечественный языкъ, французскій языкъ, отчизновѣденіе, и міровѣденіе (Vaterlands- und Weltkunde), счетъ, письмо, рисованіе, пѣніе, рукодѣліе, гимнастика. Не обязательные предметы: англійскій и итальянскій языки и живопись.

*) Ibid. § 20.

Я обращу ваше вниманіе на преподаваніе только двухъ предметовъ, а именно: отечественнаго языка и такъ называемыхъ предметовъ *реальныхъ*, соединяемыхъ въ одинъ отдѣлъ подъ чуждымъ для насъ названіемъ Vaterlands- und Weltkunde.

Отечественный языкъ въ секундарныхъ классахъ изучается граматически, выводя конечно правила изъ примѣровъ, но не вдаваясь въ излишнія тонкости. На словопроизводство и словообразованіе обращаютъ большое вниманіе. Письменныя и словесныя упражненія въ языкѣ занимаютъ первое мѣсто и расположены очень систематически, по методѣ Бонне, съ прекрасною книгою котораго я желалъ бы васъ познакомить. Въ трехъ старшихъ классахъ идетъ систематическое чтеніе нѣмецкихъ писателей, а потомъ всѣ свѣденія объ авторахъ и ихъ произведеніяхъ, пріобрѣтаемыя при чтеніяхъ, сводятся въ одну общую историческую картину.

Vaterlands- und Weltkunde замѣняетъ здѣсь Heimaths-Kunde элементарныхъ классовъ. Въ этомъ предметѣ соединяются географія, исторія (всеобщая и отечественная) и естественныя науки. Центральнымъ предметомъ служитъ географія: естественныя науки даютъ ей матерьялъ, а исторія на ней строится. Я давно мечталъ о такомъ предметѣ, и потому очень обрадовался, встрѣтивъ его здѣсь; однако же то, что я нашелъ, не вполнѣ меня удовлетворило: видно хорошее начало, но до совершенства еще далеко. Много нужно педагогической работы надъ всѣми тремя предметами, чтобы соединить ихъ въ одну науку міра. Желаніе такого соединенія предметовъ основано на томъ психическомъ законѣ, что душа наша особенно легко, ясно и прочно усвоиваетъ то, что воспринимаетъ черезъ органъ зрѣнія и, вслѣдствіе того, можетъ всегда представить себѣ въ видѣ картины. Историческое происшествіе, которое совершается въ извѣстной мнѣ мѣстности, съ извѣстною обстановкою, ходъ котораго я могу провести по картѣ, врѣзывается въ мою душу гораздо прочнѣе и вызывается изъ нея гораздо легче, чѣмъ то, которое совершается для меня на воздухѣ, въ какихъ-то неопредѣленныхъ пространствахъ. Съ другой стороны живое представленіе страны возможно только тогда, когда я живо и вѣрно могу себѣ вообразить тѣ формы земной поверхности, тѣ естественныя явленія и естественныя произведенія, соединеніе которыхъ и составляетъ характеръ данной страны. Вотъ почему полезно было бы такъ вести курсъ географіи, исторіи и естественныхъ наукъ въ общеобразовательномъ заведеніи, чтобы эти предметы шли рука объ руку, под-

державая, пополняя и оживляя другъ друга, и дружно строили въ душѣ воспитанника прочное зданіе яснаго, живаго и вѣрнаго міросозерцанія. Но, повторяю еще разъ, для того, чтобъ выработать и ввести въ школѣ такой предметъ, много нужно еще педагогическаго труда. Однако же, гдѣ нѣтъ начала, тамъ не будетъ и конца, и я очень обрадовался, найдя въ школѣ Фрёлика, по крайней мѣрѣ, основанія этого дѣла; опытъ и педагогическая мысль довершатъ остальное. Я постараюсь дать вамъ хотя нѣкоторое понятіе, что дѣлается въ школѣ Фрёлиха по этому предмету.

Въ шестомъ (т. е. младшемъ) классѣ проходится *изъ географіи*: видъ земли, доказательства ея шарообразности; общее обозрѣніе земной поверхности, раздѣленіе воды и суши (прошу не забыть, что эти дѣти прослушали уже Heimaths-Kunde); раздѣленіе пяти частей свѣта; главныя горы, рѣки и лежащіе на нихъ города. География Швейцаріи — подробнѣе и бернскій кантонъ — еще подробнѣе. *Изъ исторіи:* общее обозрѣніе всемірной исторіи на географическомъ основаніи. Древній міръ: восточные народы, греки и римляне, Спаситель. Новый міръ: средніе вѣка, реформація, новое время. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ дается хотя по одному характеристическому образу; прочное усвоеніе немногихъ главнѣйшихъ годовъ. Исторія бернскаго кантона въ подробныхъ біографіяхъ и картинахъ. *Изъ естественной исторіи*, *лѣтомъ:* луговая жизнь (Wiesenleben); подготовительныя свѣденія о растеніи и его частяхъ, исторія нѣкоторыхъ растеній (яблонь, груша и т. д.) во всѣ четыре времени года. *Зимою:* важнѣйшія части тѣла животныхъ; представители классовъ подробно; сравненіе животнаго и растенія; система пройденнаго. Изъ минераловъ — соль, желѣзо, кремень. Въ концѣ раздѣленіе и сравненіе трехъ царствъ природы. Въ каждомъ отдѣлѣ есть нѣсколько подробныхъ, естественно-историческихъ монографій. Такимъ образомъ всѣ отдѣлы естественныхъ наукъ ведутся разомъ, что имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ послѣдовательнымъ преподаваніемъ этихъ наукъ — одна за другою, какъ это вездѣ дѣлается у насъ.

Въ слѣдующемъ, *пятомъ*, классѣ *изъ географіи* проходится: видъ земли, доказательства ея шарообразности и (добавляется вновь) знаніе географической сѣти. Повтореніе съ добавленіями общаго описанія земли; важнѣйшія страны Европы и главные города въ нихъ. Швейцарія: повтореніе и добавляется вновь — естественныя произведенія Швейцаріи. Бернъ — повтореніе и избранныя, характерис-

тическія картины бернской природы. *Изъ исторіи:* пополненное обозрѣніе всемірной исторіи на географическомъ основаніи; кромѣ того: греческія саги и отдѣльныя черты римской доблести. Открытія и изобрѣтенія XIV и XV столѣтія. Изъ швейцарской исторіи — главныя эпохи швейцарской исторіи, въ связи, до реформаціи. *Изъ естественной исторіи:* жизнь въ лѣсу, лѣсныя растенія, исторія лѣса въ четыре времени года. Нѣкоторые представители животныхъ породъ, преимущественно тѣ, которые необходимы для полноты картины лѣса (многое заимствуется изъ превосходной, заслужившей европейскую извѣстность книги Чуди — Alpenwelt). *Изъ минераловъ:* торфъ, мѣлъ, шиферъ. — Общія понятія о человѣкѣ.

Въ *четвертомъ* классѣ изъ *географіи* повтореніе пройденнаго изъ математической географіи и вновь: движеніе земли и его послѣдствія, времена дня и года и т. д... *Изъ исторіи:* повтореніе общаго обозрѣнія съ добавленіями и вновь — германскія саги. Главная задача — новая исторія Швейцаріи. Изъ естественной исторіи — садовая жизнь и т. д....

Въ *третьемъ* классѣ начинаютъ уже строиться въ систему сообщенные дѣтямъ богатые матерьялы. *Изъ географіи:* математическая географія; Европа и ея колоніи. *Изъ исторіи*, кромѣ общаго обозрѣнія снова пополняемаго, спеціально-древняя исторія, и т. д.

Переданнаго считаю достаточнымъ, чтобъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, что это за курсъ. Знаю, что многимъ покажется онъ чѣмъ-то страннымъ, хаотическимъ; но изъ этого хаотическаго преподаванія возникаетъ довольно (не вполнѣ) стройный образъ міра въ головахъ учащихся; а изъ такого, гдѣ одна наука идетъ вслѣдъ за другою, нигдѣ не сталкиваясь, хоть это и очень стройно въ программѣ, выходитъ хаосъ въ головѣ ученика, или еще хуже: то мертвое состояніе идей, когда онѣ лежатъ въ головѣ, какъ на кладбищѣ, не зная о существованіи другъ друга. Иное дѣло наука, въ своей системѣ, а иное педагогическое развитіе дѣтей и передача имъ необходимыхъ и полезныхъ для жизни свѣденій. При распредѣленіи предметовъ преподаванія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ должно имѣть въ виду не науки въ ихъ отдѣльности, а душу учащагося въ ея цѣлости, и ея органическое, постепенное и всестороннее развитіе, тогда и не будетъ тѣхъ дикихъ явленій, какія теперь на каждомъ шагу встрѣчаете въ школѣ: ученикъ, проучившись года три, четыре, разсказываетъ вамъ о Салманассарѣ, а не знаетъ, кто такой былъ Петръ Великій; да иной счастливецъ

такъ, и выйдетъ изъ заведенія съ однимъ Салманассаромъ въ головѣ: некончившихъ курсъ у насъ выходитъ не мало. Не науки должны схоластически укладываться въ головѣ ученика, а знанія и идеи, сообщаемыя какими бы то ни было науками, должны органически строиться въ одинъ свѣтлый и по возможности обширный взглядъ на міръ и его жизнь. Каждый классъ, начиная съ самаго младшаго, долженъ имѣть свое округленное міросозерцаніе, доступное возрасту учениковъ, и въ центрѣ этого міра, отразившагося въ дѣтской душѣ, должна блестѣть, какъ солнце, все освѣщая и согрѣвая, нравственная, гуманная, христіянская идея. Съ каждымъ годомъ это міросозерцаніе должно углубляться, расширяться и исполняться: тогда только дитя найдетъ жизнь въ школѣ, а не непонятную букву, ведущую его къ непріятной, отдаленной цѣли; тогда только и школа войдетъ въ жизнь человѣка, а не будетъ неизбѣжною, скучною процедурою дѣтскаго возраста. Я сохраняю твердое убѣжденіе, что современная школа идетъ къ тому положенію, когда только въ концѣ ея, а не въ началѣ, раскроется система науки, точно также, какъ въ исторіи человѣчества знанія строятся въ систему, а не система наполняется знаніями. Желалъ бы отъ души, чтобъ въ основу распредѣленія предметовъ и въ программу нашихъ общеобразовательныхъ заведеній вошелъ психологическій законъ развитія души человѣческой, а не схоластическая система раздѣленія знаній. Но конечно къ этому въ настоящее время можно только стремиться; хорошо уже и то, если при устройствѣ нашихъ учительскихъ институтовъ будутъ имѣть въ виду приготовленіе наставниковъ къ такому преподаванію.

Секундарными классами оканчивается общее образованіе дѣвицъ.

Высшая школа (Fortbildungsschule) есть заведеніе самостоятельное. Оно имѣетъ двѣ цѣли: 1) Дать вообще высшее образованіе тѣмъ дѣвицамъ, которыя, окончивъ общее образованіе, желаютъ поддерживать и продолжать его и имѣютъ для этого достаточно свободнаго времени; 2) Спеціально приготовлять къ занятію должностей учительницъ въ рабочихъ, малолѣтнихъ, первоначальныхъ и секундарныхъ школахъ и въ должности домашнихъ наставницъ.

Высшая школа состоитъ изъ трехъ классовъ: первые два назначаются для желающихъ получить патентъ не выше учительницы первоначальной школы, а всѣ три, со включеніемъ высшаго, для дѣвицъ, желающихъ получить патентъ учительницы секундарной

школы или домашней наставницы. Оба первые класса раздѣляются еще каждый на два отдѣленія: одно назначается для тѣхъ, которые желають пройти всѣ три класса и могутъ при поступленіи выдержать экзаменъ изъ курса секундарной школы; а другое для тѣхъ, которые выдержали экзаменъ изъ курса первоначальной и идутъ не выше втораго класса. Въ обоихъ отдѣленіяхъ науки преподаются совмѣстно, за исключеніемъ французскаго языка. Средства школы не дозволяютъ, кажется, раздѣлить болѣе эти два отдѣленія.

Въ программѣ *высшей школы* вы встрѣчаете, по большей части, повтореніе того (съ добавленіемъ), что было пройдено въ элементарныхъ и секундарныхъ классахъ; но уже въ новомъ видѣ, въ новой группировкѣ, и здѣсь уже выступаетъ система науки. Предметы преподаванія слѣдующіе: религія, наука воспитанія (Erziehungslehre), ученіе о школѣ (Schulkunde), практическія упражненія въ преподаваніи, ученіе о семействѣ (Familien-Kunde — въ одномъ высшемъ классѣ), нѣмецкая проза, нѣмецкая поэзія и литература, всеобщая литература и исторія искусства (въ одномъ высшемъ классѣ), французскій языкъ, естественная исторія, всеобщая и отечественная исторія, географія, счетъ, элементарная рисовка (для тѣхъ дѣвицъ, которыя поступили прямо въ младшій классъ высшей школы, не проходя секундарныхъ классовъ), рисовка съ натуры, живопись (для одного старшаго класса), пѣніе, рукодѣлье и гимнастика.

Мы остановимся на тѣхъ предметахъ, которые своимъ заглавіемъ не вполнѣ еще говорятъ въ чемъ дѣло.

Въ наукѣ воспитанія (Erziehungslehre) излагаются тѣ физіологическіе и психологическіе законы, на которыхъ строится искусство воспитанія, и общія основанія самаго искусства. Въ ученіи о школѣ (Schul-Kunde) излагаются собственно правила о пріемахъ школьнаго ученья, управленія и порядка, исторія школъ вообще и швейцарской въ особенности. Практическія упражненія будущихъ наставницъ состоятъ въ томъ, что онѣ присутствуютъ при преподаваніи въ классахъ низшихъ и средней школъ и сами преподаютъ подъ руководствомъ наставницъ класса. Я былъ при такихъ практическихъ упражненіяхъ: очередная дѣвица преподавала, а прочія слушали и записывали ея ошибки. Въ концѣ недѣли всѣ практиканты собираются и подъ руководствомъ директора разбираютъ свою педагогическую дѣятельность за недѣлю.

Въ ученіи о семействѣ (Familien-Kunde) излагается сущность и значеніе семьи, ея организмъ, отношенія женщины, какъ супруги,

матери и хозяйки, управленіе хозяйствомъ и т. д. Исторія семьи и положеніе женщины въ различные періоды всемірной исторіи.

Въ классѣ нѣмецкой поэзіи дѣвицы занимаются не только чтеніемъ и разборомъ нѣмецкихъ поэтовъ, но и самостоятельнымъ стихосложеніемъ, къ которому дѣвицы пріучаются еще съ секундарныхъ классовъ, и къ концу курса иныя достигаютъ въ томъ искусствѣ замѣчательной степени совершенства. Г. Фрёлихъ очень поощряетъ это занятіе, полагая, что имъ воспитывается чувство изящнаго; но нельзя не видѣть здѣсь личнаго пристрастія директора. Нѣкоторыя стихотворенія, читанныя при мнѣ дѣвицами, были дѣйствительно очень замѣчательны, если не по стиху, то по глубинѣ мысли; весь классъ, подъ руководствомъ директора, критиковалъ.

Лѣтомъ читается въ *высшей школѣ* общій курсъ литературы, а зимою даются публичныя лекціи. Такъ мало по малу школа раскрываетъ свои двери и вводитъ своихъ учениць въ свободное занятіе литературою и искусствомъ, а живая связь между заведеніемъ и его бывшими воспитанницами никогда не прекращается. Да и вообще между заведеніемъ и обществомъ нѣтъ никакой китайской стѣны; родители сами управляютъ заведеніемъ, гдѣ учатся ихъ дѣти, безпрестанно сходятся съ воспитателями и воспитанницами, учреждаютъ общія гулянья, общіе праздники и школа составляетъ какъ бы общую принадлежность семействъ.

Теперь нѣсколько словъ о спеціальномъ приготовленіи наставницъ.

Я уже упомянулъ о практическихъ упражненіяхъ въ преподаваніи; они устроены разумно; но не въ нихъ главное дѣло, а въ *педагогическомъ* повтореніи предметовъ, пройденныхъ педагогически же. Дѣвица, учившаяся у хорошей наставницы и по хорошей методѣ, сама легко и скоро дѣлается хорошею учительницею. Она и въ младшихъ классахъ все, что говорила, говорила ясно, отчетливо, педагогически. Въ спеціальномъ классѣ пользуются уже тою пріобрѣтенною способностью и вновь проходятъ педагогически тѣ предметы, которые дѣвица готовится преподавать, воодушевляя ее въ то же время высшими курсами и приводя къ сознанію тѣ педагогическіе законы, по которымъ она привыкла уже поступать съ дѣтства. Въ спеціальномъ классѣ ученица, отвѣчая урокъ, излагаетъ лекціи и съ той точки зрѣнія критикуютъ ее наставникъ и подруги. Вотъ и все немногосложное дѣло спеціальнаго приготовленія къ обязанностямъ учительницы; но въ чемъ же здѣсь вся сущ-

ность?—*въ хорошо устроенной первоначальной и секундарной школѣ.* Прежде чѣмъ приготовлять учительницъ въ другія заведенія, Фрёликъ позаботился о томъ, чтобъ укрѣпить и улучшить свое; лучшихъ, талантливѣйшихъ дѣвицъ оставлялъ онъ учительницами въ своихъ школахъ — и когда дерево само укрѣпилось и укоренилось, то начало приносить прекрасные и обильные плоды. Теперь въ школахъ Фрёлиха, за немногими исключеніями, преподаютъ его же лучшія воспитанницы и все заведеніе пріобрѣло то единство духа и идеи, которое дѣйствуетъ могущественно на новыхъ ученицъ и приготовляетъ въ нихъ легко отличныхъ воспитательницъ. Я слышалъ одну бернскую *гражданку,* которая съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отозвалась о школѣ Фрёлиха, говоря, что въ той школѣ воспитываются только будущія наставницы. Но если мужескія заведенія должны имѣть разныя назначенія, то женскія могутъ имѣть только одно—готовить воспитательницъ будущихъ поколѣній.

При устройствѣ нашихъ учительскихъ институтовъ также надобно имѣть въ виду, чтобы прежде дать имъ самимъ окрѣпнуть и потомъ уже требовать отъ нихъ хорошихъ и обильныхъ плодовъ. Къ какимъ блестящимъ результатамъ можетъ привести такое *органическое* улучшеніе преподаванія и приготовленіе наставницъ— я видѣлъ въ школѣ Фрёлиха. Нѣкоторыя изъ воспитанницъ заведенія преподаютъ спеціально предметъ въ *высшей школѣ*—и преподаютъ превосходно. Я слышалъ одну такую преподавательницу географіи. Она излагала при мнѣ пластическій видъ Азіятскаго материка. Спеціалисты знаютъ, какъ труденъ этотъ предметъ для изложенія, если въ него введены риттеровскія идеи; но надобно было послушать, какъ легко справлялась эта молодая дѣвушка со всей этой трудной философско-географической терминологіей! Прозрачность слова удивительная: идея, и идея глубокая и трудная, свѣтится сквозь него во всѣхъ своихъ подробностяхъ и съ величайшею вѣрностью. Ни разу не затруднилась преподавательница въ пріисканіи слова, ни разу не сбило ее постоянное вмѣшательство дѣвицъ, которыхъ она сама же вовлекала въ бесѣду, исправляя чрезвычайно мѣтко каждое ихъ не точное выраженіе.

Другой, еще болѣе блестящій образецъ преподаванія видѣлъ я на урокѣ физики. Молодая преподавательница излагала съ химическими опытами составъ воздуха (я былъ въ началѣ семестра), опыты производились на маленькой досчечкѣ, постановленной на каѳедру и съ аппаратами весьма плохими. Не смотря на то, опыты

были произведены наставницей чрезвычайно удачно, отчетливо и быстро; но не въ опытахъ главное дѣло, а въ объясненіяхъ, и въ томъ умѣньи, съ которымъ преподавательница заставляла весь классъ участвовать въ этихъ объясненіяхъ. Пусть бы послушали эту наставницу тѣ, которые недопускаютъ, чтобы женщина могла быть хорошей преподавательницей. Я знаю одного превосходнаго русскаго преподавателя естественныхъ наукъ, какихъ мало встрѣчаю и здѣсь; но и онъ нашелъ бы что позаимствовать изъ методы преподаванія этого физика женскаго пола. Ученицы сильно привязаны къ этой своей наставницѣ и гордятся ею.

Но пора мнѣ и разстаться съ школою Фрёлиха, которая сильно заинтересовала меня, но вѣроятно успѣла уже наскучить читателю. Однако же я не могу не сказать еще нѣсколькихъ словъ о лекціяхъ самаго Фрёлиха, на которыхъ я убѣдился, до какой степени все заведеніе проникнуто поэтически-педагогическимъ духомъ своего форштегера.

Первая лекція Фрёлиха, которую я слышалъ, была педагогическая. Фрёлихъ — первоклассный преподаватель; у него уже нѣтъ какой нибудь особенной методы преподаванія; онъ творитъ свою методу безпрестанно, смотря по ходу лекціи, и каждая фраза Фрёлиха врѣзывается въ душу слушателя во всей своей полнотѣ и отчетливости. Не смотря на одушевленный, нѣсколько даже проповѣдническій тонъ лекціи, Фрёлихъ безпрестанно обращается къ слушательницамъ: одну онъ проситъ развить далѣе высказанную имъ мысль, другую показать основаніе этой мысли въ томъ, что уже передано было прежде, третьей поручаетъ найти практическое примѣненіе теоретически развитой идеи. Сначала вы можете подумать, что это не новая лекція, а повтореніе: такъ сознательно и свободно принимаютъ въ ней участіе ученицы. Тонъ съ ученицами дружески наставительный: «докажите мнѣ это Марта! объясните мнѣ это Верта! Такъ ли это Емма Никлаусъ?» Невольно припомнились мнѣ наши *госпожи*: «дважды два, сколько будетъ, госпожа Иванова?» а эту госпажу чуть видно изъ за скамейки.

Тема педагогической лекціи состояла въ томъ: какъ изъ индивидуальныхъ образовъ, воспринятыхъ душою, образуются понятія и какъ воспитаніе должно заботиться о томъ, чтобы не отвлеченныя схемы понятій, но живые образы, во всей своей яркой индивидуальности, ложились сначала въ душу дитяти; съ тѣмъ, чтобы потомъ наставница могла возводить эти образы въ понятія, а не навязы-

вать понятій дитяти. При такой отвлеченности предмета нашъ преподаватель былъ бы доволенъ, если бы въ отвѣтѣ выразилось хоть какое нибудь пониманіе дѣла: здѣсь малѣйшая неточность въ выраженіи вызываетъ строгое замѣчаніе.

На второй лекціи Фрёлихъ излагалъ переходъ отъ восточной поэзіи (изъ которой онъ очень хорошо познакомилъ дѣвицъ съ Гафизомъ) къ поэзіи житейской, и приступилъ къ Гомеру. «Отличительный характеръ греческой поэзіи — говорилъ Фрёлихъ — состоитъ въ торжествѣ здраваго разсудка и яснаго, чисто-человѣческаго чувства надъ инстинктами, глубокими, сильными, но безпощадно властвующими надъ человѣкомъ на востокѣ». Для подтвержденія этой мысли Фрёлихъ приводилъ примѣры изъ Илліады и Одиссеи, уже знакомыхъ слушательницамъ еще съ младшихъ классовъ. Особенно врѣзалось мнѣ въ память прекрасное объясненіе того мѣста изъ Одиссеи, гдѣ греческій герой самымъ простымъ, дѣтскимъ, но могучимъ способомъ защитился отъ гибельнаго пѣнія сиренъ. Сказавъ, что мораль этого вымысла и теперь имѣетъ свое полное значеніе, педагогъ прочелъ превосходную нравственную лекцію дѣвицамъ: вотъ это наставникъ и воспитатель въ одно и тоже время?

На третьей лекціи Фрёлихъ разбиралъ поэтическія произведенія дѣвицъ. Онъ принесъ съ собою кипу тетрадей и выбралъ изъ нихъ, что считалъ лучшимъ. Особенно были хороши два стихотворенія какой то Эммы. Одно изъ нихъ было написано на заданную тему — «спящее дитя»; а другое было совершенно свободное произведеніе подъ названіемъ «педанту». Первое заслужило почти безусловное одобреніе, и въ самомъ дѣлѣ было замѣчательно и по глубинѣ мысли и по поэтическому чувству; но, вытащивъ изъ кипы другое стихотвореніе «педанту», Фрёлихъ сказалъ автору: «это вы мнѣ посвятили Эмма»? Дѣвушка сконфузилась, стала увѣрять, что не имѣла намѣренія задѣть своего наставника и Фрёлихъ тотчасъ же прибавилъ, что онъ пошутилъ. Но по всему было видно, что Эмма дѣйствительно хотѣла отплатить этимъ сарказмомъ Фрёлиху за какое нибудь слишкомъ строгое замѣчаніе. Тутъ увидалъ я всю силу педагогическаго таланта Фрёлиха: съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла и съ того откровенностію, которая одна только и можетъ связывать уже взрослыхъ молодыхъ людей съ ихъ наставникомъ, изложилъ Фрёлихъ всю разницу между приторною французскою манерностію и необходимою женственностью во всѣхъ словахъ и поступкахъ женщины. Какъ

безпощадно издѣвался онъ надъ тѣми гримасами высшаго тона, изучать которыя посылаютъ иные родители своихъ дѣтей во французскіе институты.

Со школой Фрёлиха простился я въ саду, гдѣ старшія дѣвицы занимались гимнастикой, а дѣти своими грядочками. На прощанье малолѣтняя школа нарвала мнѣ огромный букетъ.

Въ Бернѣ я осмотрѣлъ еще кантональное училище и одну первоначальную школу; но скажу о нихъ при описаніи тѣхъ же заведеній въ другихъ кантонахъ; а теперь пора мнѣ изъ Берна и я завтра же отправляюсь въ учительскую семинарію, въ Мюнхенбухзее.

К. У.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ НИЗШИХЪ НОРМАЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ ВО ФРАНЦІИ.

Вопросъ о народномъ образованіи въ старой, аристократической Франціи долгое время не обращалъ на себя вниманія правительства. Революція 1789 года поставила его на очередь: декретами 1793 и 94 годовъ было предписано на каждую тысячу человѣкъ имѣть по крайней мѣрѣ одну элементарную школу съ двумя отдѣленіями: для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Но для такого огромнаго количества новыхъ училищъ необходимо было создать преподавателей: въ 1808 году, декретомъ 17-го марта, постановлено учредить въ Парижѣ нормальный пансіонъ на 300 человѣкъ для приготовленія учителей наукъ и литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (ст. 110); въ томъ же декретѣ сказано, что при каждой академіи, а также при лицеяхъ, или коллегіяхъ, должны быть открыты одинъ или нѣсколько нормальныхъ классовъ для приготовленія учителей элементарныхъ школъ: «тамъ должны излагаться лучшіе методы обученія чтенію, письму и счету». (ст. 107—108) На основаніи этого декрета открыты были первыя нормальныя школы при академіяхъ въ Страсбургѣ, Мецѣ и Нанси. Въ нихъ преподавались: законъ Божій, чтеніе и письмо, ариѳметика съ системой мѣръ и вѣсовъ, французская грамматика, черченіе, землемѣріе, начала физики, музыка и гимнастики, начала географіи и исторіи, особенно французской. Мы увидимъ, что эта программа шире, нежели современная: въ ней всѣ перечисленные нами предметы приняты были, какъ обязательные для каждаго школьнаго учителя, тогда какъ теперь министерство считаетъ большую часть ихъ излишними и потому относитъ въ число необязательныхъ предметовъ. Совсѣмъ иное видимъ мы въ Германіи, гдѣ кругъ предметовъ, введенныхъ въ учительскія семинаріи, годъ отъ году становится шире и шире:—

Курсъ ученія въ нормальной школѣ продолжается два года; послѣдніе шесть мѣсяцевъ главное вниманіе было обращаемо на усвоеніе лучшихъ методъ преподаванія посредствомъ практическихъ занятій въ классахъ, соединенныхъ съ нормальной школой. Въ эти курсы допускаемы были, въ видѣ экстерновъ, и школьные учители, чего теперь уже нѣтъ.

Декретомъ 28 іюня 1833 г. было постановлено для всякаго департамента открыть низшую нормальную школу — или отдѣльную, или общую съ какимъ нибудь сосѣднимъ департаментомъ. Вслѣдъ затѣмъ разрѣшено, кромѣ нормальныхъ школъ, открывать такъ называемыя *образцовыя школы* (les écoles modèles) въ тѣхъ департаментахъ, которые очень обширны или гдѣ есть жители разныхъ исповѣданій. Видно, что эти учрежденія дѣйствительно вытекали изъ потребностей народа: дѣло шло такъ успѣшно, что въ 1846 году мы находимъ уже 76 нормальныхъ школъ, изъ которыхъ лучшія были, судя по отчетамъ министерства, въ Дижонѣ и Руанѣ. Во многихъ департаментахъ были открыты такія же школы для учительницъ, а въ министерство Сальванди учрежденъ въ Парижѣ *практическій курсъ* для приготовленія начальницъ пріютовъ и помощницъ ихъ (Le cours pratique des salles d'asile).

Въ настоящее время *низшихъ нормальныхъ школъ* во Франціи (Les écoles normales primaires) — 89: изъ нихъ 77 — для приготовленія учителей и 12 для учительницъ; кромѣ того 15 *нормальныхъ курсовъ* (les cours normals): 3 для учителей и 12 для учительницъ. Изъ числа этихъ школъ четыре протестантскія, а именно: въ Курбевуа (деп. Сены), Дье-ле-фи (деп. Дрома), Менѣ (деп. Изера) и Монбельярѣ (деп. Дуба). Для приготовленія преподавателей въ лицеи и коллегіи существуетъ въ Парижѣ одна для всей Франціи *высшая нормальная школа* (l'École normale supérieure), при которой, сверхъ трехъ-лѣтняго курса, въ 1854 году открыто еще двухъ годичное отдѣленіе (la division supérieure de l'école normale) для докторовъ и профессоровъ факультетовъ.

При этомъ случаѣ считаю не лишнимъ упомянуть, что во Франціи есть нѣсколько частныхъ обществъ, основанныхъ съ цѣлію содѣйствовать успѣхамъ народнаго образованія и поддержать преподавателей; таковы: 1) Общество преподавателей и преподавательницъ департамента Сены, 2) Общество для первоначальнаго образованія, 3) Общество для поощренія образованія между протестантами, всѣ три въ Парижѣ; 4) Общество элементарныхъ препода-

вателей въ Дижонѣ, 5) Общество воспитанія въ Ліонѣ, 6) Общество преподавателей, преподавательницъ и начальницъ пріютовъ департаментовъ Сены и Марны въ Мелунѣ, 7) общество для взаимнаго элементарнаго обученія въ Нантѣ, и точно такія же общества въ Анжерѣ, Мецѣ и Ліонѣ *).

Уставъ низшихъ нормальныхъ школъ въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ въ настоящее время, утвержденъ 24-го марта 1851 года, въ министерство Фортуля; измѣненій послѣ того было очень не много и притомъ весьма несущественныхъ. Надобно однакожъ сказать, что министерство Руляна (Rouland), особенно въ послѣднее время, обратило вниманіе на образованіе народное, и приняло нѣсколько мѣръ, чтобы поднять его; но эти мѣры не имѣютъ прямаго отношенія къ предмету моей статьи. Главныя черты устава заключаются въ слѣдующемъ:

Всякій годъ министръ общественнаго образованія, руководствуясь мнѣніемъ *департаментскихъ совѣтовъ* (Conseils départementaux) **), опредѣляетъ число учениковъ, которые могутъ быть приняты въ каждую нормальную школу, или на свой собственный счетъ, или на счетъ департамента и общинъ, или на счетъ казны. Соображенія, которыя представляютъ департаменты, должны основываться на дѣйствительной потребности общинъ въ извѣстномъ числѣ преподавателей.

Кандидаты могутъ записываться съ 1-го по 15-е января, для чего въ канцеляріи инспектора академіи (округа) долженъ находиться списокъ. При этомъ каждый изъ нихъ обязанъ представить слѣдующіе документы: 1) актъ о рожденіи, удостовѣряющій въ томъ, что 1-го сентября текущаго года кандидатъ будетъ имѣть не менѣе 18-ти и не болѣе 22 лѣтъ; медицинское свидѣтельство объ оспѣ и

---

*) См. Annuaire de l'instruction publique pour l'année 1862, par J. Delalain Paris. 1862.

**) Онъ состоитъ: изъ префекта, который въ немъ предсѣдателемъ; изъ инспектора академіи; инспектора первоначальнаго образованія, назначаемаго министромъ, духовнаго лица по указанію епископа; протестантскаго священника и депутата отъ еврейской консисторіи, по назначенію министра, прокурора; члена апелляціоннаго суда или, за неимѣніемъ такого суда, трибунала первой инстанціи; четырехъ членовъ, назначаемыхъ министромъ, такъ чтобы по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ принадлежали къ генеральному совѣту (le conseil général). Большая часть лицъ въ департаментскомъ совѣтѣ были сначала назначаемы по выбору; но въ послѣдствіи назначеніе ихъ стало зависѣть отъ министра.

о томъ, что онъ не подверженъ никакой болѣзни и никакимъ органическимъ недостаткамъ, которые могли бы сдѣлать его неспособнымъ къ преподаванію; 3) обязательство прослужить публичнымъ преподавателемъ не менѣе 10 лѣтъ; если же кандидатъ—несовершеннолѣтній, то онъ обязанъ представить законное дозволеніе отца или опекуна на заключеніе такого обязательства, 4) подписанную имъ записку, въ которой должно быть обозначено мѣсто или мѣста̀, гдѣ онъ жилъ, начиная съ 15 лѣтъ; 5) свидѣтельство о нравственности, выданное какъ начальниками школъ, въ которыхъ онъ былъ ученикомъ или помощникомъ учителя, такъ равно и каждою изъ мѣстныхъ властей, назначаемыхъ для наблюденія надъ преподаваніемъ и направленіемъ его (такими властями признаны мэръ, священники, и одинъ или нѣсколько депутатовъ отъ общины по назначенію департаментскаго совѣта). Затѣмъ инспекторъ академіи и инспекторы первоначальнаго образованія должны собрать свѣденія о поведеніи и предыдущей жизни кандидатовъ. На основаніи всѣхъ этихъ документовъ и собранныхъ такимъ образомъ свѣденій, *коммисія для надзора надъ нормальными школами* (la commission de surveillance des écoles normales) составляетъ съ 1-го по 15-е августа списокъ кандидатовъ съ отмѣтками о ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ. Этотъ списокъ, вмѣстѣ съ прочими актами и прошеніями самихъ кандидатовъ, служитъ основаніемъ пріема, который окончательно рѣшаетъ префектъ въ департаментскомъ совѣтѣ.

Изъ всего этого мы видимъ, что уставъ, для принятія въ нормальную школу, не требуетъ ни приготовленія, ни какихъ бы то ни было педагогическихъ способностей: стоило только представить свидѣтельство о своемъ благонравіи,—и кандидатъ принятъ, хотя бы онъ не умѣлъ даже читать и писать. Опытъ однакожъ показалъ, что такой взглядъ, при всей его благонамѣренности, ведетъ къ большимъ неудобствамъ: въ школы стали являться кандидаты, которые, едва владѣя самыми первыми началами образованія, не могли съ успѣхомъ слушать предлагаемые курсы. Тогда циркуляромъ 2-го февраля 1855 года предписано было инспекторамъ академій подвергать кандидатовъ испытанію, которое они должны были произвести или сами, или чрезъ инспекторовъ первоначальнаго ебразованія. Требованія отъ кандидатовъ заключаются въ слѣдующемъ: они должны бѣгло читать и писать, соблюдать главныя правила правописанія, знать практически четыре правила ариѳметики и

умѣть отвѣчать на вопросы изъ катехизиса и священной исторіи. Сравнительно съ этой программой требованія нѣмецкихъ семинарій гораздо обширнѣе и раціональнѣе: кромѣ общихъ свѣдѣній въ исторіи, географіи и естественныхъ наукахъ, кромѣ знанія основныхъ правилъ музыки и умѣнья пѣть и исполнять легкія піэсы на скрипкѣ, фортепьяно и органѣ, каждый кандидатъ, для поступленія въ семинарію, долженъ умѣть разсказать то, что онъ прочиталъ, правильно излагать свои мысли на бумагѣ, дѣлать грамматическій разборъ и знать на память извѣстное число стихотвореній, басенъ, пословицъ и прозаическихъ отрывковъ, особенно изъ отечественной исторіи. (Preuss. Regulativ vom 2 october 1854).

Преподаваніе въ низшихъ нормальныхъ школахъ во Франціи обнимаетъ собой: нравственное и религіозное ученіе, чтеніе и письмо, основныя начала французскаго языка, счетъ и принятую систему мѣръ и вѣсовъ, наконецъ церковное пѣніе. Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, воспитанникамъ позволено слушать, если они пожелаютъ: ариѳметику въ ея примѣненіи къ практическимъ задачамъ; начала исторіи и географіи, общеполезныя свѣдѣнія изъ области физики и естественной исторіи, элементарныя понятія о земледѣліи, промышленности и гигіенѣ, землемѣріе и нивеллированіе; наконецъ имъ позволено заниматься, но не какъ обязательными предметами, черченіемъ и гимнастикой *). Изъ этихъ предметовъ министерство, въ послѣдствіи времени, обратило особенное вниманіе на практическое знакомство съ земледѣліемъ, и циркуляромъ 18-го апрѣля 1855 г. поручило ректорамъ ввести его во всѣ нормальныя школы, обезпечивъ имъ, для этой цѣли, достаточное количество земли. Это дѣленіе предметовъ на обязательные и необязательные соотвѣтствуетъ такому же точно дѣленію ихъ въ первоначальномъ преподаваніи (Законъ 15-го марта 1850 г. ст. 23). Въ нѣмецкихъ народныхъ училищахъ нѣтъ такого раздѣленія. Замѣчательно, что здѣсь совсѣмъ не введена педагогія; тоже самое мы видимъ и въ высшей нормальной школѣ, тогда какъ въ Германіи она считается однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ (Schulkunde. Regulativ vom 1 oct. 1854).

Курсъ въ нормальной школѣ продолжается три года. Послѣ двухъ-лѣтнихъ занятій, департаментскій совѣтъ опредѣляетъ, кто изъ воспитанниковъ можетъ слушать курсы всѣхъ или нѣкоторыхъ

*) Смотри въ концѣ приложеніе, — программа преподаванія и число уроковъ.

необязательныхъ предметовъ; основаніемъ этого рѣшенія служитъ докладъ, представляемый совѣту коммиссіей для надзора надъ нормальными школами. Для практическихъ занятій, при которыхъ кандидаты могутъ знакомиться съ методами преподаванія, существуютъ при нормальныхъ школахъ элементарныя училища въ вѣденіи особаго преподавателя.

Всякій годъ *академическій совѣтъ* назначаетъ книги, которыя могутъ быть выдаваемы воспитанникамъ: онѣ выбираются непремѣнно изъ тѣхъ, которыя одобрены *высшимъ совѣтомъ общественнаго образованія* (Le conseil supérieur de l'instruction publique). Это послѣднее правило доведено до крайняго предѣла: не только въ низшихъ нормальныхъ школахъ, но даже и въ высшей (l'École normale supérieure), гдѣ молодые люди отъ 18 до 25 лѣтъ готовятся въ профессоры лицеевъ и коллегій, запрещено чтеніе газетъ и журналовъ, исключая Le moniteur; воспитанникамъ не позволено брать книги ни откуда, кромѣ ихъ библіотеки, о которой сказано выше; директоры должны отъ времени до времени осматривать сами или поручать наставникамъ-наблюдателямъ смотрѣть, нѣтъ ли у кого непозволительныхъ книгъ *). Очень естественно, что подобныя мѣры ведутъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ, какихъ правительство никакъ не предполагаетъ: онѣ раздражаютъ до крайности любопытство молодыхъ людей и заставляютъ смотрѣть на каждый запрещенный листокъ, какъ на что то въ высшей степени важное и несомнѣнное. Нужно путемъ убѣжденія развить въ нихъ чувство законности и правды, а никакъ не путемъ обысковъ и запрещеній.

Регламенты строго опредѣляютъ порядокъ занятій и обращенія съ учениками нормальныхъ школъ, которые не могутъ быть экстернами на томъ основаніи, что разсѣянная и независимая жизнь внѣ школы стала бы вредно дѣйствовать на ихъ направленіе: эта мысль при существующемъ порядкѣ, также ошибочна, потому что лишеніе всякой возможности выбора и самостоятельнаго дѣйствія, не образуя волю, ведетъ къ слабости характера и при первомъ вступленіи въ жизнь можетъ обнаружиться рядомъ порывовъ и увлеченій. День въ школѣ начинается и оканчивается молитвой; послѣ молитвы утромъ и вечеромъ бываетъ какое нибудь назидательное чтеніе **).

*) Фортуль. 15 сент. 1852 г.

**) Встаютъ въ пять часовъ утра, ложаться въ 9 вечера.

По воскресеньямъ и по праздникамъ директоръ, вмѣстѣ съ наставниками-адъюнктами (les maîtres-adjoints), ведетъ воспитанниковъ въ церковь; точно также водятъ ихъ и гулять. Всякій отпускъ въ городъ, кромѣ какихъ нибудь особенныхъ случаевъ, которыхъ исключительную важность долженъ оцѣнить директоръ, строго запрещенъ въ продолженіи учебнаго года. Вакація сначала продолжалась неболѣе 15 дней; но теперь разрѣшено, чтобы она была не менѣе мѣсяца; кромѣ того въ большой части нормальныхъ школъ отпускаютъ на пасху на 8 дней, начиная съ понедѣльника пасхи и оканчивая понедѣльникомъ слѣдующей недѣли. Каждый годъ, когда позволяютъ служебныя обязанности, ректоръ можетъ дать директору и живущимъ въ школѣ наставникамъ-адъюнктамъ отпускъ не долѣе однако же мѣсяца; эти отпуски не могутъ быть разрѣшены многимъ наставникамъ вдругъ.

Воспитанники сами должны заботиться о чистотѣ внутри школы.

Наказанія, которымъ они подвергаются, смотря по важности проступковъ, могутъ быть слѣдующія: арестъ, выговоръ, исключеніе. Арестъ назначается директоромъ; выговоръ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть назначенъ директоромъ, коммиссіей для надзора или префектомъ. Исключить имѣетъ право префектъ, по предложенію директора и коммиссіи для надзора; въ подобныхъ случаяхъ немедленно увѣдомляютъ министра. Но въ случаѣ важной вины, директоръ собственной властію можетъ временно удалить воспитанника. Чтобы показать крайнюю строгость дисциплины, основанной на полномъ недовѣріи къ добрымъ намѣреніямъ и къ зрѣлости мысли, я приведу нѣсколько правилъ изъ регламента высшей нормальной школы: во время занятій глубокое молчаніе должно быть въ комнатахъ для занятій; каждый разъ, когда двое или болѣе воспитанниковъ захотятъ сойтись, чтобы поговорить между собою въ интересѣ своихъ работъ, они должны испросить на то разрѣшеніе директора, который назначитъ имъ мѣсто и время. Въ часы, назначенные регламентомъ для учебныхъ занятій, они не имѣютъ права заниматься чѣмъ нибудь постороннимъ и не могутъ выйти изъ залы или войти въ залу другаго отдѣленія безъ разрѣшенія наставника-наблюдателя. Идя въ факультеты на лекціи и возвращаясь оттуда, они должны никакъ не отставать другъ отъ друга и притомъ слѣдовать той дорогой, которую назначитъ директоръ. Обѣдаютъ за общимъ столомъ съ учителями; всѣ движенія при этомъ должны происходить въ порядкѣ и молчаніи. Когда они въ свобод-

ное время идутъ во дворъ или въ садъ, то ни одинъ уже не можетъ остаться въ залѣ, безъ особаго на то разрѣшенія директора. Никто, кромѣ родителей и лицъ, извѣстныхъ начальству, не можетъ посѣщать воспитанниковъ, не испросивъ письменнаго разрѣшенія у директора. Такія посѣщенія имѣютъ мѣсто въ назначенной для этого залѣ въ свободные часы послѣ обѣда; регламентъ поручаетъ эти свиданія общему надзору начальства школы. (Règlement sur le régime intérieur et la discipline de l'École normale supérieure. 15 сентября 1852 г.). По этимъ извлеченіямъ можно судить о внутреннемъ устройствѣ нормальныхъ школъ и педагогическихъ пріемахъ воспитателей.

Воспитанники нормальныхъ школъ или содержатся на свой собственный счетъ, или получаютъ стипендіи; стипендіи могутъ быть полныя или неполныя; размѣръ ихъ и самое право на стипендіи назначаются префектомъ въ департаментскомъ совѣтѣ. Тѣ, которые получаютъ не полную стипендію, должны доплачивать сами за свое содержаніе. Стипендіаты департаментовъ, сверхъ прочихъ условій, принимаютъ на себя обязательство прослужить 10 лѣтъ въ томъ департаментѣ, который платитъ за нихъ; впрочемъ префектъ, основываясь на мнѣніи департаментскаго совѣта, можетъ уволить ихъ отъ этой обязательной службы или вполнѣ, или по истеченіи извѣстнаго срока. Стипендіаты, которые добровольно оставляютъ школу прежде окончанія курса или не желаютъ служить десятилѣтній срокъ, должны заплатить за свое содержаніе. Но они могутъ быть уволены отъ этой платы министромъ, по представленію департаментскаго совѣта.

Управленіе нормальной школой поручается *директору*, котораго опредѣляетъ министръ, по представленію ректора академіи. Онъ обязанъ принять на себя главную часть преподаванія. Въ помощь ему опредѣляются министромъ, также по представленію ректора, *наставники-адъюнкты* (les maîtres-adjoints), которые раздѣляютъ обязанности директора по преподаванію и надзору *); они живутъ въ самомъ заведеніи; только учитель пѣнія и преподаватель практическихъ уроковъ земледѣлія могутъ жить внѣ училища. Учитель пѣнія опредѣляется ректоромъ по предложенію директора. Наставниковъ-адъюнктовъ, кромѣ священника и учителей пѣнія и земле-

---

*) Циркуляръ 24-го апрѣля 1851 г. прибавляетъ, что они должны помогать директору во всѣхъ подробностяхъ администраціи.

дѣлія, сначала положено было имѣть при каждой школѣ не болѣе двухъ, но въ недавнее время (декретомъ 9 августа 1861 г.) прибавленъ еще третій *). Преподаваніе закона Божія поручается священникамъ тѣхъ исповѣданій, къ которымъ принадлежатъ воспитанники, предполагая, что это—исповѣданія, признанныя государствомъ.

Надзоръ надъ нормальной школой ввѣряется коммиссіи изъ пяти членовъ, назначаемыхъ ректоромъ на три года, по предложенію департаментскаго совѣта; президентъ коммиссіи также назначается ректоромъ. Директоръ присутствуетъ въ засѣданіяхъ съ правомъ голоса, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда вопросъ будетъ касаться его управленія. На обязанности этой коммиссіи лежитъ: приготовлять списки кандидатовъ, желающихъ поступить въ нормальную школу, съ аттестаціей ихъ умственной и нравственной годности; составлять особенный регламентъ для каждой школы, который утверждается ректоромъ въ академическомъ совѣтѣ; въ концѣ каждаго года назначать, кто изъ воспитанниковъ можетъ быть переведенъ въ слѣдующій курсъ; тѣ, которые не могутъ перейти, должны оставить школу; но, въ случаѣ продолжительной болѣзни или законнаго отпуска, коммиссія можетъ позволить, чтобы воспитанникъ снова слушалъ тотъ же курсъ, въ которомъ онъ уже былъ; наконецъ она приготовляетъ ежегодно бюджетъ, ревизуетъ представленные дирекціей счеты, и свои замѣчанія по этому поводу вноситъ въ особый докладъ.

Въ каждой нормальной школѣ должна быть вѣдомость, въ которую директоръ, вмѣстѣ съ наставниками-адъюнктами, вноситъ, по третямъ года, свои замѣчанія относительно занятій и поведенія воспитанниковъ. Изъ этихъ аттестацій, въ концѣ полнаго курса, составляется для каждаго общій выводъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) религіозныя обязанности, 2) поведеніе, 3) характеръ, 4) способности и 5) успѣхи. Эти выводы передаются въ распоряженіе департаментскаго совѣта и на основаніи ихъ составляется списокъ лицъ, которыя могутъ быть допущены къ экзамену на учительское званіе (la liste d'admissibilité).

Члены коммиссіи, по крайней мѣрѣ разъ въ три мѣсяца, должны посѣтить школу: они просматриваютъ вѣдомости, въ которыхъ ди-

*) Впрочемъ въ тѣхъ только училищахъ, гдѣ это признано будетъ вполнѣ необходимымъ.

ректоръ вноситъ отмѣтки о поведеніи, характерѣ и занятіяхъ каждаго воспитанника, ревизуютъ классы и спрашиваютъ учениковъ. Въ іюлѣ коммиссія представляетъ ректору академіи докладъ о положеніи и личномъ составѣ школы, а тотъ сообщаетъ его министру. Въ тоже время она получаетъ отъ директора рапортъ обо всемъ, что касается воспитанниковъ и дисциплины, и этотъ рапортъ съ своими замѣчаніями передаетъ префекту; префектъ же съ своей стороны сообщаетъ его въ генеральный совѣтъ, а копію съ него представляетъ министру, прилагая и свои замѣчанія.

Такая сложная система контроля, соединенная съ крайней централизаціей, легко подаетъ поводъ къ тому, чтобы замѣнять сущность дѣла исправными вѣдомостями и красиво-написанными отчетами.

По окончаніи трехлѣтняго курса, воспитанники низшей нормальной школы, по рѣшенію департаментскаго совѣта, допускаются къ экзамену для полученія свидѣтельства на званіе учителя (brevet de capacité). Ихъ экзаменуетъ коммиссія изъ семи членовъ, назначаемая департаментскимъ совѣтомъ; въ числѣ этихъ членовъ должны быть: окружный инспекторъ элементарныхъ училищъ, священникъ того исповѣданія, къ которому принадлежатъ кандидаты, и два члена общественнаго или частнаго обученія. Они выбираютъ изъ среды своей президента. Экзаменъ производится публично; но для учительницъ публикой, которая можетъ быть допущена, считаются только матери, родственницы, попечительницы и т. п. лица. Къ экзамену допускаются не одни воспитанники школъ, но и лица домашняго приготовленія. Регламенты строго опредѣляютъ самый процессъ экзамена со всѣми его подробностями. (Réglement pour l'examen. 15 февраля 1853 г.).

По открытіи засѣданія президентъ коммиссіи называетъ по имени написанныхъ въ спискѣ кандидатовъ; по этому вызову они подходятъ одинъ за другимъ, и каждый пишетъ свое имя, для того чтобы коммиссія, сличая почеркъ съ подписью, заранѣе представленною каждымъ и утвержденною свидѣтельствомъ мэра, могла удостовѣриться въ подлинности лица.

Экзаменъ раздѣляется на изустный и письменный.

Для письменныхъ экзаменовъ кандидаты или собираются всѣ вмѣстѣ, или, если это нужно, распредѣляются по отдѣленіямъ, подъ наблюденіемъ одного или нѣсколькихъ членовъ коммиссіи, назначенныхъ президентомъ. Всякое сообщеніе между кандидатами во

время экзаменовъ строго запрещено, и нарушеніе этого условія ведетъ за собой исключеніе. Письменныхъ экзаменовъ четыре: 1) нужно написать страницу прописи различными шрифтами и разными почерками крупными и мелкими; 2) написать страницу подъ диктовку, чтобы показать знаніе орѳографіи; дается пять минутъ для того, чтобы поправить ошибки; 3) написать разсказъ изъ священной исторіи или какое нибудь письмо педагогическаго содержанія; 4) ариѳметическое дѣйствіе на одно изъ четырехъ правилъ. Для каждаго отвѣта дается $^3/_4$ часа.

Если коммисія признаетъ письменный экзаменъ удовлетворительнымъ, то допускаетъ кандидатовъ къ изустному, распредѣляя ихъ по степени знаній, которыя они показали. Ихъ вызываютъ къ столу каждаго отдѣльно или по нѣскольку человѣкъ, но наблюдая тотъ порядокъ, въ которомъ они поставлены въ спискѣ по успѣхамъ ихъ; одинъ изъ членовъ коммиссіи, по назначенію президента, предлагаетъ имъ вопросы. Изустный экзаменъ долженъ происходить въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) чтеніе по французски печатнаго и писаннаго текста, и по латинѣ чтеніе псалтыря или молитвенника; 2) вопросы изъ катехизиса и священной исторіи ветхаго и новаго завѣта; 3) грамматическій разборъ какой нибудь фразы на доскѣ; 4) вопросы о счисленіи и примѣненіяхъ системы мѣръ и вѣсовъ. На каждый предметъ дается четверть часа.

Оцѣнка свѣденій выражается цифрами отъ 0 до 10: 10—9 отлично, 8—7 хорошо, 6—5 достаточно, 4—3 средственно, 2—1 худо, 0 ничего не знаетъ. Minimum въ общемъ выводѣ для 8 экзаменовъ изустныхъ и письменныхъ полагается 40 балловъ. Ноль въ какомъ бы то ни было предметѣ лишаетъ права продолжать экзаменъ. Такимъ образомъ кандидатъ можетъ получить по какому нибудь предмету 1 или 2 и это не помѣшаетъ ему сдѣлаться учителемъ, только бы другіе экзамены были счастливѣе.

Коммиссіи поставляется на видъ требовать отъ будущихъ наставниковъ не только извѣстныхъ свѣденій, но еще болѣе умѣнья передавать то, что они пріобрѣли. Вопросы о методахъ преподаванія не составляютъ отдѣльнаго экзамена, но естественнымъ образомъ касаются каждаго предмета и могутъ быть связаны съ каждымъ экзаменомъ.

Считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь нѣсколько подробностей, которыя характеризуютъ взглядъ на воспитаніе и степень развитія педагогическихъ идей во Франціи. Онѣ извлечены мною изъ цир-

кулярa, даннаго ректоромъ въ поясненіе регламента относительно экзаменовъ.

Въ чистописаніи кандидаты должны показать не одно механическое искусство, но и основательное знаніе правилъ преподаванія; надобно помнить, что имъ предстоитъ образовать не профессоровъ каллиграфіи, а людей, которые были бы въ состояніи писать бѣгло, чисто и четко.

Изъ орѳографіи кандидатъ не долженъ сдѣлать на страницѣ болѣе четырехъ ошибокъ: пропускъ ударенія считается за половину,—соединительной черты за четверть ошибки; ошибки въ знакахъ препинанія, смотря по важности и по числу ихъ, принимаются въ сложности за одну или за двѣ; ошибки, въ слѣдствіе которыхъ является безсмыслица, лишаютъ права продолжать экзаменъ.

Сочиненіе даетъ возможность оцѣнить степень порядка въ идеяхъ и умѣнье ясно выразить мысль. Дальше этого не должны простираться требованія. Довольно, если кандидатъ обнаруживаетъ умъ и здравый смыслъ. Поэтому нужно избѣгать одинаково и такихъ предметовъ сочиненія, которые вызываютъ общія мѣста, и такихъ, которые увлекаютъ кандидата за предѣлы необходимыхъ для него свѣденій. Что же касается до письменныхъ разсказовъ изъ священной исторіи, то надобно избѣгать такихъ, которые заключали бы въ себѣ слишкомъ много фактовъ и потому давали бы работу только памяти.

Изъ ариѳметики кандидаты должны не только рѣшать задачи, по возможности примѣнимыя къ потребностямъ жизни, но и объяснять самые способы рѣшенія. Здѣсь важно обращать вниманіе будущихъ наставниковъ на то, чтобы задачи, которыя они будутъ предлагать своимъ ученикамъ, были какъ можно проще и практичнѣе.

Всѣ эти замѣчанія касались экзаменовъ письменныхъ. При испытаніяхъ изустныхъ — чтеніе должно показать, что кандидатъ не только читаетъ и произноситъ правильно, но и умѣетъ понимать то, что онъ читаетъ. Съ этимъ экзаменомъ умѣстно связать вопросы о лучшихъ методахъ обученія чтенію.

Изъ катехизиса и священной исторіи кандидатъ долженъ показать, что онъ усвоилъ себѣ не только букву, но и самый духъ христіанскаго ученія; впрочемъ вопросы не должны выходить изъ круга понятій, доступныхъ элементарному учителю. Въ отношеніи священной исторіи нужно помнить, что исторія религіи не останавливается на смерти Спасителя, а потому всякій кандидатъ долженъ

имѣть достаточныя свѣденія въ дальнѣйшихъ судьбахъ христіанства и его развитіи.

При грамматическомъ разборѣ коммиссія имѣетъ въ виду только одно — убѣдиться, что кандидаты знаютъ правила грамматики. Ученикамъ элементарныхъ школъ нужно узнать свой языкъ, а не грамматическія тонкости, которыя, усложняя преподаваніе, сдѣлали бы его мало привлекательнымъ и стало быть труднымъ для пониманія. Будущіе наставники главнымъ образомъ должны показать, что они отдаютъ себѣ отчетъ въ употребленіи словъ, въ ихъ смыслѣ, въ различныхъ оттѣнкахъ его, и что, умѣя разумнымъ образомъ преподавать грамматику, они тѣмъ самымъ съумѣютъ удержаться въ должныхъ границахъ.

При изустномъ экзаменѣ изъ ариѳметики должно руководствоваться тѣми же началами, какъ и при письменномъ. Въ него входитъ примѣненіе четырехъ правилъ къ задачамъ на цѣлыя числа и простыя дроби *). Когда экзаменъ изъ всѣхъ этихъ предметовъ конченъ, то кандидаты, которые заранѣе изъявили желаніе подвергнуться испытанію изъ необязательныхъ предметовъ, переходятъ къ этому послѣднему; сюда допускаются и тѣ, которые уже прежде получили дипломъ на званіе учителя обязательныхъ предметовъ. Но между ними постановлено такое различіе: тѣ, которые являются къ экзамену въ первый разъ, пользуются правомъ держать его только изъ тѣхъ предметовъ, какіе они сами назначатъ; между тѣмъ наставники, уже прежде получившіе свидѣтельство на преподаваніе обязательныхъ предметовъ, должны подвергнуться экзамену по всѣмъ дополнительнымъ предметамъ; коммиссія имѣетъ даже право повѣрить ихъ прежній экзаменъ.

Затѣмъ формальная сторона экзаменовъ остается таже, что и прежде, только инструкція ректорамъ предписываетъ въ этихъ экзаменахъ соблюдать особенную строгость, которая дала бы возможность удостовѣриться въ томъ, что кандидаты дѣйствительно владѣютъ всѣми свѣденіями, необходимыми для преподаванія необязательныхъ предметовъ.

По окончаніи экзаменовъ составляется протоколъ засѣданій, заключающій въ себѣ списокъ всѣхъ кандидатовъ, которые признаны достойными получить свидѣтельство на званіе учителя; имена ихъ располагаются по степени знаній. Этотъ протоколъ, подписанный

*) Циркуляръ ректорамъ 8-го мая 1855 г.

президентомъ и секретаремъ коммиссіи, представляется ректору академіи, который выдаетъ уже самые дипломы. Дипломъ можетъ быть двухъ родовъ: или въ немъ поставлены одни обязательные предметы, или къ этимъ послѣднимъ прибавлены тѣ изъ необязательныхъ, въ которыхъ кандидатъ выдержалъ свой экзаменъ.

Правила этого регламента вполнѣ примѣняются и къ экзаменамъ на званіе учительницъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ вводятся два новыя условія: 1) между письменнымъ и изустнымъ экзаменомъ, кандидатки, подъ наблюденіемъ одной или нѣсколькихъ дамъ, назначенныхъ для этой цѣли ректоромъ, должны приготовить нѣсколько женскихъ работъ (travaux à l'aiguille), между которыми первое мѣсто занимаетъ шитье. Этотъ специальный экзаменъ преподавательницъ имѣетъ цѣлію убѣдиться не только въ томъ, что онѣ сами умѣютъ работать, но что онѣ въ состояніи научить другихъ всѣмъ работамъ, свойственнымъ ихъ полу. Тѣ, которыя не окажутъ достаточныхъ свѣденій въ этомъ отношеніи, должны отложить свой экзаменъ до другаго полугодія. Второе условіе заключается въ томъ, что когда кандидатки являются для экзамена изъ необязательныхъ предметовъ, то испытаніе должно исключительно касаться тѣхъ наукъ и искусствъ, которыхъ, по мнѣнію регламента, требуетъ воспитаніе женщины. Такими предметами признаются: законъ Божій, ариѳметика, исторія и географія, особенно исторія Франціи, основныя начала физики и естественной исторіи, свѣденія въ литературѣ, черченіе и музыка. (Циркуляръ ректорамъ 26-го января 1854 года).

Я бы хотѣлъ еще сказать нѣсколько словъ о той іерархіи, которая существуетъ во Франціи относительно преподавателей народныхъ школъ. Низшее мѣсто между ними занимаютъ наставники-адъюнкты (les instituteurs-adjoints), которые приглашаются въ помощь учителю въ очень многолюдныхъ школахъ, тамъ, гдѣ найдетъ это нужнымъ департаментскій совѣтъ; они опредѣляются и увольняются наставникомъ школы, съ согласія однакоже префекта; имъ должно быть не менѣе 18 лѣтъ. Затѣмъ слѣдовали сверхъ-штатные наставники, которые съ 1-го января 1861 года уничтожены *), наконецъ общинные наставники (les instituteurs communaux), которые, имѣя свидѣтельство на званіе учителя, завѣдуютъ общинными школами. Minimum ихъ жалованья 600 франковъ; черезъ 5 лѣтъ службы они

*) Les instituteurs suppléants.

должны получать не менѣе 700 фран., черезъ 10 не менѣе 800 и чрезъ 15 не менѣе 900 фран. (Декретъ 19-го апрѣля 1862 г.) Лица духовныя для управленія училищемъ точно также должны имѣть свидѣтельство на званіе учителя; но преподавательницы пользуются правомъ завѣдывать школой и обучать въ ней, не имѣя диплома, какъ скоро онѣ принадлежатъ къ духовнымъ общинамъ, или орденамъ, посвятившимъ себя преподаванію и признаннымъ правительствомъ. Такимъ образомъ ничто не ручается ни за ихъ знанія, ни за ихъ педагогическія способности. Это обстоятельство въ послѣднее время подало поводъ къ протестамъ; но вопросъ, возбуждаемый въ министерствѣ этими протестами, еще не рѣшенъ.

Таковы въ главныхъ чертахъ основанія этихъ учрежденій, которыя по своему огромному вліянію на судьбу народа должны занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми другими. Правительство очень внимательно къ нимъ и это вниманіе выражается длиннымъ рядомъ регламентовъ, декретовъ и циркуляровъ; но во всѣхъ въ нихъ мы видимъ чрезвычайное преобладаніе бюрократическихъ тенденцій, излишняго, стѣснительнаго контроля, рутины и формализма: все это, при недостаточномъ развитіи педагогическихъ началъ, дѣлаетъ положеніе нормальныхъ школъ весьма неудовлетворительнымъ. Имъ не вмѣняется въ обязанность развить нравственныя силы молодыхъ педагоговъ и вызывать ихъ къ самостоятельной дѣятельности; ихъ не знакомятъ съ природой, бытомъ и потребностями страны, съ ея исторической жизнію и современнымъ общественнымъ устройствомъ: весьма немногое изъ всего этого входитъ въ кругъ необходимыхъ предметовъ; все остальное считается излишнею роскошью для сельскаго учителя, который однакоже, по выраженію Фортуля, «призванъ поддержать въ народѣ не только разумныя начала воспитанія, но и чувство преданности къ современнымъ учрежденіямъ Франціи и вѣрности къ особѣ императора.» Различнаго рода циркуляры инспекторамъ, префектамъ и ректорамъ выражаютъ постоянно опасеніе, что уровень образованія народныхъ учителей (и стало быть народныхъ школъ) уже слишкомъ высокъ, что дисциплинарныя правила нормальныхъ школъ не довольно строги и что содержаніе въ нихъ, также опредѣленное регламентомъ во всѣхъ его подробностяхъ, слишкомъ роскошно для будущаго сельскаго учителя.

Такое состояніе нормальныхъ школъ естественнымъ образомъ отражается на положеніи элементарныхъ училищъ и народнаго об-

разованія. Извѣстно, что грамотность во Франціи не считается обязательной для каждаго; тѣмъ не менѣе законъ 15 марта 1850 г. предписываетъ каждой общинѣ имѣть по крайней мѣрѣ школу для мальчиковъ; а если въ общинѣ этой 800 душъ или болѣе, то такую же школу и для дѣвочекъ. Казалось бы, такого числа школъ совершенно достаточно, чтобы сдѣлать все населеніе Франціи грамотнымъ и дать ему хотя первыя начала образованія; но къ сожалѣнію на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное. «Не смотря на постоянныя усилія высшаго правительства», говоритъ Фортуль, обращаясь къ префектамъ *), «число дѣтей, которыя остаются чуждыми всякаго образованія, поистинѣ поразительно. Школы должны бы заключать въ себѣ десятую часть населенія; между тѣмъ есть департаменты, въ которыхъ учащіеся едва составляютъ двадцатую, тридцатую и даже сороковую часть всего числа жителей. Мало этого: изъ числа дѣтей, записанныхъ въ классныхъ журналахъ, многія не ходятъ въ школу пять или шесть мѣсяцевъ сряду. Такія дѣти, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ посѣщенія классовъ, чисто номинальнаго, являются почти совершенно лишенными всякаго воспитанія умственнаго и религіознаго. Поглощенныя единственно трудами матеріальной жизни, они растутъ внѣ нравственныхъ идей, которыя передаетъ отъ одного поколѣнія къ другому жизнь образованнаго народа. Достигнии возраста зрѣлаго, они теряютъ и самый слѣдъ тѣхъ познаній, которыя не были усвоены ни умомъ, ни сердцемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Программа преподаванія въ нормальныхъ школахъ утвержденная 31-го іюня 1851 года. Въ ней опредѣлены подробности преподаванія каждаго предмета, и назначено число учебныхъ часовъ.

I. Чтеніе.

Чтеніе должно быть трехъ родовъ: чтеніе механическое, декламація (la lecture accentuée) и чтеніе, соединяемое съ объясненіемъ (raisonnée).

Чтеніе механическое имѣетъ цѣлію выговоръ слоговъ и произношеніе словъ. Надобно чаще упражнять учениковъ въ выговорѣ слоговъ, чтобы пріучить ихъ къ правописанію; въ произношеніи

*) Циркуляръ 31-го октября 1854 г.

нужно заботиться о томъ, чтобы сдѣлать его легкимъ и чистымъ. Излагая различные пріемы или методы обученія чтенія, должно показать достоинства и недостатки ихъ.

Въ декламаціи, также какъ и въ предыдущемъ упражненіи, нужно обратить вниманіе на мѣстный, провинціальный выговоръ и стараться исправить его; пріучать учениковъ проникаться тѣмъ, что они читаютъ, отличать части предложеній и періодовъ, обозначать остановки, и различными оттѣнками въ голосѣ выражать идеи и чувства, которыя хотѣлъ выразить авторъ, избѣгая однакожъ излишней восторженности и однообразія и сохраняя простой и естественный тонъ.

Когда отрывокъ будетъ прочитанъ, ученики должны будутъ пересказать его содержаніе или написать на бумагѣ.

На чтеніе назначается шесть уроковъ въ недѣлю въ первыхъ двухъ классахъ и два урока въ третьемъ, старшемъ классѣ — каждый урокъ по часу.

Книги для чтенія должны быть исключительно слѣдующія:

1. Басни Фенелона.
2. Избранныя басни Лафонтена.
3. Нравы евреевъ и христіанъ, Флёри.
4. Исторія религіи и исторія церкви Ломонда.
5. Первая часть соч. Боссюэта о всемірной исторіи.
6. Собраніе статей, извлеченныхъ изъ лучшихъ писателей.
7. Рукописи-автографы, одобренные начальствомъ.

II. Чтеніе наизусть.

Ученики должны учить наизусть избранные изъ этихъ писателей отрывки. Три урока въ недѣлю, въ продолженіе всѣхъ трехъ лѣтъ, будутъ посвящены чтенію этихъ отрывковъ. Воспитанники должны твердо знать ихъ и произносить безъ замедленія, тономъ простымъ и естественнымъ.

III. Письмо.

Письмо должно быть пяти родовъ (gothique, ronde, bâtarde, coulée et cursive); но главное вниманіе нужно обратить на курсивное письмо, какъ на самое общеупотребительное. Оно должно быть всегда чистымъ и легкимъ для чтенія.

Въ прописяхъ будутъ заключаться религіозныя и нравственныя правила, замѣчательныя черты изъ исторіи Франціи и научныя свѣденія, полезныя для преподавателей и для учениковъ.

Ученики будутъ упражняться въ составленіи различнаго рода вѣдомостей, счетовъ, расходныхъ книгъ и т. п.

Во всѣхъ тетрадяхъ, къ чему бы онѣ ни относились, воспитанники въ равной мѣрѣ должны заботиться о чистотѣ и почеркѣ.

На письмо полагается по пяти уроковъ въ недѣлю въ двухъ низшихъ классахъ и по два урока въ старшемъ.

Прописи — Верде, Топье и Текле.

IV. Французскій языкъ.

Руководительной книгой назначается грамматика Ломонда.

Преподаваніе, по возможности простое, болѣе практическое, нежели теоретическое, должно состоять болѣе въ примѣрахъ и упражненіяхъ, нежели въ правилахъ и опредѣленіяхъ. Надобно избѣгать всякихъ грамматическихъ тонкостей и философіи языка.

Въ первый годъ занятія будутъ состоять въ грамматическомъ анализѣ и особенно въ диктовкахъ, имѣющихъ цѣлію орѳографію; содержаніемъ диктовокъ будутъ историческіе разсказы и отрывки, заключающіе въ себѣ полезныя свѣденія или носящіе нравственный и религіозный характеръ. Диктовка будетъ каждый день; ее будетъ поправлять или самъ учитель, или ученики, подъ его руководствомъ и контролемъ. Послѣ исправленія, она перепишется въ особую тетрадь; на эту переписку воспитанники употребятъ часть времени, назначеннаго для уроковъ чистописанія.

Грамматическій разборъ будетъ почти всегда изустный, короткій и простой, по номенклатурѣ Ломонда.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ воспитанники будутъ дѣлать извлеченія и очерки изъ того, что́ они прочитали; отъ времени до времени имъ будутъ задавать сочиненія на тэмы самыя простыя и употребительныя.

Чтеніе и французскій языкъ долженъ преподавать директоръ школы.

V. Счисленіе; система мѣръ и вѣсовъ; ариѳметика, примѣненная къ практическимъ задачамъ.

Преподаваніе счисленія должно быть элементарное и практическое. Объясненія теоретическія будутъ только самыя необходимыя. Особенное вниманіе будетъ обращено на усвоеніе десятичной системы и на знакомство съ употребленіемъ новыхъ мѣръ и вѣсовъ.

Въ первый годъ воспитанники познакомятся съ нумераціей, основными ариѳметическими дѣйствіями и системой мѣръ и вѣсовъ; во второй съ дробями, тройнымъ правиломъ, правилами учета векселей, товарищества и смѣшенія; въ третій они будутъ примѣнять пріобрѣтенныя ими познанія къ практическимъ задачамъ.

Руководствомъ должна служить ариѳметика Безу, послѣднее изданіе.

На преподаваніе ея полагается во всѣхъ трехъ курсахъ по шести уроковъ въ недѣлю, всего 18 уроковъ.

VI. Начала географіи.

Географія читается въ старшемъ классѣ одинъ разъ въ недѣлю.

Первые пять уроковъ — предварительныя свѣденія; слѣдующіе шесть — общая географія Европы; далѣе пять — географія другихъ частей свѣта, и наконецъ 24 урока — на географію Франціи. Изъ этихъ послѣднихъ по крайней мѣрѣ шесть должны быть посвящены тому департаменту, въ которомъ находится школа: здѣсь будутъ сообщены главныя историческія событія, которыя случились тутъ; имена знаменитыхъ людей, которые были отсюда родомъ и прославили страну своими заслугами, талантами, добродѣтелью; произведенія, промышленность, округи, кантоны, города, замѣчательныя мѣстности, памятники, все, что есть любопытнаго въ департаментѣ.

VII. Начала исторіи.

Историческіе факты древней исторіи должны быть постоянно сближаемы съ современными имъ событіями священной исторіи.

Первая часть — шесть уроковъ — отъ сотворенія міра до императора Римскаго Августа.

Вторая часть — четыре урока — отъ рождества Христова до нашествія варварскихъ народовъ и паденія Западной Римской Имперіи.

Третья часть — исторія Франціи отъ основанія франкскаго государства до отреченія Наполеона и приведенія Франціи въ прежнія границы, 31 урокъ.

Программа указываетъ самыя лица и происшествія, съ которыми должно познакомить учениковъ: на первомъ мѣстѣ стоятъ сраженія и перемѣны королей и династій.

VIII. Свѣденія въ физикѣ, химіи и естественной исторіи, примѣнненныя къ первымъ потребностямъ жизни.

Часть первая.

Предварительныя свѣденія о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ и о силѣ сцѣпленія — одинъ урокъ; о воздухѣ и его химическомъ составѣ и свойствахъ — 4 урока; о водородѣ, водѣ и аммоніакѣ — 2 урока; объ углеродѣ, углеводородѣ и углекислотѣ — 3 урока; о сѣрѣ, хлорѣ, извести и гипсѣ — 3 урока; о тѣлахъ органическихъ; сахаръ, алкоголь, вино, крахмалъ, мука, мѣлъ, гелатинъ, гніеніе растительныхъ съ животныхъ тѣлъ, удобреніе земли — 7 уроковъ.

Вторая часть.

О воздухѣ и его физическихъ свойствахъ — два урока; о тѣлахъ жидкихъ — два урока; о теплотѣ — 4 урока; одинъ урокъ о магнетизмѣ и три — объ электричествѣ.

Въ программѣ обозначены подробности каждаго вопроса.

IX. Свѣденія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Они раздѣляются на двѣ части: на земледѣліе вообще и на садоводство. Въ первой части разсматриваются: различные роды почвъ и способы ихъ удобренія; главныя растительныя произведенія того департамента, въ которомъ находится школа; главныя отрасли земледѣльческаго хозяйства и способы веденія ихъ; искусственные луга и орошеніе ихъ; паровыя поля, выгоды ихъ и оставленіе этого рода хозяйства; домашнія животныя и уходъ за ними; польза отъ нихъ; дурное обращеніе съ ними; главныя земледѣльческія орудія и употребленіе ихъ; выгоды путей сообщенія и различные виды ихъ.

Въ садоводствѣ говорится о приготовленіи земли, паханіи, сѣяньи и разсадкѣ, орошеніи и полотьѣ; объ употребленіи рогожъ, стеколъ, колпаковъ и другихъ средствъ защиты растеній; истребленіе вредныхъ животныхъ, уборка, сохраненіе сѣмянъ, главные роды огородныхъ овощей и уходъ за ними, медицинскія растенія, цвѣты; свѣденія о томъ, какъ сажать, прививать и обработывать плодовыя деревья; сохраненіе плодовъ.

X. Землемѣріе и нивеллированіе.

Мѣры и орудія, употребляемыя при измѣреніи земли. Употребленія угломѣра. Мѣры горизонтальныхъ поверхностей, которыхъ

форма — треугольникъ, трапеція или многоугольникъ. Снятіе плановъ: 1) цѣпью и угломѣромъ, 2) цѣпью и менсулою и 3) цѣпью и графометромъ. Употребленіе компаса. Свѣденія въ нивеллированіи.

XI. Черченіе.

Второй годъ.

Рисованіе тѣлъ плоскихъ.

Всякій рисунокъ долженъ быть исполненъ вдвойнѣ: одинъ—на глазомѣръ и другой — съ линейкой, циркулемъ, треугольникомъ и компасомъ.

Прямыя линіи въ различныхъ положеніяхъ; перепендикуляры, параллели, раздѣленіе прямыхъ на равныя части. Карнизы, окна, двери. Треугольники, трапеціи, паралеллограмы, многоугольники. Круги и примѣненіе ихъ къ карнизамъ, корзинамъ, садамъ. Завитокъ.

Раздѣленіе окружности на равныя части; правильные многоугольники; паркетъ; простыя фигуры рѣшетокъ и перилъ. Устройство лѣстницъ.

Третій годъ.

Черченіе рельефное.

Понятія о представленіи тѣлъ въ длину, ширину и высоту; твердыя геометрическія тѣла. Призмы, пирамиды, цилиндры, конусы, шары, мебель, различныя земледѣльческія орудія, посуда, самыя простыя машины, употребляемыя въ той мѣстности. Основныя понятія о перспективѣ.

Въ два послѣдніе года ученики должны заниматься практически въ элементарныхъ школахъ, учрежденныхъ при нормальныхъ училищахъ. Они отдаютъ отчетъ о способахъ, которые они употребляютъ въ преподаваніи, о различныхъ классныхъ занятіяхъ и соблюденіи дисциплины. Учитель этой элементарной школы каждый мѣсяцъ представляетъ директору рапортъ о занятіяхъ каждаго изъ молодыхъ педагоговъ; въ этомъ рапортѣ онъ долженъ объяснить, какъ ученикъ понялъ и выполнялъ свою обязанность, какія показываетъ онъ педагогическія способности и чего ему недостаетъ для хорошаго управленія школой. Число практическихъ уроковъ неопредѣлено.

Росписаніе числа уроковъ въ недѣлю.

	Первый годъ.	Второй годъ.	Третій годъ.
Законъ божій	3	3	3
Чтеніе	6	6	2
Заучиваніе наизусть	3	3	3
Письмо	5	5	2
Французскій языкъ	9	9	3
Счетъ, система мѣръ и вѣсовъ	6	»	»
Церковное пѣніе	3	3	»
Счетъ, система мѣръ и вѣсовъ и рисованіе	»	6	»
Счисленіе, примѣненное къ практическимъ задачамъ	»	»	6
Исторія	»	»	1
Географія	»	»	1
Понятія о естественныхъ наукахъ и физикѣ. Земледѣліе, садоводство	»	»	3
Землемѣріе, невеллированіе, черченіе	»	»	5
Пѣніе	»	»	3
Всего	35	35	32

НѢМЕЦКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ РАЗВИТІИ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ *).

Періодъ первый.

Отъ основанія Прагскаго университета до реформаціи, *1348—1517*.

Изъ ленныхъ государствъ, составлявшихъ римско-нѣмецкую имперію въ половинѣ XIV столѣтія, Чешское королевство подало первый примѣръ основанія университета въ своей столицѣ Прагѣ, благодаря мудрому правленію и любви къ наукамъ и народному просвѣщенію своего перваго наслѣдственнаго короля изъ нѣмецкаго Люксамбургскаго дома, въ то же время избраннаго римсконѣмецкимъ императоромъ подъ именемъ Карла IV.

Въ предидущей статьѣ мы видѣли, на какой степени развитія стояло въ Германіи какъ просвѣщеніе вообще, такъ и въ особенности научное образованіе до учрежденія университетовъ. Тогдашніе чехи нисколько не уступали въ этомъ отношеніи своимъ сосѣдямъ нѣмцамъ. Чехія, съ незапамятныхъ временъ составлявшая самостоятельное славянское государство подъ управленіемъ своихъ природныхъ князей Премыслидовъ, прямыхъ потомковъ столько же легендарнаго, какъ и польскій Пястъ, Премыслава I, уже со временъ Карла В. подверглась нѣмецкому вліянію. Вліяніе это, въ послѣдствіи, усиливалось постепенно. Успѣхамъ его не мало способствовало принятіе чехами св. крещенія. Хотя этотъ актъ совершенъ былъ нѣмецкимъ духовенствомъ только въ одной части Чехіи, западной, тогда какъ другую часть ея, восточную, привели въ христіанскую вѣру славянскіе просвѣтители Кирилъ и Меѳодій; вскорѣ однакожъ, благодаря усиліямъ папъ, латинское богослуженіе и нѣмецкое духовенство взяли

*) См. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1862 г. Сентябрь.

рѣшительный перевѣсъ. Но еще шире проложило путь нѣмецкому вліянію политическое положеніе страны въ X вѣкѣ, когда она, обезсиленная и разоренная опустошительными вторженіями мадяровъ, не имѣя силъ бороться съ завоевательными стремленіями нѣмецкихъ королей саксонскаго дома, вынуждена была войти въ ленную зависимость отъ возстановленной Оттономъ римско-нѣмецкой имперіи. Съ тѣхъ поръ Премыслиды, въ послѣдней четверти XI вѣка принявшіе титулъ королей, хотя и самостоятельные распорядители въ интересахъ своего государства, не могли уже, по званію членовъ священной римской имперіи, не раздѣлять интересовъ нѣмецкой политики и не принимать болѣе или менѣе дѣятельнаго участія во всѣхъ нѣмецкихъ войнахъ, какъ друзья или какъ противники императоровъ. Сверхъ того, часто проживая при дворѣ послѣднихъ, они усвоивали себѣ нѣмецкіе нравы и обычаи и нѣмецкій языкъ, призывали образованныхъ нѣмцевъ къ своему двору и предоставляли имъ важнѣйшія должности, особенно въ церковной іерархіи. Наконецъ, заботясь о развитіи торговой и ремесленной промышленности въ Чехіи, Премыслиды заселяли свои дотолѣ не многолюдные города нѣмцами, составившими со временемъ повсюду тамъ значительное большинство городскаго населенія.

Такое, однакожъ, вторженіе двухъ чуждыхъ элементовъ — нѣмецкаго и церковно-латинскаго, ежели съ одной стороны не давало свободно развиваться въ Чехіи національнымъ элементамъ, то, съ другой стороны, оно успѣшно способствовало къ тому, что чехи, съ XI столѣтія, въ усвоеніи умственнаго образованія въ средне-вѣковомъ духѣ, могли идти объ руку съ нѣмцами. Въ письменныхъ памятникахъ упоминается о существованіи въ Чехіи монастырскихъ и соборныхъ школъ въ XI вѣкѣ. Основанное въ слѣдующемъ столѣтіи при прагскомъ соборѣ *studium generale minus*, что-то въ родѣ гимназіи, въ которомъ преподавались не всѣ, а только нѣкоторыя науки средневѣковаго общеобразовательнаго курса, грамматика, логика и др., хотя и вынуждено было прекратить свою учебную дѣятельность по поводу смутъ, потрясавшихъ Чехію около половины XIII вѣка, но, возстановленное и преобразованное въ царствованіе Оттокара II, оно пріобрѣло такую извѣстность, что даже изъ Германіи стекалось туда для науки любознательное юношество. Въ немъ, по свидѣтельству аббата Эгельбрехта, студировавшаго въ этой школѣ около 1271 года, преподавателями были природные чехи, имѣвшіе ученую степень магистровъ: Очко (Осco), Богумилъ и схоластикъ

Григорій. Первые два обучали грамматикѣ и логикѣ, послѣдній читалъ libros naturales (по Аристотелю). Подобная же школа находилась и при Вышеградскомъ капитулѣ, въ которой чешскіе магистры обучали грамматикѣ, реторикѣ и логикѣ.

Оттокаръ II двинулъ могущество Чехіи на такую высоту, что, казалось, она была въ состояніи не только порвать навсегда трехвѣковую ленную связь съ нѣмецкой короной, но и поглотить въ себя нѣсколько чисто нѣмецкихъ составныхъ частей св. римской имперіи. Рудольфу Габсбургскому удалось вооружить противъ него всѣхъ нѣмецкихъ князей и сокрушить страшнаго нѣмецкому преобладанію врага; онъ однакожъ не могъ перемѣнить династіи Премыслидовъ и нашелся вынужденнымъ возвратить чешскій престолъ сыну Оттокара, Венцеславу II. Когда же, послѣ смерти оттокарова внука, Венцеслава III, пресѣклось мужеское колѣно Премыслидовъ, то Іоаннъ Люксембургскій, сынъ императора Гейнриха VII, могъ получить чешскую корону не иначе какъ вмѣстѣ съ рукой одной изъ дочерей послѣдняго Премыслида. Венцеславъ II старался поддержать упавшій послѣ тяжкихъ пораженій духъ чеховъ и оживить въ немъ чувство національнаго достоинства пробужденіемъ любви къ національной литературѣ. Плодомъ этого пробужденія явилось не малое число замѣчательныхъ литературныхъ произведеній на чешскомъ языкѣ, написанныхъ подъ конецъ XIII и въ XIV вѣкѣ, а въ ихъ главѣ стояла знаменитая «Краледворская рукопись». Венцеславъ II (1294) предполагалъ также основать и университетъ въ Прагѣ, съ цѣлью распространить въ народѣ знаніе римскаго права; предположеніе его разбилось о сопротивленіе чешскихъ магнатовъ, опасавшихся еще болѣе тѣмъ усилить преобладаніе духовенства. Наконецъ, съ одной стороны—выше приведенное извѣстіе о магистрахъ преподавателяхъ въ чешскихъ школахъ, съ другой—то, что Bohemia составляла въ Болонскомъ университетѣ особую націю заальпійской корпораціи, а въ Парижскомъ особую провинцію нѣмецкой націи, — ясно доказываютъ, что для высшаго образованія любознательные чехи, какъ и любознательные нѣмцы, отправлялись въ университеты Италіи, Франціи а даже и Англіи. Пламеннѣе этихъ ученыхъ чеховъ и нѣмцевъ никто, конечно, не желалъ основанія университетовъ въ своемъ отечествѣ, безъ которыхъ негдѣ имъ было выказать свои познанія, пріобрѣтенныя съ такими трудами въ Парижѣ, Болоньѣ, Оксфордѣ. Да нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что многіе князья св. римской имперіи, особенно же великіе курфюрсты,

духовные и свѣтскіе, обыкновенно получавшіе образованіе то въ заграничныхъ университетахъ, то дома подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ ученостію духовныхъ, сознавали также въ XIV столѣтіи, не менѣе чешскихъ и нѣмецкихъ магистровъ, потребность въ основаніи университетовъ столько же для умственной пользы страны, сколько и для своей собственной чести и славы. Наконецъ самые города въ имперіи большею частью были очень расположены въ пользу учрежденія въ нихъ университетовъ, отчасти потому, что при развитіи своего благосостоянія, они уже находили недостаточнымъ то образованіе, какое могли доставлять ихъ гражданамъ тогдашнія городскія школы (Bürgerschule), но преимущественно имѣя въ виду торговыя и промышленныя выгоды отъ многочисленнаго университетскаго населенія. Такимъ образомъ и въ Германіи и въ Чехіи почва для университетовъ была уже готова въ половинѣ XIV столѣтія; оставалось положить основаніе для перваго университета, и можно было надѣяться, что добрый примѣръ найдетъ послѣдователей. Кому же въ предѣлахъ римской имперіи половины XIV вѣка, свойственнѣе могла быть инипіатива въ этомъ дѣлѣ, какъ не Карлу IV. Могущественнѣйшій изъ членовъ имперіи, какъ наслѣдственный обладатель чешско-моравской короны, и въ то же время избранный императоръ, онъ притомъ далеко превосходилъ всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ князей и образованіемъ и обширностію государственнаго ума и стойкостію въ осуществленіи глубоко обдуманнаго плана.

Отецъ Карла, Іоаннъ Люксамбургскій, отвезъ его въ Парижъ еще семилѣтнимъ ребенкомъ и отдалъ на попеченіе своей любимой сестры Маріи, королевы французской, супруги Карла IV Красиваго *), съ цѣлью доставить наслѣднику престола лучшее, какое только возможно было въ то время, воспитаніе при французскомъ дворѣ. Не прошло даромъ Карлу его девятилѣтнее пребываніе въ Парижѣ. Подъ руководствомъ ученаго кардинала Петра *de Rosières* (въ послѣдствіи папа Климентъ VI), молодой принцъ успѣлъ блистательно развить свои умственныя и нравственныя силы и получить основательное образованіе — рыцарское и политическое на королевскомъ дворѣ, и ученое въ парижскомъ университетѣ. Рыцарскую

*) Чешскому принцу крестное имя было Венцеславъ, но звукъ этого имени казался варварскимъ для утонченнаго слуха французскаго короля, и потому будучи воспріемникомъ принца при миропомазаніи, онъ далъ ему свое имя Карла, которое и удержалось на всегда.

доблесть Карлъ выказалъ сперва въ Италіи, имѣя шестнадцать лѣтъ отъ роду, а потомъ тридцати лѣтъ въ роковомъ сраженіи противъ англичанъ при Креси, гдѣ палъ геройскою смертію за возлюбленную Францію его войно-любивый отецъ, послѣдній изъ средне-вѣковыхъ рыцарей, проведшій всю свою жизнь на половину то въ военномъ лагерѣ, то на рыцарскихъ состязаніяхъ въ вѣчно веселомъ Парижѣ *). Что касается до научнаго образованія Карла, то по свидѣтельству современниковъ,— это былъ ученѣйшій изъ средневѣковыхъ государей и одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмцевъ, обладалъ обширными и основательными познаніями во всѣхъ областяхъ средневѣковой науки и любилъ вести пренія съ учеными, богословами, юристами, естествовѣдами (medici) и философами (artistae) **). На пяти языкахъ: чешскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и латинскомъ онъ говорилъ и писалъ съ одинакою ловкостію, велъ дружескую переписку съ Петраркою, Бокачіемъ и многими другими учеными иностранцами. Его поощреніямъ къ изученію отечественной исторіи Чехія обязана нѣсколькими замѣчательными историками (Benet de Veitmil), принадлежащими къ эпохѣ его царствованія. Карлъ и самъ былъ писателемъ; его автобіографія отличается правдивостію и богатствомъ содержанія. О правительственной мудрости Карла свидѣтельствуютъ его организаторскія и законодательныя уложенія, имѣвшія единственною цѣлью умственное, нравственное и матеріальное благосостояніе подданныхъ и введеніе повсюду въ государственномъ управленіи благоустройства, законности и правосудія. Еще при жизни своего отца, который только изрѣдка появлялся въ Прагѣ, когда слишкомъ уже начинали шумѣть непокорные бароны, но преимущественно для сбора денегъ на удовлетвореніе своей расточительности, молодой принцъ, тринадцать лѣтъ управляя государствомъ (1333—1346), въ качествѣ королевскаго соправителя, съ титуломъ маркграфа, съумѣлъ обуздать мятежный духъ бароновъ, исправить растроенныя пружины государственнаго

---

*) «Le fameux Jean de Bohême, de la maison de Luxembourg, déclarait ne pouvoir vivre qu'à Paris, le séjour le plus chevaleresque du monde. Il voltigeait par toute l'Europe, mais revenait toujours à la cour du grand roi. Il y avait là une fête éternelle, toujours des joutes, des tournois. La réalisation des romans de la chevalerie, le roi Arthure et la table ronde». *Précis de l'histoire de France par Michelet.*

**) «Hic vir gnarus et expertus in omni quasi scientia partem habuit, ut cum theologis, juristis, medicis et artistis aliquando de eorum materiis et scientiis conferet». Stencel. *Script. rer. Silesiac. 1. 211.*

организма тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства и не мѣшалъ отецъ, а въ то же время тщательно изучалъ правительственные недостатки и существенныя потребности народа. По вступленіи на чешскій престолъ (1346), Карлъ IV немедленно занялся осуществленіемъ своихъ давно задуманныхъ плановъ государственнаго благоустройства по всѣмъ отраслямъ управленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и своей задушевной мысли учрежденія университета въ Прагѣ *).

Что эта мысль давно и сильно занимала Карла IV, можно заключить изъ того, что онъ немедленно послѣ несчастнаго сраженія при Креси, еще до возвращенія своего въ Прагу, просилъ дозволенія папы Климента VI, своего бывшаго воспитателя, на учрежденіе главной школы въ столицѣ чешскаго королевства, въ составѣ четырехъ факультетовъ. 26-го января 1347 года уже получена была учредительная булла, въ которой Климентъ VI, вполнѣ признавая пользу учрежденія университета въ мѣстности, столь отдаленной отъ другихъ подобныхъ центровъ высшаго образованія, изъявилъ согласіе, чтобы въ Прагскомъ университетѣ читались лекціи по наукамъ всѣхъ признанныхъ факультетовъ, и чтобы даваемыя въ немъ ученыя степени имѣли законную силу во всѣхъ странахъ христіанства. Наконецъ должность университетскаго канцлера папа тою же буллою возложилъ на тогдашняго архіепископа прагскаго. Новѣйшіе нѣмецкіе писатели, между прочимъ, упрекаютъ Карла и въ томъ, что онъ, будучи римскимъ императоромъ, не рѣшился учреждать университета безъ папскаго дозволенія; но они забываютъ о томъ, во первыхъ, что по средневѣковымъ понятіямъ возведеніе въ ученую степень считалось аттрибутомъ отнюдь не свѣт-

*) Не удивительно послѣ этого, что память о Карлѣ IV и теперь еще живетъ между чехами, какъ о популярнѣйшемъ изъ королей, какіе только царствовали въ Богеміи. «При звукѣ его имени, говоритъ Паллацки, и теперь еще возгарается сердце каждаго чеха признательностію и благоговѣніемъ къ памяти государя, который въ народномъ преданіи слыветъ представителемъ блистательнѣйшаго процвѣтанія и благоденствія отечества». Не таково мнѣніе о Карлѣ IV нѣмецкихъ историковъ. Самые снисходительные изъ нихъ повторяютъ слова Максимиліана I, который сказалъ о Карлѣ, что онъ былъ «отцемъ Чехіи и архиотчимомъ священной римской имперіи». Но большая часть нѣмецкихъ историковъ считаютъ Карла однимъ изъ ничтожнѣйшихъ и безсильнѣйшихъ императоровъ и не находятъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое отвращеніе и презрѣніе къ нему. Убѣдительное оправданіе во всѣхъ дѣлаемыхъ нѣмцами Карлу IV упрекахъ желающій можетъ найти въ «Чешской исторіи» Паллацкаго. Т. 2, кн. 2, и въ Monatsschrift der Gesch. des vaterl. Museum in Böhmen 1829. Juliheft. Dr. Joh. Theob. Held.

ской, а духовной власти, и во вторыхъ, что, такъ какъ духовная власть папъ простиралась на все западное христіанство, свѣтская же власть императоровъ ограничивалась только предѣлами Германіи и отчасти Италіи, то ученыя степени, полученныя въ какомъ либо университетѣ, признавались и имѣли законную силу въ цѣломъ западномъ христіанствѣ въ такомъ только случаѣ, ежели этому университету право читать факультетскія лекціи и возводить въ ученыя степени даровано было папскою учредительною буллою. Не испроси Карлъ IV папскаго соизволенія, Прагскій университетъ вѣроятно остался бы и безъ профессоровъ и безъ студентовъ.

Важныя политическія дѣла не позволяли Карлу приступить къ основанію университета тотчасъ по полученіи папской буллы. Только въ февралѣ 1348 года онъ могъ созвать сеймъ и получить согласіе чешскихъ сословій на учрежденіе университета въ Прагѣ. Наконецъ 7-го апрѣля Карлъ обнародовалъ основную грамоту, въ которой объявлялось, что учрежденная въ столицѣ чешскаго королевства главная школа (Studium generale) со всѣми факультетами, принимается подъ особенное покровительство короля и получитъ достаточное обезпеченіе своего содержанія въ помѣстьяхъ, что доктора, магистры и студенты, откуда бы они ни прибыли въ Прагскій университетъ съ научною цѣлью, какъ на пути своемъ сюда и обратно, такъ и во время своего пребыванія въ Прагѣ будутъ пользоваться особеннымъ покровительствомъ и безопасностію, а равно, какъ члены университета, будутъ пользоваться всѣми тѣми льготами, правами и обычаями, какими пользуются учащіе и учащіеся Парижскаго и Болонскаго университетовъ. Въ слѣдующемъ 1349 году Карлъ IV, какъ императоръ, свою основную королевскую грамоту утвердилъ императорской грамотой, пожаловавъ въ ней Прагскому университету всѣ тѣ права и льготы, которыя его предшественники императоры жаловали другимъ университетамъ. Между тѣмъ, желая съ самаго начала поставить новый университетъ на хорошемъ счету въ общественномъ мнѣніи, Карлъ озаботился вызовомъ въ Прагу профессоровъ изъ различныхъ старыхъ университетовъ, въ особенности изъ Парижа и Болоньи. Изъ четырехъ факультетовъ на первый разъ богословскій факультетъ получилъ пять профессоровъ, юридическій и медицинскій по два, философскій или facultas artium, семь, по числу свободныхъ искусствъ (septem artes liberales), заключавшихся въ курсѣ философскаго или артистическаго

факультета, *facultas artium* *). Всѣмъ имъ опредѣлено было постоянное жалованье, производившееся по полугодно, сначала изъ собственной кассы короля; но въ 1352 году, съ согласія пражскаго архіепископа, учрежденъ былъ на этотъ предметъ постоянный сборъ денегъ съ духовенства **) распространенный на всѣ коллегіатскія церкви и монастыри.

Не довольствуясь этимъ, для скорѣйшаго привлеченія студентовъ въ новый университетъ, Карлъ разослалъ въ генеральные капитулы различныхъ монашескихъ орденовъ приглашенія выбрать изъ среды своей членовъ, способныхъ воспользоваться преподаваемымъ въ университетѣ ученіемъ и получить ученыя степени, такъ какъ, по его словамъ, пражскій университетъ въ дарованныхъ ему правахъ и преимуществахъ нисколько не уступалъ ни парижскому ни оксфордскому университетамъ. Для безопасности же магистровъ и студентовъ Карлъ обнародовалъ императорскій указъ, въ которомъ угрожалъ строгимъ наказаніемъ всякому, кто бы осмѣлился причинить имъ затрудненіе или вредъ на пути въ главную школу. Такимъ образомъ, благодаря предусмотрительности и дѣятельному попеченію Карла IV, еще въ теченіе 1348 года совершилось открытіе пражскаго университета и начались въ немъ лекціи и диспутаціи, а въ слѣдующемъ 1349 году нѣсколько студентовъ возведены были въ ученыя степени.

Выше было сказано, что Карлъ IV, въ своей основной грамотѣ предоставилъ пражскому университету тѣже льготы, права и обычаи, какими пользовались парижскій и болонскій университеты; но

*) Geschichte der Prager Universität von Wenzel Wladiwoj Tomek. Prag. 1849. Паллацки незнаетъ, сколько при первоначальномъ открытіи Пражскаго университета состояло на лицо профессоровъ въ факультетѣ артистовъ. Хотя же Томекъ не приводитъ источника, откуда онъ почерпнулъ свѣденіе о семи профессорахъ по числу свободныхъ искусствъ, мы все же показаніе его считаетъ весьма вѣроятнымъ уже и потому, что этотъ факультетъ, составлявшій родъ общеобразовательнаго заведенія не только высшаго, но и элементарнаго, былъ всегда самый многочисленный, а потому всегда требовалъ несравненно большаго числа профессоровъ.

**) Подобный сборъ денегъ съ духовенства, равно съ монастырей какъ съ прелатуръ и приходскихъ церквей производился, сколько помнится, на содержаніе римско-католическаго богословскаго факультета, существовавшаго при бывшемъ Виленскомъ университетѣ, преобразованнаго въ послѣдствіи въ римско-католическую духовную академію; преимущественно же сборъ этотъ имѣлъ назначеніемъ содержаніе существовавшей при богословскомъ факультетѣ главной римско-католической семинаріи или алюмната.

такъ какъ эти два университета въ своемъ устройствѣ существенно отличались между собою, — въ Парижѣ преобладали богословы, въ Болоніи юристы, въ Парижѣ собственно университетскую корпорацію составляли магистры, которымъ студенты были подчинены, въ Болоніи напротивъ студенты составляли корпорацію, а профессоры считались не болѣе какъ должностными лицами на жалованьи, — то очевидно, что, на основаніи карловой грамоты, предоставлялось на волю членамъ университета взять себѣ за образецъ организацію того или другаго изъ упомянутыхъ университетовъ. Лично Карлъ отдавалъ, конечно, предпочтеніе организаціи парижскаго университета, въ которомъ самъ получилъ образованіе. Сколько, по видимому, въ угодность основателю, столько же, быть можетъ, и по собственному убѣжденію, богословы, медики и артисты объявили себя въ пользу организаціи парижскаго университета; но юристы, вѣроятно подстрекаемые однимъ изъ профессоровъ права, котораго Карлъ самъ вызвалъ изъ Болоніи, упорно отстаивали болонскіе порядки. Споръ этотъ, долго продолжавшійся, подавалъ поводы ко многимъ непріятностямъ; онѣ то, повидимому, вызвали нѣсколько доселѣ сохранившихся писемъ къ достойнѣйшимъ профессорамъ, въ которыхъ Карлъ ободряетъ ихъ къ терпѣнію и стойкости, обѣщая имъ съ своей стороны могущественное содѣйствіе для устраненія всего препятствующаго процвѣтанію новаго университета. Изданный въ 1360 году первый статутъ примирилъ было на нѣкоторое время несогласія, которыя, однакожъ, спустя двѣнадцать лѣтъ (1372) до такой степени снова усилились, что произвели совершенный разрывъ между факультетами. Юристы не признали вновь избраннаго ректора, выбрали себѣ другаго изъ своей среды и съ соизволенія короля образовали особый юридическій университетъ подъ отдѣльнымъ управленіемъ своего ректора. Съ тѣхъ поръ прагская главная школа раздѣлилась на два университета или на двѣ ученыя корпораціи (universitates litterariae) не имѣвшія между собою ничего общаго, кромѣ канцлера. Въ 1373 году университетъ юристовъ поручилъ избраннымъ 16 совѣтникамъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, составленіе отдѣльныхъ для себя статутовъ, которые и были утверждены въ полномъ собраніи университета, состоявшемъ изъ магистровъ и схоларіевъ. Составители этихъ организаціонныхъ статутовъ университета юристовъ очевидно приняли за образецъ болонскій университетъ. Хотя и удержано было парижское дѣленіе университета на четыре націи, но ректоръ, которому ввѣ-

рялось управленіе всѣми дѣлами корпораціи, избираемъ былъ почти всегда изъ студентовъ, рѣдко изъ магистровъ и большею частію избиралось какое нибудь знатное лицо изъ дворянъ или изъ духовенства. Ректору подчиненъ былъ университетскій совѣтъ, состоявшій изъ восьми членовъ, по два изъ каждой націи. Сверхъ того, ректоръ предсѣдательствовалъ какъ въ собраніяхъ цѣлаго университета магистровъ и студентовъ, такъ равно и въ факультетскихъ собраніяхъ, гдѣ, естественно, засѣдали только одни профессоры.

Основный университетъ, составившійся изъ богослововъ, медиковъ и артистовъ, хотя сначала также представлялъ нѣкоторую смѣсь парижскихъ и болонскихъ порядковъ, но мало по малу со временемъ организовался по образцу парижскаго университета: онъ раздѣлился на четыре націи—чешскую, баварскую, польскую и саксонскую. Первоначально въ собраніяхъ университета (congregatio universitatis), какъ законодательнаго органа, имѣвшаго право издавать новые статуты, исправлять и отмѣнять старые, пользовались равенствомъ голоса всѣ члены университета, какъ магистры такъ и студенты. Это собраніе, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ, обыкновенно созывалось по два раза въ годъ. Сверхъ того эдиктомъ канцлера университета въ 1360 году (прагскій архіепископъ Арнестъ) учрежденъ былъ особенный университетскій совѣтъ (consilium universitatis), изъ восьми членовъ по два изъ каждой націи (consiliarii, procuratores nationum), которые возобновлялись при каждомъ выборѣ ректора. Выходившіе изъ совѣта члены выбирали на свое мѣсто шесть новыхъ преемниковъ, новому же ректору предоставлялся выборъ двухъ остальныхъ членовъ. Назначеніемъ этого совѣта было — въ менѣе важныхъ дѣлахъ, которыхъ ректоръ не могъ рѣшать самъ своею властію, замѣнять собраніе цѣлаго университета, а также помогать совѣтомъ ректору и въ дѣлахъ, подлежащихъ его собственной власти, особенно по судопроизводству. Изъ уваженія къ магистрамъ, первые члены совѣта выбраны были изъ ихъ среды; а такъ какъ выборъ новыхъ зависѣлъ отъ старыхъ членовъ, поэтому въ непродолжительномъ времени измѣнились отношенія въ цѣлой организаціи университета; совѣтъ сталъ себя считать органомъ сословія магистровъ, а отнюдь не университета, вмѣсто прежняго названія congregatio *consilii universitatis* принялъ названіе congregatio *magistrorum consilii universitatis* vel *magistrorum de consilio* и мало по малу захватывая въ свое вѣдѣніе всѣ важнѣйшія дѣла университета, подъ конецъ XIV столѣтія присвоилъ себѣ за-

конодательную власть и неограниченное право рѣшать все, даже самыя важныя дѣла безъ участія университетскаго собранія. Съ тѣхъ поръ полугодичныя собранія университета потеряли всякое значеніе и дѣйствіе ихъ ограничивалось только тѣмъ, что, на основаніи статутовъ 1385 года, ректоръ университета, въ полномъ его собраніи, увѣщевалъ студентовъ бросить свои дурныя привычки и вести себя скромно. Такимъ образомъ университетъ богослововъ, медиковъ и артистовъ изъ первоначальной корпораціи магистровъ и схоларіевъ *(universitas magistrorum et scholarium)* почти совершенно обратился въ корпорацію одиихъ магистровъ — *universitas magistrorum*, на образецъ парижскаго университета.

Такъ какъ позднѣйшіе нѣмецкіе университеты большею частію организовались отчасти по образцу лейпцигскаго университета, организація котораго была не иное что, какъ пересадокъ организаціи прагской, отчасти же по образцу вѣнскаго университета, то полагаю, не будетъ безъ пользы для уясненія дальнѣйшаго развитія исторической жизни нѣмецкихъ университетовъ ознакомиться нѣсколько поближе съ организаціею этихъ двухъ первообразовъ нѣмецкихъ университетовъ. Поэтому я постараюсь здѣсь обрисовать въ нѣсколькихъ чертахъ главнѣйшія основанія организаціи прагскаго университета, организацію же вѣнскаго университета я непремину вкратцѣ изложить въ своемъ мѣстѣ.

Мы упомянули выше, что прагскій университетъ, по образцу парижскаго, дѣлили на четыре націи; главою университета былъ ректоръ, первоначально избиравшійся на годъ, а съ 1385 года на полгода. Въ общемъ собраніи университета каждая нація выбирала изъ среды своей одного избирателя; четыре избранныя лица выбирали другія семь лицъ, эти же въ свою очередь избирали уже только пять, изъ числа которыхъ избирался ректоръ. Всѣ три выбора, подъ опасеніемъ штрафа, требовалось окончить въ продолженіе одного часа. Вотъ качества, дававшія право на выборъ въ ректоры: 1) званіе клерика въ обширномъ значеніи слова, т. е. полученіе покрайней мѣрѣ одного изъ низшихъ посвященій, 2) добродѣтельная жизнь, 3) неменѣе 25 лѣтъ отъ роду, рожденіе отъ законнаго брака и непринадлежность ни къ какому монашескому ордену, 4) званіе члена университета, магистра или студента. Выбранный не могъ отказаться отъ принятія должности ректора безъ особенной причины, признанной уважительною выбывающимъ ректоромъ или большинствомъ университетскаго совѣта. Спустя во-

семь дней послѣ выбора, новый ректоръ, въ собраніи университета, давалъ должностную присягу и получалъ печать, кодексъ статутовъ и кассу отъ стараго ректора, который при этомъ давалъ отчетъ въ присутствіи совѣта и особыхъ присяжныхъ въ употребленіи университетскихъ доходовъ въ теченіе своего управленія.

Ректору принадлежало право суда надъ всѣми членами университета, какъ въ дѣлахъ университетской дисциплины, такъ въ уголовныхъ и гражданскихъ. Въ случаѣ прикосновенности къ дѣлу самаго ректора, собирались магистры всѣхъ факультетовъ и, выбравъ изъ среды своей одного или нѣсколькихъ судей, передавали дѣло на ихъ рѣшеніе. На обязанности ректора лежали также: наблюденіе за исполненіемъ статутовъ, главное завѣдываніе всѣми внѣшними дѣлами и университетскимъ имуществомъ, предсѣдательствованіе въ собраніяхъ университета и университетскаго совѣта. Всѣ члены университета обязывались къ строгому повиновенію ректору подъ страхомъ денежнаго или другаго рода взысканія, и въ экстренномъ случаѣ даже изгнанія изъ университета. Но обиженный ректоромъ могъ на него жаловаться собранію университета.

Статуты публично прочитывались два раза въ годъ при вступленіи въ должность новаго ректора. Всякій вновь поступающій членъ университета давалъ клятвенное обѣщаніе въ точномъ исполненіи статутовъ. Часть штрафныхъ денегъ и сбора за приложеніе печати къ документамъ поступала въ пользу ректора.

Изъ четырехъ факультетовъ прагскаго университета юридическій, какъ сказано выше, отдѣлился отъ прочихъ и образовалъ особый университетъ. Что же касается до факультетовъ: богословскаго, медицинскаго и артистовъ или философскаго, то въ главѣ каждаго изъ нихъ стоялъ деканъ. Между факультетами и университетомъ не было ничего общаго, кромѣ того, что никто не могъ быть членомъ факультета, кто не былъ въ тоже время членомъ университета. Деканы, будучи ниже ректора по достоинству, по своей должности не зависѣли не только отъ него, но даже и отъ канцлера университета, котораго все вліяніе на факультеты ограничивалось предсѣдательствомъ при производствѣ въ ученыя степени (promotio). Декана факультета артистовъ, о которомъ сохранились болѣе обстоятельныя извѣстія, выбирали два раза въ годъ совокупно всѣ магистры, дѣйствительные профессоры *actu regentes*. Выбранный деканъ, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, не могъ отказаться отъ должности безъ уважительной причины. Немедленно по окончаніи вы-

бора старшій магистръ факультета (senior) принималъ отъ него присягу, а всѣ члены факультета клялись повиноваться ему. Права декана состояли: въ созываніи магистровъ на факультетскія собранія и предсѣдательствованіи на нихъ, въ завѣдываніи факультетскимъ имуществомъ, въ наблюденіи за исполненіемъ факультетскихъ статутовъ и распоряженій по учебной части, преимущественно касающихся производства въ ученыя степени. Въ помощь декану назначались: два коллектора по завѣдыванію доходами (collectores, receptores pecuniae facultatis), два ассесора по отчетности (assesores ad audiendum computum), четыре диспенсатора по выдачѣ позволенія на приватныя лекціи и четыре магистра по наблюденію за исполненіемъ статутовъ. Тѣми дѣлами, въ которымъ не назначались особые помощники, деканъ правилъ обще съ факультетскимъ совѣтомъ, членами котораго были всѣ магистры *actu regentes*. Непослушаніе декану наказывалось, по степени вины, денежнымъ штрафомъ, запрещеніемъ читать лекціи, исключеніемъ изъ факультета.

Ученыхъ степеней въ пражскомъ университетѣ собственно было двѣ: высшая магистра или доктора и низшая бакалавра. Степени магистровъ давались обыкновенно въ факультетахъ богословскомъ и артистическомъ, степени докторовъ — въ медицинскомъ и юридическомъ, и въ послѣднемъ отдѣльно по каноническому праву (in jure canonico, in decretis) и отдѣльно по римскому (in jure civili, in legibus). По артистическому факультету порядокъ возведенія въ ученыя степени наблюдался слѣдующій. Экзаменъ составлялъ главное условіе для полученія степени, какъ бакалавра, такъ и магистра. Испытаніе на степень бакалавра производилось четыре раза въ годъ, на степень магистра только одинъ разъ. Коммиссія для бакалаврскихъ испытаній состояла изъ четырехъ магистровъ, назначаемыхъ по одному изъ каждой націи, подъ предсѣдательствомъ декана. Желающій быть допущеннымъ къ экзамену являлся въ факультетъ (se representabat), записаться къ экзамену (intitulari pro examine) и представить удостовѣреніе, что онъ слушалъ лекціи по книгамъ, предписаннымъ для степени бакалавра. Экзаменаторы рѣшали объ успѣхѣ испытанія большинствомъ голосовъ. Ежели экзаменъ признанъ удовлетворительнымъ (admissio ad gradum), испытуемый платилъ факультету 20-ть пражскихъ грошей (bursa); бѣдные освобождались отъ платы (demissio bursae). За экзаменомъ слѣдовала *promotio*, торжественный актъ производства въ ученую степень (processio ad gradum), состоявшій въ слѣдующемъ. Бакала-

вреантъ, въ сопровожденіи своего промотора (praesidens), т. е. магистра, лекціи котораго составляли главнѣйшій предметъ его студированія, являлся къ декану или къ сеніору въ обыкновенной студентской одеждѣ и давалъ присягу на бакалавра. Послѣ чего промоторъ предлагалъ бакалавреанту научный вопросъ, называемый *sophisma*. Отвѣтивъ на него, бакалавреантъ, по приглашенію факультетскаго педелля, надѣвалъ баккалаврскую мантію. Потомъ, промоторъ предлагалъ еще другой формы вопросъ (quaestio). За отвѣтомъ (determinatio) слѣдовала присяга педеллю въ томъ, что новый бакалавръ: 1) въ теченіе двухъ лѣтъ будетъ читать лекціи въ прагскомъ университетѣ; 2) ни въ какой другой главной школѣ степени бакалавра не получитъ; 3) будетъ содѣйствовать пользамъ прагскаго университета во всю свою жизнь, въ какомъ бы положеніи ни поставила его судьба.

Касательно производства въ магистры установленъ былъ слѣдующій порядокъ. Магистрантъ объявлялъ по совѣсти, что онъ родился отъ законнаго брака. За тѣмъ факультетъ отправлялъ депутацію изъ декана и четырехъ магистровъ, къ канцлеру или, въ его отсутствіе, къ вицеканцлеру съ просьбою назначить четырехъ экзаменаторовъ, по одному изъ каждой націи, для производства испытанія магистранту. Вицеканцлеръ или самъ предсѣдательствовалъ лично, или уполномочивалъ декана. Послѣ одобрительнаго экзамена, канцлеръ давалъ магистранту licentiam docendi съ званіемъ лиценціата — за что въ факультетѣ артистовъ платилось 38 прагскихъ грошей, въ юридическомъ 60. Такъ какъ для званія магистра или доктора требовалось совершеніе акта промоціи, съ которымъ сопряжены были значительные расходы, то во избѣжаніе ихъ многіе довольствовались званіемъ лиценціата. Лиценціатъ имѣлъ такое же право читать лекціи какъ и магистръ, но онъ не считался настоящимъ членомъ факультета и не принималъ участія въ его совѣщаніяхъ.

Прагскій университетъ пользовался вообще широкою автономіею почти во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и въ особенности въ организаціи учебной части. Студенты, не имѣвшіе видовъ на ученую степень, пока числились при университетѣ, могли слушать какія угодно лекціи; для тѣхъ же, которые имѣли въ виду ученую степень, слушаніе главныхъ факультетскихъ предметовъ было обязательнымъ. Впрочемъ вмѣнялось въ обязанность ректорамъ обоихъ прагскихъ университетовъ строго наблюдать, чтобы каждый студентъ посѣщалъ лекціи по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю.

Всякій магистръ лиценціатъ, безъ исключенія, имѣлъ право читать лекціи по всѣмъ наукамъ своего факультета; позволялось читать и бакалавру, но только нѣкоторые опредѣленные статутами предметы; подобнымъ же образомъ магистръ могъ или самъ диктовать (pronunciare) или поручить кому, даже студенту, подъ своимъ руководствомъ и наблюденіемъ, диктовку своего собственнаго сочиненія, или сочиненій другихъ извѣстныхъ профессоровъ пражскихъ, парижскихъ, оксфордскихъ. Бакалаврамъ же позволялось диктовать только сочиненія извѣстныхъ профессоровъ и то послѣ предварительнаго просмотра и исправленія рукописи деканомъ. Къ чтенію лекцій обязывались 1) профессоры, которые получали опредѣленное жалованье или жили въ коллегіяхъ, 2) бакалавры и лиценціаты въ продолженіе двухъ лѣтъ, первые по полученіи промоціи; послѣдніе по полученіи лиценціи. Въ 1367 году факультетъ артистовъ учредилъ ординарныя лекціи по важнѣйшимъ предметамъ, предоставивъ профессорамъ дѣлать ежегодно выборъ предметовъ для чтенія по старшинству лѣтъ, а въ 1373 году опредѣлилъ допустить къ ординарнымъ профессурамъ конкуррентовъ (въ родѣ приватъ-доцентовъ), впрочемъ не болѣе двухъ магистровъ на каждый изъ ординарныхъ предметовъ. Въ то же время опредѣлено начало учебнаго курса 18-го октября, а также *minimum* и *maximum* времени для курса каждаго изъ учебныхъ предметовъ.

Студенты за слушаніе лекцій платили профессорамъ гонорарій, подъ названіемъ *pastus*. За каждый предметъ опредѣлена была факультетомъ плата по особой таксѣ, выше и ниже которой брать не позволялось. Бѣдные освобождались отъ платы.

Сверхъ лекцій, съ собственно педагогическою цѣлью, именно для основательнѣйшаго уясненія труднѣйшихъ вопросовъ науки и преимущественно для упражненія въ діалектикѣ, какъ въ парижскомъ университетѣ, такъ, по образцу его, и въ пражскомъ введены были пренія или такъ называемыя диспутаціи, раздѣлявшіяся на ординарныя, экстраординарныя и приватныя. Первыя производились обыкновенно по субботамъ внѣ учебнаго времени; въ нихъ принимали участіе всѣ магистры факультета, бакалавры и даже студенты, подъ предсѣдательствомъ одного изъ дѣйствительныхъ профессоровъ (actu regens) по очереди, который назначалъ и вопросы для преній (sophismata et quaestiones). Экстраординарныя диспутаціи лежали на обязанности новопроизведенныхъ магистровъ, которые вели ихъ между собою тотчасъ послѣ испытанія по вторникамъ и

четвергамъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ по очереди. Бакалавры обязывались присутствовать и на этихъ преніяхъ. Приватныя диспутаціи составляли родъ упражненій въ преніяхъ, которыя профессоръ, во время лекціи, велъ съ своими слушателями. Наконецъ важнѣйшею изъ всѣхъ почиталась *disputatio de quolibet*, т. е. о томъ и о семъ, — исключительная принадлежность факультета артистовъ. Это преніе совершалось одинъ разъ въ годъ и, начавшись обыкновенно съ 3-го января, продолжалось нѣсколько дней. Всѣ магистры какъ *regentes*, такъ и *non regentes*, подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности на годъ, обязывались принимать въ немъ участіе. Въ предсѣдательствующіе (*quodlibetarius*), который руководилъ преніями, предлагалъ вопросы (sophismata et quaestiones) и всякому отвѣчалъ на возраженія, выбираемъ былъ одинъ изъ самыхъ старшихъ и опытнѣйшихъ магистровъ факультета. Выбранный не могъ отказаться отъ предсѣдательства. За то въ награду за свой тяжелый трудъ quodlibetarius получалъ двѣ копы пражскихъ грошей (120), новый биретъ, пару перчатокъ и черные панталоны; все это въ первый день диспутаціи педелль располагалъ на каѳедрѣ.

Какъ во всѣхъ другихъ университетахъ 14-го столѣтія, точно также и въ пражскомъ многіе изъ студентовъ были въ зрѣломъ возрастѣ, особенно въ высшихъ факультетахъ, въ которые можно было поступать только по окончаніи курса въ факультетѣ артистовъ. Въ числѣ студентовъ весьма нерѣдко встрѣчались мужи сановитые, облеченные высокимъ достоинствомъ, а также очень многіе молодые бенефиціаты изъ дворянскихъ фамилій. Не имѣя еще ни одной степени священства, но пользуясь богатыми бенефиціями, эти молодые люди являлись часто въ университетъ въ сопровожденіи своихъ гувернеровъ, которые обыкновенно ревностно предавались наукѣ. Весьма многіе слушатели университета принадлежали къ туземной дворянской знати и къ нѣмецкимъ княжескимъ домамъ. Еще многочисленнѣе были сыновья богатыхъ купцовъ изъ туземныхъ и иностранныхъ городовъ, которые нерѣдко притомъ занимались въ Прагѣ и торговыми дѣлами своихъ родителей. Бѣднѣйшіе студенты снискивали себѣ скудное пропитаніе, то прислуживая богатымъ (famuli), то подаяніями Христа-ради. Не малое число было и такихъ студентовъ, которые, вмѣсто ученія, проводили ночи въ попойкахъ, въ азартной игрѣ, въ распутствѣ, заводили по улицамъ ссоры и драки съ городскими жителями и приво-

дили тѣмъ въ столкновеніе университетскую власть съ городскою. О неистовствѣ этихъ дракъ и ссоръ свидѣтельствуетъ отчасти длинное вычисленіе различнаго рода побоевъ и ругательствъ, сохранившееся въ университетскихъ статутахъ.

Порядокъ чиновъ и форма одежды опредѣлены были статутами и соблюдались съ точностію. Вотъ порядокъ шествія въ торжественные случаи. Во главѣ шествія ректоръ университета, для почета впереди его педелль, сзади нотаріусъ; потомъ слѣдовали по порядку одни за другими: 1) магистры богословія, 2) докторы каноническаго права, 3) докторы римскаго права, 4) магистры медицины и деканъ факультета *artium*, 5) лиценціаты богословія, каноническаго права, римскаго права, медицины, 6) магистры факультета *artium* и бакалавры богословскаго факультета по старшинству производства, 7) лиценціаты факультета *artium*, съ бакалаврами-юристами, 8) бакалавры медицинскаго факультета и наконецъ 9) бакалавры-артисты.

Промоціи, избраніе ректора и другіе собственно университетскіе акты обыкновенно сопровождались завтракомъ или обѣдомъ.

Каждый членъ университета, въ торжественныхъ случаяхъ, долженъ былъ являться въ присвоенной ему одеждѣ. Главную одежду, которою отличались *graduati* отъ простыхъ студентовъ, составлялъ такъ называемый *tabardus*, мантія съ множествомъ складокъ (vestis rugata). Магистръ, явившійся безъ нея въ факультетское собраніе, лишался голоса. На лекціи и диспутаціи ни магистру, ни бакалавру не позволялось являться иначе какъ въ такой мантіи.

Пока прагскій университетъ не имѣлъ своихъ зданій, каждый магистръ или бакалавръ, желавшій читать лекціи, пріискивалъ самъ для своихъ занятій удобное помѣщеніе. Большая часть магистровъ-преподавателей нанимали комнаты, въ которыхъ давали студентамъ квартиру и столъ за извѣстную плату. Это были такъ называемыя *бурсы*. Въ нихъ нѣкоторые изъ магистровъ открывали и школу для своихъ и чужихъ бурсаковъ. Мало по малу бурсы вошли въ столь общее употребленіе, что уже статутами 1385 года воспрещено было студентамъ, безъ особеннаго на то позволенія, квартировать гдѣ либо, кромѣ какъ у магистра или бакалавра. Въ свою очередь, магистрамъ и бакалаврамъ, содержателямъ бурсъ (praesidentes et conductores bursarum), воспрещалось принимать въ свои бурсы кого либо другаго, кромѣ студентовъ.

Равнымъ образомъ, по недостатку своихъ зданій, университетъ

и факультеты долгое время совершали свои торжественные акты въ различныхъ мѣстахъ, то въ митрополитской церкви, то въ архіепископскомъ домѣ, то въ монастырскихъ зданіяхъ, пока учрежденныя со временемъ, отчасти Карломъ IV, отчасти его преемникомъ Венцеславомъ IV, отчасти частными лицами и монастырями, коллегіи не обогатились своими зданіями и не доставили въ нихъ университету и факультетамъ болѣе соотвѣтствующихъ помѣщеній, какъ для аудиторій, такъ и для публичныхъ актовъ. Основаніе коллегій имѣло цѣлью — доставить магистрамъ въ назначенныхъ для этого домахъ общее помѣщеніе и полное содержаніе на счетъ доходовъ отъ коллегіальныхъ фундушей; за то магистры обязывались читать лекціи въ томъ или другомъ факультетѣ, смотря по назначенію коллегіи. Коллегіаты вели жизнь почти монастырскую: у нихъ было общее хозяйство, общій столъ, даже тѣ изъ нихъ, которые не располагали поступить въ духовное званіе, обязывались не жениться, пока находились въ коллегіи; открывшуюся вакансію въ коллегіи коллегіаты имѣли право замѣщать сами. Впрочемъ никто не могъ быть принятъ въ коллегію, не принадлежа къ университету, и коллегіаты во всемъ, что касалось до учебной части, обязывались исполнять всѣ постановленія факультета, а въ судебномъ отношеніи подчинялись ректору, за исключеніемъ монастырскихъ коллегіатовъ, которые подлежали суду своего монастырскаго начальства и потому не могли быть выбираемы въ ректоры.

Въ первые шестьдесятъ лѣтъ существованія пражскаго университета основано было десять коллегій, восемь для магистровъ и двѣ коллегіи или точнѣе бурсы — для студентовъ. Изъ магистерскихъ коллегій пять основаны Карломъ IV, одна его преемникомъ Венцеславомъ IV, одна доминиканскимъ орденомъ, одна, исключительно для чешской націи, основана неизвѣстно кѣмъ и когда. Изъ этихъ восьми коллегій двѣ назначены были исключительно для монашествующихъ магистровъ и студентовъ, именно: коллегія — Іерусалимъ, основанная Карломъ 1374 г. и коллегія, учрежденная при монастырѣ доминиканскаго ордена въ Прагѣ. Изъ двухъ бурсъ одна — для бѣдныхъ студентовъ (collegium pauperum), — обязана своимъ существованіемъ благотворительности частнаго чеха, другая — для студентовъ новообращенной въ христіанскую вѣру Литвы — основана была польскою королевою Ядвигою (1397). Въ первой бѣдные студенты получали только даровую квартиру, въ послѣдней литовскіе студенты пользовались полнымъ содержаніемъ.

Королева Ядвига, съ согласія Венцеслава IV, купила для этой цѣли, въ окрестностяхъ Праги, помѣстье, приносившее 200 копъ пражскихъ грошей годоваго дохода. Коллегія Ядвиги первоначально помѣщалась въ зданіяхъ коллегіи Іерусалимъ, но въ 1418 году пріобрѣтенъ былъ для нея покупкою особый домъ.

Такимъ образомъ пражскій университетъ, устроиваясь постепенно, благодаря ревностному сочувствію, покровительству и щедрымъ пожертвованіямъ своего основателя, уже подъ конецъ первой четверти столѣтія своего существованія достигнулъ блистательнаго развитія и пріобрѣлъ европейскую извѣстность. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ самую счастливую эпоху процвѣтанія этой главной школы, падающую на послѣдніе годы царствованія Карла IV и первое десятилѣтіе царствованія Венцеслава IV (1372—1389), когда Чехія наслаждалась невозмутимымъ внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ и благоденствіемъ, число учащихся туземцевъ и иностранцевъ, изъ близкихъ и дальнихъ странъ, достигало въ ней въ одно время до 11,000 *). Такой многочисленности студентовъ соотвѣтствовала и наличность профессоровъ. Старинные акты университета, съ 1380 и 1389 г., сохранили 73 имени магистровъ, дѣйствительныхъ преподавателей въ одномъ только факультетѣ артистовъ, а съ 1366 по 1409, кромѣ многихъ, о которыхъ вѣроятно свѣденія затерялись, поименованы въ университетскихъ спискахъ 234 профессора; большая же часть этихъ профессоровъ обязаны были своимъ образованіемъ пражскому университету, который, послѣ какихъ нибудь пятнадцати или двадцати лѣтъ своего существованія, былъ уже въ состояніи снабжать своими магистрами-преподавателями другіе новые нѣмецкіе университеты, съ самаго начала ихъ открытія. Изъ сохранившихся списковъ видно, что съ 1366 по 1408, въ продол-

*) Это показаніе Томка основано на сохранившихся съ того времени университетскихъ спискахъ; но по свидѣтельству современныхъ писателей, приводимыхъ Палацкимъ въ его исторіи Чехіи (Т. 3. кн. 1, стр. 183 прим.) въ самое цвѣтущее время находилось въ пражскомъ университетѣ до 200 магистровъ и докторовъ, до 500 бакалавровъ и свыше 30,000 студентовъ. Вотъ что одинъ изъ этихъ писателей говоритъ (script. rer. Bohem. III p. 11, 12): — Tak jest bylo mnoho tu chwili tech mistrów, bakalárów a studentów rozličného učeni w Praze, že taměz člowěk tetko uwěři, ktož jest toho sám newídel, jakož sem já také toho zastal. — Matiáš Lauda prawi, ten jest ješte žiw, že jest bylo intitulowanych a pripisanych té chwíle 36,000, krame tech, ktož sú ze skol do kolleje na lekci chodili. *Chronica D. Procopi notarii novae pragensis civitatis* Studentes, ac magistri et doctores in universitate pragensi triginta sex millia fuere.

женіи сорока лѣтъ, въ пражскомъ университетѣ 3,823 студента получили степени бакалавровъ, и 844 степени магистровъ, изъ этого же числа, въ одно самое цвѣтущее десятилѣтіе, съ 1380—1389, получили степени бакалавровъ 1579 и степени магистра 332 студента. Не удивительно послѣ этого, что, благодаря своей европейской славѣ, пражскій университетъ уже въ 14 столѣтіи пользовался высокимъ авторитетомъ и въ государствѣ и въ церкви, и что знаменитѣйшіе изъ его профессоровъ, особенно богословы и юристы, приглашались къ участію въ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ, особенно въ совѣщаніяхъ о средствахъ прекращенія великаго раскола, и потомъ на церковныхъ соборахъ въ Констанцѣ и Базелѣ. Но для чешскаго народнаго образованія всего благодѣтельнѣе было то, что, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны монашествующаго духовенства, главное управленіе всѣми низшими школами предоставлено было университету. Ректоръ съ университетскимъ совѣтомъ, по соглашеніи съ мѣстнымъ начальствомъ, опредѣлялъ во всѣ школы преподавателей преимущественно изъ магистровъ или бакалавровъ, которые въ преподаваніи обязывались сообразоваться съ инструкціей, данной имъ отъ университетскаго совѣта.

Число студентовъ въ пражскомъ университетѣ не могло, конечно, не уменьшаться постепенно съ тѣхъ поръ, какъ стали возникать новые университеты въ сосѣднихъ странахъ Германіи — въ Вѣнѣ (1365 — 1384), въ Гейдельбергѣ (1386), въ Кельнѣ (1388) въ Эрфуртѣ (1392) и въ Краковѣ (1400). Но эти университеты, сравнительно съ пражскимъ, будучи не болѣе какъ провинціальныя учрежденія, куда притекало учащееся юношество почти исключительно изъ сосѣднихъ окрестностей, не могли причинять ему большаго ущерба. Болѣе значительная убыль студентовъ начинается въ пражскомъ университетѣ съ 1390 года, вслѣдствіе возникшихъ смятеній какъ въ нѣмецкой имперіи такъ и внутри Чехіи. Судя по университетскимъ спискамъ того времени, число студентовъ быстро упало на цѣлую треть. Но самая громадная и невозвратимая убыль университетской людности совершилась въ 1409 году, когда три иностранныя націи съ своими студентами и профессорами, до 5,000 человѣкъ, вдругъ оставили Прагу и, въ огромномъ большинствѣ поселившись въ Лейпцигѣ, основали тамъ новый университетъ. Эта катастрофа, составляя знаменательнѣйшій эпизодъ въ жизни нѣмецкихъ университетовъ первой половины средневѣковаго ея

періода, стоитъ того, чтобъ нѣсколько долѣе остановить на ней вниманіе.

Выше было сказано, что пражскій университетъ состоялъ изъ четырехъ націй: чешской, польской, баварской и саксонской. Естественно, что послѣднія двѣ націи состояли изъ однихъ нѣмцевъ; но и польскую націю составляла не одна Польша съ Литвою: къ ней кромѣ Силезіи, Лужицъ и Мисніи, земель, конечно, славянскихъ, но съ давно уже преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ, причислялись также и чисто нѣмецкія земли и города, какъ то: Турингія, верхняя Саксонія, Пруссія, города Торгау, Мерзебургъ и другіе. Сверхъ того поляки съ давнихъ поръ привыкли къ Парижу и преимущественно къ Италіи, въ университетахъ которой, особенно въ Болоньи и Падуѣ, польскіе студенты столь были многочисленны, что составляли особыя націи. Поэтому ясно, что въ людности пражскаго университета не только чисто національный, чешскій элементъ, но вообще элементъ славянскій былъ несравненно слабѣе нѣмецкаго элемента. Такъ между 1372—1389 годами въ университетѣ юристовъ цѣлая треть членовъ принадлежала къ саксонской націи и только шестая часть къ чешской; а между 1390 и 1408 годами, когда значительная часть баварской націи переселилась въ Кельнъ и Гейдельбергъ, въ составѣ всей университетской людности половина членовъ принадлежала къ саксонской націи, третья часть къ польской и немного болѣе шестой части къ чешской. Но важнѣе всего то, что, на основаніи статутовъ, и въ университетскомъ совѣтѣ и въ общихъ собраніяхъ университета и въ факультетахъ голоса подавались по націямъ и каждая нація имѣла одинъ только голосъ; отсюда во всѣхъ совѣщаніяхъ, постановленіяхъ и выборахъ нѣмцы, имѣя въ своемъ распоряженіи три голоса противъ одного чешской націи, естественно, вездѣ брали перевѣсъ. Наконецъ дошло до того, что ректоры, деканы и другія должностныя лица почти исключительно выбирались изъ среды иностранныхъ націй, т. е. изъ среды нѣмцевъ; что нѣмцы захватили почти всѣ коллегіатуры и другія матеріальныя выгоды, доставляемыя университетомъ, а также почти всѣ высшія духовныя должности и богатѣйшія бенефиціи въ королевствѣ. Чешская нація, королямъ которой были обязаны своимъ существованіемъ какъ университетъ, и всѣ важнѣйшія коллегіи съ своими зданіями и фундушами, такъ равно и большая часть духовныхъ бенефицій, конечно, не могла переносить равнодушно такое вопіющее злоупотре-

бленіе со стороны нѣмецкихъ націй, тѣмъ болѣе что съ распространеніемъ высшаго образованія и матеріальнаго благосостоянія въ краѣ проявилось не только въ чешскихъ членахъ университета, но и въ цѣломъ чешскомъ народѣ общее стремленіе освободить по возможности чешскую національность отъ нѣмецкаго вліянія и гнета. Въ 1384 году чешская нація вошла съ формальною жалобою въ одно и тоже время къ пражскому архіепископу, какъ канцлеру университета, и къ королю Венцеславу IV на то, что всѣ коллегіи занимаютъ почти постоянно одни нѣмцы. Жалоба признана была справедливою и канцлеръ объявилъ, что въ коллегіи должны быть принимаемы одни лишь чехи и только при недостаткѣ ихъ вакансіи могутъ быть заняты членами другихъ націй. Нѣмецкія націи не признали канцлера компетентнымъ судьею въ дѣлахъ подобнаго рода и аппелировали къ папѣ, а между тѣмъ ректоръ университета, принадлежавшій къ одной изъ иностранныхъ націй, впредь до рѣшенія спора, запретилъ преподаваніе и другіе акты въ университетѣ. Чехи явились въ аудиторіи съ оружіемъ въ рукахъ и беспрепятственно продолжали лекціи и диспутаціи. Нѣсколько же студентовъ въ маскахъ напали на ректора и на упорнѣйшихъ противниковъ и поколотили ихъ. Кончилось тѣмъ, что нѣмцы вынуждены были уступить. Состоялось примиреніе между націями, вслѣдствіе котораго въ трехъ важнѣйшихъ королевскихъ коллегіяхъ чешская нація одна получала почти столько же коллегіатуръ, сколько всѣ три иностранныя націи вмѣстѣ. Такая побѣда высоко подняла значеніе чешской націи: съ тѣхъ поръ членамъ ея чаще уже доставалось быть ректорами, деканами и другими сановниками въ университетѣ и факультетахъ, она образовала сильную и самостоятельную корпорацію, къ чему способствовало еще и то, что частные благотворители, основывая какія либо благотворительныя и богоугодныя учрежденія въ пользу университета, стали съ тѣхъ поръ прилагать непремѣннымъ условіемъ, чтобы ими управляли и пользовались всѣми отъ нихъ доходами исключительно чехи.

Однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій этого рода была Виѳлеемская капелла, основанная (1391) Іоганномъ фонъ Мюльгеймомъ и обезпеченная значительнымъ фундушомъ. Главная цѣль этого учрежденія состояла въ томъ, чтобы въ этой капеллѣ говорились проповѣди исключительно на чешскомъ языкѣ, такъ какъ, въ угодность преобладавшей нѣмецкой аристократіи, почти во всѣхъ церквахъ въ Прагѣ господствовали одни только нѣмецкіе проповѣдники. Три

старшинъ магистра чешской націи изъ каролинской коллегіи выбирали трехъ кандидатовъ въ проповѣдники въ Виѳлеемскую капеллу, изъ которыхъ Мюльгеймъ, какъ патронъ капеллы, а послѣ его смерти преемники его патроната, обязывались опредѣлять достойнѣйшаго. Четвертымъ сряду проповѣдникомъ, еще при жизни Мюльгейма, назначенъ былъ (1402) магистръ Іоаннъ Гусъ, тогдашній деканъ факультета артистовъ, столь прославившійся впослѣдствіи, какъ глава чешскихъ реформаторовъ, въ духѣ ученія Виклефа, которое проникло въ прагскій университетъ еще при жизни самаго Виклефа.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ самаго основанія прагскаго университета между нимъ и оксфордскимъ университетомъ не было недостатка въ ученыхъ сношеніяхъ; быть можетъ даже, что нѣкоторые изъ прагскихъ профессоровъ учились въ Оксфордѣ. Уже въ статутахъ 1367 года сочиненія знаменитыхъ оксфордскихъ профессоровъ рекомендуются въ руководство наравнѣ съ сочиненіями парижскихъ и прагскихъ профессоровъ. Но эти сношенія особенно оживились съ 1381, когда принцесса Анна, дочь Карла IV, вышла замужъ за короля англійскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что уже около этого времени появились въ Прагѣ нѣкоторыя изъ сочиненій Виклефа и производили свое вліяніе на религіозныя убѣжденія ученыхъ чеховъ. Такъ знаменитѣйшій изъ народныхъ чешскихъ писателей того времени, Ѳома Штитны высказываетъ свое сомнѣніе о пресуществленіи совершенно въ духѣ Виклефа: «Aj, již mi jde léto sedmdesáté, a wšak jeste sú mnú nekteri mistri pohnuli, tak že neumelbych za jisto powedieti, jestli w té swàtosti jeste chléb, pod nimžby bylo také telo božie cili tu již zhyne chléb» etc. Подъ конецъ XVI столѣтія ученіе Виклефа уже подавало поводъ къ весьма частымъ преніямъ между учеными прагскаго университета и находило сильныхъ защитниковъ между магистрами чешской націи; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: Николай Лейтомысльскій, Станиславъ Знаймскій, Степанъ Палечъ, астрономъ Христанъ Прахатицъ и два молодыхъ магистра Іоаннъ Гусъ и Гіеронимъ Прагскій.

Гусъ, студировавшій въ прагскомъ университетѣ, получилъ ученыя степени: въ 1393 году, двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду, бакалавра философіи, въ 1394—бакалавра богословія, и 1396—магистра философіи; въ 1398 явился онъ профессоромъ университета, въ 1399 выступивъ въ первый разъ на публичное преніе съ своими товарищами, защищалъ нѣкоторыя положенія Виклефа; въ 1401

философскій факультетъ выбралъ его своимъ деканомъ, и въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ проповѣдникомъ въ виолеемскую капеллу, а въ 1402 удостоился выбора въ ректоры университета.

Гіеронимъ Прагскій, съ ранней юности искренній другъ Гуса, былъ моложе его лѣтами. Равные по таланту, остроумію и краснорѣчію, друзья рознились между собою характеромъ. Серіозный Гусъ обладалъ желѣзною волею, тогда какъ Гіеронимъ отличался чрезвычайною живостію ума и нѣкоторою долею легкомыслія. Гусъ никогда не покидалъ Праги и Чехіи, тогда какъ любознательности пылкаго Гіеронима, казалось, вся Европа не въ состояніи удовлетворить. Будучи еще студентомъ, онъ посѣтилъ оксфордскій университетъ и принесъ оттута нѣкоторыя изъ незнакомыхъ еще въ Прагѣ сочиненій Виклефа, преимущественно богословскія. Возвратившись и получивъ степень бакаларва философіи, онъ снова отправился за границу, побывалъ въ университетахъ Кельнскомъ, Гейдельбергскомъ и Парижскомъ и въ послѣднемъ получилъ степень магистра. Не довольствуясь этимъ, въ 1403 году онъ предпринялъ путешествіе въ Палестину и Іерусалимъ и на возвратномъ пути посѣтилъ еще другія земли, игралъ роль то рыцаря, то дипломата, то ученаго; но такъ какъ онъ нигдѣ не могъ утерпѣть, чтобы не высказать свое расположеніе къ Виклефу, то почти отвсюду прогоняли его.

Гусъ и Гіеронимъ Прагскій были двѣ передовыя личности, которыя возростили въ себѣ давно посѣянныя въ чешскомъ народѣ сѣмена недовольства тогдашнимъ состояніемъ духовенства и церкви, и энергически содѣйствовали дальнѣйшему ихъ развитію, опираясь на ученіе Виклефа. И такъ какъ ихъ реформаторское стремленіе имѣло характеръ національный, то очевидно, что они не могли надѣяться на сочувствіе другихъ націй въ университетѣ, кромѣ одной чешской. Самое благопріятное время для виклефова ученія въ пражскомъ университетѣ было съ 1401 по апрѣль 1403 г., когда архіепископская каѳедра въ Прагѣ оставалась вакантною, когда одинъ изъ поборниковъ ученія Виклефа, Николай Лейтомысльскій, былъ вице-канцлеромъ, а самъ Гусъ сперва деканомъ, а потомъ ректоромъ университета. Но лишь только мѣста ихъ по управленію университетомъ заняли нѣмцы, не замедлила образоваться реакція противъ ученія Виклефа. Такъ какъ на лондонскомъ соборѣ 1382 г., состоявшемъ изъ 13 епископовъ и 30 магистровъ богословія, подъ предсѣдательствомъ кэнтербюрійскаго архіепископа, 24 статьи въ сочи-

ченіяхъ Виклефа были признаны ложными или еретическими и осуждены, то теперь нѣмецкая партія въ пражскомъ университетѣ, отыскавъ еще подобнаго значенія 21 статью, представила вмѣстѣ всѣ 45 статей на разсмотрѣніе въ капитулъ Пражскихъ канониковъ, по требованію котораго преемникъ Гуса, членъ баварской націи, ректоръ Гарассеръ, созвалъ университетъ въ полномъ составѣ для общаго заключенія о 45 виклефовыхъ статьяхъ. По прочтеніи статей приверженцы Виклефа, и въ числѣ ихъ Ник. Лейтомысльскій, Стан. Знаймскій и Гусъ, съ жаромъ возстали противъ обвинителей, укоряя ихъ въ превратномъ толкованіи нѣкоторыхъ изъ 45 статей. Не смотря однакожъ на то, собраніе послѣ продолжительныхъ преній, рѣшило, что никто изъ членовъ университета не долженъ читать и распространять, ни публично, ни приватно ни одной изъ осужденныхъ статей, подъ страхомъ такого наказанія, какое опредѣлено за нарушеніе данной присяги въ повиновеніи университету.

Это запрещеніе произвело то лишь дѣйствіе, что съ тѣхъ поръ и Гусъ и Стан. Знаймскій отвергли виклефово ученіе о пресуществленіи; но относительно тѣхъ статей, въ которыхъ Виклефъ изобличалъ вопіющія злоупотребленія церковной іерархіи, оно не только оказалось безсильнымъ, но еще болѣе способствовало ихъ распространенію, потому что эти злоупотребленія были общи какъ въ Англіи такъ и въ Чехіи и чешскіе реформаторы не щадили ихъ въ своихъ проповѣдяхъ, не щадилъ ихъ и Гусъ, превосходившій своихъ товарищей глубокимъ и яснымъ проникновеніемъ въ сущность каждаго вопроса, легкостію въ ея развитіи, громадною начитанностію, особенно въ священномъ писаніи, и дѣйствіемъ болѣе на умъ нежели на воображеніе слушателей. Какъ проповѣдникъ въ виелеемской капеллѣ, Гусъ, за свою пламенную ревность противъ всеобщей испорченности нравовъ равно въ свѣтскихъ сословіяхъ какъ и въ духовенствѣ, сдѣлался любимцемъ чешскаго населенія въ Прагѣ, а какъ духовникъ королевы, пріобрѣлъ великое значеніе при дворѣ; наконецъ архіепископъ Збинекъ не только часто слѣдовалъ его совѣтамъ, когда дѣло шло объ искорененіи злоупотребленій въ духовной іерархіи, но и оказывалъ ему свое особенное удовольствіе всякій разъ, когда онъ въ своихъ проповѣдяхъ открыто бичевалъ различные пороки духовнаго сословія какъ зло, угрожающее гибелью церкви, зло, котораго главнымъ источникомъ служили земныя блага въ рукахъ духовенства.

Такимъ образомъ магистръ Гусъ тогда уже могъ быть почитаемъ

главою чешско-національной партіи въ университетѣ и реформаторской въ чешскомъ духовенствѣ. Поэтому не удивительно, что подобныя проповѣди Гуса и друзей его противъ злоупотребленій не щадили и самой главной школы и особенно ея духовныхъ членовъ, укоряя послѣднихъ въ томъ, что не всѣ они дѣйствовали изъ усердія къ наукѣ, но что для большей части изъ нихъ наука служила только предлогомъ, чтобы имѣть возможность предаваться столичнымъ удовольствіямъ и порокамъ. Оттого-то, говорилъ Гусъ, они не столько проводятъ времени на лекціяхъ и надъ книгами, сколько въ попойкахъ и азартной игрѣ; оттого-то они такъ заботятся объ освобожденіи себя, будто бы для цѣлей науки, отъ обязанности жить на мѣстѣ ихъ церковной должности *), а между тѣмъ весьма многіе изъ нихъ желаютъ знать единственно для того только, чтобы знать, т. е. изъ пустаго любопытства; таковы многіе астрологи и математики; другіе желаютъ знать для того только, чтобы сдѣлаться извѣстными, слѣдовательно только изъ за суетной славы; таковы многіе богословы; иные желаютъ знать, чтобы продавать свое знаніе за деньги и за почести, какъ дѣлаютъ многіе медики и юристы; и только не многіе трудятся, чтобы пріобрѣсть знанія для того, чтобы образовать самихъ себя и другихъ. Консервативная партія, раздраженная такими и подобными имъ рѣчами, находившими отголосокъ въ цѣломъ народѣ, рѣшилась войти къ духовному начальству съ новыми жалобами на распространителей виклефова ученія. Въ маѣ 1408 года созвано было вторично собраніе университета по этому поводу, но ограничилось чешскою націей (64 магистра и доктора, 150 бакалавровъ и до 1,000 студентовъ); остальныя три націи: баварская, саксонская и польская не приняли участія въ совѣщаніяхъ. Послѣ жаркихъ и продолжительныхъ преній, въ которыхъ самое дѣятельное и живое участіе принималъ Гусъ, и его друзья противъ безусловнаго осужденія всѣхъ 45 виклефовыхъ статей, рѣшеніе наконецъ состоялось въ такомъ смыслѣ, что никто изъ членовъ, подъ страхомъ исключенія изъ университета, не долженъ ни излагать на лекціяхъ, ни объявлять неложною какую либо изъ указанныхъ 45 статей, въ которой подозрѣвалась бы ошибочность или ересь ученія. Что же касается до трактатовъ Виклефа, Dialogus, Tria-

*) Одною изъ привилегій, жалованныхъ папами университетамъ, магистры и студенты, пока состояли при университетѣ, освобождались отъ резиденціи на мѣстѣ своей церковной должности и отъ личнаго исправленія ея; имъ позволялось вмѣсто себя поставлять викарныхъ.

logus и de Eucharistia, то чтеніе ихъ впредь запрещалось только бакалаврамъ.

Жалобы, однакожъ, и доносы не прекращались и побудили архіепископа Збинека потребовать, чтобы всѣ магистры, бакалавры и студенты у которыхъ находились виклефовы сочиненія, доставили ихъ къ нему въ архіерейскій дворецъ для личнаго разсмотрѣнія. По примѣру Гуса, всѣ члены университета исполнили волю архіепископа, кромѣ пяти студентовъ, которые, очевидно съ согласія партіи реформаторовъ, объявили, что они аппелируютъ къ папѣ какъ противъ рѣшенія, признавшаго ересью ученіе Виклефа, такъ и противъ послѣдняго распоряженія архіепископа; которое, по ихъ мнѣнію, было противузаконнымъ нарушеніемъ дарованныхъ университету привилегій.

Въ то время, какъ споръ между двумя партіями чешской націи, реформаторской и консервативной, принялъ болѣе опредѣленную форму, совершились внѣшнія событія, которыя, возобновивъ старинный споръ между чешскою и иностранными націями университета, ускорили его неожиданное рѣшеніе. Возникшее въ 1378 году раздѣленіе западной церкви между двумя папами произвело страшное замѣшательство и соблазнъ въ цѣломъ западномъ христіанствѣ. Долгое время благомыслящіе люди тщетно изыскивали средства къ прекращенію раскола. Наконецъ, когда послѣ кончины Иннокентія VII (1406), римскіе кардиналы возвели на папскій престолъ Григорія XII, блеснула надежда умиротворенія церкви. Въ апостольскомъ посланіи прагскому университету Григорій XII выразилъ намѣреніе убѣдить своего авиньонскаго соперника къ отреченію и съ своей стороны отречься отъ папскаго престола, съ тѣмъ, чтобы соединившіеся этой и другой партіи кардиналы избрали новаго папу. Онъ просилъ университетъ всѣми силами содѣйствовать достиженію этой цѣли. Но условленное свиданіе между двумя папами, какъ извѣстно, не состоялось потому, что ни тому ни другому не хотѣлось отказаться отъ власти. Вслѣдствіе чего, по примѣру Франціи, и по соглашенію съ кардиналами, которые съѣхались въ Пизу, чтобы туда созвать вселенскій соборъ для выбора новаго папы, Венцеславъ IV потребовалъ, чтобы Чехія отказала въ послушаніи Григорію XII и, до выбора новаго папы, оставалась бы нейтральною. Но большинство чешскаго духовенства вмѣстѣ съ архіепископомъ рѣшительно воспротивилось требованію короля. Когда же Венцеславъ предложилъ вопросъ на обсужденіе прагскаго универси-

тета, то чешская нація, въ которой реформаторы имѣли перевѣсъ, изъявила готовность подать свой голосъ въ пользу королевскаго предложенія, но такъ какъ всѣ три иностранныя націи рѣшительно объявили, что онѣ отвергнутъ предложеніе, то ректоръ, чтобы не оскорбить короля, не допустилъ до подачи голосовъ и собраніе разошлось, не постановивъ никакого рѣшенія.

Чешская нація рѣшилась воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы положить конецъ ненавистному нѣмецкому преобладанію въ университетѣ. Обѣ партіи, консервативная и реформаторская, дружно на этотъ разъ соединились противъ общаго врага. Университету предстояло отправить депутацію къ королю для доклада о результатѣ совѣщаній. Чешская нація выбрала съ своей стороны депутатами Гуса и Гіеронима Прагскаго, поручивъ имъ просить короля объ измѣненіи дотолѣ существовавшихъ отношеній между университетскими націями и о дарованіи чешской націи тѣхъ преимуществъ, которыми пользовались туземцы во всѣхъ заграничныхъ университетахъ и въ особенности въ парижскомъ, по образцу котораго Карлъ IV организовалъ прагскій университетъ.

Когда депутація явилась къ королю и доложила о неудачномъ результатѣ, тогда Гусъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Гіеронимомъ, объяснивъ настоящую причину неудачи, въ сильныхъ словахъ представилъ отъ имени чешской націи просьбу королю выше изложеннаго содержанія. Противная сторона не осталась въ долгу и съ жаромъ отстаивала права свои.

Король спокойно выслушалъ жалобы и притязанія обѣихъ сторонъ; но потомъ, сказавъ милостивое слово нѣмцамъ и обѣщавъ имъ сохранить права ихъ въ цѣлости, съ строгимъ выговоромъ обратился къ Гусу за подозрѣніе въ ереси, которое онъ и друзья его навлекли на Чехію и чрезъ то причинили своему королю много непріятностей заграницей. Онъ погрозилъ имъ костромъ, если они не постараются поправить дѣло. Пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Гусъ тяжко заболѣлъ. Къ счастію одинъ изъ вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ короля, Николай Лобковичъ, явился ходатаемъ въ интересѣ чешской націи и неожиданно нашелъ поддержку со стороны прибывшихъ въ это самое время посланниковъ отъ французскаго короля и парижскаго университета съ порученіемъ настаивать на безотлагательномъ присоединеніи Венцеслава IV къ пизанскому собору и нейтралитету. Лобковичъ и посланники объяснили королю, что виною неудачнаго результата университетскихъ совѣ-

щаній было упорство трехъ иностранныхъ націй и преобладаніе ихъ въ университетѣ, что эти націи владѣли тремя голосами отнюдь не на основаніи статутовъ, но только по заведенному обычаю, что въ парижскомъ университетѣ во всѣхъ совѣщаніяхъ голосъ французской націи имѣлъ рѣшительный перевѣсъ. Убѣжденный этимъ доводомъ король, декретомъ 18-го января 1409 года объявилъ, что чешская нація, по примѣру парижскаго и итальянскихъ университетовъ, во всѣхъ актахъ и совѣщаніяхъ прагскаго университета будетъ впредь имѣть три голоса, иностранныя же три націи, всѣ вмѣстѣ, только одинъ.

Лишь только королевскій декретъ былъ прочитанъ въ полномъ собраніи всѣхъ четырехъ націй университета, нѣмцы страшно возмутились и единогласно объявили, что никогда не подчинятся такой несправедливости и позору и предпочтутъ оставить университетъ. А чтобы угрозѣ своей придать болѣе вѣса, всѣ магистры, бакалавры и студенты поклялись, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, лишенія чести, наказанія за клятвопреступленіе и денежнаго взысканія въ количествѣ ста копъ прагскихъ грошей, не соглашаться ни на малѣйшее измѣненіе существовавшей дотолѣ системы подачи голосовъ и ежели не удалась бы попытка склонить короля и королевскій совѣтъ къ сохраненію прежняго порядка вещей, тогда удалиться изъ университета и города безвозвратно. Въ самомъ дѣлѣ нѣмцы привели въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобъ возвратить потерянныя права. Нѣсколько мѣсяцевъ продолжались переговоры. Король и совѣтъ склонялись уже къ предоставленію обѣимъ сторонамъ, чехамъ и нѣмцамъ, полнаго равенства правъ въ университетѣ, соглашались между прочимъ, чтобы въ должности ректора и декановъ на одно полугодіе выбирались по очереди нѣмцы, на другое чехи. Но нѣмцы упорствовали; дальнѣйшихъ же уступокъ и король и королевскій совѣтъ рѣшались не дѣлать. Между тѣмъ, по поводу этихъ смятеній, остановились всѣ дѣла въ университетѣ и нельзя было приступить къ правильному выбору новаго ректора. Поэтому король назначилъ на этотъ разъ ректора самъ своею властью. Лобковичъ, въ сопровожденіи городскихъ властей и значительнаго воинскаго отряда явился въ каролинскую коллегію и собравшимся тамъ въ полномъ комплектѣ членамъ университета сообщилъ волю короля. Чешская нація покорилась ей безпрекословно. Но нѣмцы заупрямились и рѣшительно отказались признать назначеннаго королемъ ректора, такъ что Лобковичъ вынужденъ былъ силою заста-

вить стараго ректора изъ саксоновой націи передать новому университетскія инсигніи: печать, матрикулъ, ключи отъ библіотеки и кассы.

До крайности раздраженные такимъ поступкомъ съ ихъ ректоромъ, нѣмецкіе магистры, бакалавры и студенты рѣшились исполнить клятвенное обѣщаніе и поспѣшно стали удаляться изъ Праги, кто какъ могъ, пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ. По свидѣтельству Энея Сильвія (Папа Пій II) въ нѣсколько дней выбыло ихъ болѣе 2000 человѣкъ, а спустя немного времени за ними послѣдовали еще до 3000. Вскорѣ не осталось въ Прагѣ ни одного нѣмецкаго профессора и ни одного нѣмецкаго студента.

Это выселеніе имѣло весьма важныя послѣдствія. Пребываніе императорскаго двора и университетъ придавали Прагѣ значеніе нѣмецкой столицы. Конечно, въ это время было уже открыто въ Германіи нѣсколько другихъ главныхи школъ (studium generale), но ни одна изъ нихъ не могла равняться съ прагскимъ университетомъ ни многолюдностію учащихъ и учащихся, ни славою. Его образовательное вліяніе простиралось во всѣ стороны и преимущественно дѣйствовало на сѣверную Германію до предѣловъ Скандинавіи. Наука сдружилась въ немъ съ изящными искусствами и самая торговля получила необыкновенное оживленіе, такъ какъ многіе иностранные студенты занимались вмѣстѣ и торговымъ дѣломъ, или правильнѣе сказать, многіе нѣмецкіе торговцы записывались въ число прагскихъ студентовъ, чтобы участвовать въ присвоенныхъ имъ личныхъ преимуществахъ. Все это теперь рушилось, Прага потеряла свое первенство между нѣмецкими городами. Нѣмецкіе университеты усилились принятіемъ въ свои нѣдра прагскихъ бѣглецовъ. Сорокъ четыре даровитѣйшихъ магистра, изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ, прагскіе выходцы, во главѣ саксонской націи, основали и организовали новый университетъ въ Лейпцигѣ. Первымъ его ректоромъ былъ, въ началѣ 1410 года, прагскій профессоръ богословія; подъ руководствомъ его написаны первые лейпцигскіе статуты, почти слово въ слово списанные со статутовъ прагскаго университета. Нѣмецкая наука усвоила себѣ въ послѣдствіи многостороннее самостоятельное развитіе, потому что уже не существовало болѣе центральнаго пункта съ преобладающимъ умственнымъ вліяніемъ. Еще важнѣе были для Чехіи другія послѣдствія этого выселенія. Нѣмецкому элементу въ этомъ краѣ нанесенъ былъ первый могучій ударъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали другіе въ подоб-

номъ направленіи, на цѣлое столѣтіе остановившіе его дальнѣйшее здѣсь развитіе. Но ближайшее и важнѣйшее вліяніе имѣло это событіе на дальнѣйшее развитіе церковно-реформаторскихъ идей въ Чехіи. Вмѣстѣ съ удаленіемъ нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ изъ Праги рушилась преграда, задерживавшая дотолѣ ихъ стремительный потокъ; съ тѣхъ поръ онѣ наводнили страну и народъ почти безъ сопротивленія, и до такой степени сердца чеховъ были приготовлены къ воспріятію ихъ, что стоны тѣхъ, которые предвидѣли погибель матеріальнаго благосостоянія страны, не находили ни малѣйшаго отголоска въ народѣ.

Извѣстно, какой участи подверглись на констанцкомъ соборѣ главные вожди чешскихъ реформаторовъ, Гусъ и Геронимъ прагскій, съ какимъ единодушіемъ, послѣ этой катастрофы, поднялся чешскій народъ за свободу новаго ученія, какой продолжительной и ожесточенной борьбы, какихъ потоковъ крови стоило потушеніе этого страшнаго пожара, какими печальными развалинами и пустынями покрылась эта недавно еще цвѣтущая страна! Разрушительное сотрясеніе, сокрушившее всѣ пружины государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія, истребившее въ сердцахъ людей всякое сознаніе справедливости, законности, права собственности, не пощадило и прагскаго университета. Прагскій университетъ, конечно, былъ главнымъ источникомъ, откуда разлилось въ народѣ новое ученіе; а потому побѣдители считали себя въ правѣ поступить съ нимъ, какъ съ побѣжденнымъ врагомъ, и ограбили его безъ зазрѣнія совѣсти. Къ сожалѣнію, во главѣ грабителей стоялъ самъ король чешскій Сигизмундъ, римско-нѣмецкій императоръ, сынъ основателя прагскаго университета! Безпрестанно нуждаясь въ деньгахъ на военныя издержки, онъ не поколебался захватить лучшія поземельныя имѣнія, принадлежавшія коллегіямъ и университету, и продалъ или заложилъ ихъ частнымъ лицамъ за огромныя суммы. Остальное разграбили сильные бароны, его приверженцы. Такой же почти участи подверглись и многія коллегіатскія зданія. Когда такимъ образомъ недавно еще одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ университетовъ совершенно обнищалъ по милости своихъ грабителей, то при малочисленности учащихся положеніе профессоровъ сдѣлалось чрезвычайно критическимъ и нисколько не обезпеченнымъ. Поэтому лучшіе изъ нихъ мало по малу разсѣялись въ другіе нѣмецкіе университеты, число которыхъ увеличивалось постоянно. Остались на мѣстѣ только тѣ, которые или, сознавая свою неспо-

собность, не надѣялись найти лучшихъ условій быта въ другихъ университахъ, или по какимъ либо семейнымъ обстоятельствамъ не могли удалиться изъ Праги или наконецъ тѣ весьма не многіе, которыхъ привязывало къ родному университету патріотическое чувство. Вотъ причина, почему пражскій университетъ, въ теченіе XV и XVI столѣтій такъ мало выказывалъ признаковъ жизни; почему онъ принималъ такое слабое участіе какъ въ борьбѣ схоластики съ гуманизмомъ, такъ и въ реформаціи. Но еще придется намъ коснуться этого предмета въ другомъ мѣстѣ; теперь же пока постараемся познакомиться нѣсколько поближе еще съ однимъ старѣйшимъ нѣмецкимъ университетомъ, именно съ вѣнскимъ.

В. Игнатовичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКИ ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ И НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Вопросъ о народномъ образованіи связанъ съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, и потому возбуждаетъ живой интересъ и въ литературѣ и въ офиціальныхъ кругахъ. Составленъ подробный проектъ и планъ устройства народныхъ училищъ, вызвавшій множество разнообразныхъ мнѣній. По этому поводу открылась полемика: одни отстаивали сословныя права на образованіе народа; другіе находили необходимымъ учрежденіе спеціальнаго института для сельскихъ учителей; третьи желали бы наставниковъ для народа, вышедшихъ изъ самого же народа, а не изъ педагогическаго заведенія. Между тѣмъ какъ въ столицѣ разсуждали о различныхъ теоріяхъ, опровергались мнѣнія противниковъ и печатались отчеты съ самыми крупными цифрами; въ провинціяхъ, въ городкахъ и селахъ училища большею частью продолжали жить своею прежнею жизнью; иное заводилось вновь, но по прежнимъ образцамъ; другое закрывалось, не замѣненное лучшимъ. Мѣстные жители со вниманіемъ читали то, что писалось въ столицѣ о народномъ образованіи, но ихъ практическій смыслъ не всегда соглашался въ дѣйствительной пользѣ и примѣнимости самыхъ, повидимому, благодѣтельныхъ изобрѣтеній теоріи. Каковы бы ни были слѣдствія отъ столкновенія теоріи съ практикой, необходимо присмотрѣться къ мѣстнымъ условіямъ и прислушаться къ голосу мѣстныхъ жителей, чтобы не впасть въ произвольныя предположенія и не отрѣшиться отъ дѣйствительности. Эта простая истина не всегда, однакоже, была сознаваема, какъ можно судить не по словамъ, а по самому дѣлу. Обыкновенно, всякаго рода распоряженія о благѣ и умственномъ развитіи жителей падали какъ снѣгъ на голову уже готовыми и рѣшенными, и требовалось безусловнаго исполненія. Такая

неожиданность ставила новое учрежденіе, съ первыхъ дней его, въ разладъ съ обществомъ, и слѣдствія разлада были самыя неутѣшительныя. Для избѣжанія ихъ въ дѣлѣ народнаго образованія весьма полезно, при введеніи новаго устройства, собрать точныя свѣденія о состояніи училищъ въ разныхъ мѣстностяхъ и объ отношеніяхъ, которыя существуютъ между училищами и обществомъ. За невозможностью обозрѣть всѣ губерніи, надо ограничиться наиболѣе характерными.

Ярославская губернія заслуживаетъ особеннаго вниманія по многимъ причинамъ, — и по своему мѣстному положенію, и по изобилію историческихъ памятниковъ, возбуждающихъ и поддерживающихъ любознательность, и по образу жизни и обширному кругу дѣятельности ея чисто-русскаго населенія и по существующему въ немъ запросу на образованіе *). Пользуясь счастливымъ географическимъ положеніемъ, окруженная промышленными губерніями и простираясь по берегамъ Волги, Ярославская губернія открыта для сношеній съ юго-востокомъ, западомъ и сѣверомъ Россіи. Крестьяне большею частью отправляются на промыслы въ столицы и, возвращаясь на родину, способствуютъ оживленію и образованію края. Имъ необходима грамота и нѣкоторыя свѣденія, потому что на чужой сторонѣ, а особенно въ столицахъ, нельзя быть неучемъ: кто большему научился, тому и большее жалованье и лучшая работа. Кромѣ матеріальныхъ побужденій, любознательность развивается подъ вліяніемъ памятниковъ старины, разсѣянныхъ по всему пространству губерніи. Потребность образованія видна изъ того, что не только въ промышленныхъ пунктахъ, но въ иныхъ захолустьяхъ почти нѣтъ неграмотныхъ. Коммерческіе обороты Рыбинска, Ярославля, Ростова занимаютъ важное мѣсто въ русской торговлѣ. Многіе изъ купцовъ торгуютъ въ разныхъ губерніяхъ: иной живетъ то въ Рыбинскѣ, то въ Москвѣ, другой то въ Ростовѣ, то въ Саратовѣ, Казани, Оренбургѣ, и т. п.

При соединеніи различныхъ выгодныхъ условій въ губерніи, всякая мѣра, предпринимаемая въ ней для народнаго образованія,

*) Весьма дѣльное описаніе Ярославской губерніи составлено извѣстнымъ знатокомъ края, Ѳ. Я. Никольскимъ, и издано подъ названіемъ: «Путеводитель по Ярославской губерніи, составленный подъ руководствомъ начальника губерніи, изданный угличскимъ купцомъ Н. М. Журавлевымъ». Ярославль. 1859. Нельзя не пожалѣть, что спѣшность работы не позволила автору воспользоваться богатымъ запасомъ его этнографическихъ свѣденій.

не останется безъ слѣда и для сосѣднихъ губерній и для всего приволжскаго края. Всегда и вездѣ мѣстные жители, имѣющіе обширный кругъ сношеній — лучшіе пропагандисты всякаго дѣйствительно-полезнаго нововведенія.

Цѣль путешествія нашего была — собраніе историческихъ и статистическихъ свѣдѣній объ училищахъ; мы имѣли преимущественно въ виду — внутреннее состояніе училищъ и отношеніе ихъ къ общему уровню народной образованности. Собранныя нами свѣдѣнія представляемъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

I. Учрежденіе народныхъ училищъ.

II. Историческій очеркъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ.

III. Современное состояніе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ.

VI. Сельскія училища различныхъ вѣдомствъ.

V. Распространеніе въ народѣ грамотности и образованія вообще.

I.

Появленіе многихъ училищъ обязано, судя по несомнѣннымъ фактамъ, слѣдующему обстоятельству. Въ столицѣ составлялось положеніе объ училищахъ, общее для всей имперіи, опредѣляющее роды училищъ, предметы преподаванія, формы отчетности и т. п., и затѣмъ разсылались по губерніямъ предписанія о точномъ и безотлагательномъ приведеніи въ дѣйствіе утвержденнаго положенія. Получивши предписанія каждый по своему вѣдомству, губернаторъ и директоръ училищъ увѣдомляли другъ друга о случившемся, и въ свою очередь посылали предписанія: губернаторъ градской думѣ, директоръ — смотрителю малаго народнаго училища — какъ назывались первоначальныя школы въ прошломъ столѣтіи. Смотритель сносится по этому поводу съ думою, но въ ихъ сношеніяхъ не видно уже той увѣренности въ успѣхѣ дѣла, которая замѣтна была въ высшихъ инстанціяхъ. Уже и директоръ, увѣдомляя начальника провинціи, и начальникъ провинціи, увѣдомляя директора, не выражали безусловной надежды на скорое исполненіе разсылаемыхъ предписаній; но въ губерніи еще заботились о спасеніи приличія. Въ уѣздныхъ же городкахъ маска снималась и шестигласная дума посылала смотрителю самый недружелюбный отвѣтъ. Смотритель или собственно учитель жаловался директору, что дума не только не заботится объ открытіи училища, но и противодѣйствуетъ ему; директоръ снова обращается къ губернскимъ властямъ; вняв его

ходатайству или, точнѣе, новому требованію изъ столицы, губернаторъ предписываетъ думѣ открыть училище немедленно и безъ всякихъ отговорокъ. Не находя болѣе возможности не исполнять требованія власти, дума составляетъ протоколъ, которымъ опредѣляется увѣдомить начальство, что распоряженіе объ открытіи училища принято гражданами съ единодушнымъ сочувствіемъ, благоговѣніемъ и признательностью, и что вскорѣ приступятъ къ самому открытію училища. Но скораго открытія часто приходилось ожидать очень долго; бѣдный учитель долженъ былъ заводить переписку съ думою и дирекціею, и наконецъ вымаливалъ помѣщенье для училища, но не на радость себѣ и ученикамъ. Домъ, отведенный для разсадника наукъ, грозитъ подавить науку въ самомъ ея началѣ: крыша и стѣны угрожаютъ паденіемъ, сильная течь разгоняетъ учениковъ и мѣшаетъ постороннимъ лицамъ заглянуть въ училище, о которомъ было столько толковъ въ городѣ. И такое препровожденье времени безжалостная судьба послала не одному, не двумъ труженикамъ, а цѣлому поколѣнію учителей, оплакивающихъ свою горькую долю, и учениковъ, лишенныхъ убѣжища отъ суровыхъ стихій.

Процессъ открытія училищъ разсказанъ нами въ общихъ чертахъ; описаніе учрежденія каждаго изъ нихъ есть варіація на одну и туже тему — приказаніе начальства и пріискиванье средствъ не исполнить его. Все, сказанное нами, подтверждается положительнымъ свидѣтельствомъ актовъ, находящихся въ архивахъ учебныхъ заведеній и городскихъ думъ. Руководствуясь этими источниками, укажемъ нѣсколько данныхъ, относящихся къ открытію училищъ въ Ярославской губерніи

Ярославскій приказъ общественнаго призрѣнія сообщилъ ростовской городской думѣ, что «генералъ-маіоръ и отправляющій должность правителя ярославскаго намѣстничества сему приказу предложилъ, что онъ сего же мѣсяца 17-го числа (т. е. декабря 1786 г.), по прибытіи въ городъ Ростовъ, собравшимся къ нему тамошняго магистрата и общей градской думы членамъ и купечеству объявилъ *объ установленіи, во исполненіе* ея императорскаго величества *повелѣнія*, для обученія юношества въ городѣ Ростовѣ *малаго народнаго училища*. Которая высочайшая матерняя милость принята имъ съ чувствительнѣйшимъ усердіемъ. А на другой день поутру, при собраніи немалаго числа дворянства, купечества и мѣщанства, въ приготовленныхъ для училища покояхъ, по отправленіи молебнаго

рѣнія и по проговореніи протоіереемъ и учителемъ къ собранію рѣчей, малое народное училище открыто. Во исполненіе высочайшаго соизволенія, открытіе народнаго училища ростовское купечество почитая за долгъ, отъ усердія и ревности къ благу и пользѣ ближняго, на содержаніе того училища подписавшіеся семьдесятъ шесть человѣкъ взносятъ 651 р. 50 к. Приказъ общественнаго призрѣнія находитъ себя одолженнымъ — таковому благотворительному, честь и хвалу заслуживающему обществу изъявить свое удовольствіе». Но изъявляющіе благодарность были, въ сущности, менѣе одолжены, нежели полагали или притворялись полагающими. Изъ суммы отъ усердія ко благу и пользѣ ближняго въ несобраніи состояло болѣе половины; прошло около года послѣ великодушнаго подвига, а ходоки, собиравшіе подписанныя деньги съ благотворительнаго, честь и хвалу заслуживающаго общества, доносили, что изъ 650 рублей не собрано 241 рубль: подписавшіеся купцы и мѣщане, въ томъ числѣ и сами гласные думы, не отдаютъ денегъ и понынѣ, отзываясь разными отговорками. Тоже повторяютъ ходоки и въ слѣдующемъ году.

Въ первое время своего существованія ростовское училище оставалось по недѣлѣ нетопленнымъ, и комнаты до того настыли, что надо было прекратить ученье. Городская дума не выдавала для училища свѣчъ, такъ что учитель долженъ былъ во время класса вмѣсто преподаванія заниматься посторонними дѣлами, приготовлять тетради для учениковъ и писать рапорты. Нѣсколько лѣтъ спустя учитель вошелъ съ жалобою, что, по многократнымъ его требованіямъ, ростовская градская дума и голова не довольствуютъ его свѣчами и не даютъ бумаги и другихъ нужныхъ потребностей для училища. Вслѣдствіе этой жалобы приказъ общественнаго призрѣнія подтвердилъ думѣ о непремѣнномъ исполненіи принятыхъ общественныхъ обязанностей.

Въ мартѣ 1787 года открыто училище въ Угличѣ, а въ августѣ того же года уже увѣдомляютъ, что училищный домъ, по ветхости его, къ продолженію въ немъ ученія признается неспособнымъ, потому что во время дождя вода проходитъ сквозь потолокъ и каплетъ на столы, и сверхъ того въ стѣнахъ имѣются большія скважины.

Съ перемѣнами въ высшихъ сферахъ администраціи прежній порядокъ дѣлъ мало измѣнился въ отношеніи участія общества къ нуждамъ училища. Вновь учрежденное министерство внутреннихъ

дѣлъ сочло нужнымъ разослать особенныя предписанія, вмѣняющія всѣмъ губернаторамъ въ обязанность наблюдать, чтобы пособія училищамъ отъ городовъ были выполняемы своевременно, потому что—сказано въ министерскомъ предписаніи—въ разныхъ мѣстахъ градскія думы уклоняются подъ разными предлогами отъ взноса опредѣленныхъ ими на училища суммъ.

Въ Рыбинскѣ, одномъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ Ярославской губерніи, долгое время было только одно приходское училище, а число желающихъ поступить въ него было такъ велико, что въ одномъ классѣ находилось около восьмидесяти учениковъ. Такъ какъ при такомъ количествѣ учениковъ, слишкомъ обременительномъ для одного учителя, преподаваніе не могло идти успѣшно, то училищное начальство представило о необходимости открыть второе приходское училище. Въ доказательство необходимости приводилось во первыхъ то, что 80 учениковъ слишкомъ много для одного учителя, во вторыхъ то, что число желающихъ учиться возрастаетъ постоянно, и многимъ приходится отказывать, а почти всѣ они люди бѣдные, лишенные возможности получить образованіе внѣ училища. Признавая эти причины вполнѣ основательными, губернаторъ предписалъ думѣ представить мнѣніе объ открытіи втораго приходскаго училища. Послѣ многихъ напоминаній, ровно черезъ годъ, общество дало мнѣніе такого рода, что отказывать бѣднымъ людямъ дѣйствительно не слѣдуетъ, но ходятъ слухи, что училищный домъ хотятъ перестраивать, и потому общество приговорило «просить, чтобы при перестройкѣ училища устроена была такая комната, въ которой могло бы помѣщаться до 125 человѣкъ, что, по мнѣнію общества, не составляетъ неудобства къ обученію». Оригинальныя понятія общества объ удобствахъ обученія вызвали со стороны дирекціи объясненіе, что существенная необходимость заключается не въ тѣснотѣ помѣщенія, а въ многочисленности учениковъ. Затѣмъ послѣдовало подтвержденіе губернатора открыть училище немедленно, вслѣдствіе чего общество приговорило,— «изъявить общее согласіе на открытіе втораго приходскаго училища». Училище жалуется, что въ одной комнатѣ слишкомъ много 80 человѣкъ; общество отвѣчаетъ: выстройте комнату, чтобы могло помѣститься 125 человѣкъ; это одинъ изъ множества примѣровъ частью умышленнаго, частью наивнаго недоразумѣнія между училищемъ и обществомъ.

Тѣже самыя жалобы со стороны училища, тѣже требованія со

стороны губернскихъ властей и тоже равнодушіе со стороны общества продолжаются отчасти до настоящаго времени. Доказательствомъ этому служатъ открытіе петровскаго училища и дѣла по устройству училищъ въ Любимѣ и въ Пошехоньѣ.

Петровскъ, заштатный городъ ростовскаго уѣзда, рѣзко отличается отъ Ростова своимъ происхожденіемъ. Маститый старецъ Ростовъ издревле былъ городомъ народнымъ, а не княжескимъ, и на вѣчахъ своихъ не разъ давалъ отпоръ княжескому самовластію; близъ Ростова, какъ города народнаго, нѣтъ краснаго села—обычной принадлежности княжескихъ городовъ *). Въ противоположность Ростову, Петровскъ есть городъ новый, явившійся мгновенно, не возникшій силою обстоятельствъ, а изобрѣтенный, и потому не имѣющій ни преданія, ни будущаго. До 1777 года Петровскъ былъ не городомъ, а селомъ, и принадлежалъ петровскому монастырю. На пути въ Ярославль Екатерина II проѣзжала село Петровское; видъ и окрестности села понравились императрицѣ, и она пожаловала его городомъ **). Слѣды происхожденія сохранились въ надписяхъ, находящихся въ притворѣ собора. На правой сторонѣ написано: «совершенъ наружнымъ зданіемъ 1782 года, мѣсяца сентября 10-го дня, подъ распоряженіемъ сея губерніи господина генералъ-губернатора А. П. Мельгунова изъ пожалованной отъ ея величества на сіе строеніе суммы 8,000 рублей, по высочайше апробованному чертежу прожекта губернскаго архитектора Ивана Левенгагена» и пр. На лѣвой сторонѣ надпись: «всевышнимъ соизволеніемъ пресвятыя и нераздѣльныя Троицы, усердножелательнымъ повелѣніемъ всепресвѣтлѣйшія императрицы, Екатерины Алексѣевны вторыя, великія, матери отечества, высокославной жизни императорства ея въ двадцатое лѣто, положено основаніе соборныя церкви».

Импровизованный городъ не заводилъ у себя училища, какъ говорятъ старожилы, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ своего существованія. Только въ 1846 году открыто въ Петровскѣ училище, благодаря усердной заботливости бывшаго градскаго головы Бориса Васильевича Русакова. Тогда недавній еще житель Пет-

*) Древнія святыни Ростова великаго, соч. гр. М. Толстаго. 1860. 2-е изд.

**) О Петровскѣ въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1857 года № 29 и 31 и въ изданіи Хранилова: «Ростовскій уѣздъ и городъ Ростовъ Ярославской губерніи». 1859.

ровска и небогатый человѣкъ, Русаковъ, избранъ былъ головою пятидесятью девятью голосами изъ шестидесяти, и пользуясь справедливымъ уваженіемъ общества, употреблялъ всѣ усилія, чтобы расположить своихъ согражданъ къ открытію училища. Обстоятельства перемѣнились: онъ впалъ въ крайнюю бѣдность, заставившую его перейти въ мѣщанство; сыновей его, бывшихъ питомцевъ училища, взяли въ рекруты одного въ сухопутные, другаго въ матросы; не туда готовилъ ихъ почтенный старикъ, и теперь, по его собственнымъ словамъ, у него осталось единственное утѣшеніе — училище, видимо приносящее благіе плоды: сыновей его замѣтили на службѣ, и дали имъ мѣста при канцеляріи, благодаря свѣденіямъ, пріобрѣтеннымъ ими въ училищѣ. Предложеніе Русакова о необходимости устроить въ Петровскѣ училище встрѣтило въ обществѣ единодушное сопротивленіе; одни говорили, что нѣтъ денегъ, другіе — что это новость, невидаль, вовсе непригодная для города. Не смотря на то, онъ кое-какъ добился приговора; но вмѣсто утвержденія его дума получила увѣдомленіе, что хотя учрежденіе училищъ и предоставлено на волю обществъ, но они должны быть содержимы на счетъ самихъ обществъ, а не на городскіе доходы, при чемъ обязывается дума, особенно же градской голова, принять мѣры убѣжденія и вразумленія къ достиженію желаемаго успѣха. Такимъ образомъ Русаковъ добился только того, что ему предписали дѣлать по обязанности то, что онъ дѣлалъ добровольно, по искренней и честной заботливости о пользѣ городка, съ которымъ успѣлъ сродниться. Неутомимый голова увѣдомлялъ, кого слѣдуетъ, что общество уже пріобрѣло помѣщеніе для училища; что онъ принимаетъ на себя отопленіе и освѣщеніе; что законоучитель, какъ онъ увѣренъ, будетъ преподавать безвозмездно, и что свѣтскій учитель довольствуется платою съ учащихся по мѣрѣ ихъ возможности, а бѣдныхъ согласенъ учить даромъ. Наконецъ, получено извѣстіе, что министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшило открыть училище на счетъ городскихъ доходовъ съ платою учителю 130 рублей и законоучителю 50 руб. въ годъ; помѣщаться оно должно въ томъ же городскомъ домѣ, гдѣ и присутственныя мѣста. Но здѣсь предстояли новыя затрудненія и хлопоты: долгое время не могли выжить изъ верхняго этажа штабсъ-капитана карабинерной роты егерскаго полка, а изъ нижняго этажа — сына бывшаго владѣльца дома. Жилецъ нижняго этажа и его супруга періодически давали подписки, что выѣдутъ въ самоскорѣй-

шемъ времени. Штабсъ-капитанъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на требованіе закона и справедливости, и не отвѣчалъ ни на одну изъ бумагъ по этому дѣлу. Не смотря на то, что домъ принадлежалъ обществу, не смотря на прямой смыслъ устава и безпрестанныя требованія думы, квартирной коммиссіи и губернскихъ властей, неумолимый капитанъ располагалъ общественнымъ домомъ, какъ своею собственностью, и ни за что не соглашался выѣхать. Послѣ долгихъ испытаній счастье улыбнулось было училищу, капитанъ выбылъ изъ города; но по освидѣтельствованіи училищнаго дома оказалось, что во всемъ домѣ цѣло не болѣе трехъ оконныхъ рамъ, другія или съ разбитыми стеклами или вовсе безъ стеколъ; всѣ двѣнадцать требуютъ исправленія, а нѣкоторыя и перекладки; одна труба совершенно развалилась; полы, двери, крыши, все требуетъ капитальныхъ поправокъ. Съ другой стороны, никто не являлся для принятія дома, отданнаго подъ училище; начальство требовало, чтобы дума немедленно передала домъ; она наивно отвѣчала: кому же я передамъ его, когда никто не хочетъ принять. Штатный смотритель предложилъ было свои услуги, но на его вызовъ дума отвѣчала, что такъ какъ перемѣщеніе присутственныхъ мѣстъ пріостановлено, по случаю ветхости зданія, то и для училища отвести комнаты дума не осмѣливается безъ разрѣшенія высшаго начальства. Выраженіе «не осмѣливается» весьма характерно на языкѣ думы: дума прибѣгаетъ къ нему всякій разъ, когда желаетъ отдѣлаться отъ докучной и неумѣстной, съ ея точки зрѣнія, заботливости о поддержкѣ мнимаго усердія гражданъ къ просвѣщенію и небывалой любознательности общества. Въ противоположность съ медленнымъ капитаномъ, штатный смотритель поспѣшилъ заботами о суммахъ училища еще несуществующаго: онъ требовалъ высылки денегъ за треть, присовокупляя, что требуемыя деньги примутъ законное назначеніе по распоряженію училищнаго начальства. Дума отвѣчала на это: «а что вы просите отпустить вамъ сумму безъ наималѣйшаго замедленія, то сія настойчивость ваша довольно кажется думѣ странною, что вы просите отпустить сумму, которая не слѣдуетъ никому и въ выдачу, а потому дума проситъ васъ, пока не будетъ открыто въ городѣ Петровскѣ училище и назначенные въ оное законоучитель и учитель не будутъ заниматься должностями, съ требованіями объ отпускѣ суммы болѣе не обращаться». Наконецъ гордіевъ узелъ разсѣченъ. Начальникъ губерніи, напомнивъ думѣ, что уже болѣе полутора года раз-

рѣшено открыть училище, пишетъ ей: «со времени разрѣшенія и до сихъ поръ происходитъ переписка почти безполезная и показывающая отчасти намѣреніе думы отклонить учрежденіе въ городѣ Петровскѣ училища. Это доказывается непостоянствомъ и разнородностію донесеній о причинахъ, препятствующихъ открытію училища. Посему, предписываю градской думѣ немедленно распорядиться объ отводѣ комнатъ, предназначенныхъ для приходскаго училища съ отпускомъ на содержаніе онаго суммы изъ городскихъ доходовъ». Такимъ образомъ, послѣ долгихъ ожиданій и различныхъ, то печальныхъ, то забавныхъ препятствій, исполнилось желаніе немногихъ, а въ особенности главнаго виновника полезнаго дѣла. Исполненіе любимой мысли застало Русакова уже въ другихъ отношеніяхъ къ обществу и мѣстнымъ властямъ. Прямой и правдивый человѣкъ считалъ безчестнымъ смотрѣть сквозь пальцы на употребленіе общественныхъ суммъ. Онъ отказался подписывать весьма благовидные отчеты и, дорожа трудовою копѣйкою бѣдняковъ, не хотѣлъ жертвовать ею для своекорыстныхъ цѣлей. Подавленный несчастіемъ, Русаковъ доживаетъ печальный вѣкъ свой въ покачнувшемся домикѣ, на площади противъ училища, которому послужилъ съ искреннимъ усердіемъ. Основатель училища лишенъ даже послѣдняго утѣшенія — ничего болѣе не ждать отъ жизни: тяжба съ сильными губернскаго міра даетъ ему тревожное ожиданіе, грозитъ отнять у разореннаго старика уцѣлѣвшія крохи его убогаго имущества.

Петровское училище все-таки было, волею или неволею, открыто. Въ другихъ же городахъ вовсе не суждено было видѣть училищъ, и въ этомъ отношеніи Петровску могутъ позавидовать Пошехонье и Любимъ, хотя и желанія ихъ были менѣе скромны: нѣкоторые изъ жителей мечтали объ уѣздномъ училищѣ, а Петровскъ, какъ городъ заштатный, долженъ былъ ограничиться приходскимъ. Расположеніе къ открытію средствъ для народнаго образованія, обнаружившееся въ послѣднее время въ столицѣ, отозвалось и въ провинціи. Въ глубинѣ губерніи нашлись лица, расположенныя дѣйствовать въ новомъ духѣ, и губернское начальство было обрадовано готовностью ихъ содѣйствовать прекрасному дѣлу; но усилія отдѣльныхъ лицъ не увѣнчались успѣхомъ: общество осталось глухо къ патріотическимъ призывамъ послужить едва возникающему дѣлу просвѣщенія народа. Многіе члены общества на словахъ изъявляли живѣйшее сочувствіе, но какъ только рѣчь захо-

дила о действительномъ доказательствѣ сочувствія, общество измѣнило тонъ, и составляемые имъ приговоры дѣлали учрежденіе училищъ невозможнымъ.

Въ мартѣ 1861 года было заявлено, что пошехонскій уѣздный предводитель дворянства, сочувствуя потребности образованія дѣтей, предлагалъ мѣстному городскому обществу мысль объ учрежденіи въ Пошехоньѣ уѣзднаго училища, и общество съ величайшею благодарностью приняло предложеніе предводителя и изъявило готовность содѣйствовать этому доброму дѣлу своимъ посильнымъ денежнымъ пожертвованіемъ до 2000 рублей серебромъ. Предводитель пріискалъ и домъ, удобный для училища, за 5000 руб. сер. Необходимость училища доказывается числомъ жителей, потребностью ихъ въ образованіи и положеніемъ города. Число жителей простирается въ Пошехоньѣ до 4000; ближайшія уѣздныя училища, въ Рыбинскѣ и Мологѣ, находятся на разстояніи семидесяти верстъ; люди недостаточные поневолѣ должны ограничиться въ образованіи дѣтей своихъ приходскимъ училищемъ. Доводы эти признаны вполнѣ удовлетворительными; но такъ какъ запрещено входить съ представленіемъ о новыхъ расходахъ, то предложено, вмѣсто уѣзднаго училища, открыть двухклассное приходское: на содержаніе его потребно въ годъ 675 руб., а на приходское отпускается изъ городской думы 295 руб., слѣдовательно добавить надо 380 рублей. Въ отвѣтъ на это предложеніе, «пошехонское общество составленнымъ приговоромъ согласія не изъявило», по неимѣнію денежныхъ средствъ.

По той же причинѣ не состоялось училище и въ Любимѣ. Любимскій уѣздъ наполненъ мелкопомѣстными и бѣдными дворянами, не получающими образованія и коснѣющими въ невѣжествѣ; многія дворянскія семейства должны будутъ поступить въ подушный окладъ за невозможностью служить не получа образованія. Основываясь на этомъ, одинъ изъ любимскихъ помѣщиковъ хлопоталъ объ открытіи въ Любимѣ училища, жертвуя для него свой домъ. Но, подобно пошехонцамъ, граждане Любима «отозвались отъ учрежденія училища», также по неимѣнію средствъ.

II.

Не дѣлая заранѣе выводовъ изъ приведенныхъ нами обстоятельствъ, сопровождавшихъ открытіе училищъ съ 1786 до 1861 года включительно, обратимся къ даннымъ, изъ которыхъ всего яснѣе

можно видѣть состояніе училищъ въ разныя времена. Въ скромной жизни училищъ не было такихъ рѣзкихъ отличій, которыя бы проводили яркую грань между предъидущимъ и послѣдующимъ. Въ нѣкоторыхъ, и при томъ существенныхъ, чертахъ школы конца восьмнадцатаго вѣка мало отличались отъ школъ первой половины девятнадцатаго столѣтія. Внутренняя жизнь была одна и таже, или по крайней мѣрѣ представляла весьма много сходнаго, и измѣненія болѣе касались внѣшняго устройства. Едва ли не главное отличіе стараго отъ новаго заключалось въ количествѣ училищъ да въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ, отчасти же въ методѣ преподаванія или, выражаясь точнѣе, во взглядѣ на методу, и то болѣе, какъ кажется, со стороны училищнаго начальства, нежели самихъ наставниковъ: повтореніе однихъ и тѣхъ же совѣтовъ показываетъ, что не спѣшили приводить ихъ въ исполненье. Чтобы познакомить, хотя въ бѣглыхъ чертахъ, съ состояніемъ училищъ въ теченіе ихъ восьмидесятилѣтняго существованія, мы приведемъ рядъ фактовъ, которые просто, но вѣрно выражаютъ то, что было тогда въ дѣйствительности. Въ насъ свѣжо еще впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ архивныхъ дѣлъ и разговорами съ старожилами; сравнивая все читанное и слышанное объ училищной старинѣ, съ тѣмъ, что можно видѣть въ настоящее время, замѣчаешь, что есть много непорванныхъ нитей, связывающихъ теперешнія училища съ ихъ восьмидесятилѣтними братьями. Читая вѣрныя свидѣтельства прошлаго въ самомъ томъ мѣстѣ, къ которому они относятся, и въ виду кишащей толпы ребятишекъ, собранныхъ въ той же школѣ, гдѣ учились ихъ отцы и дѣти, невольно смотришь на эти свидѣтельства иначе, нежели могутъ взглянуть на нихъ издалека, особенно при расположеніи видѣть вещи какъ онѣ должны быть, а не такъ, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Для существеннаго переворота въ характерѣ образованія, для радикальнаго измѣненія въ цѣляхъ и стремленіяхъ учащихся слишкомъ малъ не только трехлѣтній срокъ ихъ оффиціальныхъ покровителей, но и двадцатипятилѣтній срокъ ихъ наставниковъ. Образующіяся поколѣнія, смѣняющія одно другое, такъ тѣсно связаны съ окружающею ихъ дѣйствительною жизнію, что перемѣны въ нихъ происходятъ почти также медленно, какъ и въ средѣ, изъ которой выходятъ молодыя поколѣнія и въ которую они возвращаются. Имѣя въ виду пригодность наблюденій надъ прошлымъ для измѣненій въ настоящемъ, приведемъ наиболѣе характерные факты изъ лѣтописи училищъ.

О состояніи училищъ во все время ихъ существованія можно судить по составу преподавателей и лицъ, имѣющихъ вліяніе на школу; по учебнымъ предметамъ и способу преподаванія, по числу учениковъ и по отношеніямъ между школами и обществомъ.

По открытіи народныхъ училищъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, мѣста смотрителей предоставляемы были купцамъ. Обязанности смотрителя состояли въ томъ, чтобы заботиться о благосостояніи училища, быть ходатаемъ о его нуждахъ, сносясь съ дирекціею и думою, слѣдить за преподаваніемъ и обращеніемъ съ учениками и посѣщать училище не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Такія условія казались купцамъ очень тяжелыми, и они уклонялись отъ должности подъ разными предлогами, ссылаясь большею частью на необходимость продолжительной отлучки по торговымъ дѣламъ. Не смотря на выборъ лица изъ того же самаго общества, къ которому принадлежатъ ученики и ихъ родители, служебная обстановка купца-смотрителя была такова, что участіе его обнаруживалось въ самой незначительной степени. Обязанный вести оффиціальную переписку и представлять отчеты, онъ поставленъ былъ въ неловкое положеніе и въ отношеніи къ дѣлу преподаванія, въ которомъ онъ не могъ быть судьею, и въ отношеніи къ обществу и думѣ, не придававшимъ должности его большаго значенія. Не только смотритель, какъ лицо подвѣдомственное думѣ, но и самые члены думы не пользовались въ обществѣ особеннымъ довѣріемъ и почетомъ. Изъ тогдашнихъ дѣлъ видно, что между купцами и посадскими съ одной стороны, и шестигласною думою съ другой происходили столкновенія, возникали споры и крупныя размолвки, имѣвшія видъ семейныхъ несогласій. Посадскія жены перебранивались съ гласными и ратманами, называя ихъ не судьями, а грабителями и разорителями; одинъ купецъ въ общественномъ собраніи обругалъ бургомистровъ и ратмановъ, говоря, что «всѣ шестеро входятъ въ магистратъ и слоняются, а лучше бы горохъ молотили; въ каковыхъ рѣчахъ между ними и укореніе пьяницами другъ другу произнесено». Въ сношеніяхъ съ смотрителемъ дума называла его и *ты*: «определено тебѣ дать знать, чтобъ ты въ сію думу пошелъ и въ пріемѣ денегъ расписался» и т. п. Иные изъ смотрителей исполняли хотя формальность: дважды въ недѣлю заходили въ училище; другіе не показывались туда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Одинъ изъ смотрителей только разъ зашелъ въ училище и то въ самомъ

безобразномъ видѣ, т. е. пьяный, и притомъ вслухъ произносилъ скверныя слова.

Учители опредѣлялись приказомъ общественнаго призрѣнія и директоромъ училищъ. Образованіе свое они получали большею частью въ ярославской семинаріи и въ главномъ народномъ училищѣ въ Ярославлѣ. Въ семинаріи они обучались «латинскому языку и на ономъ поэзіи, риторикѣ и философіи, и сверхъ того греческому языку», а въ главномъ училищѣ—историческимъ и математическимъ наукамъ и учебному способу». Учители предметовъ получали изъ думы жалованье, по 120 рублей въ годъ; съ учителями пѣнія и рисованія, которые вмѣстѣ съ тѣмъ бывали иногда и сторожами, заключаемы были особыя условія. Учитель, обучавшій нотному пѣнію, получалъ отъ градскаго главы 12 рублей на годъ, по заслугѣ. Учитель рисованья давалъ «договоръ въ томъ, чтобы обучать малолѣтнихъ дѣтей рисовать съ рачительнымъ успѣхомъ, безъ всякаго закрывательства своего искусства, и притомъ исполнять въ училищѣ должность сторожевскую. А за оныя должности получать 35 рублей на годъ. И будучи при помянутыхъ должностяхъ, никуда не отлучаться, пьянства и другихъ непристойностей не чинить. А если явится противъ сего договора неисправнымъ, за то подвергаетъ себя лишенію жалованья и отрѣшенію отъ должностей». Поведеніе учителей, раздѣлявшихъ привычки многихъ обитателей городковъ, не могло имѣть благотворнаго вліянія на учащихся. Почтенныхъ наставниковъ должны были призывать и въ думу и въ приказъ, дѣлать имъ выговоры за образъ ихъ жизни и дурное обращеніе съ учениками; трезвость была добродѣтелью, неизвѣстною многимъ руководителямъ юношества. Одинъ учитель «прилежанія былъ посредственнаго и частію отъ пьянства не воздерженъ»; его вызвали въ приказъ общественнаго призрѣнія, и сдѣлали «строжайшій выговоръ съ тѣмъ, чтобы онъ исправилъ образъ настоящаго своего поведенія, непремѣнно былъ воздерженъ, благонравенъ и къ должности прилеженъ. Если же изъ за того подтвержденія будетъ обращаться въ подобныхъ прежнему поступкахъ, будетъ отъ должности отрѣшенъ». Но онъ остался непреклоннымъ, не измѣнялъ своихъ привычекъ, и приказъ отрѣшилъ его, замѣнивъ пьянаго семинариста подозрѣваемымъ въ трезвости дворяниномъ. Другой учитель смѣненъ «по причинѣ развратныхъ поступковъ и нерадѣнія». О третьемъ сообщали, что онъ «не радя о своей должности, приходитъ въ классы весьма рѣдко; въ положенное время къ ученію отлу-

чается самовольно; наконецъ смотрителемъ неоднократно замѣченъ пьянымъ, почему приказу представляетъ, дабы показаннаго учителя отъ должности его смѣнить, и на его мѣсто опредѣлить наставленнаго въ преподаваніи учебнаго способа семинариста». Новый педагогъ оказался достойнымъ преемникомъ своего товарища: явился въ училище пьяный, распустилъ учениковъ и самъ скрылся неизвѣстно куда; около мѣсяца онъ былъ въ бѣгахъ, и одинъ изъ учениковъ исправлялъ его должность. Учителя рисованія обвиняли въ томъ, что онъ приходилъ пьяный, поносилъ сторожа и учениковъ самыми неблагопристойными и ругательными словами, и, взявъ одного ученика за волосы, вырвалъ ихъ столько, сколько можно было захватить рукою. Такое выраженіе неудовольствія было не чуждо нравамъ тогдашняго общества, какъ показываютъ слѣдственныя дѣла. Въ судъ поступали жалобы съ приложеніемъ волосъ, вырванныхъ съ головы противника мужскими и женскими руками. Представляя въ судъ связку волосъ, одна женщина подала просьбу слѣдующаго содержанія: «посадская называла мужа моего такими словами, что де мужъ твой, хотя находится по пашпорту въ отлучкѣ, но имѣетъ кромѣ тебя другую жену, а ты де безъ него живешь какъ мужчина. На что я учтивымъ образомъ сказала ей: что тебѣ до мужа моего за дѣло. А потому она, осердясь на меня крѣпко, азартнымъ образомъ показала мнѣ рукою своею въ глазъ кукишъ, отъ коего еслибъ не увернулась, тобъ и подлинно мнѣ выткнула. Потомъ издернувъ съ меня платокъ, окосматила. Остаюсь я битіемъ оною женщиною и выдраніемъ волосъ изъ головы моей обиженною». Поступокъ посадской съ ея собесѣдницею и обращеніе учителя съ учениками принадлежатъ къ одному разряду, указывая темную сторону тогдашнихъ нравовъ. Давая волю рукамъ, учитель поступалъ вопреки положительному требованію устава, которымъ запрещались всѣ вообще «тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были, напримѣръ: ремни, палки, плети, линейки и розги, пощечины, толчки и кулаки, драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши; всѣ посрамленія и очень трогающія устыженія, какъ-то, уши ослиныя и названія скотины, осла, и т. п. *)

Если уставъ не имѣлъ на учителей большаго вліянія въ нравственномъ отношеніи, то во всемъ другомъ, т. е. въ устройствѣ

*) Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ. 1789. 2-е изданіе.

училища, въ распредѣленіи предметовъ и въ методѣ преподаванія онъ оставался для нихъ единственнымъ руководителемъ. Уставъ для народныхъ училищъ, приложенныя къ нему наставленія и изданное по распоряженію высшаго начальства руководство для учителей подробно опредѣляли задачу, пріемы и цѣль педагогической дѣятельности. Указаны были и наилучшая метода обученія, и отношенія учащихъ къ ученикамъ, и школьная дисциплина. Наставленія изложены съ такою подробностью, что не только изчислены учебныя книги, приведены изъ нихъ извлеченія и указаны вопросы, которые слѣдуетъ предлагать при разборѣ приведенныхъ мѣстъ, но встрѣчаются и такіе совѣты, обращенные къ учителямъ иностранныхъ языковъ: «больше всего остерегаться, чтобъ не дѣлать предъ учениками смѣшныхъ тѣлодвиженій, какъ-то: не показывать какъ птицы летаютъ и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу, чѣмъ смѣша учениковъ, теряетъ учитель почтеніе, и возмущаетъ ихъ вниманіе, которое сохранить и безъ того трудно». *)

Лучшими учителями въ то время почитались тѣ, которые основательно изучили такъ называемый «учебный способъ», т. е. наиболѣе полезную, по тогдашнимъ понятіямъ, педагогическую методу. Она состояла въ слѣдующемъ: въ совокупномъ наставленіи, въ совокупномъ чтеніи, въ изображеніи посредствомъ начальныхъ буквъ, въ таблицахъ и вопросахъ. Совокупное наставленіе требовало, чтобы учитель не занимался съ каждымъ ученикомъ порознь, а училъ бы по группамъ, составляя ихъ изъ учениковъ, имѣющихъ одинаковыя познанія. Совокупное чтеніе заключалось въ томъ, что всѣ, имѣя въ рукахъ одни и тѣже книги, читали вслухъ, въ одно и тоже время, одни и тѣже склады и слова. Изображеньемъ посредствомъ начальныхъ буквъ полагали облегчить выучиванье наизусть; чтобы легче вытвердить, напримѣръ слова: «Вѣрую во единаго Бога», писали на доскѣ начальныя буквы этихъ четырехъ словъ: *В*, *в*, *е*, *Б*, и указывая поочередно на написанную букву, произносили слово, начинающееся съ этой буквы. Таблицы были также пособіемъ для развитія памяти и вниманія: содержаніе объясняемаго изображалось знаками въ такомъ порядкѣ: римскія числа, большія буквы, обыкновенныя числа, малыя буквы и т. д. Особенную важность придавала

*) Уставъ народнымъ училищамъ въ россійской имперіи, уложенный въ царствованіе императрицы Екатерины II. 1786. № 1. Наставленіе главныхъ народныхъ училищъ учителямъ иностранныхъ языковъ.

тогдашняя метода вопросамъ; учитель обязанъ былъ постоянно спрашивать учениковъ, чтобы убѣдиться, все ли осталось у нихъ въ памяти, и все ли понято ими какъ слѣдуетъ. Для этой цѣли учебники первоначально печатались съ вопросами, самыми, впрочемъ, незамысловатыми: они состояли изъ нѣсколькихъ словъ, взятыхъ изъ средины рѣчи, съ вопросительнымъ знакомъ на концѣ. Иногда вопросъ гораздо пространнѣе отвѣта, и ученикамъ приходилось отвѣчать лаконически, повторяя то, что сказано въ книгѣ. Вопросу «довольно ли того, чтобъ другіе думали о насъ, что мы благополучны?» соотвѣтствуютъ въ книгѣ слова: «не довольно того, чтобъ другіе о насъ думали, что мы благополучны». На вопросъ: «кто можетъ себѣ удобно таковыя вещи доставить»? отвѣтъ: «богатые удобно себѣ таковыя вещи могутъ доставить». «Что обязаны мы дѣлать для пріобрѣтенія добрыя совѣсти, здравія и довольствія? «Напоять душу нашу». «Чѣмъ мы обязаны напоять душу нашу?» Добродѣтелію». *)

Сами вопросы вызывали на буквальные отвѣты, и потому признано за нужное уничтожить подстрочные вопросы при послѣдующихъ изданіяхъ учебныхъ книгъ. Буквальное заучиванье было тогда въ общемъ употребленіи; само даже руководство для учителей отчасти допускало дословное повтореніе выученнаго: «лучше — сказано въ руководствѣ — если ученики отвѣтствуютъ исправно своими словами, нежели тѣми самими, какія находятся въ книгѣ, ибо изъ того видѣть можно, что они дѣло понимаютъ». Вопросы находились и при книгахъ, назначаемыхъ собственно для чтенія, слѣдовательно въ дѣйствительности они были не только читаемы, а изучаемы въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. выучиваемы наизусть. На это указываютъ и замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: изъ букваря: иные — молитвы предъ обѣдомъ и послѣ онаго, иные — всѣ кончили; изъ катихизиса: до второй главы второй части дошли; въ священной исторіи — перваго періода второй стихъ, и т. д.

Книги для чтенія почитались существенною необходимостью не только для обученія грамотѣ, но и для умственнаго и нравственнаго развитія учащихся. Отъ наставниковъ положительно требовалось довести учениковъ до яснаго пониманія прочитаннаго, и «склонять какъ волю, такъ и сердце ихъ къ охотному подражанію тѣмъ добрымъ примѣрамъ, которые въ книгахъ находятся». При такомъ

*) О должностяхъ человѣка и гражданина. Спб. 1787.

взглядѣ на учебныя книги и при постоянномъ употребленіи однѣхъ и тѣхъ же книгъ въ теченіе весьма продолжительнаго времени, нельзя обойти ихъ, когда рѣчь идетъ о состояніи училищъ и способѣ преподаванія.

Въ «малыхъ народныхъ училищахъ» обязательны были слѣдующія учебныя книги: букварь, катихизисъ, ариѳметика, книга о должностяхъ гражданина и человѣка и правила для учащихся.

Книга о должностяхъ только по заглавію, а отнюдь не по содержанію, сходна съ извѣстнымъ сочиненіемъ Пуфендорфа, переведеннымъ на русскій языкъ и напечатаннымъ въ 1726 году подъ заглавіемъ: «о должности человѣка и гражданина по закону естественному; книги двѣ, сочиненныя Самуиломъ Пуфендорфомъ, нынѣ же на россійскій съ латинскаго переведенныя». Книга, бывшая учебнымъ руководствомъ, много разъ издавалась подъ такимъ названіемъ: «о должностяхъ человѣка и гражданина, книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ россійской имперіи». Въ ней излагаются обязанности человѣка, личныя и общественныя, отъ образованія души, любви къ ближнему и любви къ отечеству до правильнаго устройства домашняго хозяйства. Главнѣйшими добродѣтелями почитаются: праводушіе, честолюбіе, спокойствіе духа, любознательность и правдивость *). Въ отношеніи къ ближнему предписывается: дружелюбіе, миролюбіе, услужливость, искренность, честность и почтительность. Добродѣтельный человѣкъ долженъ избѣгать безмѣрнаго самолюбія, гордости, тщеславія, подлости, распутства, грубости, неучтивости, прекословія, клеветы, самохвальства; не долженъ говорить о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и перебивать рѣчь у другихъ, а въ разговорахъ долженъ избѣгать невразумительности, крика и проч. Внѣшняя благопристойность требуетъ, чтобы ходить, нѣсколько выворачивая ноги, и дѣлать умѣренные шаги; шагая, поднимать ноги такъ, чтобъ они по землѣ не тащились, подошвы не очень возвышать, и пальцы немного протягивать; становиться прежде на переднюю часть ноги,

*) Честолюбіе и любознательность опредѣляются такимъ образомъ: «любочестіе есть склонность — чести достойнымъ себя учинить, и стараніе дѣлать то, чѣмъ истинная честь пріобрѣтается; подлецъ ничего не дѣлаетъ безъ награжденія или принужденія, а любочестивый, желающій снискать похвалу отъ разумныхъ, дѣлаетъ добро безъ корысти и принужденія. Любовѣденіе есть склонность и стараніе—полезное себѣ познаніе пріобрѣтать, добрымъ наставленіямъ, примѣрамъ и увѣщаніямъ другихъ охотно послѣдовать».

а потомъ тихо опускать пятку. Лицо и руки должно умывать, ногти же обрѣзывать а не кусать; голову въ чистотѣ содержать и волосы причесывать, а простымъ людямъ по крайней мѣрѣ такъ подстригать, чтобъ на глаза не висѣли; лучше же всего волосы заплетать и завязывать. Важнѣйшій долгъ, лежащій на каждомъ членѣ общества, состоитъ въ любви къ отечеству. Нѣкоторые думаютъ — сказано въ книгѣ о должностяхъ, — что любовь къ отечеству можетъ развиться вполнѣ только въ вольномъ обществѣ, т. е. въ республикѣ, но это несправедливо: не образъ правленія, а образъ воспитанія всего болѣе способствуетъ развитію святаго чувства, и въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ примѣръ древнихъ народовъ, для которыхъ воспитаніе имѣло великое государственное значеніе; они оказывали рѣшительное предпочтеніе общественному воспитанію передъ домашнимъ, не предоставляя просвѣщенія волѣ родителей, хотя многіе изъ нихъ имѣли полную возможность дать своимъ дѣтямъ наилучшее образованіе. Предписывая мораль, пригодную для каждаго человѣка, безъ различія времени, мѣста и народности, книга о должностяхъ изрѣдка касается и частныхъ условій общества, для котораго она предназначена. Совѣты ея относятся и къ житейскимъ и къ нравственнымъ требованіямъ. Крестьянамъ совѣтуется вовремя оканчивать полевыя работы, и при выборѣ промысла руководствоваться не старою привычкою, а прямою выгодою, земледѣліе предпочитать добыванію денегъ извозомъ, и т. п. Запрещается прибѣгать къ колдовству и другимъ суевѣрнымъ средствамъ, заговорамъ, нашептываніямъ, спрыскиваньямъ, привѣскамъ и проч. Обязанности простаго народа и мѣщанъ состоятъ преимущественно въ томъ, чтобы охотно ставить рекрутъ и держать постои, да не держаться упорно своихъ обычаевъ, а перенимать полезное отъ иностранцевъ, разводя на своихъ поляхъ чужеземныя произведенія и подражая въ обработкѣ земли своимъ сосѣдямъ. При изложеніи общественныхъ обязанностей по сословіямъ, доказывается право на почетъ, равный съ другими, принадлежащій военному сословію, которое не пользовалось тогда особеннымъ расположеніемъ, какъ можно заключить изъ замѣчанія, что на военную службу смотрятъ какъ на ссылку людей всѣхъ трехъ классовъ: высшаго, средняго и низшаго. Изъ дворянъ поступаютъ въ военную службу преимущественно бѣдняки; купцы считаютъ ее наказаніемъ для развращенныхъ молодыхъ людей; крестьяне отдаютъ въ нее, какъ въ неволю.

Вмѣстѣ съ книгою о должностяхъ ученики обязаны были выучивать «правила для учащихся въ народныхъ училищахъ». Они состоятъ изъ ряда требованій, не исполняемыхъ потому, что они или не согласны съ принятыми обычаями, или же противны самой природѣ человѣка, предписывая то, чего невозможно дѣлать по приказу. Правилами требуется между прочимъ, чтобы каждый ученикъ чувствовалъ особенную любовь и чисто сыновнюю довѣренность къ своему учителю. Совершенно инаго свойства, но въ такой же степени не исполнялось и не исполняется по настоящее время правило, не дозволяющее ученику оставить училище самовольно; онъ долженъ по окончаніи «учебнаго преподаванія явиться съ родителями или опекунами своими къ учителю, поблагодарить его за трудъ, и испросить письменное свидѣтельство о своемъ поведеніи».

Въ связи съ учебными руководствами находятся книги, выдаваемыя ученикамъ въ награду за прилежаніе и хорошее поведеніе. При открытомъ испытаніи раздавались различныя награды; отличавшіе себя благонравіемъ и успѣхами награждаемы были отъ смотрителя рисунками, отъ городничаго деньгами отъ двадцати до двадцати пяти копѣекъ, отъ думы перочинными ножами. Самою же употребительною и обыкновенною наградою были книги, разсылаемыя съ этою цѣлью въ училище. Выборъ ихъ показываетъ тогдашній вкусъ и понятія о достоинствѣ сочиненій. Чаще другихъ, въ спискѣ наградъ упоминаются слѣдующія книги:

1) Испытаніе честности.

2) Даръ Константину порфирородному.

3) Предсказаніе о паденіи турецкаго царства.

4) Достовѣрное сказаніе о смерти Марка Антонія Каласа за мнимое убіеніе своего сына.

5) Книга Евфай.

6) Драгоцѣнная книжка о внутренней духовной гордости, о глубокой, несвѣдомой и сокровенной злости во всѣхъ человѣческихъ сердцахъ.... Для чтенія всякому человѣку весьма нужная и полезная.

7) Дружескіе совѣты молодому человѣку, вступающему въ свѣтъ.

8) О счастіи дураковъ, соч. Неккера; переводъ съ французскаго.

9) Чудеса мірозданія.

10) Роспись московскихъ церквей.

11) Экономія жизни человѣческой.

12) Разсужденіе о проницательномъ дѣйствіи малѣйшихъ частицъ, которыя изъ тѣлъ, особливо животныхъ, проистекаютъ.

13) Евдомаденхаріонъ.

14) Неразрывный союзъ.

15) Мысли человѣка, удалившагося отъ свѣта.

16) Совѣты отъ воспитательницы къ воспитанницѣ.

17) Введеніе къ астраханской топографіи.

18) Перечень аглинской книги, называемой слабоумный вельможа.

19) Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный;—и др.

Хотя семилѣтнему сыну посадскаго, награжденному книгою о неразрывномъ союзѣ, и не понятенъ ея смыслъ, хотя мальчикамъ мало пригодны самые почтенные совѣты отъ воспитательницы къ воспитанницѣ, а жителю Углича нѣтъ никакой надобности въ астраханской топографіи, но нѣкоторыя изъ книгъ имѣли общій интересъ, и имъ приписывали образовательное вліяніе. Чтобы хоть сколько нибудь ознакомиться съ содержаніемъ сочиненій, рекомендуемыхъ будущему молодому поколѣнію, приведемъ нѣсколько мыслей изъ двухъ—трехъ книгъ, слывшихъ особенно назидательными.

Дружескіе совѣты молодому человѣку, вступающему въ свѣтъ, выдержали нѣсколько изданій въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Третье изданіе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Книга раздѣлена на одинадцать членовъ, изъ которыхъ въ первомъ подробно говорится о религіи, а въ остальныхъ — о сообществѣ, дружествѣ, разговорахъ, бѣдствіяхъ, бракѣ, чтеніи, и т. д. Совѣты предлагаются въ родѣ слѣдующихъ: Нѣтъ ничего противнѣе нравамъ человѣчества и самой сущности религіи, какъ вѣрить безъ изслѣдованія. Это значитъ — выколоть себѣ глаза, чтобы яснѣе видѣть. Прежде, нежели станете вѣрить, изслѣдывайте, но съ безпристрастнымъ духомъ, который ничего не ищетъ кромѣ одной истины. Не попускайте никого подавать вамъ о Богѣ такія понятія, которыхъ не даютъ строгій разумъ, здравый смыслъ и евангеліе. Никогда не дружитесь съ своими слугами: помните, что вы ихъ господинъ, но будьте господиномъ милостивымъ и добрымъ. Не будьте никогда первымъ ни въ сказываніи новостей, ни въ томъ, чтобы имъ вѣрить. Никогда не шутите надъ другими: не многіе умѣютъ хорошо шутить, а еще менѣе сносить шутку. Никогда не думайте жениться,

не имѣя прежде довольнаго достатка для содержанія жены. Когда спросили Сократа, что лучше—жениться или нѣтъ, онъ отвѣчалъ: что вы ни сдѣлаете, въ томъ будете раскаиваться. И на нѣмецкомъ, и на французскомъ, и на англійскомъ языкахъ, дурныхъ книгъ больше нежели хорошихъ, но дурныя англійскія злѣе всякихъ другихъ. Будьте недовѣрчивы къ сочиненіямъ подъ названіемъ mémoires; истина не всегда въ нихъ соблюдается и онѣ часто содержатъ въ себѣ правила распутства и невѣрія; пороки иногда оставляются въ мемуарахъ безъ наказанія, и т. д.

Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный, составленъ іеромонахомъ Аполлосомъ, на основаніи знаменитыхъ писателей, выразившихъ, какъ говоритъ авторъ, самыя здравыя педагогическія идеи. По мнѣнію автора, до шестилѣтняго возраста дитяти всего нужнѣе изучить языки русскій и латинскій: по утру, съ учителями и сверстниками говорить по латини, а послѣ обѣда съ матерью или служанками по русски. Въ это же время дитяти надо узнавать порядочное тѣлодвиженіе или жесты: надобно вводить его къ людямъ вѣжливымъ, чтобы научиться отъ нихъ благопристойнымъ поступкамъ. На шестомъ году мальчикъ долженъ вступить въ публичное училище, чтобы заблаговременно пріучиться жить собственнымъ умомъ. Пусть привыкаетъ къ разнымъ упражненіямъ какъ то: «играть на музыкѣ», танцовать, фектовать, стрѣлять, рисовать, а прежде всего узнавать свойство и чистоту языка и вопервыхъ природнаго; многие изъ людей свободныхъ пишутъ безъ всякаго правописанія и говорятъ, что это-де мелочь, а то-то и стыднѣе, чтобы мелочи не знать. Отъ двѣнадцатилѣтняго возраста до восьмнадцатилѣтняго учить всему по немногу, такъ чтобы юноша былъ нѣсколько врачемъ, нѣсколько юристомъ и нѣсколько богословомъ, и зналъ языки: французскій, итальянскій, греческій и еврейскій. Отъ восьмнадцати лѣтъ до вступленія въ службу молодому человѣку слѣдуетъ путешествовать по государствамъ, примѣчая удобства и разныя выгоды въ пищи, питіи, въ зданіяхъ, одеждѣ, земледѣліи, механическихъ дѣлахъ, мельницахъ и проч. Такимъ образомъ путешественники будутъ привозить не одни разсказы о театрахъ, охотѣ, играхъ, мотовствѣ, не одни безделицы и пустяки, а полезныя свѣдѣнія и изобрѣтенія, необходимыя для благосостоянія общества.

Каковы бы ни были книги, избираемыя въ руководства, какія бы поощренія ни дѣлало начальство, прямое отношеніе училища

къ обществу опредѣляется не составомъ преподавателей и учебными пособіями, а прежде всего числомъ учениковъ. Здѣсь простая цифра говоритъ красворѣчиво, особенно если обратить вниманіе на отношеніе числа учащихся къ числу жителей мѣста, въ которомъ находится училище. При показаніи общаго числа жителей мы должны ограничиться ревизскими сказсками и росписями, находящимися въ думахъ и магистратахъ. Ни тѣ, ни другія показанія не обнимаютъ всего числа жителей, но все таки остаются самыми достовѣрными: въ показаніяхъ полиціи господствуетъ совершенный произволъ. Свѣденія, собранныя нами, относятся къ разнымъ годамъ, отъ 1787 до 1799, но судя по всѣмъ даннымъ, количество народонаселенія не подвергалось быстрымъ измѣненіямъ, и разсчетъ по пятилѣтіямъ и даже десятилѣтіямъ можетъ быть сдѣланъ съ такою же приблизительною точностью, какъ и разсчетъ погодный. Послѣдній не возможенъ уже потому, что изъ двѣнадцати лѣтъ имѣются свѣденія только за три года.

Въ Ростовскомъ училищѣ въ 1787 г. учениковъ 31; — изъ нихъ: дѣтей купцовъ 14, мѣщанъ 4, духовныхъ 1, разночинцевъ 2, заштатныхъ служителей 5, сержантовъ 2, солдатъ 3.

Въ Ростовскомъ училищѣ въ 1797 г. учениковъ 45: — дѣтей купцовъ 12, посадскихъ 18, разночинцевъ 1, солдатъ 5, дворовыхъ людей 9.

Въ Ростовѣ жителей, купцовъ и посадскихъ 1,235; — изъ нихъ: купцовъ 1-й гильдіи 1, 2-й гильдіи 12, 3-й гильдіи 181, посадскихъ 1,041.

Въ Рыбинскомъ училищѣ въ 1787 г. учениковъ 37; изъ нихъ: — дѣтей дворянъ (военныхъ) 4, посадскихъ 21, разночинцевъ 4, духовныхъ 1, солдатъ 7.

Въ Рыбинскѣ жителей, состоящихъ въ подушномъ окладѣ 842.

Въ Угличскомъ училищѣ въ 1787 г. учениковъ 52; — изъ нихъ: дѣтей дворянъ 1, купцовъ 8, посадскихъ 19, разночинцевъ 2, солдатъ 22.

Въ Угличскомъ училищѣ въ 1794 г. учениковъ 30; — дворянъ 1, купцовъ 8, посадскихъ 12, разночинцевъ 1, солдатъ 8.

Въ Угличѣ жителей 1899; купцовъ 2-й гильдіи 68, 3-й гильдіи 632, мѣщанъ 1,199.

Если принять въ соображеніе, что извѣстно только число купцовъ и мѣщанъ, а не всѣхъ жителей, и слѣдовательно можетъ

быть показано отношеніе къ нему числа учащихся только изъ этихъ двухъ сословій, то окажется, что на каждую тысячу жителей приходится не болѣе пятнадцати учащихся. При всей незначительности цифры учащихся, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она постепенно уменьшается, не смотря на заботливость оффиціальныхъ радѣтелей училища. Губернское начальство «наиприлежнѣйше рекомендовало какъ возможно стараться о пріумноженія числа учениковъ, внушая гражданамъ происходящую отъ ученія пользу»; городничіе, при своихъ посѣщеніяхъ, обѣщали умножать число учениковъ. Но въ дѣйствительности оно не умножалось. Число поступавшихъ не возрастало и, сверхъ того, многіе выбывали по разнымъ причинамъ: одни по желанію родственниковъ или хозяевъ, у которыхъ служили; другіе по торговымъ нуждамъ; третьи по собственной лѣности или по нерадѣнію, поблажкѣ и упорству родителей. Смотритель углицкаго училища просилъ градскую думу призвать упорныхъ родителей «для внушенія имъ сугубой пользы отъ ученія происходимой». Родители были призваны въ думу: одни отговаривались болѣзнями дѣтей, другіе — своею бѣдностью. Нѣкоторые купцы сказали, что они дѣтей своихъ въ училище отпускать не желаютъ, «ибо де они предподанными учебными предметами довольны, въ дѣтяхъ же своихъ имѣютъ нужность для обученія промысла и торгоборства». Иные сказали, что «запримѣчаютъ дѣтей своихъ къ ученію неспособными». Нашлись и такіе, которые прямо объявили, что берутъ дѣтей своихъ потому, что видятъ чрезвычайно мало успѣховъ, а дѣти ихъ терпятъ отъ учителя притѣсненія и побои, при томъ же они нужны имъ «для обученія купецкой коммерціи». Посадская вдова, подтвердивъ, что сынъ ея не былъ въ классѣ 1,154 раза, прибавила: «сына моего болѣе обучать не желаю, сочтя себя преподанными ему науками довольною». Примѣръ сына вдовы не исключенье: многіе ученики не бывали въ школѣ въ мѣсяцъ по двадцати пяти разъ; многіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вовсе не приходили въ школу. Въ отвѣтахъ купцовъ и посадскихъ чрезвычайно вѣрно обрисовывается уклончивость, равнодушіе и требованія общества, а также дѣйствительное состояніе училища. Показанія лицъ, призванныхъ въ думу, самымъ положительнымъ образомъ опредѣляютъ взглядъ мѣстныхъ жителей на училища, открываемыя будто бы по ихъ единодушному желанію!

Отношенія училища къ обществу были самыя натянутыя. Училище стояло особнякомъ, забытое обществомъ, у котораго были

свои заботы и свои, болѣе матеріальные, интересы. Между школою и окружающею ея средою не было живой, внутренней связи. Участіе къ разсаднику наукъ обнаруживалось, отъ времени до времени, пожертвованіями, не всегда добровольными, но всегда очень умѣренными, да посѣщеніями, также чрезвычайно рѣдкими, и также не всегда добровольными. Великимъ благотворителемъ почитался богатый купецъ, обѣщавшій даромъ доставлять ученикамъ бумагу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; лѣтописи училища съ благодарностію отмѣтили имена городничаго, капитана и жены лѣкаря, пожертвовавшихъ втроемъ четыре рубля. Посторонніе посѣтители являлись въ стѣнахъ училища чрезвычайно рѣдко, и то большею частію по оффиціальному поводу, сопутствуя важному лицу, соглашаемуся изъ приличія заглянуть въ учебное заведеніе, о которомъ представленъ ему рапортъ. Появленію важныхъ особъ предшествовала цѣлая переписка, убѣждавшая смотрителя и учителей ежечасно ожидать пріѣзда и быть вполнѣ готовыми къ подобающему пріему. Приготовленіе состояло въ томъ, чтобы училищу придать, сколько возможно, праздничный видъ, выставить вещи, производящія пріятное впечатлѣніе, тщательно скрывая все, что могло бы дать не совсѣмъ выгодное понятіе о заведеніи и подорвать довѣріе къ его цвѣтущему состоянію, значащемуся въ представляемыхъ отчетахъ. Важная особа являлась въ сопровожденіи городничаго, городскаго головы и другихъ должностныхъ лицъ, и бѣгло осматривала представляемое. Бывали случаи, что ученикамъ предлагалось нѣсколько вопросовъ; и за тѣмъ весь кортежъ отправлялся къ городскому головѣ, и осчастливленный хозяинъ истощалъ всѣ средства угодить важному гостю; гость не оставался въ долгу за любезность, и выражалъ совершенное удовольствіе о благосостояніи города вообще и городскаго малаго училища въ особенности. На случай прибытія сенаторовъ — сказано въ одномъ предписаніи — имѣйте въ надлежащей чистотѣ школу и самый дворъ въ порядкѣ; ученическіе образцы письма, списки: первый классическій по надлежащей формѣ, и второй сходно съ мѣсячнымъ рапортомъ «исключая графу, въ коей означается, сколько разъ ученикъ не былъ въ классѣ», также книгу записную и журналъ, положенные на особомъ столикѣ, и пр. На случай пріѣзда губернатора приказано сочинить двѣ рѣчи и произнести одну изъ нихъ при входѣ, другую при выходѣ его. Хотя удовольствіе посѣтителей при обзорѣ училища было въ сущности удовольствіемъ вдовицы отъ успѣховъ сына, пропу-

ствовшаго тысячу сто сорокъ три урока, но они давали своему чувству официальный ходъ, считая, вѣроятно, нужнымъ для своихъ цѣлей заявлять, вмѣстѣ съ другими властями, объ отличнѣйшемъ состояніи училищъ, возникшихъ вслѣдствіе столичныхъ причинъ. Этимъ только и можно объяснить рѣзкое противорѣчіе между свидѣтельствомъ мѣстныхъ жителей, недовольныхъ преподаваніемъ и успѣхами и донесеніями центральной коммиссіи. Въ рескриптѣ ярославскому и вологодскому генералъ губернатору сказано между прочимъ: «изъ донесенія коммиссіи объ учрежденіи училищъ мы съ удовольствіемъ извѣщаемся, что въ губерніяхъ Ярославской и Вологодской народныя училища процвѣтаютъ, и ученіе въ оныхъ производится съ добрымъ успѣхомъ».

Оффиціальный осмотръ училищъ, выставка однихъ пріятныхъ предметовъ и желаніе скрыть истину, вынужденное обстоятельствами и питаемое малодушіемъ, напоминаютъ парадную выставку всѣхъ частей городскаго управленія во время пріѣзда высокихъ особъ. Читая извѣстія о посѣщеніи училищъ, невольно вспоминаешь описаніе торжественныхъ пріемовъ, устроиваемыхъ городскимъ начальствомъ. Изъ множества примѣровъ выберемъ одинъ — пребываніе Екатерины второй въ Рыбинскѣ, описанное мѣстнымъ историкомъ въ слѣдующихъ чертахъ. Отправляясь въ Казань по Волгѣ на галерахъ, Екатерина прибыла къ Рыбной слободѣ (теперешнему Рыбинску) 8-го мая, вечеромъ. Галера ея стояла всю ночь на якорѣ, противъ нарочно устроеннаго деревяннаго дворца, а поутру, 9-го мая, спустилась къ храму преображенія Господня, въ которомъ государыня слушала литургію. Изъ храма отправилась во дворецъ; женщины, поставленныя въ два ряда, одѣтыя въ богатое русское платье, съ жемчужными кокошниками на головахъ, устилали дорогу своими наилучшими платками. Усердіе это привело въ восхищеніе прозорливую Екатерину, и она долго и милостиво разговаривала съ купеческими женами. Купечество поднесло ей кресла, но императрица «соизволила оныя кресла пожаловать въ здѣшнюю церковь, поставить въ томъ мѣстѣ въ вѣки, въ которомъ государыня изволила всевысочайшею своею особою стоять». Какъ кресла поставлены на вѣки вѣчные въ соборѣ, такъ изображеніе лѣстницы, по которой шла Екатерина, принято въ самый гербъ города. Когда Рыбная слобода переименована была въ Рыбинскъ, новому городу присланъ гербъ, состоящій изъ двухъ частей: въ верхней — гербъ Ярославской губерніи, медвѣдь; въ нижней рѣка съ стерлядями и лѣстница,

означающая пристань, съ которой Екатерина отправилась въ соборъ *).

Духъ времени, направленіе, господствовавшее въ столицѣ, отозвалось, въ большей или меньшей степени, и на скромной жизни училищъ, а главнымъ образомъ на управленіи ими. Въ одномъ изъ замѣчаній на проектъ новаго устава высказана слѣдующая мысль: «при Екатеринѣ торжественно объявили объ открытіи народныхъ училищъ по всѣмъ городамъ и городкамъ. И сколько было тогда наговорено похвальныхъ словъ! А что говоритъ исторія безпристрастная? Она говоритъ, что похвальныя слова — стыдъ тѣмъ, которые не краснѣя такъ лгали. Она же говоритъ, что еслибы не тѣшили тщеславія своего мнимымъ открытіемъ народныхъ школъ по всѣмъ городамъ и городкамъ, сельскія школы продолжали бы существовать во всей югозападной Россіи, и конечно въ настоящее время достигли бы высшаго развитія, такъ что давно бы возбудили и сѣверныя сельскія общества завесть подобныя школы **). Но о возвращеніи къ старому не было и помину, и администрація шла по тому же, однажды указанному пути, съ различными, болѣе или менѣе слабыми, уклоненіями.

Указомъ сенату, 24-го января 1803 года, утверждены предварительныя правила народнаго просвѣщенія, и «для нравственнаго образованія гражданъ соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія» всѣ училища раздѣлены на четыре рода: приходскія, уѣздныя, гимназіи и университеты.

Въ приходскихъ училищахъ обучали: чтенію, письму, познанію цифръ гражданскихъ, церковныхъ и римскихъ, ариѳметикѣ, катихизису и священной исторіи; читали съ объясненіемъ книгу о должностяхъ человѣка и гражданина. Въ уѣздныхъ училищахъ преподавали: русскую грамматику, исторію, географію, геометрію, алгебру, естественную исторію, физику и технологію. Но это разнообразіе предметовъ въ программѣ еще не доказываетъ, что и въ дѣйствительности ученики пріобрѣтали свѣдѣнія по разнымъ стра-

*) Описаніе города Рыбинска, составленное протоіереемъ Матвеемъ Гомилевскимъ и изданное, на иждивеніи рыбинскаго градскаго главы Ѳ. Тюменева, при статистическомъ отдѣленіи совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Петербургъ, 1837 года.

**) Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. С.-Петербургъ. 1862. Ч. I. стр. 4.

сіямъ наукъ. Одинъ и тотъ же учитель преподавалъ: всеобщую исторію, географію древняго свѣта, правила технологіи и физики, сокращенно естественную исторію, обучая вмѣстѣ съ тѣмъ и рисованію; онъ же, въ случаѣ надобности, принималъ на себя преподаваніе алгебры, тригонометріи, русской исторіи, русской и всеобщей географіи и латинскаго языка. Чтобы учебный курсъ приносилъ дѣйствительную пользу, сдѣлано было распоряженіе, чтобы предметы преподавались болѣе посредствомъ объясненія, нежели заданія уроковъ, и чтобы главнѣйшее вниманіе было обращено на законъ Божій, чистописаніе, русскую грамматику, ариѳметику, русскую исторію и географію. Въ священной исторіи требовалось гораздо пространнѣе излагать новый завѣтъ, нежели ветхій и всѣ вопросы и возраженія, ведущія къ сомнѣніямъ въ вещахъ священныхъ, не должны были имѣть ни малѣйшаго мѣста. Не много свѣденій сохранилось о методѣ преподаванія, и то отрывочныхъ и отдѣленныхъ одно отъ другаго цѣлыми десятками лѣтъ. Существенная сторона преподаванія заключается въ стремленіи объяснять предметы примѣнительно къ понятіямъ учащихся, ихъ образу жизни и будущимъ занятіямъ, и къ мѣстнымъ условіямъ края. Это стремленіе высказалось первоначально въ теоріи и очень нескоро стало обнаруживаться кое-гдѣ и въ практикѣ. Въ 1811 году директоръ училищъ предложилъ «преимущественно стараться о твердомъ внушеніи ученикамъ исторіи и географіи отечественной противъ всеобщей; избѣгать подробнѣйшаго объясненія маловажныхъ обстоятельствъ и мѣстъ, а впечатлѣвать въ память учениковъ, по соображенію съ лѣтами, одни только самыя важныя. Въ геометріи не пропускать ни одной теоремы безъ доказательства. Въ естественной исторіи заниматься болѣе царствомъ животныхъ, нежели ископаемымъ и прозябаемымъ, но отнюдь не оставлять и послѣднихъ безъ показанія раздѣленій ихъ на роды и виды. Преподавать технологію съ выборомъ терминовъ, ближе подходящихъ къ мѣстному занятію жителей и къ состоянію учениковъ. Занимать дѣтей болѣе тѣми предметами, кои по образу жизни и по состоянію родителей ихъ, имъ свойственнѣе и нужнѣе. При обученіи дѣлать имъ вопросы самымъ вѣжливымъ и ласковымъ образомъ, называя каждаго по фамиліи. Пріобучать ихъ при отвѣтахъ къ обращенію взоровъ на спрашивающаго, и чтобъ отвѣты, по всей возможности, были сокращены и достаточны, но отнюдь не бѣглы и не отрывисты». Въ сороковыхъ годахъ преподаваніе географіи въ углицкомъ учи-

лишь происходило слѣдующимъ образомъ. На вопросъ: «кто ты?» объяснялись народныя сословія, занятія и работы, необходимыя каждому сословію. На вопросъ: «гдѣ ты живешь?» показывалось различіе и значеніе селъ и городовъ, также правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, городскихъ и сельскихъ; положеніе Углича на Волгѣ, его торговля, промышленность, занятія жителей. Чертили на доскѣ или на бумагѣ угличскій уѣздъ, и говорили о богатствѣ его природы, о почвѣ земли, и т. п. Изъ уѣздовъ составляли губернію съ ея городами и другими достопримѣчательными мѣстами. Чертили сперва Волгу съ ея побочными рѣками, объясняя важность судоходныхъ рѣкъ вообще; потомъ — бассейнъ каждаго русскаго моря порознь, и наконецъ всю европейскую и азіатскую Россію, съ ея горами, озерами, рѣками и главнѣйшими городами. Подробнѣе всего излагался угличскій уѣздъ и за тѣмъ сосѣдніе съ нимъ уѣзды и губерніи, потому что большая часть воспитанниковъ должны будутъ въ немъ жить и дѣйствовать.

Учебныя книги во вновь организованныхъ училищахъ были отчасти тѣже, что и въ прошломъ столѣтіи: книга о должностяхъ гражданина и человѣка и правила для учащихся выходили новыми изданіями даже въ двадцатыхъ годахъ. Съ большимъ умиленіемъ отзываются о книгѣ «начальное чтеніе для развитія нравственныхъ понятій дѣтскаго возраста». Введенная по волѣ начальства, она дѣлала просто чудеса: возбуждала любознательность, водворяла любовь и согласіе, исправляла нравы, и мало ли чего не дѣлала она, если вѣрить «откровенному» мнѣнію, изложенному въ донесеніи начальству, по волѣ котораго она введена. Лишь только учитель бралъ въ руки завѣтную книгу и начиналъ разсказывать изъ нея повѣсть, въ дѣтяхъ показывалась такая охота слушать, что они старались одинъ другаго превзойти вниманіемъ, при чемъ особенно увлекали ихъ разсказы религіознаго содержанія. Самый языкъ дѣлался развязнѣе, гибче и благороднѣе въ выраженіяхъ. Они дѣлались въ отношеніи къ религіи благоговѣйнѣе, къ старшимъ почтительнѣе, въ обращеніи съ равными себѣ благонравнѣе, честнѣе, справедливѣе и великодушнѣе, что можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: если случалось кому нибудь изъ младшихъ ихъ товарищей затрудняться въ заданномъ имъ урокѣ или задачѣ, то послѣдніе помогали первымъ въ разрѣшеніи недоумѣній, или когда кто изъ нихъ обронилъ какую либо вещь или деньги, нашедшій ученикъ немедленно возвращалъ ихъ въ цѣлости своему това-

рицу, и т. д. Въ награду ученикамъ раздаваемы были подобныя книги:

1) Аглая.

2) Антеноровы путешествія.

3) Гимнъ кротости г. Державина.

4) Евфеміонъ, или юноша, образующій сердце свое похвальными и достойными подражанія примѣрами.

5) Начертаніе всеобщей исторіи, Ханенко.

6) Письма русскаго путешественника.

7) Нравоучительныя письма для образованія сердца, г. Душа.

8) Плачъ Эдуарда Юнга или ночныя размышленія.

9) Чудеса натуры.

10) Пѣсни духовныя славнѣйшаго Геллерта.

11) Слово о таинообразіи римско-каѳолическаго омофора, и др.

Число учениковъ находилось въ слѣдующемъ отношеніи къ числу жителей:

1803. Въ Ростовскомъ училищѣ 45: — дѣтей купцовъ 12, посадскихъ 14, офицеровъ 6, чиновниковъ 3, солдатъ 2, дворовыхъ 7, крестьянъ 1.

1804. Въ Ростовскомъ училищѣ 60: — дѣтей купцовъ 17, посадскихъ 13, дворянъ 1, офицеровъ 5, чиновниковъ 5, солдатъ 2, дворовыхъ 14, крестьянъ 1.

1803. Жителей въ Ростовѣ: купцовъ 1-й гильдіи 13, второй 65, третьей 534; посадскихъ 1,050, всего 1,662.

1804. Жителей въ Ростовѣ: купцовъ 1-й гильдіи 13, второй 78, третьей 507, посадскихъ 1,032, всего 1,630.

1812. Въ Рыбинскомъ уѣздномъ 40: — дѣтей купцовъ 4, посадскихъ 20, штабъ-офицеровъ 5, чиновниковъ 1, солдатъ 7, дворовыхъ 2, незаконныхъ (?) 1.

1812. Въ Рыбинскомъ приходскомъ 31: — дѣтей купцовъ 3, посадскихъ 14, штабъ-офицеровъ 1, солдатъ 7, дворовыхъ 6.

Итого 71: — дѣтей купцовъ 7, посадскихъ 34, и т. д.

1812. Въ Рыбинскѣ жителей 1,042: — купцовъ 235, мѣщанъ 685, цеховыхъ 122.

1825. Въ Угличскихъ, уѣздномъ и приходскомъ 104: — дѣтей купцовъ 22, посадскихъ 47, дворянъ 6, оберъ-офицеровъ 7, чиновниковъ 1, солдатъ 14, дворовыхъ 6, крестьянъ 1.

1825. Въ Угличѣ жителей 2,157: — купцовъ 384, мѣщанъ 1,653, цеховыхъ 120.

Вообще можно положить, что въ теченіе первой половины девятнадцатаго столѣтія на тысячу жителей приходилось въ разное время, учащихся въ училищахъ не болѣе 40 и не менѣе 15. Причина малаго числа учениковъ заключается, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, въ томъ, что «по домамъ учатъ дьячки и пономари, и что родители берутъ дѣтей своихъ изъ училища въ срединѣ курса, не смотря ни на успѣхи ихъ, ни на представленія учителей; число учащихся было бы значительно больше, если бы бѣдные люди имѣли средства на содержаніе дѣтей своихъ, а богатые не отдавали ихъ къ священнослужителямъ и церковно-служителямъ; нѣкоторые изъ священнослужителей могли бы доставить образованіе юношеству; но они, кромѣ чтенія и письма, ни чѣмъ не занимаютъ, не сообщая даже религіознаго образованія».

Участіе къ судьбѣ училищъ обнаруживалось, по прежнему, посѣщеніями; но съ тою разницею, что вмѣсто особъ, беззаботныхъ на счетъ литературы и образованія, являлись люди просвѣщенные, такъ называемые визитаторы, преимущественно изъ профессоровъ Московскаго университета, какъ напр. Мерзляковъ, Прокоповичъ-Антонскій и другіе. Они старались убѣжденіями подѣйствовать на равнодушное общество, давали полезные совѣты преподавателямъ, сглаживая угловатость оффиціальныхъ требованій и предоставляя болѣе свободы преподаванію. Не смотря на то, что была предписана опредѣленная метода и назначены руководства, одинъ изъ визитаторовъ просилъ учителей не мѣшать ученикамъ носить церковныя книги, и по нимъ, если кто захочетъ, учить читать. Какъ ни маловажнымъ кажется это обстоятельство, но оно имѣетъ весьма серьозное значеніе не только для учениковъ, но и для самихъ родителей, которые, какъ увидимъ, очень дорожатъ способомъ ученія, отвергаемымъ школою. При отсутствіи живой связи и постоянныхъ недоразумѣніяхъ между училищами и обществомъ, участіе людей просвѣщенныхъ, не связанныхъ рутиною и ясно понимающихъ дѣло, могло бы привести къ полезнымъ результатамъ. Но времена перемѣнились: администрація училищъ измѣнена, произволъ попечителей разорвалъ всѣ связи низшихъ учебныхъ заведеній съ высшими, и, вмѣсто необходимой свободы, главнѣйшимъ условіемъ sine qua non поставлена дисциплина. Весьма оригинальны понятія о новомъ порядкѣ вещей и о служебныхъ добродѣтеляхъ, выраженныя въ слѣдующемъ предписаніи директора штатному смотрителю: «теперь кончился стародавній періодъ; въ вашемъ лицѣ я увѣренъ имѣть

помощника, разумѣющаго служебное дѣло и всѣ его требованія, изъ коихъ первое есть чинопочитаніе; безъ этой служебной добродѣтели служить нельзя; съ нею только можетъ быть введенъ порядокъ. Въ нашей службѣ, высоконравственной, начальника руководитъ законъ во всей его строгости, но при всемъ этомъ образецъ ему отецъ и семья. Все то, что я требую, требуется законами государственными и нашимъ уставомъ, гдѣ указаны между прочимъ: опрятность, порядокъ, наблюденіе всѣхъ приличій» и т. д.

Одна изъ наиболѣе дѣйствительныхъ и согласныхъ съ мѣстными условіями мѣръ министерства для возбужденія участія къ училищамъ заключается въ постановленіи о наградахъ для благотворителей училищъ, напечатанномъ въ 1816 году и разосланномъ въ провинціи и уѣзды. Чтобы оцѣнить всю практичность этой мѣры, и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, надо отрѣшиться отъ понятій образованнѣйшаго столичнаго меньшинства, и перенестись въ патріархальную даль, въ кружокъ, собранный благотворителемъ, чтобы отпраздновать давно желанную награду, полученную за сдѣланное имъ пожертвованіе. Постановленіе опредѣляетъ награды въ такой постепенности.

«Ежели кто окажетъ училищу благотворенія не менѣе какъ на 1,000 рублей деньгами или вещами, то имѣть въ училищной залѣ большую, подъ чорный мраморъ сдѣланную, въ хорошихъ вызолоченныхъ рамахъ, доску, на коей золотыми буквами изображать чинъ, имя, отчество и фамилію благотворителя съ означеніемъ вкратцѣ пожертвованій».

«Ежели кто не менѣе какъ 3,000 р. окажетъ благотворенія для училища, таковымъ благотворителямъ прибавить и то, чтобы каждаго изъ нихъ имѣть портретъ въ училищѣ, если оный на сей конецъ отъ благотворителя доставленъ будетъ».

«Ежели кто благотворенія свои простретъ выше 5,000 рублей, то начальство по части народнаго просвѣщенія обязано ходатайствовать о изъявленіи таковому высочайшаго благоволенія въ рескриптѣ къ нему за императорскимъ подписаніемъ. Благотворители же таковые изъ купечества представляются монаршему вниманію».

«Пожертвованія духовныхъ особъ, хотя бы и не столь значительны были, а наипаче заведеніе ими сельскихъ приходскихъ училищъ, поставляются въ числѣ важныхъ заслугъ, ибо съ распространеніемъ приходскихъ училищъ умножится число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Министерство просвѣщенія употре-

бить ходатайство свое, дабы таковыя особы награждены были знаками отличія».

«Ежели особы, имѣющія вліяніе на общество, какъ то: предводители дворянства, городскіе головы и имъ подобные, хотя сами изъ своихъ капиталовъ не пожертвуютъ въ пользу училищъ, но своими совѣтами и внушеніями преклонятъ общества на значительныя пожертвованія, то и таковыхъ почесть должно достойными означенныхъ въ семъ постановленіи почестей, соразмѣрно пожертвованіямъ и важности учрежденія».

Это распоряженіе министерства графа Разумовскаго весьма было бы умѣстно, съ легкими измѣненіями, и въ наше время, по мнѣнію всѣхъ, хорошо знающихъ понятія, интересы, свычаи и обычаи жителей разныхъ городовъ и городковъ.

III.

Отъ прошедшаго переходимъ къ настоящему, т. е. къ современному состоянію училищъ, находящихся въ Ярославской губерніи. Къ 1-му января 1862 г. въ ярославской дирекціи училищъ состояло, кромѣ гимназіи, шесть уѣздныхъ училищъ, девятнадцать приходскихъ, четыре женскихъ и шесть воскресныхъ школъ. Уѣздныя училища — въ Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Ростовѣ, Угличѣ, Романовѣ-Борисоглѣбскѣ и Мологѣ. Изъ приходскихъ училищъ — пятнадцать городскихъ: по два въ Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Ростовѣ и Угличѣ, и по одному въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Мологѣ, Петровскѣ, Мышкинѣ, Пошехони, Любимѣ и Даниловѣ; — и четыре сельскихъ: въ селѣ Великомъ, Ярославскаго уѣзда; въ Порѣчьѣ, Ростовскаго уѣзда: въ Новомъ, Угличскаго уѣзда, и въ Архангельскомъ, Мышкинскаго уѣзда.

Сверхъ предметовъ, входящихъ, по уставу, въ курсъ уѣздныхъ училищъ, введено, по желанію мѣстныхъ жителей, преподаваніе бухгалтеріи и торговаго счетоводства въ Рыбинскомъ и Ростовскомъ уѣздныхъ училищахъ. Городскія общества признаютъ положительную необходимость этого нововведенія и видятъ въ немъ залогъ успѣховъ училища и умноженія числа учениковъ. Общественнымъ приговоромъ постановлено: просить о введеніи бухгалтеріи и торговаго счетоводства въ кругъ учебныхъ предметовъ, на томъ основаніи, что тогда «кончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ будутъ гораздо полезнѣе или родителямъ въ торговыхъ ихъ дѣлахъ, или

хозяевамъ, къ коимъ поступаютъ, а слѣдовательно и самимъ себѣ; при томъ же, желающихъ къ полученію въ уѣздномъ училищѣ образованія будетъ гораздо болѣе». Желаемые обществомъ курсы открыты въ Рыбинскѣ въ 1846, а въ Ростовѣ въ 1853 году.

Учители уѣздныхъ училищъ большею частію или изъ кончившихъ курсъ въ ярославскомъ демидовскомъ лицеѣ или изъ неокончившихъ курса въ Московскомъ университетѣ; есть и изъ дѣйствительныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. Учители приходскихъ училищъ — или изъ кончившихъ курсъ семинаріи, или изъ неокончившихъ курса гимназіи. При всемъ добромъ желаніи и умѣньи многихъ изъ наставниковъ, сильнѣйшее препятствіе къ успѣшному преподаванію заключается въ томъ, что учители обременены множествомъ уроковъ при чрезвычайно скудномъ вознагражденіи за трудъ. Въ Мологѣ, въ уѣздномъ училищѣ только одинъ преподаватель наукъ — учитель исторіи и географіи; преподаніе русскаго языка и геометріи поручено штатному смотрителю; преподаваніе ариѳметики распредѣлено между штатнымъ смотрителемъ и учителемъ, по особому предписанію о соединеніи, въ видѣ опыта, учительскихъ должностей.

Горемычные труженики должны искать средствъ къ существованію внѣ училища, но и эти постороннія средства не даютъ возможности одѣть и прокормить семью. Кто знакомъ съ печальнымъ бытомъ учительскихъ семействъ, тотъ знаетъ, какое безотрадное стѣсненіе нуждъ и лишеній преслѣдуетъ ихъ на каждомъ шагу. Мы имѣемъ въ рукахъ примѣрное исчисленіе расходовъ, необходимыхъ для содержанія учителя съ семьею, составленное самими учителями, сообразно съ мѣстными цѣнами. Нѣкоторые предметы, названные въ исчисленіи, напримѣръ, кусокъ жареной говядины за обѣдомъ, остаются для иныхъ не болѣе, какъ пріятною мечтою; другія нужды такого свойства, что ихъ нельзя избѣжать и бѣднѣйшему изъ служащихъ бѣдняковъ, впадающихъ поэтому въ неоплатимые долги.

Въ Ростовѣ учитель, съ женою и тремя дѣтьми, долженъ издерживать въ годъ:

На наемъ квартиры, въ 3 комнаты съ прихожею и кухнею, близъ центра города, отъ 7 до 8 рублей въ мѣсяцъ, по средней цѣнѣ . . . . 90 руб.

На отопленіе, полагая на двѣ голландскія печи по 4 сажени однополѣнныхъ дровъ, и для

русской печи съ банею 10 сажень, всего 18 сажень. Изъ нихъ, березовыхъ 6 сажень, отъ 3 р. 50 коп. до 4 р. за сажень, и осиновыхъ 12 сажень, отъ 2 р. 50 коп. до 3 р. за сажень; всего на . . . . 55 руб. 50 коп.

На освѣщеніе, полагая въ шесть мѣсяцевъ по $1\frac{1}{2}$ стеариновой свѣчи въ сутки, и въ шесть мѣсяцевъ по $\frac{1}{2}$ свѣчи, всего въ годъ 360 свѣчъ, или 2 пуда, 10 фунтовъ—на сумму 29 р. 25 к., считая по 13 р. за пудъ; и сальныхъ свѣчъ 1 пудъ на 6 р. 40 к.; всего . . . . . . 35 » 65 »

На столъ, по 75 к. въ день: щи и каша ежедневно, а мясное жареное два раза въ недѣлю. 263 » 75 »

На чай и сахаръ. Чаю $1\frac{1}{2}$ фунта въ мѣсяцъ, по 2 р. за фунтъ; сахару по 8 фунтовъ въ мѣсяцъ, или по 2 пуда, 16 фунтовъ въ годъ, по 10 р. за пудъ; всего . . . . 60 »

Кухаркѣ на жалованье 2 р. въ мѣсяцъ или 24 р. въ годъ; на шубу и сапоги, на три года, 12 р., т. е. въ годъ по 4 р.; на два ситцевыхъ платья 4 р. 40 к.; и на содержаніе ея съ чаемъ (безъ чая не соглашается ни одна кухарка) 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ; всего . . . . 62 » 40 »

Нянькѣ или горничной, жалованья по $1\frac{1}{2}$ р. въ мѣсяцъ или по 18 р. въ годъ; на два ситцевыя платья 4 р. 40 к.; и на содержаніе, съ чаемъ, въ годъ 30 р. всего . . . . 52 » 40 »

На одежду 70 руб. въ годъ, а именно:

Мундирный полукафтанъ съ принадлежностями, цѣною въ 50 р., на десять лѣтъ, въ годъ. 5 »

Вицмундиръ съ брюками, на три года, 30 р. 10 »

Форменный сюртукъ съ брюками, на полтора года, 24 рубля . . . . 16 »

Зимнее форменное пальто на мѣху, на пять лѣтъ, 30 рублей . . . . 6 »

Лѣтнее форменное пальто, на пять лѣтъ, 20 р. 4 »

Фуражка, на два года, 2 руб. . . . . 1 »

Двое лѣтнихъ брюкъ, два жилета и пр. . . . 10 »

На партикулярное платье . . . . 18 »

На бѣлье, носильное и постельное, носовые платки, носки и пр.	12 руб.
На обувь: двое сапогъ и головки съ калошами.	18 »
Женѣ съ дѣтьми на гардеробъ	100 »
На книги, на лекарства и различные мелочные расходы въ семействѣ	100 »
Всего до	920 рублей.

Примѣчаніе. Во время Ростовской ярмарки каждый почти квартирантъ долженъ помѣщаться въ продолженіе трехъ недѣль въ одной комнатѣ; въ противномъ случаѣ долженъ платить за квартиру почти двойную цѣну.

Въ уѣздномъ городѣ Угличѣ содержаніе семейнаго учителя, съ женою и тремя дѣтьми, обходится въ годъ:

Квартира, состоящая изъ залы, спальни, прихожей и кухни.	60 руб.	
Отопленіе, полагая для русской печи 8 сажень для голландской 4, для бани 2, по 2 руб. 50 к. за сажень	35 »	
Освѣщеніе: по $1\frac{1}{2}$ свѣчи сальныхъ, съ августа по апрѣль, полтора пуда.	9 »	
Прислугѣ	24 »	
Содержаніе ея	56 »	
Чаю 1 фунтъ въ мѣсяцъ по 1 р. 50 к. и сахару 8 фунтовъ въ мѣсяцъ по 30 коп.	46 »	80 коп.
Булки къ чаю на 5 коп. въ сутки	18 »	
Молоко на 5 коп. въ сутки.	18 »	
Для стола изъ двухъ блюдъ:		
Говядина 3 ф. въ сутки, по 8 коп.	86 »	40 »
Для жаркаго 3 фунта по 6 к. съ приправой.	84 »	
Капусты на	5 »	
Чернаго хлѣба, три фунта въ сутки.	13 »	50 »
Въ праздничные дни пирогъ въ 35 коп.	22 »	40 »
Одежда:		
Мундирный полукафтанъ, цѣною въ 42 руб., на десять лѣтъ	4 »	20 »

Вицмундиръ съ двумя парами брюкъ, на три года, 27 рублей	9	руб.	
Черный сюртукъ съ брюками, 21 руб., на три года	7	»	
Лѣтнее пальто 18 руб., на три года	6	»	
Шуба — 100 руб., на десять лѣтъ	10	»	
Шинель — 40 руб., на пять лѣтъ	8	»	
Форменная фуражка	2	»	
Обыкновенная фуражка — 1 р. 50 к., на два года	»	»	75 коп.
Жилетъ	3	»	
Полдюжины носовыхъ платковъ	2	»	
Галстухъ	2	»	
Двѣ пары перчатокъ	1	»	50 »
Шлафрокъ	3	»	

Для жены:

Два платья, одно шерстяное, другое ситцевое	8	»	
Бурнусъ — 25 руб., на десять лѣтъ	2	»	50 »
Шляпка лѣтняя	6	»	
Зимняя шляпка	6	»	
Два чепчика	5	»	
Салопъ зимній — 80 руб., на десять лѣтъ	8	»	
На разныя мелочи туалета	15	»	

Бѣлье:

Четыре перемѣны изъ русскаго полотна по $1\frac{1}{2}$ руб. и для дѣтей столько же	12	»

Примѣчаніе. Жена принесетъ себѣ бѣлье въ приданомъ.

Постель:

Для семейства — 30 руб. на десять лѣтъ	3	»
Дюжина наволокъ — 8 руб., на два года, и полдюжины простынь — 6 рублей, также на два года	7	»
Одѣялъ на 18 рублей, на три года	6	»

Обувь:

Пара новыхъ сапогъ съ калошами	6	»
Пара головокъ съ калошами	5	»

Полдюжины нитяныхъ и шерстяныхъ носковъ . . . 1 руб. 50 коп.

Четыре пары башмаковъ по 1 руб. и четыре пары чулокъ по 50 коп. за пару, для жены . . . 6 »

Для дѣтей обуви на . . . . 5 »

Мебель для квартиры и стѣнные часы — 100 рублей, на двадцать пять лѣтъ . . . . 4 »

Самоваръ, чайная и столовая посуда — 50 р., на десять лѣтъ . . . . 5 »

Кухонная посуда — 30 руб., на десять лѣтъ . . 3 »

Аптека . . . . 5 »

Пріемъ священника и жертва въ церковь . . . . 8 »

На канцелярскіе расходы, полученіе и отсылку писемъ . . . . 6 »

На жалуемые чины . . . . 10 »

На непредвидѣнные расходы и предметы для воспитанія дѣтей . . . . 10 »

Итого. . . 715 руб. 5 коп.

Въ 1862 году учащихся мужскаго пола въ ярославской дирекціи училищъ было 2,356. Опредѣляя отношеніе числа учащихся къ народонаселенію, какъ и вообще при всѣхъ показаніяхъ, мы выбираемъ мѣстности, наиболѣе важныя и о которыхъ удалось намъ собрать наиболѣе опредѣленныя свѣдѣнія.

Въ Ярославлѣ, въ 1862 году (въ концѣ сентября) состояло на лицо учениковъ:

Въ уѣздномъ училищѣ 121; изъ нихъ, дворянъ и чиновниковъ 52, духовнаго званія 1, купцовъ 12, мѣщанъ и другихъ городскихъ обывателей 55, дворовыхъ и крестьянъ 1.

Въ срединѣ учебнаго $18^{61}/_{62}$ г. учениковъ было 138.

Въ двухклассномъ приходскомъ училищѣ 146: — дворянъ и чиновниковъ 12; купцовъ 10; мѣщанъ и другихъ городскихъ обывателей 116, дворовыхъ и крестьянъ 8.

Во 2-мъ приходскомъ училищѣ 32: — купцовъ 2, мѣщанъ и другихъ городскихъ обывателей 30.

Жителей въ Ярославлѣ, мужскаго пола 16,344; изъ нихъ: учащихся въ училищахъ уѣздномъ и приходскомъ 299.

Въ числѣ жителей, дворянъ и чиновниковъ 893: учащихся 64; духовнаго званія 376: учащихся 1, (всѣ учатся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ); купцовъ 666: учащихся 24; мѣщанъ и государ-

ственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій 8,853: учащихся 201; крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и дворовыхъ 1,198; учащихся 9.

Въ Рыбинскѣ, въ уѣздномъ училищѣ учениковъ:

Въ 1860 году 75 — всѣ мѣщане.

» 1861 » 79: дворянъ личныхъ 8, купцовъ 8, мѣщанъ 63.

Въ первомъ приходскомъ:

Въ 1860 году 87: мѣщанъ 74, солдатскихъ 13.

» 1861 » 85: чиновниковъ 5, купцовъ 7, мѣщанъ 64, солдатскихъ 9.

Во второмъ приходскомъ:

Въ 1860 году 72: мѣщанъ 62, солдатскихъ 10.

» 1861 » 87: чиновниковъ 5, купцовъ 10, мѣщанъ 68, солдатскихъ 4.

Жителей въ Рыбинскѣ 5,108: учащихся 251; изъ жителей: дворянъ личныхъ 72: учащихся 13; купцовъ 480: учащихся 25; мѣщанъ 3,144: учащихся 200; солдатскихъ дѣтей и кантонистовъ 151, учащихся 13.

Въ Ростовѣ, въ $18^{61}/_{62}$ году состояло учениковъ:

1) Въ уѣздномъ училищѣ 68: (въ срединѣ учебнаго года 81) дворянъ и чиновниковъ 6, купцовъ 5, мѣщанъ и другихъ городскихъ обывателей 52, крестьянъ 5.

2) Въ первомъ приходскомъ 48: дворянъ и чиновниковъ 1, купцовъ 4, мѣщанъ и обывателей 39, крестьянъ 4.

3) Во второмъ приходскомъ 45: дворянъ и чиновниковъ 4, купцовъ 6, мѣщанъ и обывателей 32, крестьянъ 3.

Жителей въ Ростовѣ 4,987 (учащихся 161): дворянъ и чиновниковъ 98: учащихся 11; купцовъ 706: учащихся 25; мѣщанъ и обывателей 2,902: учащихся 123; крестьянъ 179: учащихся 12.

Въ Угличѣ, въ $18^{61}/_{62}$ году, состояло учениковъ:

1) Въ уѣздномъ училищѣ 62 (въ $18^{60}/_{61}$ г. — 70): дворянъ потомственныхъ 2, оберъ-офицеровъ 12, духовныхъ 2, купцовъ 16, мѣщанъ 21, разночинца 3, крестьянъ 6.

2) Въ первомъ приходскомъ 61: оберъ-офицеровъ 4, духовныхъ 1, купцовъ 18, мѣщанъ 32, разночинцевъ 2, крестьянъ 4.

3) Во второмъ приходскомъ 54: оберъ-офицеровъ 2, купцовъ 8, мѣщанъ 39, разночинцевъ 5.

Жителей 4,972 (учащихся 177): дворянъ потомственныхъ 57: учащихся 2; дворянъ личныхъ 78; учащихся 18; купцовъ 778: учащихся 42; мѣщанъ 2,821: учащихся 92.

Въ уѣздномъ городѣ Мышкинѣ, въ приходскомъ училищѣ, въ 18⁶¹/₆₂ году, учениковъ 37 (въ ⁶⁰/₆₁ году 32): оберъ-офицеровъ 4, купцовъ 10, мѣщанъ 22, крестьянъ 1.

Жителей 1,187 (учащихся 37): дворянъ личныхъ 33: учащихся 4; купцовъ 168: учащихся 10; мѣщанъ 594: учащихся 22; крестьянъ 33: учащихся одинъ.

Въ заштатномъ городѣ Петровскѣ, въ приходскомъ училищѣ, въ 1861 году, учениковъ 24 — всѣ мѣщане; жителей въ Петровскѣ 716: мѣщанъ 526.

Въ нѣкоторыхъ городахъ есть женскія училища; тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, потребность въ нихъ ясно высказалась въ успѣхѣ воскресныхъ школъ. Въ Угличѣ, воскресная женская школа открыта въ январѣ 1861 г., и число посѣщающихъ быстро увеличивалось съ каждымъ воскресеньемъ: въ день открытія было 4, потомъ 11, 14, 16, 21, 26, 35, 42, 46, 54, 57, 12, 60, 62, 63, 65, 30, 70, 75, 79, 82, и т. д. до 110. Въ Угличѣ жителей женскаго пола 5,909. Двѣнадцать учениць, вмѣсто пятидесяти семи, было въ день благовѣщенія, а тридцать, вмѣсто шестидесяти пяти, въ николинъ день. Больше ста десяти не могли принимать по тѣснотѣ помѣщенія и по недостатку наставниковъ: сперва было пять — смотритель и четыре учителя, потомъ только три — смотритель и два учителя.

Приведенныя цифры показываютъ, что число учащихся и отношеніе его къ числу жителей измѣняется по мѣстностямъ. Одно изъ самыхъ выгодныхъ отношеній находится въ Рыбинскѣ, гдѣ число учащихся относится къ населенію почти какъ 1:20, т. е. на каждую тысячу жителей приходится около 50 учащихся. За тѣмъ идутъ Угличъ, Ростовъ, Ярославль и другіе. Во всѣхъ названныхъ нами мѣстностяхъ жителей 33,314, учащихся 945, слѣдовательно послѣдніе къ первымъ относятся какъ 1:35, т. е. на тысячу жителей приходится около тридцати учащихся. Во всей же губерніи число учащихся въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія самое незначительное въ сравненіи съ общимъ населеніемъ. Во всей ярославской дирекціи училищъ, за исключеньемъ гимназіи и лицея, учениковъ 2,063, а число жителей во всей ярославской губерніи полагаютъ приблизительно до 450,000 мужескаго пола, слѣдовательно учащіеся составляютъ одну двѣсти-двадцатую часть населенія, т. е. на тысячу жителей приходится едва четыре — пять учащихся. Такое отношеніе объясняется тѣмъ, что учебныя заведенія министерства, за немногими исключеніями, находятся въ городахъ, а

потребность въ образовании распространена во многихъ селахъ и деревняхъ несравненно болѣе, нежели въ иныхъ городахъ и городкахъ. Отношеніе учащихся женскаго пола еще умѣреннѣе: на 500,000 жителей женскаго пола приходится около 500 учащихся, слѣдовательно на тысячу женщинъ одна учащаяся.

Всѣ эти данныя могутъ до нѣкоторой степени опредѣлить приблизительно отношеніе между числомъ учащихся и народонаселеніемъ; о строгой же точности и положительности не можетъ быть и рѣчи. Непреодолимое препятствіе заключается въ невѣрности статистическихъ данныхъ: свѣдѣнія, собираемыя въ одинъ и тотъ же годъ, однимъ и тѣмъ же путемъ, не одинаковы; разница въ показываемомъ числѣ жителей простирается до нѣсколькихъ сотень. Показанія полиціи, квартирной коммиссіи, ремесленной управы и т. п. болѣе или менѣе не точны. По свѣдѣніямъ, собраннымъ для статистическаго комитета, число жителей не то, которое выходитъ изъ данныхъ, доставленныхъ въ коммиссію относительно улучшенія общественнаго управленія, открывшую свои дѣйствія въ этомъ году. О неприписанныхъ къ городамъ, но постоянно живущихъ въ нихъ, коммиссіи или не получили вовсе свѣдѣній или получили самыя невѣрныя; хотя въ программѣ и сказано, что лучше опредѣлять приблизительно, нежели выставлять вымышленныя цифры. На просьбу одного градскаго главы поспѣшить доставленіемъ свѣдѣній о жителяхъ, полицейскій отвѣчалъ наивнымъ образомъ: да сколько вамъ нужно: больше или меньше? не желая, вѣроятно, сдѣлать противно интересамъ головы, съ которымъ находится въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Независимо отъ невѣрной цифры числа жителей, самое число учащихся не можетъ быть погодно опредѣляемо съ положительною точностью: въ началѣ, срединѣ и концѣ года разница доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ, вслѣдствіе постояннаго прилива и убыли учениковъ въ теченіе всѣхъ учебныхъ мѣсяцевъ.

Каково бы ни было отношеніе учащихся къ общей массѣ населенія, вѣрно то, что число ихъ, говоря вообще, недостаточно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно не соотвѣтствуетъ числу жителей; въ другихъ оно представляетъ даже убыль въ сравненіи съ числомъ учениковъ, посѣщавшихъ заведеніе лѣтъ двадцать тому назадъ. Причина такого неблагопріятнаго явленія заключается: во-первыхъ, въ маломъ числѣ поступающихъ въ училища; во вторыхъ, въ ежегодномъ, даже ежемѣсячномъ, выходѣ изъ нихъ учениковъ до окончанія курса.

Небольшое число поступающихъ такимъ образомъ объясняется мѣстными жителями:

Многіе предпочитаютъ обученію въ школѣ домашнюю выучку и отдаютъ дѣтей своихъ причетникамъ, дьяконамъ и другимъ грамотѣямъ. На дому, говорятъ они, больше присмотра за дѣтьми, а въ школѣ они предоставлены почти самимъ себѣ, потому что учитель не можетъ услѣдить за всѣми. Самое ученье идетъ успѣшнѣе, когда занимаются съ двумя-тремя, нежели съ такимъ множествомъ учениковъ, какое въ приходскихъ училищахъ бываетъ на рукахъ у одного учителя. У него не хватаетъ силъ; онъ долженъ въ одномъ и томъ же классѣ руководить пятью родами занятій: одни читаютъ складомъ; другіе читаютъ толкомъ съ повтореніемъ прочитаннаго; третьи пишутъ буквы, занимаются нумераціею и сложеніемъ однозначныхъ чиселъ умственно; четвертые — сложеніемъ и вычитаніемъ простыхъ чиселъ умственно; пятые читаютъ статьи изъ «Друга дѣтей» съ объясненіемъ неизвѣстныхъ словъ, пишутъ подъ диктовку, и т. п. Пособія для занятій въ приходскихъ училищахъ самыя скудныя; недостаетъ необходимѣйшаго условія для успѣшнаго начальнаго преподаванія: нѣтъ порядочныхъ и одинаковыхъ книгъ у всѣхъ учениковъ, а тѣ, которыя приносятъ они съ собою, большею частью, такого свойства, что учители напрасно усиливаются объяснить прочитанное учениками: и мысль и выраженіе рѣшительно недоступны дѣтскому пониманію. Въ рукахъ учениковъ можно видѣть и «Путь ко спасенію, Θедора Эмина», изданный въ 1780 году, и «О подражаніи Пресвятой Дѣвѣ Маріи, переводъ съ французскаго», и «Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ», вышедшее въ прошломъ столѣтіи, и сочиненія, хотя позднѣйшія, но писанныя подобнымъ слогомъ: «восхваляя преподобнаго, какъ подвижника добродѣтелей, присовокупляютъ, что онъ страстямъ и вожделѣніямъ противоборствовалъ». Учитель спрашиваетъ: что такое подвижникъ? ученикъ отвѣчаетъ: подвигать, двигаться ногами. А подвижникъ добродѣтели? — двигать руками, и т. п.

Но въ уѣздныхъ училищахъ, по словамъ старожиловъ, теперь впятеро лучше, чѣмъ было прежде — лѣтъ за десять съ небольшимъ; теперь есть хорошія карты и глобусы, и книги всякія, а прежде захочешь бывало заказать для сынишки глобусъ, чтобы съ толкомъ земли разныя выучилъ, обѣгаешь всѣхъ столяровъ въ го-

родѣ, и умнѣнаго не найдешь; ну, а теперь, что и говорить, была бы только охота: всего вдоволь.

Не смотря на превосходство уѣздныхъ училищъ, и по количеству и объему предметовъ и по учебнымъ пособіямъ, большинство населенія довольствуется приходскими училищами. Бываютъ случаи, что отецъ хлопочетъ, чтобы сына его перевели изъ высшаго класса въ низшій: пусть де онъ еще поучится писать, а наукамъ новымъ не надо, потому что скоро возьмутъ мальчика въ дѣло. Иные изъ мѣщанъ просятъ, чтобы дѣтей ихъ оставить на лишніе полгода въ приходскомъ, не переводя въ уѣздное: «на кой прахъ сынишкѣ моему географія и разныя всякія науки». Люди болѣе образованные также считаютъ курсъ уѣзднаго училища, для многихъ, роскошью, называя его, неизвѣстно почему, высшею философіею.

Въ противоположность умѣреннымъ мѣщанскимъ требованіямъ, высшее купечество находитъ довольно скудною философію уѣздныхъ училищъ и не отдаетъ туда дѣтей своихъ. Встрѣчаются и такіе капиталисты, которые оставляютъ чадъ своихъ вовсе безъ образованія, выучивъ ихъ на мѣдный грошъ читать да писать. Впрочемъ, большинство богатаго купечества обнаруживаетъ стремленіе дать дѣтямъ приличное воспитаніе, но не отдаетъ ихъ въ школу, а выписываетъ изъ столицъ «гувернеровъ и гувернантокъ». Отсутствіе иностранныхъ языковъ служитъ, для нѣкоторыхъ, также препятствіемъ къ поступленію въ училища.

Есть еще тайная, невысказываемая, причина уклоненія отъ училища: она заключается въ гонорѣ, непозволяющемъ сыну именитаго купца сидѣть на одной лавкѣ съ сыномъ сапожника или прасола. У богатыхъ купцовъ есть своего рода барская спѣсь въ отношеніяхъ съ бѣдными торговцами, которымъ они говорятъ «ты», и не приглашаютъ ихъ садиться въ своемъ присутствіи. На бѣдняковъ, живущихъ трудами рукъ своихъ, богачи смотрятъ съ презрѣньемъ и считаютъ для себя оскорбительнымъ быть въ одномъ обществѣ съ ремесленниками. Такое мнѣніе, господствуя въ низшихъ классахъ городскихъ обывателей, опровергается, какъ и слѣдовало ожидать, людьми, къ которымъ относится: они утверждаютъ, что въ торговомъ мірѣ такъ тѣсно связаны интересы всѣхъ и каждаго, что милліонеръ по необходимости долженъ вести дружбу и обходиться какъ съ ровнею съ самымъ бѣднымъ промышленникомъ. Когда одинъ изъ бывшихъ помѣщиковъ, кончившій курсъ въ уни-

шемъ учебномъ заведеніи, привелъ съ собою въ купеческій клубъ временно-обязаннаго крестьянина, члены клуба протестовали противъ такого поступка, обиднаго для ихъ сословія. Сословные предразсудки держатся еще сильно въ разныхъ слояхъ; купцы брезгаютъ обществомъ мѣщанъ; мѣщане чванятся передъ крестьянами, и когда какая-нибудь горничная выходитъ замужъ за повара, мѣщанки считаютъ унизительнымъ быть «на холопьей свадьбѣ». Въ иныхъ городахъ есть и два оркестра музыки: одинъ, такъ называемый «классической» музыки, играетъ въ городскомъ саду, гдѣ танцуютъ купцы; другой, состоящій изъ скрипки, цимбала и контрбаса, играетъ на мѣщанскихъ пирушкахъ. Даже скромные служители наукъ не чужды общей сословной слабости: до весьма недавняго времени приходскіе учителя неохотно допускались въ кругъ учителей уѣзднаго училища, представителей высшей цивилизаціи уѣзднаго міра.

Уменьшеніе числа поступающихъ зависитъ отчасти и отъ обстоятельства, говорящаго въ пользу теперешняго порядка вещей. Въ прежнее время всѣ заботы приходскихъ учителей устремлены были на экзамены при переходѣ учениковъ ихъ въ уѣздное училищѣ. За долго до экзамена преподаватели выбирали учениковъ, подающихъ надежды удовлетворить требованію испытательнаго комитета, и готовили ихъ къ отвѣтамъ на предстоящемъ испытаніи, а объ остальныхъ ученикахъ вовсе не заботились, заставляя заниматься съ ними ихъ же товарищей. Протекція, кумовство и другія побочныя обстоятельства имѣли свою долю вліянія при экзаменѣ. Теперь старинные обычаи утратились, занятія идутъ равномѣрнѣе и экзамены производятся безпристрастнѣе, а потому и въ высшее училище переходятъ болѣе достойные и способные.

Отъ самаго начала училищъ и по сіе время, число выбывающихъ до окончанія курса непомѣрно велико въ сравненіи съ числомъ окончившихъ полный курсъ. Цифра учащихся уменьшается вдвое и даже втрое при переходѣ изъ низшаго класса въ высшій, особенно изъ перваго во второй. Въ первомъ классѣ уѣзднаго училища было 47, во второмъ 17, въ третьемъ 11; или въ первомъ 40, во второмъ 14, въ третьемъ 8, и т. п.

Въ $18^{61}/_{62}$ году, въ ярославскомъ уѣздномъ училищѣ кончило курсъ 11, изъ нихъ 10 дѣтей чиновниковъ и 1 духовнаго званія. Выбыло изъ училища до окончанія курса 45: чиновниковъ 13, купцовъ 5, мѣщанъ и другихъ городскихъ обывателей 26, крестьянъ 1.

Въ Рыбинскомъ уѣздномъ училищѣ кончило курсъ, въ 1860 году, 10 — всѣ изъ мѣщанъ, въ 1861 году — 8; изъ нихъ 2 изъ дворянъ личныхъ, 1 изъ духовнаго званія, 5 изъ мѣщанъ. Выбыло до окончанія курса, въ 1860 году, 15 — изъ мѣщанъ; въ 1861 году 14 — тоже изъ мѣщанъ. Изъ перваго приходскаго училища переведено во второе, въ 1860 году, 30 — всѣ изъ мѣщанъ; въ 1861 году — 29, также изъ мѣщанъ. Выбыло, въ 1860 году 3, въ 1861 году 5 — всѣ изъ мѣщанъ. Изъ втораго приходскаго переведено въ уѣздное училищѣ, въ 1860 году, 18 — изъ мѣщанъ; въ 1861 году, 27, изъ мѣщанъ. Выбыло, въ 1860 году, 4—изъ мѣщанъ; въ 1861 году — 7, тоже изъ мѣщанъ.

Въ Угличкомъ уѣздномъ училищѣ кончило курсъ, въ $18^{60}/_{61}$ году, 9: 1 изъ дворянъ, 6 оберъ-офиц. дѣтей, 2 мѣщанъ; $18^{61}/_{62}$ году, 2 изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Выбыло, въ $18^{60}/_{61}$ году, 28: 1 дворян., 1 оберъ-офицер., 4 купц., 21 мѣщан., 1 разночинецъ, 1 дворовый; въ $18^{61}/_{62}$ году — 18: 2 оберъ-офицер., 3 купца, 10 мѣщанъ, 1 разночинецъ, 1 крестьянинъ и 1 дворовый. — Изъ перваго приходскаго переведено въ уѣздное училище, въ $18^{60}/_{61}$ году, 27; въ $18^{61}/_{62}$ году — 28. Выбыло, въ $18^{60}/_{61}$ году, 9: 2 дворян., 7 мѣщанъ; въ $18^{61}/_{62}$ году, 3 мѣщанина. Изъ втораго приходскаго въ первое переведено, въ $18^{60}/_{61}$ году, 20; въ $18^{61}/_{62}$ году — 15. Выбыло, въ $18^{60}/_{61}$ году, 3 мѣщан.; въ $18^{61}/_{62}$ году — 6: 1 оберъ-офицер., 2 разночинца, 3 мѣщанина.

Въ теченіе двухъ лѣтъ въ трехъ уѣздныхъ училищахъ кончило курсъ 40 человѣкъ; выбыло до окончанія курса 120, изъ которыхъ 17 дѣтей дворянъ, 5 чиновниковъ, 12 купцовъ и 86 мѣщанъ. Дѣти оберъ-офицеровъ, и вообще дворянъ оставляютъ училище для того, чтобы перейти въ другія учебныя заведенія, преимущественно въ военное училище, куда и поступаютъ на казенное содержаніе: это послѣднее обстоятельство весьма важно и заставляетъ родителей изъ своего города, гдѣ нужно содержать дѣтей въ училищѣ на собственный счетъ, отвозить сыновей своихъ въ Ярославль. Купцы или мѣщане выходятъ изъ училища или для того, чтобы въ лавкѣ у родителей замѣнить прикащика, которому надо бы заплатить рублей пятьсотъ и болѣе, да и нельзя притомъ на него положиться такъ, какъ на роднаго сына; или же для того, чтобы поступить въ люди, въ лавку и въ домашнюю прислугу къ постороннимъ. Большая часть мѣщанъ отдаютъ дѣтей своихъ въ «купецкое дѣло», считая его наиболѣе легкимъ, и не желая заниматься

ремеслами, не смотря на неизбѣжную потребность ихъ въ любой мѣстности. Мѣщанинъ, въ болѣе промышленныхъ городахъ, скорѣе согласится просить милостыню, нежели пойти въ плотники, каменщики, печники, и ремеслами занимаются приходящіе изъ сосѣднихъ мѣстъ крестьяне. Купцы берутъ мальчика въ прислугу какъ будто для того, чтобы онъ на опытѣ дознaлъ трудъ и пріучился къ нему, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы взятый на выгодныхъ условіяхъ мальчикъ замѣнилъ взрослаго работника. Несоразмѣрная съ возрастомъ работа, наваливаемая хозяиномъ, преждевременно изнуряетъ силы юноши.

Въ приходскихъ училищахъ кончило курсъ 100 человѣкъ, которые и перешли въ уѣздныя; выбыло 40, изъ которыхъ 35 мѣщанъ. Двое изъ дворянъ выбыло для поступленія въ кадетскій корпусъ. Дѣти беднѣйшихъ мѣщанъ, въ нѣкоторыхъ городкахъ, выходя изъ приходскихъ училищъ, не могутъ найти мѣста у купцовъ, принимающихъ охотнѣе мальчиковъ болѣе свѣдущихъ, бывшихъ въ уѣздномъ училищѣ, и по необходимости идутъ въ ремесла. Иной попадаетъ въ сапожники, другой обучается золотарному мастерству, третій принужденъ идти въ пастухи: сынъ одного умершаго столоначальника уѣзднаго суда тоже въ пастухахъ.

Значительный перевѣсъ учащихся въ приходскихъ училищахъ надъ учащимися въ уѣздныхъ и постоянное выбываніе изъ послѣднихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду на науку, господствующему въ массахъ, и той цѣли, съ которою обыкновенно поступаютъ въ школу. Наука цѣнится на столько, на сколько пригодна она въ практическомъ отношеніи; сами дѣти говорятъ, что учиться полезно потому, что ученаго возьмутъ въ люди, къ хозяину, въ людяхъ узнаешь, какъ дѣло вести, а дома останешься дуракомъ. Одного отца насилу уломали отдать сына въ училище, но когда кончившій курсъ получилъ въ Питерѣ мѣсто въ тысячу рублей серебромъ, отецъ сталъ хлопотать о помѣщеніи въ училище всѣхъ своихъ сыновей. Когда въ собраніи городскихъ обывателей заходитъ рѣчь о прибавкѣ жалованья учителю или о наймѣ ему квартиры, многіе не только возстаютъ противъ этого, но даже говорятъ такія вещи: «да на что намъ и само-то училище, намъ вовсе не надо его; есть у насъ и попы и дьячки — научатъ».

При подобномъ взглядѣ на науку и школу, какими же средствами поднять въ общемъ мнѣніи училища и усилить самый запросъ на образованіе? Лица, принадлежащія купеческимъ и мѣщан-

скимъ обществамъ разныхъ городовъ, знающія всю подноготную своей среды, связанныя съ нею и кровнымъ родствомъ и личными интересами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующіяся общимъ уваженіемъ за свой умъ и честный образъ мыслей, считаютъ полезными различныя средства, которыя сводятся къ тремъ главнымъ, а именно мѣры принудительныя, преобразованіе учебныхъ заведеній и избраніе посредниковъ между училищами и обществомъ, дѣйствующихъ не самовольно, а при участіи совѣта, открываемаго при заведеніи.

Не сочувствуя принудительнымъ мѣрамъ вообще, мы обязаны упомянуть о нихъ для того, чтобы съ точностью передать существующіе факты и мнѣнія, не позволяя себѣ ни малѣйшаго измѣненія ихъ для какихъ бы то ни было цѣлей. Нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ мѣщанъ утверждаютъ, что единственное средство поднять уровень образованности состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ученье обязательнымъ: некончившимъ курса, напримѣръ, въ прогимназіи не выдавать купеческихъ свидѣтельствъ, и т. п. Безъ принудительной мѣры училище не въ состояніи оказать сколько нибудь значительнаго вліянія на массу: оно поглощается средою, гдѣ на ученаго смотрятъ косо, словно на медвѣдя-плясуна въ баснѣ Хемницера (примѣръ приведенный мѣщаниномъ), въ которой сказано:

«Медвѣди земляка лишь только-что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали...
...Прочь, прочь отсель сейчасъ!
Скотина этака, умнѣй быть хочешь насъ!»

Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ представителей купеческаго сословія въ губерніи и во всемъ приволжскомъ краѣ, въ запискѣ своей объ улучшеніи мѣщанскаго быта, говоритъ: «не слѣдуетъ позволять мѣщанскимъ дѣтямъ, имѣющимъ хорошія способности къ наукамъ, выходить изъ уѣзднаго училища до окончанія курса: въ это время развиваются физическія и умственныя силы, и пріобрѣтается способность къ занятіямъ разнаго рода».

Необходимость преобразованія училищъ достаточно сознается обществомъ. Обновить, обновить надо — говорятъ купцы различной степени образованности—учителя у насъ хороши, грѣхъ сказать о нихъ что нибудь дурное, да поустарѣли, обновы требуютъ; дать имъ новые порядки, и дѣло пойдетъ у нихъ наладъ. Предполагае-

мыя прогимназіи нравятся купечеству потому, что изъ нихъ, кто пожелаетъ, можетъ прямо перейти въ гимназіи, и полный курсъ гимназіи и прогимназіи окончить въ семь лѣтъ, между тѣмъ, какъ изъ уѣзднаго училища можно поступить только въ первый классъ гимназіи, слѣдовательно ученикъ долженъ пробыть три года въ уѣздномъ училищѣ, и семь лѣтъ въ гимназіи, всего десять лѣтъ. Тѣмъ охотнѣе станутъ купцы отдавать дѣтей своихъ въ прогимназіи, что въ нихъ будутъ и дворяне, и дѣти первыхъ капиталистовъ въ губерніи, словомъ, все избранное общество поспѣшитъ воспользоваться учрежденіемъ, въ которомъ дается самое лучшее начальное образованіе. Полагаютъ, что для болѣе прочнаго успѣха лучше открывать училища постепенно, избирая на первое время мѣстности наиболѣе благопріятныя. Если хорошо пойдетъ дѣло въ двухъ-трехъ городахъ губерніи, сосѣдніе уѣзды и губерніи не замедлятъ завести и у себя подобное; примѣръ «своего брата» подѣйствуетъ сильнѣе предписаній начальства, и новое учрежденіе глубже пуститъ корни въ общество.

Для водворенія болѣе надежныхъ и искреннихъ отношеній между училищемъ и обществомъ весьма полезно можетъ быть участіе лица, выбраннаго изъ среды самаго общества. Не даромъ сложилась пословица: «церковь богатѣетъ попомъ да старостою, училище — учителемъ да попечителемъ». Выбранному самимъ обществомъ попечителю — свободный доступъ всюду; онъ — «свой братъ», значитъ, знаетъ, какъ повести дѣло, и обществу обиды не сдѣлаетъ. Въ каждомъ обществѣ есть много неуловимыхъ оттѣнковъ; надо знать все доброе, что есть въ немъ, а также и его больную сторону, чтобы попасть въ тактъ и добиться желаемаго. Иной расположенъ къ доброму дѣлу: надо только живо представить горе и лишенія учащихся малютокъ. Другаго увѣщаніями и печалью не проймешь: надо подѣйствовать на его честолюбіе. Люди бывалые, отыскивая благотворителей, развозятъ съ собою шитые мундиры, выдаваемые въ награду, и медали разнаго достоинства. Любовь къ медалямъ до того сильна, что на портретахъ рисуютъ ихъ даже на бородѣ, если она слишкомъ длинна и густа, такъ что закрываетъ всѣ нашейныя украшенія; каждую вновь получаемую медаль считаютъ долгомъ пририсовывать на портретѣ, снятомъ давнымъ-давно. Что касается до орденовъ, то это уже такая чувствительная вещь, что надо быть кремнемъ, чтобы не отважиться на благотворительный подвигъ; въ ожиданіи ордена, говорится о немъ почти-

дельнымъ шопотомъ даже въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ. И какихъ не бываетъ характеровъ! Иной милліонеръ расчувствуется о нищенскомъ положеніи юношей, учащихся въ его родномъ городѣ, и пришлетъ въ даръ училищу просроченную росписку, по которой не надѣется получить и считаетъ безполезнымъ представить ее ко взысканью. И сколько сноровки надобно, чтобы хоть что нибудь выжать изъ клочка негодной бумаги! А тамъ, если и явится молодой человѣкъ, который и не прочь бы помочь училищу, да бѣда въ томъ, что деньги-то въ рукахъ скряги отца или дяди; только разъ въ году часть доходовъ собирается сыномъ, и счастливо училище, если недремлющее око его радѣтеля усмотритъ время скоропроходящаго благополучія тороватаго сына. Безъ участія самихъ членовъ общества измѣнить судьбу училищъ къ лучшему—невозможно.

При всей трудности весьма сложной обязанности попечителя, посредникъ, избранный своими согражданами, можетъ дѣйствовать тѣмъ успѣшнѣе, что въ обществѣ все же есть, хотя и слабое, хотя только въ зародошѣ, сочувствіе къ училищу, и надо умѣть развить и поддержать это чувство. Польза отъ училища и его доброе вліяніе сознается многими, и выражается довольно оригинально. Пользу видятъ въ томъ, что вышедшимъ изъ училища даютъ больше платы въ лавкахъ и торговыхъ конторахъ. Благодѣтельное вліяніе на нравы замѣчаютъ въ томъ, что бывшіе ученики ведутъ себя приличнѣе, осторожнѣе, въ обращеніи мягче и ласковѣе, при встрѣчѣ съ старшими снимаютъ шапку и кланяются, менѣе расположены къ пьянству и кутежу, менѣе замѣчены въ воровствѣ, менѣе предаются разврату, и «въ хмѣлю спокойнѣе». Связь между молодымъ, учащимся въ школахъ, поколѣніемъ и старымъ не нарушается. Грамотныя дѣти, не становясь во враждебное отношеніе къ родителямъ, дѣлаются уступчивѣе къ ихъ строптивому нраву, съ большимъ терпѣніемъ переносятъ ихъ суровое обращеніе, и тѣмъ водворяютъ въ семьѣ согласіе.

Участіе общества къ училищамъ и потребность въ нихъ видна изъ открытія школъ частными лицами, и изъ средствъ, жертвуемыхъ городскими обществами на содержаніе училищъ.

Въ настоящее время, въ ярославской дирекціи находится четыре училища, открытыхъ частными лицами, а именно: Ярославскаго уѣзда въ селѣ Великомъ, Ростовскаго уѣзда въ селѣ Порѣчьѣ, Углицкаго уѣзда въ селѣ Новомъ и Мышкинскаго уѣзда въ селѣ

Архангельскомъ. Великосельское училище открыто въ 1828 году наслѣдниками гг. Яковлевыхъ, Порѣчское въ 1846 году тамошнимъ вотчиннымъ управленіемъ, Новосельское въ 1857 году графомъ Шереметьевымъ, Архангельское въ 1861 году мѣстнымъ священникомъ Алексѣемъ Воскресенскимъ.

Всѣ, учащіеся въ этихъ четырехъ школахъ, — дѣти временно-обязанныхъ крестьянъ: 244 мальчика и 28 дѣвочекъ. Дѣти обучаются чтенію по книгамъ гражданской и церковной печати, письму, закону Божію и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики.

Въ порѣчскомъ училищѣ есть библіотека, въ которой находятся: Исторія Карамзина, избранныя житія святыхъ, и пр. и около десяти періодическихъ изданій за нѣсколько лѣтъ: Народное чтеніе, Народная бесѣда, Граматей, Сынъ отечества, Православное обозрѣніе, Духъ христіанина, Душеполезное чтеніе, Странникъ, Православный собесѣдникъ. Въ библіотекѣ новосельскаго училища книгъ 71 назван. въ 172 томахъ; сверхъ того есть географическія карты и глобусъ. Библіотеки сельскихъ школъ кажутся богатыми въ сравненьи, напримѣръ, съ городскимъ петровскимъ училищемъ, имѣющимъ всего на все три книги: Евангеліе, Деревня — разсказъ для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ, и журналъ «Странникъ» за 1860 годъ.

Великосельское училище имѣетъ квартиру, съ отопленіемъ, отъ волостнаго правленія, которое выдаетъ и жалованья: учителю 100 руб. и законоучителю 62 руб.

Для порѣчскаго училища нанимается, въ каменномъ домѣ, квартира изъ четырехъ комнатъ — передней, классной для мальчиковъ, классной для дѣвочекъ и комнаты для учителя. На содержаніе училища отпускается отъ порѣчскаго волостнаго правленія 290 рублей въ годъ. Изъ этой суммы производится жалованья учителю 150 руб. законоучителю 60 рублей; на наемъ квартиры, отопленіе и проч. 80 рублей.

Новосельское училище помѣщается въ особомъ домѣ, изъ восьми комнатъ; домъ построенъ и содержится вотчинной конторою; в восьми комнатахъ расположены классы, библіотека, сборная и помѣщенія для учителя и сторожа. Для дѣтей, приходящихъ изъ дальныхъ мѣстъ и остающихся въ училищѣ по цѣлымъ недѣлямъ, имѣется при немъ особая комната: тамъ живутъ они подъ наблюденіемъ сторожа и самаго учителя, которому за это и прибавлено 30 рублей.

Вмѣсто 130 руб. учитель получаетъ теперь отъ вотчинной конторы 160 руб. въ годъ, а законоучитель 50 руб.

Архангельское училище содержится учредителемъ его, священникомъ Воскресенскимъ, съ пособіемъ отъ добровольныхъ пожертвованій. Учителя нанимаетъ священникъ-учредитель на свой счетъ, а самъ исполняетъ должность законоучителя. Домъ, изъ двухъ комнатъ, отданъ крестьянами подъ училище безплатно.

Одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ края, Ростовъ, отпускаетъ изъ городскихъ доходовъ на содержаніе двухъ приходскихъ училищъ:

На жалованье двумъ учителямъ	300 р.	
— жалованье двумъ законоучителямъ . .	100 »	
— плату двумъ сторожамъ.	102 »	20 к.
— учебныя пособія	28 »	60 »
— отопленіе училищъ, въ 1862 году . .	162 »	2 »
— ремонтъ для поддержанія благовидности училищъ.	14 »	30 »
— наемъ дома для помѣщенія училища .	120 »	
Итого. . .	829 р.	12 к.

При скудости средствъ, удѣляемыхъ городскими обществами, многія училища не могли бы существовать безъ поддержки частныхъ лицъ. Въ числѣ благотворителей мѣстные жители съ особенною признательностью называютъ двухъ ростовскихъ купцовъ: Петра Андреевича Веснина и Дмитрія Максимовича Плѣшанова. Веснинъ пользуется искреннимъ сочувствіемъ согражданъ за свой благородный характеръ и честность правилъ. Будучи избранъ почетнымъ блюстителемъ женскаго училища въ Ростовѣ, П. А. Веснинъ изъявилъ готовность жертвовать ежегодно по 200 руб. въ пользу училища, а въ день открытія внесъ билетъ въ тысячу рублей серебромъ для употребленія процентовъ на учебныя пособія и на одежду для бѣдныхъ дѣвицъ. Въ продолженіе девяти лѣтъ г. Веснинъ содержалъ училище на свой собственный счетъ, жертвуя ежегодно отъ 700 до 800 рублей. Д. М. Плѣшановъ много сдѣлалъ для женскаго духовнаго училища въ Ярославлѣ: въ этомъ центральномъ заведеніи получаютъ образованіе дѣти духовныхъ лицъ нѣсколькихъ губерній. Благодаря г. Плѣшанову, жертвовавшему десятки тысячъ, и нравственному вліянію другихъ лицъ, училище состав-

ляетъ одно изъ лучшихъ украшеній города, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему достоинству. Мѣсные жители говорятъ, что Д. М. Плѣшановъ никогда не отказывается отъ участія въ добромъ дѣлѣ на пользу училищъ.

Польза для училищъ отъ участія къ нимъ частныхъ лицъ, избираемыхъ попечителями или блюстителями, несомнѣнна. Но вопіющимъ препятствіемъ для принятія подобной обязанности составляетъ господствующее всюду нежеланіе вступить въ какія бы то ни было общественныя должности. Оно такъ велико, что скорѣе соглашаются подвергнуться взысканію заплатить двойной штрафъ, нежели вступить въ службу. Въ проектѣ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній сказано (гл. 2, § 31): «лица, не предъявившіяся аттестата, или не представившія удостовѣренія изъ ближайшаго къ нимъ мѣстнаго училища, не могутъ быть выбираемы ни въ какія почетныя общественныя должности. При поступленіи въ гильдію или при взятіи торговыхъ свидѣтельствъ и при полученіи паспортовъ такія лица платятъ повинностей вдвое больше положенныхъ по закону». На эту угрозу купцы въ одинъ голосъ говорятъ: заплатимъ, съ удовольствіемъ заплатимъ двойную повинность, и нарочно не будемъ брать аттестатовъ и удостовѣреній, чтобы хоть этимъ способомъ помиловали насъ отъ почетныхъ общественныхъ должностей. Причина избѣганія почета заключается въ крайней трудности и неисполнимости служебныхъ обязанностей при совершенномъ произволѣ начальствующихъ лицъ и вѣдомствъ. Градскіе головы и гласные испоконъ вѣка жалуются, что постановленія думы, вызванныя справедливымъ желаніемъ городскихъ обществъ, уничтожаются или передѣлываются чиновниками губернскаго правленія по ихъ личному вкусу и прихоти или по другимъ, болѣе прибыльнымъ, соображеніямъ. Роль представителя городскаго общества самая жалкая. Ожидая выхода начальника, говорилъ градской голова, всѣ свѣчи въ люстрахъ сосчитаешь, да когда и выйдетъ, то или обругаетъ порядкомъ или надаетъ такихъ приказаній, что и десятерымъ выполнить не въ моготу. Главнѣйшимъ условіемъ при введеніи новаго общественнаго устройства представители ростовскаго городскаго общества (въ коммиссіи 1862 г.) признали необходимость, «предоставить обществу въ дѣлахъ городскаго хозяйства, если не совершенное самоуправленіе, то, по крайней мѣрѣ, болѣе свободы въ дѣйствіяхъ, которыя въ настоящее время находятся подъ постояннымъ контролемъ губернскаго начальства. Конт-

роль этотъ почти вовсе излишенъ при будущемъ преобразованіи общественнаго управленія, дѣйствія котораго подчинены ревизіи общей думы. Между тѣмъ, правительственный постоянной контроль, безъ котораго общество не можетъ употребить въ расходъ самой ничтожной суммы, по сложности формальной переписки, замедляя дѣла, требующія быстрыхъ хозяйственныхъ распоряженій, весьма часто препятствуетъ достиженію экономическихъ цѣлей. Отъ предоставленія же самому обществу, въ лицѣ гласныхъ общей думы, разрѣшать исполненіе хозяйственныхъ нуждъ города, и повѣрять дѣйствія распорядительной думы — должна произойти въ экономіи городскаго хозяйства несомнѣнная польза.» Происшедшая отъ свободы управленія польза отзовется — какъ увѣряютъ купцы — и на судьбѣ училищъ, способствуя улучшенію ихъ матеріальнаго благосостоянія.

IV.

Говоря о состояніи училищъ, мы доселѣ имѣли въ виду учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, т. е. уѣздныя и приходскія училища. Независимо отъ нихъ находятся, болѣе или менѣе дѣйствительно, училища, открываемыя различными вѣдомствами, а именно: палатою государственныхъ имуществъ, мировыми посредниками и духовенствомъ. Если судить по однимъ только офиціальнымъ даннымъ, то можно прійти къ заключенью, что просвѣщенье находится въ блестящемъ состояніи въ Россіи вообще и въ Ярославской губерніи въ особенности. У казенныхъ крестьянъ 79 училищъ, въ которыхъ получаетъ образованіе 2103 мальчика и 516 дѣвочекъ. У временно-обязанныхъ крестьянъ 55 училищъ и въ нихъ — 1121 мальчикъ и 142 дѣвочки. Училищъ, открытыхъ при приходскихъ церквахъ, 343, и въ нихъ обучается 3326 мальчиковъ и 591 дѣвочка. Итого 477 училищъ, 6,550 учениковъ и 1,249 ученицъ. Прибавивъ къ этому 25 уѣздныхъ и приходскихъ училищъ съ 2,000 учениковъ, получимъ въ общей сложности 502 училища и болѣе нежели 10,000 учениковъ и ученицъ. Около пяти сотъ училищъ въ одной губерніи — явленіе у насъ необыкновенное. Еще удивительнѣе то, что въ теченіе полутора года число однородныхъ училищъ увеличилось почти въ восемь разъ: изъ 44 разрослось въ 343. Но наивный восторгъ о быстрыхъ успѣхахъ просвѣщенія значительно умѣряется при внимательномъ разсмотрѣніи матеріаловъ, изъ которыхъ составляются утѣшительныя извѣстія. Изъ числа 502

школъ весьма многія считаются два и даже три раза. Свѣденія о нихъ собираются различными путями; одни руководствуются тѣмъ, къ какому сословію принадлежатъ наставники, другіе тѣмъ, въ какомъ вѣдомствѣ считаются ученики и ихъ родители. Такъ какъ между учителями есть и духовные и свѣтскіе, то училища выставляемы были въ отчетахъ и штатныхъ смотрителей и мѣстныхъ благочинныхъ. Учащіеся состоятъ изъ казенныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ, и о числѣ ихъ доносили и по тому и по другому вѣдомству, не смотря на то, что они уже вошли въ исчисленіе учащихся, составленное или свѣтскимъ училищнымъ начальствомъ или духовными властями. Училища по министерству государственныхъ имуществъ раздѣляются на два разряда: одни (числомъ 38) называются сельскими приходскими училищами, другія (числомъ 41) первоначальными сельскими школами. Нѣкоторыя изъ приходскихъ училищъ и множество сельскихъ школъ помѣщены и въ спискѣ школъ, находящихся въ вѣденіи духовнаго вѣдомства, какъ напр. въ Клементьевской волости, Угличскаго уѣзда; въ селѣ Копринѣ, Рыбинскаго уѣзда; въ селахъ: Ивашковѣ, Гавшинкѣ, Творинѣ, Ярославскаго уѣзда; въ селахъ: Варваринѣ, Никольскомъ, Рыбинскаго уѣзда, и т. д. Въ «свѣденіи о числѣ школъ для обученія временно-обязанныхъ крестьянъ» помѣщены и училища по министерству просвѣщенія, какъ напримѣръ, въ селѣ Великомъ, Ярославскаго уѣзда; въ селѣ Порѣчьѣ, Ростовскаго уѣзда; и школы, находящіяся въ вѣденіи духовнаго вѣдомства: въ селѣ Діевыхъ городищахъ, Ярославскаго уѣзда; въ селѣ Ширенвѣ, того же уѣзда; въ селѣ Георгіевскомъ, въ селѣ Глѣбовѣ, Рыбинскаго уѣзда, и т. д. Нѣкоторыя изъ училищъ упоминаются и въ отчетахъ ярославской дирекціи училищъ, и въ спискѣ школъ духовнаго вѣдомства, и въ свѣденіяхъ о школахъ у временно-обязанныхъ крестьянъ.

Да и самое названіе «училища» не совсѣмъ идетъ къ случайному собранію двухъ-трехъ дѣтей, которыя сегодня учатся у одного, завтра у другаго. Несостоятельность многихъ школъ, особенно открываемыхъ въ позднѣйшее время, видна изъ отношенія числа ихъ къ числу учащихся и изъ наличнаго числа послѣднихъ. Въ 1860 году въ 44-хъ сельскихъ церковныхъ школахъ училось крестьянскихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ 1,595; въ 1861 году, въ 94-хъ школахъ — 3,189 учащихся; въ 1862 году, въ 343 школахъ — 3,917 учащихся. Слѣдовательно, на одно училище приходится среднимъ числомъ учащихся: въ 1860 году 36, въ 1861

году — 34, а въ 1862 году — только 11; притомъ, въ нѣкоторыхъ школахъ министерства просвѣщенія и государственныхъ имуществъ около 100 учащихся; слѣдовательно средняя цифра окажется еще незначительнѣе. Въ такъ называемыхъ школахъ: ярославскаго уѣзда, села Халдеева 4 мальчика, села Степанчикова — 3 мальчика, села Назуншина — 2 мальчика, при златоусто-коровницкой церкви — 1 мальчикъ и 1 дѣвочка; романово-борисоглѣбскаго уѣзда, села Здоровцова — 3 мальчика и 1 дѣвочка, села Сандырева — 2 мальчика и 1 дѣвочка, села Хопылева — 2 мальчика, и т. д.

Вмѣстѣ съ духовенствомъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, заявило свое участіе къ народному образованію новое управленіе временно-обязанными крестьянами. При содѣйствіи мировыхъ посредниковъ открыты по волостямъ школы для крестьянскихъ дѣтей, которымъ придется жить и вести дѣла при новыхъ условіяхъ, требующихъ болѣе знанія, умѣнья и предусмотрительности. Это сознаетъ не только молодое, но и старое поколѣніе, поднимающее на сходкахъ голосъ за училища, и охотно отдающее туда своихъ дѣтей и внуковъ. Въ иныхъ волостяхъ уже открыты училища, въ другихъ дѣло отложено до болѣе удобнаго времени, т. е. до окончательнаго составленія уставныхъ грамотъ. Въ офиціальномъ перечнѣ школъ находятся неточности, значительно уменьшающія, при повѣркѣ на дѣлѣ, весьма солидную цифру — 55 училищъ, какъ значится въ свѣденіи о числѣ школъ для обученія временно-обязанныхъ крестьянъ. Въ этомъ изчисленіи нашли мѣсто и всѣ сельскія училища, подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія, и школы, открытыя духовенствомъ: мировые посредники предлагали открывать училища или при волостномъ правленіи, или при селахъ «подъ руководствомъ мѣстныхъ священниковъ, какъ ближайшихъ наставниковъ народа въ законахъ правды». Иныя училища существуютъ только по имени, какъ напримѣръ, при Середновскомъ волостномъ правленіи, въ Гаврило-ямскомъ сельскомъ обществѣ, ярославскаго уѣзда; въ селѣ Юрьевскомъ, мышкинскаго уѣзда; въ селѣ Князевѣ, пошехонскаго уѣзда, и т. д. По крайней мѣрѣ въ этихъ училищахъ вовсе не показано учениковъ. Какъ въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются училища безъ учениковъ, такъ въ другихъ есть ученики безъ училища, т. е. показано училище съ приличнымъ числомъ учениковъ, а въ дѣйствительности нѣтъ не только учениковъ, но и самаго училища. Показано, напримѣръ, что въ селѣ Вакобановѣ, рыбинскаго уѣзда, училище открыто 10-го

мая, а къ 1-му іюля учениковъ состояло на лицо 20; но на самомъ дѣлѣ, въ началѣ октября происходили только приготовленія къ открытію училища, отдѣлывался домъ и предполагалось заказать скамьи въ Рыбинскѣ, потому что мѣстные столяры запрашивали непомѣрно дорого — вѣроятно, изъ сочувствія къ училищу, о которомъ иные говорятъ съ такимъ умиленіемъ. Крестьяне села Туношны, ярославскаго уѣзда, увѣряли, что открытіе у нихъ училища состояло въ томъ, что къ дому прибита была вывѣска съ надписью: «училище», да въ домѣ разставлены были скамьи, уцѣлѣвшія отъ давняго времени, когда бывшій владѣлецъ замышлялъ было завести школу.

Изъ области иллюзіи и разнаго рода отчетовъ, спускаясь въ прозаическую дѣйствительность, соберемъ представляемыя ею данныя о томъ, сколько крестьянскихъ дѣтей, чему, какъ и у кого учится въ сельскихъ школахъ.

Между числомъ учащихся и числомъ жителей въ селахъ и деревняхъ находится отношеніе, подобное слѣдующимъ:

Въ погорѣльской волости, рыбинскаго уѣзда, состоитъ 52 деревни, и въ нихъ жителей, мужескаго пола 3,013. Въ волости два училища: въ селѣ Копринѣ и деревнѣ Погорѣлкѣ; въ копринскомъ училищѣ 53 мальчика, въ погорѣльскомъ 42, и того 95, слѣдовательно, на тысячу жителей приходится не болѣе 32 учащихся.

Въ клементьевской волости, углицкаго уѣзда, 59 деревень съ 2,348 жителей. Въ училищѣ, среднимъ числомъ, по четырехлѣтней сложности, 39 учениковъ. На тысячу жителей 16 учащихся.

Въ училищахъ обоихъ волостей дѣвочекъ весьма немного; на 134 учащихся мальчиковъ приходится 17 учащихся дѣвочекъ.

Въ селѣ Благовѣщенскомъ, ярославскаго уѣзда, жителей 385 муж. и 480 жен.; учится 16 мальчиковъ и 1 дѣвочка.

Въ селѣ Никольскомъ-на-бою, тогоже уѣзда, жителей 661 муж. и 825 жен.; учащихся 4 мальчика и 1 дѣвочка.

Въ покровскомъ благочиніи, ростовскаго уѣзда, въ шестнадцати приходахъ, жителей: мужеск. пола 5,745 и женск. 6,955; учащихся 217 мальчиковъ и 103 дѣвочки. На тысячу жителей учащихся: 38 мужеск. пола и около 15 женск. пола.

Въ глѣбовской волости временно-обязанныхъ крестьянъ, рыбинскаго уѣзда, жителей 2,216 мужеск. пола и 2,269 женск. пола; учащихся 140 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ: на тысячу жителей, учащихся мальчиковъ 62, дѣвочекъ 13. Въ обществѣ глѣбовскомъ, са-

момъ большомъ и образованнѣйшемъ во всей волости изъ 530 жителей мужескаго пола 25 учащихся, и изъ 595 женскаго 5 учащихся. Въ обществѣ ивановскомъ учащихся мальчиковъ 20 на 444 мужеск. пола жителей, и дѣвочекъ 8 на 525 женск. пола. На тысячу жителей, около 50 учащихся мальчиковъ и менѣе 10 учащихся дѣвочекъ.

Общаго вывода о числѣ учащихся невозможно сдѣлать потому, что не только одинъ уѣздъ рѣзко отличается въ этомъ отношеніи отъ другаго, но и волость отъ волости: въ одной изъ нихъ на тысячу человѣкъ приходится болѣе пятидесяти учащихся въ разнаго рода школахъ, въ другой не прійдется и десяти.

Обыкновенные предметы обученія въ школахъ—чтеніе, письмо, пѣніе, законъ Божій и ариѳметика, т. е. четыре правила и отчасти именованныя числа. Наименѣе требовательные мужички, отдавая дѣтей своихъ на выучку, говорятъ учителю: «научи ихъ читать да кое-какъ писать, а закону ужъ не учи: на что имъ? не дьячками имъ быть; вамъ, попамъ, и книги читать: съ васъ оброку не берутъ, такъ у васъ и время есть на книги, а намъ не стаетъ времени и оброку добыть». Большинство, однакоже, желаетъ, чтобы учили дѣтей закону Божію, особенно псалтыри, чтобъ могли родителей поминать, и ариѳметикѣ: «арихметная, это-надо», говорятъ мужички. Въ наиболѣе устроенныхъ училищахъ полный курсъ распредѣленъ такимъ образомъ между тремя группами учениковъ, или классами. Въ младшемъ преподается: азбука, св. исторія безъ книгъ, счетъ по пальцамъ и на щетахъ, цифры и молитвы. Въ среднемъ—чтеніе псалтыри и чистописаніе по 4 раза въ недѣлю; законъ Божій, ариѳметика и счетоводство по 3 раза; чтеніе гражданской печати по 2 раза; церковное пѣніе по одному разу. Въ старшемъ—чистописаніе 4 раза; законъ Божій, ариѳметика и счетоводство 3 раза; чтеніе псалтыри, чтеніе евангелистовъ и чтеніе гражданской печати по 2 раза; церковное пѣніе одинъ разъ въ недѣлю.

Чтенію учатъ преимущественно по старому, по церковному, т. е. азъ, буки, вѣди; рѣдко по гражданской азбукѣ: бе, ве, ге, де; и еще рѣже, почти какъ исключенье, по звуковой методѣ: б, в, г, д. Нѣкоторые изъ учениковъ, купивъ книжку Главинскаго: «руководство къ наученію русской грамоты и счисленія», возвращали ее потому, что родители говорили, что тутъ нѣтъ: «буки азъ ба», да и слоговъ немного и церковнаго мало: «этакъ-то (по звуковой методѣ) и намъ-то не понять, а куды жъ ребятишкамъ! это—больно

примѣристо, глумянно *). Что за пустяки читаютъ они: «ба-ба, ма-ма», и слушать-то нечего; то-ли дѣло, какъ мы учились: буки, азъ, - ба, ангелъ, ангельскій». Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учители настойчиво и съ успѣхомъ слѣдовали методѣ Золотова, крестьяне увидѣли, что дѣти бойко читаютъ, и примирились съ новою методою.

Ариѳметика преподается по стародавней рутинѣ; но такъ какъ дѣти съ трудомъ понимаютъ отвлеченныя цифры и не знаютъ, куда ихъ приложить, то придумано нѣсколько способовъ для облегченія дѣтямъ пониманія цифирной премудрости. Сложеніе учатъ такимъ образомъ, что одинъ ученикъ, со щетами въ рукахъ, задаетъ задачу; напр. у меня два воза сѣна, у сосѣда три, сколько всего? и т. п., а другой пишетъ на доскѣ. Необходимѣйшія правила для счета списаны на отдѣльномъ листѣ, и прибиты къ стѣнѣ; правила въ такомъ родѣ: когда нули стоятъ на краю, не умножай, а оставляй пустыя мѣста; когда умножишь число, и выйдетъ меньше 10, а дальше 0, про нуль оставь мѣсто, и т. д.

При преподаваніи закона Божія, одни предпочитаютъ буквальное заучиванье учебника, другіе — изустный разсказъ съ объясненіями. Въ первомъ случаѣ ученики отвѣчаютъ слово въ слово по книжкѣ и всякій посторонній вопросъ, самый простой и легкій, приводитъ ихъ въ недоумѣніе, ставитъ въ тупикъ.

Учитель: Какъ читается пятая заповѣдь?

Ученикъ: Чти отца твоего и матерь твою, и проч.

Учитель: Что повелѣваетъ Богъ сею заповѣдью?

Ученикъ: Повелѣваетъ почитать родителей и повиноваться имъ.

Учитель: Кого еще по сей заповѣди почитать должно?

Ученикъ: По сей же заповѣди почитать должно: государя, пастырей и учителей духовныхъ, старшихъ возрастомъ, воспитателей и благодѣтелей, начальниковъ и господъ.

Постороннее лицо: А надо ли почитать хозяина дома, въ которомъ ваше училище?

Ученикъ (замявшись): Надо.

Постороннее лицо: А почему?

Ученикъ: Потому, что онъ — государь.

Учитель (испугавшись): Что ты! что ты! какъ это можно!

Ученикъ: Потому, потому.... что онъ.... пастырь....

---

*) Глумянный — мудреный: «не давай глумяннаго имени» (при крещеніи).

Даже такъ называемая наглядная метода мало помогаетъ при господствѣ буквальнаго заучиванья. Въ классѣ развѣшены картины изъ священной исторіи, и едва только укажутъ на одну изъ нихъ, ученикъ или ученица начинаютъ скороговоркой, вовсе не глядя на картину: «тринадцатая картина представляетъ» и проч., слово въ слово то, что продиктовалъ учитель. Немного пользы приносятъ и такъ-называемыя объясненія въ родѣ слѣдующихъ: страхъ есть особенное чувство благоговѣнія, миро есть благовонная масть, составленная сонмомъ архипастырей, и т. п.

Нѣкоторые изъ преподавателей считаютъ болѣе полезнымъ предлагать изустные разсказы, безъ помощи учебника, такъ какъ живая рѣчь, при удачномъ выборѣ предмета, болѣе способствуетъ развитію учащихся. Наизусть выучиваются только молитвы и заповѣди, и притомъ заповѣди какъ на славянскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ. Разсказы заимствуются какъ изъ новаго, такъ и изъ ветхаго завѣта. Изъ новаго завѣта преимущественно притчи, какъ потому, что въ нихъ заключается сущность христіанскаго ученія, такъ и потому, что самая форма ихъ болѣе доступна дѣтскому возрасту. Ученики сознательно разсказываютъ не только притчу о десяти дѣвахъ, дѣлая даже удачное примѣненіе къ прилежнымъ и лѣнивымъ ученикамъ, но и притчу о мытарѣ и фарисеѣ, уразумѣніе которой можетъ сильнѣе содѣйствовать просвѣтлѣнію религіозныхъ понятій, нежели толкованія, буквально вычитанныя изъ учебника. При изложеніи событій изъ св. исторіи, лучшіе изъ преподавателей стараются избѣгать непонятныхъ выраженій, относящихся къ предметамъ, неизвѣстнымъ въ сельскомъ быту, имѣя при этомъ въ виду, что слушатели ихъ, въ отношеніи къ критикѣ библейскаго текста, не далеко ушли отъ своихъ, отдаленныхъ по времени, предковъ, принимавшихъ кустодію за ключницу Пилата. Общедоступность выраженія, доведеннаго до высшей степени ясности, составляетъ первѣйшее условіе преподаванія, рѣдко, къ сожалѣнію, соблюдаемое сельскими педагогами. Въ каждой мѣстности встрѣчаются особенныя названія не только для растеній, зависящихъ отъ климата, почвы, ухода и т. п., но и для вещей, одинаково необходимыхъ въ крестьянскомъ быту, всегда и всюду. Въ ярославскомъ уѣздѣ не знаютъ ни криновъ, ни лилій, а знаютъ пустодомы и звѣробой, иванъ да марья, и т. п. Въ ростовскомъ уѣздѣ дѣвочка никакъ не могла понять, что Моисей найденъ былъ въ корзинкѣ, пока другая дѣвочка не сказала ей, что корзинка значитъ «колышка». Не понимаютъ

также, что значитъ: Богъ сотворилъ «луну» и т. п. Но зато премило, съ чисто-крестьянскою интонаціею, разсказываютъ о томъ, какъ «змѣй смустилъ Евву съѣсть яблочко съ дерева» и о томъ, что «у Іакова двѣнадцать сыновей было; двѣнадцать сыновей было, два сына были любимые, Іосифъ да Венеаминъ: этихъ отецъ-то, Іаковъ, больше любилъ. Десять-то сыновей пошли въ лѣсъ пасти овечекъ. Іаковъ послалъ-это Іосифа узнать, что тамъ дѣется у братовъ. Его хотѣли зарѣзать. Одинъ старшій братъ выбрался, говоритъ: зачѣмъ рѣзать-то, надо его въ яму пусту посадить... Купцы барину Пентефрію продали... Царедворцамъ пригрезились сны и они сидятъ, голову повѣсили. Что-то вы голову повѣсили? Разскажи-тъ ка сны. Семь коровъ дюжіихъ выходили изъ воды, а семь тощіехъ, а тощіе дюжіихъ съѣли» и т. д.

Учебныя пособія, находящіяся въ рукахъ у сельскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, болѣе или менѣе не соотвѣтствуютъ ихъ возрасту и понятіямъ и въ слѣдствіе этого читаемыя строки производятъ впечатлѣніе, совершенное противоположное тому, какого ожидали отъ назидательной книжки. Въ «книгѣ для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ» есть такія мѣста: «случается, что на небѣ бываютъ видимы звѣзды съ хвостами. Люди, не свѣдующіе въ устройствѣ божія міра, полагаютъ что сіи звѣзды приходятъ для предназнаменованія какихъ либо общихъ бѣдъ, какъ напримѣръ, войны, мора, голода и т. п. Но повѣрье это несправедливо: кометы суть такія же божія творенія, какъ и всѣ свѣтила небесныя, и движутся по небу въ назначенномъ Богомъ для нихъ времени, обходя вокругъ солнца». По прочтеніи этого отрывка, на вопросъ о кометахъ ученики отвѣчаютъ: они бываютъ къ бѣдѣ, къ войнѣ, къ мору. Многіе листы земледѣльческой газеты остаются неразрѣзанными; читатели не находятъ ни надобности, ни интереса въ извѣстіяхъ объ учрежденіи эстляндскаго общества садоводства или объ измѣненной жатвенной и косильной машинѣ Бургеса и Кея, получившихъ first prise medal. А между тѣмъ на газету издерживается три рубля серебромъ въ годъ — сумма значительная для заведенія, средства котораго до того скудны, что для сбереженія бумаги пишутъ между линейками, исписанными другими.

Мѣста учителей въ сельскихъ школахъ занимаютъ: или бывшіе семинаристы, или причетники, или дьяконы, или, наконецъ, священники.

Учители изъ семинаристовъ менѣе всѣхъ другихъ развлечены

посторонними занятіями. Нѣкоторые изъ бывшихъ семинаристовъ до того свыкаются съ новымъ своимъ поприщемъ, что отдаются ему всецѣло, не соглашаясь мѣнять его ни на какое другое, хотя и трудно представить что-нибудь хуже положенія сельскаго учителя. Изъ тружениковъ, отдавшихъ училищу весь свой досугъ, всего себя, нельзя не вспомнить учителя въ клементьевской волости, углицкаго уѣзда, В. И. Марьинскаго. Окончивъ курсъ семинаріи, г. Марьинскій остался въ буквальномъ смыслѣ слова безъ пріюта, крова и одежды, которую долженъ былъ отдать, какъ казенную, при выходѣ изъ семинаріи. Безпріютный юноша, не имѣвшій ни малѣйшихъ средствъ къ существованію, пошолъ въ пастухи, сжился съ нуждою и втянулся въ тяжелую крестьянскую работу. Добрые люди замѣтили даровитаго юношу и отвлекли его отъ стада и сохи, поручивъ надзору его нѣсколькихъ дѣтей. Выйдя на новую дорогу, Марьинскій почувствовалъ всю недостаточность семинарскаго образованія и непригодность его для будущаго учителя. Не желая ограничиться механическимъ исполненіемъ принятыхъ обязанностей, онъ самъ выработалъ себѣ педагогическую методу, которая какъ нельзя болѣе совпала съ потребностями его сельскихъ питомцевъ. Близость къ народу, съ которымъ онъ жилъ дѣйствительно одною жизнью, вошла въ его привычки и убѣжденія, между нимъ и крестьянами образовалась внутренняя связь. Дѣти подымаютъ плачъ, когда имъ скажутъ въ шутку, что Василій Иванычъ хочетъ покинуть ихъ; онъ и самъ зарыдалъ бы, если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось разстаться съ ними. Крестьяне и уважаютъ и любятъ его, ходятъ къ нему за совѣтами, просятъ сочинять имъ письма; приглашаютъ его въ свой кругъ какъ своего человѣка. Опытомъ подобныхъ практическихъ знатоковъ дѣла весьма не мѣшало бы воспользоваться при устройствѣ сельскихъ школъ на новыхъ основаніяхъ.

Изъ лицъ духовнаго званія, занимающихся обученіемъ дѣтей, особенною популярностью пользуются дьячки. Дьячокъ — лицо типическое, являющееся и въ повѣстяхъ, заимствованныхъ изъ крестьянскаго быта. Онъ вхожъ во всѣ дома, знакомъ и съ зажиточнымъ мужичкомъ и съ кабальнымъ, знаетъ всѣ слабыя стороны своего прихода, и подчасъ умѣетъ ими пользоваться. У дьячка всегда есть связи, протекція, и, въ случаѣ столкновенія, священнику весьма трудно выдержать борьбу съ хитрымъ и изворотливымъ дьячкомъ. За то, въ случаѣ ссоры съ крестьянами, дьячку приходится плохо; ему надо истощать весь запасъ своихъ дипломатическихъ способно-

стей, чтобы уладить дѣло и погасить вражду, раздуваемую невидимо его соперникомъ, завидующимъ обширности его вліянія. Въ одномъ изъ селъ возгордившійся дьячокъ принялъ повелительный тонъ и назвалъ крестьянъ галичьимъ стадомъ; оскорбленные крестьяне подали жалобу, что онъ заставлялъ дѣвушку мыть алтарь. Впрочемъ, такія столкновенія рѣдки. Обыкновенно дьячки живутъ въ ладу съ крестьянами: у нихъ есть общее горе, они часто терпятъ отъ одной бѣды. Связь между ними поддерживается еще тѣмъ, что крестьяне ввѣряютъ дьячкамъ воспитаніе дѣтей своихъ. Дьячекъ знаетъ, какъ учить и чему учить, лучше его никто не научитъ — думаютъ родители, сами учившіеся у дьячковъ, иногда у тѣхъ же самыхъ, къ которымъ отдаютъ дѣтей. Въ школахъ дьячки состоятъ большею частью учителями-помощниками главныхъ наставниковъ, т. е. священниковъ.

Какъ дьячокъ въ дѣйствіяхъ своихъ «соединяетъ науку съ жизнію», такъ дьяконъ, стоящій степенью выше, соединяетъ въ преподаваніи сельскую простоту съ семинарскою рутиною. Дьячекъ увлекаетъ своимъ резонерствомъ и безостановочнымъ потокомъ рѣчи, дьяконъ импонируетъ краткостью и силою выраженія и высокимъ слогомъ. Дьяконъ-учитель не выпуститъ изъ своей школы посѣтителя, не угостивъ его привѣтствіями и отъ лица учениковъ и отъ самаго наставника; школьныя занятія описываются въ подобныхъ стихахъ:

Дѣтей малыя успѣхи
Я желаю показать.
Здѣсь съ пріятною утѣхой
Обучаются писать;
И довольно всѣ узнали,
Кто насъ создалъ, сотворилъ,
Небо, землю и всѣ твари,
Богъ устроилъ какъ весь міръ, и т. д.

Въ виршахъ дьякона есть одно хорошее мѣсто, если только оно справедливо, именно то, что дѣти учатся съ пріятною утѣхою, а не по принужденію, не изъ подъ палки, какъ бывало встарину. Въ той же волости, гдѣ живетъ авторъ привѣтствія, лѣтъ тридцать тому назадъ дѣтей отдавали не къ духовнымъ, а къ грамотнымъ крестьянамъ, какъ потому что это дешевле стоило, такъ и потому, что крестьяне обращались мягче съ учениками, а духовные прибѣгали къ хлыстикамъ и побоямъ.

Что касается высшаго сельскаго духовенства, т. е. священниковъ, то много мнѣній высказано pro и contra ихъ педагогической дѣятельности. Одни вооружались противъ учебной методы, усвоенной наставниками духовнаго званія; другіе заботились больше всего о духѣ и направленіи преподаванія. Вопросъ ставили такимъ образомъ, что отъ назначенія учителями священниковъ или лицъ свѣтскаго званія будто зависитъ или сохраненіе добрыхъ нравовъ и религіи между крестьянами или порча въ самомъ корнѣ, т. е. распространеніе въ народѣ либеральныхъ идей. Но кто знаетъ крестьянскій бытъ, кто долго жилъ между крестьянами, тотъ, если захочетъ быть безпристрастнымъ, согласится, что понятія, убѣжденія и требованія крестьянина такъ неразрывно связаны съ жизнью и вытекаютъ изъ нея, что уничтожить ихъ не въ состояніи ни одинъ питомецъ первѣйшаго въ мірѣ учительскаго института. Скорѣе можетъ случиться противное: учитель станетъ сообразоваться съ окружающею его средою, сперва по необходимости, а потомъ, быть можетъ, и по доброй волѣ; при рѣшительной встрѣчѣ съ жизнію ломались теоріи несравненно болѣе сильныя, нежели тѣ, которыя будутъ выноситься юношами на свѣжій деревенскій воздухъ изъ стѣнъ учительскаго института, провѣтриваемыхъ отъ времени до времени тѣмъ же деревенскимъ воздухомъ. Съ другой стороны, никакія искусственныя мѣры, никакія путы и преграды не отведутъ глазъ народа отъ его дѣйствительнаго положенія и не подорвутъ сочувствія къ тому, что вытекаетъ изъ положительныхъ и насущныхъ требованій жизни.

Чтобы сохранить полное безпристрастіе и остаться на реальной почвѣ, всего естественнѣе и справедливѣе обратиться къ тѣмъ самымъ лицамъ, о которыхъ идетъ споръ: нельзя же произнести окончательный приговоръ, не выслушавъ предварительно подсудимыхъ. То, что мы скажемъ объ участіи духовенства въ народномъ образованіи, слышано нами, въ разныхъ мѣстностяхъ, отъ самихъ священниковъ-учителей.

Существенною своею обязанностью сельское духовенство признаетъ «служенье церкви», т. е. назиданіе народа въ истинахъ вѣры и исполненіе церковныхъ требъ. Затѣмъ, всѣ другія должности, возлагаемыя на духовенство, оно считаетъ нравственно-обязательными для себя на столько, на сколько они совмѣстимы съ его главнѣйшимъ призваніемъ. Сообразно съ такимъ взглядомъ, священники охотно принимаютъ на себя преподаваніе закона божія въ училищѣ. Притомъ, тѣ изъ нихъ, которые смотрятъ на свое призваніе осо-

бенно серьезно, понимаютъ его такимъ образомъ, что дѣятельность ихъ, какъ духовныхъ наставниковъ, должна быть обращена къ народу вообще, а не къ одной его части, т. е. не къ однимъ только учащимся, а, по возможности, ко всѣмъ — и къ старому, и къ среднему, и къ молодому поколѣнію. Для достиженія этой цѣли считаютъ наиболѣе дѣйствительными слѣдующія средства. Вопервыхъ — поученія (въ церквахъ), которыя, по содержанію, составляли бы нѣчто въ родѣ популярнаго курса закона божія, излагаемаго въ формѣ доступной всѣмъ и каждому. Во вторыхъ, посѣщеніе церкви, съ учениками и со всѣми желающими изъ прихожанъ, въ будничные дни или и праздничные, въ тѣ часы, когда нѣтъ богослуженія, съ цѣлью — наглядно объяснять событія священной исторіи при помощи изображеній, находящихся на иконостасѣ, на стѣнахъ и паперти церковной. Въ третьихъ, отправленіе, въ нѣкоторые дни, всенощной не въ церкви, а въ училищѣ, и бесѣды, послѣ всенощной, съ собравшимся народомъ. Этою мѣрою полагаютъ привлечь, хотя нѣсколько, народъ въ училища, и мало-по-малу разсѣять покрывающій ихъ мракъ неизвѣстности.

Мысль о раздѣленіи преподаванія закона божія между школою и церковью находитъ сочувствіе въ самомъ обществѣ, какъ видно, между прочимъ, изъ замѣчанія, сдѣланнаго купцами на § 144 новаго устава, гдѣ сказано: «для религіознаго образованія въ прогимназіи проходятся: краткій китихизисъ, въ одинаковомъ объемѣ съ народными училищами, и священная исторія ветхаго завѣта съ большими подробностями, заимствованными изъ книгъ ветхаго завета и преимущественно изъ евангелистовъ и посланій апостольскихъ. Сверхъ того, къ ученію о литургіи присоединяется объясненіе богослуженія вообще. Подробное изложеніе священной исторіи, кромѣ нравственнаго образованія учащихся, должно служить здѣсь пособіемъ и къ систематическому изученію всеобщей исторіи». Купцы замѣчаютъ, что въ училищѣ достаточно проходить катихизисъ съ краткимъ изложеніемъ священной исторіи; все же остальное должно быть излагаемо въ проповѣдяхъ, которыя черезъ это получили бы опредѣленное содержаніе и принесли бы прямую пользу слушателямъ. Теперь же многіе жалуются на непонятность словъ и рѣчей, произносимыхъ для ихъ назиданія. Въ различныхъ толкахъ между купцами и мѣщанами, по случаю проповѣди въ день воздвиженія, слышалось неудовольствіе на неясныя и многословныя разсужденія о тайнодѣйствіи креста и сожалѣніе о томъ, что почти ничего не

было сказано о самомъ праздникѣ и о поводѣ къ его учрежденію. Другая проповѣдь, по своему предмету, могла бы возбудить большой интересъ: въ ней обѣщали говорить о мѣстныхъ порокахъ и слабостяхъ, о предразсудкахъ, повѣрьяхъ и т. п. Но на дѣлѣ вышло иное: приведены двѣ-три пословицы, разсказанъ суевѣрный обычай, а все остальное состоитъ изъ ряда текстовъ, переложенныхъ общими мѣстами и цвѣтистыми фразами, въ которыхъ есть и передовые люди, и прогрессъ, и все что угодно, кромѣ доступнаго массѣ объясненія необходимыхъ для нея истинъ.

Заиятія въ школахъ всѣми другими предметами, кромѣ закона божія, священники считаютъ для себя крайне затруднительными не только при теперешнемъ безмездномъ трудѣ, но и при самой благопріятной въ матеріальномъ отношеніи обстановкѣ. Въ сущности и теперь священники — законоучители только, а не учители народныхъ школъ. При первой возможности, священникъ, оставляя за собою преподаваніе закона божія, беретъ себѣ одного или двухъ помощниковъ и поручаетъ имъ заниматься съ дѣтьми всѣми другими предметами. Поставленные въ необходимость принять на себя преподаваніе всѣхъ предметовъ, священники скоро почувствовали невозможность продолжать дѣло такъ, какъ оно было начато. Величайшимъ затрудненіемъ служитъ, съ одной стороны, крайняя бѣдность духовенства, съ другой — отсутствіе педагогической подготовки и отчасти разочарованіе.

Бѣдность духовенства такова, что иной священникъ-учитель долженъ на зиму переходить въ тѣсную избу въ родѣ хлѣва, гдѣ помѣщается и вся семья его, и школа, и новорожденныя животныя; дома же, въ которомъ онъ живетъ лѣтомъ, крестьяне не соглашаются отоплять, а у самаго не хватаетъ на это средствъ. Даже въ городахъ священникъ вынужденъ самъ косить траву для своей коровы. Въ приволжскихъ селахъ дьяконы рубятъ и перевозятъ лѣсъ, а жены ихъ грузятъ дрова на пароходы и барки. Постоянная нужда дѣйствуетъ убійственно; отцу цѣлой семьи оборвышей не до книгъ и чтенія. Въ домѣ иного священника не найдется ни чернилъ, ни бумаги: они ему нужны разъ въ годъ, когда подписываются метрики; случайно попадающія или насильно присылаемыя книги и изданія остаются неразрѣзанными; не читаютъ даже епархіальныхъ вѣдомостей. Нищета заставляетъ духовенство, заводя училище, обращаться къ крестьянамъ; хотя и говорится, что духовенство учитъ безмездно, но въ дѣйствительности оно учитъ весьма часто по

уговору и получаетъ вознагражденье, хотя бы и самое ничтожное, рубля три за выучку или полфунта чаю къ празднику. Поэтому на совѣтъ отдавать дѣтей въ школу смотрятъ какъ на желанье новой поживы, что и ставитъ священника въ неловкое положеніе передъ прихожанами. Свѣтскій учитель, получая опредѣленную плату, не претендуетъ ни на какіе поборы, оттого и крестьяне чувствуютъ къ нему большее расположенье. Священники, бывшіе учителями и до поступленія въ духовное званіе, пользовались тогда, какъ сами говорятъ, большею пріязнью со стороны крестьянъ, охотно дававшихъ и лошадь и повозку и готовыхъ вести хоть за сорокъ верстъ; теперь же отношенія между ними и крестьянами, отдающими имъ дѣтей своихъ, стали гораздо холоднѣе.

Не много привлекательности и въ методѣ преподаванія, утвердившейся въ семинаріяхъ съ незапамятныхъ временъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія заведена въ ярославскомъ преображенскомъ монастырѣ славяно-латинская семинарія; впослѣдствіи она утратила свой эпитетъ, но метода осталась въ ней таже самая. Священники, окончившіе курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно принадлежащіе къ молодому поколѣнію сельскихъ учителей духовнаго званія, утверждаютъ, что ихъ заставляли учить уроки непремѣнно слово въ слово и требованія педагоговъ доходили до такой затѣйливости, что ученики обязаны были отвѣчать урокъ буквально съ перваго слова до послѣдняго, и потомъ на оборотъ — съ послѣдняго слова до перваго; невыучившихъ урокъ ставили на поклоны передъ печкою, и они кланялись въ землю печкѣ, пока не получали прощенія. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Но какъ его подтверждаютъ такіе свидѣтели, которымъ нельзя не вѣрить, то не кажется несбыточнымъ и разсказъ объ учителѣ въ Новороссіи, заставлявшемъ питомцевъ своихъ учить по порядку буквы греческой азбуки съ начала ея до конца, и потомъ съ конца до начала.

Наставнику, вышедшему изъ подобной школы, надо много усилій, чтобы настроить себя на новый ладъ, приспособиться къ пріемамъ и требованіямъ здравой методы. Но для такого труда необходимъ и долгій опытъ и полная преданность дѣлу, а ее нельзя предполагать въ человѣкѣ, случайно попавшемъ въ новый для него кругъ дѣятельности, которая притомъ не обезпечиваетъ положенія его ни въ какомъ отношеніи. Надежды на щедрыя награды не оправдались. Одинъ священникъ говорилъ: «вѣдь вотъ больше де-

сяти лѣтъ тружусь, перечинилъ ученикамъ столько перьевъ, что даже зрѣніе совсѣмъ ослабѣло, а хоть бы малѣйшій знакъ вниманія; а тутъ еще однокашники подсмѣиваются: видно, братъ, плохо учишь, что во столько лѣтъ и скуфьи не заслужилъ». Для людей, равнодушныхъ къ матеріальнымъ выгодамъ, тяжело отсутствіе нравственной поддержки.

Передавая дѣло, какъ оно есть, мы нисколько не думаемъ осуждать учителей-священниковъ поголовно. Есть между ними наставники, любимые и уважаемые и учениками и ихъ родителями, и всѣми прихожанами. Въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне питаютъ самую искреннюю признательность къ учителю-священнику; «онъ-то у насъ — говорятъ крестьяне и ихъ жены — что отецъ родной; и онъ и матушка — дай имъ Богъ долго прожить — обращаются съ дѣтьми нашими такъ благородно, что мы сами грубѣе ихъ обходимся». Наиболѣе любимые священники — большею частью бѣдняки и учительство соединено для нихъ съ большими нуждами и лишеніями. Чѣмъ болѣе честныхъ тружениковъ, тѣмъ справедливѣе не навязывать имъ труда болѣе того, какой они сами выбираютъ по своему убѣжденію.

Если не духовнымъ, то кому же поручить образованіе народа, т. е. откуда взять учителей для сельскихъ школъ? Въ уставѣ предполагается учрежденіе особенныхъ учительскихъ институтовъ. Не будемъ входить въ разборъ проектируемаго заведенія; мнѣній о немъ и безъ того накопилось уже тьма тьмущая. Гораздо любопытнѣе тѣ немногіе отзывы, которые удалось намъ слышать; по самому свойству предмета, число компетентныхъ судей не можетъ быть велико. Лица, получившія высшее образованіе, не признаютъ пользы и сомнѣваются въ возможности заведенія, въ которомъ учители знали бы только немножко больше, чѣмъ ихъ ученики. Иные держатся того мнѣнія, что учители для народа должны выходить изъ среды самаго народа. Когда вопросъ объ этомъ былъ поднятъ въ крестьянскомъ кругу, послышались вотъ какіе толки: «Крестьянинъ не захочетъ отдать сынишку въ такое ученье, чтобъ послѣ былъ учителемъ; развѣ сироты какіе, что живутъ по дворамъ у чужихъ людей. Эка невидаль — сто и двѣсти рублей въ годъ! Мы едва читать умѣемъ, а писать такъ и вовсе нѣтъ, да и то не стали бы учить за такіе деньги. А какъ человѣку жить нечѣмъ, такъ будь онъ какъ себѣ хошь, а все можетъ споткнуться. Правда и кривда шли, голодъ одолѣлъ, они и зашли въ трактиръ поѣсть; поѣли, а

расплатиться нечѣмъ; что дѣлать! кривда и стала увѣрять, что уже заплатила, а правда и примолчала, лишь бы выпустили. Такъ и между людьми: неровенъ часъ и съ человѣкомъ, какъ придется умирать съ голоду. Наши на жалованье не польстятся. А вотъ кабы отъ рекрутчины освободить, такъ, можетъ, и пошли бы. Только надо, чтобы учителемъ былъ въ другомъ селѣ, верстъ хоть бы за двадцать за пять, а въ своемъ селѣ учителемъ быть не годится; оно вѣрно сказано: нѣтъ пророка въ отечествіи его». Образованнѣйшіе изъ мѣстныхъ жителей, отчасти и сами занимавшіеся обученьемъ дѣтей, находятъ полезнымъ и удобнымъ поручить, на первый разъ, лучшимъ изъ наличныхъ учителей заняться приготовленіемъ двухъ-трехъ кандидатовъ на мѣста сельскихъ учителей, давши къ этому, по возможности и матеріальныя и научныя средства. По окончаніи приготовительныхъ занятій, подъ руководствомъ сельскаго ментора, кандидаты могли бы нѣсколько времени посѣщать классы гимназіи или прогимназіи и выдержать испытаніе, соотвѣтствующее ихъ назначенію. Подобная система замѣщенія учительскихъ мѣстъ отчасти наблюдается теперь по вѣдомству государственныхъ имуществъ въ ярославской губерніи; претенденты предварительно посѣщаютъ классы уѣзднаго училища, чтобы познакомиться съ методою преподаванія. Признаютъ также весьма полезнымъ учредить съѣзды сельскихъ учителей: они между собою скорѣе столкуются, чѣмъ съ постороннимъ человѣкомъ, могутъ многимъ позаимствоваться, многому научиться другъ отъ друга.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ участіи, которое принимаютъ въ училищахъ какъ сами крестьяне, такъ и лица, имѣющія въ числѣ другихъ обязанностей и наблюденіе за училищами. Матеріальное и нравственное участіе опредѣляется, какъ и въ другихъ заведеніяхъ, жертвованіями и посѣщеніями. Такъ какъ при открытіи школъ иниціатива рѣдко принадлежала самимъ обществамъ, то отношенія даже сельскихъ училищъ къ окружающей ихъ средѣ не чужды нѣкоторой офиціальности. Въ приговорахъ крестьянскихъ обществъ говорится обыкновенно: «мы, нижеподписавшіеся, сельскіе старосты, *по предложенію правительства* и волостнаго старшины, для всенароднаго просвѣщенія *изъявили желаніе*, а равно и временно-обязанные крестьяне ввѣренныхъ намъ обществъ, имѣть училище при волостномъ правленіи, въ чемъ и подписуемся съ согласія крестьянъ». На содержаніе училища и плату учителю собирается ежегодно въ различныхъ волостяхъ, отъ 3 до 7 копѣекъ съ

человѣка, у временно-обязанныхъ крестьянъ. У казенныхъ крестьянъ сборъ производится отъ 3 до 20 копѣекъ; иногда же, вмѣсто поголовнаго сбора, назначается плата, за каждаго мальчика и дѣвочку: или 40 копѣекъ въ мѣсяцъ, или 1 рубль серебромъ въ годъ, или 4 рубля сер. за полную выучку. Учители получаютъ 100 до 150 рублей сер. въ годъ; иногда они живутъ въ училищномъ домѣ, и въ знакъ особеннаго расположенія общества отпускается имъ фунтовъ десять сальныхъ свѣчей на годъ: «учителю скучно по вечерамъ, такъ мы ему покупаемъ свѣчи» — говорятъ съ самодовольствіемъ крестьяне. Скудныя средства училищъ могли бы пополняться частными вкладами, если бы кто-нибудь серьезно объ этомъ заботился. Тороватые мужички, щедро жертвуя на церковь, не прочь пожертвовать и на училище, но все-таки нужно за ними поухаживать, а на это ни у кого не станетъ ни терпѣнья, ни охоты. Понимая необходимость содѣйствія частныхъ лицъ, крестьяне сами придумали выбирать изъ среды своей честнаго человѣка, которому можно довѣрить собираемыя съ міра деньги, и возложили на него всѣ заботы объ училищѣ, отъ которыхъ упорно отказываются волостные старшины. Крестьяне, подобно купцамъ и городскимъ обывателямъ, избѣгаютъ общественныхъ должностей; выбранный въ самую почетную въ волости должность такъ отзывался объ оказанной ему почести: «какъ ни отпрашивался я и ни отмаливался, всѣ на меня облокотились, некому было заступиться, — меня и выбрали старшиною». Сельскія власти, выбранныя изъ крестьянъ, находятъ возможнымъ возвысить сборъ на училища, но съ тѣмъ однако же, чтобы сборъ включенъ былъ въ общую подать, и чтобы количество ея было точно опредѣлено, «а прибавки — на рукахъ у мужика бородавки».

Моральное участіе къ училищамъ заявлялось большею частью по обязанности, лицами официальными, посѣщеніе которыхъ едва ли содѣйствовало успѣхамъ преподаванія. Обычными посѣтителями бывали мѣстные благочинные и окружные начальники. Первые требовали буквальной точности въ отвѣтахъ изъ катехизиса и священной исторіи и тѣмъ еще болѣе утверждали давнюю привычку заучивать слово въ слово задаваемые уроки. Окружные начальники заглядывали въ училище весьма не охотно. Нѣкоторые изъ нихъ прямо говорили, что у нихъ много спѣшныхъ и важныхъ дѣлъ, куда тутъ возиться съ училищемъ! Другіе обращали вниманіе только на внѣшность, требуя отъ сельскихъ учителей, чтобы они всегда

были въ форменной одеждѣ. Рѣдкое и грозное посѣщеніе начальствующихъ лицъ способствовало тому, что въ наставникахъ образовался духъ слѣпой подчиненности со всѣми невыгодными его слѣдствіями. Въ присутствіи посторонняго лица учители перебѣгаютъ отъ ученика къ ученику, подсказываютъ имъ до неприличія и безпрестанно повторяютъ подобныя фразы: «должно проникнуться благоговѣніемъ ко властямъ и не позволять о нихъ ниже помышленія дурнаго» или «слово начальника должно десять разъ отозваться въ твоей душѣ, въ твоемъ умѣ и сердцѣ» и т. п. Фразы эти вырываются почти безсознательно у людей, загнанныхъ суровою судьбою. Инымъ языкомъ заговорятъ эти люди, если будутъ имѣть дѣло съ лицами, принимающими дѣйствительное участіе въ училищахъ и имѣющими вѣрный взглядъ на преподаваніе. Желаніе чаще видѣть въ училищѣ людей, отъ которыхъ можно бы услышать основательное мнѣніе и дѣльный совѣтъ, постоянно высказывается учителями. Мѣстные жители особенно цѣнятъ заботливость о народномъ образованіи члена комитета грамотности, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ Е. И. Якушкина. Благородство его убѣжденій и безупречный образъ дѣйствій пріобрѣли ему общее уваженіе, довѣріе и популярность между крестьянами. При его содѣйствіи открываются училища и у казенныхъ и у временно-обязанныхъ крестьянъ: онъ помогаетъ и деньгами, и книгами, и одобрительнымъ личнымъ участіемъ.

V.

Выведенныя нами данныя о числѣ и составѣ училищъ, городскихъ и сельскихъ, не исчерпываютъ всей массы учащихся и грамотныхъ вообще. Если на каждую тысячу жителей учащихся въ училищахъ разнаго рода можно полагать, смотря по мѣстностямъ, отъ 15 до 60, то грамотныхъ приходится гораздо больше. Иногда тамъ, гдѣ изъ всего населенія учится 50, грамотныхъ оказывается 500 и болѣе; въ иныхъ мѣстностяхъ грамотныхъ — на половину; въ другихъ — двѣ трети; есть даже счастливые уголки, въ которыхъ вовсе нѣтъ неграмотныхъ. Опредѣлить число грамотныхъ — вещь очень трудная; мѣстныя показанія бываютъ разнорѣчивы: по словамъ однихъ — одна шестая населенія, по словамъ другихъ не болѣе одной двадцатой, и т. п. Лучшимъ и достовѣрнѣйшимъ средствомъ къ наиболѣе точному опредѣленію остаются хранящіяся въ

городскихъ думахъ книги для записи выдаваемыхъ паспортовъ, въ которыхъ иногда выставляется, какъ особая примѣта: — «бороду брѣетъ и грамоту знаетъ»; преимущественно же — призывные списки, въ которыхъ обозначается, кто умѣетъ читать и писать, изъ молодыхъ людей податнаго состоянія, призываемыхъ въ рекруты.

Въ Рыбинскѣ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ, взявшихъ въ 1862 году паспорты, было, до 25 сентября, 1,148; изъ нихъ грамотныхъ: 751 мужч. и 52 женщ.; неграмотныхъ: 96 мужч. и 130 женщинъ; объ остальныхъ не имѣется свѣденій.

Въ призывныхъ листахъ 1858—1861 г. по городу Угличу означено всѣхъ 283; изъ нихъ, грамотныхъ 257, неграмотныхъ 26.

Въ призывныхъ спискахъ молодымъ крестьянамъ пошехонскаго уѣзда, ериловской волости, значится родившихся:

Въ 1835 году	47;	изъ нихъ	грамотны 18,	неграмотны	19
» 1836	» 43	»	» 13	»	22
» 1837	» 43	»	» 21	»	20
» 1838	» 45	»	» 23	»	16
» 1839	» 47	»	» 20	»	23
» 1840	» 27	»	» 14	»	12
Итого	» 252	»	» 109	»	112

Въ теченіе шести лѣтъ изъ 252 молодыхъ крестьянъ, грамотныхъ было 109, неграмотныхъ 112; объ остальныхъ не имѣется свѣденій. По сравненіи съ другими мѣстностями ериловская волость представляетъ среднюю степень народной образованности; она не славится изобиліемъ грамотѣевъ, но и не принадлежитъ къ числу глухихъ мѣстъ губерніи.

Въ мильховскомъ обществѣ, николокормской волости, рыбинскаго уѣзда, между молодыми людьми, отъ пятнадцатилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста вовсе нѣтъ неграмотныхъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ мильховскомъ обществѣ вовсе нѣтъ раскольниковъ, да и въ цѣлой николокормской волости всего 5 раскольниковъ и 11 раскольницъ. Весьма мало раскольниковъ и въ ериловской волости.

Большее или меньшее число грамотныхъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій, преимущественно отъ рода занятій и степени благосостоянія жителей. Большинство крестьянъ ярославской губерніи отправляется на заработки въ Питеръ и Москву; живущіе вблизи отъ

Волги занимаются доставкою разныхъ продуктовъ на суда и пароходы и коноводствомъ по Волгѣ.

Въ мѣстностяхъ, откуда наиболѣе отправляются въ столицы, особенно много грамотныхъ; запросъ на нихъ возрастаетъ и требованія становятся годъ отъ году строже: теперь уже не спрашиваютъ, знаетъ ли мальчикъ грамоту—это предполагается само собою, а хорошо ли знаетъ ариѳметику? Мальчиковъ отправляютъ изъ деревень цѣлыми артелями, человѣкъ по шестнадцати на возу. Вѣчно оставаться домачемъ считается предосудительнымъ; живутъ дома или по необходимости, когда некому вести хозяйство, или потому, что засорили себѣ дорожку въ Питеръ дурными поступками и неумѣньемъ устроить свои дѣла. За небывалаго въ людяхъ не отдадутъ порядочной дѣвушки. Въ столицахъ занятія ярославцевъ самыя разнообразныя: между ними есть и купеческіе прикащики, и конторщики, и трактирщики, и половые, и обойщики, и печатники, и позолотчики, и слесари, и печники, и столяры, и полотеры, и пр. Занятія распредѣляются сами собою по волостямъ: изъ одной волости приходятъ преимущественно плотники, изъ другой—половые, изъ третьей—огородники, и т. д.

Постоянные жители селъ и деревень менѣе чувствуютъ надобности въ грамотѣ. Изъ двухъ сотъ кувшинниковъ, живущихъ въ нѣсколькихъ деревняхъ не наберется и пяти грамотныхъ, да и то между мальчиками, а всѣ взрослые неграмотны. Между прядильниками также очень мало грамотныхъ. Гуртовщики, скупая клюкву и бруснику для доставки на суда и давая задатокъ, употребляютъ, вмѣсто буквъ и цифръ, нарѣзки на кускахъ дерева: одинъ рубль означаютъ горизонтальной чертою (—), пять рублей—вертикальной (|), десять крестикомъ (+). Крѣпостное право имѣло въ свою очередь большое вліяніе на грамотность; гдѣ оно было менѣе чувствительно, тамъ народъ учился охотнѣе и даже заводилъ училища, а гдѣ съ крестьянами обращались жестоко, тамъ исчезали даже тѣ слѣды грамотности, которые кое-какъ держались въ прежнія, лучшія времена. Такъ, изъ 85 человѣкъ, принадлежавшихъ одному владѣльцу, грамотныхъ только человѣкъ пять, да и то старики старые; помѣщикъ изнурялъ крестьянъ барщиною, бралъ до 60 рублей въ годъ оброку, и пр.; крестьяне не имѣли дневнаго пропитанія; по уставной грамотѣ, помѣщикъ отдалъ имъ — какъ говорятъ крестьяне ихъ волости—болото, а кустики оставилъ себѣ. Сосѣди обѣщаютъ учить и кормить дѣтей ихъ, да не въ чѣмъ пе-

рейти имъ изъ одной деревни въ деревню, нечѣмъ прикрыть наготу.

Потребность и расположеніе учиться существуютъ между крестьянами и притомъ въ значительной степени. Если и слышатся голоса противъ ученья и грамотности, то обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуютъ отъ нихъ новой подати, старшина прочтетъ или заставитъ прочесть предложеніе посредника объ открытіи школы и спроситъ потомъ, почесывая затылокъ: ну что тутъ дѣлать? — крестьяне, пожалуй, скажутъ, что имъ теперь самимъ до себя, а когда устроятся, тогда и станутъ думать объ училищахъ. Изрѣдка случится услышать и такіе отзывы, что грамотный и важничать станетъ и сопьется: онъ и по надписи знаетъ, гдѣ какое вино. При учрежденіи училищъ въ казенныхъ селеніяхъ крестьяне не хотѣли отдавать дѣтей своихъ, боясь, что всѣхъ, кто будетъ учиться тамъ, возьмутъ въ солдаты. До такой степени училища кажутся народу учрежденіями офиціальными и не пользуются популярностью.

Не къ казеннымъ училищамъ, а къ ученью собственно, къ грамотѣ, народъ обнаруживаетъ большое расположеніе. Въ одномъ селѣ мужикъ уступилъ на зиму стрѣлковымъ офицерамъ ригу, позволилъ прорубить окно, что совсѣмъ испортило ригу, и не требовалъ за это никакого вознагражденія, но просилъ только, чтобы офицеры сына его поучили грамотѣ. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ потребности и желанія учиться служитъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ училищъ, грамотѣ знаютъ всѣ до одного. Въ мельховскомъ обществѣ также нѣтъ училищъ и обученьемъ дѣтей занимаются сами же крестьяне, отставные солдаты, и т. п. За годъ берутъ по три рубля серебромъ, а за полную выучку шесть рублей серебромъ.

Крестьяне-учители учатъ мальчиковъ, а жены ихъ дѣвочекъ; впрочемъ большею частью крестьяне, обучающіе дѣтей—люди престарѣлые, безсемейные, а иногда и бездомовные. Много дѣтей учится дома, у отцовъ своихъ и родственниковъ. Грамоту называютъ божіей искрой: какъ только заносится она въ домъ, цѣлый домъ получаетъ расположенье учиться, старшіе братья выучиваютъ младшихъ, и т. д. Грамотѣевъ своихъ народъ называетъ «мастерами», сохранивъ названье это отъ далекой старины. Еще въ XVI вѣкѣ говорили: «мы де учимся у своихъ отцевъ или мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ

по томъ и насъ учатъ». Живя въ имени наставниковъ, старина не умерла и въ обычаяхъ, и отчасти во взглядѣ на ученіе и чтеніе книгъ. «Мы люди недоведенные — говорятъ мужички — а читать надо, особенно старикамъ; дѣвочкамъ грамота нужна для спасенія, а мальчикамъ на то, чтобъ честнымъ трудомъ хлѣбъ добывать». Книги, читаемыя крестьянами, указываютъ на ту же связь древней Россіи съ новою. Не говоря о сочиненіяхъ духовныхъ, которыя въ сущности тѣже самыя, что встарину, что и теперь, но и книги забавныя, охотно читаемыя народомъ, часто передѣлываются, съ различными прикрасами, изъ старинныхъ повѣстей.

Одинъ изъ волостныхъ старшинъ, слывущій у народа самымъ знающимъ человѣкомъ и великимъ начетникомъ, съ особеннымъ наслажденіемъ читаетъ библію, часы благоговѣнія и басни Крылова. Библія постоянно лежитъ у него на столѣ въ волостномъ правленіи и онъ открываетъ ее каждую свободную минуту; всего болѣе занимаютъ его притчи Соломона и Сираха и псалмы Давыда. Любознательный старикъ живетъ въ глубинѣ губерніи, гдѣ любовь къ чтенію особенно распространена между людьми пожилыми. Въ другихъ мѣстахъ много грамотѣевъ въ молодомъ поколѣніи.

Изъ числа нѣсколькихъ десятковъ большихъ и малыхъ книгъ, которыя больше всего нравятся какъ чтецамъ, такъ и ихъ многочисленнымъ слушателямъ въ длинные зимніе вечера, иныя попадаютъ въ руки крестьянъ совершенно случайно, другія покупаются съ нѣкоторымъ выборомъ. Съ большою охотою пріобрѣтаютъ книги большаго формата и толстыя, нежели тоненькія или брошюры; крестьянка достала какъ-то брошюру: «Сатанилла, или любовь и адъ», и прочитавъ нѣсколько страницъ, сказала: «не хорошо, не для насъ, книжка больно маленькая; вотъ какъ большая, это—хорошо». Тоненькія книжки покупаются больше за дешевизну; если просятъ за маленькую книжку копѣекъ пятнадцать, мужичокъ возражаетъ: «да я за пятнадцать такихъ три куплю», и дѣйствительно покупаетъ, не всегда заботясь о содержаніи. Изъ лубочныхъ картинъ особенно любятъ тѣ, на которыхъ больше надписей. Въ крестьянскихъ избахъ показывали и называли, между прочимъ, слѣдующія книги, любимыя и чтецами и слушателями, и мужчинами и женщинами:

1) О истинномъ покаяніи въ грѣхахъ, съ присовокупленіемъ статей изъ сочиненій Тихона, епископа Воронежскаго. Москва. 1854.

2) Умирающій разбойникъ и умирающій Спаситель.

3) Сердце человѣческое есть или храмъ Божій или жилище сатаны.

4) Князь Пожарскій и Нижегородскій гражданинъ Мининъ. 1844. Въ трехъ частяхъ, съ картинками и эпиграфами: «гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробы стоятъ»; «и чтобы видѣть на князѣ, будучи Шуйскій, Степенъ»; «у насъ былъ свой Кремль — Годуновъ», и т. п.

5) Осада и взятіе Константинополя Магометомъ II. Моск. 1837.

6) Французъ Бенедиктъ и Гуакъ.

7) Гензельбергъ или рыцарь съ черпомъ, повѣсть Вильгельма Виндельштейна, переводъ съ нѣмецкаго.

8) Юрій Милославскій.

9) Михаилъ Новгородскій — «какъ родители его были богатые, да сотвориъ прощанье, Мирон посадница заключила отца куда-то, и какъ перевожденіе, прежде найдетъ».

10) «Книга про Суворова — сказки политика», и проч.

Съ особенною любовью отзывались о книгѣ: «истинное покаяніе въ грѣхахъ»; книга эта куплена на ярмаркѣ, и на ней малоискусною рукою почеркомъ надписано: «куплена о ... въ городѣ Калугѣ для чтенія дочери своей». Книга украшена картинками; подаяніе милостыни изображено такимъ образомъ: домъ, церковь съ колоколами, толпа нищихъ и одѣляющій ихъ благотворитель въ мундирѣ съ генеральскими эполетами и въ архіерейской митрѣ. На сторонѣ же ... картинокъ, дочь крестьянина, которой принадлежала книга, съ достоинствомъ объяснила, что ей нравятся не картинки, а то, что написано въ книгѣ. Отвлеченное теологическое ученіе о благодати и покаяніи, изложенное книжнымъ языкомъ, непривлекательно для крестьянки; но на нее дѣйствуютъ отдѣльныя мѣста и части сравненія, встрѣчающіяся въ книгѣ, какъ напр. мать, потерявши сына, зальется слезами, когда кто заговоритъ о немъ, а также когда увидитъ оставшееся послѣ него платье или другую вещь: такъ должно дѣлать и тому, кто согрѣшилъ и утратилъ благодать, которая дороже всего, и т. п. Независимо отъ содержанія, духовныя книги дѣйствуютъ на крестьянина своимъ тономъ, давая ему настроеніе, отрывающее его, въ большей или меньшей степени, отъ дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи вліяніе ихъ можно сравнить съ дѣйствіемъ музыки на человѣка, незнающаго ея, но любящаго музыку, звуки которой производятъ мягкое и нѣжное впечатлѣніе, выводящее его изъ обыкновеннаго состоянія духа.

Учредители воскресныхъ школъ вносили въ огромномъ коли-

чествѣ экземпляровъ. Евангеліе на русскомъ языкѣ, сказку Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ, и разсказы Марка Вовчка. На эти книги былъ сильный запросъ между крестьянами.

Кое-гдѣ у крестьянъ и волостныхъ писарей можно встрѣтить исторію Карамзина, даже сочиненія Лермонтова, жизнь графа Сперанскаго. Сельскія общества выписываютъ Вѣкъ и Сынъ отечества, который разыгрывается потомъ въ лотереѣ по 20 коп. за билетъ. Вѣкъ выписывали на удачу, не зная, что [illegible], а Сынъ отечества — съ полною увѣренностью въ занимательности содержанія, потому что отъ него приходили въ восторгъ всѣ, бывшіе на съѣздѣ волостныхъ писарей въ Пошехоньи.

Многіе крестьяне читаютъ газеты, а нѣкоторые и журналы. Чтеніе книгъ, каковы бы ни были ихъ выборъ, оказываетъ болѣе или менѣе явственное вліяніе. Слѣды его обнаруживаются въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ постоянно вращается мысль крестьянина, крѣпко связанная съ его положеніемъ. Взгляды грамотнаго и мыслящаго мужика становятся либеральнѣе, и вотъ какъ вѣрно выражается этотъ либерализмъ, котораго иные (изъ высшаго класса) боятся словно пугала. Развитой и начитанный крестьянинъ скажетъ: «вѣра у народа сильна, да слѣпа она; мужикъ, что бакъ — извините, неакуратно выражаюсь, — за тѣмъ съ [illegible] улыбкой начнетъ рѣчь о лубочныхъ картинахъ, изображающихъ адъ съ грѣшниками, горящими въ огнѣ и кипящими въ смолѣ, какъ будто имъ мало мучиться совѣстью, и безобразныхъ чертей, съ огромными рогами и хвостами, влетающихъ въ грѣшное сердце человѣка. Съ сдержаннымъ недовѣріемъ отзывается скептикъ о «Камнѣ вѣры» Стефана Яворскаго, словно книга эта только что вышла изъ подъ пресса: въ Камнѣ вѣры на доводы осуждаются еретики, позволяется убивать ихъ, и находятъ убійство даже полезнымъ, ибо оно сокращаетъ время грѣховной жизни: «вотъ до чего *мы дошли*! вотъ наши учители кротости и милосердія!»; но вмѣстѣ съ тѣмъ удивляется изобилію текстовъ — просто чудо! вотъ ужъ головка-то умная! цѣлая коммиссія не соберетъ такого множества текстовъ! Нѣкоторыя странности находитъ и въ [illegible] — теперь слово это смѣшно, а вѣдь тогда такое лицо употребляло такое выраженіе, шутка ли? митрополитъ. Въ старинныхъ сказаніяхъ скептикъ не все принимаетъ на вѣру: «прежде любили чудеса, — говоритъ онъ, — въ книгахъ пишется, что Годуновъ хотѣлъ выпить яду, какъ будто не могъ сдѣлать хитрѣе, чуду при-

[illegible] Ѳедору Іоакимовичу [illegible] въ другой разъ, будучи [illegible], для того, чтобы скорѣе умереть.

Любопытно мнѣніе простаго [illegible] о личности [illegible], его ревнителя, поднявшаго вопросы, относившіеся къ [illegible], именно объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Память о немъ сохранилась между старыми грамотными, которыхъ многіе слыхали отъ своего дѣда, другіе отъ родного дяди, своей тетки; у любознательныхъ мѣщанъ есть даже уцѣлѣвшія [illegible] того времени. Говорятъ, что [illegible] были на сторонѣ Мацѣевича, но весьма немногіе знали причину ссылки; потомъ, когда узнали въ чемъ дѣло, сочувствіе къ нему поохладѣло; теперь можно слышать голоса и за и противъ него, смотря потому, говорятъ ли о немъ, какъ о невинномъ страдальцѣ, или какъ о защитникѣ крѣпостнаго права, желавшемъ удержать его за монастырями. Ему сочувствовали, какъ человѣку, потерпѣвшему несчастіе и сосланному, и при томъ показавшему гражданское мужество; разсказывали, что онъ, въ дѣлѣ православія, всенародно предалъ проклятію отнимающихъ церковныя имѣнія. Но крестьяне не раздѣляли его взгляда, и не разъ высказывались противъ монаховъ-владѣльцевъ. Въ сорока верстахъ отъ Углича былъ монастырь, теперь обращенный въ приходскую церковь; крестьянъ при монастырѣ было немного, но поборовъ съ нихъ очень много: вздумаетъ вдругъ игуменъ, и безъ всякой нужды заставитъ рыть колодезь; сойдутся крестьяне, потолкуютъ, да и принесутъ рубля два игумену, а ему того только и нужно, онъ и отложитъ колодезь до поры до времени. Въ монастырѣ, находившемся въ самомъ городѣ, монахи «особенно обижали на счетъ женскаго пола». Во время рекрутчины, посылаемые отъ монастырей для набора рекрутъ брали «срывки», всего чаще серебряныя цѣпи, которыя женщины носили на шеѣ. Легкое поведеніе монаховъ давало поводъ и монастырскимъ служкамъ вести разгульную жизнь, да притомъ они желали свергнуть крѣпостное иго. Въ свиткахъ у старожиловъ хранится не одна жалоба въ родѣ слѣдующей, показывающей несостоятельность монастырскаго управленія: «служки Ивашко большой да Ивашко меньшой приходили бунтомъ, бранили насъ и безчестили, и, вынявъ ножи, гналися за мною, и хотѣли меня зарѣзать, и мантію съ меня содрали, и я отъ нихъ насилу въ келію ушелъ. И ухвата они, Ивашки, чернаго священника Макарія, били и увѣчили смертнымъ боемъ, при многихъ посадскихъ людехъ.... Онъ, Ивашко, стакавшися съ братомъ

своимъ Ивашкомъ да съ Өедькою Чудиновымъ, не хотятъ у насъ подъ началомъ быть, а въ монастырскихъ нашихъ крестьянскихъ дѣлахъ вступать насильно, и не велятъ крестьянишкамъ нашимъ ни въ чемъ насъ слушать, да оброковъ, ни податей не велятъ платить... Ходить въ воеводѣ, прибѣгаютъ и челобитные подаютъ по всякимъ нашимъ монастырскимъ и крестьянскимъ старыхъ дѣламъ. И онъ, воевода, по ихъ челобитью слугъ и крестьянишекъ нашихъ велитъ имать, и убытчитъ, и въ сторожню сажаетъ, и домы у нихъ пограбляетъ... Велѣно въ корабельное строеніе сбирать со крестьянъ по полтинѣ съ двора, и отъ его воеводской посылки всѣ крестьянишки наши разбѣжалися».

Въ общественныхъ вопросахъ мыслящіе крестьяне съ ожесточеніемъ возстаютъ на монополистовъ. «Литерщики — говорятъ они — все хвалятъ гласность; оно и точно, гласность — дѣло хорошое, да не про горемычныхъ чиновниковъ надо писать: грѣшно обижать бѣднаго человѣка, а вотъ про богачей-то неправедныхъ слѣдуетъ все какъ есть описать, про богачей. Кабы на свѣтъ Божій вывести, какъ милліонщикъ, подрядчикъ или фабрикантъ, при каждомъ разсчетѣ голыша работника обсчитываетъ, или про откупщиковъ людоѣдовъ, сколько они народу извели, сколько крови человѣческой повыпили, и какъ они цикоріи разные «съ угощеніемъ» продаютъ, и людей къ себѣ заманиваютъ, и обдираютъ до послѣдней нитки».

Развитію любознательности въ жителяхъ Ярославской губерніи сильно содѣйствуетъ то, что въ ней находится много историческихъ мѣстностей и различныхъ памятниковъ древняго и стариннаго быта. На древнѣйшее населеніе края указываютъ имена селеній, озеръ и рѣкъ, а большихъ и малыхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ прозвища, около 240 въ губерніи; также могильные курганы, монеты, городища. Селенія съ именами *Волосово*, *Власово* и т. д. напоминаютъ времена язычества и поклоненіе Волосу, покровителю скотоводства — древнѣйшаго занятія жителей края. Паденіе язычества и введеніе въ ростовской области христіанской вѣры, которое восходитъ къ первымъ началамъ христіанства въ русской землѣ вообще ознаменовано появленіемъ церквей и монастырей, каковы напр. Богоявленскій монастырь въ Ростовѣ, основанный Авраміемъ, выдержавшимъ сильную борьбу съ язычниками *), и другіе. Тугова

*) См. описаніе Ростовскаго Богоявленскаго Авраміева монастыря, состав. архимандритомъ Іустиномъ. Ярославль. 1862.

рари, [illegible] лѣсъ, Тарховъ холмъ и множество названій и воспоминаній, укрѣпленій съ открываемыми въ нихъ стрѣлами, бердышами и другими вещами служатъ памятниками временъ татарщины. Слѣды лагерей на берегахъ рѣки Устьи, башни въ Ярославлѣ и рвы въ Угличѣ, урочища и селенія подъ именами: *[illegible]*, *[illegible]*, *[illegible]* и т. п. говорятъ о литовскомъ нашествіи, и т. д. *)

При такомъ богатствѣ историческихъ памятниковъ у многихъ изъ мѣстныхъ жителей, не получившихъ школьнаго образованія, развился самъ собою вкусъ къ старинѣ и любовь къ археологическимъ занятіямъ. Общею извѣстностью и уваженіемъ въ краѣ пользуется ростовскій купецъ Петръ Васильевичъ Хлѣбниковъ, занимавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ собираніемъ старинныхъ вещей, которыми дорожитъ какъ сокровищемъ и лучшимъ воспоминаніемъ о своей прежней дѣятельности. Почтенный собиратель древностей теперь не можетъ уже безостановочно продолжать своего любимаго занятія; болѣзнь и семейное горе изнурили его силы. Не одна археологія привлекала къ себѣ его любознательность: множество замѣтокъ и цѣлыхъ статей въ его портфеляхъ, показываютъ, что для него не проходило даромъ никакое сколько нибудь замѣчательное собы-

*) Въ началѣ «путеводителя по Ярославской губерніи» г. Никольскій помѣстилъ исторической очеркъ губерніи, раздѣленный на шесть періодовъ:

1) Древніе обитатели страны.—[illegible].—Древнія имена рѣкъ, озеръ и селеній.—Городищи.—Горѣлища.—Селища.—Могильные курганы.—Могильцы.—Монеты.—Оружія.—Лѣтописныя сказанія.—Ростовскіе Славяне.—Ростовъ.

2) 852—989 г.—Образъ правленія.—Военныя дѣйствія и политическое возвышеніе Ростова.—Угличъ.—Религія.—Промышленность.

3) 989—1219 гг.—Князья.—[illegible].—Народное вѣче.—Составъ и предѣлы княжества.—Внутреннее населеніе.—Торговля и промышленность.—Военныя дѣйствія.—Религія.—Книжное образованіе и искусство.

4) 1219—1471 гг.—Удѣлы и образъ правленія.—Нашествіе татаръ.—Попытки къ сверженію татарскаго ига.—Памятники татарскаго времени.—Преобладаніе Москвы.—Княжескія междоусобія.—Торговля.—Іерархія.

5) 1471—1700 г.—Административное состояніе края въ XV и XVI столѣтіяхъ.—Послѣдствія убіенія св. Димитрія царевича.—Литовское нашествіе.—Памятники.—Торговля.—Іерархія.

6) Отъ 1700 г. до настоящаго времени.—Границы и администрація губерніи. Пути сообщенія.—Судоходство.—Мануфактуры.—Народное образованіе.—Послѣдствія смутъ при Петрѣ I.—Важнѣйшія учрежденія и обстоятельства въ послѣдующія царствованія.

тіе въ краѣ, ни одно изъ явленій въ мѣстной общественной жизни, оставляющихъ слѣды въ душѣ мыслящаго человѣка. Обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ Петра Васильевича служитъ его археологическій кабинетъ, уставленный и увѣшанный во всѣхъ сторонъ, сверху до низу, старинными вещами. Онъ покидаетъ кабинетъ разьво для того чтобы посмотрѣть на озеро Неро и полюбоваться его историческими окрестностями. Онъ все глядитъ и не наглядится на заозерную даль, но съ сокрушеннымъ сердцемъ отводитъ взоръ отъ ближайшихъ предметовъ и не хочетъ срубить деревьевъ передъ домомъ своимъ, скрывающихъ отъ глазъ его кремль — лучшее и древнѣйшее украшеніе Ростова. Искренняя, доходящая до благочестія, любовь къ старинѣ, не позволяетъ Хлѣбникову равнодушно смотрѣть на маститую древность, гніющую въ развалинахъ и поруганную — отданную откупщикамъ для винныхъ складовъ. Съ перемѣщеніемъ архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, въ прошломъ столѣтіи, часть кремлевскихъ зданій осталась въ духовномъ вѣдомствѣ, остальныя перешли въ вѣдомство гражданское. Казенная палата рѣшилась на уничтоженіе великолѣпнаго зданія, въ которомъ была такъ называемая красная палата, имѣвшая сходство съ грановитою палатою въ Москвѣ. Въ зданіяхъ кремля предполагалось помѣстить духовное училище и сдѣлать его центральнымъ для нѣсколькихъ уѣздовъ; но это намѣреніе почему то не осуществилось и кремль остается по прежнему въ запустѣніи, прибавляя къ старымъ развалинамъ новыя. Къ довершенію горя почитателей святыни и древности зданія, принадлежащія духовному вѣдомству, отданы въ распоряженіе откупа для помѣщенія винныхъ складовъ.

Возстановленіе нѣкоторыхъ церквей кремлевскихъ обязано не офиціальнымъ вѣдомствамъ, а усиліямъ частнаго лица. Страстный любитель старины, Ростовскій купецъ И. И. Храниловъ, не владѣя собственными средствами, умѣлъ отыскать и расположить къ участію лица, живущія въ разныхъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, и при помощи ихъ возобновилъ нѣкоторые изъ памятниковъ ростовской святыни. И. И. Храниловъ участвуетъ въ собраніи статистическихъ матеріаловъ для описанія приволжскаго края; онъ издалъ описаніе Ростовскаго уѣзда и самаго Ростова, помѣщаетъ статьи свои о разныхъ достопримѣчательностяхъ края въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и т. д.

Живущій въ Ростовѣ купецъ Н. Х. Быковъ владѣетъ богатою

коллекцію монетъ и медалей разныхъ вѣковъ и народовъ, отъ греческихъ, восходящихъ ко временамъ незапамятной древности, до русскихъ восемнадцатаго столѣтія. Въ этомъ собраніи много любопытныхъ и рѣдкихъ вещей; у владѣльца есть даже рукописи и старопечатныя книги.

Ярославскій купецъ С. А. Серебренниковъ извѣстенъ въ краѣ своею любовію къ нумизматикѣ и археологіи. Въ числѣ древнихъ вещей его нумизматическаго собранія находятся монеты Филиппа македонскаго, найденныя, какъ полагаютъ, въ Ярославской губерніи. Статьи Серебренникова печатаются въ запискахъ археологическаго общества.

Въ Угличѣ славятся своею любовью къ старинѣ и вообще образованностью Иванъ Петровичъ Серебренниковъ и сынъ его Василій Николаевичъ, человѣкъ весьма начитанный, слѣдящій за литературою, выписывающій журналы и новыя книги по разнымъ отраслямъ знаній. Онъ составилъ, между прочимъ, обозрѣніе историческихъ памятниковъ города Углича, помѣщенное въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Крестьянинъ Александръ Артыновъ составилъ весьма любопытное историческое и статистическое описаніе села Угодичъ. Древность села восходитъ къ десятому столѣтію, когда, по мѣстному преданію, въ бытность св. Владиміра въ Ростовѣ, нѣкоторые изъ жителей Угодичъ крестились въ водахъ ростовскаго озера. Въ описаніи собраны историческія свѣдѣнія и находятся снимки и рисунки старинныхъ вещей, уцѣлѣвшихъ въ селѣ, между прочимъ, монеты Домиціана, найденной въ насыпи. Весьма подробно описаны занятія жителей рыбной ловлей и другими промыслами въ исторической послѣдовательности съ приложеніемъ пояснительныхъ рисунковъ, а также описаніе быта мѣстныхъ жителей. Авторъ пользовался многими письменными источниками, рукописными лѣтописями и выписками, собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ и другими пособіями.

Представители мѣстной образованности большею частію самоучки, учились у «мастеровъ», священниковъ и причетниковъ; немногіе кончили курсъ въ училищѣ, а нѣкоторые получили, какъ говорится, домашнее воспитаніе. Въ чемъ состояло это воспитаніе, можно видѣть изъ разсказовъ о немъ одного изъ именитыхъ и образованнѣйшихъ купцовъ. Первые года дѣтства его протекли подъ надзоромъ няньки — раскольницы, фанатически преданной сво-

ихъ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ; невѣста вѣрить она обвязывала себя четками, и клала поклоны до изнеможенія, до упаду. Восьми лѣтъ его отдали въ училище, и чтобы ребенку веселѣе было учиться, посылали съ нимъ въ классы восьмнадцати-лѣтняго Лёвку. Но Лёвкѣ рѣшительно не давалась грамота, съ каждымъ урокомъ онъ не научивалъ, а забывалъ по букву, и постоянно спалъ подъ учительскія объясненія. Не смотря на примѣръ своего слуги и товарища, невольно помогавшаго на школьной скамьи, мальчикъ учился съ большимъ успѣхомъ; его аттестовали: понятенъ, прилеженъ, тихъ, скроменъ, способностей хорошихъ. Но даровитый ученикъ скоро взятъ былъ изъ училища домой и воспитаніе его вѣрено гувернеру-французу; это было около 1812 года. Не долго впрочемъ онъ пользовался наставленіями иностраннаго ментора. На бѣду поселился въ ихъ городѣ какой-то пріѣзжавшій изъ Молдавіи великій постельничій — особа важная и прихотливая. Наскучивъ уѣздной жизнью, онъ пригласилъ къ себѣ на житье единственнаго въ городѣ француза, который принялъ предложеніе тѣмъ охотнѣе, что условія были самыя легкія и пріятныя. Вмѣсто утомительной обязанности педагога, которою ему и во снѣ не снилось до пріѣзда изъ Франціи въ Ярославскую губернію, постельничій предложилъ ему, за готовую квартиру и содержаніе, единственное условіе — играть съ нимъ въ разныя игры; въ случаѣ выигрыша француза постельничій платилъ ему деньгами, въ случаѣ проигрыша французъ долженъ былъ лазить подъ столъ на четверенькахъ. Оставленный безъ руководства, юноша образовалъ самъ себя, благодаря своимъ природнымъ способностямъ и вліянію историческихъ памятниковъ, къ которымъ получилъ одно живое сочувствіе, не покидающее его въ теченіе всей его жизни. Благотворное дѣйствіе исторической мѣстности на образованіе народа подтверждается на Руси многими примѣрами.

Въ заключеніе, сообщимъ нѣсколько замѣтокъ о народной образованности, какъ она выражается въ заведеніи мѣстныхъ библіотекъ и въ книжной торговлѣ, въ количествѣ и характерѣ выписываемыхъ журналовъ и газетъ и въ состояніи театра.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ярославлѣ открыта была библіотека для чтенія купцомъ Щепетильниковымъ, при книжномъ магазинѣ, единственномъ въ цѣломъ городѣ; главный торгъ книгами производится букинистами на толкучемъ рынкѣ. Въ Ростовѣ открылъ библіотеку купецъ Храниловъ, о которомъ мы говорили;

обширный кругъ знакомства, предупредительность хозяина и удачный выборъ книгъ сообразно съ мѣстнымъ вкусомъ и потребностями, привлекали въ библіотеку столько желающихъ брать книги для прочтенія, что Храниловъ долженъ былъ сдать ее, чтобы имѣть время для своего главнаго занятія: онъ торгуетъ краснымъ товаромъ. Съ переходомъ библіотеки въ другія руки она какъ-то потерялась изъ виду, о ней нѣтъ ни слуху, ни духу, и, если кто спроситъ, говорятъ о ней то въ настоящемъ, то въ прошедшемъ времени. Въ Угличѣ книги для чтенія выдаются изъ библіотеки уѣзднаго училища съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ; сначала пошло дѣло очень удачно, но ввели формальность—заставили росписываться въ особой книгѣ и этимъ отбили у многихъ охоту имѣть дѣло съ библіотекою: вотъ, говорятъ, заплати деньги, да еще росписывайся. Что городъ, то норовъ. Тамъ же принялась хорошо другая формальность: выдача билета въ полученіи денегъ, вносимыхъ учениками по полугодіямъ, за подписью смотрителя училища и съ приложеніемъ печати. По словамъ штатнаго смотрителя эта мѣра не мало содѣйствовала тому, что сборъ за ученіе въ Углицкомъ уѣздномъ училищѣ значительно больше, нежели въ Ростовскомъ и Рыбинскомъ.

Книжная торговля въ прежніе года хорошо шла въ Рыбинскѣ, а теперь стала хуже, такъ худо, что съ трудомъ находится охотникъ снять книжную лавку. Рыбинскіе книжные торговцы говорятъ, что больше всего расходятся «народныя» книги: Гуакъ, Францыль Венеціанъ, Жаръ-птица и т. п., ихъ продашь, каждой около 50 въ годъ. Такъ же хорошо расходятся «божественныя» книги: житіе Филарета милостиваго, Варвары великомученицы и др., а пророка Иліи туго покупаютъ, не больше пяти въ годъ, да и цѣна дорога—60 копѣекъ. Вообще жалуются на дороговизну духовныхъ книгъ. За зиму выходитъ отъ 100 до 150 часослововъ славянской печати: мужички покупаютъ на ученье дѣтямъ. Лѣтомъ больше продажи; особенно покупаютъ купцы изъ Чистополя, Казанской губерніи; чистопольцы—форсуны: давай имъ Пушкина, Гоголя, Тургенева.

По свѣденіямъ, не точнымъ впрочемъ, имѣющимся въ почтовыхъ конторахъ городовъ: Ярославля, Рыбинска, Ростова и Углича, получается въ эти четыре города и ихъ уѣзды около 70 періодическихъ изданій, въ бо̀льшемъ или меньшемъ количествѣ экземпляровъ, отъ Кронштадтскаго вѣстника и Кіевскихъ епархіальныхъ

вѣдомостей до Сына отечества — наиболѣе распространеннаго изъ всѣхъ повременныхъ изданій. Почти всѣ духовные журналы выписываются въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, и притомъ не одними духовными, а лицами всѣхъ сословій. Въ свою очередь, библіотеку романовъ получаютъ нѣкоторые изъ монаховъ. Изъ свѣтскихъ журналовъ выписываются преимущественно: Русскій вѣстникъ, Современникъ, Отечественныя записки и Время, примѣрно отъ 30 до 40 экземпляровъ каждый. Изъ газетъ: Сѣверная пчела, С.-Петербургскія вѣдомости и Сѣверная почта,—отъ 50 до 70 экземпляровъ каждая. Наибольшее число подписчиковъ приходится на слѣдующія изданія: Сынъ отечества, Странникъ, Московскія вѣдомости. Среднимъ числомъ, можно положить приблизительно, что Искра имѣетъ 60 подписчиковъ; Странникъ 100; Московскія вѣдомости тоже 100; Сынъ отечества около 190—въ годъ.

Ярославль — родина русскаго театра. Ярославскій гражданинъ Волковъ былъ, какъ извѣстно, основателемъ русскаго драматическаго искусства; въ Пробойной улицѣ указываютъ мѣсто, гдѣ былъ кожевенный амбаръ, въ которомъ Волковъ впервые игралъ съ своими актерами театральныя пьесы. Въ Ярославлѣ же родился и учился знаменитый актеръ Дмитревскій. Но на память о первыхъ знаменитостяхъ русской сцены остался только превосходный портретъ Волкова, подаренный М. С. Щепкинымъ Демидовскому лицею. Въ настоящее время, ярославская трупа даетъ представленія зимою въ Ярославлѣ, а лѣтомъ въ Рыбинскѣ. Актеры жалуются на равнодушіе общества и съ удовольствіемъ говорятъ о Вологдѣ и Костромѣ, гдѣ театръ всегда биткомъ набитъ. По словамъ актеровъ публика особенно любитъ драмы; безъ нихъ не можетъ обойтись ни одинъ спектакль. Водевили тоже нравятся, но только не въ такой степени; для полнаго успѣха водевиля надо, чтобы въ немъ было какъ можно больше сальностей. Въ числѣ любимыхъ обществомъ драмъ называютъ: Смерть Ляпунова, Русскій человѣкъ добро помнитъ, Пожарскій и т. п. Комедіи Гоголя очень нравятся, но Островскаго еще болѣе. Провинціальный репертуаръ, скудный самъ по себѣ, сокращается еще театральною цензурою. Иныя пьесы подлежатъ общему, другія—спеціальному запрещенію; пьесы: «Купецъ-лабазникъ» и «Быть бычку на веревочкѣ» запрещены, по причинѣ какихъ-то намековъ, и въ провинціи, и въ столицѣ; «Горе отъ ума» запрещено только для провинціальныхъ театровъ—по неизвѣстной причинѣ.

При равнодушіи общества актеры стараются всячески разнообразить театральныя представленія, чтобы привлечь болѣе публики. Драмы и водевили соединяются съ вокальными и инструментальными концертами, и со всѣми возможными внѣшними украшеніями. Въ одинъ изъ бенефисовъ, наиболѣе разсчитывавшихъ на вкусъ рыбинскихъ театраловъ, давались слѣдующія пьесы: Найденышъ, или тѣнь, требующая мщенія, — волшебная героическая мелодрама, съ полетами, превращеніями, провалами, мертвецами, чудовищами, привидѣніями, бурей, молніей и громомъ, съ башнею чаръ и колдовства, съ кладбищемъ или сцѣпленіемъ ужасовъ и т. п.; водевиль: «Нѣмой по неволѣ» и «Кумъ мирошныкъ или сатана въ бочкѣ»—малороссійская шутка. За мелодрамою слѣдовалъ концертъ, а въ заключеніе — большой разнохарактерный, составленный изъ танцовъ и пѣнія, дивертисементъ, въ которомъ одинъ изъ участвующихъ пропѣлъ «Бродягу» Беранже.

Окончивъ замѣтки мои, я повторю въ общихъ чертахъ тѣ выводы, которые, какъ мнѣ кажется, выходятъ сами собою изъ собранныхъ мною историческихъ и статистическихъ свѣденій.

Любознательность въ народѣ развита въ значительной степени и число грамотныхъ постоянно возрастаетъ.

Большинство учится внѣ училищъ, избѣгая ихъ подъ разными предлогами.

Главныя причины уклоненія отъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ существенный недостатокъ заключается въ ихъ офиціальномъ характерѣ; въ учрежденіи ихъ по предписанію властей, безъ предварительнаго совѣщанія съ мѣстными жителями; въ повсемѣстномъ однообразіи устройства училищъ и излишней формальности въ управленіи ими.

Для избѣжанія всего этого необходимо слѣдующее:

До открытія новаго училища — будетъ ли то прогимназія или народная школа—вступить въ непосредственныя сношенія съ мѣстными жителями и выяснить имъ цѣль учрежденія. Предварительныя совѣщанія подѣйствуютъ благопріятно на мѣстныхъ жителей, покажутъ, что на потребности ихъ дѣйствительно обращаютъ вниманіе, и заранѣе расположатъ ихъ къ новому заведенію. Вопросъ долженъ быть обсуженъ съ наиболѣе вліятельными въ краѣ людь-

ми до внесенія его на обсужденіе городскихъ думъ или сельскихъ обществъ. Иначе такъ называемый «общественный приговоръ» будетъ одною мертвою буквою, примѣры чему мы не разъ указывали въ исторіи училищъ (стр. 105—114).

Управленіе училищами, какъ городскими, такъ и сельскими, должно соединиться въ одномъ вѣдомствѣ, въ которомъ оно было бы существенною заботою, а не случайнымъ дополненіемъ. Мы говорили о невыгодномъ вліяніи на духъ учителей и на самыя школы управляющихъ ими лицъ, если они смотрятъ на народное образованіе не какъ на главный предметъ своей служебной дѣятельности (стр. 170—172).

Соединяя всѣ учебныя заведенія въ одно вѣдомство, необходимо удалить всякую формальность, стѣсняющую мѣстные органы въ своихъ дѣйствіяхъ на пользу училища. Теперь все время поглащается офиціальною перепискою, а между тѣмъ для дѣла гораздо полезнѣе личное знакомство съ состояніемъ училищъ и бесѣды съ людьми, знающими всѣ мѣстные свычаи и обычаи. И сельскіе учители и крестьяне весьма радушно принимаютъ человѣка, заѣхавшаго къ нимъ узнать, какъ учатся ихъ дѣти и питомцы.

Для приготовленія сельскихъ учителей можно, на первый разъ, воспользоваться мѣрою, предлагаемою мѣстными жителями, т. е. поручить лучшимъ изъ наличнаго состава заниматься съ будущими наставниками. Мы привели въ своемъ мѣстѣ мнѣніе крестьянъ о выборѣ учителей изъ среды самого народа (стр. 170).

Матеріальное улучшеніе училищъ можетъ произойти или посредствомъ общаго сбора, или посредствомъ частной благотворительности. Мы сообщили взглядъ мѣстныхъ жителей на поголовный сборъ. Въ отношеніи къ частнымъ лицамъ весьма пригодны мѣры, принятыя, какъ сказано выше, министерствомъ Разумовскаго (стр. 133—134). Въ этомъ случаѣ знакомство съ настроеніемъ и интересами мѣстныхъ жителей принесетъ новую пользу.

Для положительнаго и прочнаго успѣха дѣла надо приступать къ нему не вдругъ, а постепенно. Если не ошибаюсь, одна изъ важнѣйшихъ реформъ — новое устройство судопроизводства будетъ введено первоначально въ нѣкоторыя только губерніи, а впослѣдствіи и во всѣ другія. Тоже полезно примѣнить и къ училищамъ. Слѣдовало бы открыть предварительно двѣ или даже одну прогимназію въ губерніи; при совѣщаніяхъ съ мѣстными жителями ока-

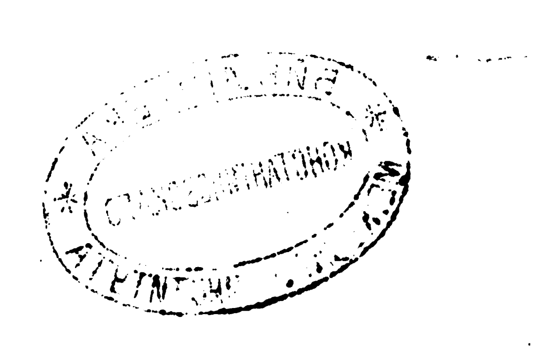
жется, гдѣ болѣе потребности въ училищѣ и готовности содѣйствовать ему нравственнымъ и матеріальнымъ участіемъ.

Что касается первоначальнаго образованія и грамотности, то не приступая вдругъ и повсемѣстно къ открытію «народныхъ училищъ», которыя въ такомъ случаѣ были бы открыты только на бумагѣ, слѣдовало бы предоставить свободу частному преподаванію, сообразному съ мѣстными потребностями, и исподоволь готовить достойныхъ учителей. Общество чутко на хорошее ученье; въ селахъ и городкахъ бывало много примѣровъ, что съ появленіемъ хорошаго учителя число учениковъ быстро возрастало втрое и вчетверо.

Такимъ образомъ, въ настоящую минуту, предстоятъ двѣ неизбѣжныя потребности: приготовленіе сельскихъ учителей, путемъ неофиціальнымъ, не дожидаясь открытія учительскихъ институтовъ, и содѣйствіе трудамъ частныхъ лицъ для образованія народа, какъ это выражено отчасти и въ проектѣ новаго устава. Въ §§ 337 и 347 сказано: «школы грамотности служатъ къ распространенію первоначальнаго образованія между массою народонаселенія и, по различію средствъ и потребностей, могутъ имѣть курсъ, начиная съ простаго обученія грамотѣ до ученія предметовъ, преподаваемыхъ въ народныхъ училищахъ. Училищное начальство обязано содѣйствовать съ своей стороны всѣми зависящими отъ него средствами къ распространенію школъ грамотности и къ доведенію ихъ до степени правильно организованныхъ народныхъ училищъ.

М. Сухомлиновъ.

IV.

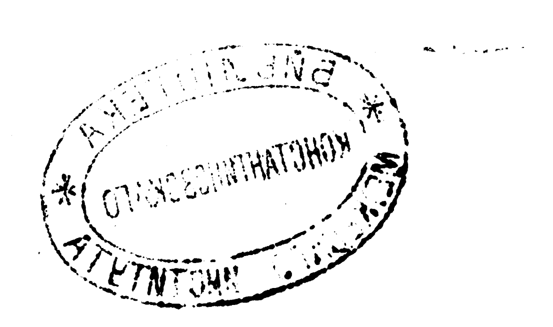
НАУКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ НАРОДНАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ И СУЕВѢРІЯ.

(ПРАВОСЛАВНАГО И СТАРООБРЯДЧЕСКАГО).

При современномъ сознаніи крайней необходимости просвѣщенія темныхъ массъ народа, при теперешней заботѣ объ устройствѣ народныхъ училищъ, крайне необходимо, между прочимъ, предварительное изученіе историческаго развитія и склада той простонародной умственной почвы, которую предстоитъ нравственно обработывать. Этимъ изученіемъ опредѣлятся настоящіе умственные недостатки и потребности народа и укажется характеръ и пріемы самой умственной культуры или сущность и направленіе народно-образовательной системы.

По преобладающей практичности, реальности русскаго народнаго ума, ему, при гуманистическомъ просвѣщеніи, преимущественно необходимо реальное — естество-познавательное и жизненно-практическое образованіе. Уже Мордвиновъ, въ свое время, доказывалъ всю необходимость распространенія въ народѣ, особенно въ сельскомъ, знаній естественныхъ — физики, ботаники, зоологіи, минералогіи, химіи, технологіи и т. п., и въ этомъ полагалъ главный предметъ правительственной заботы. Естественно-реальнаго образованія требуютъ, наконецъ, не только послѣдніе выводы, интересы и направленіе общеевропейскаго просвѣщенія, характеризующагося преимущественно естественными открытіями и изобрѣтеніями, но и, въ особенности, исторически-развившіеся и теперь обнаруживающіеся

IV.

НАУКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ НАРОДНАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ И СУЕВѢРІЯ.

(ПРАВОСЛАВНАГО И СТАРООБРЯДЧЕСКАГО).

При современномъ сознаніи крайней необходимости просвѣщенія темныхъ массъ народа, при теперешней заботѣ объ устройствѣ народныхъ училищъ, крайне необходимо, между прочимъ, предварительное изученіе историческаго развитія и склада той простонародной умственной почвы, которую предстоитъ нравственно обработывать. Этимъ изученіемъ опредѣлятся настоящіе умственные недостатки и потребности народа и укажется характеръ и пріемы самой умственной культуры или сущность и направленіе народно-образовательной системы.

По преобладающей практичности, реальности русскаго народнаго ума, ему, при гуманистическомъ просвѣщеніи, преимущественно необходимо реальное — естество-познавательное и жизненно-практическое образованіе. Уже Мордвиновъ, въ свое время, доказывалъ всю необходимость распространенія въ народѣ, особенно въ сельскомъ, знаній естественныхъ — физики, ботаники, зоологіи, минералогіи, химіи, технологіи и т. п., и въ этомъ полагалъ главный предметъ правительственной заботы. Естественно-реальнаго образованія требуютъ, наконецъ, не только послѣдніе выводы, интересы и направленіе общеевропейскаго просвѣщенія, характеризующагося преимущественно естественными открытіями и изобрѣтеніями, но и, въ особенности, исторически-развившіеся и теперь обнаруживающіеся

крайніе умственные недостатки нашего простаго народа — незнаніе природы и суевѣріе. Въ виду совершающагося преобразованія быта огромной и самой важной массы нашего народонаселенія—крестьянства, въ виду новыхъ потребностей сельскаго хозяйства — главнаго жизненнаго элемента нашего экономическаго быта, потребность реально-естественнаго образованія сельскихъ массъ является особенно ощутительною и настоятельною.

Крайне необходимо и въ высшей степени желательно, чтобъ наши ученые, занимающіеся физикой, и вообще естественными науками, а также сельскимъ хозяйствомъ и медициной, позаботились, наконецъ, по примѣру западныхъ естествоиспытателей, объ изданіи для темныхъ массъ простаго народа популярныхъ этюдовъ или чтеній по разнымъ отраслямъ естествознанія. Это святой долгъ ихъ. Съ этою цѣлью, для наибольшей популярности и удобопримѣнимости такихъ естествознательныхъ очерковъ или чтеній къ умственному уровню или пониманью простаго народа, — весьма полезно и даже нужно нашимъ естествовѣдамъ знакомиться съ исторіей народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Не даромъ такіе западные ученые, какъ напр.: Кювье, Араго, Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Шлейденъ и другіе, издавая свои популярныя естественныя книги или чтенія, прибѣгали къ исторіи естествовѣденія и суевѣрія и даже сами излагали ее. Для нашихъ ученыхъ естественниковъ представляютъ весьма важный и обильный матеріалъ для изученія народныхъ естественныхъ заблужденій и суевѣрій такіе, изстари распространенные въ народѣ, книги и сборники, какъ напр. астрономіи, географіи, космографіи, громовники, лечебники, травники, зелейники, цвѣтники, словари XVI и XVII столѣтій и проч. Всѣ эти и подобные старинные источники народнаго естествовѣденія ждутъ критическаго разбора спеціалистовъ-естествоиспытателей.

Для того, чтобы знать, какія умственныя и нравственныя болѣзни лечить въ народѣ посредствомъ просвѣщенія, занимающіеся исторіей русской жизни и литературы, съ своей стороны, также должны, во первыхъ, приводить въ ясность ту сумму разнообразныхъ понятій о природѣ и физической жизни человѣка, какую накопилъ нашъ народъ въ своемъ міросозерцаніи, въ теченіи тысячелѣтней жизни; во вторыхъ — указывать въ исторіи и литературѣ тѣ источники, изъ которыхъ народъ заимствовалъ свои понятія, вѣрованія или суевѣрія и предразсудки; въ третьихъ — исторически раскрывать удобства или неудобства, плодотворность или безплодность,

пользу или вредъ тѣхъ или другихъ, извѣданныхъ въ нашей исторіи, способовъ и источниковъ народнаго образованія; и, наконецъ, исторически опредѣлять вліяніе изстариннаго, вѣковаго міросозерцанія народнаго на современное состояніе народной умственной жизни, а отсюда, отчасти — и характеръ и потребности такъ насущно-необходимаго теперь народнаго просвѣщенія, и проч. Съ такою мыслію мы, еще въ 1859 году, занялись собраніемъ матеріаловъ для историческихъ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ, именно: очеркъ народнаго христіански-космогоническаго міросозерцанія и взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножителей на природу. Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно очеркъ религіозно-языческаго или миѳологическаго славяно-русскаго міросозерцанія остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные, готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ небезполезнымъ постепенно напечатать, не придерживаясь строго систематическаго порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная библіотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены.

На первый разъ предлагаемъ краткій очеркъ вліянія библейско-византійской санктологіи и пневматологіи на народное міросозерцаніе. Въ ряду другихъ очерковъ, въ полномъ циклѣ народнаго міросозерцанія, этотъ очеркъ необходимъ. Затѣмъ слѣдуютъ очерки мистико-символическаго народнаго міросозерцанія, особенно укоренившагося у нѣкоторыхъ сектъ народныхъ, напр. у людей божіихъ, очерки земледѣльческаго міросозерцанія, очерки народныхъ громовниковъ, травниковъ, зелейниковъ и проч.

I.

Вліяніе библейско-византійскаго ученія объ ангелахъ и святыхъ на народное міросозерцаніе.

Извѣстно, что церковные учители древней Руси строго преслѣдовали народныя миѳологическія воззрѣнія на природу, какъ *«бѣсовскія мечтанья»*, искореняли всѣ эти живые эпическіе образы на-

роднаго міросозерцанія — естественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцевъ и учителей восточно-византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно-византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполнѣ по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне-русскіе книжники, писатели и учители почерпали понятія о мірѣ, во первыхъ, изъ книги бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во вторыхъ, изъ разныхъ греко-восточныхъ толкованій на книгу бытія и на псалмы, особенно изъ толкованія на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія Великаго, изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна Экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ третьихъ, изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполнѣ выразилось восточно-библейское міросозерцаніе; въ четвертыхъ, изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальные источники. Такъ, напр., Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1384 году (Татищ. Ист. IV, 313) Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды: «похвала Творцу міра», книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ. Около половины XVI вѣка встрѣчается въ рукописяхъ восточно-византійское землеописаніе Козмы Индикоплавта, подъ заглавіемъ: «книга, нарицаемая Козма Индикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славнымъ Киръ Козмою [1])». Изъ этихъ и подобныхъ источниковъ древне-русскіе книжники-учители заимствовали понятія о природѣ, преимущественно изъ книгъ библейскихъ и свято-оте-

[1]) Въ предисловіи ея сказано, по списку Макарьевской четьи-минеи: «Въ лѣто 7010 (т. е. 1542 г.) генваря въ 19-й день написаны быша книги сія Козма Индикопловъ повелѣніемъ... архіепископа великаго Пскова и Новгорода, владыки Макарія». Буслаева, Историч. очерки русск. словесн. II, 325. Греческій текстъ изд. и перевед. на латинскій и французскій языки. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum. Edit. Montfaucon, 1706. Parisiis. t. 2).

ческихъ, и на основаніи ихъ старались искоренить миѳологическія начала народнаго міросозерцанія и поучать народъ библейско-византійскому міровоззрѣнію. Не раскрывая въ подробности борьбу и смѣшеніе народныхъ миѳологическихъ понятій съ библейско-византійскимъ ученіемъ, мы въ настоящемъ очеркѣ разсмотримъ только, какъ встрѣтились старыя зооморфическія и антропоморфическія олицетворенія силъ и стихій природы съ церковнымъ ученіемъ объ ангелахъ, святыхъ, и въ какую форму, подъ вліяніемъ этого ученія, видоизмѣнились. Въ этомъ отношеніи, византизмъ особенно выпукло отразился на умственной жизни нашего простаго народа и навѣялъ цѣлую массу своеобразныхъ понятій и суевѣрій.

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учители внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія. Такъ, напр., читаемъ въ Солов. Сборн. подъ № 993: «Епифанія Кипрскаго архіепископа сказаніе, какъ Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ первый день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ ними суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ и осени и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тьмѣ», и проч. [1]). Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ

[1]) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ грековосточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ: *τὰ γαρ ἔθνη ὑπὸ ἀγγέλλους τεταγμένα ἐισιν. ὡς ἐπιμαρτυρεῖ μοι Μοΰσης ὁ ἅγιος τȣ̃ θεȣ̃ θεράπων*..... *καὶ γαρ κινόυμενοι δι ἄγγελοι, κινόισι τὰ ἔθνη ἐις ὁρμὴν ἐκδικίας.* Advers. haeres. t. I lib. 2, cap. 34, pag. 456—457.

роднаго міросозерцанія — естественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцевъ и учителей восточно-византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно-византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполнѣ по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне-русскіе книжники, писатели и учители почерпали понятія о мірѣ, во первыхъ, изъ книги бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во вторыхъ, изъ разныхъ грековосточныхъ толкованій на книгу бытія и на псалмы, особенно изъ толкованія на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія Великаго, изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна Экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина; въ третьихъ, изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполнѣ выразилось восточно-библейское міросозерцаніе; въ четвертыхъ, изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальные источники. Такъ, напр., Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1384 году (Татищ. Ист. IV, 313) Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писиды: «похвала Творцу міра», книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ. Около половины XVI вѣка встрѣчается въ рукописяхъ восточно-византійское землеописаніе Козмы Индикоплавта, подъ заглавіемъ: «книга, нарицаемая Козма Индикопловъ, избранная отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славнымъ Киръ Козмою [1])». Изъ этихъ и подобныхъ источниковъ древне-русскіе книжники-учители заимствовали понятія о природѣ, преимущественно изъ книгъ библейскихъ и свято-оте-

[1]) Въ предисловіи ея сказано, по списку Макарьевской четьи-минеи: «Въ лѣто 7010 (т. е. 1542 г.) генваря въ 19-й день написаны быша книги сія Козма Индикопловъ повелѣніемъ... архіепископа великаго Пскова и Новгорода, владыки Макарія». Буслаева, Историч. очерки русск. словесн. II, 325. Греческій текстъ изд. и перевед. на латинскій и французскій языки. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum. Edit. Montfaucon, 1706. Parisiis. t. 2).

ческихъ, и на основаніи ихъ старались искоренить миѳологическія начала народнаго міросозерцанія и поучать народъ библейско-византійскому міровоззрѣнію. Не раскрывая въ подробности борьбу и смѣшеніе народныхъ миѳологическихъ понятій съ библейско-византійскимъ ученіемъ, мы въ настоящемъ очеркѣ разсмотримъ только, какъ встрѣтились старыя зооморфическія и антропоморфическія олицетворенія силъ и стихій природы съ церковнымъ ученіемъ объ ангелахъ, святыхъ, и въ какую форму, подъ вліяніемъ этого ученія, видоизмѣнились. Въ этомъ отношеніи, византизмъ особенно выпукло отразился на умственной жизни нашего простаго народа и навѣялъ цѣлую массу своеобразныхъ понятій и суевѣрій.

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учители внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія. Такъ, напр., читаемъ въ Солов. Сборн. подъ № 993: «Епифанія Кипрскаго архіепископа сказаніе, какъ Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ первый день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ ними суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ и осени и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тьмѣ» и проч. [1]). Мысль эта, развитая учителями грековосточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ

---

[1]) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ грековосточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ: *τὰ γαρ ἔθνη ὑπὸ ἀγγέλλους τεταγμένα εἰσιν. ὡς ἐπιμαρτυρεῖ μοι Μοϋσῆς ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ θεράπων..... καὶ γαρ κινόυμενοι δι ἄγγελοι, κινόισι τὰ ἔθνη ἐις ὁρμὴν ἐκδικίας.* Advers. haeres. t. I lib. 2, cap. 34, pag. 456—457.

въ своей лѣтописи слѣдующее событіе, и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ: «въ лѣто 6618 было знаменіе въ печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явился столпъ огненный отъ земли до небеси и молнія освѣтила всю землю и въ небеси громъ потремѣлъ въ первый часъ ночи, и весь міръ видѣлъ: а столпъ этотъ сперва сталъ на трапезницѣ каменной, такъ что не видно было креста, и постоявъ мало, спустился на церковь и сталъ надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступилъ на верхъ какъ бы къ востоку лицемъ, и потомъ невидимъ былъ. А это былъ не огненный столпъ, ни огонь, но видъ ангельскій: ибо ангелъ такъ является, иногда столпомъ огненнымъ, иногда же пламенемъ, какъ сказалъ Давидъ: творяй ангелы своя духи и слуги своя огнь пламенъ, и посылаются они повелѣніемъ божіимъ, куда хочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ ангеловъ и человѣковъ: ибо ангелъ приходитъ, гдѣ добрыя мѣста и молитвенные домы, то огненнымъ образомъ, то столпомъ, то другимъ видѣніемъ, какъ можно видѣть людямъ: ибо нельзя людямъ зрѣть естества ангельскаго, какъ и Моисей великій не возмогъ видѣть ангельскаго естества, ибо водилъ ихъ днемъ столпъ облачный, а ночью столпъ огненный: то это не столпъ водилъ ихъ, но ангелъ шелъ передъ ними ночью и днемъ. Такъ и это явленіе показывало нѣчто, чему было быть и было: ибо на второе лѣто, не ангелъ ли былъ вождемъ на иноплеменниковъ и супостатовъ, какъ сказано: ангелъ предъ тобою предъидетъ, и опять: ангелъ твой буди съ тобою, какъ пророкъ Давидъ говоритъ: яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ. *Какъ пишетъ премудрый Епифаній:* къ каждой твари приставленъ ангелъ: ангелъ облаковъ, и мглы, и у снѣга и града, и у мороза, ангелы въ звукахъ и громахъ, ангелъ зимы и зноя, и осени, и весны, и лѣта, и всему духу твари его на землѣ, и у преисподней тмы и у сущей въ безднахъ, бывшей древле вверху земли, ангелъ вѣтра и ночи и свѣта и дня, ко всѣмъ тварямъ ангелы приставлены», и проч. [1]).

Въ древне-русской письменности, въ книжной литературѣ попадаются любопытныя умствованія о явленіяхъ природы, въ которыхъ представляются дѣйствующими ангелы. Напр., въ концѣ житія Кирилла Бѣлозерскаго, по Солов. рукоп. подъ № 219, читаемъ такую бесѣду Епифанія съ св. Андреемъ «о водахъ, и о дожди, и о грому,

[1]) Лѣтоп. Нестора стр. 121.

и о молніи». «Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ *ци* (новгород. вопросительное *ли?*) отъ инудѣ въ облакы входитъ? Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ Божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхи, и наливаетъ облачной воды: да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть буренъ вельми и смущаяся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ человѣцы навыкли называти громомъ; понеже скрежетъ облакы, готовя путь, да быша пріяли воду, да егда пріидетъ духъ правый громный и отпустить облаки, тогда паки входитъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержащее ихъ и воду, и прежь пойдетъ духъ сущій въ немъ съ громомъ пути творя водамъ, хотящимъ пріяти на облацѣхъ, да тако пущаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови громятъ; громъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ грома бываетъ дождь. *Но не о себѣ сами ти облацы дожди даютъ, а владыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, (ангеловъ приставилъ) да ихъ направляютъ и на всю твар небесную.* Епифаній рече: откуду исходитъ молнія? Андрей рече: трубы облачные собираютъ отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напивше восходя избываютъ изъ себя воду въ сокровенныя бездны: да егда наполнятъ вся, отходятъ на страну на мѣста своя и пребываютъ недвигующеся, потомъ же молнія утвержденіе е(сть) сокровище тмѣ и содержитъ въ себѣ воду ту, и подаетъ ю всю соль искренну (sic), аще есть морская вода та; *таже исходитъ ангелъ Господенъ явъ, древомъ честнаго креста разслажаетъ воды ты*, таже потомъ молнія та приходитъ предъ громомъ сущая во облацѣхъ на низъ и прежь очищаетъ и приготовляетъ. Пророкъ бо глаголетъ: молнія, рече, вождь сотворилъ есть Богъ; и паки другій пророкъ глаголетъ: молнія направляя воды и погреманіемъ разсѣвая капля по облакомъ», и проч.

Такія статейки читали народные грамотники, и подчасъ прочитывали и пересказывали ихъ народу. Самъ народъ нерѣдко могъ слышать подобное ученіе о духахъ, или ангелахъ грома, молніи, дождя и проч. въ церкви, гдѣ читалось подобное толкованіе Епифанія; могъ слышать его и отъ монаховъ-грамотниковъ, которые тол-

нами бродили тогда по деревнямъ, особенно отъ старцовъ посельскихъ, могъ слышать въ столь обычной въ древней Россіи бесѣдѣ съ подвижниками, которые, какъ напр. Кириллъ Бѣлозерскій, любили иногда заниматься такими библейско-физическими созерцаніями. И вотъ неудивительно, что грамотникъ народный, и даже сельскіе колдуны и колдуньи стали вѣрить, что повсюду въ природѣ пребываютъ и дѣйствуютъ особые духи-ангелы; не подозрѣвая невидимыхъ силъ и законовъ физическихъ, стали видѣть ангеловъ въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ прежде видѣли Перуновъ, Хорсовъ, Гордуковъ и т. д. Византійская апокрифическая бесѣда трехъ святителей, передѣланная на славяно-русскій ладъ, подкрѣпляла это вѣрованье. Въ ней народные граматники читали такое толкованіе о духахъ грома и молніи: «Иванъ рече: отъ чего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть; елленскій старецъ Перунъ, и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина. Вопросъ: что есть громъ и молнія? Толкъ: ангелъ господенъ летая біетъ крилома и гонитъ дьавола. Молнія суть свиты ангельскія. И егда идетъ дождь, тогда дьяволъ станетъ. И егда молнія ходитъ, стрекаются, то со гнѣвомъ ангелъ господенъ зритъ на дьявола» [1]). Какъ по ученію гностиковъ, были особые ἄγγελοι κοσμοκράτορες, былъ ἄγγελος τῦ ἡλίυ (ангелъ солнца), такъ и по русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются дѣйствующими духи Божіи-ангелы, напр. былъ особый *«ангелъ въ солнцѣ»*. Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу *«о всей твари чтеніе, гдѣ сказано, какъ 300 ангелъ солнце воротятъ»*. Въ глубокой древности образовалось и доселѣ существуетъ между нашими поселянами повѣрье, что *каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды*. Вечеромъ каждый ангелъ *зажигаетъ свою звѣзду какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее*. (Отеч. Зап. 1842 г. № 6. Ст. Мельникова, стр. 51. Архивъ историко-

[1]) Сборн. № 1138. Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ такъ же читаемъ о *молніи* и *громѣ*: *«девять ангеловъ*, обравшись на небеси, радуются о о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями; и отъ ударенія крыльями облака идутъ *по аеру, гремятъ и дождятъ*, а *отъ силы ангельской* исходитъ *огонь и молнія* съ великимъ громомъ на проклятаго змѣя». Ркп. проф. Григоровича. У Буслаева Историч. очерки русск. словесн. 1, 501.

юридич. свѣд. о Россіи. Кн. 1, 1854, отдѣлъ VI, стр. 8). И сочинилась такимъ образомъ въ народномъ міросозерцаніи, если можно такъ выразиться, физіократія ангельская. Придумано было много ангеловъ лишнихъ, небывалыхъ, вовсе невѣдомыхъ и до третьяго небеси восхищеннымъ. Стихъ изъ любимаго народомъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго», которымъ и доселѣ заговариваются простолюдины «отъ вещи во тмѣ преходящей, отъ зрящаго и бѣса полуденнаго», который въ сельскихъ манукануницахъ или сборникахъ заговоровъ и наговоровъ замѣнялъ древнее языческое «прославленье», стихъ этого псалма: «яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ» утверждалъ народъ въ вѣрѣ, что точно во всѣхъ путяхъ есть ангелы-хранители. Древне-русскіе народные грамотники вѣрили въ бытіе особыхъ ангеловъ въ каждой области природы. Они знали, какое проявленіе, или какой случай физической жизни человѣка отъ какого именно ангела зависитъ. Они представляли особаго ангела въ горахъ и въ пустыняхъ, особаго ангела на рѣкахъ и моряхъ, особаго ангела во тмѣ ночной, вѣрили въ особаго ангела физическаго здоровья, въ ангела утверждающаго домъ, въ ангела, невидимо осѣняющаго питье и пищу, пиво и хмѣль и всякое употребляемое человѣкомъ произведеніе природы. Въ старинныхъ сборникахъ находятся особыя статьи о такихъ физическихъ разрядахъ или раздѣленіяхъ ангеловъ. Наприм. въ Сборникѣ солов. библ. подъ № 889 читаемъ такую статью: «Азъ, Григорій рече, пріидохъ ко ангелу и рѣхъ ему сія: скажи ми Господи ангеле [1])! Аще плаваеши въ лодіи, помяни святаго ангела Гавріила, и избавитъ тя отъ всякаго зла, аще хощеши итти по горамъ, или по пустынямъ, помяни св. ангела Разаила, соблюдетъ тя, аще воду піеши, помяни св. ангела Ноиля, во дни и въ нощи... егда ложися спать, помяни святаго ангела Помаила, той бо есть ночный стражъ намъ спящимъ; егда будеши въ печали, помяни ангела Аѳонаила, той бо есть утѣшитель ангеламъ и человѣкамъ; егда стяжеши домъ, или храмъ ставиши, помяни святаго ангела Мисаила, той бо есть утвержденіе храму; возставая изъ утрія, помяни святаго ангела Михаила, тогда веселъ день имаши; егда наліеши пиво или медъ, или иное что, помяни святаго ангела Рахваила, споро ти будетъ; егда идеши тягатися, помяни святаго ангела Уріила, скоро потяжеши; егда идеши на путь, помяни святаго ангела Ру-

[1]) Здѣсь въ рукописи чего-то кажется не достаетъ по ходу рѣчи.

сила — супротивникъ не будетъ; егда идеши въ пиръ — помяни святаго ангела Панѳараона» [1]).

Вѣря въ ангельское міроправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эпическое міросозерцаніе представляло ихъ духами, или силами, борющимися съ враждебными началами и силами миѳологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, побораюющія зловредныя силы и начала физической жизни [2]). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святыми, изображаются въ народныхъ суевѣрныхъ наговорахъ или заговорахъ и заклятіяхъ новаго, христіанскаго цикла. Какъ въ языческихъ заговорахъ или наговорахъ и заклятіяхъ являются дѣйствующими исключительно религіозно-миѳическія олицетворенія Перуна, Дажьбога, Стрибога, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, огонь, вода, роса утренняя и вечерняя, звѣзды и проч., такъ въ переходныхъ отъ язычества къ христіанству заговорахъ или наговорахъ новаго, *двоевѣрнаго*, миѳически христіанскаго склада или цикла являются дѣйствующими силами главнымъ образомъ ангелы и святые. Старые язычески-миѳологическіе оттѣнки только подкрашиваютъ эти новые христіански-языческіе или *двоевѣрные* заговоры.

---

[1]) Эта статья отчасти напоминаетъ намъ извѣстную апокрифическую четвертую книгу Эздры, гдѣ также Эздра вопрошаетъ сначала какого-то не названнаго по имени ангела, потомъ ангела Уріила, за тѣмъ архангела Іереміила о различныхъ тайнахъ бытія міра и человѣка, обращаясь къ нимъ обыкновенно съ такимъ вопросомъ: Loquere mihi dominus meus. Спрашиваетъ напр. о томъ: quare medici et mali anni nostri и т. п. Изъ отвѣтовъ ангеловъ на такіе вопросы о таинственномъ или конечномъ значеніи для человѣка разныхъ предметовъ и явленій міра состоитъ большая часть второй главы и третья и четвертая главы. Fabricii, Codex apocriphor. Volum. II p. 202 — 287.

[2]) Какъ у древнихъ грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, *δαίμονες, πνεύματα, ἀγαθὸς δαίμων, κακὸς* или *πονηρὸς δαίμων, νύμφαι, μοῖραι, κῆρες* и проч., у нѣмцевъ и скандинавовъ свои elfen, vätten, döckälfar (dunkelelbe, genii obscuri) и liosälfar (lichtelbe) и проч., — такъ и у славянъ были особые духи воздушные, поднебесные, дивы, русалки, вилы, *градъ градившія отъ облака*. Подъ вліяніемъ христіанскихъ апографическихъ книгъ, всѣ эти демоны стали признаваться *подлунными воздушными злыми демонами* и *подсолнечными ангелами*, такъ же какъ у германцевъ, по словамъ Гримма, an sich gleichen liosälfar und svartälfar (döckälfan) hinreichend den christlichen *Engeln* und *Teufeln*. (D. M. 415). Такъ въ Луцидаріусѣ читаемъ: «*отъ земли даже до луны лукавіи дуси, демони* тѣ суть поставлени, человѣки отъ воздуха прельщающе, а *отъ луны даже до звѣздъ пребываютъ святіи ангели;* сіи суть поставлени, да человѣки хранятъ отъ лукавыхъ бѣсовъ». (Лѣтоп. р. литер. I, II, стр. 44, 1859).

Въ такомъ видѣ изображаются въ этихъ послѣднихъ заговорахъ и ангелы и святые. Ангелы напр. разгоняютъ злыхъ духовъ, удаляютъ въ образѣ миѳическаго Нежита, враждебную жизни силу, въ пустыя горы и въ звѣрей. Такъ въ одной сербской молитвѣ Нежиту, распространенной и въ древней Руси, читаемъ: «поиде 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь несеще, 7 ножь остреще и срете ихъ архангелъ Гавріилъ и рече имъ: камо идете 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь несеще, 7 ножь остреще, и рѣше ему і: идемъ Нежита осѣщи изъгнати». Или въ другой молитвѣ тому же Нежиту читаемъ: «седмь десять ангелъ, семдесять архангелъ, и срѣте и святый Михаилъ и Гавріилъ и святый Козма и Домiане. И рекоша емоу: камо идеши Нежите. И рече имъ Нежить: Идоу человѣчу главу кости предомити, мозъга сръцати. Рекоша емоу: Иди въ поустоую гору и вынедъ въ Еленю (оленью) главу и останися раба божія имрекь и тоу клетву да имаши, и иже смѣшаеть воду, подобне и есть егда станешь добрѣ. Станещь страхомъ тако да станеть съ Нежить». Въ третьей молитвѣ святый Михаилъ-Гавріилъ такъ заклинаетъ и поборáетъ злое начало небытія и смерти: «Святый Михаилъ-Гавріилъ гредите възьмь жедѣзънь зоукъ желѣзнь стрѣлы стрѣлати хоте елена и еленоу и не обрѣте тоу елена и еленоу и обрѣте Нежита, иже сидеще на мырадѣпивъ (sic) и въпроси его: что ты еси иже сѣдищи на мырадѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже человѣче глава расцѣплю и мозъгь исрьчу, кръвь емоу пролею. И рече ему Михаилъ Гавріилъ. проклеты проклеты Нежите. не мозъга сръчи. ни главы расцѣпи, нъ иди въ пустую гороу вълѣзи въ еленоу главоу, та ти есть трьпѣлива трьпѣти те. аще ли же по семь дни обрѣщоу. любо же посѣкноу. любо же прострѣлю. И взмолися Нежить непосѣци и не прострѣли мнѣ. да бѣжоу въ гору и въ еленю главу егда имать по три земле» [1]). Особенно у старообрядцевъ сохранилось множество такихъ

---

[1]) За сообщеніе этихъ «молитвъ Нежиту» приношу искреннюю благодарность В. И. Григоровичу. Въ нѣмецкихъ эпическихъ заговорахъ и заклятіяхъ ангелы также представляются дѣйствующими лицами. См. Grimm, D. M. Beschwörungen. IX и XLVII. Haup. Spruch gegen Diebe начинается: Wie Maria im Kindbette lag *drei Engel* ihr da pflagen: der erste hiess *S. Michael*, der ander *S. Gabriel*, der dritte hiess *Rafael* и проч. S. CXLVI. Въ заклятіи gegen vendsel (gicht, gliedschmerz) также упоминаются 12 gudds engle. S. CXLVIII. Заклятіе подъ № VIII *reisesegen* начинается: ic dir nach sihe, ic dir nach sendi mit minen funf fingirin *funvi undi funfzic engili*. Въ заклятіи подъ № IX: Herre *Sce Michahel* hinte wistu N. sin schilt und sin sper и проч. Заклятіе *feuersegen* читается: mein haus das sei mir umbeschwaifen *mit engelischen vaifen*, mein haus *sei mir bedeckt mit einer engelischen deck.*» S. CXL.

заговоровъ или заклятій, въ которыхъ являются дѣйствующими ангелы, архангелы, преимущественно Гавріилъ-архангелъ, Михаилъ-архангелъ, вмѣстѣ съ разными святыми и пророками. Представляя въ духовно-нравственномъ развитіи массы народной самобытный, свободный переходъ народной мыслительности или народнаго духа отъ чисто-миѳологическаго, языческаго міросозерцанія къ свободному, своеобразному міросозерцанію христіанскому, церковно-библейскому, — русское старообрядство преимущественно создавало заговоры или заклятія, такъ же какъ разныя эпическія пѣсни, новаго цикла, новаго духовно-христіанскаго содержанія, сохраняя въ то же время и старую, религіозно-языческую ткань или перво-основу ихъ. Въ приложеніи къ этой статьѣ присовокупляемъ нѣсколько старообрядческихъ заговоровъ новаго христіанско-миѳологическаго цикла, въ которыхъ въ миѳическихъ образахъ представляются ангелы, вмѣстѣ съ святыми.

Наконецъ, въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. Такъ напр. въ народномъ травникѣ читаемъ: «есть трава *именемъ архангелъ*, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь златую или серебряную гривну, и та трава носитъ и тотъ человѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человѣка», и проч. Въ полѣ, на цвѣтахъ, вмѣстѣ съ птицами, народная поэзія созерцала ангеловъ, и слышала гласы архангельскіе. Пѣсни *людей Божіихъ* исполнены такими образами.

На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія;
Воспѣваютъ онѣ пѣсни архангельскія.
А съ ними поютъ всѣ ангелы,
Всѣ ангелы со архангелами,
Съ Серафимами, съ Херувимами.
И со всею силою небесною,
Воспѣваютъ они пѣсню: Христосъ воскресе [1])!

---

[1]) Подобное представленіе находимъ и въ древне-нѣмецкой поэзіи:

Da hört man süss erklingen
Der Vögelein Getön,
Und auch die Engel singen
Ihr Melodie gar schön.—Geschich. d. deutsch. Kirchenlied. стр. 111—112.

«Была быль, говорить одна народная легенда [1]), на крышѣ одного бѣднаго дома сидѣли три голубя: проходитъ мимо этого дома проѣзжій: что такое, говоритъ, сидятъ три голубя на этомъ домѣ, и порываются порхнуть вверхъ къ небесамъ. Заходитъ въ домъ, и узнаетъ, что тутъ бѣдная мать умертвила своихъ трехъ маленькихъ дѣтей, не имѣя никакихъ способовъ и никакой надежды прокормить ихъ. Вотъ эти голуби, сказываетъ легенда, — это три ангела Божіихъ прилетѣли за душами младенцевъ и хотятъ унести ихъ на небеса».

Святые еще болѣе важную роль играли въ средневѣковомъ міросозерцаніи, чѣмъ ангелы. Они замѣнили въ народномъ міровоззрѣніи языческихъ героевъ и полубоговъ. Какъ въ западномъ средневѣковомъ міросозерцаніи пророкъ Илія, святые Георгій и Хризостомъ играли роль языческихъ героевъ, полубоговъ, побѣдителей и умертвителей дракона, другіе святые замѣнили языческихъ боговъ и богинь, напр. Frau Lutz (Sancta Lucia) замѣнила Берту, Норвежскій св. Olaf — Тора, Славянскій Sanct Vitus — Святовида, и проч., такъ и въ нашемъ міросозерцаніи и поэзіи съ такимъ же полумиѳическимъ характеромъ и значеніемъ является пророкъ Илія, Георгій храбрый, Власій и другіе святые [2]).

Извѣстно, какъ народъ нашъ донынѣ еще объясняетъ явленіе грома, молніи и дождя: то Илья пророкъ, говоритъ онъ, ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу и проливаетъ дождь на землю. Такая христіанско-миѳологическая персонификація грома въ образѣ пророка Иліи, очевидно, стоитъ въ тѣсной, преемственной связи съ древне-языческимъ олицетвореніемъ грома и молніи въ образѣ Перуна громовержца. Отъ чего же, въ народно-христіанскомъ міросозерцаніи, именно Илья пророкъ является персонификаціей или производителемъ грома, молніи и дождя? Откуда могло взяться такое представленіе? Вникая въ духовно-литературное происхожденіе и развитіе народныхъ понятій, кажется, несомнѣнно можемъ сказать, что поводъ къ такому объясненію грома, молніи и дождя подала отчасти наша древняя церковная

---

[1]) Записана въ Казани, отъ крестьянина изъ села Кавалей (русскихъ).

[2]) Гриммъ подробно раскрываетъ это, и вообще замѣчаетъ: Eine gewisse Analogie hat die Übertragung der heidnischen Mythe von Göttinnen und Göttern auf Maria und Heilige von Elben auf Engel. D. M. 5. 10, (Einleitung).

литература. Во первыхъ, въ сборникахъ [1]) помѣщались такія объясненія молніи: «Молнія есть сіяніе огня, сущаго вверху на тверди; небесный же огнь, то ты разумѣй *рно* сущій, *его же Илія молитвою сведе* на полѣна и на всесожженіе: *сего огня сіяніе есть молнія*». Во вторыхъ, на иконѣ пророка Иліи, на свиткѣ, наши иконописцы писали обыкновенно слѣдующій стихъ изъ книги царствъ, гдѣ говорится о пророкѣ Иліѣ, понимая подъ «огнемъ и гласомъ свѣта по огни» громъ и молнію: «се духъ великъ и крѣпокъ расточая горы и сокрушая каменія, и не въ дусѣ Господь и въ дусѣ трусъ, и не въ трусѣ Господь, и по трусѣ огнь, и ни во огни Господь, и по огни гласъ свѣта, и ту Господь» [2]). Въ третьихъ, въ канонахъ церковныхъ въ честь русскихъ святыхъ часто встрѣчались выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «*возгремѣвый Илія на колесницѣ*.... яко *на огненной колесницѣ* чистотою востече въ небесная жилища.... Фезвитянину Иліи поревновавъ, якоже *сей огненною колесницею къ небеси востекъ*» и т. п. [3]). Въ канонѣ послѣдованія во время бездождія, въ 8-й пѣснѣ народъ слышалъ такую молитву: «*Илія* словомъ *дождь* держитъ на земли, и паки словомъ съ *небесе низводитъ*» и проч. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ церковныхъ, предлагавшихся народу въ церкви, въ день пророка Иліи, встрѣчаются такіе образы въ похвалахъ пророку Иліѣ, которые простолюдина невольно наводили на его извѣстное представленіе. Напр. одно поученіе на праздникъ пророка Иліи [4]) такъ начинается: «Нынѣ свѣтозарное солнце небеснаго круга шествія *огненныхъ конь* свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти *огненоснаго пророка Иліи*.... *Илія огненоносный* Христову пришествію вторый предтеча, *Илія тученосный облакъ, Илія небопарный орелъ*» [5]) и

---

[1]) Напр. въ вышеупомянутомъ сборникѣ подъ № 219, въ статьѣ *о громѣ и о молніи*.

[2]) Сборн. № 861.

[3]) Сборн. № 923: канонъ Макарію Желтоводскому, ирм. пѣснь 5. Также въ рукоп. жит. Ант. Сійск. въ Канонѣ.

[4]) Сборникъ, № 804.

[5]) Могъ отчасти имѣть вліяніе на образованіе народнаго понятія о пророкѣ Иліи, какъ производителѣ молніи и дождя, слѣдующій апокрифъ, находящійся въ Сборн. Солов. библ. № 844, л. 237 об.: «Илія седмь дѣйствъ сотвори, яже суть сія: три лѣта и шесть мѣсяцъ бездождіе наведе, огнь съ небесе сведе, дождь сведе, огнемъ пятдесятные старѣйшины съ области попали». Въ греческомъ подлинникѣ этотъ апокрифъ читается такъ: *τίνα ἐστι τὰ διὰ ἠλιȣ γενόντα θαυμασα σημεῖα... πῦρ ἐξ ȣρανȣ͂ ἐπὶ τὰ ἱερεῖα κατήγαγε. ὑετὸν ἐξ ἀνομβρίας προειπὼν*

т. п. Слыша такимъ образомъ въ церкви, что Илія огненосный и тученосный на огненныхъ коняхъ шествіемъ по небесному кругу просвѣщается, что Илія Ѳесвитянинъ возгремѣлъ на огненной колесницѣ, что Илія тученосной облакъ дождь на землю низводитъ и проч., — народъ, настроенный къ миѳической персонификаціи явленій природы, легко могъ понять буквально всѣ эти образныя выраженія церковныхъ книгъ, принять ихъ за физическую дѣйствительность. И такимъ образомъ Илья пророкъ сталъ въ его міросозерцаніи тѣмъ, чѣмъ прежде былъ Перунъ, огненосный и тученосный громовержецъ, небопарный орелъ, метавшій кремни и кремницы, Перунъ, также разъѣзжавшій по небесному кругу на огненныхъ коняхъ и гремѣвшій своей огненной колесницей. Сохранилось свидѣтельство отъ XV в., что народъ нашъ давно уже держится того вѣрованія, будто Илья пророкъ гремитъ ѣздя по небу на колесницѣ, пущаетъ молнію по облакамъ и гонитъ змія огненнаго — языческое олицетвореніе молніи, зооморфическій прообразъ Перуна въ послѣдовательномъ развитіи миѳологическаго міросозерцанія. Такъ, въ вышеупомянутой бесѣдѣ Епифанія съ Андреемъ читаемъ: «Епифаній рече: по праву ли сіе глаголютъ, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣздя гремитъ, молнія пущаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый же рече: не буди то чадо, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ пріимати: человѣцы бо умовредни суть, да по своему безумію написали. Илья бо на небеса не взыде, ни на колесницѣ сѣдитъ благодать имѣя на дожди, да ся молитъ Богу, да въ годину бездождія дабы Богъ далъ на землю дождь. А на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ сынъ человѣчь, иже есть на небеси. Илья живъ есть, и есть на земли во плоти своей, и никто же его не знаетъ. Живъ и Енохъ посреди людей ходитъ и никтожъ его не вѣсть. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ, и есть въ мірѣ семъ якожь жемчюгъ посреди каду оставленъ, да будетъ на земли вмѣсто во плоти Іисуса Христа, да ся молитъ за грѣхи наша» [1]).

Въ старину, какъ видно изъ церковнаго новгородскаго чиновника, въ Ильинъ день и послѣ Ильина дня, въ теченіи недѣли, были *по завѣту* крестные ходы въ *Ильинскую* церковь на Славнѣ улицѣ съ

ἔσεσθαι, εὐθέως ἐπήγαγε πεντηκόταρχον ἐπ αὐτον ἐλθόντα, παρασάσεως ἕινεκα τῆς προτὸν βασιλέα, καὶ τὺς πεντήκοντα αὐτῦ, φορᾶ πυρὸς ὀρανίυ ἐνέπρησε, и проч. Fabric. codex. Apocryph. t. 1., Hypamnesticum. s. 193.

1) Сборн. Сол. библ. № 219.

молебнами *о дождѣ или о ведрѣ пророку Иліи.* Такимъ оброзамъ церковь новгородская утверждала народное вѣрованіе и придавала ему санкцію. (Чтен. Моск. общ. истор, кн. I за 1861 г. ч. III, стр. 21). Въ замѣчат. стихѣ о 12 пятницахъ, сообщенномъ изъ села Шельбово Юрьевскаго уѣзда, читаемъ:

Шестая великая пятница
Противъ *Иліи пророка божія.*
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу взятъ былъ Илья въ живѣ на небеса.
Кто станетъ той пятницѣ поститься,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ *отъ грома.*
(Этногр. сбор. V, смѣсь 34).

Что касается до олицетворенія грома и молніи съ дождемъ въ образѣ пророка Иліи, то надобно замѣтить, что онъ представляется молніеноснымъ и тученоснымъ громовержцемъ не у насъ только, но и у прочихъ славянъ и у нѣмцевъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ пророкъ Илія называется *громовитымъ:* «Удьри громом громовит Илја». По одной пѣснѣ, молнія, олицетворявшаяся прежде въ Перунѣ, передала свои аттрибуты Ильѣ:

Стаде Муне даре дијелити:
даде Богу небесне висине,
святомъ Петру петровске врутине,
а Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а *Иліи муње и стријеле.*

Въ нѣмецкой средневѣковой поэзіи господствовали точно такія же представленія, какъ видно напр. изъ слѣдующаго стиха, приведеннаго Гриммомъ:

Quedent sum giwâro,
Helias sis *ther mâro*,
ther thiz lant sô *tharta*,
then *Himil* sô *bisparta*,
ther iu ni *Liaz* in nôtin *regonon* then liutin,
thuangta si giwâro harto filu suâro.

Григорій Турскій въ предисловіи къ своей второй книгѣ тоже говоритъ: «meminerit (lector) sub Heliae tempore, qui pluvias cum voluit

abstulit, et cum libuit aventibus terris infudit. По скандинавской средневѣковой сагѣ о явленіи антихриста, пророкъ Илія въ концѣ міра снова будетъ сѣвернымъ Богомъ грома [1]).

По другому народному сказанію, громъ происходитъ отъ колесницы Божіей, когда высокій царь самъ носится на ней по воздуху, или движетъ ее духомъ своимъ святымъ и разгоняетъ нечистую силу. Въ Сборн. Соловецк., подъ № 923 встрѣчаемъ такое, темное впрочемъ мѣсто: «Богословъ, съ небеси жъ страсти, громи и тресканія з мол (молнія?). Егда громъ гремитъ, высокій царь ходяй по земли въ грому, обладая молніями и призывая воду морскую, проливая на лице всея земли дождь, — о великій и страшный Боже, самъ суди врагу діаволу! Должны убо есьмы плакати горько, понеже очищеніе безъ плача не бываетъ: видѣхъ бо малы капля, яко кровь со болѣзнію изливаемы, и видѣхъ источники безъ болѣзни происходяща». Мысль, что громъ прогоняетъ нечистыхъ духовъ и призываетъ людей на молитву, мысль общая въ древней Руси, повела къ сочиненію особой народной молитвы грому. «Сія молитвы глаголати, егда громъ возгремитъ: святъ, святъ, святъ! Сѣдый въ грому, обладывый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Другая молитва къ тому же грому: «Боже страшный, Боже чудный, живый въ высшихъ, сѣдяй на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями, призывая воду морскую и проливая на лице всея земли. Боже страшный! Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Молитвы эти уже существовали въ началѣ XV вѣка, и, какъ видно, извѣстны были новгородскому лѣтописцу начала XV вѣка.

Какъ Илья пророкъ сталъ, на взглядъ народный, олицетвореніемъ грома, молніи и дождя, въ замѣнъ Перуна громовержца, такъ Іоаннъ креститель сталъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи олицетвореніемъ миѳическаго лѣтняго *огненнаго солоноворота*,

[1]) Grimm. D. M. S. 117. Точно также и полухристіанскіе кавказскіе народы почитаютъ Илію Богомъ грома; осетинцы почитаютъ огненнаго, молніеносмаго змія и также сближаютъ его съ Иліей, представляя Илію олицетвореніемъ, воплощеніемъ молненнаго змія. Klaproths Reise in den Kaukasus 2, 601, 606.

на мѣсто двухъ языческихъ *варожичей* — *солнца и огня*. Такъ какъ солнце въ іюнѣ, въ славянскій мѣсяцъ *кресникъ*, въ мѣсяцъ *огня и жизни*, достигши высшаго проявленія въ развитіи растительности, въ оплодотвореніи всякой лѣтней жизни, въ нагрѣваніи водъ, въ жгучихъ жарахъ, солнопекахъ лѣта, поворачиваетъ съ этого времени, по народному міропредставленію, съ лѣта на зиму, какъ огненное колесо, и такъ какъ около 23-го іюня славяне, во времена язычества, праздновали лѣтній солноворотъ, въ образѣ купалы, — то со времени христіанскаго, церковнаго мѣсяцеслова, празднованіе *Креса*, іюньскаго солноворота, Купалы пало на 23-й день іюня, на день Іоанна предтечи. Такое соединеніе древне-языческаго представленія о лѣтнемъ солноворотѣ съ днемъ Іоанна предтечи, кромѣ совпаденія древне-языческаго праздника Купалы съ днемъ Іоанна крестителя, могло также утвердиться подъ вліяніемъ своеобразно-понятыхъ народомъ церковно-книжныхъ названій Іоанна предтечи *денницей солнца*, *предтечей солнца*. Народъ представлялъ и до нынѣ представляетъ, что въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ — серебряномъ, золотомъ и бриліянтовомъ, на встрѣчу мѣсяцу. И вотъ Іоаннъ креститель, какъ предтеча солнца, представился ему, по его непосредственно-натуральному, антропоморфическому міросозерцанію, предтечей солнца на поворотномъ пути къ зимѣ. Къ тому же, и сами благочестивые книжники древней Руси называли Іоанна предтечу *пресвѣтлымъ солнцемъ*. Въ древней повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ, *како игры творили*, читаемъ: «множество дѣвъ и женъ стеклись на бѣсовское сборище, въ ночь, въ которую родился *пресвѣтлое солнце* — великій Іоаннъ креститель, его же ради вся тварь неизрѣченно возрадовалась [1]).

[1]) Истор. оч. рус. нар. словесн. Буслаева, 11, 14. Западные теологи среднихъ вѣковъ также представляли Іоанну предтечу подъ образомъ свѣта (lumen et lucerna), предшествовавшаго солнцу. Joh. Beleth, парижскій теологъ, около 1162 года такъ писалъ въ своемъ сочиненіи Summa de divinis officiis: feruntur quoque (in festo Johannis bapt.) brandae sev faces ardentes, et fiunt ignes, qui significant sanctum Johannem, qui fuit lumen et lucerna ardens, praecedens et praecursor verae lucis...; rota in quibusdam locis volvitur, ad significandum, quod sicut sol ad altiora sui circuli pervenit, nec altius potest progredi, sed tunc sol descendit in circulo, sic et fama Johannis, qui putabatur Christus, descendit, secundum quod ipse testimonium perhibet dicens: me oportet minui illum autem crescere (ed. 1572, cap. 137. †. 256).

Въ древне-русскомъ книжномъ ученіи съ именемъ Іоанна предтечи соединялась также надежда на довольство и достатокъ. Такъ въ одномъ сказаніи о 12-ти

Итакъ, съ именемъ Іоанна предтечи, подъ миѳологическимъ образомъ *Ивана-Купалы*, народное міросозерцаніе соединяло. во-первыхъ, религіозно-миѳическую идею и санкцію высшаго, окончательнаго лѣтняго проявленія все-возбуждающаго, все-оплодотворяющаго вліянія солнца на природу, идею и санкцію возбужденія и дѣйствія, во время такъ называемаго лѣтняго солнцестоянія, (solstitium древнем. sunewende — sunnewende) всѣхъ силъ и стихій природы — воды, огня, силы растительной. и проч. Оттого, ночь на Ивановъ день сопровождалась 1) собираніемъ травъ, 2) купаньемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганьемъ черезъ нихъ. Всѣ эти обряды отчасти сохранились и до нынѣ. Въ пословицахъ, собранныхъ Далемъ, они такъ исчисляются: «въ ночь Ивана купалы собираютъ лечебныя и знахарскія коренья и травы; Ивана купалы — костры, прыгаютъ черезъ купальницкіе огни, въ Ивановъ день купаются въ водѣ и росѣ, пляшутъ вокругъ дерева Марины (символическаго чучела зимы); вѣдьмы собираются на Лысой горѣ (Кіевъ); день вѣдьмъ, оборотней, колдуновъ и проч.; на рождество крестителя собираютъ лекарственныя травы; папоротникъ раздвѣтаетъ въ полночь на Ивана купала и проч. [1]). Въ старину всѣ эти вѣрованія и обряды соблюдались съ особеннымъ энтузіазмомъ и торжественностью, какъ видно изъ посланія игумена Елизаровой обители Памфила, писаннаго въ 1505 году [2]). Представляя Ивановъ день какъ бы послѣднимъ, окончательнымъ и самымъ полнымъ проявленіемъ лѣтняго животворнаго вліянія солнца на земную природу, — спѣшили запастись знахорскими и лечебными травами и кореньями, спѣшили очиститься лѣтней водой, освященной Іоанномъ крестителемъ и сол-

---

пятницахъ сказано: «пятница предъ Іоанномъ предтечею: кто сію пятницу поститься будетъ, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка и скудости сохраненъ будетъ». (Историч. оч. слов. Буслаева, I, 504). А во времена язычества, такое же представленіе о сохраненіи отъ недостатка и скудости соединялось и съ купальскими гаданьями. И теперь народъ гадаетъ по Иванову дню: «сильная роса на Ивана къ урожаю огурцовъ; на Иванову ночь звѣздно — много грибовъ будетъ; корми меня до Ивана, сдѣлаю изъ тебя пана — говоритъ пчела, обѣщая обиліе меда.

[1]) Сборн. послов. чт. Москов. общ. истор. кн. 4, за 1862 г. стр. 986—987.

[2]) Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22. Подробности объ Иванѣ купалѣ см. у Снегирева рус. прост. праздн. 1, у Терещенко — бытъ рус. народа V въ Чт. моск. общ. истор. № 4, 1846 г. Архивъ Калачева, 1850 г. кн. 1, стр. 33—34. кн. 2 пол. 1, стр, XV и проч.

цемъ, et habuerunt, по словамъ Нарбута, *baptismat per ignem*, scilicet *purificationem elementariam* [1]).

Особенно любопытно то, что къ ночи и къ дню Іоанна предтечи народъ нашъ изстари пріурочивалъ собираніе травъ лечебныхъ и знахарскихъ. Онъ вѣритъ, что только та трава и цѣлигельна, и дѣйственна вообще, которая набирается въ Ивановъ день. До Петра великаго даже цари вѣрили, что рождество Іоанна крестителя придаетъ нужныя свойства или силы травамъ и цвѣтамъ, и потому, согласно съ народнымъ обычаемъ, также на рождество Іоанна предтечи запасались разными травами и цвѣтами. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году писалъ къ московскому ловчему-стольнику Матюшкину: «которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бъ вѣлѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобылямъ *на рождество Іоанна предтечи*, іюня въ 23-й день, набрать цвѣту cереборинного, да травъ имперековой и мятной съ цвѣтомъ, и дягилю и дягильнаго коренья, по 5 пудъ [2])». Въ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года читаемъ: «въ *Ивановскую ночь* кладовъ стерегутъ, и на травахъ парятся въ баняхъ, и травы рвутъ, и коренья копаютъ, еще березки подвязываютъ вѣтви сплетаютъ — живъ будетъ того лѣта человѣкъ [3])». Въ травникахъ, съ особеннымъ вѣрованьемъ, съ особенною обязательностію собираніе травъ, кореньевъ и цвѣтовъ пріурочивается къ Иванову дню. Напр.

---

1) Надобно замѣтить, что день Іоанна крестителя, въ средніе вѣка, и во всей Европѣ сопровождался почти совершенно одинаковыми съ нашими обрядами. Гриммъ подробно описываетъ его подъ словомъ *Iohannisfeuer*. D. Myth. S. 583—593. Martinus de Arles, каноникъ Пампелунскій, въ своемъ сочин. de supestitionibus (tract. tractatunm, 1544. 9, 133) такъ писалъ: cum in *die s. Ioannis* prorter jucunditatem multa pie aguntur a fidelibus, puta pulsatio campanarum et *ignes jucunditatis*, similiter summo mane exeunt *ad colligendas herbas odoriferas et optimas et medicinales ex sua natura et ex plenitudine virtutum propter tempus*... quidam *ignes accendunt* in compitis viarum, in agris, ne inde sortilegae et maleficae illa nocte transitum faciant, ut ego oculis propriis vidi. Alii *herbos collectas in die s. Iohannis* incindentes contra fulgura, tonitra et tempestates crednnt suis fumigationibus arcere daemmones et tempestates На востокѣ также было въ обычаѣ очищаться огнемъ въ день Іоанна крестителя. Въ 65 канонѣ собора 680 г. сказано: *τὰς ἐν ταῖς νουμηνίαις ὑπὸ τινῶν πρὸ τῶν οἰκείων ἐργαστηρίων ἢ οἴκων ἀναπτομένας πυρκαιὰς, ἅς καὶ ὑπεράλλεσθαί τινες, κατὰ τὸ ἔθος αρχαῖον, επιχειροῦσιν, ἀπὸ παροντος καταργήθῆναι προστάττομεν*. На подобный обычай указываетъ Θеодоритъ кирскій († 458) (*αποτροπιασμὸς καὶ κάθαρσις διὰ πυρὰ*). Толк. на IV цар. 16, 3.

2) Доп. къ акт. истор. III, стр. 253.

3) Истор. оч. русск. литер. Буслаева 1, 482.

о папоротникѣ въ одномъ травникѣ сказано: «есть трава черная попороть: ростетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съиспода большіе листы... А цвѣтетъ она наканунѣ *Иванова дня* въ полночь.... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ не просто — съ надобностьми: въ *Иванову ночь* итти къ тому мѣсту, гдѣ ростетъ трава папороть... и очертясь кругомъ говорить: таланъ божій, судъ твой, да воскреснетъ богъ [1])». Еще примѣръ [2]): «въ травахъ царь есть спмтаримъ трава, о шести листахъ: первый синь, другой червленъ, третій жолтъ, четвертый багровъ, а брать вечеромъ на *Ивановъ день*, сквозь золотую гривну или серебряную [3]). Мистико-символическая пѣсня людей божіихъ представляетъ Іоанна предтечу ходящимъ по полю и указывающимъ Богородицѣ деревья и цвѣты: «ходила дѣва по чистому полю, искала Богородица Іисуса Христа, на встрѣчу Богородицѣ Иванъ предтечь, какъ возговоритъ Иванъ предтечь, Христовъ пророкъ: ты поди дѣва Богородица во чисто поле, во чистомъ полѣ три древа стоятъ, что первое древо кипарисовое, а другое древо анисовое, а третье древо барбарисовое», и проч.

Другой миѳическій оттѣнокъ, сообщенный народнымъ міросозерцаніемъ Іоанну предтечѣ, — это религіозно-миѳическая санкція въ лицѣ его и пріуроченіе къ дню его древне-языческаго праздника и культа *лѣтняго солноворота — купалы.* Поэтому онъ въ простонародьи и названъ *Иваномъ купаломъ.* Въ Ивановъ день, по сказаніямъ русскаго народа, солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ — серебряномъ, золотомъ и бриллінтовомъ, на встрѣчу мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [4]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи существуетъ

---

[1]) Лѣтоп. русс. литер. IV, смѣсь 73.

[2]) Буслаевъ, истор. оч. русс. лит. 11. 38. Травники будутъ разсмотрѣны подробно въ слѣдующихъ очеркахъ.

[3]) Такое пріуроченіе разныхъ представленій о травахъ и цвѣтахъ ко дню Іоанна предтечи обычно было и на западѣ. Напр. у Гримма читаемъ: ein Kräuterbuch sagt: *Farnkraut* ist auf dem Felde schwer zu tilgen, ausser man reisse es um auf *den Tag Iohannis* Enthauptung. *Pipöz* artemisia: wer Beifuss im Hause hat, dem mag der Teufel nicht schaden. *Iohannistag* gürtet man sich mit Beifuss und wirft ihn, unter Sprüchen und Reimen ins Feuer, daher die Namen *Iohannis-gürtel*, Sonnenwendgürtel, franz. *herbe de s. Jean.* s. 1160. 1161.

[4]) Терещенко, бытъ р. народа, V, 39.

обычай — на праздникъ Ивана купалы откатывать отъ зажженнаго костра колесо, выражая такимъ символическимъ знакомъ поворотъ солнца на зиму (солноворотъ) [1]). И хороводно, *коло*, символъ тоже солноворота, напоминаетъ уже про чучело или образъ зимы — Мару:

Ходыли дивочки около Мареночки,
Коло мое водила *купала*,
Гратыми *сонечко на Ивана*, и проч.

Съ Иванова дня, по народному представленію, какъ бы уже наступалъ совершенно другой порядокъ вещей въ природѣ. И дожди, такъ вожделѣнные для крестьянина до Иванова дня, теперь становились излишними и ненужными. Пословицы народныя гласятъ: «вымолите попы дождя *до Ивана*, а *послѣ* и мы грѣшные умолимъ», *До Ивана* просите дѣтки дождя у Бога, а послѣ Ивана я и самъ упрошу. «Корми меня *до Ивана*, сдѣлаю изъ тебя пана (говоритъ пчела). Коли *до Ивана* просо въ ложку, то послѣ Ивана будетъ ужь и въ ложкѣ». Какъ у насъ Ивановъ день считался *огненнымъ поворотомъ солнца*, такъ и у германцевъ Iohannistag назывался *sunwentsfeuer*, *sant Iohans sunewende tag*, и просто — *sunnewende* и т. п.

Какъ пророкъ Илія замѣнилъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перуна, а Іоаннъ предтеча обоихъ сварожичей — солнце и огонь, такъ Георгій храбрый въ народной эпической поэзіи носитъ миѳическій характеръ героя-полубога, устроителя земли русской. Церковь, введши праздникъ въ честь его 23-го апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь [2]). Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своими понятіями въ извѣстномъ духовномъ стихѣ «о Елисаветѣ прекрасной». Въ самобытной народной поэзіи, именно въ *стихѣ о Егоріи храбромъ*, герой земдеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, миѳическій образъ его, какъ героя полубога носитъ ясные оттѣнки отдаленнаго миѳологическаго «юнацкаго» эпоса, съ другой стороны, сквозь миѳическій ликъ Егорія храбраго проглядываютъ

---

[1]) О представленіяхъ солнца и вообще о народныхъ астрономическихъ понятіяхъ будетъ особый очеркъ.

[2]) Повѣсть эта часто встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ, какъ мы видѣли въ Соловецк. библіотекѣ, напр. въ Сборн. подъ № 17 или 18.

и нѣкоторыя черты историческаго народнаго эпоса и земскаго міроустройства [1]). Читатели извинятъ насъ, если мы повторимъ этотъ стихъ по изданію Сахарова, для того, чтобы потомъ высказать свой взглядъ на него. Мы оставимъ византійское происхожденіе Георгія храбраго, начнемъ читать прямо о его подвигахъ на свѣтло-русской землѣ.

Ѣдетъ онъ, Георгій храбрый,
Къ той землѣ свѣтлорусской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи;
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храбрый,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы лѣса, лѣса темные!
Ой вы лѣса, лѣса дремучіе!
Зароститеся лѣса темные
По всей землѣ свѣтло-русской,
Раскиньтеся лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокіимъ.
По божьему все велѣнью
По георгіеву все моленью.

По его слову георгіеву, по его, храбраго, моленью, заростали лѣса темные, раскидались по всей землѣ свѣтлорусской, по крутымъ горамъ по высокіимъ.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;

---

[1]) Въ слѣдствіе этой миѳологической двуличности, въ нѣкоторыхъ народныхъ легендахъ богатырскаго эпоса, напр. въ записанной нами въ Казани, *святый Егорій*, характеристично смѣшивается съ *Свято-горомъ* богатыремъ. *Свято-горъ*, вѣроятно, искаженное имя — *святый Егорій*. См. о Святогорѣ въ Сборникѣ Рыбникова.

Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы горы, горы высокія!
Ой вы холмы, холмы широкія!
Разсыпьтеся горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становитесь холмы широкіе
По степямъ-полямъ зеленымъ.

По божьему все велѣнью, по георгіеву все моленью, разсыпались горы высокія по всей землѣ свѣтло-русской, становилися холмы широкія по степямъ, полямъ зеленымъ

Наѣзжаетъ Егорій храбрый
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки на широкія.
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
Ой вы моря, моря глубокія,
Ой вы рѣки, рѣки широкія!
Потеките моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Побѣгите рѣки широкія
Отъ востока да и до запада,
По Божьему все велѣнью
По егорьеву все моленью,
По его слову ли георгіеву,
По его ли храбраго моленью,
Протекали моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Протекали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,

На тѣхъ звѣрей на рогатыихъ.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити,
Нельзя Георгію туто проѣхати
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ
Ой вы звѣри, звѣри могучіе!
Ой вы звѣри, звѣри рогатые!
Заселитеся звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской,
Плодитеся звѣри рогатые
По степямъ полямъ безъ числа,
По Божьему все велѣнью,
По георгіеву все моленью!
И онъ Георгій храбрый заповѣдаетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ
Всѣмъ волкамъ рыскучіимъ:
А и есть про васъ на съедомое,
Въ поляхъ трава муравчата,
А и есть про васъ на пойлице
Въ рѣкахъ вода студеная.

По его ли слову георгіеву, по его ли храбраго моленью, заселялися звѣри могучіе по всей землѣ свѣтло-русской, плодилися звѣри могучіе, по полямъ-степямъ безъ числа. Они пьютъ ѣдятъ повелѣнное, повелѣнное заповѣданное.

Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На то стадо на зміиное,
На то стадо на лютое.
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
И стадо змiиное возговоритъ:
Али ты, Георгій, не вѣдаешь
Али ты, храбрый, не знаешь,
Что та земля словомъ заказана,
Словомъ заказана заповѣдана.
По той землѣ заповѣданной
Тамъ человѣкъ не прохаживалъ
На конѣ никто не проѣзживалъ.

Уйми ты Георгій своего коня ретиваго,
Воротися ты, храбрый, самъ назадъ.
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храбрый на стадо змінное
Ровно три дня и три ночи.
Рубитъ, колетъ стадо зміиное.
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ Георгій храбрый
На ту землю свѣтло-русскую
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе.
Хочетъ онъ Георгій туто проѣхати,
Хочетъ онъ храбрый туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему храброму проглаголуютъ:
А тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
Тридцать три года не вступаючи
Съ высока терема златоверхаго,
А тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
Держимъ народу великъ обѣтъ:
Отдать землю свѣтло-русскую,
Принять отъ тебя вѣру крещеную.
Пріимлетъ онъ Георгій храбрый
Ту землю свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.

Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь миѳическій ликъ Георгія храбраго, сквозь миѳическія черты его богатырской, героическо-полубожеской дѣятельности, проглядываютъ, какъ мы сказали, нѣкоторые смутные оттѣнки историческіе. Егорій храбрый является намъ, въ народномъ изображеніи, героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣлывателемъ русской земли, начинателемъ, основателемъ ея физической культуры, земскаго устроенья [1]). Для такого объясненія стиха мы имѣемъ нѣкоторыя историческія основанія. Изъ исторіи колониза-

[1]) По переводу азбуковниковъ XVII вѣка, Георгій значитъ *воздѣланный*.

ціи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначальнаго движенія и разселенія славянскаго племени по финскому сѣверовостоку, на системѣ волжско-камской или ростовско-суздальской и на системѣ полярно-балтійской или новгородской колонизаціи, — Егорій храбрый былъ признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо-восточной природой, съ Чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ, съ XIII вѣка, и съ бусурманствомъ. Побѣдоносный Юрій Долгорукій, недаромъ носившій имя храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, волжской страны Великой Руси, — Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій храбрый, героически носился по русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ извѣдалъ свою *лѣсную* и *польскую* землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ *полѣ* свои знаменитые *польскіе* и *залѣсскіе* города — начатки гражданственной культуры — Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Коснятинъ, Кострому, Галичь Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанской вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой почти природой и съ невѣрными финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія храбраго. По свидѣтельству никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца [1]). Точно также новгородцы, колонизуя сѣверовосточную финскую страну русской земли за увалами, въ другой, полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ назвали *георгіевскими* отъ церквей во имя св. Георгія храбраго. Въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ. Мало того: путь новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверовосточныхъ земляхъ «*Бѣлоглазой Чуди*», по р. Сухонѣ и ея при-

[1]) Никон. лѣтоп. II, 135 и слѣд.

токамъ ознаменованъ въ лѣтописахъ новгородскихъ даже особыми легендами о Георгіи побѣдоносцѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ сказаній. Около половины XII в., когда новгородцы, подвигаясь по рѣкѣ Сухонѣ и ея притокамъ, положили основаніе Вологдѣ и дошедши до устья Юга, основали Устюгъ, нѣкоторые изъ новгородскихъ повольниковъ-гостей, пользуясь свободою переходить съ одного мѣста на другое, явились и далѣе на берегахъ рѣки Юга. Здѣсь, въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго города Никольска, при впаденіи рѣки Молоковицы въ Югъ, они нашли чудское селеніе. Прекрасная мѣстность плѣнила пришельцевъ, и они, поселившись на лѣвой сторонѣ Юга, противъ самыхъ жилищъ Чуди, на горѣ, построили молитвенный храмъ или часовню во имя Георгія храбраго. Водвореніе новгородскихъ пришлецовъ было непріятно туземцамъ и они не замедлили напасть на новыя обиталища. Дружнымъ отпоромъ встрѣтили поселенцы враговъ многочисленныхъ, скатывали на нихъ съ горы бревна и камни, лили кипящую воду, наконецъ, когда ничто не помогало, отверзли храмъ молитвенный и предъ образомъ Георгія побѣдоносца просили себѣ небесной помощи. Враги отступили. Чрезъ нѣсколько времени они сдѣлали новое нападеніе, столь же безуспѣшное, послѣ котораго навсегда удалились отъ этого мѣста, а нѣкоторые изъ нихъ тогда же приняли христіанскую вѣру. Егорій храбрый, какъ гласитъ легенда, внялъ молитвѣ храбрыхъ «молодцовъ» новгородскихъ, и явилъ Чуди два чудныхъ видѣнія, о которыхъ послѣ разсказывали сами враги, обратившіеся въ христіанство. Мѣстность эта, гдѣ, на отлогой сторонѣ горы, сдѣланъ былъ новгородскими выходцами ровъ для защиты отъ нападеній Чуди, съ тѣхъ поръ названа была *у Егорья въ полу-горѣ*. Происхожденіе такого названія объясняется преданіемъ, что при первомъ нападеніи Чуди, когда новгородцы молились въ часовнѣ св. Георгія, на ея кровлѣ явился воинъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ и копьемъ своимъ грозилъ осаждавшимъ. При второмъ нападеніи тотъ же воинъ съ копьемъ явился стоявшимъ въ Полугорѣ. Въ благодарность Георгію побѣдоносцу, храброму сподвижнику новгородской колонизаціи, церкви въ новыхъ приходахъ новгородскихъ выходцевъ построены были во имя его. Такъ образовались напр. приходы старо-георгіевскій, холежскій и ново-георгіевскій [1]).

---

[1]) Архангельская лѣтопись издан. Моск. 1819 г. стр. 132 и 193. Прибавленіе къ Вологодскимъ губернскимъ вѣдомостямъ, 1845 г. № 11.

На основаніи такихъ историческихъ фактовъ, мы позволяемъ себѣ догадку, что въ стихѣ о Егоріи храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго *«земскаго строенья»*, физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племяни въ борьбѣ съ лѣсами непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да съ Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ татарами-бесерменами. Какъ Егорій храбрый проторялъ себѣ путь до перваго жилья, поселенія человѣческаго, черезъ темные дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, черезъ болота топучія, черезъ стада лютыхъ звѣрей и волковъ рыскучихъ, черезъ лютыя стада змѣиныя, такъ и славяно-русское племя проторяло себѣ пути колонизаціи на финскомъ сѣверовостокѣ, сквозь темные, дремучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и толкучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробираясь, съ одной стороны, въ слѣдъ за удалыми новгородскими *молодьцами*, *ушкуйниками и гостями* — устроителями сѣверо-поморской земли, съ другой — по слѣдамъ храбраго Юрія Долгорукаго, неутомимаго устроителя волжской земли. На пути своемъ славяно-русскій народъ раздѣлялъ лѣсъ и поле, поставлялъ на пути гостьбы, торговъ, рядковъ *«погосты въ Чуди, въ Лопи, въ Корѣлѣ»* и проч., *«посажалъ деревни и починки на лѣсѣхъ»*, *на пашенныхъ*, *бортныхъ* и другихъ хозяйственно-промышленныхъ *путяхъ* и *ухожаяхъ*. Неутомимо двигался онъ по рѣкамъ волжско-камской и ильменско-двинской системы, расширяя свои колоніи по рѣчнымъ системамъ, по землѣ и по водѣ, въ уѣзды, станы, волости и проч. и боролся съ дикими звѣрями, встрѣчаясь въ непроходимыхъ дебряхъ съ цѣлыми стадами волковъ, медвѣдей, оленей и другихъ звѣрей, какъ гласятъ житія сѣверо-восточныхъ отшельниковъ русскихъ — Трифона Печенгскаго, Никодима Кожеезерскаго, Антонія Сійскаго, Павла Обнорскаго, Макарія Унженскаго и другихъ, которые въ то же время, по слѣдамъ колонизаціи, распространяли христіанство среди чудскихъ и бесерменскихъ племенъ [1]). И когда народъ русскій, призывая на помощь

[1]) Изображаемое въ стихѣ избіеніе змѣинаго стада указываетъ на легенды народныя о взятіи различныхъ городовъ и царствъ татарскихъ, напр. на казанскую легенду, по которой змѣй лежалъ на крѣпости города Казани, когда ее брали русскіе, и защищалъ, а также указываетъ на легенды о миѳическихъ змѣяхъ на сѣверѣ въ чудской землѣ и въ низовьяхъ Волги, о змѣевыхъ горахъ и т. п. Покореніе и обращеніе въ христіанство дѣвицъ намекаетъ, повидимому, на тотъ историческій фактъ, что русскіе, покоряя новыя чудскія или бесерменскія земли, имѣли

Георгія храбраго, въ основныхъ частяхъ, совершилъ первоначальную, подготовительную физическую культуру, архитектоническую обстройку и пограничную территоріальную установку русской земли путемъ покоренія и собранія всей земли, путемъ вольно-народнаго перехода и колонизаціоннаго самоустройства среди лѣсовъ непроходимыхъ, среди финскихъ и частію бесерменскихъ племенъ,—тогда для него наступилъ многознаменательный въ нашихъ юридическихъ актахъ *Юрьевъ-день*, — памятный доселѣ и въ народной земледѣльческой исторіи и въ народномъ физическомъ или сельско-хозяйственномъ дневникѣ—день Георгія храбраго.

Позволяя себѣ такую догадку объ исторической основѣ народнаго стиха о Георгіи Храбромъ, мы тѣмъ не менѣе должны признать въ немъ, особенно по другой редакціи его, и миѳологическіе оттѣнки, восходящіе къ глубокой древности. По духовному народному стиху, изданному Кирѣевскимъ, Егорій Храбрый наѣзжалъ на свѣтло-русскую землю еще въ эпоху пастушескаго быта нашихъ предковъ, въ эпоху до-историческую. Вмѣсто людей, наѣзжалъ онъ на стада чудовищныхъ, миѳическихъ животныхъ, на стада летучихъ зміевъ, да рыскучихъ волковъ. Только пастухи этого послѣдняго стада носятъ на себѣ обличье человѣческое; но ихъ чудовищный, сверхъ естественный видъ, напоминающій миѳическія, стихійныя существа, въ родѣ вилъ, русалокъ, лѣшихъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Егорій Храбрый наѣзжалъ еще въ языческія мѣста свѣтло-русской земли и притомъ въ жилища миѳическихъ пастуховъ.

И пастятъ стада три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы...
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава [1]).

Какъ Илья пророкъ, подъ вліяніемъ церковно-библейскихъ изображеній и миѳологическихъ народныхъ воспоминаній, является въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи громовержцемъ, небеснымъ

обычай уводить въ полонъ преимущественно женщинъ и дѣтей, крестили ихъ и на крещеныхъ нерѣдко женились. По слѣдамъ христіанства, шла обыкновенно славяно-русская колонизація и совершалось постепенное обрусѣніе чудскихъ и бесерменскихъ земель.

[1]) Миѳологическое значеніе стиха объяснено г. Буслаевымъ въ рѣчи о народной поэзіи.

возбудителемъ и оживителемъ природы, а Георгій храбрый, подъ вліяніемъ смутныхъ миѳологическихъ и историческихъ воспоминаній народа, представляется *земскимъ устроителемъ*, основоположителемъ физической и земледѣльческой культуры русской земли: такъ другіе святые, особенно русскіе, въ народномъ эпическомъ міросозерцаніи являются противоборцами прежнимъ языческо-миѳологическимъ силамъ или духамъ. Обозрѣвая въ житіяхъ русскихъ святыхъ всю совокупность фактовъ средневѣковаго народнаго міросозерцанія, вращавшагося въ сферѣ природы и христіанства, мы примѣчаемъ въ немъ двѣ главныя господствующія идеи, порожденныя вѣрой въ ученіе церкви о святыхъ. Во первыхъ — миѳическое народное представленіе о борьбѣ силъ небесныхъ, высшихъ, олицетворявшихся и проявлявшихся въ святыхъ, съ силами бѣсовскими, демоническими, олицетворявшимися въ миѳологически-естественныхъ народныхъ образахъ, напр. въ образѣ демона лѣснаго, или лѣшаго, въ образѣ духа воднаго и т. п. Во вторыхъ, замѣчаемъ народную вѣру во владычество міра супранатуральнаго надъ силами міра видимаго, физическаго, силъ сверхъ естественныхъ, надъ силами и стихіями природы. Безотчетная, христіански-миѳологическая вѣра народная всецѣло преобладала надъ раціональнымъ знаніемъ силъ и законовъ природы [1]. Теперь мы предлагаемъ тѣ факты, въ которыхъ выражается первое народное вѣрованье — вѣрованье въ борьбу силъ небесныхъ, святыхъ съ силами демоновъ лѣсныхъ и водяныхъ.

Перенесемся мыслью въ средневѣковыя сѣверныя поселенія русскаго народа. Большею частію лѣсную глушь представляли эти по-

---

[1]) Многочисленны, разнообразны и часто не лишены поэзіи народныя легенды этого рода. Если бы какой-нибудь древній грамотникъ народный собралъ въ одно цѣлое всѣ эти собственно народныя сказанія, легенды о чудесахъ святыхъ, часто буквально, со всею наивностью народной эпической поэзіи записанныя со словъ народныхъ въ житія святыхъ, то мы имѣли бы свою «Legenda aurea», подобную той, какую на западѣ въ XIII вѣкѣ сложилъ доминиканецъ Iakob de Voragine († 1298), и нашли бы въ нихъ богатый матеріалъ для исторіи народнаго просвѣщенія. Мы нашли бы въ этихъ народныхъ легендахъ сколько свѣжихъ цвѣтовъ средневѣковой народной поэзіи, такъ же,—какъ западные изслѣдователи средневѣковой старины находили въ своихъ легендахъ «Purpurviolen der Heiligen, oder Poesie und Kunst im Katholicism», — столько же раскрыли бы въ нихъ самыхъ мрачныхъ, темныхъ недостатковъ религіозной и умственной жизни нашего народа, въ которыхъ большею частію нестолько онъ самъ виноватъ, сколько виноваты держащіе бразды его руководительства и просвѣщенія.

чинки колонизаціи и культуры. Много было лѣсовъ и во всей Россіи въ XV и XVI вѣкахъ, если судя по судебникамъ, та деревня признавалась уже безлѣсною, *въ поляхъ*, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10. Но огромныя пространства сѣверо-восточной Руси еще больше покрыты были неизвѣданными лѣсами съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Нетолько деревни, но и города здѣсь стояли большею частію въ лѣсахъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверо-восточныхъ святыхъ XV и XVI вѣка. При лѣсномъ мѣстожительствѣ, и промышленныя угодья и урочища жителей сѣверныхъ находились большею частію въ лѣсахъ и назывались *лѣшими*, напр. *лѣшія озера*, *лѣшія рѣки*, *полѣшія лѣса*, пашенныя лѣса и т. п. Обиліе лѣсовъ, мховъ и «блатъ непостоянныхъ» и близость океана условливали на сѣверѣ русской земли обиліе рѣкъ и озеръ Герберштейнъ, котораго вообще поражало обиліе лѣсовъ и водъ въ сѣверной Руси, замѣтилъ о сѣверо-востокѣ: «Regio tota palustris et silvestris est... Quo etiam magis progrediare, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac silvae occurunt» [1]). Въ этой то лѣсной и водной странѣ разсказывались въ древней Руси любопытныя легенды о борьбѣ святыхъ съ демонами лѣсными и водяными. И вѣра въ лѣшихъ и водяныхъ и донынѣ нигдѣ, кажется, такъ не господствуетъ, какъ въ лѣсныхъ и озерно-рѣчныхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ. А въ XVI и XVII вѣкахъ здѣсь не только міряне, но и священники вполнѣ вѣрили, что волхвы, которыхъ на финскомъ сѣверѣ было чрезвычайно много, и въ числѣ приверженцевъ которыхъ встрѣчаемъ даже священниковъ и дьяконовъ,—волхвы могли наводить и наводили на людей лѣшихъ и водяныхъ. Духи эти, «по захожденіи солнечномъ» являлись будто бы въ домахъ, то въ видѣ «пламени синяго и сильнаго вихря», то звѣрскимъ образомъ, «мохнатыми съ хвостами и кохтями», «кликали человѣчьимъ гласомъ, яко всѣмъ людямъ слышати» и уносили дѣвицъ въ воду, въ лѣса и на холмы. Иногда сами матери еще «на рожденіи» какъ то отдавали своихъ дѣтей водянымъ и лѣшимъ. Иногда «попъ крестилъ кого либо пьяный, и половины св. крещенія не исполнилъ», и оттого дѣти дѣлались «полоняниками» этихъ «чернородныхъ демоновъ». При такой вѣрѣ въ лѣшихъ и водяныхъ, вѣрно, неразъ охотнику въ самомъ дѣлѣ чудилось въ лѣсу то, что онъ говорилъ въ заговорѣ: «встаю я за свѣтло, иду въ чисто поле къ лѣсу дремучему,

---

[1]) Rerum Moscovit. p. 79.

а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу 20 сатанаиловъ, *двадцать лѣшихъ*». Въ тѣ вѣка, вѣрно, каждый владѣлецъ полѣшихъ лѣсовъ, каждый бортникъ, входя въ свой бортный лѣсъ или въ зеленую дубраву, со страхомъ читалъ этотъ заговоръ: «въ мою бы зелену дубраву не заходилъ ни звѣрь, ни лихъ человѣкъ, ни лѣшій, ни водяной, ни вихръ». И горемычная мать отъ тоски въ разлукѣ съ милымъ дитяткомъ, вѣрно, неразъ разрыдавшись, причитала: «пошла я въ чисто поле, стала среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ: отвожу я отъ своего дитятки черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ злаго водянаго». Но не помогали и заговоры и заклятія. Лѣшій все таки уводилъ дѣтей у родителей. На закатѣ солнца, собирая стадо, разсѣявшееся по лѣсу, пастухъ «видалъ предъ собою яко человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи, съ колокольчикомъ въ рукѣ, въ онь же брящаше», и на зовъ лѣснаго незнакомца шелъ и попадался въ руки лѣшему. Родители плакали объ немъ неутѣшно, и призывали святыхъ для освобожденія ихъ сына изъ плѣна лѣшаго.

И вотъ, по легендарному представленію, на встрѣчу «лѣсному демону» идетъ издалека, по дремучимъ дебрямъ, съ псаломскими пѣснями, съ крестомъ въ рукахъ святой старецъ-пустынникъ. Долго онъ ходитъ по лѣсамъ, проходитъ неутомимо и безбоязненно дрязги, болота и глухія чащи лѣсныя, и наконецъ водружаетъ крестъ, ставитъ маленькую келью между деревъ на полянѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной озерами, — и ударъ колокола возвѣщаетъ о поселеніи въ пустынѣ лѣсной отшельника. А окрестные жители лѣсныхъ деревень, по словамъ легендъ, еще задолго до его прихода, слышатъ изъ лѣсной глуши чудесный, таинственный звонъ и чудное пѣніе. То уже не зловѣщіе, обольстительные звуки колокольца лѣшаго, а призывный звонъ къ пустынножительству... Характеристично это средневѣковое представленіе нашего народа о таинственномъ звонѣ и пѣньи въ лѣсахъ, раздававшемся за долго до поселенія въ нихъ пустынника. «Мѣсто оно, идеже вселися святый, — такъ обыкновенно говорятъ объ немъ почти всѣ жизнеописатели, — непроходимыя дебри и лѣсы темныя, и чащи и дрязги великія имать, и мхи и блата непостоянныя, въ нихъ же живяху дивіи звѣріе, медвѣди и волцы, елени и заяцы и лисицы множество много ихъ, яко скота бяше, езера имать многи окрестъ себѣ и глубоки зѣло. И отъ созданія міра никтоже живяше отъ человѣкъ на мѣстѣ

томъ, дондеже преподобный вселися. Жители же въ окрестныхъ весѣхъ живущіи, иже ловитву на езерахъ сихъ творящіе, повѣдаша: яко за долго время, и преже многихъ лѣтъ, до пришествія блаженнаго, звонъ велій слышаша отъ мѣста того, а иногда пѣніе слышати имъ. Сіе же не единому, но и многимъ, окрестъ лѣса того живущимъ, звони и гласы слышахуся и видѣнія многа являхуся. Тѣмже и мнози прихождаху во время звона и видѣній, хотяху увидѣти, откуду звони и пѣсни суть, но токмо издалеча ушесы слышаху сія, очима же ничтоже можаху видѣти, близь пришедше, ничтоже обрѣтаху, но токмо дивящеся отхождаху въ домы своя, въ сердцахъ своихъ назнаменующе видѣнія сія, ожидаху сбывающагося времени, другъ другу повѣдающе, и непросту вещь сію быти разумѣваху» [1]). Иногда какой нибудь звѣроловъ вдругъ, неожиданно слышалъ въ пустынѣ лѣсной этотъ чудесный звонъ и сладкогласное пѣніе. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старь сы, Изборьскаго града, повѣда сицеву вѣсть, глаголя: нѣкогда ми, рече, ходящу со отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, яже бысть около святаго мѣста печерскаго: бѣ бо тогда пустыня велика и лѣсъ прилежаше въ томъ мѣстѣ, и случися намъ притти къ потоку, на край горы, и слышахомъ во время часа церковнаго пѣнія гласы прекрасны поющихъ и благочинны, гласы убо слышахомъ, а поющихъ не видѣхомъ» [2]).

И съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ лѣсу пустынникъ, устроялась обитель, и проносилась въ народѣ молва про чудотворенія лѣснаго отшельника-пустынножителя, — съ тѣхъ поръ не такъ страшными представлялись взорамъ народа и темные лѣса сѣверные. И лѣсные бѣсы все болѣе и болѣе изъ нихъ изгонялись, удалялись въ болѣе пустынные лѣса. «Прежде мѣсто сіе, на немъ же обитель твоя, — восхваляетъ напр. Антонія Сійскаго жизнеописатель его, — никто же знаяше е, и никимъ же именовано бысть, точію звѣремъ и бѣсомъ жилище тогда обрѣташеся. Нынѣ же егда благоволи Богъ призрѣти на нь; тогда обитель твоя тобою красуется и твоимъ именемъ именуется, и оттолѣ обычай отъ всѣхъ человѣкъ именоватися Живоначальныя Троицы Антоніева пустыня, отъ нея же пустыни святыми ти молитвами бѣси далече прогнани

---

[1]) Рукоп. Житіе Антонія Сійскаго. № 230.

[2]) Повѣсть списана о Печерскомъ монастырѣ, иже во «Псковской землѣ». Сборн. № 857, л. 120 об.

суть и безвѣстни быша; вмѣсто же сихъ Богомъ спасаема, святыми ангелы призираема и честными иноки населяема, въ ней же Богъ въ Троицѣ присно славится и божественныя пѣсни непрестанно воспѣваются. О пустыня святая и приснобл аженная, спасаемая Богомъ, ангеломъ превозлюбленная, всѣмъ человѣкомъ превожделѣнная» [1])! Теперь въ лѣсахъ представляются народу разные чудеса, разныя видѣнія пустынниковъ-чудотворцевъ. Люди всѣхъ чиновъ разсказываютъ про разныя чудесныя явленія лѣсныхъ отшельниковъ. И горемычные родители, плачущіе о потерѣ сына, уведеннаго лѣснымъ демономъ, съ утѣшительными надеждами и вѣрой даютъ обѣтъ прославившемуся уже многими чудотвореніями и побѣдами надъ бѣсами лѣсному пустынножителю — идти въ его пустынь, сослужить молебенъ о возвращеніи погибшаго сына. Вотъ какое напр. передается въ одной легендѣ XVII вѣка «чудо преподобнаго Никодима Кожеезерскаго о нѣкоемъ отроцѣ пастырѣ како его избави отъ лѣснаго демона», чудо, которое записано было со словъ самаго этого пастуха: [2]) «Было въ лѣто 7196 (1688) марта въ 15-й день сотворилось чудо сіе такъ: на Онегѣ рѣкѣ есть село Кожеезерскаго монастыря, именуемо Кирнешки, и въ томъ селѣ, по обычаю, въ то лѣто пасся скотъ; пастухъ былъ изъ того села, именемъ Григорій, сынъ Васильевъ, пасъ скотъ: въ одинъ день пасъ онъ по обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздо; пастухъ тотъ Григорій отошелъ за рѣку Кирнешку собрать скотъ, и какъ то потерялъ дорогу, самъ не зналъ, куда шелъ, и вдругъ видитъ передъ собой какъ будто человѣка привидѣніемъ, въ сѣромъ одѣяніи и колоколецъ малъ у него въ рукѣ, колокольцемъ онъ звонитъ, а самъ идетъ впередъ его и пастуха Григорія зоветъ за собой, а этотъ шелъ за нимъ, и немного опомнившись, началъ многихъ святыхъ призывать себѣ на помощь, призывалъ и преподобнаго отца Никодима (Кожеезерскаго). А родители между тѣмъ плакали и тоже молились преподобному, обѣты полагали, чтобы идти въ обитель и молебствовать. И вскорѣ потомъ, тому бѣдному пастуху въ лѣсу предсталъ преподобный. Григорій чувственно видитъ какъ бы нѣкій старецъ послѣдуетъ за нимъ. Когда Григорій пѣлъ подъ деревомъ пѣсни, видитъ онъ — старецъ зоветъ его къ себѣ и велитъ ему перекреститься знаменіемъ честнаго креста. И когда

[1]) Сборн. № 230.

[2]) Сборн. № 182.

онъ знаменался крестомъ, тогда демонъ лѣсной не видимъ былъ, а старецъ оный приближался къ нему; когда же забывался, тогда опять демонъ показывался, и такъ долго онъ страдалъ, но святой не оставлялъ его, шелъ за нимъ и пришелъ къ рѣкѣ называемой Сыртуга и оттуда пришелъ на рѣку Кирнешку въ верхотину, и тутъ видитъ храмину, а въ ней мечтается ему какъ бы дерево великое и малое [1]), и нѣкоего старца знакомаго ему, лежащаго на вершинѣ деревьевъ, и юношей нѣкіихъ, знаемыхъ ему; одни спятъ, а другіе приносятъ ему ѣсть, а иные одежду и обувь снимаютъ съ него. И того же мѣсяца въ 18-й день, милостію всещедраго Бога и молитвами преподобнаго, по утру пастухъ увидѣлъ себя въ селѣ Кирнешкахъ у монастырскаго двора: увидѣли его тутъ служители, стоитъ Григорій — руки къ сердцу согнулъ, дрожитъ весь, руки и ноги избиты сильно и кровь течетъ изъ ранъ, — и такъ приняли его и хвалу воздали Богу и преподобному Никодиму благодареніе. Сія вся, заключаетъ повѣствователь, самъ вышеупомянутый пастухъ о себѣ намъ повѣда, мы сія слышавше предахомъ писанію во славу Христу Богу и Никодиму Чудотворцу» [2]).

---

[1]) Это «дерево великое и малое» напоминаетъ намъ такъ — называемое въ финской миѳологіи *Tapion puu — дерево лѣшаго*, или *Tapion kanto*, *пень лѣшаго*. См. «Путешествіе въ русскую Карелію» Кастрена. Этногр. сборн. вып. IV. 1859 г. стр. 252. Въ житіи Іоанна и Логина Яренгскихъ чудотворцевъ также разсказывается въ одномъ чудѣ, какъ заблудившійся въ лѣсу человѣкъ видѣлъ предъ собою «яко человѣка привидѣніемъ, *аки древо слонящееся»;* этотъ образъ тоже напоминаетъ лѣшаго.

[2]) Это старинное преданіе, равно какъ и то, которое въ приложеніи будетъ изложено, напоминаетъ намъ подобное народное сказаніе *о лѣсакѣ*, записанное со словъ казанскаго крестьянина изъ села Кавалей. «Лѣсакъ увелъ дѣвицу изъ деревни къ себѣ въ лѣсъ, жилъ съ ней долго, прижилъ дѣтей. Дѣвица захотѣла уйти отъ него и стала выпытывать, какими премудрствами выбраться изъ лѣсу. Лѣсакъ не сказывалъ. Дѣвица такъ жила у него долго, лѣтъ пять, а все выспрашивала какъ уйти: «нельзя ли уйти святыми молитвами»? Нѣтъ, нельзя, говоритъ лѣсакъ, а есть такіе *свѣтки*, которые выводятъ изъ лѣса. Дѣвица нашла эти свѣтки, нарвала ихъ и отыкала ими себя кругомъ. Лѣсакъ-отъ и не могъ къ ней подойти: свѣтки-те огнемъ жгутъ его. Дѣвица пошла перенадѣла рубаху на лѣвую сторону, переобулась съ правой ноги на лѣвую, и пришла домой, а лѣсакъ-отъ все шелъ за ней и пришелъ къ избѣ. Дѣвица не догадалась свѣтковъ-то натыкать на избу. Лѣсакъ ночью и разворотилъ всю избу, какъ вихремъ, и бревна всѣ разметалъ. Такъ дѣвица и осталась ни причемъ». Подобныя сказанія о лѣшемъ были и у финновъ. Кастренъ въ своемъ путешествіи въ русскую Корелію записалъ слѣдующее финское преданіе объ одномъ исполинскомъ народѣ подъ названіемъ Naikkolaiset, или Naikon Kansa: «о происхожденіи этого народа есть преданіе, что лѣшій (metsänh-

Простосердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ Греко-восточной церкви и саму Богородицу. Весьма любопытна и характеристична одна повѣсть XVII вѣка о женѣ Соломоніи. Здѣсь во всей полнотѣ обнаруживается и умственное развитіе нашихъ древнихъ поповъ и народа, и въ особенности — народныя представленія о лѣсныхъ, горныхъ и водяныхъ демонахъ, народная вѣра въ чудесную побѣду надъ ними христіанскихъ чудотворцевъ. Основная мысль всей повѣсти такая: одна женщина — крестьянка, родомъ поповна, долго страдала отъ чернородныхъ демоновъ *водныхъ* и *лѣсныхъ*, которые являлись ей въ разныхъ зооморфическихъ, чудовищныхъ образахъ, и то уносили ее въ воду, то — въ лѣсъ и горы. Борьба съ ними, физическая и нравственная, была страшная. Наконецъ, чудотворецъ Устюжскій Прокопій, вмѣстѣ съ пречистою Богородицею, побѣдили демоновъ водныхъ и лѣсныхъ, молнія съ громомъ поражала ихъ, и водные и лѣсные демоны изгнаны были изъ несчастной женщины. Общая основа всей этой христіанско-миѳологической легенды, очевидно, апокрифическая и древняя, общенародная. Подобныя сказанія существовали у евреевъ, у восточныхъ и западныхъ сектантовъ — павликіанъ, богумиловъ, катарровъ, альбигойцевъ. Подробныя же черты демоновъ водныхъ и лѣсныхъ носятъ окраску славяно-русской миѳологической демонологіи.

Изображая однихъ святыхъ героями полубогами, побороющими силы демоническія, миѳическія, демоновъ водныхъ, лѣсныхъ — звѣрообразныхъ и т. п., дѣятельности другихъ святыхъ народное міросозерцаніе усвояло дѣйствія разныхъ производительныхъ силъ природы. Вѣра народная сближала ихъ съ жизнью природы, представляла ихъ непосредственными устроителями, управителями жизни физической, напр. произрастителями плодовъ земныхъ, хранителями скота, птицъ, пчелъ и пр. Богородица, напр. помогала землю обработывать: «мѣсто неровное, гдѣ ино горы, ино жъ ровъ бысть, и лѣсъ прилежаше великъ, все жъ сіе помощію Богородицы изравнивали» [1]). Одно явленіе иконы Богородицы, по народному вѣрованью,

раа) похитилъ одну женщину (христіанку), увелъ ее въ лѣсъ, и она родила отъ него мальчика и дѣвочку, которые въ послѣдствіи произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣніе, названное Naikolaiset». Этнограф. сборн. вып. IV, стр. 261.

[1]) Сборникъ № 857, л. 122 — 125.

было причиною обильнаго урожая хлѣба и всякаго овоща, хорошаго лѣта, ведряной погоды, плодовитости скота, здоровья народнаго. «Лѣта, коего явися икона Пречистыя Богородицы на Оковцѣ, въ лѣсу частомъ, на соснѣ на сучку, говоритъ повѣствователь о чудесныхъ благодѣяніяхъ оковской Божіей матери,—хлѣбъ бысть дешевъ, кадь ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено и красно, а не засушливо, и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была, а людемъ здравіе было и всякому скоту плодъ [1]).

Точно также, въ повѣсти о выдропусскомъ образѣ богородицы, по случаю чудеснаго перемѣщенія этого образа изъ Мурома въ село Выдропускъ, сказано: «и оттолѣ въ веси той, прочее же и во всей Новгородской области, начаша людіе богатѣти духовнымъ богатствомъ, паче же и тѣлесными потребами, вся земля обиліемъ кипя въ сѣменныхъ приплодѣхъ и въ скотскихъ родѣхъ паче первыхъ лѣтъ: сіе Богъ дарова и пречистая Богородица». (Лѣтоп. русской литературы VII, 26). Богородица являла разныя чудесныя физическія знаменія. Если люди оскорбляли Бога дѣлами своими, напр. пашню пахали, хлѣбъ жали, сѣно косили по праздникамъ, если употребляли запрещенныя произрастенія земли, какъ наприм. въ XVII в. табакъ, то пречистая Богородица являлась вмѣстѣ со всемилостивымъ Спасомъ даже сельскимъ женщинамъ и угрожала испустить съ неба на землю «каменіе много, молніе огненное, произвести въ страдное время сильный морозъ и ледъ на скотъ и хлѣбъ и страшное землетрясеніе». Такъ въ Сборникѣ Солов. библ. подъ № 925, разсказывается нѣсколько чудесъ, случившихся будто бы въ 1641 г., какъ пречистая Богородица и самъ всемилостивый Спасъ явились разнымъ сѣверно-поморскимъ сельскимъ женщинамъ, и Богородица сначала заступалась за людей, а потомъ сама угрожала произвести страшныя физическія знаменія и бѣдствія. Мы выпишемъ здѣсь вполнѣ одно чудо, имѣющее нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ народнымъ стихомъ о заступничествѣ Богородицы за людей передъ Спасителемъ: «августа въ 16 день за заутреней было чудо на красной горѣ надъ нѣкой женою, именемъ Ѳеклою, Спиридоновою дочерью [2]). И почало тружати ея при всемъ народѣ. Явился

---

[1]) Сборникъ 857, л. 176.

[2]) Надъ этою женою было еще другое чудо, тутъ же описанное. Здѣсь объ ней сказано: «нѣкія веси Юрьева Наволока, именемъ Ѳекла Спиридонова дочь, а Нехорошова жена Клементьева» и проч.

въ то время всемилостивый Спасъ и пречистая Богородица Тиѳинская съ Паче озера и началъ ей въ то время наказывати, наказывалъ той женѣ: сказывай ты жена во всемъ народѣ, чтобы всякихъ чиновъ люди молилися со слезами, стоя, всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ безпрестани, и стоя, ничего не говорили, и *отъ того де нынѣ вся земля трясется*; а Богородица у Христа стоитъ со слезами, чтобы Господь пощадилъ православныхъ христіанъ и отвратилъ свой праведный гнѣвъ, а табакъ бы отнюдь не пили и . . . . . не бранилися и хмѣльные бы люди въ церковь не ходили; а кто де ихъ піетъ не подобное, что они піютъ въ носъ, и то святые отцы на вселенскомъ соборѣ прокляли; а въ которое время хто . . . . . избранитъ, и въ то время *небо и земля потрясется* и Богородица стоя вострепещетъ о таковомъ зломъ словеси, а уста его того дня кровью воскипятъ, и тѣми устами не подобаетъ таин Господнихъ вкушати, ни креста цѣловати, а во церкви бы стояли со страхомъ и трепетомъ на молитвѣ безпрестани и молились бы со слезами и другъ на друга сердца бы не имѣли со гнѣвомъ и жили бы по святыхъ отецъ правилу. И пречистыя Богородицы бысть гласъ въ то время отъ нея: а язъ де Богородица стою у Христа и безпрестани у своего царя небеснаго милости прошаю о всемъ народѣ, чтобъ пощадилъ Господь и помиловалъ всѣхъ православныхъ христіанъ; и вся воя небесная со страхомъ предстоитъ, а вы христіане своимъ безуміемъ уклоняетеся и со страхомъ во церкви часу не постоите. И не христіаномъ бы въ праздники Господскіе никакой работы не работати и травъ не косили бы, и хлѣба не жали, а будетъ что и выжнутъ, все съ грязью станетъ, а молились бы всемилостивому Спасу на Красной горѣ и пречистой Богородицѣ, и росписи росписывали и розсылали бы по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы вѣсно было про все наказанье и христіане бы обратились бы ко Господу Богу и грѣховъ своихъ покаялись бы и Господь дастъ всякаго изобилія многое множество болѣе и прежняго; а будетъ христіане сему явленію и наказанію моему не повѣрятъ и ко Господу Богу моему не обратятся, и не почнутъ молитися всемилостивому Спасу, приходити на Красную гору, и почнутъ пити табакъ и хмѣльные люди во храмъ ходить и въ храму почнутъ другъ съ другомъ глаголати, и поставятъ се явленіе воплошно, и за ихъ непослушаніе *будетъ на землю каменіе много испущу съ небесъ, молніе огненное* и лица своего воображеннаго и храмовъ не пощажу

и *ледъ и мразъ лютый спущу на страдное время на скотъ и на хлѣбъ вашъ и на все живущее, и по вся годы хлѣба не будетъ, и каменіе горящее съ небесъ спадетъ и будетъ молніе огненное и хлѣбъ и трава озябнетъ и скоты ваши голодомъ погибнутъ*, и тотъ де трусъ, что нынѣ на тебѣ, то и на всѣхъ христіанехъ будетъ съ велика и до мала за ихъ непослушаніе и за ихъ неправду. А се явленіе писалъ на Красной горѣ при священницѣхъ и при всемъ народѣ Петруха Ивановъ Поповъ 7149 августа въ 27-й день» [1]). Подобныхъ явленій святыхъ, предсказывавшихъ разныя физическія знаменія и неестественныя явленія, намъ доводилось встрѣчать въ рукописяхъ много. Особенно любопытны изъ нихъ сказанія въ житіи Прокопія Устюжскаго «объ огненной тучѣ и бурѣ», въ житіи Иринарха Соловецкаго «о тучѣ снѣжной веліей и о мразѣ отъ Яковыхъ до Ильина дня» и проч. Но мы не будемъ обременять читателей подобными сказаніями.

Какъ изъ приведенныхъ, такъ изъ другихъ подобныхъ легендъ очевидно, что народъ русскій при своемъ практическомъ характерѣ, смотрѣлъ на святыхъ большею частію съ натурально-практической точки зрѣнія. Онъ представлялъ, что святые назначены быть ему помощниками въ борьбѣ съ стихіями природы, поддерживать его физическое, матеріальное благосостояніе, и ждалъ отъ ихъ чудесъ существенной, матеріальной, житейской пользы. И эта практическая вѣра преимущественно замѣчается на финскомъ сѣверо-востокѣ, гдѣ и кудесничество было болѣе распространено. Какъ въ финскомъ язычествѣ, кудесникъ, Кебунъ, Тадибъ испрашивалъ у Нума блага, счастія, оленей, лисицъ и всякаго богатства, вопрошалъ Тадебцієвъ объ излеченіи болѣзни, о сыскѣ потерявшагося оленя и проч.; такъ вмѣсто того, во времена христіанства, жители сѣверо-восточной Руси испрашивали всѣхъ такихъ физическихъ предметовъ и благъ у святыхъ, преимущественно прославляемыхъ въ ихъ мѣстностяхъ. Больной испрашивалъ у святаго своей страны зелія, врачества отъ болѣзни: святой являлся ему во снѣ, давалъ въ руку цѣлебную траву и говорилъ: «держи ю у себе, и въ дому своемъ въ чистомъ мѣстѣ». Проснувшись, больной «видѣлъ у себя траву въ рукѣ, и абіе отъ того часа здравъ бысть» [2]). Пастухъ или скотникъ призывалъ святаго своей страны, когда у него мало было

[1]) Сборникъ № 925, л. 41—43.

[2]) Сборникъ № 182, житіе Сильвестра Вологодскаго.

корму для скота [1]), чтобы «подати помощь ему въ прекормленіи скота сѣнною кормлею, еже бы ему препитати скотъ безгладно». Потерялась ли лошадь у сѣверно-поморскаго жителя, владѣлецъ ея обращался съ молитвою къ Зосимѣ и Савватію соловецкимъ объ отысканіи его лошади [2]). Сѣверно-поморскіе *юровщики* или весновальники, отправлявшіеся артелями на Сѣверное море для ловли морскихъ звѣрей, сами разсказываютъ въ житіяхъ святыхъ любопытныя и разнообразныя легенды о чудесахъ сѣверно-поморскихъ святыхъ на морѣ-океанѣ: какъ чудотворцы, словно геніи, духи морскіе, носились по морю, укрощали волны и бури морскія, вызывали изъ глубины океана множество звѣрей на добычу ловцамъ [3]).

И были причины такого практическаго народнаго вѣрованія. Во первыхъ, вѣра въ чудеса святыхъ, какъ въ силы и дѣйствія превозмогающія и покоряющія человѣку природу, замѣняла языческую вѣру въ вѣдуновъ — волхвовъ. Не имѣя мѣста распространяться здѣсь о происхожденіи и значеніи вѣдунства въ миѳологическомъ міросозерцаніи, мы считаемъ не лишнимъ однакожъ указать по крайней мѣрѣ общій источникъ вѣдунства, волшебства, по объясненію Розенкранца и Гримма. «Слабое, едва пробуждающееся въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія, говоритъ Розенкранцъ въ своемъ сочиненіи Naturreligion, не есть, какъ духъ безсознательный, вмѣстѣ объектъ и субъектъ, но оно живетъ въ различіи объективности и субъективности. Когда человѣкъ сознаетъ свою свободу въ противоположность міру, и старается выразить это сознаніе, то этотъ актъ его духа является въ естественной религіи преимущественно какъ *волшебство* (Zauberei). Первобытные народы, правда, превозмогаютъ природу по толику, по колику этого требуетъ поддержаніе ихъ существованія: они ловятъ звѣрей, занимаются рыболовствомъ, пасутъ стада, воздѣлываютъ землю; но въ этихъ занятіяхъ своихъ они впервые сосредоточиваются въ самихъ себя, впервые приходятъ къ сознанію духовной свободы лишь тогда, когда природа противопоставляетъ ихъ цѣлямъ такія рѣзкія противодѣйствія, что обыкновенная дѣятельность становится недостаточной. Тогда, если небо не изливаетъ дождя, если буря волнъ дѣйствуетъ разрушительно, если стада подвергаются мору, если въ

---

[1]) Житіе Пертоминскихъ чудотворцевъ, рукоп. Сол.

[2]) Ркп. Солов. житіе Зосимы и Савв

[3]) Нѣкоторыя указанія приведены въ приложеніяхъ.

умирающемъ жизнь начинаетъ уступать смерти, тогда возбужденное въ человѣкѣ чувство собственнаго бытія возмущается, приходитъ въ волненіе и выражается въ заговорѣ противъ природы. Она не смѣетъ противодѣйствовать духу, она ему подчинена. Онъ ея владыка. Его слово можетъ заставить ее возвратиться въ назначенныя отъ него ей границы. Облака должны излить задержанныя воды, волны должны утихнуть, моръ долженъ прекратиться, смерть исчезнуть, если онъ этого хочетъ. Такъ чувство свободы есть первоначальный источникъ, принципъ всякаго волшебства» [1]). Какъ ни естественно было въ языческомъ міросозерцаніи явленіе вѣдунства, какъ ни отраденъ былъ этотъ энергическій протестъ впервые пробуждавшейся мысли младенческаго разума, это выраженіе естественной потребности первобытнаго человѣка знать и покорять себѣ силы природы, все же вѣдунство, кудесничество было не свѣтлымъ, не разумно сознательнымъ, а темнымъ, суевѣрнымъ явленіемъ въ исторіи народнаго міросозерцанія. «Auf die gütigen vermöge ihrer Naturwunder. thuenden Götter geht der Begriff der Zauberei nicht, скажемъ словами Гримма; erst den Gesunkenen, Verachteten hat man Zauberei zugeschrieben. Mitlerwesen zwischen Göttern und Menschen, altkluge, vielkundige Riesen, böse Riesinnen, listige Elben und Zwerge zaubern; nur scheint ihre Fertigkeit mehr angeboren, stillstehend, keine errungene Kunst. Eigentlicher Zauberkünstler ist der *emporstrebende* Mensch» [2]). Вслѣдствіе такого языческаго, нерѣдко вреднаго въ жизни народной значенія, волшебство, кудесничество, — хотя и не вдругъ, но мало по малу теряло свою силу въ христіанскомъ народномъ міросозерцаніи, подъ вліяніемъ преслѣдованій церкви; никло предъ ликами безчисленныхъ христіанскихъ чудотворцевъ; по ученію церковныхъ іерарховъ и монастырскихъ властей, замѣнялось вѣрою въ чудеса святыхъ. Отъ миѳологіи языческой, вѣдунской народъ переходилъ къ миѳологіи христіанской, книжно-легендарной. Онъ большею частью такъ же миѳически, дѣтски вѣрилъ въ чудеса святыхъ, какъ прежде вѣрилъ въ кудеса вѣдуновъ. Почему волхвы, кебуны, чародѣи, ревнуя о своихъ выгодахъ, отстаивая свое вѣдунство, всячески старались отвлекать народъ отъ вѣры во святыхъ, чудесамъ ихъ пытались противопоставлять кудеса, какъ напр. Зырянскій Пама Стефану Пермскому, Лопарскіе Кебуны — Трифану Печенгскому. Но

---

[1]) Hanusch, Wissensch. d. Slavisch. Mythus.

[2]) Grimm, D. M. S. 579.

благочестивые іерархи, монахи и священники, при помощи церковныхъ книгъ, при содѣйствіи, въ послѣдствіи, гражданской власти, мало по малу отучали народъ отъ вѣры въ кудеса. Не приводя всѣмъ извѣстныхъ, многочисленныхъ, обличительныхъ поученій церкви, направленныхъ противъ прибѣгавшихъ къ волхвамъ, и обходившихъ святыхъ [1]), мы укажемъ для примѣра два факта изъ житій святыхъ. «Есть на Поморіи наволокъ Унежма,—читаемъ напр. въ житіи Зосимы и Савватія Соловецкихъ,—въ мѣстѣ же томъ человѣкъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прю нѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати. Единому ихъ угоди, а другаго оскорби; оскорбленный же онъ зѣльнѣ огорчися нань. Кудесникъ же онъ бѣсовскимъ ухищреніемъ, якоже обычай имъ укоренился въ нихъ злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесь бити, таже насылаетъ бѣса на Никона. Посылаетъ же Никонъ сына своего къ другому кудеснику, ему же добро сотвори, дабы помоглъ ему». Старецъ Соловецкаго монастыря, прилучившійся въ томъ селѣ, отклонилъ Никона отъ кудесъ, и научилъ его прибѣгнуть къ чудесной помощи Зосимы и Савватія Соловецкихъ. «Въ Новгородѣ былъ нѣкто гость Алексѣй Курнековъ, читаемъ въ томъ же житіи: у него сынъ заболѣлъ опасно. Алексѣй же онъ, яко препростый человѣкъ, не разумѣ прежде твердаго пристанища, еже прибѣгнути къ Богу и къ святымъ его, плотстіи бо, рече, духовная мудрствовати не могутъ. Приставиша къ нему нѣкоего кудесника. Онъ же по волхвамъ попаше его, и ничто же успѣваше». Опять старецъ Соловецкій научилъ больнаго прибѣгнуть къ чуду Соловецкихъ чудотворцевъ.

Своеобразное практически-миѳологическое воззрѣніе древне-русскаго человѣка на чудеса святыхъ условливалось отчасти и его матеріальнымъ бытомъ, совершеннымъ незнаніемъ силъ и законовъ природы, неумѣньемъ пользоваться ими для своихъ практическихъ нуждъ, направлять ихъ къ собственному матеріальному благу.

Ни рафли, аристотелеви врата, зодѣи, астрономы XVI и XVII вѣка, ни космографіи, луцидаріусы и географіи, ни громовники,

[1]) Такихъ поученій довольно напечатано въ актахъ историческихъ. Нѣсколько ихъ находится въ рукописн. Измарагдѣ Соловецк. подъ № 270. Почти всѣ они нигдѣ не изданы.

ни цвѣтники, травники и зелейники, ни бестіаріи, ни лечебники не распространяли въ народѣ истиннаго естествознанія. Народъ не зналъ, по словамъ западныхъ путешественниковъ, ни земли, ни воды [1]). Природа въ его воображеніи еще исполнена была чудесъ и миѳовъ. Онъ съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣлъ на метеоръ. Взорамъ его мерещились «не былинныя зраки». Онъ вѣрилъ въ баснословную силу камней, травъ, цвѣтовъ, видѣлъ чудеса на деревьяхъ, разсказывалъ про миѳическихъ чудовищныхъ змѣй на сѣверѣ и въ низовьяхъ Волги, про каменныхъ людей и каменныхъ дѣвокъ близь Самары и т. п. При этой настроенности къ чудесности въ природѣ, — народъ читалъ въ церковныхъ книгахъ, слышалъ отъ граматниковъ, повѣствователей, отъ священниковъ, дьячковъ и монаховъ разныя сказанія о чудесахъ святыхъ. А тутъ еще и собственная матеріальная жизнь его представляла много превратностей неожиданныхъ, непонятныхъ и страшныхъ. Много страдалъ древній русскій человѣкъ отъ стихій природы, отъ звѣрей, страдалъ разными физическими болѣзнями. Страдалъ, а не зналъ, какъ пособить горю, какъ прекратить, уничтожить зловредныя дѣйствія природы, покорить физическія силы и стихіи своему благу: ибо не зналъ таинъ природы, ея силъ и законовъ. Къ тому же, на долю русскаго народа выпалъ жребій совершить особенно великую, сильную борьбу съ природой. Колонизуя и разработывая огромныя пустынныя пространства сѣверо-востока, онъ проторгался сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, гдѣ почти на каждомъ шагу спотыкался и изнемогалъ, встрѣчался и боролся съ звѣрями, страдалъ отъ мороза, утопалъ въ рѣкахъ, въ большихъ озерахъ и проч. [2]). Онъ на льдахъ сѣвернаго океана искалъ добычи, отправлялся артелями на веснованье: тутъ, какъ видно изъ жизнеописаній сѣверно-поморскихъ святыхъ, онъ постоянно и страшно страдалъ отъ бурь морскихъ. Въ житіяхъ поморскихъ святыхъ про это самъ народъ разсказываетъ любопытныя былины и легенды. Про-

---

[1]) Das Land, — писалъ напр. Петрей о русской землѣ и о русскомъ народѣ, — das Land ist überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bäuerisch, tölpisch, und fang weder zu Wasser noch zu Lande, darzu sie selbst Ursach seyn.

[2]) Въ древнихъ уставныхъ граматахъ постоянно говорится объ этомъ: «а кто въ деревняхъ въ водѣ утонетъ, или кого въ лѣсѣ деревомъ заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или громъ убьетъ, или кто съ студени умретъ, или кого возомъ сотретъ, или кто водою къ деревнямъ приплыветъ убитый человѣкъ» и проч. См. напр. А. И. II, № 77, 86 и мн. др.

торгаясь сквозь лѣса, вслѣдъ за отшельниками-чудотворцами, народъ нашъ много работалъ, ставилъ города, деревни и починки въ лѣсахъ, вновь распахивалъ пашни, расчищалъ луга и пожни, устроялъ по рѣкамъ и озерамъ ловли, тони, — и эту работу свою, по всей справедливости, назвалъ *страдой*, также какъ, по своему живому сочувствію съ природой, онъ назвалъ *страдомыми* и лѣса, которые рубилъ, и деревни, которыя ставилъ «на лѣсѣхъ» и рѣчныя и озерныя и т. п. угодья. Страдалъ онъ и отъ непогодъ и суроваго сѣвернаго климата, «морозомъ побивавшаго его посѣвы (по свидѣтельству историческихъ актовъ) почти во всякое лѣто» и проч. и проч. Слѣдовательно, ему нужны были, судя по его необыкновенной, богатырской, страдальческой работѣ въ борьбѣ съ природой, такія могучія силы, которыя бы сдерживали для него препятствія и вредныя дѣйствія природы. И вотъ, не зная силъ природы и не умѣя покорять ихъ, какъ покоряетъ теперь разумъ, онъ вѣрилъ въ силу чудесъ, въ помощь христіанскихъ чудотворцевъ. Вѣра въ чудотворное могущество святаго покорять силы природы, останавливать зловредныя дѣйствія ея стихій и явленій имѣла такимъ образомъ практическое основаніе. Чудо святаго въ области природы замѣняло для древняго русскаго человѣка разумное, научное покореніе въ пользу человѣка физическихъ силъ, явленій, стихій природы. Въ жизнеописаніяхъ чудотворцы представляются именно поборниками народа противъ стихій природы, противъ всякихъ физическихъ бѣдствій. Вотъ какъ напр. начинается житіе Антонія Сійскаго: «Бысть сице: отъ сотворенія міра, въ лѣто 7180, отъ дождевныя мокроты и отъ великихъ бурь и отъ облачныя толстоты на много солнца не видѣти, и земнымъ плодомъ замедленіе бысть веліе, и ржаные плоды отъ того дождя и бури излегли и не исправилися, и цвѣту въ нихъ не бысть, яко протягнулись іюля мѣсяца до 7-го числа, и иному всякому плоду не растущу, человѣкомъ же и всякому роду зѣло о семъ скорбящимъ, паче же въ скудости пребывающимъ. Но человѣколюбивый Господь Богъ, не хотя своего созданія до конца погубити, но полезное о всѣхъ промышляя, *посылаетъ* милостивнымъ явленіемъ заступника нашей странѣ и общаго предстателя, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія чудотворца Сійскаго» [1]). Такимъ образомъ

[1]) Ркп. житіе Антонія Сійскаго. Точно также въ случаѣ эпидемическихъ болѣзней простой народъ нашъ уповалъ на помощь даже образовъ святыхъ. Не приводя многочисленныхъ фактовъ изъ исторіи древней Россіи, вспомнимъ одинъ

почти каждая область, каждый городъ, рознясь между собою во многихъ мѣстностяхъ этнографическимъ составомъ населенія, изстари стремясь къ земской, территоріальной особности, самостоятельности, по *рѣчнымъ передѣламъ*, или по *раздѣламъ земли и воды*, а также и къ мѣстному земскому самоуправленію, — и въ религіозномъ отношеніи, признавали своихъ особенныхъ мѣстныхъ святыхъ покровителей и стражей своей страны. «Псковъ и великій Новгородъ (читаемъ въ одномъ русскомъ житіи) блажитъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажитъ князя Θеодора, московское же царство блажитъ Петра и Алексѣя и Іону и Максима и инѣхъ множество; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіяна и Ефрема; Вологда бо блажитъ преподобнаго Димитрія и иныя тамо сущія многія: каяждо страна своихъ блажитъ. И мы же (Устюжане) тебе, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага рѣка, на ней же градъ Сенкурія, и та блажитъ Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій же островъ и все поморіе блажатъ Савватія и Зосиму. Мы жь тобя, яко же стража и хранителя, имѣемъ отчины града нашего Устюга». Народныя легенды о чудесахъ святыхъ той или другой области, записанныя со словъ всякихъ чиновъ людей въ рукописныхъ житіяхъ древне-русскихъ святыхъ, характеристично выражаютъ съ многоразличныхъ сторонъ эту натурально-практическую основу народнаго вѣрованія въ чудеса святыхъ, и притомъ со всѣми мѣстными, областными, географическими и часто даже этнографическими особенностями народнаго быта: въ чудесахъ каждаго мѣстнаго, областнаго святаго вполнѣ отражаются мѣстныя физическія условія областнаго населенія и особенности областей географическія и физическія. Особенно обильны характеристичными выраженіями практической, непосредственно натуральной вѣры народа въ чудотворныя силы святыхъ сѣверно-поморскія легенды.

фактъ изъ XVIII столѣтія, изъ времени Екатерины II. Англійскій министръ, лордъ Cathcart писалъ слѣдующее въ своей депешѣ отъ 8-го октября 1771: Les nouvelles que l'on vient de recevoir de Moscou, où il y a la peste, sont bien tristes, la population de cette capitale, abandonnée par les autorités et poussée au désespoir par le danger qui croit de jour et par les absurdes mesures de la police, n'a trouvé d'autres ressources que de placer sa confiance dans les miracles que l'on attribue à certaines images. L'archevêque, un homme de bonne naissance et d'esprit, s'apercevant du péril qu'il y avait à donner la communion a un grand nombre d'individus déjà attaqués par l'epidémie,... enfin a donné l'ordre d'enlever quelques unes des images miraculeuses autour des quelles se pressait la foule, afin d'éviter la contagion».

Наконецъ, эта вѣра, это благоговѣнье къ чудотворцамъ сѣверо-восточнымъ были отчасти безсознательнымъ, младенческимъ выраженіемъ народной благодарности за вспомогательные подвиги ихъ въ борьбѣ съ незавоеванной еще тогда вполнѣ русскимъ народомъ сѣверо-восточной природой. Отшельники нерѣдко первые пролагали дорогу колонизаціи и культурѣ русской земли. Не имѣя возможности и мѣста излагать здѣсь всю обширную исторію монастырской колонизаціи и культуры, считаемъ, однакожъ, не лишнимъ указать хотв два-три факта. «Пустыня была непроходная (большая часть московской области въ XIV в.), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго, — нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля мірскія, села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и нощію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ зміевъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщь и вящшее ползущихъ зміевъ и ужевъ не бываетъ. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловашеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесъ толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человѣкъ въ свободахъ на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша» [1]). Точно также, когда другъ и собесѣдникъ Сергія Кириллъ Бѣлозерскій поселился около Бѣлоозера, «пусто и скудно было мѣсто то, по словамъ жизнеописателя его, боръ бяше велій и чаща, и никому же отъ человѣкъ живущу». А когда пустыня св. Кирилла стала знаменитою обителью, въ предѣлахъ Бѣлозерско-вологодскаго края, стало на лѣсѣхъ и на пустошахъ до 398 поселеній [2]). Точно также народная память чтила заслуги чудотворцевъ русскихъ для культуры. Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Въ окрестностяхъ Соловецкаго монастыря до XV в. жили дикіе лопари. «Древле быша сіи родове, (сказано о нихъ въ Соловецкой рукописи «Садъ спасенія») яко звѣріе дикіи живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда

---

[1]) Времен. кн. X, смѣсь стр. 7 и 8.

[2]) А, И. I, стр. 299. А. Э. 1, стр. 474.

же — кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ — камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ» и пр. А когда поселились между ними, на Соловецкомъ островѣ, Зосима и Савватій и устроили обитель, то принесли въ поморье не только сѣмена христіанства, но и начатки матеріальной культуры. Обитель ихъ стала училищемъ лучшей матеріальной жизни. Тамъ, гдѣ прежде финскіе полудикари вовсе не умѣли направлять силъ и стихій природы къ улучшенію матеріальнаго быта человѣка, вполнѣ подчиняясь физическимъ неудобствамъ страны, тамъ появились кое-какія искуственныя улучшенія, весьма рѣдкія въ древней Руси. Озера, которыхъ въ Поморьи почти безчисленное множество, и которыя часто препятствовали сообщенію людей, на Соловецкомъ островѣ соединяемы были прорытыми каналами. Равнымъ образомъ тамъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ монастырскихъ земляхъ, чистили и дѣлали хорошія дороги на мѣстахъ, дотолѣ покрытыхъ непроходимыми болотами и мхами. Увеличивали приливъ воды въ мелководныхъ рѣкахъ. Сотни поморскихъ работниковъ строили каменныя водяныя мельницы, въ которыя посредствомъ каналовъ проводилась вода изъ отдаленныхъ озеръ. Тамъ, гдѣ прежде не знали первыхъ началъ культуры, простыхъ орудій для наливанія и выливанія воды, тамъ финскіе полудикари, жившіе вокругъ Соловецкаго острова, видѣли искусственные проводники воды и другихъ жидкостей, черезъ которыя жидкость, по словамъ соловецкаго лѣтописца, «сама сливалась со всѣхъ чановъ: черезъ трубу подымется на верхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется». «До Филиппа Игумена, продолжаетъ Соловецкій лѣтописецъ, рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ нарядилъ телѣгу, сама насыплется и привезется сама и высыплется рожь на сушило. Прежде рожь подсѣвали многіе, а игуменъ доспѣлъ сѣвальню съ 10 рѣшетами, сѣетъ одинъ человѣкъ, при немъ же доспѣли рѣшето, само насыпаетъ и сѣетъ, отруби и муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде многія братія носили рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ». Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія пещеръ и ямъ, тамъ устроены были кирпичные заводы съ лучшими способами копанія глины: «преже

игумена Филиппа на варакѣ глину на кирпичь копали людьми, а нынѣ воломъ орютъ однимъ, что многіе люди копали, и на кирпичъ ту глину мяли людьми же, а нынѣ мнутъ конми». Тамъ, гдѣ не умѣли строить домовъ деревянныхъ, жили въ пещерахъ и разсѣлинахъ, тамъ полудикіе обитатели финскаго поморья видѣли «каменныя палаты съ стекольчатыми окнами и книгохранительныя каменныя палаты», и проч. [1]) Какъ на западѣ въ средніе вѣка, архитектура, развиваясь подъ вліяніемъ обителей святыхъ, имѣла свои отдѣльныя корпораціи, напр. Bernardus valles, montes Benedictus amabat, oppida Franciscus, celebres Ignatius urbes, такъ и по нашимъ народнымъ сказаніямъ — нѣкоторые изъ знаменитыхъ древне-русскихъ святыхъ представляются чѣмъ либо замѣчательными въ матеріальной культурѣ русской земли.

Древне-русскій человѣкъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый исцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч., — древне-русскій простолюдинъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святаго: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать, И такъ мало по малу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святаго просить. Такъ народъ нашъ доселѣ поетъ въ одномъ своемъ духовномъ стихѣ:

Мати Божья Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница!
Заступи, спаси и помилуй
Сего дому господина
Отъ огненной пожоги,
Отъ водяной потопи!
Попаси же ему, Господь Богъ,
Хлоръ, Лаверъ лошадокъ,
Власій коровокъ,

---

[1]) Рукоп. Солов. лѣтоп. № 484.

Настасій овечекъ,
Василій свинокъ,
Мамонтій козокъ,
Терентій курокъ,
Зосимъ Соловецкій пчелокъ,
Стаями, роями,
Густыми медами.

У старообрядцевъ, равно какъ и православныхъ, въ домахъ, на стѣнахъ, привѣшиваются полныя росписанія, какой святой чѣмъ обладаетъ въ области природы и физической жизни человѣка.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе, почему, напр., Хлоръ-Лавёръ признаются нашимъ народомъ пастырями лошадокъ,—Власій коровокъ, Настасій овечекъ и проч., мы ограничимся историческимъ объясненіемъ религіозной санкціи пчеловодства въ лицѣ Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Напередъ нужно сказать нѣсколько словъ о значеніи пчеловодства или бортничества въ древней Руси. Было время, когда не только земледѣліе и рыболовство, но, при изобиліи богатыхъ разною производительностію, большею частію еще непочатыхъ лѣсовъ, и бортничество или пчеловодство составляло одинъ изъ первыхъ путей для колонизаціи и первоначальной культуры финскаго сѣверовостока лѣснаго, полудикаго. Въ *«Польской»* ли *землѣ* [1]) ставился городъ, напр. Москва, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій или *«на лѣсѣхъ»* посажались, поставлялись починки и деревни, — во всякомъ случаѣ первые поселенцы ихъ высылали слугъ своихъ *«работныхъ людей»*, либо выѣзжали сами изъ города или изъ деревни во всѣ четыре или пять сторонъ, каждый по своему промышленнному *уѣзду*, *«пути и ухожаю»*. У кого были *работные люди*, напр. у князей, у бояръ, у церковныхъ властей, тѣ населяли, при своихъ хозяйственно-промышленныхъ *ухожаяхъ* или угодьяхъ «работными людьми страдомыя деревни», напр. при рыбныхъ рѣкахъ и озерахъ, «по стольничему пути», ставились *деревни рыболовли* [2]), «по ухожаямъ бобровымъ» — *деревни бобровниковъ* [3]), при соляныхъ озерахъ и варницахъ населялись «соловарами, водо-

---

[1]) *Польскою землею*, по никоновской лѣтописи, въ XII вѣкѣ называлась не только Украйна за-Окская, Рязанская, Степная, Саратовская и Астраханская, но и Ростовско-Суздальская.

[2]) А. Э. I, № 143, 66, 83.

[3]) А. Э. I, № 12.

ливами и дрововозами *деревни соловаровъ*, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались нѣкоторые города, наприм. соль-галическая, соль вычегодская, соль тотемская и проч. Такимъ же путемъ возникали въ древней Руси и *деревни бортничи*, населявшіяся пчеловодами и бортниками. Въ старину, лѣса русской земли изобиловали бортями и пчелами. Иностранные путешественники удивлялись безчисленному множеству попадавшихся въ лѣсахъ цѣлыхъ роевъ дикихъ пчелъ, которыя не рѣдко нападали на пчелъ домашнихъ. Къ числу главныхъ произведеній Московіи западные путешественники относили медъ и воскъ [1]). Вслѣдствіе такого изобилія пчелъ и «*бортничихъ и медвяныхъ ухожаевъ*», естественно было выводить особыя промышленныя поселенія по этимъ ухожаямъ, и вотъ всѣ землевладѣльцы, князья, бояре, церковныя власти и своеземцы посажають бортничи деревни на своихъ бортныхъ путяхъ. Въ московскомъ напр. уѣздѣ, въ XIV и XV вѣкахъ, изъ поселеній на княжескихъ бортныхъ ухожаяхъ и путяхъ образовался цѣлый *бортный станъ* [2]). Радонежское село, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, также населено было бортниками [3]), на *старѣйшемъ пути* московскихъ князей населено было село Добрятинское при *добрятинской борти* [4]). Таковы же деревни и слободы: «Смоляныя съ бортью, Кропивна съ бортники съ кропивинскими, съ исменскими, съ гордошевскими и съ рудьскими бортниками, Желѣзкова слободка съ бортью» и проч. Бортники, селясь такимъ образомъ на бортныхъ ухожаяхъ разныхъ землевладѣльцевъ, или сами заводя себѣ борти, въ эпоху средневѣковаго господства частнаго права, права сильнаго, въ эпоху сильнаго стремленія къ похищенію чужаго имѣнія, частыхъ вторженій за чужую межу и въ чужой лѣсъ, — бортники, естественно, постоянно должны были опасаться похитителей и разорителей пчелъ въ своихъ бортныхъ лѣсныхъ ухожаяхъ [5]). Въ эпоху языческую, бортники заговаривались отъ похитителей пчелъ: заговоры религіозно-языческіе сохранились и донынѣ. Въ эпоху христіанскую средневѣковую, при господствовавшемъ тогда представленіи особыхъ святыхъ въ каждой области физической жизни, когда древне-языческіе заговоры

---

1) Географ. извѣст. о древн. Рос. Отеч. Зап. 1853.

2) А. Э. I № 72.

3) Собр. Г. Гр. т. 1 стр. 77.

4) Ibid № 34.

5) О физической или естественной обстановкѣ пчеловодства будетъ подробнѣе сказано въ очеркѣ земледѣльческаго міросозерцанія.

передѣлывались въ христіанскіе заговоры и заклятія, бортникъ — простолюдинъ легко могъ придти къ вѣрѣ въ особыхъ христіанскихъ святыхъ, покровителей и хранителей ихъ пчелъ и бортей. И Зосимъ и Савватій Соловецкіе, которые, по преданію, первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составился особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника такой: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣднями въ мшеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня и положи въ чистый сосудъ и въ тотъ сосудъ положить ростнаго ладону и окружить на пчельникѣ или во мшеникѣ и поставить свѣчу Изосима и Савватія соловецкимъ чудотворцамъ, и помолиться имъ съ вѣрою и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ. Три раза аминь». Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленья благости Господа къ уповающимъ на него», состоящаго изъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго, и проч.», читается дважды молитва *къ пчеламъ:* «Господи Исусе Христе Сыну Божій, помилуй меня грѣшнаго раба своего (имя рекъ)! Господи благослови, аминь». За тѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы. Ихъ всѣхъ 7. Мы приводимъ здѣсь одну первую, какъ болѣе идущую къ нашей статьѣ: «На морѣ-океанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ каменъ алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и спасъ образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Маріею, и вышніе помощники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нарименскія горы за силою пчелиною поймати крапчика и матку и посадити въ зезлъ свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезлъ свой въ правую сторону. То они посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гавріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Папа Рымскія земли, въ Рымскія горы, и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезлъ свой и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы подымаются, тако бы подымалася сила пчелиная и пошла за Изо-

симомъ и Савватіемъ Соловецкими чудотворцами силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путьямъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрныя земли, тогда архангелъ Гавріилъ повелѣлъ Изосиму и Савватію бросить въ правую сторону зезлъ и крапчика и матку возгнаніе дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путьямъ и тропамъ. И рече святый отецъ: милостивые посланники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, возмите зезлъ свой, благословите и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Святителю. И рече святый отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей седмицѣ по твоему повелѣнью, сохраненъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спаслъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ ноземъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи, дѣвать и сажать? Господь же, благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустити отъ востока и до запада во всю россійскую землю, въ тюмныя лѣса въ угодныя древа, православнымъ христіанамъ и ко мнѣ рабу Божіему (имяреку). Создай Господи милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу Божію во дворьѣ, въ лѣсу и на пчелникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на фимиянъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утвержденіе до скончанія вѣка сего, такожди Господи утверди у меня раба Божія (имреекъ), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватей, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба Божія во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и полчетверти. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окурю отъ всякаго глаза, отъ мужескаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ чернеца и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретника и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихаго человѣка и отъ чужихъ на-

летнихъ пчелъ во граду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старые и молодые до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морью всѣ морья покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и нощно, такъ бы, по повелѣнію Божіему, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (имрекъ), на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы и отъ водяннаго потопленья и отъ нечистаго духа и отъ лукаваго человѣка, покажи Господи милость свою, пришли и надѣли своимъ Божіимъ повелѣніемъ и надѣленіемъ моимъ пчеламъ со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго сухаго и сѣраго, и со всякаго плоду брать на воскъ и на канонъ. Не повели Господи портить моихъ пчелъ и пчельника ни колдуну ни колдуницѣ, ни еретнику ни еретницѣ; ни дьявольскимъ наученіямъ и всякому злому человѣку. Сохрани и помилуй отъ нынѣ и до вѣка (три раза) аминь. Земля-замокъ, небо-ключь 3. Аминь».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Заговоры, извлеченные изъ рукописей старообрядческихъ.

1. Ложуся я рабъ Божій имракъ — Богу помолюся, встаю рабъ Божій имракъ — крестюся, умываюся я рабъ Божій имракъ — благословюсь водою бѣлъ, утираюся я рабъ Божій имракъ престольною пеленою, иду я рабъ Божій имракъ: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою стоитъ бѣлая береза-гробница, въ той гробницѣ лежитъ Афанасій чернецъ, старецъ Анисимъ патріархъ и посхимошися именемъ, осташеся каменемъ, и слово неговоритъ; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ милостивый, Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гавріилъ архангелъ, Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святые апостолы, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чудотворецъ, помолюсь я рабъ Божій имракъ 12-ти апостоламъ, Іоанну Предтечи, Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Гавріилу архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостоламъ, Михаилу архангелу, Гавріилу архангелу, Георгію храброму, Николаю святому чудотворцу, одѣваюся я рабъ Божій имракъ небомъ; подпояшуся я рабъ Божій имракъ облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ Хри-

стовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Бога на помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонашъ, постриженъ и посхименёнъ, окамененъ, и оставсе и съ каменемъ въ гробницѣ лежа, также и противникъ мой онѣменъ. Крестъ на мнѣ рабѣ Божіемъ имракѣ, крестомъ я рабъ Божій имракъ ограждаюся отъ сопротивника своего, еретика, еретницы, отъ клеветницы; замыкаюся я рабъ Божій имракъ отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдунъ, отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я рабъ Божій имракъ съ тѣхъ девяносто позалоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и одинъ на днѣ лежитъ камень латирь, никому въ кіянѣ не бывать, и ключей моихъ не вынимать.

Во имя Отца и Сына и святаго духа аминь. Отъ земли и до небеси около меня раба Божія имрака стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ немъ породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Іисуса Христа, ангела, архангела и великіе архангеліе грозныхъ силъ воевода святый архангелъ Михаилъ и архангелъ Гавріилъ и святой страстотерпецъ Дмитрій, святый и храбрый Георгій, тѣ меня раба Божія имракъ берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими; не даютъ меня раба Божія имрака лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоть, ничѣмъ бити ни коніемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни мечемъ лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служебника своего ангельскаго, мученическаго раба Божія имрака предъ царемъ Александромъ Македонскимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ святыхъ, вдовицъ умоленіемъ. Стой неходи ко мнѣ рабу Божію имраку умоленіемъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ не ходи ко мнѣ рабу Божію имраку, умоленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала и до сего дни, умоленіемъ вдовицъ, стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу Божію имраку, черезъ благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, умоленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помилуй загради и заступи и защити раба Божія имрака отъ стрѣлъ лѣтящихъ, и отъ всякаго желѣза, отъ булату и отъ укладу, и отъ камене, отъ стали, и отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго древа русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и воинскаго и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищальки, и отъ самопаловъ, и отъ пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ каменныхъ трескъ и оловян-

ныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дроби всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семъ свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перья и отъ всякаго погубленія черемисскаго и татарскаго, бухарскаго и крезнискаго (sic), и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя, крестъ креста церковнаго, крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святый великій Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба Божія имрака Иродовыхъ 12-ти дщерей, и сохрани меня грѣшнаго раба своего имрака душу мою и тѣло цѣло и здраво, до окончанія живота моего, и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. *Читать по утрамъ и зарямъ трижды.*

2. Молитва руду унимать. 1841 года. Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную, ручебную, ножевую, топоровою. Выду я въ чисто поле на чистое море; на чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаетъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ камень не растетъ, у раба Божія имрака руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка руду прикладываетъ вода не канетъ, не каменемъ руда не канетъ. Аминь. Царя небеснаго Господа Іисуса Христа сыне Божій помилуй насъ. Аминь.

3. Лягу я рабъ Божій имракъ помолюся, перекрестясь, умоюся святою водою, утреннею росою, утруся бѣлымъ тканнымъ полотенцемъ; пойду я рабъ Божій имракъ изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на сіонску взирающи, крестомъ себя ограждающи, погляжу я рабъ Божій имракъ въ чистое поле, въ зелено поле, около моря, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ окоморьи стоитъ златая святая лѣстница, и съ той возрачно по святой лѣстницѣ шелъ Божій ангелъ Михаилъ архангелъ; и пойду я рабъ Божій имракъ помолюся и поклонюсь: батюшка Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ, заговори мнѣ тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату красной мѣди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и

нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ святымъ поясомъ, и запри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей, и рече ему рабу своему имраку: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ святая апостольская соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ заступница мати Божія пресвятая владычица Богородица; поди рабъ Божій помолись и поклонись, при семъ рабъ Божій имракъ помолился и поклонился: заступница матушка, пресвятая владычица Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ поясомъ, и запри и замкни въ тридесять ключей. И рече ему рабу своему имраку: поди ты рабъ Божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стоитъ апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ самъ Господь сынъ Божій Іисусъ Христосъ, подойти и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшъ златымъ своимъ поясомъ, и запри и замкни въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей. И рече ему рабу Божію имраку своему Господь нашъ Іисусъ Христосъ сынъ Божій: заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу святымъ своимъ поясомъ, и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ океанъ-море, и взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба Божія не отмыкать, а кто есть ключь достанетъ, тотъ тебя раба Божія отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ камнѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покаряются, какъ и льву звѣри вси покоряются, такъ бы и тебѣ вси покорятся, покоряются други и недруги, покорялися, что ты говоришъ, тебя бы и слушали, и твою волю творити. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

4. Господи благослови! Облекохся въ небеса, одѣяхся въ облако, и помолихъ Бога и свѣтъ Георгія: о святый Георгіе, умягчивый 7 царей какъ овче, а меня раба Божія (имракъ) якоже льва свирѣпа во имя Отца и Сына и святаго духа, и нынѣ и присно и т. п. Аминь.

5. Лягу я рабъ Божій имракъ помолясь, встану я рабъ Божій перекрестясь, умоюся святынею, помолюсь спасу и пречистыя Богоматери; пойду я рабъ Божій изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу мнѣ архистратихъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я рабъ Божій Михаилу архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятью ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу Божію Михаилъ архангелъ: заслоню я тебя раба Божія желѣзною дверью, и замкну тридевятью замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ; первый Маріи, второй Прасковьи, третій Ериси (sic), возмите ключи, отнесите на небеса, и кто эти ключи достанетъ, тебя раба Божія отмыкать станетъ. Мати Божія пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ Божій къ рабу Божію имраку: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, не мѣста, а хотя я рабъ Божій хожу и пятами своими топчу, только бы у тебя на меня не было, ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лазилъ, снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое, ты предо мной еси лютый огнь, а я предъ тобой есмь сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою, во вѣки вѣковъ. Аминь. Боже очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою, но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отвержу уста моя недостойный и восхвалю имя твое, Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

Во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и сѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

6. Заговоръ крови. Аминь. На мори на акіяне, на островѣ на буяне, лежитъ горючь камень; на томъ камнѣ сидѣла пресвятая Богородице, держала въ рукѣ иглу золотую; вдѣвала нитку шолковую, зашивала рану кровавую: тебѣ рана не болѣть, и тебѣ кровь не бѣжать; поговорить: аминь.

7. Стану я рабъ Божій И. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной есть окіянъ синее море, на томъ на окіянѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на

томъ бѣлолатырѣ камнѣ стоитъ святая золотая церковь, во той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я пріиду рабъ Божій И. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ богословъ, Иванъ предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня раба Божія Ивана тынъ желѣзный, верьи бѣлатны на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ неувидѣть; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я рабъ Божій И. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троеженова, отъ двоезубова, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечьнаго, отъ сѣннова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, ото всякаго злаго находа человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громъ и громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? не можетъ злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еритица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка, бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь.

8. Унятіе руды.

Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле въ востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану-морю; у окіана-моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порезы и носѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала, какъ изъ латыря камня не воды, также изъ раба Божія ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба Божія имракъ ни руды, какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде

бы у раба Божія имрака твердо утвердились, рука заключись въ море, квючи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ камени воды, стань кровь затекись, гуще густаго клею; во имя Отца и Сына и святаго духа. Аминь, аминь, аминь.

9. Господи Іисусе Христе сыне Божій помилуй насъ! Стану я рабъ Божій имракъ благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ въ восточной сторонѣ, стоитъ буевой островъ; на томъ буевомъ островѣ стоитъ святое дерево, изъ подъ того святаго дерева выходитъ булатный быкъ, булатными рогами гору бодётъ, ногами скребетъ; и какъ у этого булатнаго быка булатные рога крѣпки не гнутся, и не ломятся, и не плющатся, также бы у меня раба Божія имракъ становая жила не гнулась бы и не ломалась, крѣпко бы стояла, колъ коломъ, рогъ рогомъ стояла бы, столбъ столбомъ, стрѣла стрѣлой, копіе копьемъ, ни задъ бы, ни передѣ не ломилю, ни шепоты и не ломоты, ни въ денныхъ часахъ, и ни въ нощныхъ часахъ, ни въ полуденныхъ и полунощныхъ, ни на молоду, ни на исходѣ мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки вѣковъ. Аминь. Во имя Отца и Сына и святаго духа. Какъ громъ грянетъ, и молнія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гремѣло; какъ не можетъ никто тварь Божію, солнце и луну, громъ и молнію постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе постановить. Аминь.

10. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле въ востокъ въ восточную сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіянѣ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ святаго окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубитъ тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щена летитъ, також де бы и отъ меня имракъ валился на сыру землю борецъ добрый молодецъ, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. Трижды.

И тѣмъ замокъ моимъ словамъ, ключь въ море замокъ въ небѣ, отъ нынѣ и до вѣка.

11. Молитва пресвятыя Богородицы.

Спала еси пресвятая Богородице во святомъ градѣ Вифлеемѣ Іудейскомъ, во святомъ храмѣ по мартъ мѣсяцъ, и видѣлся сонъ

ей страшенъ вельми, и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и рече ей: мати моя возлюбленная пресвятая Богородице Марія, спиши или не спиши, или что видишь; и рече ему пресвятая Богородице: чадо мое возлюбленное, истинный Господь Іисусъ Христосъ, я спала есмь во святомъ градѣ во Вифлеемѣ на мартѣ мѣсяцѣ, и видѣлся сонъ мнѣ про тебя вельми страшенъ, что тебя Июемоны Пилаты взявши и приведоша къ Понтійскому Пилату, и ударишa по ланитѣ, и на главу твою святую терновъ вѣнецъ возложенъ, и ребра Твоя святые копіемъ прободены, сице кровь и вода святая изтече на изцѣленіе христіаномъ, и желчію напоиша, тростію по главѣ ударишa, и на крестъ пригвожденъ и воскресъ. И рече истинный Іисусъ Христосъ, воистину тако будетъ; аще который человѣкъ сонъ твой на себѣ носитъ въ чистотѣ, или въ домѣ своемъ держитъ, или по всякъ день прочтетъ, и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ муки вѣчныя, отъ діавольскаго навожденія, во дни и въ нощи, въ ядѣніяхъ и питіяхъ избавленъ будетъ; который человѣкъ пойдетъ, при царѣ или при вельможѣ, и сонъ твой съ собою возметъ или прочитаетъ трижды, и утолится супостатъ отъ васъ аще на службѣ умретъ, или разбойники убьютъ, и того человѣка душу ангели Божіи отъ всякія скверны очистятъ, и возьмутъ душу его ко престолу Господню на небеса, поставятъ у престола Господня съ праведными душами, избавленъ и злыхъ человѣкъ и вѣдуновъ и отъ ведуницъ, отъ трясовицъ летающихъ, и отъ всякаго сатанина мечтанія, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.

12. Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего имракъ, аминь, на мнѣ рабѣ Божіемъ имракъ грамата отъ града Господня, пріидетъ ко мнѣ рабу Божію имракъ, — и ту сію грамоту возьму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ имракъ на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святый, аще на сію нощь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластаютъ и вѣшаютъ, а во очи появлюсь я рабъ Божій имракъ предъ князя болярина и предъ судьями и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабѣ Божіемъ радуются и веселятся и съ мѣста востаютъ, какъ же станетъ около меня раба Божія тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ учениць, отъ калика перехоженія, отъ . . . . . . и отъ

всякаго злаго человѣка, какъ снидетъ ко мнѣ рабу имракъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми евангелистами Матвѣемъ, съ Маркомъ, съ Лукою, и Іоанномъ и со всею силою небесною, и ведетъ меня самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и ту вѣтку сладкую сорветъ около главы моей, трижды обнесетъ отъ князя и болярина, отъ судей, и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ, бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ со всѣмъ я рабъ Божій имракъ сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключь и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, небесный царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ царю небесному. Аминь. День пройде, ночь настанетъ, ложится спать рабъ Божій имракъ, печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятыя Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста, на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ врага прогоняетъ, враги ему заклинаются, мнѣ тутъ не бывать на рабѣ Божіемъ, не стояти, учинили храмины печать Петръ и Павелъ, Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи. Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

13. Молитва архангелу Михаилу. Аще человѣкъ котораго дни глаголетъ, то непріидетъ на него никакое зло, ниже діаволъ, но вся изчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ. Господи Іисусе Христе сыне Божій, великій царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на престолѣ со Отцемъ и Сыномъ и со святымъ духомъ, славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой, Господи архангела своего Михаила на помощь, мнѣ грѣшному рабу имракъ, избави мя враговъ моихъ видимыхъ и не видимыхъ, великій господине архангеле Михаиле излей море благо на раба твоего имракъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избави мя отъ бѣсовскихъ козней, навѣта и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и призри на мя недостойнаго раба твоего имракъ и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и невидимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра и великій святый архангелъ Михаилъ первой княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ, буди помощникъ во

всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, и на расходныхъ, и на морѣ, и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани, спути, сохрани, укрѣпи у всѣхъ человѣкъ въ чести, избави мя прелести діавольскія и проч.

II. Сказаніе, кіимъ святымъ, каковыя благодати отъ Бога даны, и когда памяти ихъ.

О прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ, молитися.	Пресвятой Богородицѣ Казанской, іюля 8-го.
О изцѣленіи болѣзни очныя.	Мученику Минѣ египтянину, ноября 11-го.
О томъ же.	Мученику Лаврентью архидіакону, августа 10-го.
О томъ же.	Мученику Логину сотнику, октября 16-го.
О изцѣленіи отъ главныя болѣзни.	Святому пророку Іоанну Предтечи, августа 29-го.
О изцѣленіи отъ зубныя болѣзни.	Священномученику Антипѣ, августа 11-го.
О изцѣленіи отъ трясавичныя болѣзни.	Преподобному Марою', февраля 14.
О томъ же.	Мученицѣ Фотиніи самарянинѣ, марта 20-го.
О изцѣленіи отъ грызной болѣзни.	Великомученику Артемію, октября 20-го.
О разрѣшеніи неплодства и безчадія.	Преподобному Роману чудотворцу, ноября 27-го.
О томъ же.	Преподобному Игнатію иже въ Руфинѣхъ, марта 31-го.
Объ освобожденіи отъ труднаго рожденія женъ.	Пресвятѣй Богородицѣ Θеодоровской, августа 16-го.
О томъ же.	Великомученицѣ Екатеринѣ, ноября 24-го.
Аще возненавидитъ мужъ жену свою неповинно.	Св. мученикамъ Гурію, Симону и Авиву, ноября 15-го.
О сохраненіи здравія младенцевъ.	Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26-го.
О томъ же.	Праведнику Симеону Богопріимцу, февраля 3-го.
О избавленіи младенцевъ отъ родимца.	Св. великомученику Никитѣ, сентября 15-го.
О исцѣленіи младенцевъ отъ оспы.	Мученику Конону соврійскому, марта 5-го.

О просвѣщеніи разума къ ученію грамотѣ.	Св. безсребникамъ Косьмѣ и Даміану, ноября 1-го.
О изученіи иконнаго писанія.	Св. апостолу Іоанну Богослову, сентября 26-го.
О сохраненіи отъ внезапныя безъ покаянія смерти.	Священномученику Садофу, октября 19-го.
О томъ же.	Великомучен. Варварѣ, декабря 4.
О томъ же.	Священномученику Харлампію, февраля 10-го.
О избавленіи отъ муки безъ покаянія.	Преподобному Паисію великому, іюня 19-го.
О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣкъ и скотовъ.	Преподобн. Нифонту, декабря 23-го.
О томъ же.	Святителю Марофу, февраля 16-го.
О избавленіи отъ блудныя страсти.	Преподобн. Мартіану, февраля 13-го.
О томъ же.	Преподобн. Іоанну многострадальному, іюля 18-го.
О томъ же.	Св. мучен. Ѳомаидѣ, апрѣля 14-го.
О избавленіи отъ виннаго запойства.	Мучен. Внифантію, декабря 19-го.
О томъ же.	Преподобн. Моисею Мурину, августа 28-го.
О сохраненіи отъ пожара или молніи.	Пресвятой Богородицѣ неопалимой купинѣ, сентября 4-го.
О томъ же.	Святителю Никитѣ Новгородскому, генваря 31-го.
О бездожіи и ведрѣ.	Св. пророку Иліи, іюля 20-го.
О избавленіи отъ потопленія на водѣ, и бѣдъ и печаль.	Святителю Николаю чудотворцу, декабря 6-го.
О избавленіи отъ скотскаго падежа.	Святителю Модесту, декабря 18-го.
О томъ же.	Священномученику Власію, февраля 11-го.
О избавленіи отъ падежа конскаго.	Мученикамъ Флору и Лавру, августа 18-го.
О сохраненіи скота отъ съѣденія звѣрей.	Св. великомученику Георгію, апрѣля 23-го.
О обрѣт. украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ.	Мученику Ѳеодору Тирону, февраля 17-го.
О томъ же.	Мученику Іоанну воинственнику, іюля 30-го.
О сохраненіи отъ злаго очарованія.	Священномученикамъ Кипріяну и Іеритипіи, октября.

III. Отрывки изъ легендъ, взятые изъ соловецкихъ рукописей.

1. Въ рукописныхъ житіяхъ сѣверо-поморскихъ святыхъ много легендъ о помощи туземныхъ святыхъ поморскихъ весновальникамъ

въ морскихъ промыслахъ, въ укрощеніи бушующихъ стихій морскихъ. Напр. въ житіи Иринарха игумена соловецкаго читаемъ: «въ лѣто 7137 весною, пріѣхавъ единою въ соловецкій монастырь помолитися всемилостивому Спасу и препод. отцамъ Засимѣ и Савватію молебная пѣти, Двинской земли жители, иже исповѣдаша повѣсть сицеву: «ходили они въ море на весклованье для промысла морскихъ звѣрей, кожъ и сала, въ другихъ же судахъ по обычаю ихъ были два человѣка нарицаемые юровщики, си есть, въ томъ промыслѣ свѣдущіе и искусные люди, прочіе же въ ромшахъ, и иные всѣ во всемъ имъ послушны суть. Егда же съ торасу на море спустишася, внезапу возвѣяша вѣтры велицы зѣло, отъ брега ихъ со льдомъ занесе въ морскую пучину далече, и носило въ тѣхъ льдахъ много дни. И начаша святыхъ на помощь призывати. И ночью во снѣ явися одному изъ юровщиковъ нѣкій старецъ, браду имѣя довольну и сѣдинами украшену, во священническомъ подобіи, въ десной своей руцѣ крестъ держай, и глагола: востаните и молитеся Богу и соловецкихъ чудотворцевъ на помощь призывайте, и будетъ вамъ милость всѣмъ вскорѣ. И абіе возвѣя вѣтръ съ моря зѣло крѣпокъ и понесе ихъ ко брегу. Перввіи, имъ же явился старецъ, присташа на нѣкоемъ мѣстѣ, глаголемомъ зимняя сторона, и обрѣтоша близь брега на льду множество звѣрей морскихъ, ихъ же всѣхъ избивше ту, возвратишася во свое си съ корыстію многою». Подобный случай разсказывали варзужскіе весновальники: «ходили они на весклованье для добычи морскихъ звѣрей и плавали по морю многое время, и добычи никакой не нашли, и въ отчаяніи пошли было домой, когда льдины уже исчезли и приближалось лѣто; долго плыли они по морю, нашли одну льдину, недалеко отъ берега, длиною съ версту или не много болѣе, перебрались на нее, затащили съ собою суда и, вкусивъ не много хлѣба, легли спать. Ночью одному изъ нихъ явился старецъ (Иринархъ соловецкій) и сказалъ: встаньте! Богъ даетъ вамъ добычу. И на завтра видятъ артельщики многое множество звѣрей: тотчасъ въ однѣхъ рубашкахъ и чулкахъ сходятъ на льдину и начинаютъ бить звѣрей, избили столько, сколько имъ нужно было»! Другіе видѣли на морѣ знаменья отъ святыхъ. Напр. одинъ пятидесятникъ архангельскій, разсказывалъ про чудо, случившееся съ нимъ отъ Никодима кожеезерскаго чудотворца: «бывши ми на морѣ, весною въ великій постъ, якоже обычай и до нынѣ поморскихъ странъ людямъ, и ходивши по льду за звѣрьми, и не вѣмъ, како разлучихся отъ дружины

моея, не имый съ собою хлѣба ни малого куса, ходящу ми по льду и невѣдущу камо идущу, льды же разно расходящася, несоша мя въ море три дни и три нощи, азъ же отъ глади и отъ многаго хожденія вельми изнемогъ и житія отчаяхся, но токмо ожидахъ смерти и сѣдохъ подъ нѣкую льдину опочинути и молихся всемилостивому Богу и пречистой его Богоматери и всѣмъ святымъ со многими слезами о избавленіи горькія смерти своея, и мало поклонихся опочити. Солнцу же вельми сіяющу, и абіе внезапу узрѣхъ нѣкоего старца при возглавіи моемъ стояща и церковь на воздусѣ стоящу о пяти главахъ. И рече ми явлейся старецъ: человѣче! обѣщайся идти въ обитель св. Богоявленія Господня, иже есть на Кожезерѣ — помолиться всемилостивому Спасу. Азъ же рѣкохъ ко старцу: которая есть сія отче церковь, юже азъ вижду на воздусѣ? Старецъ же рече ко мнѣ: сія чадо церковь, юже видиши, св. Богоявленія Господня, иже на Кожеезерѣ. И паки азъ рѣкъ къ старцу: а ты, отче святый, коея обители и что ти есть имя, и како сѣмо пришелъ еси? Онъ же рече: азъ есмь тоеже св. обители, и имя мое Никодимъ. Азъ же паки рекохъ ему: помолися честный отче, о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу, да помилуетъ мя окаяннаго отъ горькой смерти сея. И положихъ обѣщаніе идти во святую оную обитель. И въ томъ часѣ церковь на воздусѣ невидима бисть и старецъ бысть невидимъ, и въ томъ часѣ пріиде съ моря вѣтръ силенъ зѣло и понесе мя на льду ко брегу, и принесе вскорѣ къ брегу. И тако ходатайствомъ и молитвами препод. отца Никодима избавленъ быхъ отъ горькой смерти». «Сія же той пятидесятникъ повѣда самъ о себѣ», — замѣчаетъ собиратель повѣстей о чудесахъ Никодима кожезерскаго. Святые поморскіе, по туземному представленію, извергали звѣрей изъ моря, въ случаѣ нужды и молитвы къ нимъ поморцевъ. Такое чудо показали пертоминскіе чудотворцы Вассіанъ и Іона, когда въ пустынѣ былъ голодъ и трудники монастырскіе стали роптать на игумена за неплатежъ заработанныхъ денегъ: тогда, по молитвамъ общежителей, море извергло большаго кита, и «дивишася зѣло о несбыточномъ томъ чудеси, и прославиша Бога и преподобныхъ похвалиша, и измѣривше же звѣря того глаголемаго кита, обрѣтоша саженей осемь великихъ, и пріемши орудіе, разсѣкоша звѣря онаго на части и обрѣтоша жиру 230 п., цѣны же собраша сребра на немъ яко до 500 гривенъ, и тако промысломъ Божіимъ и молитвъ ради преподобныхъ Вассіана и Іоны отъ скудости богатство пріяша и наемникомъ мзду даша

довольну». И на сушѣ были такія же матеріальныя чудеса святыхъ. «Бѣ нѣкто трудникъ именемъ Никита, труждашеся въ обители преподобныхъ Вассіана и Іоны пертоминскихъ. Во едино время, молящуся ему, якоже обычай бяше, и призывающу преподобныхъ въ потребѣ своей помощь подати въ прекормленіи скота монастырскаго сѣнною кормлею, еше бы ему препитати оной скотъ безгладно, понеже вельми умалися сѣнная кормля, и нечаляшеся о томъ зѣло. Днемъ и нощію молящуся ему преподобнымъ помощь подати въ прекормленіи скота, таже уклоньшуся ему ко сну, и абіе явишася преподобніи отци Вассіянъ и Іона, глаголюще ему: что убо наю желая просилъ еси, не бывшимъ намъ здѣ въ обители своей, быхомъ убо мы въ оной веси, промышлякомъ съ куплющими сѣна на пищу скотамъ нашимъ, и нынѣ же пріидохомъ паки и здѣ есьмы въ своемъ мѣстѣ обрѣтаемся, исполняюще прошеніе твое, дается ти отъ Бога вскорѣ довольное прокормленіе скоту, сѣна, о семъ бодѣе не сѣтуй, но паче радуйся; шедъ повѣдай братіи, дабы послани быша трудники въ оную близь лежавшихъ весей купити сѣна на прокормленіе скоту нашему уже мы купихомъ малою цѣною.... и егда начаша куповати у жителей веси тоя порицаемыя унскія, бысть чудесно вельми промысломъ и помощію преподобныхъ, яко купиша до девятидесяти возилъ сѣна, цѣною же вельми малою, никогда тако куповашеся кормля скотская о тѣхъ временахъ, зане точію по 6 денежекъ пріеши за возъ продающіи». Множество подобныхъ легендъ въ сѣверо-поморскихъ сказаніяхъ о тамошнихъ чудотворцахъ. Извлеченія наши изъ ркп. солов. библ. № 182. Приведемъ еще одно сказаніе изъ житія Макарія унженскаго: возвращаясь изъ плѣну татарскаго, съ толпой народа, говоритъ жизнеописатель его, совѣщался преподобный съ сущими съ нимъ христіанами, яко да пересилиться ему на рѣку на Уньжу: бѣ бо тогда мало отъ живущихъ ту по весемъ, но малъ градъ единъ, и сотвори тако; Богъ же помогалъ ему къ путному шествію, а народъ за нимъ шелъ, яко присная чада отца своего: шествіе же пути съ нимъ продолжашеся, занеже мѣсто то Унька отстояніе имать отъ темниховъ водъ глаголютъ не мало яко двѣсти четыредесятъ или множае поприщь, идеху же внутреннею пустынею и не проходимыми блаты. Бысть же имъ оскудѣніе хлѣбомъ и не обрѣтаху что ясти, гаяще голодомъ. Господь же прослави угодника своего, и абіе божіимъ мановеніемъ обрѣтоша народи дивое животно, глаголемое лось, и яща его жива молитвами преподобнаго. Бяше тогда постъ Петра

и Павла, оставалось еще 3 дня. Святый же возбраняше имъ глаголя: чадца моя, потерпите Господа ради, и не разрѣшайте святаго поста дней: Господь же препитаетъ васъ въ пустыни сей. И повелѣ имъ отрѣшити ухо лосю и отпустити его, и яко же хощетъ Богъ, въ день той животное и будетъ вамъ. Людіе отрѣшиша ухо лосю и отпустиша его, и отойдя въ пустыню. Преподобный же видя ихъ томимыхъ гладомъ, и зѣло печащеся о нихъ; народъ же моляху святаго, да молитву сотворитъ о нихъ, да неалѣ гладомъ погибнуть въ пустыни. Святый же утѣшая ихъ глаголя: «не скорбите чада мое, но паче уповайте на благость Божію, яко прекормивый Богъ израильтянъ четыредесятъ лѣтъ въ пустыни манною, той можетъ и насъ препитати въ пустыни сей. Когда приспѣлъ день святыхъ апостолъ верховныхъ, преподобный же уклонися мало въ пустыню и воздѣвъ на небо руцѣ свои и рече: хвалю тя Господи Іисусе Христе, благословенный Боже, призри съ высоты святыя твоея, всяко дыханіе благословитъ тя, всяка тварь славитъ тя, милостивый Боже царю! Призри на люди своя въ пустыни сей. И абіе молитвами святаго внезапу во утріи праздника св. апостолъ урани животное то дивій лось, обрѣтеся въ народѣ, и познася его яко той же бѣ лось, ухо имѣя отрѣшенно, и вѣдоша его къ блаженному, святый же благослови его и повелѣ заклати народу на пищу. Не токмо же сіе единою сотвори святый народу, но и по вся дни обрѣтаху пищу молитвами святаго, овогда лося, иногда же еленя». Сборн. солов. библ. № 826.

Святые считались стражами домашняго скота и вообще всякаго вещественнаго имущества. Въ случаѣ потери чего нибудь, они помогали отыскивать. Напр. въ житіи Зосимы и Савватія соловецкихъ есть повѣсти о томъ, какъ эти чудотворцы отыскивали потерявшихся лошадей. Такое повѣрье существуетъ и теперь. Напр. въ Казани намъ разсказывалъ одинъ крестьянинъ изъ села Кавалей, какъ другой крестьянинъ — изъ дер. Тарлыши Ондреянъ Александровъ Сазановъ, по случаю падежа или потери 20 лошадей, ходилъ въ седміозерную пустынь молиться святымъ; строитель пустыни, какъ передавалъ крестьянинъ, говорилъ ему: поностись двѣ недѣли — потинью, «т. е. съ эпитиміей, Господь тебѣ возвратитъ 20 лошадей». Въ старину даже по случаю потери пуговицы, призывали святаго. Такъ въ житіи Даніила переяславскаго читаемъ: бысть тогда (ок. 1540 г.) въ Переяславѣ намѣстникъ князь Ондрей Олександровичь зовомый Оленинъ. Нѣкогда же у сего князя Ондрея

изгибе отъ пристѣжія срачицы его златая нуговица съ драгимъ жемчугомъ, и невѣріе имѣя на малыя отроки своя, и хотяху нѣцыи мучими быти, и воспомяну князь святаго Даніила, и призва его въ молитвѣ глаголя: о преподобне Даниле, молитвою си помози намъ и о погибшей пугвицѣ смущеніе мое утоли, да не постраждутъ нѣчто домочадцы мои. Чудотворецъ помогъ найти пуговицу, и рабовъ избавилъ отъ побоевъ и пытокъ князя. Сборн. солов. библ. № 182.

Наконецъ, самый даръ грамоты и ученья техническаго и всякаго испрашивали у особыхъ святыхъ. Патронами каллиграфіи и всякаго полезнаго ученія признавались Іоаннъ богословъ, безсребренники Косма и Доміанъ и особенно пророкъ Наумъ. Въ одномъ азбуковникѣ XVII вѣка сказано: «есть обычай многимъ (учащимся) совершати молебная святымъ безсребникамъ Космѣ и Доміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать». (Чтен. моск. общ. истор. и древн. рос. 1861 кн. IV, стр. 23). Въ прописяхъ азбуковниковъ XVII в. находится такой стихъ:

Святый апостоле и евангелисте *Іоанне богослове*,
На тайной вечери возлегій на персѣ Христовѣ,
Вразуми мя и научи добрѣ писати,
Якоже онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
Святый пророче Божій, *Науме*, вразуми мя и накажи своею
Милостію и благодатію, добрѣ руководствію навыкати.

Обычай этотъ заимствованъ у грековъ, которые Косму и Доміана также почитали помощниками въ обученіи, и есть свидѣтельство, что для испрошенія этой помощи, приходили именно въ храмъ этихъ святыхъ. Въ сочиненіи Дюканжа: Constantinopolis christiana, lib. III, p. 122 помѣщены слѣдующіе стихи, написанные Іоанномъ епископомъ евхаитскимъ ко храму Космы и Доміана:

Κὰθ ἣν ὁμοῦ σῦνεισιν οἱ γεγραμμένοι
Ἀνάργυρος μὲν ὁ τρόπος τοῖς συγγόνοις,
Τέχνη δ'ἰατροὶ, θαυματονργοὶ τὲ πλέον,
ἣν οὖν θέλεις ἄμισθον ἐξαιτοῦ χάριν.
Θέια γὰρ ἐγγὶς ἐυτυχὴς δε καὶ τέχνη.

Обычай служить молебенъ пророку Науму предъ началомъ ученья дѣтей и доселѣ ведется между крестьянами. Думая научить сына грамотѣ или какой-нибудь механической работѣ, крестьянинъ идетъ спрашивать церковнаго причетника: когда бываетъ день пророка

Наума! Узнавши, онъ служитъ въ тотъ день молебенъ пророку Науму, и потомъ ведетъ сына къ учителю. Отсюда образовалась простонародная поговорка: «одинъ пророкъ Наумъ наводитъ на умъ».

2. Восточно-византійская санктологія напечатлѣлась не только на всемъ житейскомъ міросозерцаніи древне-русскихъ людей, но и на самыхъ именахъ ихъ. До крещенія Руси, имена давали или волхвы, вѣдуны, или какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли. Имена давались въ родѣ такихъ: Богданъ, Баженъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія, которыя послѣ обратились въ прозвища (Опис. рукоп. рум. муз. стр. 2, 6 — 7). Природныя или самопроизводныя славяно-русскія имена большею частію выражали качества и предметы естественные и бытовые. Но со времени крещенія Руси Владиміромъ великимъ, имена стали давать въ честь святыхъ. Впрочемъ, многіе изъ простаго народа до позднѣйшаго времени носили дѣтей своихъ къ волхвамъ и чародѣямъ, и тѣ нарекали имъ имена. Такъ особенно было на финскомъ сѣверѣ, гдѣ сельскіе жители, въ XVI в. призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*, которые и давали имена новорожденнымъ. Въ казанскомъ краю тоже, въ XVI вѣкѣ и послѣ, новокрещенные чуваши, черемисы и вотяки призывали къ родильницамъ и къ дѣтямъ не поповъ, а бабъ; тоже было въ XVII вѣкѣ въ Сибири. (Доп. къ А. И. т. II, А. А. У. 438, А И. т. IV. № 35). Противъ всѣхъ этихъ обычаевъ, книжники церковные, на основаніи восточно-византійской санктологіи, возставали. Въ старинныхъ алфавитахъ читаемъ: «прежде убо славяне еще суще погани, неимѣяху книгъ, понеже неразумѣху писанія, и того ради и дѣтямъ своимъ даяху имена, якоже восхощетъ отецъ или мати дѣтищу, яже суть сія: Богданъ, Баженъ, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища именуются. Добра суть и та. Но обаче нощи невѣрія ихъ мимошедшей, свѣту же истиннаго богоразумія въ нихъ возсіявшу.., Славяне, пріемше святыя книги, послѣдоваша во всемъ преданію святыя и соборныя и апостольскія церкви, и отъ толѣ любяще и почитающе святыя угодники, начаша и дѣтемъ своимъ даяти имена во имя святаго настоящаго времени, въ неже дѣтищь родится. И того ради неудобь вѣдома намъ нынѣшнихъ именъ нашихъ толкованія, или по коему языку каждо насъ нарицается, не бо ни единаго греческаго языка нареченію нарицаемся, но многихъ языкъ (въ солов. сборн. № 925, л. 25 — 26 прибавлено:

«ова еврейска, ина же египетска, ина римска и прочихъ языкъ, протолкована же взята быша отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же и послѣ отъ Максима грека ради разумѣнія тезоименитствъ хотящимъ въ словянѣхъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ въ руси святымъ)... сего ради убо потребно есть и съ прочими языкъ рѣчьми здѣ толкованіемъ изъбразити, да увѣмы, что есть коегождо святаго и праведнаго тезоименная похвала... А *бѣсовская нарицанія* толкованы сего ради, понеже *мнози отъ* человѣкъ *приходяще къ волхвамъ и чародѣямъ*, и пріемлютъ отъ нихъ нѣкая бѣсовская *наузы* и носятъ ихъ на себѣ» и проч. Въ другомъ спискѣ полнѣе: «мнози отъ человѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, и пріемлютъ отъ нихъ бѣсовская *обоняніа и наузы* и носятъ ихъ на себѣ. Иная бѣсовская *имена* призывающе волхвы и чародѣи надъ ѣствами и питіемъ, и та дающе нѣкимъ простымъ (простой чади) вкушати, яко ради здравія, и тѣмъ губятъ души многихъ простыхъ чади. И сего ради та здѣ объяснена, да отъ неразумія пріемлюще таковая, или на харатіяхъ написаны носящи, погубимъ душу своя, вмѣсто божественныхъ именъ пріемлюще *бѣсовскія имена*». Ркп. алфав. солов. № 13, л. 28—29. Сборн. солов. № 925).

3. Любопытна слѣдующая легенда, какъ въ XV вѣкѣ чудотворная икона появилась въ древнѣйшемъ дремучемъ лѣсу Оковскомъ и помѣшала татямъ воровать чужой скотъ—лошадей и коровъ, и какъ отъ нея будто бы произошли разныя благотворныя физическія явленія: «Въ Оковской волости (въ Тверской области) промежду деревень есть деревня Дрепки, а другая Клочки. Имѣ же тѣхъ деревень лѣсъ дичь, а по тому лѣсу течетъ рѣка Пырышка, а на той рѣкѣ есть городище маленько на клочковской сторонѣ рѣки, и была туто боярщина Подадина, жили въ ней два татя, а въ Клочкахъ жили два же татя, Ивашкомъ зовутъ, что пономаремъ прослави, да дядя его родной, Ермолкою зовутъ, а прибѣжали они изъ Рясны. И совѣщались два татя Ивановы боярщины съ клочковскими татьми съ Иваномъ и съ Ермолкою, а совѣтъ у нихъ былъ таковъ: привести имъ съ Клочковъ украдчи двое лошадей, а Ивановы боярщины привести было украдчи коровы, а мѣнѣ было у нихъ быти лошадямъ на коровы по сроку, на томъ на пырыщскомъ городищу. Ивановы боярщины тати покрадчи коровы напередъ поспѣли къ ихъ сроку, клочковскимъ татямъ неулучилося украсти двоя лошадей по ихъ сроку, и прежніе тѣ тати поставили

коровы отъ городища того въ верхъ по Пырыщкѣ рѣкѣ за ключемъ въ лѣсѣ, да сами по прежнему ихъ совѣту, гдѣ бѣло мѣнѣ быти лошадей на коровы, взошли на то городище Пыршинское и узрѣли прежъ всѣхъ икону, а не знаютъ, что крестъ честный, и рѣкоша другъ ко другу: се на насъ подковъ, побѣжимъ отъ мѣста сего: не чужими, намъ животами мѣна, но своими головами пріяти бѣда. И бѣжаша они отъ мѣста того и увидѣ лѣсъ нѣгдѣ того жъ дни съ тѣмъ Ивашкомъ и дядею его Ермоломъ, и рекоша: что у васъ на насъ за подковъ — икона стоитъ на городищѣ, а не лошади: то ли ваша правда къ намъ. Они жъ начаша клятися и ротитися, глаголюще: «ничто же на васъ зла помыслихомъ, ниже на городищѣ иконы вѣдаемъ, но токмо мы отъ многихъ людей отъ полѣсовныхъ и отъ мимоходящихъ слыхаемъ, многи де звоны бываютъ на городищѣ томъ, а мы ничего невѣдаемъ на мѣстѣ томъ, что вы говорите. И турышини разошлися коихъ по себѣ. И учалъ говорити Ермолко ко Ивану: дойдемъ и видимъ, что ся есть на городищѣ томъ и станемъ стеречи, *любо ся клади* на мѣстѣ томъ является, и стерегоша они, и не бысть ничтожь, развѣ единъ крестъ къ соснѣ пригвожденъ стоитъ, и сказали они въ деревни въ Клочкахъ. И шедъ *всею деревнею* досмотрѣли, что есть на томъ мѣстѣ на соснѣ иконѣ, да не знаютъ которая, занежь простые люди, а пречистые чудотворные иконы никтожъ не вѣда на городищѣ томъ занежь лѣсъ часты, и послали они Исидора Өедорова сына деревни той Клочковской отъ городища того 10 верстъ къ свету на погостъ по попы, а поповъ дома ся неулучило, въ волость разъѣхалися по конономъ. Исидоръ позвалъ Стефана чернца Крылошанина, Стефанъ пошелъ въ самый Троицынъ день въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, и снялося съ нимъ 4-хъ деревень болѣе 100 душъ, и пошли отъ креста, что на соснѣ по городищу тому смотрѣти, занежь мѣсто красно и дивно и угодно ко всему, и Стефанъ чернецъ нашелъ предъ многими людьми икону на соснѣ, на сучку, а отъ крестовые сосны до тое 10 саженъ промежу ихъ, а съступилъ съ нею съ колоды на землю... А тогды жилъ въ Клочкахъ нѣкто Мартемьянъ, а прозвище Гребень. А та чудотворная пречистая икона прежъ явленья была въ того Мартемьянова имени, стояла у него въ дому, и для тое чудотворные иконы поставили того Мартемьяна пономаремъ, и пономарилъ у пречистые и честнаго креста 6 лѣтъ, и вельми забогатѣлъ, и учалъ воровати, разбой сталъ отъ него великъ, и многажды поимывали его въ разбоѣ, и до Государева слуха дошелъ,

Государь же милость надъ нимъ показалъ, велѣлъ его понаказавши отпустить опять на пономарство. Онъ же не оста стараго своего воровства, и въ томъ своемъ воровствѣ и пропалъ неподобною смертію. А та чудотворная икона собою невелика, *воротная*, письмо старинное. Чюдно Богъ человѣколюбецъ показа милость свою, учало людей прощади отъ тѣхъ чудотворныхъ образовъ, отъ пречистые Богородицы Одигитрія и отъ честнаго креста... Лѣта коего явися икона пречистые Богородицы на Оковцѣ и крестъ честной, хлѣбъ былъ дешевъ, кадь ржи купили по 4 московки, а лѣто было весьма ведрено, а не засушливо, и красно и всякимъ овощемъ плодовито, а отъ поля тишина была, а людямъ здравіе было и всякому скоту плодъ». Всѣ эти чисто физическія явленія происходили будто бы именно вслѣдствіе явленія иконы. Сборн. солов. библ. № 857, л. 176.

V.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЫЕ ЛАТИНСКІЕ СЛОВАРИ.

I. **Полный латинскій словарь**, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ *Ананьевымъ*, *Яснецкимъ* и *Лебединскимъ*. Изданіе П. Леонтьева. М. 1862, въ б. 4-ю д. стр. VIII, 910 въ 3 столбца.

II. **Сокращенный латинскій словарь** *Ананьева*, *Яснецкаго* и *Лебединскаго*. Изданіе П. Леонтьева, М. 1862, въ больш. 8 д., стр. XII, 1130 въ два столбца.

При чувствительномъ недостаткѣ у насъ въ хорошихъ учебникахъ и пособіяхъ къ изученію наукъ, критика не должна пропускать ни одного относящагося къ этому разряду книгъ сочиненія, которое хоть только отчасти пополняетъ этотъ пробѣлъ. Это относится между прочимъ, а можетъ быть и преимущественно къ пособіямъ для изученія латинскаго языка. Всѣмъ извѣстно, что учебники латинскаго языка и латинскіе словари — явленія очень рѣдкія въ русской литературѣ, и что тѣмъ рѣже еще появляются у насъ хорошія и соотвѣтствующія своему назначенію сочиненія въ этомъ родѣ. Это явленіе, какъ бы оно ни было понятно, тѣмъ не менѣе грустно. Оно вполнѣ доказываетъ, что и въ университетахъ нашихъ очень мало занимаются римскою филологіею, и въ гимназіяхъ преподаваніе латинскаго языка, въ большей части случаевъ, не приноситъ желанныхъ плодовъ. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать съ радостію словарей гг. Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго, словарей, которые могутъ содѣйствовать къ улучшенію у насъ преподаванія латинскаго языка.

Но каковы же эти словари?—Представляя рецензію ихъ, прежде всего я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку: моя оцѣнка ихъ не можетъ быть полною и удовлетворительною во всѣхъ отношеніяхъ, хотя бы только въ моихъ собственныхъ глазахъ, уже потому, что для того, чтобы быть въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ словарь, нужно сперва пользоваться имъ въ продолженіе долгаго времени.

Вѣдь ничего легче, какъ найти недостатки,—гораздо труднѣе, вполнѣ оцѣнить всѣ хорошія стороны такого труда. Дидро замѣтилъ даже, что легко написать на самый лучшій словарь критику совершенно вѣрную, а все таки крайне несправедливую. И такъ слѣдовало бы отложить до поры до времени оцѣнку новыхъ латинскихъ словарей, если бы, съ другой стороны, я не считалъ важнымъ тотчасъ же обратить на эти труды вниманіе читателей этого журнала. Впрочемъ, чтобы можно было опредѣлить, на сколько можно положиться на мои слова, считаю нелишнимъ сообщить здѣсь, какимъ образомъ я старался въ краткое время ознакомиться съ достоинствами и недостатками этихъ словарей.

Я бралъ сочиненія различныхъ латинскихъ авторовъ, какъ такія, которыя читаются въ гимназіяхъ, такъ и другія, не читаемыя въ общеобразовательныхъ училищахъ, открывалъ какую случится страницу и отъискивалъ встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ строкахъ слова; потомъ сравнивалъ полный словарь съ словаремъ латинсконѣмецкимъ *Клоца* (Klotz, Reinhold, Handwörterbuch der lat. Sprache, а сокращенный съ словаремъ Кронеберга (4-е изд. 41-го года); наконецъ полный словарь съ сокращеннымъ.

Всего труднѣе судить объ относительной полнотѣ словаря, не употребляя его долгое время. И такъ разрѣшенія этого вопроса я не беру на себя. Замѣчу только, что я не нашелъ пропуска важнаго слова или оборота и потому не имѣю права сомнѣваться въ надлежащей полнотѣ этихъ словарей. Единственные случаи, гдѣ я не находилъ какого нибудь слова или оборота, которые можно бы было ожидать встрѣтить въ полномъ словарѣ, слѣдующіе:

Подъ словомъ ducere—не приведено выраженіе: alqm promissis ducere, Prop.

п. с. industria—пропущено: de industria.

п. с. mentiri—mentiri noctem, Prop. II, 17.

Пропущено слово Menaechmi.

Ни подъ словомъ quire, ни подъ словомъ nequire не указано на употребленіе отрицанія non при глаголѣ queo. Чаще встрѣчается, что въ словарѣ приведена только одна форма или ороографія какого либо слова; такъ приведены только формы herus, heriles.—а не приведены erus, erilis и т. п.

Разумѣется, можно говорить только объ относительной полнотѣ словаря. Такъ сами авторы замѣчаютъ въ предисловіи, что они привели не всѣ собственныя имена, то только часть ихъ. Но объ этомъ предметѣ намъ предстоитъ еще впереди сказать нѣсколько словъ.

Вообще эти новые словари — труды тщательные и добросовѣстные. Видно, что за дѣло принялись люди знающіе свой предметъ. Впрочемъ добросовѣстность гг. Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго доказывается уже тѣмъ, что они своему полному словарю не придаютъ значенія, котораго онъ не можетъ имѣть, и уже на заглавномъ листѣ объявляютъ, что онъ составленъ не по источникамъ, а «по современнымъ латинскимъ словарямъ». Это обстоятельство, разумѣется, не заслуживало бы вниманія нашего, если бы *у насъ* такая искренность и скромность встрѣчались почаще. Но кто не знаетъ, что сплошь да рядомъ у насъ компиляціи изъ иностранныхъ сочиненій выдаются и принимаются за самостоятельные ученые труды, и вычитанное вечеромъ изъ плохой или хорошей нѣмецкой, французской или англійской книжки — по утру выдается за собственную мудрость. Вотъ почему нельзя не отличить отъ подобныхъ литературныхъ явленій полезный трудъ гг. Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго. Прибавлю еще, не въ укоръ имъ, что, какъ видно уже изъ предисловій, они обладаютъ и тою долею педантизма, безъ которой никто несоставитъ хотя нѣсколько удовлетворительнаго словаря.

Главная заслуга авторовъ новыхъ словарей состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что они вездѣ обращаютъ должное вниманіе на развѣтвленіе значеній одного и того же слова; вездѣ отличаютъ главное значеніе его отъ переноснаго, субъективное отъ объективнаго, и что обыкновенно они приводятъ достаточное число примѣровъ. Выписка изъ сокращеннаго словаря, помѣщенная въ концѣ моей статьи убѣдитъ, я думаю, читателя въ томъ, что въ этомъ отношеніи эти словари отличаются не только предъ всѣми латинско-русскими, но и предъ многими латинско-нѣмецкими словарями. Разумѣется, что съ распредѣленіемъ значенія различныхъ словъ можно

и не соглашаться; вѣдь и нерѣдко не извѣстно первоначальное значеніе словъ. Но я считаю лишнимъ указывать на тѣ статьи, въ которыхъ съ своей точки зрѣнія, я желалъ бы другаго распредѣленія значеній слова.

Съ достоинствомъ этихъ словарей стоитъ въ связи и одинъ изъ главныхъ недостатковъ ихъ, состоящій въ томъ, что авторы заходятъ слишкомъ далеко въ подраздѣленіи значенія словъ и въ приведеніи множества русскихъ выраженій, которыми въ различныхъ случаяхъ, можно передать соотвѣтствующее латинское слово. Этого авторы не сдѣлали бы, если бы они ясно сознавали, какое назначеніе словари могутъ имѣть и какого не могутъ. Лексиконъ можетъ служить пособіемъ для того, чтобы узнать значеніе и употребленіе словъ, но и самый полный, самый отчетливый словарь не можетъ указать на всѣ различные способы передать какое нибудь слово на другомъ языкѣ. Вѣдь переводъ даже отдѣльнаго слова зависитъ нерѣдко отъ цѣлаго періода и отъ предъидущаго и слѣдующаго, словомъ, отъ всей связи рѣчи. И такъ, если даже самый полный словарь ни въ какомъ случаѣ не можетъ указать на всѣ способы передать слова одного языка выраженіями другаго, то и составители словарей не должны стремиться къ этой все таки недостижимой цѣли.

Разумѣется, не только ничто не мѣшаетъ, но даже и полезно указывать въ словарѣ на различные, часто встрѣчающіеся способы перевода словъ на другой языкъ. Но эти *различные способы перевесть одно и тоже*, *положимъ латинское выраженіе по русски*, *не должны приниматься за различныя значенія слова и не должны быть основаніемъ раздѣленія значеній его.* Напротивъ того, раздѣленіе, сдѣланное на такомъ основаніи, и по теоріи невѣрно, и на практикѣ вредно. Оно можетъ только сбить съ толку учащагося. Такъ напр. ratio можно перевесть и *«разумъ»* и *«способъ»* и *«метода»* и т. д. Если же кто подумаетъ, что ratio *значитъ «разумъ»*, то онъ имѣетъ совершенно ложное понятіе о латинскомъ словѣ. Потому что понятія «разума», понятія и у насъ довольно неопредѣленнаго, римляне вовсе не имѣли. И если какое нибудь латинское выраженіе соотвѣтствуетъ въ новѣйшихъ языкахъ не одному, а различнымъ словамъ, то это происходитъ не только оттого, что исходная точка для образованія сродныхъ понятій, у различныхъ народовъ очень различна, но и оттого, что мы имѣемъ вообще и больше понятій и болѣе точныхъ, что мы можемъ и привыкли и мыс-

лить и выражаться гораздо точнѣе римлянъ. На эту особенность древнихъ и преимущественно латинскаго языка, составители грамматикъ и стилистикъ обыкновенно не обращаютъ вниманія, между тѣмъ какъ они никогда не пропустятъ случая указать на другое, сродное явленіе, что римляне не умѣли такъ обобщать свои мысли, какъ мы. Эти явленія столь понятныя для всякаго, кто только вспомнитъ о развитии человѣческаго ума въ послѣднія два тысячелѣтія, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не изложены систематически, нигдѣ не опредѣлены удовлетворительнымъ образомъ, нигдѣ вполнѣ ясно невыведены ни изъ лексическаго матеріала лат. языка, ни изъ особенностей строя латинской рѣчи. Но ясно, что языковѣдѣніе не можетъ отвергнуть этой задачи. Поэтому, если какое либо пособіе къ изученію латинскаго языка не выставляетъ на видъ такія особенности его, но даже изглаживаетъ ихъ, то этого нельзя не считать большою ошибкою. Хотя эти мысли большею частью давно уже были высказаны геніальнымъ педагогомъ *Магеромъ*, однако составители извѣстныхъ мнѣ латинскихъ словарей, между прочимъ и новыхъ латинско-рускихъ, мало соображались съ такимъ требованіемъ, за исключеніемъ развѣ *Ингерслева* (Ingerslev), составителя лат. словарей для нѣмецкихъ училищъ. Гг. Ананьевъ, Ясѣцкій и Лебединскій, кажется, не знакомы съ словарями Ингерслева; и объ этомъ можно только сожалѣть. Впрочемъ, что я не напрасно обвиняю въ такихъ погрѣшностяхъ авторовъ новыхъ словарей, — которые хотя и сознавали это требованіе (предисл. стр. V, 20) но не довольно ясно, — это докажутъ слѣдующіе примѣры:

Слово: *audire* объяснено двумя выраженіями: «*слышать*» и «*узнавать*». Къ чему тутъ прибавлено послѣднее выраженіе? развѣ audire когда нибудь *значитъ* «*узнавать*»? Никогда; но оно употребляется и въ такихъ случаяхъ, гдѣ русскимъ придется передавать его выраженіемъ: *узнавать*. Здѣсь поставлено два близкихъ по значенію слова, чтобы чрезъ это опредѣлить, такъ сказать кругъ значенія лат. слова. Но вѣдь объемъ значенія и употребленія уже достаточно видѣнъ изъ самихъ примѣровъ; къ чему же прибавлять выраженіе *узнавать*?

Особенно поразительно лишнее раздѣленіе значенія и употребленія слова, сравнительно съ соотвѣтствующими понятіями и выраженіями новѣйшихъ языковъ — въ словѣ Animus. Я привожу здѣсь самое раздѣленіе значеній, безъ примѣровъ, которые заняли бы много мѣста.

animus, i, m, (gr.) [1]) I. *собств.* 1) *вообще* духовное начало жизни, духъ, душа, (opp. corpus и anima, физич. и животная сила жизни), 2) въ частн. по разнымъ отправленіямъ духа, A. ощущеніе и чувство въ ихъ разныхъ направленіяхъ, и притомъ вообще *a*) чувство, душа, сердце, ощущеніе, наклонность, страсть; въ особ. *α*) духъ, бодрость, смѣлость. *β*) надежда. *γ*) высокомѣріе, гордость, надменность, *δ*) сердце, гнѣвъ. *ε*) удовольствіе, радость, веселіе, забава. *ζ*) безпокойство, забота. *b*) образъ мыслей, характеръ, свойство. *c*) расположеніе, въ особ. доброе расположеніе. B. воля, желаніе, стремленіе, цѣль, намѣреніе, предположеніе. C. мыслящая душа, мысль умъ (syn. mens) въ особ. a) память b) чувство, (напр. лишиться чувствъ), c) (syn. sententia) мнѣніе, сужденіе — II. anima, жизнь, душа.

Не стану разбирать подробно этой статьи, а укажу только на одномъ примѣрѣ, что такое раздѣленіе значенія animus можетъ дать учащемуся иногда и невѣрное понятіе о словѣ. Здѣсь сказано, что animus означаетъ мыслящую душу, мысль, умъ и что въ такомъ случаѣ его синонимъ mens. Но, собственно говоря, animus никогда не имѣетъ этого значенія, хотя и можно переводить это слово выраженіемъ мысль, умъ. Но это происходитъ оттого, что въ такихъ случаяхъ мы привыкли выражаться точнѣе и обозначать *одно отправленіе духа*, между тѣмъ какъ римлянинъ, выражаясь менѣе точно, говоритъ о *духѣ* вообще.

Подъ сл. ut мы встрѣчаемъ слѣдующее:

3) О времени, a) [2]) *какъ, скоро, какъ, когда, лишь только* b) *въ то время какъ, тогда какъ*, c) *съ того времени какъ*. Развѣ если этимъ словомъ означается время дѣйствія, оно не всегда соотвѣтствуетъ русскому: *какъ?* какъ бы оно ни переводилось въ различныхъ случаяхъ, смотря по связи рѣчи, по отношенію дѣйствій одного къ другому.

Подъ этимъ же сл. не логично и слѣдующее раздѣленіе: «adv. A) relat. 1) съ соотвѣтствующими частицами, *какимъ образомъ, какъ*, 2) безъ соотвѣтствующихъ част., вообще (sic?!) *какимъ образомъ, какъ*, 3) *о времени*» (?!)

---

[1]) Gr. значитъ vox graeca. Но тутъ явная ошибка. Слово animus вовсе незаимствовано изъ греческаго языка, а общее латинскому съ греческимъ; оно было уже въ итало-греческомъ языкѣ, изъ котораго образовались какъ различныя нарѣчія греческія, такъ и различныя нарѣчія италійскія.

[2]) По ошибкѣ пропущено.

Подъ слов. jam. н. нуже (?!) Неужели въ выраженіяхъ jam age и т. п. *jam значитъ*: «нуже?»

Подъ сл. ego. гг. Анапьевъ, Яснецкій, Лебединскій никогда ни чего не убѣдятъ, что ego *значитъ* иногда: «мой домъ» или «*мой очагъ?*»

Неужели res (п. с.) *значитъ*: «*обстоятельство*» или «*могущество*» или «сущность?»

Неужели finis въ выраженіяхъ f. pretii, f. legitimae usurae *значитъ*: «количество, мѣра», а не: «предѣлъ, граница?»

Неужели: *aequor* (п. с.) когда нибудь значитъ: «волнующееся, шумное море?»

Наконецъ я обращаю вниманіе читателей и самихъ авторовъ на излишнее раздѣленіе и подраздѣленія значенія словъ: videre, altus, vox, dicere.

Нельзя одобрить и того, что иногда обозначено только соотвѣтствующее русское слово, а не приведено ни одного лат. примѣра, какъ напр. подъ словомъ denique 2) a) β) «вначалѣ предполагалось иначе, а потомъ, а на конецъ, Hor. Coel. ep.» (sic?!).

Гораздо рѣже встрѣчаются въ новыхъ словаряхъ другаго рода ошибки и недосмотры, каковы слѣдующіе:

Подъ слов. *amans* — не сказано, что оно употребляется и какъ имя сущ.

Значеніе слова, *amicus* опредѣляется выраженіями: «дружный, дружескій, дружественный, *доброжелательный (?!)* милостивый (?!)», но не приведено первоначальное значеніе: любящій = amans.

П. сл. bulla» 2) d) особенно круглая на подобіе *полумѣсяца* (sic?!) коробочка, пуговка, висѣвшая на шеѣ и груди дѣтей. Это вѣрно опечатка.

Сл. *Cadus* объясняется выраженіями «*фляга*, *кружка*, *кувшинъ*» (?!). Не лучше ли было бы опредѣлить форму этого сосуда? Подъ этимъ же словомъ приведено выраженіе: cadum capite sistere, Plaut., между тѣмъ какъ у Плавта (Mil. gl. v. 851) Ричль (Ritschl) читаетъ: *capite sistebant cadi*.

Clipeus не означаетъ собственно [2) d)]: «бюстъ, грудное изображеніе, рельефъ въ медальонѣ», а *щитъ* или *кругъ* изъ какого бы то ни было матеріяла *съ* изображеніемъ чего нибудь, преимущ. съ бюстомъ. Это само собою разумѣется и нисколько не опровергается, а напротивъ того подтверждается словами Харисія (I, стр. 59): Plinius dubii sermonis secundo indistincto genere ait, sed littera differre,

ut pugnatorium per *i* clipeum dicamus, quod est a clepere, id est velare dictum, *imaginem* vero per *u* a cluendo. Нѣсколько такихъ clipei изъ мрамора найдено въ Помпеѣ.

«*Casare* 1. v. n. шататься, покачиваться: casabant cadi, Plaut». Но во 1) у Плавта (въ изд. Ричля) читается не casabant, а cassabant, во 2) cassare не значитъ ни *шататься*, ни «*покачиваться*», а просто на просто: *падать*; такъ какъ это слово ничто иное, какъ многократный видъ глагола cadere.

«Aedis, is, f. — aedes, Plaut». Какъ будто форма aedis употребляется только у Плавта!

Подъ сл. certus. Неужели въ выраженіи: certi liberi (opp. spurii) certus имѣетъ «субъективное» значеніе?

Подъ словомъ: *loculus*, «мѣстечко» малое мѣсто? «Малое мѣсто», прибавлено вѣрно для того, чтобы объяснить русскимъ значеніе слова «*мѣстечко*».

Denique. Неужели это слово въ выраженіяхъ: is (enim) deinque horor est и т. п. значитъ «*по дѣлу* (?!)», *точно* «*именно*» или «*только*» въ соединеніи vix denique.

Подъ сл. *percellere*, выраженіе vox repens perculit urbem переведено: «коснулся, дошелъ до», — какъ будто percellere когда нибудь значитъ: pervenire, perferri aliquo.

Подъ словомъ Vergilius читатель отсылается къ формѣ Virgilius, и подъ этимъ словомъ объясняется, кто былъ Виргилій или Вергилій. Слѣдовало бы сдѣлать на оборотъ, такъ какъ новѣйшая критика признала форму Vergilius за единственно вѣрную.

Versiculus въ примѣрѣ: uno versiculo: ne quid detrimenti res publica capiat, вовсе не значитъ: *формула*, а собственно: *строчка* т. е. *нѣсколько словъ*, *пара словъ*.

Часть этихъ ошибокъ происходитъ оттого, что авторы составили свой словарь только по другимъ, и не пользовались самыми источниками въ лучшихъ критическихъ изданіяхъ.

Если все сказанное доселѣ относится какъ къ полному, такъ и къ сокращенному словарю, то теперь разберемъ достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ отдѣльно. Но для этого надо опредѣлить, для кого назначенъ одинъ, для кого другой словарь.

Въ предисловіи къ полному словарю ничего не сказано о томъ, для кого онъ назначенъ. Итакъ мы можемъ судить объ этомъ только по устройству самого словаря и по тому, что сказано авторами о назначеніи сокращеннаго лексикона.

«Цѣлью изданія этого сокращеннаго словаря, говорятъ они (предисл. къ сокращ. слов. стр. III, 3 и 4), было доставить желающимъ такое пособіе къ изученію латинскаго языка, которое, по ознакомленію съ грамматикою, было бы достаточно во все продолженіе ученія, и тѣмъ, кто не посвящаетъ себя особенно филологіи, могло бы быть удовлетворительно для чтенія произведеній лучшаго періода латинской словесности. Согласно съ указанною здѣсь цѣлью въ предлагаемомъ словарѣ помѣщены слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ называемыхъ золотаго и серебрянаго вѣка, исключая однакожъ сочиненія спеціальнаго содержанія, какъ Varronis de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsi de medicina, Plinii historia naturalis и т. п. Для употребленія книги въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцевъ западной церкви и такъ называемыхъ церковныхъ писателей». Правда, тутъ слова: «которое, по ознакомленію съ грамматикою, было бы достаточно во все продолженіе ученія» не совсѣмъ ясны. Но все таки изъ всего текста видно, что сокращенный словарь назначенъ для всѣхъ тѣхъ, кто не посвящаетъ себя изученію филологіи и не прибѣгаетъ къ словарю съ ученою цѣлью. Слѣдовательно для послѣдняго класса людей назначенъ *полный*. Спрашивается, удовлетворителенъ ли этотъ послѣдній словарь для тѣхъ, кто желаетъ филологически изучить латинскій языкъ? Не совсѣмъ, мнѣ кажется. Во 1) потому что этимологія словъ въ немъ объясняется только въ той мѣрѣ, на сколько это нужно при элементарномъ изученіи языка и безъ сравненія съ греческимъ и другими индо-европейскими языками. Но въ томъ еще нельзя винить гг. Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго. И за границею, и въ Германіи, гдѣ филологіею занимаются гораздо больше нежели у насъ, все еще нѣтъ ни одного латинскаго словаря, въ которомъ были бы вездѣ приняты во вниманіе результаты лингвистики. Важнѣе уже другой пунктъ, на который я считаю себя обязаннымъ обратить вниманіе читателей. Для филолога очень часто недостаточно найти въ словарѣ указаніе, что такое — то слово въ такомъ-то значеніи встрѣчается у такого-то писателя. Для справки онъ захочетъ узнать и въ какомъ сочиненіи названнаго писателя и гдѣ именно оно встрѣчается. Но на сочиненія и мѣста ихъ въ новомъ полномъ словарѣ не указывается. Тѣхъ, кому нужно сдѣлать такую справку авторы этого словаря отсылаютъ къ словарямъ Форчеллини, Фрейнда и Клоца (пред. стр. VI, 26). «Хотя по краткости словаря и по не-

достатку точнаго указанія мѣста (книги, параграфа или стиха); гдѣ то или другое слово находится, не дается возможности повѣрить показанное, однако вѣрность показаній не можетъ быть сомнительною, потому что можетъ быть подтверждена сличеніемъ разсматриваемой статьи съ тѣми же статьями полныхъ словарей, какъ словари Форчеллини, Фрейнда и Клотца, въ которыхъ находятся полныя цитаціи». Но не лучше ли было бы, еслибы составители полнаго словаря доставили тѣмъ, кто пользуется имъ, возможность повѣрить сказанное о различныхъ словахъ по самимъ латинскимъ авторамъ, не прибѣгая къ Форчеллини или Фрейнду или Клоцу? Пусть лучше словарь сдѣлался бы менѣе краткимъ; онъ могъ бы быть болѣе полезнымъ. Впрочемъ онъ могъ бы помѣщать всѣ необходимыя, всѣ нужныя цитаты, и содержать не много больше листовъ чѣмъ нынѣ, если бы выбросить изъ него всѣ собственныя имена. Потому что въ немъ теперь все таки не помѣщены всѣ собственныя имена, а только не большая часть ихъ. Слѣдовательно, для ученыхъ розысканій, при которыхъ приходится прибѣгать къ собранію собственныхъ именъ, нельзя будетъ пользоваться этимъ словаремъ, — филологу все таки придется прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ энциклопедіямъ древностей, къ миѳологическимъ словарямъ и подобнымъ сочиненіямъ.

И такъ, если этотъ словарь не вполнѣ удовлетворителенъ для филологовъ, онъ всетаки имъ можетъ быть полезенъ; а для студентовъ филологическаго факультета, еще неуспѣвшихъ выучиться по нѣмецки, онъ, по моему мнѣнію, сущій кладъ.

Что касается до сокращеннаго словаря, то, какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста изъ предисловія къ нему, онъ назначается и для учениковъ гимназій и для любителей римской классической литературы, читающихъ Вергилія и Ювенала и Тацита въ подлинникѣ, не съ ученой цѣлью, а просто только для удовольствія, въ досужее время и для учениковъ духовныхъ семинарій.

Спрашивается, хорошо ли, что составители словоря имѣли въ виду столь различныя цѣли?.. И какъ имъ вздумалось назначать его для класса людей, встрѣчающагося, можетъ быть, въ Германіи или въ Англіи, но котораго у насъ нѣтъ. Развѣ кто нибудь, кто не посвящается филологіи или вообще филологическимъ и историческимъ наукамъ, когда нибудь *у насъ* вздумаетъ въ досужее время, для отдыха и пріятнаго провожденія времени, взяться за латинскаго автора въ подлинникѣ, вмѣсто того, чтобы читать какой нибудь изъ самыхъ

толстыхъ журналовъ или какую нибудь французскую или нѣмецкую книжку? И такъ мнѣ нечего разбирать вопроса, удовлетворителенъ ли этотъ словарь для этого, вовсе не существующаго у насъ класса людей.

Не стану говорить и о томъ, въ какой мѣрѣ это сочиненіе можетъ быть полезно воспитанникамъ духовныхъ семинарій. Я не знаю ихъ нуждъ и потребностей. Я займусь только вопросомъ, въ какой мѣрѣ это пособіе можетъ быть полезно въ рукахъ учениковъ общеобразовательныхъ школъ.

По моему мнѣнію, этотъ словарь былъ бы гораздо полезнѣе для нихъ, если бы онъ назначался *исключительно* для нихъ. Этого составители сокращеннаго словаря не сообразили: въ немъ много матеріала, совершенно не нужнаго для гимназиста и изъ за этого лишняго матеріала — книга вышла довольно толстая. А это обстоятельство не такъ маловажно, какъ оно можетъ показаться тѣмъ, кто не знаетъ учениковъ, и особливо нашихъ. По очень естественной причинѣ они всегда будутъ охотнѣе учиться по книгѣ, не слишкомъ большого объема, коей содержаніе они могутъ надѣяться усвоить себѣ. Кромѣ того, чѣмъ толще и потому неудобнѣе для употребленія словарь, тѣмъ менѣе ученики, и по этой уже причинѣ, будутъ пользоваться имъ. Если бы «сокращенный латинскій словарь» назначался исключительно для употребленія въ общеобразовательныхъ училищахъ, не нужно бы было помѣщать въ немъ много словъ, вовсе не встрѣчающихся въ читаемыхъ въ школахъ сочиненіяхъ и остающіяся за тѣмъ статьи словаря могли бы быть, большею частью, меньшаго объема. Въ добавокъ, въ такомъ словарѣ вовсе не нужно указаній на то, у какихъ писателей какое слово встрѣчается или какое значеніе оно у другого вовсе не имѣетъ и т. д. Развѣ ученикъ когда нибудь станетъ обращать вниманіе на такія указанія, придающія книгѣ только *ложный ученый видъ*. Въ лат. словаряхъ, назначенныхъ для общеобразовательныхъ училищъ, вполнѣ достаточно опредѣлять, употребляется ли какое нибудь слово, вообще или въ томъ или другомъ значеніи въ классическій періодъ римской литературы, во время Цицерона и Цесаря, Вергилія и Горація, или оно употребляется въ предшествующее тому или въ слѣдующее за тѣмъ время. Да и вообще число словъ, принадлежащихъ къ двумъ послѣднимъ разрядамъ, можетъ, а потому и должно быть очень ограничено. Эту истину поняли теперь и въ ученой Германіи, гдѣ въ гимназіяхъ на изученіе лат. языка въ продолженіе 7 лѣтъ

посвящаютъ по 6 и 10 уроковъ въ недѣлю, — какъ доказываетъ словарь Ингерслефа. Я вполнѣ увѣренъ, что весь лексическій матеріалъ лат. языка, нужный для гимназистовъ, можно бы очень хорошо помѣстить въ книжкѣ втрое меньшаго объема, нежели разбираемый нами «сокращенный словарь». А такая книжка могла бы быть и гораздо дешевле...

Составители «сокращеннаго словаря» не вздумали бы назначать его для различныхъ классовъ лицъ, имѣющихъ совершенно различныя потребности, если бы они дали себѣ отчетъ въ томъ, каковы педагогическія потребности общеобразовательныхъ училищъ. Но они, къ сожалѣнію, имѣютъ, кажется, такой же чисто-механическій взглядъ на училища, какъ тѣ педагоги — не педагоги, которые народныя училища считаютъ какъ бы низшею ступенью гимназій; въ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ классахъ ихъ, видятъ низшій университетъ, а университетъ принимаютъ за высшую, но только открытую для всѣхъ гимназію. Такой взглядъ, разумѣется, очень простъ и понятенъ для каждаго, и представляетъ, въ бюрократическомъ отношеніи, еще ту выгоду, что при немъ не стоитъ никакого труда опредѣлить, въ какомъ «чинѣ» состоятъ какому разряду учебныхъ учрежденій... Такой взглядъ на различныя училища объясняетъ многія явленія въ нашей школьной жизни, какъ напримѣръ слѣдующее. Профессоръ, составившій руководство для своихъ слушателей-студентовъ, сохраняя вполнѣ планъ и общее устройство его, дѣлаетъ изъ него сокращеніе, назначенное для высшихъ классовъ гимназій; а потомъ изъ этого сокращенія составляетъ новое сокращеніе, причемъ всетаки сохраняется весь планъ полнаго сочиненія, и эта новая книжонка назначается для низшихъ классовъ гимназій или для уѣздныхъ училищъ. Такъ у насъ долгое время въ уѣздныхъ училищахъ русская исторія преподавалась, а можетъ быть кое гдѣ и теперь еще преподается, по той же, хотя и сокращенной программѣ, по которой въ С.-Петербургскомъ университетѣ экзаменовали студентовъ 3-го и 4-го курсовъ.

Такое же явленіе представляетъ и разбираемый нами словарь. Потому, что чѣмъ онъ отличается отъ полнаго? и какъ онъ составленъ? Весь процесъ составленія его былъ чисто механическій; педагогика и дидактика оставались въ сторонѣ. Да, правду сказать, и безъ нихъ-то, безъ этихъ навязанныхъ намъ нѣмцами наукъ довольно трудно составить словарь. По этой ли причинѣ или потому, что гг. Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій какъ-то не вспом-

дили, что такъ называемыя средніе училища имѣютъ свои особенныя педагогическія потребности, они поняли свою задачу слѣдующимъ образомъ. Опредѣливъ, какихъ писателей слѣдуетъ имѣть въ виду въ сокращенномъ словарѣ, авторы выбросили изъ полнаго словаря всѣ слова, выраженія, фразы, не встрѣчающіяся у нихъ, и если какое выраженіе находится и въ этихъ сочиненіяхъ и у писателей, которыхъ въ школахъ или дилетанты-любители римской литературы не читаютъ, то въ сокращенномъ словарѣ оставляли только имена первыхъ писателей, а имена другихъ вычеркивали.

Но такъ ли должно составлять учебники и пособія, назначенныя для употребленія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ? Всякій, кто хоть нѣсколько понимаетъ нужды и потребности нашихъ школъ, скажетъ, что тутъ что-то не ладно; хотя рѣшеніе вопроса, какъ долженъ быть устроенъ школьный латинскій словарь, очень трудно, и вопросъ этотъ еще не рѣшенъ и въ Германіи. Я не стану здѣсь излагать своихъ мыслей объ этомъ предметѣ, такъ какъ развитіе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста въ этой уже безъ того слишкомъ длинной рецензіи — и на этотъ разъ ограничусь указаніемъ на Ингерслева и Дёдерлейна, которые высказали объ этомъ предметѣ много дѣльнаго: первый въ предисловіи къ своему латинскому словарю, второй въ примѣчаніяхъ къ своему Vocabularium'у, составляющихъ особенное прибавленіе къ этой книжечкѣ.

Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ къ гг. Ананьеву, Яснецкому и Лебединскому, замѣчу, что мы и не въ правѣ требовать отъ нихъ рѣшенія задачи, которая столь трудна, что ея не успѣли рѣшить и въ отечествѣ педагогики; и напротивъ того должны быть очень благодарны имъ за этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень полезный трудъ. Этотъ трудъ, по моему мнѣнію, таковъ, что съ нимъ нельзя сравнивать ни одинъ изъ употребляемыхъ въ нашихъ училищахъ латинско-русскихъ словарей. Потому я и желаю моею рецензіею обратить вниманіе гг. учителей латинскаго языка на этотъ новый словарь.

Въ заключеніе, чтобы дать читателю возможность повѣрить мои слова, и не имѣя въ рукахъ самого словаря, я выпишу изъ него около $^3/_4$ страницы и рядомъ поставлю соотвѣтствующія статьи словаря Кронеберга.

Сокращенный словарь Ананьева, Ясенецкаго и Лебединскаго, стр. 450.

Freniger, adj. носящій узду: f. ala, конница, Stat.

Frenare [2]), 1. v. a. взнуздывать, надѣвать узду: equi frenati, Hirt. Virg. также: f. equitatus, Hirt. acies. Sil. dracones, Ov. cervi ora capistris, id.; mtph., обуздывать, усмирять, укрощать, умѣрять, ограничивать, удерживать [3]): f. ventos vinclis et carcere, Virg. hiems glacie cursus frenat aquarum, id. frenat exigua materia impetum scribendi, Phaedr. f. justitia gentes superbas, Virg. f. alcjs furores nullis legibus, Cic. f. voluptates temperantia, Siv. timore frenari, id.; f. agmina procurrentia.

Frentanus, adj. френтанскій: F. ager, Liv. subst. Frentani, orum, m. френтанцы, народъ въ Самніи при Адріатическомъ морѣ, нынѣ Abruzzo Citra, Caes. Liv.

Словарь Кронеберга, 1841 г. стр. 754.

Freniger, era, um. Stat. носящій узду, взнузданный. Frenigera ala. Stat. корпусъ конницы [1]).

Freno, as, avi, atum, are 1. Caes. Взнуздывать || Cic. Обуздывать Frenata acies. Sil. It. конница [4]).

Frentani, orum, m. pl. Liv. Народъ въ Италіи при Адріатическомъ морѣ, между Апуліей, Кампаніей и Пиценомъ.

Frento, onis, m. 3. Plin. Рѣка въ Апуліи [5]).

---

[1]) Тутъ и лишній разъ поставлено имя Стація, и данъ ненужный переводъ стаціева выраженія.

[2]) Frenare, стоящее въ словарѣ выше, между fremor и frenator, я привелъ здѣсь для сравненія съ статьею Кронеберга.

[3]) Выраженія: усмирять, укрощать и т. д., мнѣ кажется, лишнія. Приведенные примѣры и безъ того достаточно объясняютъ метафорическое употребленіе этого глагола.

[4]) Нѣтъ ни одного примѣра, въ которомъ f. употреблялось бы въ значеніи обуздать.

[5]) Эта рѣка не въ Апуліи, а составляетъ границу между Самніею и Апуліею, между среднею и южною Италіею. Составители «сокращеннаго словаря» хорошо сдѣлали, что не привели этого слова. Зиллигъ у Плинія читаетъ не Frento, а Fertor (нынѣшнее Fortore).

Frenum, i, n. (въ plur.: freni и frena) 1) узда, удила: frenos adhibere, Cic. inhibere. Liv. ducere, надѣвать, Ov. ora equi temperare frenis., Hor. remittere frena, опускать поводья, Ov.; mtnm. внузданная лошадь, Stat. также: frena, запряженные кони, Sil.; mtph.: tanquam frenos furori injicere, Hor. irae frena ponere, Iuv. animum frenis compescere, Hor. voluptates tenere sub freno, Sen. frena imperii tenere, Ov. frena accipere, Virg. dare frenos impotenti naturae, Liv. цесл. f. mordere, закусывать удила, упорствовать, Cic. [2]) завязка, перевязка: saxea frena tecti, Stat.

Frenum, i, n. 2 Virg. удило у уѣзды. ‖ узда. Frena remittere. Ov. dare, Liv. опустить вожжи. Frena equis addere. Virg. взнуздывать лошадей. Frenum, frena и frenos mordere. Cic. ободриться [1]) alicui injicere. Hor. ponere. Iuv. imponere. Curt. укрощать, усмирять кого, *собств.* надѣть на кого узду.

Frequens, tis, adj. (comp. Nep. Sup. Cic.) 1) частый относ. времени, a) часто куда нб. приходящій, часто гдѣ нб. бывающій: erat tum Romae filius f. Cic. frequentem esse cum alqo, Cic., Liv. frequentem ad signa esse, Liv. in ore f. posteritatis eris, Ov. съ inf., Stat.; b) часто случающійся, обыкновенный: f. latrocinia, Asin. Poll. ep. f. honores, Nep. f. familiaritas, id. f. pocula, Cic.; f. est съ acc. c. inf. Tac. 2) многолюдный, многонаселенный, многими посѣщаемый: f. theatrum, municipium. Cic. emporium, castellum, Liv. f. via,

Frequens, tis, o. g. Cic. Частый, часто случающійся. многій, многочисленный, многолюдный. Hor. учащаемый, куда часто собираются [3]), съѣзжаются. Frequens collegium. Cic. многочисленное общество, собраніе.

---

[1]) F. mordere вовсе не значитъ ободриться, а упорствовать, сильно противодѣйствовать.

[2]) Читатель самъ замѣтитъ, что въ новомъ примѣры не только въ большемъ числѣ, но и приведены полнѣе.

[3]) Когда же напр. locus можетъ означать мѣсто, куда «часто собераются, съѣзжаются»?

Ov. utra pars vicis [1]) frequentior esset, болѣе населено, Liv. loca frequentia aedificiis, id. piscibus. f. vivarium Col. f. locus piceis ilicibusq., Ov. vorticibus f. amnis, id. 3) собравшійся во множествѣ: f. senatus, полный, Cic. frequentes fuimus. id. f. pompa, Ov. convivium, Suet. [2])

Frequentamen, Inis, n. частое повтореніе, Sid.

Frequentamentum, i. n. частое повтореніе въ рѣчи, Gell [3]).

Frequentare 1. v. a. 1) часто дѣлать что нибудь: a) часто посѣщать, часто бывать гдѣ нб.: f. domum alcjs, Cic. quae loca et na-

Frequentamen, inis, n. 3. Sid. Учащеніе.

Frequentamentum, i. n. 2. Gell. Трель музыкальная, или кадансъ музыки.

Frequento, as, avi, atum, are. I. Cic. учащать, часто посѣщать какое мѣсто. || Gell. часто повторять [4]).

---

[1]) Безъ сомнѣнія, опечатка вмѣсто vici или viris?

[2]) Тутъ слѣдовало бы сдѣлать, мнѣ кажется, только два главныхъ раздѣленія. *Частый* 1) въ мѣстномъ значеніи, какъ въ выраженіи: частый гребень, — тѣсный полный и т д. 2) въ временномъ значеніи, и соединить въ одно 2) и 3).

[3]) Тутъ гг. Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій впали въ ту же самую ошибку, которую сдѣлалъ и Любкеръ въ словарѣ Клоца. Они принимаютъ frequentamentum въ смыслѣ frequentatio verborum, но такого значенія это слово не имѣетъ. Aul. Gell. I, 11, 10 sq: Ecce autem per tibicinia laconica tibiae quoque illius contionatoriae in mentem venit quam C. Graccho cum populo agenti praeisse ac praeministrasse modulos ferunt. Sed nequaquam sic est, ut a vulgo dicitur, canere tibia solitum qui pone eum loquentem staret variisque modis tum demulcere animum actionemque ejus, tum intendere. Quid enim foret ea re ineptius, si, ut planipedi saltanti, ita Graccho contionanti *numeros* et *modos* et *frequentamenta* quaedam varia tibicen incineret, — ясно доказываетъ, что frequentamen было техническое выраженіе въ *музыкѣ*. И это не только не опровергается, а подтверждается и другимъ мѣстомъ того же самого писателя, V, 1, 1: Musonium philosophum solitum dicere accepimus: cum philosophus, inquit, hortatur monet, suadet obiurgat aliudve quid disciplinarum disserit, tum qui audiunt, si de summo et soluto pectore obvias vulgatasque landes effutiunt, si clamitant etiam, (si gestiunt) si vocum ejus festivitatibus, si *modulis* verborum, si *quibusdam quasi frequentamentis* orationis moventur и т. д. *Quasi* тутъ показываетъ, что frequentamentum *не употреблялось о рѣчи.* Впрочемъ я не берусь рѣшить, что именно это слово означало въ музыкѣ древнихъ, трель ли, кадансъ ли или что нибудь другое.

[4]) Какъ будто frequentare въ смыслѣ «часто повторять» употребляется только у Авла Геллія?!

tiones minus frequentata sunt, Sall. coetu salutantium frequentari, Tac.; b) часто повторять: haec frequentat Phalereus maxime, Cic. Hymenaee frequentant, Ov. f. memoriam alcjs. Sen. f. alqd in animo, часто представлять себѣ, A. ad Her.; c) употреблять: f. multa, Cic. acervatim, id. f. verbi translationem, id. f. duobus eadem pluribusve nominibus, Gell. 2) многолюдно быть или дѣлать что нб. a) многолюдно посѣщать, праздновать, отправлять: f. ludos, dies, ferias. Cic. sacra, Ov. dies solemnes, Suet.; b) многолюдно населять, жить гдѣ нб.: f. urbes, Cic. templa, Ov. solitudinem Italiae, Cic.; c) собирать: f. scribas, populum, Cic.

Frequentatio, onis, f. учащеніе, частое повтореніе: f. argumentorum [1]) Cic. f. densa verborum.

Frequentativus, adj. учащательный, показывающій частое повтореніе: f. verba, Gell.

Frequentarius, a, um. См. Frequens.

Frequentatio, onis, f. 3. Gell. Учащеніе, частое повтореніе или употребленіе чего нибудь. Frequentatio argumentorum, Cic. множество доказательствъ [1]).

Frequentativus, a, um, Gell. Учащательный, часто повторяемый [2]).

Frequentator, oris, m. 3. Apul, et

Frequentatrix, icis, f. 3. Учащательница.

---

[1]) По новому словарю, можно бы подумать, что f. argumentorum значитъ *частое повтореніе однѣхъ же доказательствъ*. Вѣрнѣе, но все еще невѣрно, передано это выраженіе у Кронеберга. F. arg. не значитъ «множество доказательствъ» а скопленіе д., приведеніе многихъ доказательствъ, одного за другимъ; какъ явствуетъ изъ Cic. orat. partit. XXXV. 122: In confirmandis nostris argumentationibus infirmandisque contrariis saepe erunt accusatori motus animorum incitandi, reo mitigandi. Atque haec quidem utrique maxime in peroratione facienda, alteri *frequentatione argumentorum et coacervatione universa.*

[2]) По Кронеб. можно бы подумать, что verba frequentativa — глаголы часто повторяемые.

Frenegtator, oris, m. частый посѣтитель, Tert.	
Frequentatus, adj. 1) частый, употребительный, обыкновенный, Cic. 2) богатый, обильный: genus sententiis frequentatum, Cic.	
Frequenter, adj. (comp., Liv.; Sup. Cic.) 1) часто, Cic. Quint., Ov. 2) многочисленно, Cic. Liv.	Frequenter, adv. Cic. часто.
Frequentia, ae, f. 1) частое явленіе чего нб.: f. epistolarum, Cic. 2) многолюдство, многочисленное собраніе, множество: f. vulgi, Nep. vestrum Cic. frequentia ac multitudine Cic.	Frequentia, ae, f. 1. Cic. множество, многолюдство.

Этихъ примѣровъ будетъ достаточно.

Я замѣтилъ различныя опечатки, не отмѣченныя въ концѣ словарей; но между ними нѣтъ ни одной важной, искажающей смыслъ или вводящей учащагося въ заблужденіе, кромѣ: dux, ducis. По «полному» какъ и по «сокращенному» словарю въ этомъ словѣ *и долгое!?*

К. Люгебиль.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА Г. НОВОСЕЛОВА.

«Grammatica ulciscitur contemptum sui»,
Vetus sententia.

Въ октябрскомъ выпускѣ Журнала министерства народнаго просвѣщенія 1862 года напечатано «Извлеченіе изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію». Въ числѣ этихъ отчетовъ обращаетъ особенное вниманіе на себя отчетъ магистранта А. Новоселова, находившагося въ истекшій лѣтній семестръ въ Берлинѣ для занятія древне-классическою словесностью. Г. Новоселовъ пишетъ въ своемъ отчетѣ:

«Положимъ, что этотъ почтенный профессоръ (Августъ Бёкъ) до того устарѣлъ и одряхлѣлъ, что для болѣе живыхъ и умныхъ лекцій у него недостаетъ ни физическихъ, ни духовныхъ силъ: у кого нѣтъ жизни въ душѣ, отъ того, разумѣется, нельзя требовать жизни и въ дѣятельности! Но вотъ предъ нами другая, еще не отцвѣтшая знаменитость между германскими филологами, Гауптъ. Какимъ характеромъ отличаются его чтенія? Какими сторонами въ своемъ предметѣ старается онъ заинтересовать слушателей и, слѣдовательно, какія изъ нихъ считаетъ наиболѣе важными и полезными для нихъ? Въ такъ называемой филологической семинаріи, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Бёкомъ руководитъ занятіями студентовъ, вся его дѣятельность, въ нынѣшній семестръ, состояла въ критическомъ разборѣ varietatum lectionum тацитова діалога».

Нѣсколько далѣе г. Новоселовъ прибавляетъ:

«Мнѣ кажется, что такая узкая рамка чтенія, такое преобладающее лингвистическое направленіе, такое насильственное ограниченіе кругозора молодыхъ людей въ дѣлѣ знакомства ихъ съ классическимъ міромъ, такое искусственное отвлеченіе вниманія ихъ отъ живыхъ сторонъ въ произведеніяхъ и жизни древнихъ

скорѣе способны или возбудить отвращеніе отъ изученія греческой и римской литературы, или притупить всякое живое чувство, всякую разумную любознательность, привязать молодаго человѣка къ буквѣ, дальше которой онъ не захочетъ, да и не будетъ въ состояніи что нибудь видѣть».

Причина, «такого односторонняго взгляда на преподаваніе упомянутаго предмета», по мнѣнію г. Новоселова, заключается: 1) «въ излишнемъ пристрастіи ихъ къ тѣмъ сторонамъ предмета, на изученіе которыхъ они сами посвятили свою жизнь» и 2) въ ошибочномъ попиманіи обязанности профессора».

Наконецъ молодой ученый чувствуетъ себя побужденнымъ къ восклицанію:

«Отжившее не вернешь, умершее не воскресишь. Они («германоманы») не хотятъ видѣть того простаго факта, что нѣмцы, не смотря на всѣ свои погони за древними формами, менѣе всѣхъ изучающихъ классическій міръ націй усвоили себѣ духъ его».

Не считаю нужнымъ прославлять великихъ мужей по части классическихъ наукъ, Августа Бёка и Моритца Гаупта, о первенствѣ которыхъ въ числѣ двигателей филологіи нѣтъ никакого сомнѣнія въ ученомъ мірѣ. Первый изъ нихъ, старикъ 77-лѣтній, теперь считается старшиною Берлинскаго университета, второй важнѣйшимъ преподавателемъ древне-классическихъ наукъ въ Берлинѣ, какъ директоръ тамошней филологической семинаріи. Но считаю святою обязанностью своею обратить вниманіе просвѣщенной нашей публики на чрезмѣрную эту самонадѣянность молодаго ученаго, на совершенное отсутствіе всякаго должнаго уваженія къ великимъ геніямъ, которые безъ сомнѣнія имѣютъ важныя причины, такъ и не иначе постоянно читать свои лекціи. Всякому тщательно обдумывающему всѣ обстоятельства очень понятна важность этого грамматическаго направленія и причина, почему она должна имѣть такой перевѣсъ передъ другими отдѣлами классической филологіи *). Вышеупомяну-

*) Одинъ изъ молодыхъ нашихъ филологовъ, находившійся съ 1857—61 годъ въ Берлинѣ, кромѣ лекцій, въ которыхъ толковались греческіе и латинскіе авторы, въ теченіе этого времени слушалъ: у *Бёка* Griechische Alterthümer, Geschichte der Griechischen Literatur, Metrik, Encyklopaedie der Philologie, у *Гаупта* Geschichte der Römischen Literatur, у *Гепперта* Römische Alterthümer, у *Кейля* Handschriftenkunde, у *Бенари* Geschichte der Römischen Literatur, у *Фридрихса* Historiam sculpturae Graecae, у *Масмана* Griechische und Römische Palaeographie. Слѣдовательно нельзя сказать, что берлинскіе профессора пренебрегаютъ прочими, безъ сомнѣнія весьма важными, отдѣлами древне-классическихъ наукъ.

тые профессоры берлинскаго университета видятъ и должны видѣть въ наибольшей части своихъ студентовъ будущихъ преподавателей латинскаго и греческаго языковъ въ гимназіяхъ. Но такъ какъ въ гимназіяхъ изученіе классической древности преимущественно состоитъ въ усвоеніи себѣ древнихъ языковъ, и посредствомъ чтенія авторовъ и посредствомъ переводовъ съ отечественнаго языка на древніе (въ латинскомъ языкѣ даже посредствомъ свободныхъ сочиненій) дабы молодой человѣкъ могъ вполнѣ вникнуть въ духъ этихъ языковъ и тѣмъ развить въ себѣ всѣ умственныя силы, — то необходимо, чтобы учитель этихъ языковъ имѣлъ самое твердое основаніе въ грамматикѣ и въ способѣ толкованія древнихъ авторовъ.

«Грамматика мститъ за оказанное ей презрѣніе («Grammatica ulciscitur contemptum sui»), говоритъ старинная пословица латинская, и справедливость этого изрѣченія оказалась и въ настоящемъ случаѣ. Тотъ же г. Новоселовъ писалъ статью о римскомъ историкѣ К. Саллюстіѣ Криспѣ, напечатанную въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія нынѣшняго года (августъ и сентябрь, отд. II, стр. 96—159). Но всѣми этими блестящими фразами, содержаніе которыхъ онъ легко могъ заимствовать изъ разныхъ о томъ писателѣ сочиненій западныхъ ученыхъ, онъ не въ состояніи скрыть высшую степень слабости въ пониманіи древнихъ авторовъ, на которомъ однако основываются всѣ эти изслѣдованія. На стр. 113 приведенной статьи, г. Новоселовъ пишетъ слѣдующее:

«Правда Тейфель (его изд. стр. 182) называетъ его ortum ex familia illustri, а Мюллеръ даже причисляетъ его родъ къ патриціанскимъ и притомъ самымъ знаменитымъ, древнимъ и богатымъ, основываясь на свидѣтельствахъ Тацита и Діона Кассія; но это едвали справедливо. У Тацита въ его Анналахъ (III к. 30 2) мы находимъ слѣдующее мѣсто относительно этого вопроса: Fine anni (20 post Chr. nat.) concessere vita insignes viri L. Volusius et Sallustius Crispus. Volusio vetus familia neque tamen praeturam egressa: — Crispum, equestri ortum loco C. Sallustius, rerum Romanarum florentissimus auctor, sororis nepotem in nomen adscivit. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о смерти вышеупомянутаго Саллюстія, современника Августа и Тиверія. Но изъ этихъ словъ Тацита видно только, что или сынъ сестры историка жилъ въ сословіи всадниковъ, или дочь ея была женою всадника. О происхожденіи же самаго историка здѣсь нѣтъ и рѣчи. Что касается до свидѣтельства Діона Кассія, которое приводитъ Мюллеръ, то оно, какъ намъ кажется, не подтверждаетъ, а

опровергаетъ его мнѣніе, Діонъ говоритъ: *συχνοὺς δὲ καὶ τῶν πάνυ γενναίων ἄλλους τε καὶ τὸν Κρίσπον Σαλλούστιον τὸν τὴν ἱστορίαν συγγράψαντα ἀπελάσαντι ἐκ τοῦ συνεδρίου.* Г. критикъ, если мы не ошибаемся, понялъ это мѣсто такъ: «Аппій К. изгналъ изъ сената очень многихъ изъ самыхъ благородныхъ мужей и въ числѣ ихъ Криспа Саллюстія», и т. д. Но подлинный текстъ не даетъ намъ права на такое толкованіе. Напротивъ выраженіе *τῶν πάνυ γενναίων*, относясь къ *συχνοὺς*, вовсе не относится къ *τὸν Κρίσπον Σαλλούστιον*. Слово же *ἄλλουςτε* стоящее въ ближайшей связи съ *Σαλλούστιον* прямо противополагается выраженію *συχνοὺς δὲ* и т. д. и ясно показываетъ, что Саллюстій принадлежалъ не къ этимъ *πάνυ γενναίων*, а къ людямъ (*ἄλλουςτε*) плебейскаго рода. Вообще это мѣсто, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ перевести такъ: «А. К. изгналъ изъ сената очень многихъ самыхъ благородныхъ, а равно и другихъ и между этими то Криспа Саллюстія».

Чтобы совершенно понимать мѣсто Діона Кассія надобно выписать цѣлое предложеніе. Мы читаемъ у него въ кн. XL стр. 261 лин. 35 слѣдд. изд. Реймара слѣдующее: *ὁ γὰρ Πίσων οὔτ' ἄλλως πρᾶγμα ἔχειν ἐθέλων, καὶ πρὸς τὴν τοῦ γαμβροῦ (τοῦ Καίσαρος) φιλίαν πολλοὺς θεραπεύων, αὐτὸςμὲν οὐδὲν τοιοῦτον ἐποίησεν, ἐκείνῳ δὲ (Κλαυδίῳ τῷ Αππίῳ) οὐκ ἀντέπςαρε, πάντας μὲν τοὺς ἐκ τῶν ἀπελευθέρων, συχνοὺς δὲ καὶ τῶν πάνυ γενναίων, ἄλλους τε καὶ τὸν Κρίσπον τὸν Σαλλούστιον τὸν τὴν ἱστορίαν συγγράψαντα, ἀπελάσαντι ἐκ τοῦ συνεδρίου.* Весьма вѣренъ латинскій переводъ этого мѣста въ изданіи Штурца (T. I, стр. 661): Etenim Piso, quam alioquin quieti studeret, ac propter generi quoque amicitiam multos observaret, ipse notandum sibi neminem duxit; collegae tamen, omnes libertinos, *multos* etiam *nobilium, atque inter eos* Crispum etiam Sallustium, eum, qui historiam conscripsit, senatu ejicienti non repugnavit Слѣдовательно я совершенно согласенъ съ переводомъ г. Мюллера, какъ его приводитъ г. Новоселовъ. Всякій знающій греческій языкъ знакомъ съ выраженіемъ *συχνοὺς — ἄλλους τε καὶ τὸν Κ. τ. Σ.*, которое еще ближе къ подлиннику перевести можно на латинскій языкъ: *multos — et alios et* Crispum Sallustium.

Но положимъ — въ чемъ однако никакъ нельзя согласиться — что эти слова *ἄλλους τε καὶ* можно было бы перевести такъ, какъ предлагаетъ г. Новоселовъ: какой смыслъ былъ бы тогда въ нашемъ мѣстѣ: онъ не противился, ему выгоняющему изъ сената всѣхъ (сенаторовъ) изъ отпущенныхъ и многихъ изъ самыхъ благородныхъ, а равно и другихъ (людей плебейскаго рода) и между этими то Криспа Саллюстія? Неужели въ сенатѣ находились и люди

плебейскаго рода? Едва ли; напротивъ Діонъ Кассій здѣсь не говоритъ ни о патриціяхъ, ни о плебеяхъ—первыхъ не вытналъ бы Аппій Клавдій, такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ числу ихъ, другіе не находились въ сенатѣ — но рѣчь идетъ здѣсь о *заслуженномъ дворянствѣ* (nobiles, *γενναῖοι*), которое является въ Римѣ съ тѣхъ поръ, какъ плебеямъ данъ доступъ ко всѣмъ высшимъ государственнымъ должностямъ (magistratus majores), см. А. Беккера Handbuch d. Röm. Alterth. T. II. Отд. I, стр. 218 слѣд. И такимъ же образомъ надобно себѣ изъяснять слова Тацита въ приведенномъ г. Новоселовымъ мѣстѣ: Crispum, equestri ortum loco, C. Sallustius, rerum Romanarum florentissimus auctor, sororis nepotem *in nomen adscivit*. Нашъ историкъ принадлежалъ къ числу nobilium, былъ самъ homo novus, слѣдовательно онъ стоялъ выше сословія всадниковъ, и чтобы поднять внука своей сестры, находившагося въ сословіи всадниковъ, онъ его усыновилъ и далъ ему свое имя (in nomen adscivit). Поэтому г. Мюллеръ, сочиненіе котораго, къ крайнему моему сожалѣнію, я не могъ себѣ здѣсь достать, ошибся въ томъ, что онъ, какъ упоминаетъ г. Новоселовъ, причислялъ родъ Саллюстія къ патриціанскимъ и при томъ самымъ древнимъ. Онъ т. е. Саллюстій только принадлежалъ къ самымъ знаменитымъ (*πάνυ γενναίων*) и богатымъ.

Однако, если даже считать простительнымъ для молодаго ученаго, еще мало читавшаго греческіе подлинники, явное незнаніе такой обыкновенной греческой фразы, какова есть *συχνοὺς—ἄλλους τε καὶ τὸν Κ. τ. Σ.* — хотя такому надменному критику ничего такого рода простить нельзя — что же сказать о томъ, что магистрантъ, приготовляющійся къ профессорскому званію, даже не въ состояніи правильно изъяснять самыя простыя слова Саллюстія? На стр. 116 приведенной статьи г. Новоселовъ пишетъ слѣдующее:

«Одно только мы можемъ положительно сказать о годахъ молодости нашего историка, именно: что онъ и тогда уже съ жадностью стремился къ общественной жизни, слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій и сгоралъ ambitione corrupta (sic!). Это онъ самъ сообщаетъ намъ въ 3-й гл. Каталаны: «Sed ego adolescentulus initio sicuti plerique a studio ad rempublicam latus sum» и нѣсколько ниже: «inter tanta vitia imbecilla aetas ambitione corrupta ferebatur *)». Неужели cor-

*) Не знаю, откуда г. Новоселовъ взялъ эту lectionem variantem? Въ изданіяхъ Критца, Дитша и Якобса, которыя я имѣю въ рукахъ, находится tenebatur. Или это опечатка?

rupta здѣсь ablativus, а не nominativus? И что такое ambitio corrupta? Вотъ новый комментаторъ Саллюстія! «Difficile est satiram non scribere!» говоритъ Ювеналъ. Надобно вообще совѣтовать нашимъ молодымъ филологамъ, чтобы они, прежде чѣмъ приступятъ къ сочиненіямъ такого рода, пріобрѣтали себѣ познаніе греческаго и латинскаго языковъ постояннымъ, усидчивымъ чтеніемъ классиковъ. Vos exemplaria Graeca ac Romana

Nocturna versate manu, versate diurna!

Двѣ уважительныя причины все еще побуждаютъ меня желать, чтобы всѣ молодые ученые, не только филологи, ищущіе высшихъ ученыхъ степеней, писали представляемыя сочиненія на латинскомъ языкѣ. Съ одной стороны этотъ языкъ требуетъ сжатости, строгой логики, не дозволяетъ пустой фразеологіи; съ другой сочиненія на латинскомъ языкѣ писанныя представляются на обсужденіе всему ученому міру, и нѣтъ ничего столь поучительнаго для молодаго ученаго, какъ подвергаться критикѣ заграничныхъ ученыхъ. Это образуетъ его; это отнимаетъ излишнюю самонадѣянность; это приводитъ его къ сознанію, что онъ еще не зрѣлъ, еще далеко отстоитъ отъ желаемой цѣли, что многіе ушли дальше его, что степень, до которой дошли нѣкоторые великіе люди, можетъ быть никогда не будетъ имъ достигнута. Подражать сколько возможно такимъ свѣтиламъ, должно быть цѣлью благороднаго, неутомимаго его стремленія. Dixi!

Ѳ. Струве.

С.-Петербургъ, 23-го ноября 1862 г.

VI.

ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: НАУЧНЫЯ ПОСОБІЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ *).

Статья «научныя пособія учебныхъ заведеній», помѣщенная въ іюльской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія, по важности предмета и по несовершенству предложенныхъ въ ней списковъ для состава различныхъ отдѣловъ научныхъ пособій, заставляетъ желать чтобы тѣ, которые близко знакомы съ потребностями того или другаго отдѣла, указали замѣченные ими недостатки. По этому я не считаю лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на предложенный въ статьѣ составъ физическаго кабинета и перечислить тѣ приборы, которые по моему мнѣнью необходимы при изложеніи математики и физики.

Въ спискѣ приборовъ, предложенныхъ въ статьѣ для физическаго кабинета, нѣтъ многихъ самыхъ необходимыхъ, какъ напр. нѣтъ машины Гравезанда (для удара тѣлъ упругихъ и неупругихъ), нѣтъ волосныхъ трубокъ, звонка подъ колоколъ воздушнаго насоса, камертона, рупора, нѣтъ приборовъ для доказательства законовъ Маріота, возможность пользоваться которыми, мнѣ кажется, должна быть оправдана опытомъ; нѣтъ прибора для объясненія преломленія лучей свѣта, нѣтъ страбоскопа, калейдоскопа, коническихъ и цилиндрическихъ зеркалъ, нѣтъ вовсе приборовъ, посредстомъ которыхъ показывается взаимное дѣйствіе токовъ на токи и проч.

---

*) См. журн. мин. народн. просв. 1862 г. іюльская книжка.

Нѣкоторые приборы, по моему мнѣнію, съ пользою могли бы быть замѣнены другими, какъ напр. вмѣсто алкоголометра лучше имѣть ареометрическій приборъ, состоящій изъ двухъ ареометровъ для жидкостей тяжелѣе воды, одного для жидкостей легче воды, ареометра Боме и термометра Реомюра; вмѣсто сирены Каньяръ-Латура лучше имѣть сирену Оппельта, въ которой зависимость тона отъ числа колебаній представляется гораздо нагляднѣе.

Въ числѣ перечисленныхъ для физическаго кабинета приборовъ можно найти и лишніе, особенно принимая во вниманіе ихъ высокую цѣну. Къ нимъ по моему мнѣнію, можно отнести слѣдующіе:

1. Вѣсы (лучшаго устройства, 65 руб.). Такіе вѣсы были бы необходимы для точныхъ изслѣдованій; для показанія же ученикамъ въ классѣ могутъ служить гидростатическіе вѣсы Мора, а для тѣхъ взвѣшиваній, которыя случаются при производствѣ физическихъ опытовъ, должны быть простые вѣсы хорошаго устройства.

2. Ареометръ Фаренгейта, потому что ареометръ Никольсона имѣетъ такое же устройство и слѣдовательно можетъ дать точное понятіе объ ареометрѣ Фаренгейта.

3. Пирометръ Веджвуда, потому что его устройство понятно и безъ прибора, а для употребленія сообразно съ его названіемъ, при производствѣ физическихъ опытовъ онъ никогда не понадобится.

Тоже можно сказать о калориметрѣ и уравнительномъ маятникѣ.

4. Микроскопъ Росса (300 руб.) можетъ быть необходимъ въ той гимназіи, гдѣ преподается естественная исторія, да и здѣсь неудобство пользоваться имъ для разсматриванія предметовъ цѣлымъ классомъ (человѣкъ въ 30 и болѣе) заставляетъ предпочесть ему микроскопъ солнечный, для употребленія котораго должна быть возможность произвести друммондовъ свѣтъ или электрическое освѣщеніе.

5. Аппаратъ для физіологическихъ опытовъ долженъ быть отнесенъ къ кабинету естественной исторіи.

6. Аппаратъ Меллони для ислѣдованія теплопрозрачности тѣлъ (120 руб.) болѣе приличенъ кабинету ученаго, нежели доступенъ кабинету гимназіи.

7. Изъ двухъ станцій телеграфа Морзе (50 руб.) одна составляетъ необходимость, а другая излишнюю и не очень дешевую забаву.

Нѣкоторые изъ этихъ приборовъ, при богатыхъ средствахъ гимназіи, не будутъ конечно лишними; но, имѣя въ виду открытіе новыхъ гимназій, должно позаботиться сначала о самомъ небходимомъ. Поэтому составленный мною списокъ приборовъ для преподаванія физики я раздѣлилъ на два отдѣла: въ первомъ помѣстилъ приборы, составляющіе, какъ мнѣ кажется, необходимую принадлежность физическаго кабинета, а во второмъ тѣ, которые по моему мнѣнію составляютъ уже роскошь его и которые при средствахъ могутъ быть пріобрѣтаемы постепенно.

Къ составу физическаго кабинета я отнесъ также инструменты, необходимые при преподаваніи геометріи, тригонометріи и математической географіи.

Такъ какъ химія не преподается въ гимназіи какъ отдѣльный предметъ, а сообщаются только нѣкоторыя свѣденія изъ этой науки при изложеніи физики, точно также какъ при ней излагаются необходимыя свѣденія изъ механики, то нѣтъ надобности въ отдѣльной химической лабараторіи съ такимъ множествомъ одинакихъ приборовъ, какая представлена въ статьѣ «научныя пособія учебныхъ заведеній». Вмѣстѣ съ предлагаемымъ мною составомъ физическаго кабинета, я привелъ тѣ химическіе аппараты, которые необходимы для производства первоначальныхъ опытовъ химіи.

Кромѣ того, такъ какъ при многихъ гимназіяхъ производятся метеорологическія наблюденія, то я помѣстилъ также приборы необходимые для этой цѣли.

Такимъ образомъ предлагаемый мною составъ физическаго кабинета представляетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) приборы математическіе; 2) приборы для математической географіи; 3) приборы химическіе; 4) приборы необходимые при изложеніи физики; 5) приборы для метеорологической обсерваторіи и 6) дополненіе къ физическому кабинету, въ которомъ перечислены приборы, непредставляющіе особенной необходимости, но и нелишніе при достаточныхъ средствахъ гимназіи.

Не имѣя подъ рукою каталоговъ механическихъ заведеній, я не могъ означать цѣны, но увѣренъ, что приборы первыхъ пяти отдѣловъ стóятъ не дороже той суммы, какая назначается для кабинета и лабараторіи въ статьѣ «научныя пособія».

Въ концѣ списка приложены примѣчанія, которыя я счелъ необходимыми для объясненія цѣли и устройства нѣкоторыхъ приборовъ. Впрочемъ, если бы встрѣтилось недоразумѣніе относительно

какого нибудь изъ перечисленныхъ мною приборовъ, то оно можетъ быть разрѣшено справкой въ курсахъ физики Ganot, Jamin, и Müller.

1. Приборы математическіе.

1. Треугольникъ, циркуль, двѣ линейки (изъ дерева) въ аршинъ и футъ съ подраздѣленіями и транспортиръ, дюймовъ 10 въ діаметрѣ, для черченія на классной доскѣ.

2. Линейка длиною въ футъ съ подраздѣленіями съ одной стороны на дюймы, а съ другой и на линіи съ двумя ноніусами для десятыхъ долей дюйма и линіи.

3. Линейка длиною въ метръ.

4. Шестьдесятъ четыре кубическихъ вершковъ изъ дерева.

5. Готовальня.

6. Приборы для стереометріи изъ дерева.

 1) Правильныя тѣла.

 2) Трехгранная призма, разлагающаяся на три равномѣрныя пирамиды.

 3) Многогранная призма.

 4) Трехгранная пирамида.

 5) Многогранная пирамида.

 6) Трехгранная пирамида, усѣченная параллельно основанію, разлагающаяся на три пирамиды.

 7) Шаръ, раздѣленный на сегменты и поясъ.

 8) Цилиндръ.

 9) Конусъ съ сѣченіями.

 10) Сфероидъ.

7. Астролябія Шперлинга на трехъ винтахъ съ отвѣсомъ и штативомъ.

8. Межевая цѣпь.

9. Мензула Эртеля съ вилкою и отвѣсомъ.

10. Къ ней оріентиръ бусоль.

11. Кипрегель съ діоптрами.

12. Водяной нивеллиръ.

13. Вехи, колья, рейки.

2. Приборы для математической географіи.

1. Армилярная сфера.

2. Глобусы земной и небесный.

3. Карты звѣзднаго неба.

4. Планетарій.

5. Жироскопъ.

6. Приборы для опыта Фуко надъ колебаніемъ маятника, а именно: 1) желѣзной или чугунный шаръ, фунтовъ въ 15 или 20, съ остріемъ внизу и съ мѣстомъ для вкладыванія проволки на верху; 2) толстая проволка длиною сажени въ три или болѣе и 3) верхняя оправа для ея прикрѣпленія, состоящая изъ сферы, вложенной въ полусферу.

7. Универсальный инструментъ.

3. Приборы химическіе.

1. Колбы съ шарообразнымъ основаніемъ 5 шт.

2. Реторты бѣлаго стекла съ притертыми пробками 5 шт.

3. Металлическая сѣтка.

4. Щипцы.

5. Пробирные цилиндры 12 шт.

6. Къ нимъ штативъ, ручка и щетка.

7. Спиртовая лампа (см. № 65 физ. каб.).

8. Лампа Берцеліуса (см. № 66 физ. каб.).

9. Газоотводныя изогнутыя трубки 10 шт.

10. Пневматическая ванна изъ жести съ краномъ внизу.

11. Ложечка для сожиганія фосфора въ кислородѣ.

12. Стальная пружина для той же цѣли.

13. Стклянка большого размѣра для сожиганія тѣлъ въ кислородѣ 4 шт.

14. Двѣ стклянки съ притертыми пробками, трехъ-фунтовая и одно-фунтовая.

15. Двугорлыя стклянки, 2 шт.

16. Трубка съ воронкой.

17. Стеклянныя палочки, 3 шт.

18. Предохранительная воронка шарообразная съ однимъ шарикомъ и такая же безъ шарика.

19. Предохранительная воронка коническая съ однимъ шарикомъ и такая же безъ шарика.

20. Воронки разной величины, 3 шт.

21. Къ нимъ двѣ подставки для большой и малой.

22. Узенькая металлическая трубочка съ краномъ, на которую можно было бы навязывать пузырь.

23. Газометры съ предохранительной трубкой, необходимой при сожиганіи водорода въ струѣ кислорода для друммондова свѣта.
24. Водородное огниво и при немъ губчатой платины 3 коробки.
25. Трубка для химической гармоники.
26. Ступка съ пестикомъ (см. № 143 физ. каб.).
27. Мѣдная ступка.
28. Пробочной буравъ.
29. Каучуковые колпаки разной величины 3 шт.
« съ одной трубочкой 3 шт.
« съ двумя трубочками 3 шт.
30. Каучуковыя трубочки въ $^1/_8$ д., въ $^1/_6$ д. и толстыя по 2 арш.
31. Лампа для паянія стекла (см. № 142 физич. каб.).

4. Приборы необходимые при изложеніи физики.

1. Собраніе моделей простыхъ машинъ: 1) рычагъ; 2) коленчатый рычагъ; 3) система блоковъ; 4) воротъ; 5) зубчатыя колеса; 6) наклонная плоскость; 7) безконечный винтъ и винтъ поднимающійся въ воздухѣ при сообщенномъ ему вращательномъ движеніи. (См. прим.).

2. Деревянный или картонный желобокъ загнутый кольцомъ для показанія дѣйствія инерціи.

3. Двѣ хорошо отшлифованныя металлическія или стеклянныя плитки для доказательства сцѣпленія, устроенныя такимъ образомъ, чтобы одну можно было держать въ рукѣ, а къ другой подвѣшивать тяжесть.

4. Параллелограмъ силъ.

5 Три деревянные цилиндра для показанія зависимости равновѣсія отъ положенія центра тяжести и отъ площади опоры. (См. примѣчаніе).

6. Два деревянные цилиндра для той же цѣли: одинъ съ налитымъ въ нижней части свинцемъ, другой съ металлическимъ полушаріемъ.

7. Эквилибристъ.

8. Вѣсы хорошаго устройства съ гирями. (См. прим.).

9. Динамометръ.

10. Маятникъ съ крючкомъ Граама, задѣвающимъ за зубчатое колесо, на одной оси съ которымъ находится валъ, приводимый въ движеніе тяжестью гири. (См. прим.).

11. Атвудова машина.

12. Центробѣжная машина съ приборомъ. (См. прим.).

13. Машина Гравезанда для удара тѣлъ упругихъ и неупругихъ.

14. Машина для доказательства того, что уголъ отраженія равенъ углу паденія.

15. Приборъ для доказательства закона равенства давленій.

16. Цилиндрическая стеклянная трубка съ пришлифованнымъ стекляннымъ кружкомъ для доказательства равенства давленій сверху и снизу. Къ ней долженъ быть сосудъ.

17. Съ такимъ же основаніемъ двѣ коническія трубки, одна съуживающаяся, другая расширяющаяся вверхъ, съ станкомъ, служащимъ для поддержанія ихъ. (См. прим.).

18. Узкая стеклянная цилиндрическая трубка, разсширяющаяся около основанія, такой вмѣстимости какъ трубка № 16, но при значительно большемъ основаніи, съ отдѣльнымъ дномъ, состоящимъ изъ хорошо отшлифованнаго стекляннаго кружка съ крючкомъ въ срединѣ.

19. Гидростатическіе вѣсы Мора съ полнымъ составомъ гирь.

20. Сообщающіеся сосуды.

21. Ватерпасъ съ пузырькомъ воздуха.

22. Цилиндръ пустой и массивный для доказательства закона Архимеда. При нихъ долженъ быть маленькій стеклянный ливеръ для удобнаго наполненія пустаго цилиндра при возстановаеніи равновѣсія.

23. Шаръ плавающій въ холодной водѣ и погружающійся въ теплой.

24. Флаконъ для опредѣленія удѣльнаго вѣса жидкостей.

25. Ареометръ Никольсона.

26. Ареометрическій приборъ.

27. Модель Сегнерова колеса.

28. Модель Архимедова водянаго винта.

29. Нѣсколько волосныхъ трубокъ различныхъ діаметровъ, напр. четыре.

30. Двѣ стеклянныя пластинки подъ угломъ.

31. Листъ слюды (для опытовъ надъ движеніемъ пластинокъ вслѣдствіе волосности).

32. Нѣсколько барометрическихъ трубокъ, напр. четыре.

33. Барометръ сифонный.

34. Два прибора для доказательства закона Маріота для давленій бо́льшихъ и меньшихъ атмосферы.

35. Пневматическая машина съ манометромъ. (См. прим.).

36. Къ ней: 1) стеклянный колоколъ; 2) колоколъ съ сѣткою (привинчиваемый къ тарелкѣ) 3) магдебургскія полушарія; 4) приборъ для ртутнаго дождя; 5) бароскопъ; 6) стаканъ съ дномъ изъ пузыря; 7) приборъ для доказательства закона Галилея о паденіи тѣлъ въ пустотѣ; 8) фонтанъ въ безвоздушномъ пространствѣ; 9) приборъ съ двумя рядами крыльевъ для показанія того, что въ безвоздушномъ пространствѣ движенія бываютъ долговременнѣе; 10) приборъ для доказательства того, что въ пустомъ пространствѣ звукъ не распространяется; 11) приборъ для замороженья воды подъ колоколомъ воздушнаго насоса; 12) шаръ для опыта: электрическое яйцо. (См. прим.).

37. Нагнетательный насосъ.

38. Всасывающій насосъ.

39. Маріотова трубка для равномѣрнаго истеченія жидкостей.

40. Ливеръ, сифонъ, волшебная поливальница и лейка, сифонъ для переливанія кислотъ.

41. Картезіанскій водолазъ.

42. Гіероновъ фонтанъ стеклянный.

43. Фонтанъ дѣйствующій давленіемъ сгущеннаго воздуха съ нагнетательнымъ насосомъ.

44. Аргантова лампа.

45. Сонометръ.

46. Сирена Оппельта съ колесомъ Савара и стержнемъ для опыта Плато. При ней сосудъ для этого опыта и радужный кружокъ. (См. примѣчаніе).

47. Два камертона, укрѣпленные на отдѣльныхъ ящикахъ съ пробкой для ихъ сотрясенія. (См. прим.).

48. Аппаратъ Хладни.

49. Рупоръ.

50. Слуховая труба.

51. Каучуковая трубка для переговоровъ изъ одного этажа въ другой.

52. Нѣсколько органныхъ трубокъ различнаго устройства, напр. 4.

53. Горловой органъ.

54. Приборъ для доказательства расширенія твердыхъ тѣлъ отъ теплоты съ рычагомъ и стрѣлкою.

55. Термометрическія трубки съ шариками для доказательства

расширенія отъ теплоты тѣлъ жидкихъ и газообразныхъ и для объясненія способа наполненія термометрическихъ трубокъ, 10 шт.

56. Психрометръ Августа, состоящій изъ двухъ хорошо выввѣренныхъ термометровъ Реомюра, подвѣшенныхъ на подставкѣ такимъ образомъ чтобы каждый изъ нихъ можно было употреблять отдѣльно.

57. Два термоскопа Румфорда: одинъ съ шариками на одинаковой высотѣ, а другой съ шариками на разной высотѣ, устроенный такимъ образомъ чтобы его можно было ставить въ стеклянный сосудъ для доказательства малой теплопроводимости воды, посредствомъ спирта, зажигаемаго на ея поверхности.

58. Франклиновъ кипятильникъ.

59. Приборъ Ингенгуса для тепло-проводимости тѣлъ.

60. Стеклянный сосудъ для кипяченія воды, чтобы показать восходящій и нисходящій потокъ во время кипѣнія. Одинъ долженъ быть запасный.

61. Зеркала Пиктета.

62. Модель паровоза съ качающимися цилиндрами. Механизмъ долженъ быть открытъ.

63. Воздушное огниво.

64. Кубъ для опытовъ надъ лучистой теплотой.

65. Спиртовая лампа.

66. Лампа Берцеліуса.

67. Фотометръ Риччи.

68. Плоское зеркало такого размѣра, чтобы удобно было имъ пользоваться при страбоскопѣ.

69. Два плоскихъ зеркала подъ угломъ.

70. Калейдоскопъ.

71. Зеркальное стекло такой толщины, чтобы смотря съ боку видно было нѣсколько изображеній въ слѣдствіе отраженія лучей отъ обѣихъ параллельныхъ поверхностей?

72. Вогнутое и выпуклое зеркала.

73. Коническое и цилиндрическое зеркала съ рисунками.

74. Приборъ для объясненія преломленія лучей свѣта.

75. Стеклянная прямоугольная призма.

76. Призмы изъ кронгласа, флинтгласа и каменной соли съ одинаковыми преломляющими углами.

77. Трехгранная призма для углеводорода.

78. Радужный кружокъ (при сиренѣ Оппельта).

79. Ахроматическая призма на мѣдной подставкѣ.

80. Система шести сферическихъ стеколъ.

81. Микроскопъ.

82. Ахроматическій солнечный микроскопъ.

83. Ахроматическая подзорная труба такой силы, чтобы можно было видѣть фраунгоферовы линіи. Къ ней должна быть подставлена и оправа для вкладыванія призмъ.

84. Волшебный фонарь.

85. Камера - обскура, клара люцида.

86. Искусственный глазъ съ вогнутымъ и выпуклымъ стекломъ для показанія дѣйствія очковъ.

87. Оптометръ.

88. Система окрашенныхъ кружковъ для составленія цвѣтовъ и субьективныхъ явленій.

89. Страбоскопъ. (См. прим.)

90. Стереоскопъ Уитстона. (См. прим.)

91. Телестереоскопъ.

92. Приборъ Дове для объясненія блеска.

93. Призма для интерференціи свѣта.

94. Приборъ для диффакціи.

95. Приборъ для ньютоновыхъ колесъ.

96. Призма съ двойнымъ преломленіемъ.

97. Поляризаторъ.

98. Турмалиновыя пластинки для поляризаціи свѣта.

99. Геліостатъ.

100. Магнитный камень въ оправѣ съ якоромъ.

101. Магнитный магазинъ (см. прим.)

102. Подковообразный магнитъ.

103. Магнитная стрѣлка на подставкѣ.

104. Желѣзныя опилки.

105. Стальныя пластинки для намагничиванія, такой толщины, чтобы ихъ легко можно было ломать.

106. Деклинаторъ и инклинаторъ, соединенные въ одномъ приборѣ.

107. Янтарная, стеклянная и сургучныя палочки и къ нимъ электроскопъ изъ бузинныхъ шариковъ.

108. Приборъ состоящій изъ сферы и двухъ полусферъ для доказательства того, что электричество распространяется по поверхности, или приборъ Фаредэ или другой какой нибудь служащій для той же цѣли.

109. Электроскопъ Вольты, устроенный такимъ образомъ, чтобы на верхнюю часть навинчивался и простой шарикъ и конденсаторъ.

110. Приборъ для возбужденія электричества черезъ вліяніе.

111. Электрофоръ. Къ нему сито для фигуръ Лихтенберга.

112. Электрическая машина съ кондукторомъ (см. прим.)

113. Къ ней: 1) электроскопъ Ганлея; 2) изолирующая скамья; 3) два металлическіе кружка для электрической пляски и электрическаго дождя; 4) загнутое въ бокъ остріе, вставляемое въ кондукторъ; 5) колесо Франклина съ остріемъ для него; 6) кисть, вставляемая въ кондукторъ; 7) приборъ для электрическаго звона и 8) приборъ для электрической иллюминаціи.

114. Вольтовъ пистолетъ.

115. Конденсаторъ Эпинуса.

116. Лейденская банка съ приборомъ дла счета искръ.

117. Лейденская батарея.

118. Разрядникъ (простой).

119. Вольтовъ столбъ.

120. Одинъ элементъ Вульстена.

121. Элементъ Грове.

122. Элементъ Бунзена.

123. Батарея Даніэля въ 24 элемента съ 12 запасными глиняными сосудами. (см. прим.)

124. Къ ней нѣсколько платиновыхъ проволокъ различной величины для накаливанія.

125. Приборъ для разложенія воды.

126. Подковообразныя трубы для разложенія солей, 4 шт.

127. Регуляторъ для электрическаго освѣщенія.

128. Мультипликаторъ Нобили.

129. Аппаратъ Ампера, показывающій дѣйствіе токовъ на токи, съ различными приборами, какъ то: 1) для дѣйствія прямолинейныхъ и круговыхъ токовъ на какіе же токи; 2) для взаимнаго дѣйствія соленоидовъ; 3) для доказательства того, что дѣйствіе тока идущаго по проволкѣ, изогнутой въ видѣ змѣйки, тоже самое, какъ и дѣйствіе прямолинейнаго тока, занимающаго въ длину тоже пространство, 4) для дѣйствія магнитовъ на токи (см. прим.)

130. Телеграфъ Морзе съ принадлежащими къ нему проволоками (одна станція).

131. Электрическій звонокъ.

132. Электрическая машина съ двумя коромыслами.

133. Аппаратъ для намагничиванія.

134. Замбоніевы столбы (perpetuum mobile).

135. Двѣ проволки свитыя кольцомъ для первыхъ опытовъ индукціи.

136. Желѣзный параллелепипедъ съ ручкой, обвитый въ срединѣ проволокой такимъ образомъ, чтобы его удобно было прикладывать къ подковообразному магниту № 102, помѣщая мѣсто обвитое проволокой между полюсами магнита (см. прим.)

137. Магнито-электрическая машина Штерера съ приборами.

138. Свитая спиралью проволока, которую можно бы было надѣвать на приборъ № 136 для возбужденія въ ней наведеннаго тока.

139. Рулька Румкорфа.

140. Индукціонныя спирали Румкорфа, которыя могутъ также служить и для электрической индукціи.

141. Приборъ Зеебске изъ сюрьмы и висмута съ магнитной стрѣлкой.

142. Лампа для паянія стекла или паяльный мѣхъ для той же цѣли.

143. Ступка съ пестикомъ.

Кромѣ того при физическомъ кабинетѣ должны находиться: стаканы, мензурки, блюдечки, часовыя стекла, сосуды стеклянные и глиняные различной величины и формы, большіе деревянные тазы для погруженія въ воду глиняныхъ горшковъ и цинковъ, принадлежащихъ батареѣ; стклянки съ притертыми пробками для содержанія сѣрной кислоты, маленькій сосудъ съ краномъ для удобнаго наливанія ртути; коконовыя нити, угли для рѣзанія стеколъ, ножъ, ножницы, пила, подпилокъ, разныхъ сортовъ клещи, тиски, молотокъ, наковальня, пинсеты, отвертки обыкновенныя и особенныя для всѣхъ приборовъ, при разложеніи которыхъ онѣ необходимы; буравъ, трубочка для пробиванія отверстій въ картонѣ и т. п.

Полезно было бы имѣть также токарный станокъ, особенно при гимназіяхъ, находящихся въ отдаленныхъ городахъ, гдѣ вовсе нѣтъ механическихъ заведеній.

5. Приборы для метеорологической обсерваторіи.

1. Нормальный барометръ.
2. Термометръ.
3. Термометры maximum и minimum.
4. Психрометръ или другой приборъ, служащій для той же цѣли.

5. Два дождемѣра съ двумя цилиндрами раздѣленными на равные объемы.

6. Флюгеръ съ вращающимися полушаріями для измѣренія силы вѣтра.

6. Дополненіе къ физическому кабинету.

1. Безмѣнъ, римскіе вѣсы, пружинные вѣсы.
2. Акробаты, прыгающіе по лѣстницѣ.
3. Оборотный маятникъ (Reversionspendel).
4. Модель тюрбины.
5. Гидравлическій прессъ.
6. Приборъ Гальда.
6. Нѣсколько сообщающихся трубокъ одинаковаго діаметра (для доказательства отношенія между высотами столбовъ жидкостей и ихъ плотностію.)
8. Воздушный пистолетъ.
9. Барометръ анероидъ. Механизмъ долженъ быть открытъ.
10. Аэростатъ.
11. Барометръ Паррота или Фортеня.
12. Перемежающійся фонтанъ, стеклянный.
13. Приборъ Савара, состоящій изъ металлическаго колокола и такой же трубы для созвучія.
14. Сирена Каньаръ-Латура.
15. Фотометръ Уитстона.
16. Солнечные часы.
17. Термометръ Реомюра.
18. Термометръ съ дѣленіями Цельзія и Фаренгейта.
19. Металлическій термометръ Брегета. Устройство должно быть открыто.
20. Гигрометры Даніэля, Доберейнера съ аспираторомъ, Соссюра.
21. Термометры maximum и minimum, если нѣтъ при гимназіи метеорологической обсерваторіи.
22. Пирометръ Веджвуда.
23. Калориметръ Лавуазье и Лапласа.
24. Приборъ для доказательства того, что уголъ отраженія свѣтоваго луча равенъ углу паденія.
25. Микроскопъ Росса.
26. Земной и небесный телескопъ Росса.
27. Телескопъ Григоріанскій.

28. Галилеева труба.
29. Линза Френеля.
30. Фотографическій приборъ.
31. Деклинаторъ съ трубой.
32. Инклинаторъ.
33. Компасъ.
34. Магнетометръ.
35. Крутительные вѣсы Кулона.
36. Проводникъ съуживающійся къ одному концу.
37. Электрическая машина Армстронга.
38. Электроскопъ Фехнера съ горизонтальнымъ Замбоніевымъ столбомъ.
39. Термометръ Киннерслея.
40. Эвдіометръ.
41. Всеобщій разрядникъ.
42. Синусъ или тангенсъ бусоль.
43. Агометръ.
44. Два сильные электромагнита для явленій діамагнитныхъ.
45. Термоэлектрическая батарея.
46. Гальваническая цѣпь Пульвермахера.

ПРИМѢЧАНІЯ:

Къ № 1. Устройство зубчатыхъ колесъ должно быть приноровлено для двухъ цѣлей: для того чтобы малой силой произвести большое дѣйствіе и для перемѣны скорости движенія. Для этой послѣдней цѣли можно воспользоваться часовымъ механизмомъ такимъ образомъ, чтобы тутъ же можно было показать способъ прикрѣпленія часовыхъ стрѣлокъ, вращающихся по видимому на одной оси съ различною скоростью.

Къ № 5. Два цилиндра должны имѣть одинаковое основаніе и разныя высоты (напр. одинъ вдвое ниже другаго), а третій долженъ имѣть значительно большее основаніе и такую же высоту какъ одинъ изъ первыхъ двухъ.

Къ № 8. Составъ гирь можетъ быть отъ 10 фунт. до 1 ф. съ его подраздѣленіями на золотники и доли. Хотя вѣсы и не будутъ чувствительны для 1 или $1/2$ доли, но эти гири должны быть для того, чтобы ученики имѣли объ нихъ понятіе. Для этой же цѣли

при вѣсахъ Мора (№ 19) должны быть гири представляющія французскій вѣсъ (граммы).

Къ № 10. Зубчатое колесо при маятникѣ полезно потому, что посредствомъ его можно показать примѣненіе маятника къ устройству часовъ.

Къ № 12. Между прилагаемыми къ центробѣжной машинѣ приборами дожленъ быть такой, посредствомъ котораго можно было бы показать зависимость центробѣжной силы отъ радіуса описываемаго круга. Для этого можетъ служить горизонтальная линейка съ утвержденными въ разныхъ мѣстахъ столбиками, на которые подвѣшены одинаковой величины металлическіе шарики. Прикрѣпивъ къ одному изъ этихъ столбиковъ еще другой шарикъ меньшей величины или пробковый шарикъ, можно будетъ видѣть зависимость центробѣжной сили отъ массы.

Къ №№ 16, 17. Эти приборы могутъ замѣнить аппаратъ Гальда; съ присоединеніемъ прибора № 18 зависимость давленія отъ величины дна сдѣлается еще нагляднѣе. Нижніе края сосудовъ должны быть отшлифованы. При каждомъ сосудѣ долженъ быть штативъ или одинъ можетъ быть сдѣланъ для всѣхъ.

Къ № 35. Судя по устройству можно было бы предпочесть пневматическую машину Біанчи.

Къ № 36. 7) Трубка для опыта Галилея должна быть длиною около двухъ метровъ и должна привинчиваться къ пневматической машинѣ, чтобы снявъ ее можно было переворачивать. 9) Крылья одного рода должны быть расположены въ плоскостяхъ проходящихъ черезъ ось, а крылья другаго рода — въ плоскости перпендикулярной къ оси. 10) Вмѣсто звонка, который при сотрясеніи машины во время качанія легко можетъ упасть, лучше сдѣлать колоколъ съ особенной оправой, къ которой посредствомъ гуттаперчи прикрѣпленъ колокольчикъ.

Къ № 46. Колесо Савара (съ счетнымъ приборомъ) должно быть насажено на ось сирены Оппельта. На колесѣ должны быть еще боковые зубцы, задѣвающіе за шестерню вертикальнаго стержня, служащаго для опыта Плато. Сосудъ для этого опыта, по крайней мѣрѣ съ двухъ сторонъ, долженъ быть ограниченъ плоскими стеклами. Основаніе его должно быть не менѣе одного квадратнаго фута, высота также можетъ быть въ одинъ футъ. Одинъ кружокъ сирены долженъ производить полную гамму съ октавой основнаго

тона, а другой аккорды, октавы и музыкальные удары. Впрочемъ всѣ эти тоны могутъ быть помѣщены и на одномъ и на трехъ отдѣльныхъ кружкахъ, смотря по ихъ величинѣ.

Къ № 47. Оба камертона должны быть одинаковаго числа колебаній и такой величины, чтобы при сотрясеніи одного, другой камертонъ, находясь вблизи, также издавалъ звукъ.

Къ № 89. Къ страбоскопу, кромѣ обыкновенныхъ рисунковъ, которые изображаютъ прыгающихъ, бѣгающихъ и танцующихъ людей, должны быть приложены рисунки, представляющіе волнообразныя колебанія воды, воздуха и эфира.

Къ № 90. Кромѣ картинъ къ стереоскопу должны быть приложены фигуры, изображающія различные чертежи стереометріи.

Къ № 101. Магниты должны быть большіе, какъ для того, чтобъ они имѣли значительную силу, такъ и для того, чтобы передвигая магнитную стрѣлку вдоль обоихъ магнитовъ (на протяженіи 4 фут.) можно было представить подобіе тѣмъ положеніямъ, которыя стрѣлка принимаетъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго меридіана.

Къ № 112. Электрическая машина должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы можно было собирать на кондукторъ и положительное и отрицательное электричество.

Къ № 123. Число элементовъ должно быть такое, какое необходимо для электрическаго освѣщенія, достаточнаго при употребленіи солнечнаго микроскопа.

При батареяхъ должны быть проволоки обвитыя шелкомъ въ достаточномъ количествѣ.

Къ № 129. Приборъ Ампера долженъ быть значительно упрощенъ, какъ это сдѣлано напримѣръ г. Ленцомъ.

Къ № 136. Этотъ же приборъ можетъ быть показанъ какъ электромагнитъ.

Сообразно съ предложеннымъ составомъ физическаго кабинета должно быть устроено и его помѣщеніе, иначе многіе приборы останутся безъ употребленія. При устройствѣ гимназій на этотъ предметъ кажется обращаютъ мало вниманія; по крайней мѣрѣ изъ пяти извѣстныхъ мнѣ гимназій ни одна не имѣетъ удобнаго помѣщенія для физическаго кабинета.

Комната, назначаемая для этого кабинета должна быть обращена на югъ, что необходимо для наблюденій надъ солнечнымъ свѣтомъ. Для этой же цѣли она должна быть расположена такимъ образомъ, чтобы противоположныя зданія не загораживали солнеч-

ный свѣтъ. Каждое окно должно имѣть плотныя деревянныя ставни съ отверстіемъ въ одной изъ нихъ для помѣщенія геліостата. Размѣры комнаты должны быть таковы—чтобы при всѣхъ шкапахъ и снаружи поставленныхъ инструментахъ въ ней безъ тѣсноты могли помѣщаться человѣкъ двадцать пять.

Для производства химическихъ опытовъ долженъ быть устроенъ въ кабинетѣ особенный столъ, помѣщенный подъ желѣзнымъ колпакомъ, который сообщается съ наружнымъ воздухомъ. Физическій кабинетъ долженъ находиться около высшихъ классовъ. Удобно было бы имѣть при кабинетѣ отдѣльную классную комнату, которую и можно было бы назначить для оптическихъ и химическихъ опытовъ. Еще лучше было бы имѣть для оптическихъ опытовъ особенную комнату, окрашенную въ черный цвѣтъ.

Н. Чернѣевскій.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЖУРНАЛА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОВѢТА СВИСЛОЧСКОЙ ПРОГИМНАЗІИ.

1862 года ноября 2-го дня педагогическій совѣтъ Свислочской прогимназіи слушалъ и обсуждалъ слѣдующее мнѣніе старшаго учителя русскаго языка и словесности, Иванова, о преподаваніи русскаго языка въ 1-мъ классѣ прогимназіи:

«Занимаясь преподаваніемъ русскаго языка въ здѣшней прогимназіи со 2-го класса, я нахожу нужнымъ коснуться предварительно тѣхъ вообще началъ, на которыхъ, по моему мнѣнію, должно основываться изученіе этого языка и въ 1-мъ классѣ, а потомъ уже перейти къ развитію своего взгляда на преподованіе его въ последующихъ».

«Вникая къ составъ учащихся нашей прогимназіи, я нахожу, что вообще преподаваніе русскаго языка въ гимназіяхъ здѣшняго края представляетъ несравненно большія трудности, чѣмъ какія можно встрѣтить въ чисто русскихъ заведеніяхъ. Тамъ языкъ усвоенъ уже дѣтьми по навыку; здѣсь же, напротивъ, въ 1-й классъ часто поступаютъ такіе мальчики, которые ни слова не говорятъ по русски;

въ русскихъ гимназіяхъ прямо можно начинать съ сознательнаго усвоенія дѣтьми формъ языка, которыя доселѣ они употребляли безсознательно; въ гимназіяхъ же здѣшняго края нужно предварительно знакомить дѣтей съ самымъ матеріаломъ языка — со словами — и потомъ уже, когда они пріобрѣтутъ достаточный запасъ словъ, можно будетъ приступить къ изученію логическихъ законовъ рѣчи. Такое положеніе дѣла, убѣждая въ необходимости большаго снисхожденія въ требованіяхъ, поставляетъ, по моему мнѣнію, учителей русскаго языка въ крайность преимущественно заниматься, особенно въ первыхъ классахъ, такъ называемымъ вещественнымъ разборомъ, т. е. объясненіемъ словъ и ихъ отношеній, и послѣ уже сего переходить къ выраженію самой мысли въ предложеніи. Отсюда вытекаетъ то, что занятія въ первыхъ классахъ преимущественно должны состоять въ чтеніи, письмѣ и изустномъ разсказѣ прочитаннаго. Чтеніе должно быть не торопливое, а довольно медленное, членораздѣльное, громкое, ясное, отчетливое и даже рѣзкое, такъ чтобы ни одинъ звукъ слова, ни малѣйшій даже оттѣнокъ его не терялся въ произношеніи, при совершенной при томъ правильности удареній. Все это особенно важно для здѣшнихъ мальчиковъ. Я собственнымъ опытомъ убѣдился, что дѣти, пробывъ три и даже четыре года въ заведеніи, хотя, повидимому, и бѣгло говорятъ по русски, но или даютъ до такой степени неправильныя окончанія словамъ, что нерѣдко сказанной фразы нѣтъ возможности и понять, или же просто не договариваютъ словъ, проглатываютъ, такъ сказать, окончанія. И это часто происходитъ вовсе не отъ незнанія правилъ языка; потому что тотъ же ученикъ, который неправильно выражаетъ свои мысли устными предложеніями, если предложить ему написать сказанное имъ на doскѣ или бумагѣ, — напишетъ правильно. Такой недостатокъ особенно замѣченъ мною въ еврейскихъ мальчикахъ. Ударенія также до крайности неправильно употребляютъ вообще всѣ здѣшнія дѣти, напр. рѣдкій изъ нихъ скажетъ: онъ говоритъ, но всегда: онъ говòритъ и т. п. Полонизмовъ также много въ ихъ рѣчи, и учителю русскаго языка всегда большаго труда стоитъ отъучить отъ ихъ употребленія какъ въ разговорномъ, такъ и въ письменномъ языкѣ. А потому, по моему мнѣнію, учитель сначала самъ долженъ прочитать громко и внятно какую либо статейку и потомъ уже заставлять учениковъ повторить ее. При этомъ предварительное объясненіе словъ, которыя встрѣтятся въ статьѣ — какъ совѣтуютъ нѣкоторые педагоги—

я нахожу неудобнымъ; потому что во 1-хъ неизвѣстно еще какихъ словъ ученикъ не понимаетъ, а во 2-хъ странно объяснять отдѣльныя слова, которыя еще не прочтены въ книгѣ и не выражаютъ пока никакой мысли; а потому вещественный разборъ я допускаю только послѣ прочтенія. Теперь спрашивается: что выбирать для чтенія и какъ читать? Нѣкоторые педагоги совѣтуютъ выбирать для чтенія образцовыя произведенія словесности, чтобы заранѣе знакомить дѣтей съ литературою, развить въ нихъ вкусъ и пріучить къ правильному и изящному выраженію мыслей. Такое мнѣніе я нахожу совершенно непрактичнымъ. Дитя занимаетъ не форма изложенія мысли, а самая мысль, содержапіе. Извѣстно, что въ самомъ раннемъ дѣтствѣ слово тогда только становится собственностію ребенка, когда онъ усвоилъ себѣ представленіе, понятіе, имъ выражаемое; да и первыя мысли свои онъ выражаетъ только однимъ словомъ, заключающимъ сущность того, чего онъ хочетъ, — такъ сказать, ядро его мысли. Мало того; я не нахожу даже удобнымъ чтеніе и такихъ статеекъ, которыя написанны рѣчью періодическою, или сложными предложеніями. Для дитяти чрезвычайно трудно обнять своимъ незрѣлымъ, не развитымъ еще умомъ зависимость и отношенія мыслей въ такой формѣ рѣчи; ему понятны только отдѣльныя мысли и категорическое, простое, несложное ихъ выраженіе краткими предложеніями. Статьи, писанныя такою рѣчью, преимущественно я считаю полезными для чтенія нашимъ дѣтямъ. При этомъ однако же я вовсе не думаю, чтобы матеріаломъ для первоначальнаго чтенія только и были отдѣльныя краткія предложенія, не связанныя между собою логически, не заключающія въ себѣ одной общей мысли и не составляющія какого либо полнаго, цѣльнаго разсказа или описанія чего либо. Нѣтъ. Цѣль чтенія должна быть не формальная, а образовательная; точно такъ, какъ вообще цѣль воспитанія—развить нравственныя и умственныя силы дитяти и сообщить ему необходимыя для каждаго мыслящаго существа свѣденія. Вѣдь дѣло это такъ важно, что на немъ зиждется благосостояніе цѣлаго человѣчества. Еще великій Лейбницъ сказалъ: j'ai tojours pensé qu'on réformerait le genre humain, si l'on réformait l'éducation de la jeunesse. Вслѣдствіе этого, механическаго чтенія я не допускаю даже и при самомъ первоначальномъ обученіи азбукѣ; и оно должно быть осмыслено. Какъ только дитя освоилось уже съ формами буквъ и въ состояніи читать цѣлыя слова, для него механическаго чтенія уже существовать не должно; а по-

тому, не дожидаясь того, чтобы онъ навыкъ читать бѣгло, слѣдуетъ требовать отъ него отчета въ прочитанномъ. Для этого, конечно, нужно выбирать для чтенія статьи, которыя совершенно доступны дѣтскому пониманію и которыя заключали бы въ себѣ коротенькіе разсказы, написанные простыми, несложными предложеніями. Самый же способъ чтенія долженъ быть, по моему мнѣнію, таковъ: сначала, какъ я уже сказалъ выше, учитель самъ долженъ прочитать предложеніе и потомъ уже заставить повторить его нѣсколькихъ учениковъ; далѣе объяснить имъ непонятныя слова, т. е. сдѣлать вещественный разборъ, — при чемъ предстоитъ ему обширное поле для сообщенія дѣтямъ самыхъ разнообразныхъ свѣденій. Конечно, при этомъ слѣдуетъ избѣгать того, чтобы не утомить слишкомъ дѣтскаго вниманія разнообразіемъ предметовъ и не подавить въ нихъ охоты къ ученію. Для сего чтеніе должно быть строго систематическое и въ каждый урокъ обнимать собою только извѣстный родъ понятій и представленій и на немъ только одномъ сосредоточивать вниманіе дѣтей. При объясненіи же самыхъ предметовъ — въ особенности изъ міра физическаго — лучше всего, по моему мнѣнію, держаться методы сравнительной. Ничто такъ не развиваетъ дѣтскаго пониманія и ничто не можетъ сообщить имъ столько понятій и познаній, какъ наглядное, сравнительное представленіе предметовъ и уясненіе ихъ свойствъ и качествъ, — какъ доказалъ это безсмертный Песталоцци. Это особенно примѣнимо при первоначальномъ развитіи дитяти. При этомъ, конечно, учитель на вопросы учениковъ, не относящіеся непосредственно къ его предмету, не долженъ имѣть права отвѣчать: это не мое дѣло, спросите у такого то. Этимъ онъ можетъ уронить себя въ глазахъ дѣтей, потерять ихъ уваженіе къ себѣ, потому что дѣти такой отвѣтъ, пожалуй, примутъ за незнаніе; а извѣстно, что первыя впечатлѣнія дитяти — самыя могущественныя и «все первое» по словамъ Ж. Поля Рихтера, «оставляетъ въ дитяти вѣчное впечатлѣніе;» да сверхъ того наши обязанности — общія, мы взаимно должны помогать другъ другу и вести дѣтей къ всецѣлому и гармоническому развитію ихъ способностей. Еще въ древности была ясно сознаваема связь и сродство всѣхъ обще-образовательныхъ наукъ. Цицеронъ въ рѣчи своей pro L. Archia poëta прямо говоритъ: omnes artes, quae ad humanitatem pertinent, habent quoddam commune vinculum et quasi cognatione quadam inter se continentur. Точно также стара и вѣчна и та педагогическая истина, что выше учи-

теля никого не должно быть въ классѣ и авторитетъ его въ научномъ отношеніи долженъ быть для дѣтей непоколебимъ. Далѣе: когда ученикамъ извѣстны уже всѣ слова и вполнѣ понятна прочитанная мысль, слѣдуетъ обратить ихъ вниманіе на то, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ пишутся вовсе не такъ, какъ произносятся. Такія слова, по моему мнѣнію, непремѣнно должны быть писаны на doскѣ и потомъ записываемы учениками въ своихъ тетрадяхъ; а слова, которыя, по правописанію своему, не могутъ подойти ни подъ какія правила и требуютъ только одного навыка, должны быть сверхъ того непремѣнно и заучиваемы. При вещественномъ также разборѣ я нахожу возможнымъ знакомить учениковъ и съ частями рѣчи, но не иначе, какъ путемъ объяснительнымъ, практическимъ. Не думаю, чтобы ученику 1-го класса трудно было растолковать значеніе и даже измѣненія главнѣйшихъ изъ нихъ; не слѣдуетъ только пускаться при этомъ въ подробности и обременять ихъ сложною научною терминологіею. Не бѣда, если ученикъ не въ состояніи будетъ дать слову грамматическій терминъ, лишь бы только понялъ смыслъ его и значеніе. Приведеніе же въ сознаніе дитяти мысли, выраженной рѣчью, дѣлается путемъ разбора, посредствомъ постановки вопросовъ: кто? что? какой? что сдѣлалъ? когда? гдѣ? почему? для чего? при какихъ обстоятельствахъ? и т. п. Убѣдившись изъ отвѣтовъ, что ученикъ хорошо понялъ прочитанное, должно заставить его разсказать содержаніе. Безъ сомнѣнія, разсказъ этотъ не можетъ быть сначала полнымъ. Чтобы онъ былъ такимъ, нужно навести на это ученика, а навести его можно раціональною постановкою самыхъ вопросовъ, какъ это дѣлается въ германскихъ гимназіяхъ, и указаніемъ ему способа отвѣтовъ. Вопросы предварительно должны быть предлагаемы такъ, чтобы отвѣтъ на каждый изъ нихъ состоялъ только въ одномъ словѣ; потомъ — такъ, чтобы въ отвѣтѣ ученика заключался и самый вопросъ учителя; слѣдовательно, такимъ образомъ, при постепенномъ усложненіи вопроса, ученикъ поставленъ будетъ въ необходимость отвѣчать болѣе сложно — цѣлымъ предложеніемъ; а потомъ, дѣлая болѣе общіе вопросы, относящіеся до всего содержанія прочитанной — коротенькой, конечно, — статьи, можно будетъ довести его и до полнаго изложенія содержанія цѣлаго разсказа. Весь трудъ состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы при этомъ была соблюдаема строжайшая послѣдовательность и постепенность. Такой способъ безцѣненъ для учащихся въ томъ отношеніи, что онъ на-

учаетъ ихъ приготовлять уроки, научаетъ учиться, что неизмѣримо-важно и не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Онъ отвлечетъ ихъ отъ безсмысленной долбни и искоренитъ въ нихъ возможность механическаго зазубриванія уроковъ на память. А чтобы поддерживать вниманіе цѣлаго класса во время урока, оживить самое преподаваніе и заставить каждаго изъ учениковъ быть готовымъ на спросъ учителя, преподаватель долженъ сначала произнести вопросъ для всего класса и потомъ уже назвать ученика, который обязанъ сначала повторить вопросъ, а потомъ дать на него надлежащій отвѣтъ. Такимъ образомъ отъ вещественнаго разбора прочитаннаго мы переходимъ къ логическому разбору предложеній, къ сознательному усвоенію дѣтьми законовъ выраженія мысли въ словѣ, при чемъ и самыя грамматическія формы словъ найдутъ себѣ оправданіе въ необходимости тѣхъ же самыхъ логическихъ законовъ и не будутъ казаться произвольными, способными видоизмѣняться по прихоти. При логическомъ разборѣ предложеній въ 1-мъ классѣ я также не нахожу возможнымъ и нужнымъ входить въ подробности. Лучше не многое, да основательно и на всегда, чѣмъ многое, да не отчетливо и не прочно. Non multa, sed multum. По этому достаточно, если ученики освоятся съ значеніемъ подлежащаго, сказуемаго, опредѣлительныхъ, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ словъ, словомъ — только того, что можно встрѣтить въ простомъ предложеніи. Дальнѣйшій же логическій разборъ сложныхъ предложеній я отношу къ классамъ послѣдующимъ. При этомъ же первоначальномъ разборѣ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, обратить вниманіе дѣтей и на то, что всякая отдѣльная мысль отдѣляется отъ другой (за небольшимъ исключеніемъ) знаками: пусть же съ самаго начала дѣти познакомятся съ главнѣйшими изъ нихъ. Разумѣется, при этомъ должно объяснить имъ только то, что не превышаетъ ихъ дѣтскаго пониманія. Когда наконецъ преподающій увидитъ (а увидѣть это онъ можетъ не ранѣе, какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятій), что ученики совершенно ясно поняли, сознали и усвоили себѣ тѣ законы языка, которые онъ объяснялъ имъ при данныхъ случаяхъ, тогда можно будетъ приступить и къ письменному изложенію того, что прочитано было прежде. Эти письменныя упражненія должны быть, по моему мнѣнію, дѣлаемы въ классѣ, а не на дому, и въ началѣ — самыя краткія, постепенно потомъ доходя до болѣе сложныхъ; во всякомъ только случаѣ содержаніе для нихъ должно быть непре-

мѣнно уже дано. Для чтенія въ приготовительномъ при прогимназіи классѣ и въ 1-мъ классѣ ея я не нахожу лучшаго руководства, какъ: Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ—Паульсона, которая и по внутреннему своему достоинству, и по дешевизнѣ цѣны (58 коп. для училищъ) пока еще не замѣнима, хотя и изъ нея статьи для чтенія и упражненій надо выбирать съ разборомъ и не въ такомъ порядкѣ, какъ онѣ изложены тамъ; а послѣднее обстоятельство — то есть ея дешевизна, для нашихъ бѣдныхъ учениковъ, рѣшительно иногда отказывающихся отъ покупки книгъ по несостоятельности родителей,—чрезвычайно важно. Для послѣдующихъ за тѣмъ классовъ прогимназій и гимназій, мнѣ кажется, съ большею пользою можетъ служить: Дѣтскій міръ и Христоматія — Ушинскаго».

По выслушаніи изложеннаго мнѣнія, преподающій русскій языкъ въ 1-мъ классѣ учитель латинскаго языка Раксимовичъ, объяснивъ словесно свою методу преподаванія, поставилъ на видъ, что при той вообще неразвитости, съ которою поступаютъ дѣти въ наше заведеніе, онъ не считаетъ полезнымъ сообщать дѣтямъ термины логическаго разбора, потому что происходящая отъ того двойственность названій одного и того же предмета, напримѣръ: имени существительнаго и подлежащаго, прилагательнаго и опредѣлительнаго слова, глагола и сказуемаго и такъ далѣе, произведетъ въ дѣтскихъ понятіяхъ спутанность, сбивчивость; а потому, по его мнѣнію, лучше ограничиться въ 1-мъ классѣ основательнымъ ознакомленіемъ дѣтей только съ частями рѣчи. При этомъ мнѣнія было раздѣлились. Одни изъ преподавателей находили полезнѣйшимъ заботиться болѣе всего о развитіи способностей дѣтей логическимъ разборомъ, другіе доказывали необходимость знакомить учениковъ 1-го класса съ грамматикою языка. Послѣ отчетливаго наконецъ обсужденія этого предмета, когда учитель Раксимовичъ заявилъ, что онъ, знакомя дѣтей съ частями рѣчи и ихъ измѣненіями, не иначе при томъ, какъ практически, отнюдь не упускаетъ изъ виду и логическаго разбора, какъ необходимаго условія развитія дѣтскаго пониманія постановкою должныхъ вопросовъ, но не называетъ при этомъ только терминовъ его, путемъ преній выработалось наконецъ то убѣжденіе, что, при мѣстныхъ условіяхъ прогимназій здѣшняго края, большихъ требованій постановить нѣтъ возможности. Во всѣхъ прочихъ частяхъ мнѣніе учителя Иванова было признано основательнымъ, а потому совѣтъ опредѣлилъ: при преподаваніи русскаго

языка въ 1-мъ классѣ держаться означеннаго мнѣнія, съ тою только отмѣною, чтобы, во избѣжаніе сбивчивости грамматическихъ понятій дѣтей отъ сложной научной терминологіи, подробное ознакомленіе учениковъ съ терминами логическаго разбора и съ самымъ разборомъ предоставить учителю Иванову начинать со 2-го класса, оставя за первымъ практическое знакомство съ частями рѣчи, какъ необходимую основу для преподаванія и прочихъ языковъ; предлагаемую же Ивановымъ въ руководство книгу Паульсона пріобрѣсти при слѣдующей выпискѣ книгъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ.

ОБЗОРЪ ДѢЙСТВІЙ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОВѢТА ИШИМСКИХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ 1861 ГОДУ.

14-го марта 1861 года учители Ишимскихъ училищъ, собравшись по приглашенію штатнаго смотрителя Маршалова, открыли рядъ засѣданій избраніемъ въ секретари педагогическаго совѣта учителя Колесникова и положили собираться для совѣщаній, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ.

Съ 14-го марта по 1-е января 1862 года педагогическій совѣтъ имѣлъ шестнадцать засѣданій, въ которыхъ обсуждались слѣдующіе вопросы:

a) О мѣрахъ, какія могутъ быть приняты для того, чтобъ пріохотить дѣтей къ училищу;

b) О пособіяхъ, въ которыхъ нуждаются преподаватели;

c) О болѣе доступномъ для дѣтей способѣ приведенія дробей къ одному знаменителю;

d) О мѣрахъ для исправленія учениковъ;

c) О чтеніи евангелія въ воскресные дни;

f) О способахъ преподаванія;

g) О цѣли педагогическихъ совѣтовъ;

h) О мѣрѣ познаній, требуемыхъ отъ ученика приходскаго училища;

i) О двуличности, развитой между учениками;

j) О книгахъ, которыя полезно бы было выписать для ученической библіотеки.

Вопросы эти были разрѣшены такимъ образомъ:

a) Чтобы пріохотить дѣтей къ училищу, положено наставникамъ всѣми мѣрами стараться удерживать себя въ предѣлахъ родительскаго обращенія съ дѣтьми.

b) Положено выписать: Дѣтскій міръ Ушинскаго и учебную книгу русской исторіи, Соловьева.

c) При приведеніи дробей къ одному знаменателю признанъ за лучшій способъ перемноженія всѣхъ знаменателей, а не способъ исключенія изъ знаменателей подобныхъ множителей.

Примѣчаніе. Вопросъ этотъ былъ поднятъ потому, что учитель ариѳметики, уважая почему-то способъ исключенія множителей, хотя и употреблялъ всѣ усилія для объясненія ученикамъ приведенія дробей по этому способу, но эти усилія увѣнчивались почти полнымъ неуспѣхомъ.

d) Употребленіе тѣлеснаго наказанія допущено только въ такомъ случаѣ, когда всѣ мѣры, принятыя для исправленія ученика, не принесутъ ожидаемыхъ результатовъ.

Примѣчаніе. Вопросъ этотъ былъ вызванъ отзывами мѣстной публики о нерадѣніи учителей къ пользѣ своихъ учениковъ въ томъ разсужденіи, что вовсе не сѣкутъ; а потому, чтобъ окончательно не вооружитъ противъ училища публику, допущено тѣлесное наказаніе.

e) Законоучителю вмѣнено въ обязанность объяснятъ въ воскресные и праздничные дни предъ литургіей евангеліе дня.

Примѣчаніе. Ученики каждый воскресный и праздничный день собираются предъ литургіей въ училище, гдѣ слушаютъ евангеліе, и при благовѣстѣ къ обѣдни, въ сопровожденіи одного изъ учителей, отправляются въ церковь.

f) За лучшій способъ преподаванія признанъ способъ разговорный, наглядный, гдѣ учитель обязанъ бесѣдовать со своими учениками, но при томъ такъ, чтобъ не надоѣсть своей бесѣдой слушателямъ и не ослабить ихъ вниманія, а для этого положено:

Не вдаваться въ слишкомъ длинные монологи.

Возбуждать самихъ учениковъ къ размышленію о предметѣ разговора и по временамъ спрашивать кого-либо изъ учениковъ о разсказанномъ, но при томъ такъ, чтобы всѣ ученики слѣдили за

разсказомъ спрашиваемаго, и если онъ не можетъ что нибудь разсказать, то, по указанію учителя, этотъ недостатокъ можетъ восполнить другой.

Заучиванье уроковъ наизустъ ни въ какомъ случаѣ не допускается, исключая текстовъ св. писанія и геометрическихъ теоремъ.

Употребленіе балловъ признано положительно вреднымъ.

g) Цѣль педагогическаго совѣта есть взаимно-дружеское вспомоществованіе преподавателей одного другому, клонящееся къ пользѣ ввѣренныхъ имъ дѣтей; а потому въ засѣданіяхъ совѣта ни личныя, ни служебныя преимущества одного передъ другимъ не могутъ имѣть мѣста, и всякій имѣетъ полное право голоса и не стѣсняясь можетъ излагать свое мнѣніе, не заключающее ничего оскорбительнаго для личности присутствующихъ.

h) Отъ ученика, переходящаго изъ приходскаго училища въ уѣздное, признано за нужное требовать:

Отчетливаго и толковаго чтенія, а также и связнаго разсказа прочитаннаго.

По арифметикѣ — толковаго знанія четырехъ арифметическихъ правилъ.

При чемъ учителю вмѣнено въ обязанность при преподаваніи арифметики не вдаваться въ исчисленія надъ многозначными отвлеченными числами, а болѣе заниматься примѣнимыми въ жизни исчисленіями надъ именованными числами; а при чтеніи стараться всѣми мѣрами отъучать учениковъ отъ твердаго выговариванія буквы *о*.

Примѣчаніе. Большая часть родителей, коренные сибиряки. никакъ не хотятъ позволить своимъ дѣтямъ произносить букву *о* какъ *а*, говоря, что такъ произносить прилично только поселенцамъ.

i) Для искорененія двуличности между учениками признано необходимымъ объяснять имъ гнусность ихъ поступковъ, а не преслѣдовать эти поступки безъ всякихъ объясненій.

j) Для ученической библіотеки положено выписать:

Путешествіе вокругъ свѣта, Студитскаго, Журналъ для дѣтей и библейскую исторію, изд. въ Карлсруэ.

По предметамъ, подвергавшимся обсужденію совѣта, было представлено въ совѣтѣ нѣсколько статей отъ учителей Колесникова и Желтышева, а именно: отъ Колесникова четыре и отъ Желтышева пять.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОВѢТА БЕРДИЧЕВСКАГО КАЗЕННАГО ЕВРЕЙСКАГО ВТОРОСТЕПЕННАГО УЧИЛИЩА 17-го ОКТЯБРЯ 1862 ГОДА.

Въ засѣданіи педагогическаго совѣта Бердичевскаго казеннаго еврейскаго второстепеннаго училища смотритель училища Н. Н. Горнбергъ представилъ на обсужденіе совѣта слѣдующее мнѣніе:

Милостивые государи!

«Я нахожу, что присматриваніе за поведеніемъ учащейся молодежи никогда еще не было такъ важно, какъ въ теперешнее переходное время, когда прежняя, отжившая дисциплина, основанная на боязни и розгахъ, уничтожается и на ея мѣсто вводится новая, болѣе благоразумная, основанная на самосознаніи и уваженіи къ установленнымъ правиламъ и законамъ! Чтобы доказать шаткость старой системы веденія учениковъ и прочность новой, стоитъ только сравнить *прежнее* состояніе 2-й Кіевской гимназіи съ *теперешнимъ!*....

«Новая система труднѣе прежней, потому что она еще не привита, не имѣетъ подпоры извнѣ, т. е. со стороны домашняго воспитанія. Слѣдовательно наша обязанность — дѣйствовать дружно не только на учениковъ, но и на родителей, которые частію уже понимаютъ пользу принятой нами системы веденія учениковъ: два года тому назадъ слышно было много жалобъ на то, что мы уничтожили розгу въ нашемъ училищѣ, теперь жалобы умолкаютъ; это шагъ впередъ со стороны родителей!

«Повторяю, теперешняя система пока еще трудна и требуетъ постояннаго вниманія! Но одинъ человѣкъ — смотритель, который въ одно и тоже время долженъ быть и преподавателемъ, и письмоводителемъ, и кассиромъ, и надзирателемъ, и имѣть на отвѣтственности своей нѣсколько подвѣдомственныхъ училищъ казенныхъ и частныхъ — одинъ человѣкъ не можетъ слѣдить *какъ слѣдуетъ* за поведеніемъ учениковъ!

«Въ 1860 году мы составили въ совѣтѣ правила о дежурствѣ учителей въ училищѣ. Но къ сожалѣнію правила съ самаго начала исполнялись вяло, безъ пользы, во первыхъ потому, что мы еще не привыкли исполнять установленія педагогическихъ совѣтовъ, а

во вторыхъ потому, что каждый учитель думаетъ, что онъ призванъ въ училище для *того только*, чтобы преподавать извѣстный предметъ, поведеніе же или нравственность учениковъ до него не касается!

«А я думаю, что каждый учитель есть членъ организма училищнаго, стремящагося къ извѣстной цѣли, а если члены не дѣйствуютъ *дружно* въ пользу цѣлаго организма, то организмъ не можетъ быть здоровъ!....

«Какъ бы то ни было, но дежурства шли въ 1860 году такъ неправильно, что я рѣшился ихъ устранить, не желая чтобы это обстоятельство сдѣлалось предметомъ столкновеній между мною и учителями!....

«Но теперь, когда въ училище наше прибавилось много учениковъ (что составляетъ предметъ нашихъ желаній и стремленій), когда число подвѣдомственныхъ мнѣ заведеній постоянно увеличивается, теперь, говорю, когда я встрѣчаю со стороны учителей гораздо больше энергіи и сочувствія къ общему дѣлу, я рѣшился вызвать мѣру о дежурствѣ учителей и предоставляю на разсмотрѣніе совѣта новыя инструкціи для учениковъ и учителей. При составленіи правилъ о дежурствѣ я имѣлъ въ виду то обстоятельство, чтобы учители не теряли времени, а употребляли бы только время положенное для занятій съ большею пользою для училища. Для этой цѣли въ день будетъ двое дежурныхъ, одинъ для первыхъ двухъ уроковъ, второй для двухъ послѣднихъ!»

Инструкція для учениковъ Бердичевскаго казеннаго еврейскаго второстепеннаго училища.

(Извлеченіе изъ инструкціи для учениковъ обѣихъ Кіевскихъ гимназій съ нѣкоторыми прибавленіями).

1. Ученики училища должны неупустительно присутствовать при богослуженіи въ училищной молитвенной залѣ въ субботные, праздничные и табельные дни.

2. Въ учебное время ученики должны непремѣнно посѣщать всѣ положенные для нихъ уроки, безъ исключенія; въ случаѣ же невозможности явиться въ классъ по болѣзни, или другой уважительной причинѣ, самъ ученикъ, или тѣ лица, подъ надзоромъ которыхъ онъ находится, должны увѣдомить объ этомъ смотрителя училища. (Ученики предостерегаются, что если кто пропуститъ въ теченіе года много уроковъ, тотъ не перейдетъ въ высшій классъ).

3. Ученики должны являться въ классы въ назначенные часы и послѣ звонка не должны оставаться въ коридорѣ и вообще внѣ класса, но немедленно садиться на свои мѣста, соблюдать порядокъ и тишину.

3. Ежедневно предъ началомъ ученія и по окончаніи его ученикамъ всѣхъ классовъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность читать молитвы для этого установленныя.

5. При входѣ въ классъ смотрителя или учителя ученики должны вѣжливо поклониться; тоже самое и на улицѣ при встрѣчѣ.

6. Ученики не должны во время урока выходить изъ класса, (развѣ только по особеннымъ уважительнымъ причинамъ и то съ дозволенія учителя).

7. Въ классѣ ученики должны внимательно слѣдить какъ за объясненіемъ, такъ и за спрашиваніемъ урока, не шумѣть, не разговаривать, не подсказывать товарищамъ, не заниматься посторонними предметами и вообще исполнять распоряженія учителя.

8. Ученики не должны въ училищѣ, ни между собою, ни съ учителями, говоритъ простонароднымъ жаргономъ, а по русски или по нѣмецки.

9. Если въ какомъ нибудь классѣ нѣтъ учителя, то ученики этого класса не должны расхаживать по коридору и тѣмъ мѣшать занятіямъ въ другихъ классахъ.

10. Какъ во время уроковъ, такъ и на перемѣнахъ, ученикъ не имѣетъ права уходить изъ училища, даже и по уважительной причинѣ, не испросивъ позволенія у смотрителя.

11. Ученики не должны бѣгать въ учительскую комнату за мѣломъ, журналомъ или для того, чтобы смотрѣть на часы.

12. Ученикъ долженъ подчиняться распоряженіемъ тѣхъ лицъ, непосредственному надзору которыхъ онъ порученъ родителями.

13. Ученикъ, отлучаясь изъ квартиры, долженъ объявлять въ квартирѣ, куда онъ уходитъ.

14. Ученикъ не долженъ отлучаться изъ города, не испросивъ на то позволенія у смотрителя училища.

15. Ученикъ долженъ по прибытіи домой предъявить родителямъ или опекунамъ свой отпускной билетъ, въ которомъ помѣчены его успѣхи и поведеніе.

16. Изъ отпуска ученикъ долженъ возвращаться непремѣнно въ назначенный срокъ и по пріѣздѣ въ городъ немедленно явиться къ смотрителю и представить отпускной билетъ. Если же ученикъ не

могъ явиться въ срокъ по болѣзни, или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то о болѣзни онъ долженъ представить свидѣтельство врача, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ объясненіе причинъ неявки въ срокъ — отъ лицъ, на попеченіи которыхъ онъ находится.

17. Ученики должны одѣваться прилично и опрятно и хотя форма для нихъ не установлена, однако они обязаны одѣваться просто и не носить такъ называемыхъ костюмовъ и необыкновенныхъ шапокъ.

18. Запрещается ученикамъ: а) посѣщать театръ, кондитерскія, трактиры и т. п. заведенія, развѣ только съ родителями или лицами, надзору которыхъ они поручены, и б) ходить по городу въ ночное время безъ особенно уважительной причины, а также ночевать внѣ квартиры.

19. Запрещается ученикамъ употреблять спиртные напитки, играть въ карты и азартныя игры, курить табакъ, имѣть у себя оружіе, порохъ и прочія опасныя и вредныя вещества.

20. Запрещается также ученикамъ продавать, мѣнять и закладывать свои вещи, входить въ долги и вступать съ кѣмъ бы то ни было въ денежныя сдѣлки, а также устраивать лотереи.

21. Ученики ни въ какомъ случаѣ не должны позволять себѣ самовольной расправы съ училищными служителями; въ случаѣ же обиды со стороны послѣднихъ, ученики должны обращаться съ жалобою къ смотрителю.

22. Не должны ученики также ни въ какомъ случаѣ расправляться самовольно и съ своими товарищами.

23. Строго воспрещается и наказывается наушничество; но если бы какой нибудь ученикъ сдѣлалъ безнравственный поступокъ, извѣстный только товарищамъ, то честь заведенія требуетъ, чтобы они открыто заявили объ этомъ поступкѣ начальству.

24. Вообще ученики должны безусловно исполнять распоряженія начальства и избѣгать всѣхъ дѣйствій, хотя и не предвидѣнныхъ этими правилами, но осуждаемыхъ приличіемъ и доброю нравственностію.

Инструкція дежурнымъ.

Обязанность перваго дежурнаго.

Явиться въ училищѣ *непремѣнно* до перваго урока, собрать учениковъ въ классы; — наблюдать чтобы ученики съ первымъ звонкомъ взялись за работу, — до прихода учителей не оставлять клас-

совъ; — если нѣтъ какого нибудь учителя, то дѣлать сводные классы и увѣдомить смотрителя объ отсутствіи учителя, — наблюдать, чтобы ученики не часто выходили во время классовъ; — наблюдать, чтобы журналы не находились въ рукахъ учениковъ; — во время получасоваго отдохновенія слѣдить за играми дѣтей, не позволять имъ драться, ругаться и выходить на улицу: — во время отдохновенія пересмотрѣть въ журналахъ отсутствіе учениковъ за прошлый день и требовать объясненія; — разбирать жалобы и споры учениковъ и въ крайнихъ случаяхъ подвергать ихъ наказаніямъ: словесному выговору, со внесеніемъ въ штрафной журналъ и карцеру на 2 часа; — серьезные проступки передать на разсмотрѣніе смотрителя; — послѣ отдохновенія собрать учениковъ въ классы и заставить ихъ взяться за работу; — не позволять, чтобы частныя лица входили въ классы или вызывали учениковъ; — держать въ порядкѣ классы до прихода втораго дежурнаго; — все случившееся во время дежурства внести въ установленную книгу и передать ее второму дежурному.

Обязанность втораго дежурнаго.

Явиться въ училище аккуратно въ 12 часовъ; держать въ порядкѣ классы отъ 12 до $2^1/_2$ ч., — все случившееся во время его дежурства внести въ установленную книгу; учениковъ оставленныхъ въ карцеръ въ этотъ день запереть на ключъ; прождать нѣсколько минутъ пока ученики спокойно разойдутся.

Независимо отъ дежурства учителя, смотритель училища слѣдитъ ежедневно за ходомъ ученія и за порядкомъ въ училищѣ.

«Для того, чтобы вышеизложенныя инструкціи могли быть примѣнимы къ дѣлу съ *успѣхомъ* необходимо обратить вниманіе на слѣдующіе четыре пункта:

«1. Главная цѣль дежурства — пріучать дѣтей къ порядку и аккуратности. Средствомъ къ достиженію этой цѣли есть аккуратность самихъ учителей. Опаздываніе учителя не вредитъ можетъ быть преподаваемому имъ предмету, но нарушаетъ порядокъ и служитъ худымъ примѣромъ для учениковъ. А потому необходимо чтобы гг. учители приходили въ училище аккуратно, и въ случаѣ если учитель не можетъ явиться въ училище по уважительной причинѣ, то увѣдомить объ этомъ смотрителя *вовремя* для того, чтобы онъ могъ распорядиться классомъ.

«2. Дежурному вмѣняется въ обязанность быть съ учениками во время получасоваго отдохновенія. Но онъ долженъ стараться, чтобы

не быть въ тягость ученикамъ и не лишать ихъ свободы. Онъ долженъ разбирать ихъ взаимныя жалобы по возможности хладнокровно, не сердясь; внушать имъ, что свобода не даетъ намъ права дѣлать другимъ непріятности или нарушать установленный порядокъ и т. д.

«3. Въ былое время ученики подвергались въ казенныхъ училищахъ обращенію солдатскому, обращенію, вредившему ихъ свободному развитію. Теперь мы впали въ другую крайность: въ учащейся молодежи развилась какая то небрежность въ манерахъ; небрежность принимающая впослѣдствіи дурное направленіе....

«Трудно передать то уваженіе, ту вѣжливость, которыми отличается обращеніе учениковъ въ заграничныхъ школахъ! А это отъ того, что къ тому стремятся всѣ дружно, и родители, и начальство, и учителя!

«Мнѣ кажется, что обязанность наша внушать ученикамъ при случаѣ, что каждый человѣкъ обязанъ чѣмъ нибудь обществу, что общество всегда требуетъ извѣстнаго рода уваженія къ себѣ, къ старшимъ и что училище есть своего рода общество.

«Вотъ причина, побудившая меня помѣстить въ инструкціи для учениковъ, чтобы они *вѣжливо* кланялись учителямъ.

«4. Извѣстно, что образованная часть евреевъ стремится къ тому, чтобы новое поколѣніе присвоило себѣ какъ можно лучше знаніе русскаго, отечественнаго языка. Достигнуть этой благой цѣли можно только тогда, если еврейскій простонародный жаргонъ, вредящій дѣлу, выведется изъ употребленія.

«Проводниками этой идеи должны быть казенныя еврейскія училища и на учителяхъ лежитъ обязанность распространять между учениками разговорно-русскій языкъ.

«Вотъ, милостивые государи, инструкціи, аккуратное исполненіе которыхъ можетъ, по моему крайнему уразумѣнію, поставить ввѣренное намъ училище на ту ногу, на какой его желаетъ видѣть начальство, общество и мы сами! Я вамъ, господа, своихъ мнѣній не навязываю, а представляю проектъ о дежурствѣ учителей на ваше обсужденіе и если найдете его удобопримѣнимымъ, то прошу его принять къ руководству, но не иначе какъ съ условіемъ, чтобы гг. учители дали обѣщаніе предъ лицемъ совѣта — исполнять дежурство *аккуратно* съ *энергіею*, и чтобы постановленіе совѣта не оставалось мертвою буквою!! Въ дѣлѣ воспитанія, по моему, необ-

ходимъ педантизмъ, если педантизмомъ назовемъ буквальное исполненіе установленныхъ правилъ!»

Всѣ члены совѣта, разсмотрѣвъ проектъ смотрителя Горнберга, единодушно опредѣлили: проектъ принять къ руководству немедленно а протоколъ засѣданія представить на разсмотрѣніе г. директора Кіевской губерніи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Протоколъ засѣданія С.-Петербургскаго педагогическаго собранія 3-го ноября 1862 года *). Въ педагогическомъ собраніи 3-го ноября присутствовали 36 гг. членовъ и 17 гостей; предсѣдательствовалъ П. Г. Рѣдкинъ; занятія состояли въ слѣдующемъ:

Секретарь собраній, Н. Х. Вессель, прочелъ письменное увѣдомленіе, полученное г. предсѣдателемъ 31-го минувшаго октября за № 5,907 отъ г. попечителя Спб. Учебнаго округа, И. Д. Делянова. объ утвержденіи г. управляющимъ министерствомъ инструкціи для педагогическихъ собраній въ С.-Петербургѣ.

Согласно съ §§ 3, 4, 5 и 6 этой инструкціи гг. присутствовавшіе члены постановили:

---

*) Педагогическія собранія начались 11-го октября 1859 года по предложенію гг. П. Г. Рѣдкина, А. А. Чумикова и І. И. Паульсона. Въ теченіе трехъ прошедшихъ лѣтъ засѣданія педагогическихъ собраній, съ разрѣшенія г. попечителя Спб. учебнаго округа, И. Д. Делянова, происходили во 2-й Спб. гимназіи, въ первую и третью субботы каждаго мѣсяца, съ сентября до іюня. Занятія состояли въ изложеніи и обсужденіи гг. постоянными участниками различныхъ вопросовъ по воспитанію и обученію. Постоянными участниками въ собраніяхъ были гг. директоры, инспекторы и преподаватели С.-Петербургскихъ учебныхъ заведеній и другія лица, занимающіяся воспитаніемъ и обученіемъ. Предсѣдателемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ былъ, по выбору, П. Г. Рѣдкинъ, вице-предсѣдателями А. А. Чумиковъ и И. Б. Штейнманъ, а по переселеніи перваго въ Москву, въ 1860 году, выбранъ былъ А. С. Вороновъ; постоянными секретарями были Н. Х. Вессель и І. И. Паульсонъ. 27-го минувшаго октября утверждена г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаремъ Головнинымъ, инструкція для с.-петербургскихъ педагогическихъ собраній, и собраніе 3-го ноября было первымъ послѣ утвержденія.

1) Протоколы засѣданій педагогическихъ собраній, такъ же какъ и рефераты по предложеннымъ и обсужденнымъ вопросамъ, печатать въ двухъ журналахъ: въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ журн. «Учитель».

2) Постоянный ежегодный взносъ назначить по 3 руб. сер. съ каждаго члена.

3) При выборѣ должностныхъ лицъ, а равно и заявившихъ желаніе вступить въ число членовъ педагогическихъ собраній, руководствоваться простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ.

4) Должностныя лица выбираются на одинъ годъ, и выборъ производится закрытыми записками въ первое ноябрское засѣданіе каждаго года.

5) Выборы въ члены производятся въ началѣ каждаго засѣданія, также закрытыми записками.

6) Введеніе гг. членами гостей допускается по предварительному извѣщенію въ томъ же собраніи г. предсѣдательствующаго.

Вслѣдъ за этими постановленіями гг. присутствовавшіе члены приступили къ выбору должностныхъ лицъ означенныхъ въ § 5 инструкціи, и новыхъ членовъ; выбраны были на 1862—1863 годъ:

Въ предсѣдатели: П. Г. Рѣдкинъ, въ вице-предсѣдатели: Ѳ. Ѳ. Эвальдъ 1, въ секретари: Н. Х. Вессель и І. И. Паульсонъ.

Въ члены: гг. Карловъ, Рихтеръ, Папковъ, Беллярминовъ, Геннингъ, Николенко, Шиманъ, Ределинъ, Яковлевъ, Семевскій, Филиповъ, Мишель, Семенниковъ, Фальдерманъ, Сивицкій; г-жи: Водовозова и Семенова.

По окончаніи выборовъ г. предсѣдательствовавшій пригласилъ гг. присутствовавшихъ заявить *вопросы*, которые они желаютъ изложить и обсудить въ педагогическихъ собраніяхъ. Вслѣдствіе этого предложили:

1. Г. Вессель: О мѣстномъ элементѣ въ общемъ образованіи.

2. Г. Семеновъ: О введеніи отчизновѣденія и о характерѣ преподаванія его въ народныхъ школахъ.

3. Г. Беллярминовъ: О преподаваніи исторіи въ нашихъ гимназіяхъ.

4. Г. Люгебиль: Преподаваніе исторіи литературы въ общеобразовательныхъ училищахъ не только безполезно, но и положительно вредно.

5. Г. Семевскій: О книгахъ для первоначальнаго чтенія съ мѣстнымъ характеромъ.

6. Г. Коссинскій: О преподаваніи въ младшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній.

7. Г. Водовозовъ: О воспитательной части въ закрытыхъ женскихъ училищахъ.

8. Г. Семеновъ: О классныхъ учителяхъ въ низшихъ классахъ.

9. Г. Мѣдниковъ: Объ общихъ условіяхъ въ народномъ образованіи.

Наконецъ, по предложенію В. Я. Стоюнина, собраніе опредѣлило продолжать совѣщанія объ упрощеніи русской орфографіи въ видахъ облегченія учащихся, поручивъ членамъ своимъ В. Я. Стоюнину и І. И. Паульсону руководить этимъ дѣломъ. Первое совѣщаніе назначено въ субботу 8-го декабря, въ 8 ч. вечера.

Протоколъ засѣданія С.-Петербургскаго педагогическаго собранія 17-го ноября 1862 г. Въ педагогическомъ собраніи 17-го ноября участвовали 28 членовъ и 10 гостей; предсѣдательствовалъ П. Г. Рѣдкинъ. Занятія состояли въ слѣдующемъ:

I. По прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, г. предсѣдатель пригласилъ присутствовавшихъ, во исполненіе ст. VI инструкціи, представить записки о желаніи остаться членами собраній, съ означеніемъ имени, занятій и мѣста жительства. Такая записка, кромѣ того, необходима для составленія подробнаго списка всѣхъ членовъ, для представленія г. попечителю, для повѣстокъ о денежныхъ взносахъ на покрытіе издержекъ по собраніямъ и наконецъ для составленія отдѣленій собранія по спеціальностямъ гг. членовъ. Присутствовавшіе члены въ томъ же собраніи представили о себѣ записки, а отсутствующихъ положено извѣстить чрезъ напечатаніе въ газетахъ. Срокъ присылки записокъ назначенъ 1-го января 1863 года; члены, недоставившіе о себѣ записокъ къ означенному сроку, тѣмъ самымъ заявятъ о своемъ нежеланіи принимать дальнѣйшее участіе въ собраніяхъ, и потому исключаются.

Вслѣдъ за этимъ г. предсѣдатель предложилъ на обсужденіе собранію слѣдующіе вопросы:

1. О составленіи отдѣленій собраній для предварительнаго обсужденія вопросовъ, которые по особенной спеціальности своей потребуютъ этого.

2. Объ изданіи учебныхъ руководствъ на счетъ собраній, по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ и одобреніи въ засѣданіяхъ собранія, и по соглашеніи съ авторомъ.

3. О составленіи педагогической библіотеки.

Собраніе по этимъ вопросамъ постановило:

По первому: отдѣленія составляются изъ спеціалистовъ; впрочемъ въ отдѣленія могутъ записываться и всѣ другіе члены педагогическихъ собраній, по желанію.

Каждое отдѣленіе выбираетъ себѣ предсѣдательствующаго, заявляя объ этомъ общему собранію, и назначаетъ время для своихъ засѣданій.

Вопросы, разсмотрѣнные въ отдѣленіяхъ, представляются для окончательнаго рѣшенія въ общее собраніе, которое или подвергаетъ ихъ новому обсужденію, или утверждаетъ постановленіе отдѣленій.

Общее же собраніе опредѣляетъ, какіе изъ предложенныхъ въ засѣданіяхъ его вопросовъ должны быть предварительно разсмотрѣны въ отдѣленіяхъ.

По второму:

Сознавая недостатокъ у насъ въ хорошихъ учебникахъ, какъ для учителей такъ и для учениковъ, педагвгическое собраніе предлагаетъ составителямъ учебныхъ руководствъ, какъ изъ своихъ членовъ, такъ и всѣмъ другимъ, свое содѣйствіе въ изданіи тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ представлены предварительно на разсмотрѣніе собранія и одобрены имъ. Собраніе, смотря по имѣющимся средствамъ, принимаетъ изданіе одобренныхъ имъ учебныхъ руководствъ или вполнѣ на свой счетъ, или оказываетъ денежное пособіе автору для изданія, или же старается найти издателя.

По третьему:

Взносъ на составленіе библіотеки положено назначить въ текущемъ году *единовременный*. (Въ томъ же засѣданіи были внесены присутствовавшими 350 руб. серебр.)

Составъ библіотеки ограничить на первый случай пріобрѣтеніемъ сочиненій по общей педагогикѣ и дидактикѣ, и для составленія списка такихъ сочиненій назначить особую коммиссію, которая обязана представить этотъ списокъ въ слѣдующее собраніе.

Библіотека педагогическихъ собраній должна быть помѣщаема во 2-й гимназіи, и книги для чтенія выдаются по субботамъ.

Въ коммиссію для составленія списка книгъ выбраны были: гг. Рѣдкинъ, Рехневскій, Карловъ, Шиманъ и Паульсонъ.

II. Вновь выбраны въ члены собраній слѣдующія лица: 1) Учитель русскаго яз. Екатерин. и Смольн. институтовъ *С. А. Антоновъ.* 2) Старш. учит. математики при 2-й гимназіи *Арнгеймъ.* 3) Учит. естеств. наукъ въ Гатчинск. институтѣ *Гофманъ.* 4) Кандидатъ естеств. наукъ *М. Ерофеевъ.* 5) Учит. естеств. наукъ *В. Н. Бѣляевъ.* 6) Проф. Спб. университета. *К. Ѳ. Кесслеръ.* 7) Кандид. естеств. наукъ. *С. Ламанскій.* 8) Канд. естеств. наукъ. *И. Я. Скляровъ.* 9) Учит. латинск. яз. въ 5 гимназіи. *А. А. Радонежскій.* 10) Учит. законовѣд. въ Гатчинск. инстит. *Тимофеевъ.*

III. Г. Вессель прочелъ рефератъ по предложенному имъ вопросу: «*О мѣстномъ элементѣ въ общемъ образованіи*», напечатанный въ №№ 17, 18 и 19 ж. «Учитель», и выставилъ слѣдующія положенія:

1. Духовное развитіе человѣка совершается по природнымъ законамъ, вслѣдствіе воспринимания и усвоенія внѣшнихъ впечатлѣній посредствомъ органовъ чувствъ.

2. Эти впечатлѣнія прежде всего производятся на человѣка всѣмъ, что его окружаетъ и что около него и въ немъ происходитъ.

3. Общее образованіе, содѣйствуя правильному и всестороннему развитію учащагося, съ цѣлію привести его къ сознанію своихъ силъ и способностей, и такимъ образомъ доставить ему возможность правильно избрать себѣ спеціальное дѣло, должно прежде всего заботиться, чтобы учащійся основательно и всесторонне ознакомился съ тѣмъ, что его окружаетъ и производитъ на него впечатлѣніе.

4. Поэтому учебный курсъ общеобразовательныхъ заведеній долженъ состоять, главнымъ образомъ, изъ мѣстнаго матеріала, съ прибавленіемъ къ нему на столько общенаучныхъ свѣденій на сколько требуется для возможно всесторонняго выясненія его.

5. Этотъ учебный курсъ, согласно законамъ духовнаго развитія учащихся, долженъ состоять изъ двухъ органическихъ отдѣловъ: 1) *Элементарнаго*, который можетъ быть подраздѣленъ на *общенаглядное обученіе* и на *собственно элементарное*, и 2) *систематическаго.*

6. Учебные предметы элементарнаго отдѣла: законъ божій, родной языкъ, ариѳметика, отчизновѣденіе, заканчивающееся біографическимъ изложеніемъ отечественной исторіи, географическимъ обзоромъ отечества и практическою геометріею, — искусства: чистописаніе рисованіе, пѣніе и музыка (духовная и свѣтская) и гимнастика.

7. Учебные предметы систематическаго курса: законъ божій, русск. языкъ и славянскій, т е. сравнительное изложеніе грамматики славянскаго и русскаго языковъ и объяснительное чтеніе отечественныхъ и литературныхъ произведеній въ исторической последовательности, и иностранныхъ въ переводѣ на русскій языкъ, необходимыхъ для уясненія отечественныхъ; исторія и географія, подробная отечественная и краткая всеобщая; математика, т. е. алгебра, геометрія и прямолинейная тригонометрія; естествознаніе: зоологія, ботаника, минералогія, физика, химія, физіологія и космографія, гимнастика и, по желанію, музыка, пѣніе и рисованіе, также иностранные языки.

Опонентами объявили себя:

Противъ 1-го положенія: гг. Власовъ, Косинскій. Водовозовъ.

Противъ третьяго: гг. Косинскій, Водовозовъ, Зонъ, Люгебиль, Власовъ, Эвальдъ II.

Противъ четвертаго: гг. Косинскій, Люгебиль, Зонъ, Эвальдъ II, Водовозовъ, Власовъ, Кесслеръ.

Противъ пятаго: гг. Зонъ, Власовъ, Люгебиль, Водовозовъ.

Прптивъ шестого: гг. Семеновъ, Зонъ, Косинскій, Люгебиль, Водовозовъ, Эвальдъ I.

Противъ седьмого: гг. Косинскій, Зонъ, Водовозовъ, Люгебиль, Власовъ, Николенко, Семеновъ.

Вопросы на очереди:

1. Наука въ школѣ и наука въ жизни г. Паульсона.
2. О преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ г. Беллярминова.

(Одесск. Вѣстн. № 129).

Н. Е. Зерновъ. 27-го ноября, въ церкви Московскаго университета происходило отпѣваніе тѣла заслуженнаго профессора Н. Е. Зернова. Смерть почтеннаго профессора была совершенною неожиданностію. Въ самый день смерти, утромъ, онъ читалъ лекцію, разговаривалъ и шутилъ съ многими изъ своихъ сослуживцевъ въ профессорской комнатѣ. Вечеромъ онъ отправился по дѣлу къ одному изъ своихъ знакомыхъ; на возвратномъ пути съ нимъ сдѣлалась дурнота и онъ былъ привезенъ домой безъ чувствъ, почти охладѣлый! Пустили кровь, но она не пошла. Все кончилось. Вскрытіе, впослѣдствіи, обнаружило окостенѣніе какъ главнаго артеріальнаго ствола, такъ и мозговыхъ артерій, разжиженіе крови и сильнѣйшій отекъ легкихъ.

Покойный профессоръ, въ продолженіе своего болѣе нежели двадцати-пятилѣтняго служенія университету (въ которомъ съ 1834 года онъ занималъ каѳедру чистой математики), всегда отличался самымъ добросовѣстнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ своего долга. Много поколѣній слушателей, нынѣ разсѣянныхъ по всей Россіи, прошло предъ его глазами и конечно всѣ они добромъ помянутъ своего наставника, полагавшаго свое призваніе не въ томъ только, чтобы излагать науку, но въ томъ, чтобы дѣятельно *учить* преподаваемому предмету. Благодаря ясности и отчетливости изложенія, опредѣлительности и справедливости требованій со стороны преподавателя, студенты въ московскомъ университетѣ серьезно занимались математикой.

Н. Е. Зерновъ родился въ 1804 году; въ 1822 году онъ былъ выпущенъ изъ московскаго университета со степенью кандидата; въ 1827 г. получилъ степень магистра, защитивъ диссертацію на тему: *«О суточномъ и годовомъ движеніяхъ земли.»* Служилъ преподавателемъ математики въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, и нѣкоторое время занималъ также мѣсто помощника астронома - наблюдателя при университетской обсерваторіи. Въ 1834 г. Зерновъ вступилъ въ московскій университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ математики, а въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Въ числѣ сочиненій покойнаго упомянемъ: *Дифференціальное исчисленіе*, изданное имъ для руководства студентовъ; *разсужденіе объ интеграціи уравненій съ частными дифференціалами*, написанное для полученія степени доктора, и *теорію вѣроятностей, съ приложеніемъ преимущественно къ смертности и страхованію*, рѣчь составленную для акта 1843 года. *(Моск. вѣд. № 261).*

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

ГЕРМАНІЯ.

Пренія въ прусской палатѣ представителей о преподаваніи гимнастики въ народныхъ школахъ. Прошлымъ лѣтомъ въ прусской палатѣ представителей происходили весьма оживленныя и лю-

бопытныя пренія о томъ, какую систему гимнастики слѣдуетъ ввести въ народныя школы: шведскую или нѣмецкую? Вопросъ о гимнастикѣ получилъ особенное значеніе въ Пруссіи и во всей Германіи съ 1858 года, когда съ одной стороны прусское правительство объявило о своемъ намѣреніи неуклонно слѣдовать конституціи и когда, съ другой стороны, событія въ Италіи начали угрожать серіозною опасностью и Германіи. Съ тѣхъ поръ быстро начали образовываться во всѣхъ германскихъ государствахъ гимнастическія общества и прусское правительство также обратило вниманіе на преподаваніе гимнастики во всѣхъ народныхъ школахъ.

Всѣ нѣмецкія правительства, какъ извѣстно, съ 1819 года стали враждебно смотрѣть на гимнастику. Въ Пруссіи только въ 1842 году правительство рѣшилось ввести преподаваніе ея въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего оно озаботилось приготовленіемъ для этого способныхъ учителей. Въ Берлинѣ учреждено центральное гимнастическое заведеніе, собственно для военныхъ, въ которомъ также обучались и лица не военнаго сословія, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи занять мѣста учителей гимнастики въ учительскихъ семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Управленіе центральнымъ гимнастическимъ заведеніемъ ввѣрено было капитану Ротштейну, который предварительно посланъ былъ въ Швецію для изученія гимнастической системы извѣстнаго Линга *). Ротштейнъ, возвратившись изъ Швеціи, издалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ изложилъ шведскую или Лингову гимнастическую систему и объяснилъ ея отличіе отъ нѣмецкой или, такъ называемой, Яновой системы (Eiselen-Spiess-Iahn'sche System). Отдавая преимущество шведской гимнастикѣ передъ нѣмецкою, онъ однако значительно измѣнилъ Лингову систему и ввелъ въ нее многое изъ системы Яна, такъ что въ центральномъ берлинскомъ гимнастическомъ заведеніи преподавалась и теперь преподается особенная система гимнастики, въ главныхъ чертахъ заимствованная у шведовъ, но значительно измѣненная и обыкновенно называемая *Ротштейновою системою*.

Эта Ротштейнова система существенно отличается отъ народной нѣмецкой гимнастической системы. Въ литературѣ до сихъ поръ продолжается споръ объ относительныхъ достоинствахъ и недостат-

*) О шведскомъ центральномъ гимнастическомъ институтѣ см. Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія 1862 г. Майская книжка. Отд. IV стр. 105.

кахъ той и другой системы. Прусское правительство постоянно защищало и покровительствовало Ротштейнову систему, между тѣмъ какъ всѣ нѣмецкія гимнастическія общества (Turnvereine), числомъ отъ 700 до 800, упорно придерживаются національной или Яновой системы. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ защитниковъ послѣдней принадлежатъ Клоссъ въ Дрезденѣ *), Массманъ и Ангерштейнъ въ Берлинѣ. Въ послѣднее время приверженцы нѣмецкой гимнастической системы подали въ прусскую палату представителей нѣсколько петицій о томъ, чтобы въ центральномъ берлинскомъ гимнастическомъ заведеніи введено было преподаваніе нѣмецкой системы по крайней мѣрѣ для лицъ не военнаго вѣдомства, и чтобы эта же система была принята во всѣхъ народныхъ школахъ. Не смотря на эти петиціи, прусское правительство никакъ не хочетъ отказаться отъ Ротштейновой системы и, желая ввести ее повсемѣстно, въ мартѣ 1862 года издало «Руководство къ преподаванію гимнастики», обязательное для всѣхъ народныхъ школъ въ Пруссіи.

Противъ такого распоряженія министерства возстали всѣ прусскія гимнастическія общества и всѣ друзья народной гимнастики. Они нашли необходимымъ оффиціально заявить правительству въ палатѣ представителей о своемъ неудовольствіи. Исполненіе этой задачи взялъ на себя извѣстный ученый, членъ палаты представителей и профессоръ докторъ Вирховъ. Онъ подалъ въ палату представителей интерпелляцію, подписанную 53 другими членами, вслѣдствіе которой 20-го іюня 1862 года въ палатѣ происходили весьма любопытныя пренія между министромъ народнаго просвѣщенія фонъ-Мюлеромъ съ одной стороны и Вирховомъ и его приверженцами съ другой. Вотъ текстъ интерпелляціи Вирхова.

«Г. министръ народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ разослалъ ко всѣмъ учебнымъ начальствамъ королевства слѣдующее предписаніе, которымъ исключается нѣмецкая гимнастическая система изъ народныхъ школъ.

> «*Предписаніе:* Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 28-го марта «Его Величество изволилъ приказать, чтобы впредь обученіе «мальчиковъ гимнастикѣ въ народныхъ школахъ производи«лось по прилагаемому при семъ руководству: «Leitfaden für «den Turn-Unterricht in den preussischen Volksschulen». Въ этомъ

*) О Клоссовомъ гимнастическомъ институтѣ въ Дрезденѣ. См. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1862 г. Январскую книжку Отд. I стр. 78.

«руководствѣ упражненія выбраны и описаны такимъ обра-«зомъ, что слѣдуя ему, даже учители, никогда не учившіеся гим-«настикѣ, могутъ съ пользою заниматься съ дѣтьми гимнас-«тическими упражненіями. Это наставленіе впредь будетъ «принято въ основаніе преподаванія гимнастики въ учитель-«скихъ семинаріяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ особенные уроки будутъ «назначены для учителей уже состоящихъ въ должности, такъ «что въ скоромъ времени большая часть учителей будетъ въ «состояніи вполнѣ примѣнить къ дѣлу предлагаемое руковод-«ство. Королевское правительство предписываетъ вамъ снаб-«дить состоящія въ вашемъ округѣ школы нужнымъ количе-«ствомъ экземпляровъ означеннаго руководства и озаботиться, «чтобы преподаваніе гимнастики по этому руководству было «введено въ теченіи наступающихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается во всѣхъ учительскихъ «семинаріяхъ съ наступающимъ учебнымъ курсомъ ввести пре-«подаваніе гимнастики по вышеозначенному руководству. При «этомъ выходить за предѣлы руководства могутъ только тѣ «учители, которые обучались гимнастикѣ въ берлинскомъ цен-«тральномъ заведеніи. Во всякомъ случаѣ требуется чтобы «воспитанники семинарій были приготовлены къ преподава-«нію гимнастики въ народныхъ школахъ по вышеозначенному «руководству. Берлинъ, 21-го марта 1862 г. Министръ фонъ-«Мюлеръ».

«Между тѣмъ въ бюджетѣ 1862 года требуется согласіе палатъ на особенную прибавку 9000 талеровъ на распространеніе центральнаго королевскаго гимнастическаго заведенія, подвѣдомственнаго, какъ извѣстно, военному министерству.

«При такихъ обстоятельствахъ я считаю нужнымъ предложить г. министру народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ слѣдующіе вопросы:

1) Думаетъ ли г. министръ слѣдовать офиціально объяв-«ленной въ означенномъ предписаніи системѣ своего предше-«ственника, явно направленной ко вреду нѣмецкой гимнас-«тики, и въ особенности, намѣренъ ли онъ принуждать об-«щины слѣдовать началамъ изложеннымъ въ вышеозначенномъ «руководствѣ?

«2) Желаетъ ли королевское правительство сохранить и

«развивать центральное гимнастическое заведеніе какъ средо-
«точіе гражданскаго гимнастическаго обученія?

Докторъ Вирховъ и 53 члена палаты».

Вслѣдствіе этой интерпелляціи д-ръ Вирховъ произнесъ въ палатѣ рѣчь, сущность которой состояла въ слѣдующемъ.

«Въ послѣдніе годы какъ-то особенно непосчастливилось вопросу о гимнастикѣ. Нѣсколько разъ уже вопросъ этотъ возбуждался или непосредственно въ палатѣ, или вслѣдствіе постороннихъ петицій; но каждый разъ что нибудь мѣшало его разсмотрѣнію: то особенная коммиссія не успѣетъ его вполнѣ обсудить, то докладъ коммиссіи изготовляется и вносится въ палату тогда, когда уже оканчиваются ея засѣданія. Между тѣмъ на дѣлѣ вопросъ о гимнастикѣ принимаетъ все болѣе и болѣе неблагопріятный исходъ. Хотя еще недавно правительственный коммисаръ объявилъ въ особенной коммиссіи, что дѣло о гимнастикѣ находится только въ началѣ своего развитія, и что само правительство еще не рѣшилось избрать ту или другую систему, однако мы теперь видимъ, что у насъ уже существуетъ вполнѣ готовая система гимнастики, и притомъ она существуетъ не только въ теоріи но и на дѣлѣ. Изъ приведенныхъ цѣликомъ въ моей интерпелляціи распоряженій г. министра очевидно, что правительство желаетъ сдѣлать свою систему гимнастики обязательною не только для всѣхъ народныхъ школъ, но также и для другихъ учебныхъ заведеній. Это видно между прочимъ изъ распоряженія министерства, въ которомъ сказано: «что въ королевскомъ центральномъ гимнастическомъ заведеніи съ 1-го октября открывается шестимѣсячный курсъ преподаванія для воспитанниковъ гражданскаго вѣдомства, и что къ слушанію этого курса, кромѣ лицъ готовящихся къ преподаванію гимнастики *въ гимназіяхъ, реальныхъ и мѣщанскихъ школахъ, а также въ учительскихъ семинаріяхъ*, могутъ быть допущены и другіе учители». Изъ этого для меня очевидно, что правительство желаетъ насильственно ввести систему гимнастики, изложенную въ вышеупомянутомъ руководствѣ, во всѣ школы, въ которыхъ обучаются мальчики и юноши; притомъ это руководство и изложенная въ немъ система, какъ видно изъ министерскаго предписанія, должны быть повсемѣстно введены еще въ теченіи нынѣшнихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

«Прежде всего я долженъ замѣтить, что введеніе этой гимнастической системы потребуетъ значительныхъ денежныхъ пожертвованій.

Въ концѣ прошлаго года городъ Берлинъ ввелъ гимнастическое обученіе, въ теченіи одного только лѣтняго времени, въ свои общинныя школы для бѣдныхъ. При всей бережливости и при томъ условіи, что гимнастическія упражненія производятся не въ особыхъ помѣщеніяхъ, а на школьныхъ дворахъ, издержки на каждую школу составляли не менѣе 50 талеровъ. Но руководство требуетъ, чтобы обученіе происходило и зимою, и чтобы для этого имѣлось при каждой школѣ необходимое помѣщеніе. Очевидно что при такихъ условіяхъ на каждую школу потребуется сумма вдвое бо́льшая. Слѣдовательно издержки, которыя потребуются для введенія правительственной системы гимнастики во всѣхъ нашихъ 25,000 школахъ, составятъ весьма немаловажную сумму.

«Что касается сущности и достоинства системы гимнастики, о которой идетъ рѣчь, то мнѣ могутъ замѣтить что тутъ дѣло состоитъ больше въ названіи, чѣмъ въ сущности предмета, какъ это уже замѣчено было въ палатской коммисіи по народному просвѣщенію въ прошедшемъ году. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что дѣло идетъ не о двухъ противоположныхъ системахъ гимнастики: шведской и нѣмецкой. Дѣйствительно тутъ совсе не идетъ дѣло о такъ называемой собственно—шведской системѣ гимнастики; напротивъ того мы имѣемъ въ виду систему нашего прусскаго изобрѣтенія, систему, которую бывшій директоръ здѣшняго центральнаго заведенія составилъ изъ системъ шведской и нѣмецкой и назвалъ *раціональною* системою гимнастики. Эту-то раціональную систему нынѣ правительство желаетъ ввести во всѣ школы. Но я долженъ замѣтить, что въ этой сложной системѣ шведскій или Линговъ элементъ играетъ гораздо бо́льшую роль, чѣмъ элементъ первоначальной нѣмецкой системы, созданной Яномъ и Шписомъ. Доказательствомъ тому, что министерство народнаго просвѣщенія съ давняго времени имѣетъ большую симпатію къ шведской системѣ, служатъ между прочимъ и знаменитые регулятивы. Въ регулятивѣ, изданномъ для евангелическихъ учительскихъ семинарій, въ главѣ о гимнастическомъ обученіи, положительно сказано, что будущіе учители должны приготовиться къ правильному и цѣлесообразному примѣненію въ школахъ Линговой и Шписовой системъ гимнастики. Но по другимъ, позднѣйшимъ распоряженіямъ, Шписова система отодвинута на задній планъ и все болѣе и болѣе вытѣсняется изъ учительскихъ семинарій. Это видно, между прочимъ изъ того, что гимнастическія упражненія, уже съ давняго времени, предписано производить

не иначе, какъ по особеннымъ рецептамъ или росписаніямъ (Uebungszettel), чрезвычайно искусственнымъ и далеко не соотвѣтствующимъ условіямъ свободнаго движенія. Въ 6-мъ параграфѣ упомянутаго руководства положительно предписано, чтобы учитель для каждаго урока предварительно составлялъ такое росписаніе упражненій.

«Я не имѣю никакой надобности вдаваться здѣсь въ научное разсужденіе о превосходствѣ той или другой гимнастической системы. Замѣчу только, что существенная разница между нѣмецкою и такъ называемою раціональною системою заключается въ томъ, что первая возникла изъ жизни, образовалась путемъ практики, между тѣмъ какъ послѣдняя построена, по мнѣнію основателя ея, на научныхъ анатомическихъ и физіологическихъ началахъ и потому названа раціональною. Но дѣло въ томъ, что объ этихъ научныхъ анатомическихъ и физіологическихъ началахъ настоящіе анатомы и физіологи знать не хотятъ, и что лица, которыя строили раціональную систему гимнастики, вовсе́ не знали ни анатоміи ни физіологіи, и были въ этихъ наукахъ не болѣе какъ только диллетантами.

«Вѣроятно многимъ изъ васъ уже извѣстно недавно опубликованное мнѣніе профессора Дю-Буа-Ремона, бывшаго въ теченіи многихъ лѣтъ членомъ здѣшняго гимнастическаго общества и пользующагося репутаціею лучшаго знатока физіологіи мускуловъ и нервовъ. Вотъ что говоритъ г. Дю-Буа-Ремонъ: «Эти мнимыя анатомическія и физіологическія начала, (на которыхъ построена раціональная система гимнастики), вовсе не могутъ быть названы началами» (Diese anatomischen und physiologischen Grundlagen sind gar keine Grundlagen). И это мнѣніе принадлежитъ не одному только Дю-Буа-Ремону. Вамъ вѣроятно также извѣстно мнѣніе правительственнаго и медицинскаго совѣтника д-ра Коха въ Мерзебургѣ и многихъ другихъ врачей Саксонской провинціи, которые столь рѣшительно и рѣзко возстали противъ раціональной системы. Я могу еще представить вамъ брошюру д-ра Клосса изъ Дрездена, въ которой приведены мнѣнія специалиста по анатоміи профессора Бока изъ Лейпцига, а также профессора Рихтера и д-ра Фридриха изъ Дрездена, единодушно протестующихъ противъ тѣхъ анатомическихъ и физіологическихъ началъ, на которыхъ построена раціональная система. Я съ моей стороны также могу высказать объ этомъ предметѣ мое собственное мнѣніе. Что касается до научныхъ началъ, на которыхъ построена раціональная система, то они *про-*

изводьны, частью *неправильно поняты*, частью *совершенно ложны*. Что касается до практическаго примѣненія, то споръ между обѣими системами главнымъ образомъ сосредоточился въ настоящее время на употребляемыхъ той и другой системой снарядахъ. Извѣстно, что центральное гимнастическое заведеніе совершенно исключаетъ наиболѣе употребительные въ нѣмецкой системѣ снаряды: *Barren* и *Reck* и вмѣсто ихъ употребляетъ особенную перекладину, называемую *Querbaum*.

«Предшественникъ нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія можетъ быть съ нѣкоторою основательностью полагалъ, что снарядъ *Barren* слѣдуетъ устранить. Ему представлены были мнѣнія двухъ врачей, которые повидимому осуждали употребленіе этихъ снарядовъ. Одно изъ нихъ принадлежало д-ру Абелю, долгое время преводававшему анатомію въ центральномъ гимнастическомъ заведеніи. Но г. Абель осуждаетъ не *Barren*, а только неразумное ихъ употребленіе; онъ говоритъ, что упражненія съ помощію этого снаряда, *какъ они нынѣ производятся*, могутъ быть вредны для здоровья, но что при разумномъ употребленіи они становятся не только не вредными, но даже весьма полезными. Послѣ того г. министръ спрашивалъ объ этомъ предметѣ мнѣнія одного изъ медиковъ, пользующихся огромнымъ авторитетомъ; мнѣніе было сообщено г. министру, но къ удивленію, не смотря на просьбу здѣшняго гимнастическаго совѣта, до сихъ поръ не было обнародовано.

«Все то что говоритъ д-ръ Абель объ опасности и вредѣ гимнастическихъ упражненій съ помощію *Barren*, при неразумномъ ихъ употребленіи, вполнѣ основательно и справедливо; но совершенно такой же вредъ можетъ произойти и отъ неразумнаго употребленія снарядовъ г. Ротштейна; никто конечно не станетъ сомнѣваться въ томъ, что можно упасть съ лѣстницы, свернуть себѣ шею, сломать ногу или руку. Опасность и вредъ при той и другой системѣ гимнастическихъ упражненій возможны совершенно въ одинаковой степени. Но всякій понимающій дѣло согласится, что упражненія съ помощью снаряда *Barren*, если ихъ примѣнять разумно, именно составляютъ тотъ родъ упражненій, въ которомъ достигается наибольшее разнообразіе индивидуальныхъ движеній и наибольшая свобода физическаго развитія. По этому я полагаю, что упреки, дѣлаемые съ медицинской точки зрѣнія упражненіямъ свойственнымъ нѣмецкой системѣ гимнастики, совершенно неосновательны.

«Теперь спрашивается: дѣйствительно ли раціональною гимнастикою достигаются лучшіе результаты, чѣмъ обыкновенною нѣмецкою? Вопросъ этотъ легко могъ бы быть разрѣшенъ посредствомъ сравненія результатовъ, получаемыхъ въ королевскомъ Саксонскомъ гимнастическомъ институтѣ, съ результатами нашего Берлинскаго центральнаго заведенія.

«Для оцѣнки результатовъ раціональной системы я могу привести сужденіе компетентныхъ лицъ изъ военныхъ. Всѣмъ извѣстно мнѣніе, высказанное по этому вопросу нѣсколько лѣтъ тому назадъ капитаномъ фонъ-Гёрне. Я могу еще привести болѣе новое сочиненіе г. Гунта-фонъ-Гафтенъ, который, хотя и вовсе не принадлежитъ къ партіи прогресса, однако утверждаетъ, что раціональная гимнастическая система, столь противная народному характеру и всѣмъ истинно нѣмецкимъ стремленіямъ, могла бы имѣть самыя вредныя послѣдствія, если бы ей не противодѣйствовали усилія нѣмецкихъ гимнастическихъ обществъ.

«Я убѣжденъ, что эта гимнастическая система, если ее ввести въ народныя школы, останется безъ всякихъ результатовъ. Если вы примете на себя трудъ внимательно пересмотрѣть официальное руководство, то увидите, что оно разсчитано на семилѣтній курсъ и должно служить къ развитію силъ мальчиковъ отъ 8-ми до 15-ти лѣтняго возраста. Курсъ раздѣляется на три ступени или отдѣла и для каждаго изъ нихъ назначены особенныя упражненія. Въ числѣ этихъ упражненій главное мѣсто принадлежитъ (имъ посвящена большая часть книги) такъ называемымъ свободнымъ упражненіямъ (безъ снарядовъ) и упражненіямъ порядка (Frei- und Ordnungs-Uebungen), которыя въ высшемъ своемъ развитіи доходятъ до маршировки и до тактическихъ упражненій и потому могутъ быть во многихъ отношеніяхъ полезны будущимъ рекрутамъ. За ними слѣдуютъ упражненія съ помощью снарядовъ; но для большей части изъ нихъ единственнымъ снарядомъ служитъ палка, и потому ихъ также нужно отнести къ свободнымъ упражненіямъ. Наконецъ что касается упражненій съ помощью настоящихъ снарядовъ, которыя одни только и могутъ содѣйствовать свободному развитію, то обь нихъ положительно сказано, что ихъ можно употреблять только въ томъ случаѣ, если останется свободное время! При томъ они могутъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ учитель вполнѣ съ ними ознакомленъ и гдѣ есть необходимые снаряды. Я увѣренъ, что большая часть учителей съ ними вовсе не знакома, потому что до сихъ

поръ центральное гимнастическое заведеніе произвело на массу нашихъ учителей самое ничтожное вліяніе.

«Впрочемъ руководство утверждаетъ, что даже учители, не получившіе никакого гимнастическаго образованія, могутъ съ пользою руководить дѣтей въ упражненіяхъ. Это мнѣніе въ высшей степени странно и противорѣчитъ всему, что до сихъ поръ испытано на гимнастическомъ плацу. Во всякомъ обученіи, а въ гимнастическомъ можетъ быть болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, особенно важно условіе, чтобы ученикъ имѣлъ уваженіе къ способностямъ и познаніямъ своего учителя. Нравственный авторитетъ учителя особенно необходимъ при обученіи гимнастикѣ. Представьте себѣ необладающаго ни ловкостью ни познаніями въ гимнастикѣ школьнаго учителя, который можетъ быть даже никогда не видалъ какъ дѣлаются гимнастическія упражненія. Вотъ этотъ то безпомощный учитель беретъ въ руки не совсѣмъ понятно написанное министерское руководство и читаетъ наставленіе о томъ что̀ ему слѣдуетъ дѣлать. Тамъ сказано, что онъ долженъ для каждаго урока предварительно составить рецептъ. И вотъ нашъ несчастный школьный учитель наканунѣ урока вечеромъ заучиваетъ наизусть свой рецептъ и упражняется во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, какія ему завтра придется дѣлать передъ учениками. Я вполнѣ увѣренъ, что большая часть школьныхъ учителей, приготовившись такимъ образомъ къ уроку, на другой день рѣшительно не будетъ помнить что̀ имъ слѣдуетъ дѣлать по рецепту.

«Что при такихъ обстоятельствахъ вовсе не возможно цѣлесообразное и сколько нибудь полезное развитіе гимнастическаго обученія, — противъ этого кажется никто не станетъ спорить. Напротивъ того, я убѣжденъ, что подобное обученіе возбудитъ всеобщую скуку и отвращеніе отъ гимнастики, что гимнастика въ народныхъ школахъ придетъ въ совершенный упадокъ и что издержки, которыя потребуются отъ общинъ на устройство этого дѣла, будутъ потеряны безъ всякой пользы.

«Само собою разумѣется, что я глубоко убѣжденъ въ великомъ значеніи гимнастики; я весьма желаю, чтобы королевское правительство въ этомъ отношеніи продолжало слѣдовать пути, на который вступило со времени изданія покойнымъ королемъ указа 1842 года; но я не думаю, чтобы раціональная система гимнастики могла привести къ какимъ либо полезнымъ результатамъ.

«Спрашивается, почему же королевское правительство съ такимъ упорствомъ придерживается центральнаго гимнастическаго заведенія и его системы? почему личный взглядъ г. Ротштейна на гимнастику долженъ у насъ имѣть исключительный авторитетъ? Между тѣмъ въ чужихъ странахъ имѣютъ совершенно другое понятіе о нашей системѣ и утверждаютъ, что въ Пруссіи, въ которой нѣмецкая гимнастика получила начало, теперь ей угрожаетъ совершенный упадокъ.

«Почему же министерство съ такимъ упорствомъ стоитъ за раціональную систему? Въ нынѣшнемъ бюджетѣ назначено 9000 талеровъ на распространеніе центральнаго гимнастическаго заведенія. Обыкновенный ежегодный штатъ его составляетъ 8863 талера. На эти средства ежегодно получаютъ въ немъ гимнастическое образованіе 27 офицеровъ — по три на каждый корпусъ; кромѣ того 86 унтеръ-офицеровъ или по одному на каждый полкъ; наконецъ по новому предписанію г. министра въ немъ еще обучается 30 воспитанниковъ гражданскаго вѣдомства. Такой составъ обучающихся, по моему убѣжденію, вовсе недостаточенъ для того, чтобы распространить надлежащимъ образомъ гимнастическое обученіе въ войскахъ и въ народѣ. Издержки слишкомъ велики сравнительно съ получаемыми результатами. Если принять въ соображеніе всѣ сужденія, высказанныя объ обученіи въ центральномъ заведеніи, то невозможно не убѣдиться, что свѣжій, свободный духъ, какимъ отличается нѣмецкій турнъ, сдѣлавшійся въ послѣднее время столь любимымъ во всѣхъ классахъ народонаселенія, вовсе не имѣетъ мѣста въ центральномъ заведеніи. Я конечно былъ бы весьма радъ, если бы г. военному министру удалось, съ помощью центральнаго заведенія, до такой степени развить въ народѣ гимнастическое обученіе, чтобы это дало возможность сократить срокъ военной службы. Въ Даніи, гдѣ еще во времена Яна гимнастика введена была въ народныя школы и гдѣ не было, какъ у насъ, періода реакціи съ 1819 по 1842 г., военный министръ недавно былъ въ состояніи сократить на 10 мѣсяцевъ срокъ военной службы. Если и у насъ получатся подобные результаты, то, конечно, всѣ будутъ этому радоваться. Но чтобы ежегодно выпускаемые изъ центральнаго заведенія 30 гражданскихъ воспитанниковъ были въ состояніи до такой степени распространить въ массахъ народонаселенія гимнастическое обученіе, — это я считаю положительно невозможнымъ. Тутъ вопросъ касается нравственной стороны обученія, его духа, и въ

этомъ отношеніи я совершенно согласенъ съ г. Гунтъ-фонъ-Гафтенъ, который говоритъ, что ротштейновой системѣ недостаетъ одного только — души. Вы не въ состояніи вдохнуть ее въ эту систему; а между тѣмъ именно это возвышеніе и укрѣпленіе духа посредствомъ гимнастики составляетъ главную задачу, оно то дѣлаетъ каждаго отдѣльнаго человѣка полнымъ господиномъ своихъ силъ, своей жизни, своихъ рѣшеній, своей воли; оно въ каждое мгновеніе направляетъ всѣ силы человѣка къ каждому дѣйствію, къ которому влекутъ его какія нибудь нравственныя или разумныя побужденія. Вотъ въ чемъ заключается высшая задача гимнастики, и мнѣ кажется, что я не могу выразить ее лучше какъ только повторивъ здѣсь слова не нѣмецкаго какого нибудь гимнаста, а древняго греческаго писателя. Вотъ что говоритъ Солонъ (у Лукіана), поучая скифа Анахарсиса:

«Этимъ упражненіямъ, Анахарсисъ, мы обучаемъ нашихъ юношей «для того, чтобы они современемъ сдѣлались надежными оберегате«лями отечества, научились охранять его свободу, побѣждать враговъ и наводить страхъ на сосѣдей. Благодаря этому обученію, они «сдѣлаются лучшими гражданами и для мирной жизни, потому что «они не захотятъ предаваться ничему пошлому; праздность не при«ведетъ ихъ ни къ какимъ дурнымъ мыслямъ и поступкамъ; напро«тивъ того, свободное время они станутъ проводить въ благородной «борьбѣ. Высшее благо государства въ войнѣ и въ мирѣ составляетъ «хорошо воспитанное юношество, котораго стремленія направлены «ко всему благородному».

Этими словами заключилъ свою рѣчь профессоръ Вирховъ; палата выразила свое сочувствіе къ знаменитому ученому громогласными рукоплесканіями. Послѣ этого отвѣчалъ на интерпелляцію министръ народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ, г. фонъ-Мюлеръ. Вотъ сущность отвѣта:

«Интерпелляція, на которую я долженъ теперь отвѣчать, не ограничивается фактическими вопросами; напротивъ того она содержитъ въ себѣ сужденіе о самой сущности вопроса, къ которому она относится; я позволю себѣ сказать прежде нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Извѣстно, что послѣ того какъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи съ 1819 по 1842 годъ устранено было гимнастическое обученіе, оно возобновлено вслѣдствіе Высочайшаго указа 6-го іюня 1842 г. Указъ этотъ изданъ по ходатайству покойнаго военнаго министра фонъ-

Бойена, который имѣлъ въ виду развить и усилить въ народонаселеніи, посредствомъ гимнастическаго обученія, способности къ военной службѣ. Въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ по изданіи указа 1842 года, гимнастическое обученіе получило свободное развитіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, впрочемъ только въ высшихъ, какъ-то гимназіяхъ и реальныхъ школахъ, потому что въ нихъ только можно было найти учителей и необходимыя денежныя средства. Въ элементарныхъ школахъ въ это время почти ничего не возможно было сдѣлать для гимнастическаго обученія, по недостатку учителей и средствъ. Но правительство считало своею задачею пріискать мѣры для того, чтобы это обученіе, не ограничиваясь одними высшими училищами, сдѣлалось общимъ воспитательнымъ средствомъ для всего народонаселенія.

«Нужно было приготовить учителей и найти такую методу, которая могла бы быть употребляема въ народныхъ школахъ. Для приготовленія учителей правительство нашло возможнымъ воспользоваться центральнымъ гимнастическимъ заведеніемъ. Въ теченіи первыхъ лѣтъ можно было приготовить въ немъ только небольшое число гражданскихъ воспитанниковъ; но впослѣдствіи, благодаря средствамъ, назначеннымъ для этой цѣли народнымъ представительствомъ, число гражданскихъ воспитанниковъ увеличилось до 32 и правительство еще желаетъ увеличить его до 60. Въ ожиданіи пока центральное заведеніе станетъ приготовлять учителей гимнастики для народныхъ школъ, оно уже имѣло возможность приготовить ихъ почти для всѣхъ учительскихъ семинарій; чрезъ это обученіе гимнастикѣ распространяется и въ народныхъ школахъ, въ которыя поступаютъ учителями воспитанники семинарій.

«Вторая задача состояла въ томъ, чтобы найти такую методу обученія, которая могла бы быть примѣнена къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и средствамъ всѣхъ народныхъ школъ, не исключая самыхъ малыхъ и бѣдныхъ. Опытъ доказалъ что каждое нововведеніе, котораго цѣль и польза не легко могутъ быть сознаны народонаселеніемъ, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны сельскихъ общинъ и родителей. По этому нужно было пріискать такую методу гимнастическаго обученія, которой польза была бы понятна для всѣхъ. Очевидно, тутъ невозможно было употребить въ дѣло тѣхъ обширныхъ и сложныхъ гимнастическихъ упражненій, какія съ пользою могутъ быть употребляемы при высшемъ образованіи и которыя приняты въ гимнастическихъ обществахъ; необхо-

димо было избрать методу болѣе простую. Опытъ также указалъ, что съ наибольшею пользою для этой цѣли можетъ быть употреблена именно та метода, которая изложена въ «Руководствѣ для обученія гимнастикѣ въ народныхъ школахъ». Самъ интерпеллирующій призналъ, что она не есть ни исключительно шведская или Лингова метода, ни нѣмецкая, но наша собственная, прусская. Необходимость ввести именно эту методу объясняется необходимостью сколько возможно ограничить издержки училищъ. Составители руководства воспользовались всѣми указаніями опыта, какія до сихъ поръ получены въ гимнастическомъ обученіи. То, что сказалъ интерпеллирующій относительно исключенія одного изъ снарядовъ (Barren), хотя и справедливо, но это исключеніе имѣетъ свои причины; между прочимъ снарядъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ дорогихъ... (Многіе члены палаты не соглашаются съ мнѣніемъ министра). Впрочемъ вопросъ этотъ еще не разрѣшенъ окончательно и центральное заведеніе не отказывается принимать въ соображеніе дальнѣйшихъ опытовъ, какіе могутъ быть сдѣланы по этому предмету.

«Что касается духа преподаванія гимнастики въ народныхъ школахъ, о которомъ интерпеллянтъ распространился въ концѣ своей рѣчи, то я позволю себѣ прочитать здѣсь 1 § вышеозначеннаго руководства. Въ немъ слѣдующимъ образомъ опредѣляется цѣль и характеръ гимнастическаго обученія.

«Гимнастика въ школахъ должна, посредствомъ цѣлесо-«образно избранныхъ и методически примѣненныхъ упражне-«ній, дать тѣлу сообразную съ природой красивую осанку при «всѣхъ его положеніяхъ и движеніяхъ;
«она должна содѣйствовать физическому развитію юноши и «укрѣпить его здоровье;
«увеличить силу и ловкость тѣла и его членовъ; пріучить юно-«шей къ извѣстнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, во многихъ «отношеніяхъ полезнымъ въ обыденной жизни и въ особен-«ности важнымъ для будущей службы въ отечественныхъ вой-«скахъ;
«посредствомъ укрѣпленія физическаго здоровья, силы и лов-«кости, она должна развить свѣжесть духа, укрѣпить волю, «дать ей рѣшимость, возбудить отвагу и присутствіе духа;
«она должна содѣйствовать школѣ въ томъ отношеніи, что «ученики, посредствомъ исполненія тѣлесныхъ упражненій, «пріучатся къ внимательности, къ быстрому, точному, ловкому

«и разумному исполненію приказаній, къ господству надъ са-«мимъ собою и къ подчиненію своей индивидуальной воли одной «высшей общей цѣли;

«Всѣ эти задачи могутъ быть исполнены только при томъ «условіи, если гимнастическое обученіе производится по опре-«дѣленному плану, въ извѣстной постепенности, методически, «и если ученики пріучаются выполнять всѣ упражненія точно, «усердно и съ приложеніемъ необходимой для этого силы. Но «при этомъ, само собою разумѣется, необходимо, чтобы при «исполненіи упражненій ученики всегда находились въ весе-«ломъ и свѣжемъ расположеніи духа, чтобы дѣти выполняли «ихъ съ той охотой и весельемъ, какія естественно возбуж-«даются чувствомъ свободнаго развитія и употребленія соб-«ственныхъ силъ и сознаніемъ единства, одушевляющаго цѣ-«лую массу сверстниковъ, стремящихся къ одной благородной «цѣли.

«Если наконецъ утверждаютъ, что въ означенномъ руководствѣ развитіе гимнастическихъ движеній простирается даже до марши-ровки, то я съ моей стороны могу къ этому прибавить, что руко-водство не упускаетъ также изъ виду особенной потребности, ка-кую дѣти чувствуютъ въ веселіи и забавахъ; въ концѣ руководства приведено не менѣе 20 гимнастическихъ игръ, при исполненіи ко-торыхъ ученики имѣютъ возможность забавляться въ обществѣ то-варищей и сверстниковъ, пріобрѣтая въ тоже время ловкость тѣ-лодвиженій.

«Теперь я долженъ дать категорическій отвѣтъ на вопросы пред-ложенные въ интерпелляціи.

«На первый вопросъ: «думаетъ ли г. военный министръ слѣдо-вать оффиціально объявленной системѣ своего предшественника», я отвѣчаю положительно; но я отрицаю то, что выражено въ концѣ вопроса, будто «эта система направлена ко вреду нѣмецкой гим-настики». Относительно вопроса «намѣренъ ли министръ принуж-дать общины слѣдовать системѣ, изложенной въ руководствѣ», я долженъ сказать, что по моему мнѣнію этотъ вопросъ формулиро-ванъ неправильно. Принужденіе общинъ собственно здѣсь не имѣетъ мѣста; но министерство считаетъ себя въ правѣ озаботиться чтобы обязательный предметъ обученія преподавался по той методѣ, ка-кая признана лучшею вслѣдствіе опыта людей наиболѣе свѣду-щихъ въ этомъ дѣлѣ.

«Второй вопросъ: «желаетъ ли королевское правительство сохранить и развивать центральное гимнастическое заведеніе какъ средоточіе гражданскаго гимнастическаго обученія», по моему мнѣнію также не совсѣмъ правильно формулированъ. Я не вполнѣ понимаю, что́ нужно разумѣть подъ гражданскимъ гимнастическимъ обученіемъ. Я могу отвѣчать только, что центральное гимнастическое заведеніе должно остаться средоточіемъ приготовленія учителей для народныхъ школъ».

Послѣ министра народнаго просвѣщенія, членъ палаты Теховъ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

«Я долженъ обратить вниманіе ваше на одну сторону этого вопроса, которой до сихъ поръ не коснулся г. интерпеллянтъ. Читая «Руководство къ преподаванію гимнастики» я къ сожалѣнію убѣдился, что и по этому вопросу королевское правительство употребило тѣ самыя средства, къ которымъ прибѣгало и въ прежнее время, именно что оно разрѣшило съ помощью регламента такой вопросъ, который слѣдовало разрѣшить законодательнымъ порядкомъ, посредствомъ столь долго ожидаемаго закона о народномъ образованіи.

«Точно также какъ въ 1854 году наши народныя школы преобразованы посредствомъ регулятивовъ, какъ въ 1856 гимназіямъ данъ новый уставъ вслѣдствіе министерской инструкціи, какъ наконецъ тѣмъ же способомъ преобразованы въ октябрѣ 1859 года наши реальныя школы, — такъ и теперь даютъ намъ регламентъ, которымъ разрѣшается вопросъ о гимнастикѣ.

«Нельзя глубоко не сожалѣть объ этомъ. Я не хочу изъ этого выводить заключенія, что намъ еще долго придется ожидать внесенія въ палаты закона объ образованіи. Я бы желалъ лучше утѣшаться надеждою, что обѣщанія неоднократно повторенныя въ этой палатѣ бывшимъ министромъ, будутъ въ скоромъ времени исполнены его преемникомъ. Но все таки весьма жаль, что королевское правительство преждевременно рѣшаетъ такіе вопросы, которые могутъ быть окончательно разрѣшены не иначе какъ только посредствомъ закона.

«Теперь обращаюсь къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, высказаннымъ г. министромъ. Медленность развитія гимнастическаго обученія послѣ изданія указа 1842 года г. министръ объясняетъ то недостаткомъ учителей, то недостаткомъ денежныхъ средствъ. Я напротивъ того полагаю, что причина этой медленности кроется гораздо глубже. Я

вовсе не хочу соединять вопросъ о гимнастикѣ съ политикою; этого также не хотятъ и сами гимнасты. Однако, очевидно, не вслѣдствіе какой либо случайности происходитъ то, что успѣхъ или упадокъ гимнастики постоянно находится въ самой тѣсной зависимости отъ успѣха или упадка нашихъ національныхъ надеждъ и стремленій.

«По этому гимнастика не могла сдѣлать быстрыхъ успѣховъ съ 1842 года; она начала особенно быстро развиваться только въ новѣйшее время, когда идея народности стала снова проникать въ массы народонаселенія и когда мы увидѣли себя наканунѣ войны. Тогда только пробудилось чувство національности, тогда оживились и наполнились гимнастическіе плацы, тогда возникли гимнастическія общества, которыхъ число возросло нынѣ до 500 или 600, и тогда начали думать объ общей организаціи нѣмецкой гимнастики. Что этотъ національный порывъ въ нынѣшнемъ случаѣ не прекратится и не ослабѣетъ, какъ это къ сожалѣнію не рѣдко случалось, — доказательствомъ тому служитъ движеніе, какое проявилось во всей націи по поводу вопроса о войскѣ. Когда съ одной стороны правительство, требуя во время мира увеличенія срока военной службы, высказываетъ недовѣріе къ врожденной воинственности нашей націи, когда оно старается развить въ войскѣ духъ касты и, повидимому, одному только сословію, стремящемуся отдѣлиться отъ народа, приписываетъ военныя способности, — то очень естественно, что съ другой стороны прусское юношество ищетъ случая доказать, что оно не измѣнило качествамъ и заслугамъ своихъ отцовъ и желаетъ выказать свой патріотизмъ, свое чувство собственной силы, свою способность къ патріотическимъ подвигамъ на гимнастическихъ плацахъ. Въ этомъ-то я нахожу причину, почему наша гимнастика снова возбуждаетъ къ себѣ живѣйшія симпатіи нашей націи и буду считать весьма грустнымъ и достойнымъ сожалѣнія, если принимаемыя нынѣ королевскимъ правительствомъ мѣры успѣютъ подавить эти симпатіи.

«Я опасаюсь, что королевское правительство нынѣ избрало именно этотъ путь; изъ всего того, что я до сихъ поръ читалъ и слышалъ, я не могу убѣдиться, чтобы центральное гимнастическое заведеніе было въ состояніи дать гимнастикѣ свободу развитія и могло поддержать ту оживленную дѣятельность, какую сообщили ей свободныя гимнастическія общества. Я позволю себѣ прочитать вамъ здѣсь нѣсколько словъ изъ одного замѣчательнаго документа, изъ котораго къ счастію, видно, что многіе гражданскіе учители, получив-

шіе гимнастическое образованіе въ здѣшнемъ центральномъ заведеніи, возвратившись въ свои школы или семинаріи, тотчасъ оставляютъ здѣшнюю методу и возвращаются къ нѣмецкой Эйзеленъ-Яновой гимнастической методѣ. Вотъ что говоритъ въ своей программѣ учитель гимнастики въ бреславской гимназіи Конигъ, который, по собственнымъ его словамъ, окончилъ полный 9-ти мѣсячный курсъ гимнастики въ здѣшнемъ заведеніи:

> «Мы (я и мои товарищи) прошли весь курсъ гимнастики въ «берлинскомъ центральномъ заведеніи и выучились тамъ мно-«гому полезному для цѣлесообразнаго производства упражненій; «впрочемъ посѣщеніе этого заведенія привело насъ къ полному «сознанію о превосходствѣ Эйзеленъ-Яновой системы».

«Если такія послѣдствія происходятъ отъ обученія въ центральномъ заведеніи, то я полагаю что 8,000 талеровъ, ежегодно отпускаемыя на это заведеніе, и 9,000, которые теперь имѣется въ виду назначить на его распространеніе, можно считать деньгами совершенно напрасно истраченными.

«Читая со вниманіемъ предлагаемое министерствомъ «Руководство», нельзя не придти къ убѣжденію, что оно имѣетъ главнымъ образомъ въ виду приготовить рекрутъ, а не гимнастовъ. Это весьма достойно сожалѣнія. Наша нѣмецкая педагогика, по моему мнѣнію, имѣетъ одно существенное достоинство: она стремится къ достиженію идеальной цѣли и не ограничивается однимъ непосредственно полезнымъ. Мы посылаемъ дѣтей нашихъ въ гимназіи и школы не для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать медиковъ или юристовъ, но чтобы развить въ нихъ все истинно человѣческое, обогатить ихъ умъ знаніями, облагородить сердце и укрѣпить волю. Только при этомъ условіи выходятъ люди истинно дѣльные и приготовленные ко всякому спеціальному призванію. Тоже требуется отъ гимнастики. Свѣжія, свободныя, веселыя упражненія гимнастовъ приносятъ огромную пользу для военной службы; но цѣль гимнастики никакъ не должна ограничиваться приготовленіемъ будущихъ солдатъ. Мы не должны упускать изъ виду идеальнаго значенія гимнастики и намъ никакъ не слѣдуетъ унижать ее до того, чтобы видѣть въ ней одну обыденную полезность.

«Наконецъ я долженъ разсказать вамъ тѣ впечатлѣнія, какія случилось мнѣ недавно испытать самому. Я былъ недавно свидѣтелемъ самаго оживленнаго движенія, какое проявилось во всѣхъ классахъ народонаселенія древней столицы, когда въ нее торжественно

вступало общество гимнастовъ. Улицы и зданія были великолѣпно украшены; все народонаселеніе радостно встрѣтило дорогихъ гостей; даже неблагопріятная погода не могла воспрепятствовать жителямъ присутствовать при упражненіяхъ гимнастовъ. Мнѣ приходитъ на память также другой великій праздникъ, годъ тому назадъ происходившій въ этомъ городѣ. Это былъ народный праздникъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ покрайней мѣрѣ на короткое время поднялъ и выдвинулъ народонаселеніе изъ узкой рамки ежедневной жизни, согрѣлъ его нагляднымъ представленіемъ національной мысли и привелъ его къ сознанію, что и оно принадлежитъ къ сильной и полной жизни національности, что и оно по праву занимаетъ почетное мѣсто въ одномъ общемъ великомъ цѣломъ. Если шведская или ротштейнова гимнастика когда либо будетъ въ состояніи вызвать подобное народное празднество, если она съумѣетъ проникнуть въ глубочайшіе слои народонаселенія,— то мы охотно станемъ жертвовать для нея средства, которыхъ отъ насъ нынѣ требуютъ, тогда мы пожертвуемъ для нея болѣе чѣмъ отъ насъ требуютъ. Но прежде мы должны подождать пока она произведетъ такія послѣдствія. Между тѣмъ нѣмецкая гимнастика уже произвела ихъ. По этому будемъ стоять за нѣмецкую гимнастику!» (Громогласная рукоплесканія)».

Послѣ этой рѣчи депутата Техова, д-ръ Вирховъ сказалъ еще нѣсколько словъ въ отвѣтъ на объясненія министра фонъ-Мюлера.

«Г. министръ не признаетъ правильною ту часть интерпелляціи, въ которой я утверждаю, что дѣйствія королевскаго правительства явно направлены во вредъ нѣмецкой гимнастикѣ. Но правительство слѣдуетъ системѣ г. Ротштейна, который вотъ что говоритъ о нѣмецкой системѣ: «нѣмецкая система лишена всякаго объективнаго содержанія и послѣдствія ея до такой степени вредны, что нравственная необходимость заставляетъ ее притѣснять». Если такого мнѣнія явно придерживается начальникъ центральнаго заведенія, то не вправѣ ли я думать, что правительство намѣрено притѣснять нѣмецкую гимнастику?

«Далѣе г. министръ утверждаетъ будто вопросъ мой: намѣренъ ли министръ принуждать общины слѣдовать началамъ изложеннымъ въ руководствѣ? — неправильно формулированъ. Но это именно обстоятельство и заставило меня представить интерпелляцію. Я состою членомъ гимнастической кураторіи этого города; кураторія учреждена городскимъ начальствомъ съ тѣмъ, чтобы организировать

обученіе гимнастикѣ въ обширныхъ размѣрахъ, чтобы ввести его не только въ отдѣльныхъ народныхъ школахъ и гимназіяхъ, но также завести большія гимнастическія учрежденія, въ которыхъ могли бы упражняться вмѣстѣ ученики многихъ школъ. Въ нашихъ общинныхъ школахъ теперь принята нѣмецкая система. Если бы королевское правительство желало поступать безпристрастно, то оно тутъ имѣло бы прекрасный случай убѣдиться на опытѣ въ какой степени нѣмецкая гимнастика можетъ быть полезна для народныхъ школъ. И если бы намъ удалось основать большое гимнастическое учрежденіе, сосредоточить въ немъ нѣсколько школъ и организировать гимнастическое обученіе по одному общему плану, то этимъ, я полагаю, положено было бы драгоцѣнное основаніе для всякихъ дальнѣйшихъ усовершенствованій. Но именно въ настоящее время, когда мы начали приводить въ исполненіе нашу мысль, мысль совершенно чуждую какихъ бы то ни было политическихъ стремленій, — мысль эта подвергается интердикту. Неужели я выразился неправильно, утверждая, что тутъ дѣлается принужденіе общинамъ, принужденіе въ полномъ смыслѣ слова? Мы могли во всякомъ случаѣ ожидать подобнаго принужденія только со стороны закона объ общественномъ образованіи; между тѣмъ принужденіе намъ дѣлается посредствомъ простаго регламента, который основывается на упорствѣ одного человѣка.

«Г. министръ намъ говоритъ что его система — *прусская система*. Она можетъ быть дѣйствительно названа прусскою, но только въ такомъ случаѣ, если позволяется создать прусскую систему одному какому нибудь прусскому чиновнику, если ему дозволяется задерживать все народное движеніе и отрицать требованія настоящаго времени, основанныя на 50 лѣтнемъ историческомъ развитіи. Это также принужденіе и притомъ не только принужденіе причиняемое духу времени, но также принужденіе непосредственно сдерживающее стремленіе общинъ. Мы смотримъ на школы какъ на *наши школы*, а не школы государственныя, потому что мы сами даемъ деньги на ихъ содержаніе и имѣемъ за ними общій надзоръ. Мы здѣсь въ Берлинѣ въ отношеніи школьныхъ регулятивовъ менѣе ограничены и стѣснены чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; намъ дозволено выходить за ихъ предѣлы. Я бы очень желалъ, чтобы г. министръ объявилъ что и въ отношеніи гимнастики онъ не желаетъ принуждать общинъ принять непремѣнно правительственную систему и позволяетъ имъ слѣдовать по избранному ими пути и такимъ образомъ про-

должать дѣлать необходимые опыты. Это, по моему убѣжденію, былъ бы самый правильный путь, слѣдуя которому можно было бы приготовить практическіе и основанные на опытѣ матеріалы для будущаго законодательства».

Этимъ собственно окончились прошедшимъ лѣтомъ въ прусской палатѣ представителей пренія по поводу гимнастики въ народныхъ школахъ. *(Rheinische-Blätter).*

АНГЛІЯ.

Лекціи о воскресныхъ школахъ и о преподаваніи въ нихъ. 7-го октября (н. с.) въ College for sunday school teachers начались педагогическія лекціи по слѣдующей программѣ:

Лекція 1-я. *7-го октября.* Воскресная школа; ея прошедшее, настоящее и будущее. Задача учителя и педагогическія способности, необходимыя для обезпеченія успѣха ученія. Развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей дѣтей въ воскресной школѣ.

Лекція 2-я, *21-го октября.* Характеристика дѣтей, разсматриваемая въ отношеніи вліянія на нихъ праздничной школы; практическіе совѣты молодымъ учителямъ; черты этой характеристики, требующія бо́льшаго развитія. Потребность дѣятельности; удовлетвореніе ея и злоупотребленіе ею. Любознательность; ея значеніе и важность. Расположеніе дѣтей къ ученію; сила и значеніе этого расположенія. Быстрота, съ которою образуются привычки.

Лекція 3-я, *4-го ноября.* Характеристика дѣтства (продолженіе); черты ея, которыя слѣдуетъ принимать въ соображеніе. Любовь дѣтей къ похваламъ; правила для ея поддержанія и сдерживанія. Невнимательность. Правила для развитія вниманія и памяти.

Лекція 4-я, *18-го ноября.* Двойной трудъ учителя воскресной школы: трудъ образованія и воспитанія. Различіе между тѣмъ и другимъ и что можетъ способствовать къ достиженію цѣли воскресной школы. Примѣры неудачъ въ этомъ отношеніи со стороны учителей. Практическіе совѣты и правила для молодого учителя.

Лекція 5-я, *2-го декабря.* Предметы обученія, способствующіе къ нравственному и умственному развитію дѣтей. Различіе между ними и средства къ достиженію цѣли. Нравственное образованіе; его мѣсто и значеніе. Способы развитія нравственныхъ идей. Наглядное обученіе; гдѣ его слѣдуетъ употреблять. Различные способы нагляднаго обученія.

Лекція 6-я, *16-го декабря.* Продолженіе тѣхъ же предметовъ.

Параболическое обученіе (parabolic teaching); его значеніе; къ какому возрасту болѣе всего оно примѣнимо. Способы составленія параболъ. Доктрины; ихъ значеніе и мѣсто. Примѣненіе доктринъ.

Лекція 7-я, *6-го января 1863.* Важность расширенія предметовъ обученія сообразно съ возрастомъ учащихся. Поясненія, заимствованныя изъ «*Union Lessons*».

Лекція 8-я, *20-го января.* Различные методы религіознаго обученія. Важность взгляда на дѣтей, какъ на активныхъ, а не пассивно-воспринимающихъ слушателей. Поясненія различныхъ методъ съ примѣрами изъ *Union Lessons.* Достоинство различныхъ, испытанныхъ на дѣлѣ методъ.

Лекція 9-я, *3-го февраля.* Важность тщательнаго приготовленія учителемъ предстоящаго урока. Вспомогательныя средства къ приготовленію. Надлежащее употребленіе записокъ «*Union Notes*». Поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этихъ записокъ.

Лекція 10-я, *17-го февраля.* Объ умѣньи задавать вопросы. Достоинство и польза хорошихъ вопросовъ. Различные роды вопросовъ. Испытанное на дѣлѣ достоинство каждаго изъ этихъ родовъ. Правила для составленія вопросовъ. Примѣры примѣненія спрошенныхъ уроковъ.

Лекція 11-я, *3-го марта.* Объ управленіи дѣтьми вообще и воскресной школой въ особенности. Различные способы управленія; какой изъ нихъ лучше всего соотвѣтствуетъ разнымъ возрастамъ дѣтей и разнымъ характерамъ.

Лекція 12-я, *17-го марта.* О наградахъ и наказаніяхъ вообще и въ воскресныхъ школахъ въ особенности. Употребленіе и злоупотребленіе наградъ. Неудовлетворительное свойство наказаній. Необходимость и важность строгой разборчивости въ наградахъ и наказаніяхъ.

Лекція 13-я, *31-го марта.* Учитель внѣ школы. Какимъ образомъ онъ можетъ производить хорошее вліяніе на своихъ учениковъ. Связь между школой и родительскимъ домомъ. Средства, содѣйствующія вліянію родителей на дѣтей, въ домахъ.

Лекція 14-я, *14-го апрѣля.* Недостатки воскресныхъ школъ. Средства ихъ устраненія. Успѣхъ старшихъ классовъ; ощутительная потребность большихъ усилій для того, чтобы сдѣлать школу разсадникомъ нравственности и благочестія. Средства къ достиженію этой цѣли. Общее обозрѣніе предъидущихъ лекцій. (*The Union Magazine for Sunday school teachers*).

Рѣчь лорда Пальмерстона въ годовщину открытія учительской семинаріи въ Винчестерѣ. Празднество это, какъ и всѣ вообще болѣе или менѣе торжественные случаи и публичныя собранія въ Англіи, сопровождалось рѣчами и тостами. При настоящемъ случаѣ много было говорено о необходимости образованія. Между прочими лордъ Пальмерстонъ произнесъ весьма краснорѣчивую рѣчь, содержаніе которой мы сообщаемъ здѣсь читателямъ, считая достойнымъ вниманія взглядъ знаменитаго государственнаго человѣка на учительскія семинаріи и на народную школу. Сказавъ нѣсколько словъ, касавшихся собственно празднества и предшествовавшихъ рѣчей, произнесенныхъ нѣкоторыми членами собранія, лордъ Пальмерстонъ продолжалъ: «Нѣтъ никакой возможности вполнѣ оцѣнить тѣ выгоды, которыя наша нація извлекаетъ изъ распространенія образованія. Высшія сословія во всѣ времена имѣли возможность получить образованіе, но намъ извѣстно, что не во власти болѣе скромной и низшей среды всего нашего общества было разработывать, безъ посторонней помощи, тѣ таланты, которыми ихъ надѣляла природа и пріобрѣтать свѣденія, необходимыя на поприщѣ жизни. Нельзя, однакоже, не обратить вниманія на огромную разницу между настоящимъ и давно-минувшимъ временемъ. У насъ теперь есть люди, способнѣйшіе и замѣчательные въ сферѣ науки, литературы и вообще въ каждой отрасли знанія, возвышающаго достоинство человѣческой натуры; но превосходнѣе этихъ людей, или даже равныхъ имъ, вы не найдете въ прежнихъ періодахъ нашей исторіи. Правда, въ тѣ періоды, хотя и являлись яркіе свѣтильники, выступавшіе впередъ и распространявшіе свой свѣтъ надъ цѣлымъ міромъ, но все, стоявшее ниже ихъ, находилось въ глубокомъ мракѣ. Огромный успѣхъ новѣйшаго времени состоитъ въ распространеніи просвѣщенія. Со свѣтомъ приходитъ теплота, съ теплотой — животворящая сила, которая сообщаетъ одушевленіе цѣлой массѣ народа и которая доставляетъ этой массѣ возможность стоять выше всѣхъ другихъ націй на земномъ шарѣ. Съ другой стороны образованіе не можетъ быть съ пользою распространяемо въ народѣ безъ учителей или наставниковъ, — а потому въ новѣйшія времена сдѣлано еще одно весьма важное пріобрѣтеніе въ сферѣ усовершенствованій — это искусство сообщать другимъ необходимыя знанія. Чѣмъ больше учитель знакомъ съ этимъ искусствомъ въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніяхъ, тѣмъ больше онъ приготовитъ образованныхъ учениковъ. Искус-

ство это пріобрѣтается только въ заведеніяхъ подобныхъ тому, основаніе котораго сегодня мы празднуемъ. Есть много людей, убѣжденныхъ, что низшимъ сословіямъ не слѣдуетъ давать слишкомъ обширнаго образованія, — не слѣдуетъ знакомить ихъ съ такими предметами въ области знанія, которые могутъ поселить въ нихъ недовольство своимъ положеніемъ и сдѣлаютъ не такими полезными членами общества, какими были бы они, получивъ болѣе скромное образованіе. Я съ своей стороны допускаю, что если въ этомъ есть недостатокъ, то его слѣдуетъ приписать нѣкоторымъ системамъ образованія, по которымъ стараются обучать низшія сословія предметамъ, едва ли примѣнимымъ съ пользою въ ихъ скромномъ быту. Послѣднія распоряженія тайнаго совѣта по народному образованію клонятся къ тому, чтобы какъ можно болѣе усилить обученіе чтенію, письму и ариѳметикѣ, предметамъ, которые считаются иными слишкомъ элементарными, но которые, при всемъ томъ, служатъ главными основаніями для всякаго знанія. Если молодой человѣкъ не умѣетъ читать, то онъ не можетъ пріобрѣсть никакихъ необходимыхъ ему свѣденій; если онъ не умѣетъ писать, онъ не можетъ имѣть тѣхъ сношеній, которыя для него необходимы; если онъ не силенъ въ ариѳметикѣ, то его легко обманетъ всякій другой, лучше его знакомый съ этимъ предметомъ. Когда мы припомнимъ возрастъ, въ которомъ дѣти поступаютъ въ сельскія школы и возрастъ, въ которомъ берутъ ихъ изъ школы, чтобы поручить имъ смотрѣть за стадами или помогать въ полевыхъ работахъ, мы увидимъ, что число лѣтъ, посвящаемое ими ученію такъ незначительно и возрастъ, на которомъ они отрываются отъ ученія, такой ранній, что нѣтъ никакой возможности научиться многому, такъ что изъ десяти, быть-можетъ, только одинъ пріобрѣтаетъ достаточныя познанія. Пусть каждый изъ присутствующихъ вспомнитъ о своихъ собственныхъ учебныхъ занятіяхъ и припомнитъ, что онъ выучилъ на 14-мъ или 15-мъ году своего возраста; пусть онъ представитъ себѣ, что его образованіе вдругъ было прервано, и если онъ занялся какимъ нибудь ремесломъ, не научившись почти ничему или научившись всему понемножку, пусть онъ припомнитъ чѣмъ онъ былъ тогда, и что онъ теперь, — и, право, онъ ясно пойметъ, что если рабочіе въ теченіе того періода, когда посѣщеніе школы для нихъ доступно, изучатъ элементарные предметы, полезные имъ на всю жизнь, имъ будетъ слишкомъ мало времени для пріобрѣтенія болѣе обширныхъ познаній, а если они

вздумаютъ пріобрѣсть и тѣ и другія, то не выучатся ничему и только безвозвратно потеряютъ школьное время. Поэтому я думаю, что цѣль нашего настоящаго собранія очень тѣсно связана съ интересами страны. По мѣрѣ пріобрѣтенія низшими сословіями научныхъ свѣденій, они будутъ лучше выполнять всѣ тѣ обязанности, которыя принадлежатъ къ ихъ призванію въ жизни; по мѣрѣ того, какъ каждый человѣкъ въ государствѣ будетъ хорошо дѣлать то, что предназначитъ ему провидѣніе, самая нація будетъ процвѣтать и съ полнымъ правомъ занимать высокое мѣсто между націями цѣлаго міра».

нальной статьи или книги; краткое указаніе на заслуживающія по чему либо вниманіе произведенія литературы; замѣтки по поводу разныхъ научныхъ и литературныхъ вопросовъ.

4. Разныя извѣстія и смѣсь: очерки, мелкія происшествія, выдержки изъ путешествій; открытія въ области наукъ и искусствъ; замѣтки по хозяйству, народному здравію, экономіи и т. под.

«Современный Листокъ» будетъ выходить по воскресеньямъ, въ объемѣ отъ одного до полутора листовъ убористой печати; въ 4-ю долю листа.

Годовая цѣна: 2 рубля 50 коп.; съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ 3 руб., съ пересылкою въ другіе города 4 рубля.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ, въ конторѣ газеты при книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, близъ Казанскаго моста, и въ редакціи на Вас. Остр., по 8-й линіи, въ домѣ подъ № 47. Въ Москвѣ, въ конторѣ газеты при книжномъ магазинѣ Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго. Гг. иногородные благоволятъ надписывать свои требованія такъ: «Въ С. Петербургъ, въ редакцію газеты Современный Листокъ»; или такъ: «Въ С. Петербургъ, въ редакцію духовнаго журнала Странникъ.» (Наша газета будетъ печататься въ типографіи этого журнала). **Ред. Поповицкій.**

Народный журналъ «Мірской Вѣстникъ» въ 1863 году.

Журналъ «Мірской Вѣстникъ» будетъ издаваться, съ января 1863 года, ежемѣсячно книжками, отъ 96 до 112 страницъ въ каждой. Въ 12-ти книжкахъ будетъ помѣщено отъ 30 до 40 и болѣе рисунковъ, исполненныхъ лучшими художниками.

Журналъ «Мірской Вѣстникъ» будетъ издаваться по нижеслѣдующей программѣ: Отдѣлъ I. Правительственныя распоряженія и разъясненіе законоположеній, относящихся до интересовъ податныхъ сословій. Въ особомъ обозрѣніи будутъ помѣщаемы извѣстія о дѣятельности волостныхъ и другихъ старшинъ, которые въ средѣ сельскаго и городскаго управленія,—при дарованныхъ крестьянамъ правахъ,—приносятъ уже несомнѣнную пользу. Въ этомъ же отдѣлѣ будутъ помѣщаемы извѣстія о замѣчательныхъ рѣшеніяхъ волостныхъ сходовъ и волостныхъ судовъ, а также вѣсти изъ разныхъ губерній

Россіи о нуждахъ и выгодахъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и проч.

Отдѣлъ II. Объясненіе важнѣйшихъ догматовъ вѣры, на основаніи ученія православной церкви; разсказы изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта; житія святыхъ православной церкви; объясненіе значенія и причинъ установленія главнѣйшихъ церковныхъ праздниковъ; бесѣды и поученія о христіанскихъ обязанностяхъ; примѣры благочестія въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, и вообще всѣ статьи, имѣющія назначеніемъ содѣйствовать религіозно-нравственному развитію человѣка.

Отдѣлъ III. а. Историческіе разсказы и жизнеописанія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, преимущественно вышедшихъ изъ среды народа.

б. Сельское хозяйство, торговля, промыслы и ремесла, а также практическія и научныя свѣденія о всемъ необходимомъ для расширенія круга полезной дѣятельности крестьянъ.

в. Народное здравіе: распространеніе въ народѣ основательныхъ понятій о томъ, какъ сохранять здоровье, предупреждать развитіе болѣзней, какъ при несчастныхъ случаяхъ подавать разумную помощь, и какъ поступать въ случаяхъ опасныхъ и при появленіи повальныхъ болѣзней.

г. Объясненіе замѣчательныхъ явленій природы.

Отдѣлъ IV. Повѣсти, разсказы и стихотворенія.

Отдѣлъ V. *Смѣсь.* Замѣчательные случаи изъ народной жизни; новѣйшія открытія и изобрѣтенія; извѣстія о народныхъ школахъ и о вновь изданныхъ книгахъ для народа, и проч.

Въ концѣ журнала будутъ помѣщаемы частныя объявленія, на общемъ правѣ всѣхъ періодическихъ изданій.

Условія подписки на журналъ «Мірской Вѣстникъ:» *Цѣна* годовому изданію журнала: «Мірской Вѣстникъ» *три* рубля съ доставкою, какъ иногороднымъ подписчикамъ, такъ и въ С. Петербургѣ на домъ. *Желающіе получать* въ *1863* году журналъ «Мірской Вѣстникъ» посылаютъ свои требованія въ главную контору редакціи сего журнала, находящуюся въ С. Петербургѣ, по Вознесенскому проспекту, близъ Дворца Ея Высочества Маріи Николаевны, въ домѣ Блюммера № 16.

Подписка на журналъ «Мірской Вѣстникъ» принимается также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ; въ газетныхъ экспе-

диціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ, а также во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ, гдѣ допущена подписка на журналы. За исправность доставки журнала редакція отвѣтствуетъ только передъ тѣми подписчиками, которые обратятся съ требованіями прямо отъ себя въ главную контору журнала «Мірской Вѣстникъ».

Безплатныя приложенія къ журналу «Мірской Вѣстникъ.» Подписавшіеся на «Мірской Вѣстникъ» получатъ въ продолженіи года *безплатно* 6 точныхъ, хромолитографированныхъ въ два тона, снимковъ съ древнихъ иконъ, особенно чтимыхъ каждымъ православнымъ, а именно: 1). Св. Николая, снимокъ съ чудотворной иконы святителя (находящейся въ Новгородѣ въ Николаевскомъ Дворищскомъ соборѣ). Святая икона сія извѣстна съ 1113 года. Она явилась при вел. кн. Мстиславѣ Владиміровичѣ, внукѣ великаго князя Владиміра. 2) Снимокъ съ древней чудотворной иконы Спасителя, находящейся на Спасскихъ вратахъ Кремля. 3) Снимокъ съ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. 4) Св. Сергій Радонежскій. 5) Снимокъ съ чудотворной иконы Тихвинской Божіей Матери. 6) Снимокъ съ чудотворной иконы Иверской Божіей Матери (находящейся въ Москвѣ у Кремля.)

Исполненіе означенныхъ рисунковъ принялъ на себя *В. Прохоровъ*, издатель журнала «*Христіанскія древности и Археологія*». При рисункахъ будутъ приложены необходимыя, подробныя объясненія.

Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, сочувствующихъ благой цѣли журнала для народа, присылать свои статьи или хотя краткія замѣтки, соотвѣтствующія программѣ журнала. *Вознагражденіе за статьи*, помѣщенныя въ журналѣ, предлагается сравнительно въ такомъ же размѣрѣ, какъ установлено въ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ. Письма и статьи можно адресовать въ С. Петербургъ, на имя Редактора журнала «Мірской Вѣстникъ» Генералъ-Маіора Александра Ѳедоровича Гейрота.

Редакторъ журнала «Мірской Вѣстникъ», съ Высочайшаго соизволенія, издаетъ также и журналъ «Чтеніе для Солдатъ», вступающій нынѣ въ шестнадцатый годъ своего существованія; такъ какъ оба эти журнала въ основаніи своемъ имѣютъ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному развитію въ народѣ вообще, то и статьи духовно-нравственнаго отдѣла и нѣкоторыя повѣсти, разсказы и стихотворенія, имѣющіе общій интересъ, предназначаются для помѣщенія въ обоихъ журналахъ.

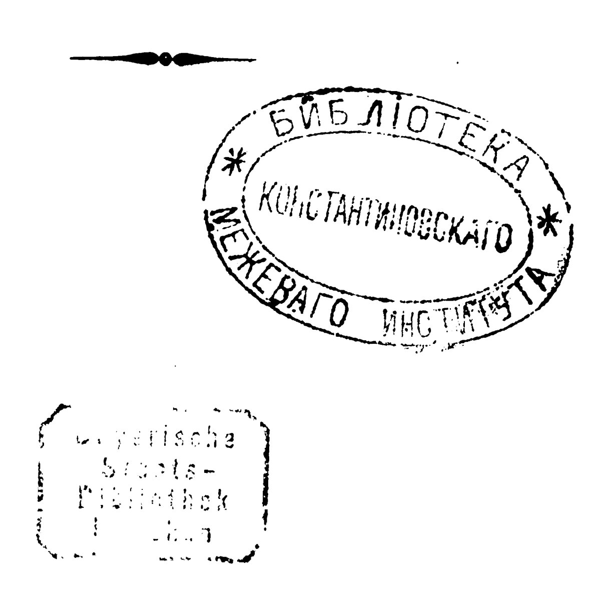
На дняхъ вышло въ свѣтъ изданіе г. Шарловскаго.

Первоначальное обученіе письму и чтенію по новому способу. Это изданіе состоитъ изъ двухъ книжекъ. Первая (для учителей) содержитъ: I) Критическій взглядъ на обученіе грамотѣ; II) *Наставленіе для учителя*: a) о начаткахъ ученія; b) о черченіи и письмѣ; c) о наглядномъ обученіи; d) объ ученіи чтенію посредствомъ письма.

Во второй книжкѣ (для учениковъ), кромѣ текста для чтенія— мелкихъ статей въ прозѣ и стихахъ, литографированные образцы для письма.

Цѣна: первой 20, второй 30 коп.; продаются въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Кожанчикова, Исакова, Вольфа, Сеньковскаго и другихъ. Желающіе пріобрѣсть за разъ не менѣе 40 экз. могутъ обращаться и къ самому издателю (у Кокушкина моста домъ Куманиной № 16, кварт. 52) и пользуются значительною уступкую.

На пересылку отъ 1 до 5 экз. плотится за 1 фунтъ.

нала. При этомъ предоставляется авторамъ заблаговременно увѣдомить редакцію: желаютъ-ли они, чтобы ихъ труды были напечатаны безъ всякаго измѣненія, или-же дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, какія редакція сочтетъ необходимыми.

4. Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція выдаетъ:

а) за статьи оригинальныя отъ 50 до 100 руб. сер. за печатный листъ.

б) за компиляціи и статьи составныя отъ 20 до 50 руб. сер.

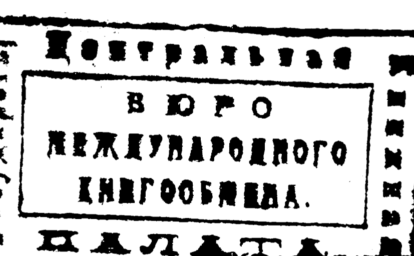
в) за переводныя статьи отъ 15 до 25 руб. сер.

Примѣчаніе. За особенно замѣчательныя оригинальныя статьи можетъ быть назначена плата и болѣе 100 руб. сер. за печатный листъ.

5. Размѣръ вознагражденія окончательно опредѣляется, по представленію редакціи, ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала съ приложеніями, *двѣнадцать рублей* безъ пересылки или доставки и *тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ* съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается въ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія у Пяти угловъ въ домѣ Буренина, въ Газетной Экспедиціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

(Вышла 5-го Января).